

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Ассоциация российских географов-обществоведов
Кубанский государственный университет
Адыгейский государственный университет
Центр русского географического общества в Сербии
Российская экологическая академия

**МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ПРИОРИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**METAMORPHOSES OF MODERN RUSSIAN SPACE:
PRIORITIES OF HUMAN-GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

Материалы Международной научной конференции
(XV научная Ассамблея АРГО)

(29 сентября – 8 октября 2024 г., Краснодар)

Том I

Краснодар
2024

УДК 338.2:32:911(470)
ББК 65.04:66.092:26.89(2Рос)
М 54

Ответственный редактор:
А.Г. Дружинин

Редакционная коллегия:
*М.Ю. Беликов, В.В. Анисимова, М.А. Величко, Т.А. Волкова, Ю.И. Карпова,
Н.А. Комаревцева, А.В. Коновалова, А.В. Мамонова, В.В. Миненкова,
Т.Ю. Сапожникова, А.А. Филобок, М.А. Филобок, М.Ф. Ходыкина*

М 54 Метаморфозы современного российского пространства: приоритеты общественно-географического анализа (XV научная Ассамблея АРГО) (29 сентября – 8 октября 2024 г., Краснодар): материалы Международной научной конференции / ответственный редактор А.Г. Дружинин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – Т. 1. – 409 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2448-4

ISBN 978-5-8209-2449-1 (т. 1)

Сборник содержит материалы Международной научной конференции «Метаморфозы современного российского пространства: приоритеты общественно-географического анализа», состоявшейся в Кубанском государственном университете 29 сентября – 8 октября 2024 г. в рамках XV научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). В сборнике представлены результаты научных исследований, посвященных теоретическим, методическим и прикладным вопросам общественной географии, актуальной геополитической тематике, культурно-географическим и туристско-рекреационным проблемам развития территорий.

Адресуется научным работникам, сотрудникам органов государственной и муниципальной власти, преподавателям вузов, аспирантам и студентам.

The collection contains materials from the International Scientific Conference “Metamorphoses of modern Russian space: priorities of socio-geographical analysis”, held at Kuban State University on September 29 – October 8, 2024 within the framework of the XV Scientific Assembly of the Association of Russian Social Geographers (ARGO).

The collection presents the results of scientific research on theoretical, methodological, applied issues of social geography, geopolitical aspects, cultural-geographical and tourist-recreational problems of territorial development. Addressed to researchers, employees of state and municipal authorities, university teachers, graduate students and students.

УДК 338.2:32:911(470)
ББК 65.04:66.092:26.89(2Рос)

ISBN 978-5-8209-2448-8
ISBN 978-5-8209-2449-1 (т. 1)

© Кубанский государственный университет, 2024
© Ассоциация российских географов-обществоведов, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ежегодное проведение Ассамблей Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) за полтора десятилетия (с 2010 г.) стало нормой, хорошей, продуктивной традицией, фактически, ключевым и наиболее представительным (по спектру рассматриваемой тематики, а также числу и географии участников) научным мероприятием общественно-географического профиля на территории Российской Федерации.

Данное издание объединяет материалы Международной научной конференции ««Метаморфозы современного российского пространства: приоритеты общественно-географического анализа», состоявшейся в Кубанском государственном университете 29 сентября – 8 октября 2024 г. в рамках XV научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО).

Юг России – один из ключевых и по многим значимым аспектам (демография и расселение, туризм, транспортная инфраструктура и логистика, агропромышленный комплекс) наиболее динамичных макрорегионов страны, с 2014 года инкорпорировавший в свой состав Республику Крым и г. Севастополь, а с 2022 – пополнившийся (в статусе новых субъектов Российской Федерации) Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, а также Запорожской и Херсонской областями. Важнейшим, наиболее крупным (как демографически, так и экономически) компонентом этой обширной, разнородной, по множеству направлений требующей приоритетного внимания к вопросам своего пространственного развития целостности все последние годы уверенно выступает Краснодарский край. Это обстоятельство предопределило основной тематический фокус Ассамблеи АРГО (а в её рамках и Международной научной конференции) – общественно географическое «юговедение», чему, в частности, посвящена специальная, «стартовая» для всей конференции панель пленарного заседания. Проблематика пространственной социально-экономической динамики Юга России, его отдельных территорий, далее детализировано рассматривается практически во всех семи тематических секциях.

Акцентируя внимание на приоритетной научно-содержательной повестке Ассамблеи, нельзя не констатировать также фактическую множественность исследований (и подготовленных на их основе научных докладов) по таким актуализированным для современной России аспектам как депопуляция населения и усилия по противодействию данной тенденции, динамика систем расселения (в том числе, крупных городских агломераций), развитие внутреннего туризма (справедливо рассматриваемого в качестве одного из драйверов пространственного развития). Широко представлены оценки особенностей и эффектов воздействия на российские территории глобальных геополитических и геоэкономических изменений. Весьма ценно участие в Ассамблее коллег из новых российских регионов; представляют значительный интерес первые попытки оценить воздействие на общественно-географическую динамику «фактора СВО».

Весьма позитивно можно оценить объединяемый данным сборником широкий спектр материалов научных докладов, посвящённых современным методам общественно-географического анализа, а также вопросам теории (к которым, что отрадно, демонстрируют интерес не только лидеры нашей науки, но и представители молодых её генераций).

Ценно, симптоматично, что в Краснодаре в сентябре-октябре 2025 года (как и всех последних Ассамблеях АРГО) усилиями Оргкомитета (огромная признательность кубанским коллегам!) удалось вновь организовать не только качественное внутрикорпоративное общение, но и выстроить междисциплинарный диалог (благодаря активному участию в работе конференции, других мероприятиях Ассамблеи) не только географов, но и экономистов, социологов, политологов, историков, философов.

Организованная на базе Кубанского государственного университета (при соучастии Адыгейского государственного университета) Ассамблея оказалась в целом, пожалуй, наиболее представительной за все последние 15 лет. Только в рамках Международной научной конференции свои доклады заявили более 250 участников, представляющих не только Барнаул, Белгород, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Калининград, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Курск, Кызыл, Луганск, Москву, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Тюмень, Улан-Удэ, Якутск, но и такие зарубежные государства как Азербайджан, Белоруссию, Казахстан, Китай, Республику Корея, Республику Сербскую (Босния и Герцеговина), Узбекистан.

Материалы сборника многоплановы, во многом информативны и содержательно интересны. Они в высокой степени репрезентуют спектр интересов и приоритетов российской общественной географии, её текущее состояние и в этом отношении, полагаю, окажутся весьма интересны для читателя.

*С уважением,
А.Г. Дружинин,*

Президент Ассоциации российских географов-обществоведов, доктор географических наук, профессор

**МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАНЕЛИ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
«ЮГ РОССИИ В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»**

УДК 911.375 (477.75)

Д.А. Вольхин, А.Б. Швеи, А.Н. Яковлев

**«ФАКТОР МОРЯ» В НИЗОВОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
РАЙОНИРОВАНИИ КРЫМСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. В работе анализируется процесс изучения социокультурных районов низового уровня, сформированных в приморских территориях Крыма под влиянием морского фактора. Отмечается роль морского фактора в появлении важной критериальной характеристики социокультурного района – стиля жизни. Рассматриваются характеристики населения приморских регионов, формирующих их социокультурное своеобразие. Выявлены факторы, лимитирующие формирование социокультурных районов в условиях повышенной территориальной готовности.

Ключевые слова: география, Крым, социокультурный район, стиль жизни, морская культура.

Одним из наименее исследованных аспектов формирования геокультурного пространства, является установление его наименьших территориальных единиц – низовых социокультурных районов.

В культурно-географическом регионоведении изучение районов низового (внутримуниципального) уровня чаще всего проводится по критериям их этнических и расселенческих характеристик. Природный фактор учитывается лишь в контексте местоположения территории. Вместе с тем, фактор приближенности территории к морю создаёт особый стиль жизни у жителей приморских городов и сёл.

Стиль жизни понимается как составная часть образа жизни, выраженную в способе организации жизненного пространства людей в местах их проживания, доминирующем способе деятельности, особенностях организации отдыха. Все перечисленные свойства составляют критериальную базу районирования стиля жизни. Приморские пространства следует рассматривать как территории «морской культуры» или морского стиля жизни. Понятие «морская культура» внедряется в общественные науки из арсенала современной культурологии [1].

Географическое изучение «морской культуры» на низовом уровне предполагает сочетанное исследование организации человеческой деятельности в морской и сухопутной частях побережья. Контактная зона суша-море создаёт интегральные районы морского стиля жизни. Территории «морской культуры» в Крыму широко изучены в морехозяйственном комплексе, туристско-

рекреационном использовании, приморском расселении. Выявление территорий с морским стилем жизни – новая задача для крымских географов.

«Фактор моря» в Крыму проявлен с разной интенсивностью, несмотря на то что 95 % территории полуострова удалены от морских берегов не более чем на 50 км, а в пятикилометровой приморской зоне проживает около 49 % всего населения региона. Территорию крымского региона по соотношению морского и сухопутного стилей жизни можно разделить на три группы низовых районов: *районы распространения морского стиля жизни, районы распространения сухопутного с элементами морского стилей жизни и районы преимущественно сухопутного стиля жизни*. В данной работе основное внимание уделено первой группе.

Делимитация районов морского стиля жизни в Крыму проведена с учетом сетки административных единиц низового уровня, а также ареалов морехозяйственной деятельности, которые, как правило, распространяются вглубь полуострова на расстояние до 3–5 км от морских берегов. Туристско-рекреационная деятельность – главный аттрактор «морской культуры» на полуострове, поэтому границы выделяемых районов морского стиля жизни во многом совпадают с рубежами рекреационных микрорайонов региона [2].

В пределах приморских территорий Крыма авторами выделены следующие районы морского стиля жизни:

– *Севастопольский*: охватывает городское ядро Севастополя, с представленностью всех видов морских занятий в хозяйстве, морской ориентированностью всех сфер жизни горожан и архитектурно-планировочной структуры города, выполняющего функцию главной военно-морской базы Черноморского флота РФ;

– *Балаклавский*: занимает собственно г. Балаклаву и слабоурбанизированную часть Севастополя к востоку от мыса Фиолент, с детерминированностью жизни населения Балаклавской бухтой, приморскими туристско-рекреационными функциями и рыболовством;

– *Качинский*: занимает территорию от микрорайона Любимовка до пос. Кача, морской стиль жизни связан с сезонной приморской рекреацией, воспринимается жителями как загородный пляж севастопольцев;

– *Ялтинский*: основные сферы жизни горожан, архитектурно-планировочная структура города обращены к морю благодаря многофункциональной приморской рекреации и туризму, характерны атрибуты элитарного морского стиля жизни, портовая компонента морской культуры ялтинцев практически исчезла;

– *Алуштинский городской*: основные сферы жизни горожан, архитектурно-планировочная структура города обращены к морю, главная доминанта – набережная, основной вид морских занятий – пляжная и оздоровительная рекреация;

– *Алуштинско-Судакский сельский*: сельские приморские территории городских округов Алушта и Судак, морской стиль жизни связан с сезонной,

чаще стихийной приморской рекреацией, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Судакский городской*: охватывает г. Судак и пос. Новый Свет, главная доминанта – набережная, основной вид морских занятий – пляжная и культурно-познавательная рекреация, морской стиль жизни носит резко сезонный характер;

– *Феодосийский городской*: территория г. Феодосия, с. Береговое и п. Приморский, морской стиль жизни сочетает приморскую рекреацию и морскую индустриальную культуру – порт и судостроение;

– *Феодосийский сельский*: сельские территории Городского округа Феодосия от п. Курортное до п. Орджоникидзе, морской стиль жизни связан с сезонной приморской рекреацией, природоохранной и научной деятельностью, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Керченский городской*: доминирует индустриальная морская культура, связанная с занятостью жителей портовой, судостроительной и рыбоперерабатывающей деятельностью;

– *Керченско-Азовский*: преимущественно сельские приморские территории северного сектора Керченского полуострова, морской стиль жизни связан с сезонной приморской рекреацией, и рыболовством, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Сакский городской*: морской стиль жизни связан с санаторно-курортными функциями;

– *Сакский сельский*: сельские приморские территории Сакского района от г. Саки до с. Витино, морской стиль жизни связан с сезонной стихийной купально-пляжной рекреацией, в отдельных пунктах появляются такие атрибуты морской культуры, как набережная, элитное жилье у моря, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Евпаторийский*: морской стиль жизни связан с санаторно-курортными (детская здравница) функциями города, приморская доминанта – набережная, индустриальная морская культура евпаторийцев практически исчезла;

– *Донузлавский*: приморские сельские территории Сакского и Черноморского районов, примыкающие к оз. Донузлав, морской стиль жизни связан с сезонной стихийной купально-пляжной рекреацией, промысловым и развлекательным рыболовством и морскими видами спортивного туризма, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Тарханкутский*: приморские сельские территории Черноморского района в пределах Тарханкутского полуострова, морской стиль жизни связан с сезонной стихийной приморской рекреацией и морскими видами спортивного туризма, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает;

– *Бакальский*: приморские сельские территории Раздольненского района от с. Стерегущее до с. Портовое, примыкающие к Бакальской косе, морской стиль жизни связан с сезонной стихийной слабо развитой купально-пляжной рекреацией, в осенне-зимний период «морская жизнь» замирает.

Для территорий с морским стилем жизни в Крыму существуют потенциальные ограничители. Их появление объясняется особенностями

современной террористической деятельности против Крыма, ведущейся со стороны Украины. С октября 2022 г. в большинстве приморских районов Крыма введён бессрочный высокий и средний уровни террористической угрозы [3]. Закрыто пассажирское авиасообщение в Крым. Главная транспортная артерия полуострова – Крымский мост – превратилась в один из центральных объектов организации терактов, диверсий и обстрелов со стороны Вооруженных сил Украины. Приморские территории стали мишенью для ракетных обстрелов и атак украинских летательных и морских беспилотников.

Фиксация понятия «опасность» для территории Крыма напрямую влияет на один из ключевых параметров социокультурного районообразования – рекреационную деятельность. Опасность посещения Крыма усилила сезонность его туристического потока, имеющего преимущественно приморскую ориентацию.

В условиях проведения Специальной военной операции Вооруженных сил РФ на Украине морской стиль жизни в Крыму «прижат» к берегам. Это обстоятельство временно лишает приморские территории полуострова важного атрибута «морской культуры» – открытости внешнему миру посредством связей по морю.

Библиографический список

1. Терещенко Е.Ю. Культурологический подход в изучении морской деятельности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7.
2. Яковенко И.М. Перспективные функции рекреационных районов [Карта]. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швеца, Д.А. Вольхина. Симферополь, 2021.
3. Крым стал третьим регионом с бессрочным уровнем террористической угрозы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews>.

D.A. Volkhin, A.B. Shvets, A.N. Yakovlev

«MARINE FACTOR» IN THE LOWER SOCIO-CULTURAL ZONING OF THE CRIMEA REGION

Abstract. The work analyzes the process of studying socio-cultural areas of the lower level, formed in the coastal territories of Crimea under the influence of the marine factor. The role of the marine factor in the emergence of an important criterion characteristic of a sociocultural region as lifestyle is noted. The characteristics of the population of coastal regions that shape their sociocultural identity are considered. Factors limiting the formation of sociocultural areas in conditions of increased terrorist readiness have been identified.

Key words: geography, Crimea, sociocultural region, lifestyle, maritime culture.

Сведения об авторах

Вольхин Денис Антонович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н.В. Багрова, факультета географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, lomden@mail.ru.

Швец Александра Борисовна, и. о. заведующего кафедрой, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н.В. Багрова, факультета географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, fusion10@mail.ru.

Яковлев Андрей Николаевич, старший преподаватель кафедры геоэкологии, факультета географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, andrey_yakovlev84@list.ru.

УДК 911.3

А.Г. Дружинин, О.В. Кузнецова

ЮЖНЫЙ ВЕКТОР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ТРЕНД И ЕГО МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена идентификации «южного вектора» пространственного развития России (с акцентом на ее постсоветский период). Показано, что в фиксируемое в рамках данного тренда смещение на юг хозяйственной активности и расселения дополняется ростом этнодемографической и геополитической специфики южнороссийских территорий, причем многоаспектные проявления «южного вектора» наиболее четко просматриваются именно на муниципальном (местном) уровне.

Ключевые слова: пространственное развитие, муниципальные образования, Юг России, Россия.

Введение. Современные геополитические и геоэкономические изменения, воздействуя на структуры и тренды российского пространства, инициируют необходимость не только общей активизации общественно-географических исследований [1], но и последовательной их конкретизации и детализации, в том числе за счет смещения акцента на низовой (местный, муниципальный) таксономический уровень. «Муниципализация» подходов и тематики (в научном сообществе все более декларируемая и культивируемая [2, 3, 4, 5, 6]) актуализирована и применительно к таким многомерным, противоречивым и пролонгированным тенденциям как осмысливаемая в логике «румбового мышления» [7] многовекторность пространственного развития, включая и один из ключевых ее компонентов – «поворот» России (ее внешнеэкономических интересов [8, 9], федеральной политики [10], межтерриториальных пропорций [9]) на юг.

Юг и «южность» в российском пространстве: динамический аспект. Россия (в особой мере, в своем постсоветском контуре) – страна с превалированием Севера и «северности» [11]. В сопоставлении с ними Юг и «южность» – не только дихотомичны, но и заведомо (в социально-экономическом отношении) более аттрактивны, раритетны (лишь 15 % территории Российской Федерации идентифицируемы как благоприятные для проживания [12]) и в существенной

мере экзогенны (а, в этой связи, и трансграничны).

Российский юг, его делимитация – предопределяются не только природно-географическими особенностями страны, но и ее геоисторией (трендовым в XVI–XIX вв. расширением политико-географических рубежей России и ареала расселения русских, включая их смещение в южном направлении), а также пространственной архитектурой («москвоцентризм», предполагающим идентификацию любых таксонов и объектов государства относительно его «ядра») [13].

Будучи континуально-дискретной, динамичной, зонально-региональной пространственной структурой, Российский юг объединяет свою европейскую и сибирскую (зауральскую) составляющие (с членением последней на западно-сибирскую и дальневосточную). При этом в качестве современных сердцевинных его элементов можно идентифицировать основные селитебные и аграрно-промышленные территории Южного федерального округа, наряду с Воронежской областью (чье единство с Югом России укрепляется, в том числе в рамках новосозданного содружества «Донбасс») и Ставропольским краем.

О понятии «южный вектор» пространственного развития России. Если, руководствуясь нормативным определением («совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики» [14]), рассматривать пространственное развитие в широком контексте как многоаспектную пространственную динамику, то ее «южный вектор», полагаем, являет собой триединство: 1) обособления «юга» и «южности» в пространстве страны (как конкретных материализованных пространственно-временных структур и соответствующих им геоконцептов); 2) изменения пропорций (хозяйственных, демографических, информационно-имиджевых и др.) в пользу «южных» территорий; 3) внутривосточных и внешних по отношению к ней диверсифицированных факторов (включая геополитику) повышения значимости «южных» регионов в общефедеральной социально-экономической динамике, а «южной тематики» – в системе федерального регулирования пространственного развития.

«Южный вектор» пространственного развития современной России: стимулы и лимитирующие обстоятельства. Авторская аналитика [9, 10] иллюстрирует возрастающую (практически весь постсоветский период) значимость в масштабе России ее южных территорий. В основе этого процесса, с одной стороны, – имеющиеся предпосылки и возможности для «перетока» населения и производственной активности в регионы российского юга (в первую очередь – в пределах Южного федерального округа). С другой – сохраняющаяся, на отдельных временных интервалах локально нарастающая проблемность южнороссийских территорий, инициирующая приоритетное внимание к ним в рамках федеральной политики.

Если в первом случае существенны рыночные факторы (рента, издержки и т.п.), а также геоэкономические интересы страны (опережающее развитие портовых комплексов, растениеводческая специализация и др.), дополняемые внедрением современных форматов проживания (на 2–3 дома; главным образом

– у состоятельных страт) и занятости (вахта, отходничество), то во втором – агроресурсные (аграрное перенаселение в некоторых регионах), селитебные (интенсивная урбанизация традиционных горских обществ) и демографические (в том числе меняющийся этнодемографический баланс в большинстве регионов Северного Кавказа, а также в Астраханской области, усиливающий социокультурную и хозяйственную специфику российского юга).

С 2014 г. значимым фактором (в еще большей мере активизированным с февраля 2022 г.) выступает и «миграция» южнороссийских рубежей (также обеспечивающая изменение внутрироссийских социально-экономических пропорций в пользу юга страны, усилившая его роль в качестве ключевого реципиента федеральной пространственной политики).

Уместно полагать, что в среднесрочной перспективе лимитирующим обстоятельством для «южного вектора» станут особые (усложненные) условия локализации населения и эффективной хозяйственной активности в полосе (хочется надеяться, былых!) боевых действий в Новороссии (и примыкающих к ним, также характеризуемых повышенными рисками) территориях. В долгосрочной – связанный с пролонгированными климатическими изменениями рост аридности и, соответственно, ухудшения условий водообеспеченности. Противоречивым по своим векторам, полагаем, окажется и присущий весомой части южнороссийских территорий этнодемографический тренд (сокращение удельного веса русского населения). Проявления «южного вектора» в данном контексте станут ещё более дифференцированными «от места к месту» по своим направлениям и амплитуде, концентрирующимися в конкретных группах муниципалитетов.

Важнейшие проявления «южного вектора» на местном (муниципальном) уровне. Инвариантность проявлений «южного вектора» пространственного развития России сочетается с наличием ключевого индикатора для его диагностики – динамики (роста) численности населения. Как свидетельствует анализ данных переписей населения 1989 и 2022 гг. по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам, демографический прирост в муниципальном разрезе не всеобщ, а присущ главным образом: 1) ведущим городам и их ближайшим пригородам; 2) приморским территориям с развитыми рекреационными функциями; 3) сельским территориям с сохраняющимся высоким естественным приростом. Доминантной (хотя и избирательной) тенденций является, при этом, «стягивание» населения в наиболее крупные урбанистические центры. Так из 43 городских округов, чье населением составляет 100 тыс. и более лишь в 12 за постсоветский период зафиксировано сокращение населения. 30 ведущих городов «приняли» более 90 % всего постсоветского демографического прироста, причём 29 % его суммарного объема пришлось на Краснодарско-Новороссийский кластер, а 22 % – на Махачкалинскую агломерацию.

Заключение. «Южный вектор», выступая для современной России в качестве одной из приоритетных тенденций ее пространственного развития, обладает и своей четко выраженной «муниципальной проекцией», которую

необходимо системно идентифицировать, типологизировать и прогнозировать в рамках полимасштабных общественно-географических исследований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Библиографический список

1. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. № 2 (61).
2. Кузнецова О.В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. № 2.
3. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Муниципальная тематика в общественной географии: геополитический аспект // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Воронеж, 2022.
4. Дружинин А.Г. Муниципальное развитие в современной России: геополитический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. №2.
5. Глейзер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5.
6. Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3.
7. Мартынов В.Л. «Четыре стороны России: основные тенденции макрорегионального развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4.
8. Кузнецов А.В. Изменение географии производства в России под влиянием разворота экспорта на глобальный Юг // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз. Ижевск, 2021.
9. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1.
11. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. «Южный вектор» в пространственном развитии постсоветской России: основные факторы и проявления // Федерализм. 2023. №2.
12. Головнёв А.В. Северность России. СПб, 2022.
13. Виноградова В.В. Изменение природно-климатической дискомфортности в XX–XXI вв. на территории России // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. 2018. № 3.
14. Дружинин А.Г. Российский Юг: подходы и критерии делимитации // Учёные записки Крымского федерального университета. География. Геология. 2022. № 2.
15. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f4980_6c6ece205/130219_207-p.pdf.

**THE SOUTHERN VECTOR IN SPATIAL DEVELOPMENT:
MODERN ALL-RUSSIAN TREND
AND ITS MUNICIPAL MANIFESTATIONS**

Abstract. The article is devoted to the identification of the «southern vector» of Russia's spatial development (with an emphasis on its post-Soviet, modern period). It is shown that the shift of economic activity and settlement to the south recorded within the framework of this trend is complemented by the growth of the ethnodemographic and geopolitical specifics of the southern Russian territories. The multidimensional manifestations of the «southern vector» are most clearly visible at the municipal (local) level.

Key words: spatial development, municipalities, South of Russia, Russia.

Сведения об авторах

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, alexdru9@mail.ru.

Кузнецова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, kouznetsova_olga@mail.ru.

УДК [911.3](477.61)

Н.С. Краснокутская

**ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. В статье рассмотрена злободневность проблемы демографического старения населения, которая приобретает особую актуальность для всех регионов России. Раскрыты особенности трансформации социально-экономического и демографического развития Луганской Народной Республики. Проведен комплексный общественно-географический анализ демографического старения населения Луганской Народной Республики за 1989–2021 гг.

Ключевые слова: демографическое старение населения, географический подход, динамика, трансформация, Луганская Народная Республика.

Старение населения – это демографическое явление, связанное с увеличением доли пожилых и старых людей (60+ лет) в общей численности населения. Процесс старения влечет за собой ряд проблем, которые усложняют и замедляют процесс сбалансированного социально-экономического развития.

Проблемой стареющего общества охвачены все регионы Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Старение населения происходит в регионах неодинаково, что требует применения географического подхода для выяснения региональной специфики.

Демографическое старение как процесс нельзя остановить одномоментно, поэтому это явление находится под особым вниманием управленцев и ученых. Положения по исследованию феномена демографического старения содержатся в научных разработках демографов, геронтологов, социологов и экономистов – Т. Акмадиева, Г. Бахметова, Р. Галина, Л. Галиной, Е. Либановой, Т. Сапожникова, Е. Щербакова. Среди зарубежных ученых, исследовавших проблему старения, заслуживают особого внимания труды Ж. Боже-Гарнье, Ф. Ноутстейна, Е. Россета, А. Сови, Л. Тейлера, Г. Шубнеля, Дж. Форрестера, П. Эрлих и др.

Среди ученых, работающих над проблемой демографического старения с позиции географического (регионального) аспекта, выделяются труды: Е. Белокуровой, В. Доброхлеб, Ю. Зеликовой, В. Козлова, А. Леоновича, Н. Понамаревой, М. Савицкой и др.

Несмотря на большое число научных публикаций по проблематике, географические особенности процесса старения населения на уровне регионов РФ остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность данной статьи. Целью нашего исследования является общественно-географический анализ демографического старения населения Луганской Народной Республики (далее – ЛНР, Республика).

Границы ЛНР были сформированы 3 июня 1938 г. Территория Республики составляет 26,7 тыс. км². Максимальная протяженность территории ЛНР с севера на юг составляет 275 км, с запада на восток – 170 км [1, с. 415–425]. ЛНР на севере, востоке и юге граничит с Белгородской, Воронежской и Ростовской областями, на западе с Донецкой Народной Республикой и Харьковской областью. К положительным особенностям географического положения относятся близость к сырьевым базам, наличие экономически развитых соседей, а также наличие на территории Республики важных транзитных транспортных магистралей. Выгодность экономико-географического положения и давняя история заселения ЛНР, способствовали освоению территории и ее промышленному развитию. Среди отраслей хозяйства ведущие позиции в ЛНР занимали топливная промышленность, черная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность. Значительна доля машиностроения. Важное место занимали пищевая промышленность и промышленность строительных материалов. Характерной особенностью территориальной организации хозяйства и населения является высокий уровень их концентрации в южной, староосвоенной части ЛНР. Северная является преимущественно аграрной, имеет низкую плотность поселенческой сети.

В 1990-х гг. – условиях переходного периода в экономике региона произошли трансформации, которые проявляются в изменении отраслевой структуры, форм собственности, диверсификации производства, в том числе за

счет развития малого и среднего бизнеса и тому подобное. Во многих случаях трансформационные процессы имели разрушительный характер, то есть сопровождалась банкротством и ликвидацией предприятий, учреждений и организаций. В послереформенный период обострились проблемы в топливно-энергетическом комплексе, особенно в угольной промышленности [1, С. 415–425].

Проблемы экономические и социальные органично соединились с проблемами демографическими. Характеризуя ЛНР в контексте демографического развития, важно то, что интенсивный характер промышленного освоения регионов Республики определил здесь высокую концентрацию и плотность населения. Стагнация и кризисные явления в экономике региона влияли на характер изменений в демографической ситуации ЛНР, которые начиная с 1990-х гг. можно назвать острокризисной.

В соответствии с официальными данными Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (далее – Луганскстат) на территории ЛНР в 1989 г. проживало 2857,0 тыс. чел., что характеризует регион, как один из наиболее плотно заселенных (рис. 1). Однако кризисные процессы социально-экономического развития, совпавшие с демографическим переходом к «новому» суженному типу воспроизводства населения, обусловили стремительное сокращение числа жителей. К 2021 г. численность населения ЛНР оценивается в 2116,7 тыс. чел., что более чем на 25% ниже, чем в 1989 г. Абсолютное сокращение в период с 1989 по 2021 гг. составило 740 тыс. чел.

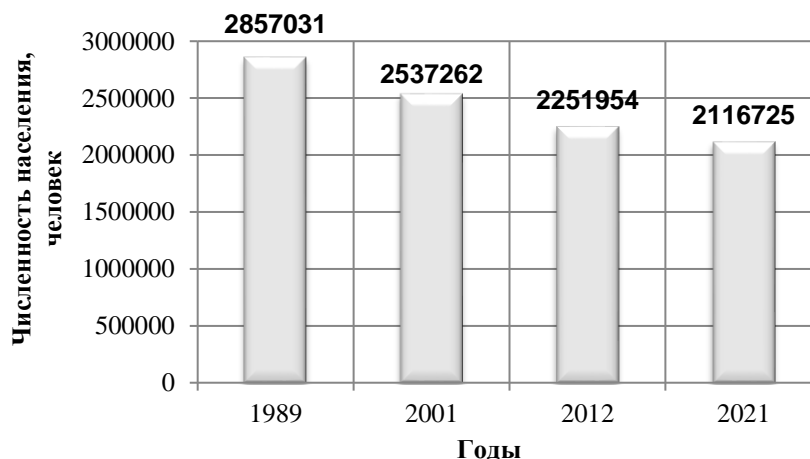

Рис. 1. Динамика численности населения в ЛНР в 1989, 2001, 2012 и 2021 гг. [2]

На фоне депопуляционных процессов в Республике наблюдаются негативные структурные изменения населения, проявлением которых является рост удельного веса кагорты пожилого населения (60+ лет) – демографическое старение населения (рис. 2).

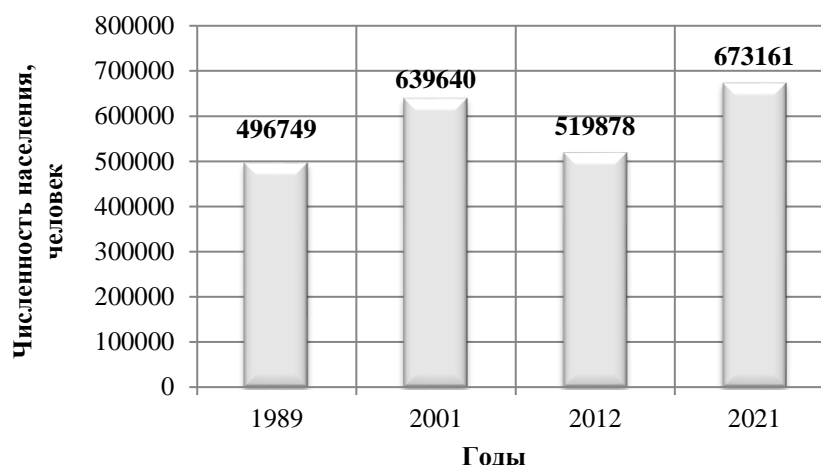

Рис. 2. Динамика численности населения в возрасте 60+ лет в ЛНР в 1989, 2001, 2012 и 2021 гг. [2]

Согласно данным численность населения в возрасте 60+ лет в границах территории ЛНР в 1989 г. составила 496,7 тыс. чел., что составило 17,3% от общего числа жителей. В последующие годы численность когорты пожилых была неодинаковой, но в основном демонстрировала увеличение (рис. 3). Численность пожилого населения в 2021 г. в территориальных границах Республики оценивается в 673,1 тыс. чел. – рост более, чем на 35,5 % на фоне общей депопуляции населения. При этом удельный вес пожилого населения также увеличился, что свидетельствует о прогрессивном характере демографического старения населения в Республике. Доля пожилого населения в общей численности населения ЛНР в период с 1989 по 2021 гг. оценочно увеличилась с 17,3 % до 31,8 %. Высокая концентрация пожилого населения на фоне кризисных депопуляционных процессов свидетельствуют об интенсивных процессах демографического старения населения Республики. Подтверждением этому являются относительно более высокие темпы наращивания доли пожилых в общем контингенте населения ЛНР, по сравнению с общими темпами убыли численности населения Республики (рис. 4).

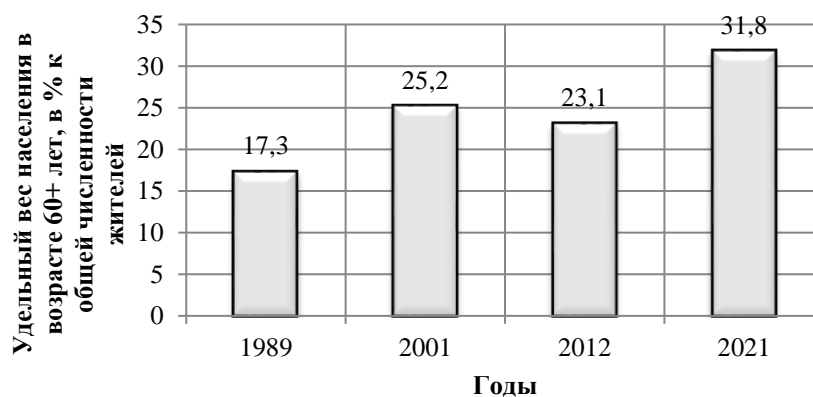

Рис. 3. Динамика удельного веса пожилого населения (в возрасте 60+ лет) в общей численности жителей численности населения в ЛНР в 1989, 2001, 2012 и 2021 гг. [2]

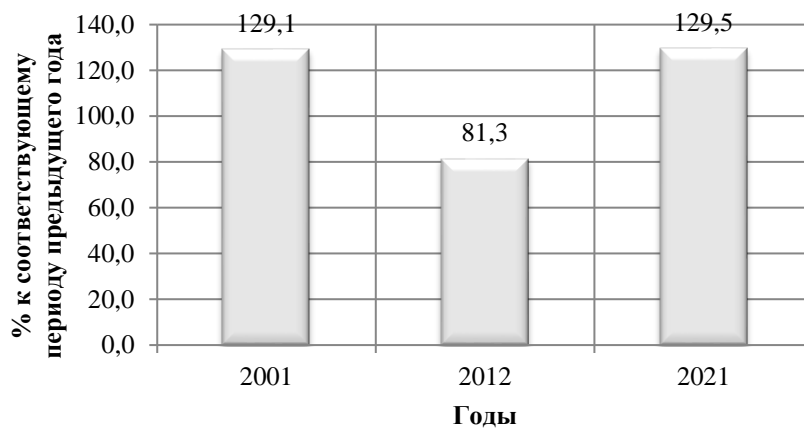

Рис. 4. Динамика относительных межпереписных приростов (спадов) численности населения в возрасте 60+ в ЛНР в 1989, 2001, 2012 и 2021 гг. [2]

Удельный вес когорты пожилого населения в 2021 г. на уровне 38,1 % от общего числа жителей ЛНР соответствует фазе состояния глубокой демографической старости (когда лиц в возрасте 60+ лет составляет 15 % и более) по шкале Эдварда Россета. Сравнительно-географический анализ показывает, что процессы демографического старения в ЛНР имеют крайне интенсивный характер развития.

Специфика расселения населения ЛНР определила неоднородность распределения населения (в т.ч. и возраста 60+) по регионам Луганского края, большая часть из которых концентрируется в южной его части (рис. 5).

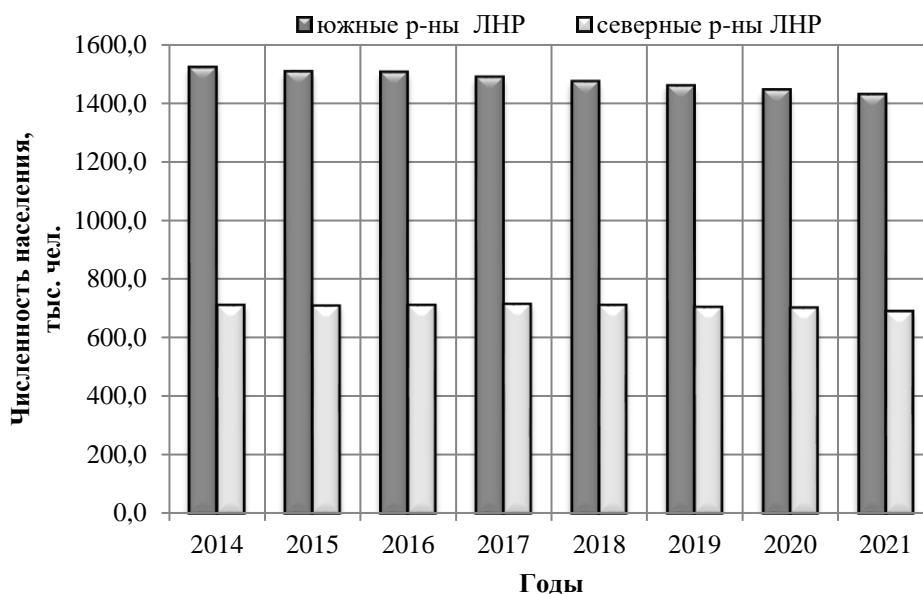

Рис. 5. Динамика численности населения северных и южных регионах ЛНР в 2014–2021 гг. (составлено по данным Луганскстата [2])

Анализ официальных данных численности населения в возрасте 60+ лет в южных регионах ЛНР свидетельствует о стремительном численном увеличении

этой категории населения. В период с 2016 по 2021 гг. абсолютный прирост численности пожилых составил 35969 чел. или +9,7 %.

Абсолютный прирост когорты пожилого населения (60+ лет) на фоне депопуляционных процессов населения Республики определяет интенсивный рост удельного веса пожилых. В период с 2016 по 2021 гг. доля пожилого населения на юге ЛНР увеличилась с 24,4 % до 28,3 %. В разрезе типов местности в 2021 г. доля пожилых в городах составляла 26,5 %, а в селах – 30,8 % (рис. 6).

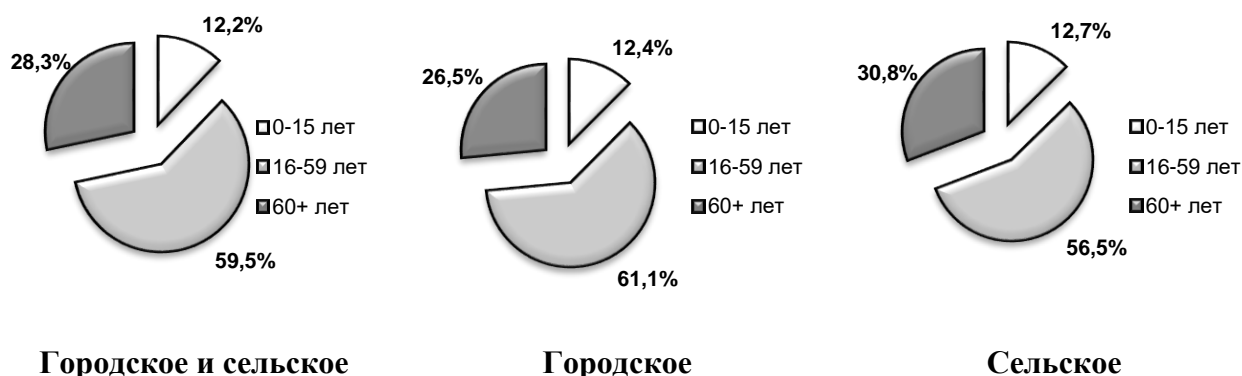

Рис. 6. Возрастная структура населения в городской и сельской местности ЛНР по состоянию на 2021 г. (составлено по данным Луганскстата [2])

Таким образом, в пределах ЛНР наблюдаются интенсивные процессы демографического старения населения, которые имеют крайне прогрессивный характер. Особенно остро стоит проблема демографической старости в южных регионах Республики, где концентрируется большая часть населения и большая часть производственных мощностей государства. ЛНР отличается значительной диспропорцией возрастной структуры населения, и это обстоятельство требует учета в демографической политике ЛНР.

Библиографический список

1. Слонева Т.И., Краснокутская Н.С. Современные трансформации социально-экономического развития юга Луганщины // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021 (к 110-летию со дня рождения профессора Ю.Г. Саушкина). Смоленск, 2021.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики в Луганской Народной Республике. URL: <https://81.rosstat.gov.ru/about>.

N. S. Krasnokutskaya

SOCIO-GEOGRAPHICAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC AGING OF THE POPULATION OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. The article examines the urgency of the problem of demographic aging of the population, which is becoming particularly relevant for all regions of Russia. The peculiarities of the transformation of the socio-economic and demographic development of the Luhansk People's Republic are revealed. A comprehensive socio-

geographical analysis of demographic aging of the population of Luhansk People's Republic for 1989-2021 was carried out.

Key words: demographic aging of the population, geographical approach, dynamics, transformation, the Luhansk People's Republic.

Сведения об авторе

Краснокутская Надежда Сергеевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии, Луганский государственный педагогический университет, nadya_gaev@mail.ru.

УДК 314.7

Н.А. Щитова, И.А. Соловьев, Ю.Ф. Зольникова

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И ДАГЕСТАНА

Аннотация. В статье на основе официальной статистики и контент-анализа социальной сети «ВКонтакте» проведен сравнительный анализ особенностей современной молодежной миграции в Ставропольском крае и Дагестане, выявлены основные тенденции, особенности направленности миграционного прироста, численности и доли молодежи в населении, вклада миграции в формирование численности молодежи, а также проанализирован характер протекания молодежной миграции на внутрорегиональном уровне.

Ключевые слова: Ставропольский край, Дагестан, молодежная миграция, миграционный прирост (убыль), региональные и внутрорегиональные особенности.

Сокращение численности населения становится важнейшим фактором, сдерживающим успешное социально-экономическое развитие российских регионов. Наиболее болезненной проблемой для них является безвозвратная миграционная убыль молодого населения, покидающего родные места в поисках лучших условий труда или получения образования. При этом наблюдаются существенные различия в протекании миграционных процессов не только между регионами, но и между разными типами местности и поселениями внутри регионов. Особенно большие межрегиональные и внутрорегиональные диспропорции в миграционной ситуации прослеживаются на Юге Европейской части России.

В данном исследовании на примере Ставропольского края и Дагестана выявлены различия в характере протекания молодежной миграции на двух пространственных уровнях – региональном и муниципальном.

Исследование выполнено на основе данных, полученных из официальных материалов национальной и региональной статистики (ЕМИСС, Росстат) за 2016–2021 гг., и данных Интерактивного атласа «Виртуальное население России».

По поводу определения понятий «молодежь» и «молодежная миграция» единых подходов до сих пор не выработано. В справочной литературе можно обнаружить различные определения понятия «молодежь». В Большой Российской энциклопедии отмечается, что возраст молодёжи охватывает период от 15 до 30 лет, хотя в последнее время эксперты ведут дискуссии относительно отодвигания верхних возрастных рамок молодёжного возраста (и даже формального продления этого периода до 35 лет) [1]. Мы придерживаемся позиции Федеральной статистической службы, в соответствии с которой к молодежи относят людей в возрасте от 15 до 29 лет.

В публикациях последних десятилетий в России затрагиваются различные вопросы по исследованию миграции молодежи. В этих работах рассматриваются проблемы получения образования [2; 3], выбор места жительства и трудоустройства [3; 4], межрегиональная миграция [5; 6], эмиграция молодежи [7]. Некоторые исследования посвящены молодежной миграции в Ставропольском крае и Дагестане [8–10].

Протекание процессов молодежной миграции в Ставропольском крае и Дагестане не одинаково.

Республика Дагестан отличается стабильной миграционной убылью молодежи, которую лишь в последние три года удалось несколько снизить – как за счет уменьшения оттока местной молодежи, так и за счет увеличения потока международных мигрантов (табл. 1). За 2017–2021 гг. миграционная убыль молодежи в республике составила 16,1 тыс. чел, или –4,3 ‰ в среднем в год.

Таблица 1

Миграционный прирост молодежи в Ставропольском крае и Дагестане в среднем за год в 2017–2022 гг. [11; 12]

Годы	Единицы измерения	Дагестан	Ставропольский край
2017–2019	чел.	-12 649	1394
	‰	-5,57	0,86
2020–2021	чел.	-3486	-1248
	‰	-2,3	-1,16
Всего	чел.	-16 135	148
	‰	-4,3	0,05

В миграционной убыли молодежи Дагестана преобладают сельские жители (табл. 2). В 2017–2021 гг. этот показатель в сельской местности составил –18,4 тыс. чел., тогда как в городской – отмечалось положительное сальдо миграции (2,3 тыс. чел.). Таким образом, внутрирегиональный тренд миграционной мобильности из села в город сохраняется. В международном обмене прослеживается слабый прирост, а в межрегиональном – убыль принимает обвальный характер.

Миграционные процессы молодежи в Ставропольском крае имеют несколько иной характер. Хотя, как и Дагестан, край теряет молодое население в ходе межрегиональной миграции, общая ситуация, на первый взгляд, выглядит более благополучной. В 2017–2021 гг. межрегиональную миграционную убыль удалось перекрыть за счет более высокого прироста международной молодежной миграции, а в 2020 г., в условиях разгара пандемии, был зафиксирован почти нулевой прирост (–6 чел.) и в межрегиональном обмене. Существенный вклад в этот прирост вносят международные образовательные мигранты. Однако следует учитывать временный характер образовательных миграций, далеко не все иностранные студенты планируют остаться в регионе, а вот межрегиональная убыль носит более устойчивый характер (табл. 2).

Таблица 2

Миграционный прирост/убыль молодежи в Дагестане и Ставропольском крае (чел.)
за 2017–2021 гг. [11]

Виды миграций	Дагестан			Ставропольский край		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Международная миграция	2251	1852	399	5809	4846	963
Межрегиональная миграция	-18 386	-5086	-9575	-5661	-4259	-1402
Внутрирегиональная миграция	-	5554	-2322	-	6836	-6836
Всего	-16 135	2320	-18 455	148	7423	-7275

За последние годы уменьшение численности и доли населения в возрасте 15–29 лет становится все более очевидным (табл. 3).

Таблица 3

Численность и доля молодежи в Ставропольском крае и Дагестане
на 1 января 2018 и 2023 гг. [12]

Годы	Единицы измерения	Дагестан			Ставропольский край		
		Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
2017	тыс. чел.	773 955	368 048	405 907	559 157	340 578	218 579
	%	25,4	26,7	24,2	19,9	20,8	18,7
2022	тыс. чел.	686 054	311 460	374 594	460 411	267 228	202 309
	%	21,5	21,5	21,4	15,9	15,2	17,7

С 2017 по 2022 гг. сокращение в Дагестане составило 87,9 тыс. чел., в Ставропольском крае – 98,7 чел., (уменьшение доли 3,9 % и 4 % соответственно) (табл. 4). Миграция в этом сокращении играет не последнюю роль. В Дагестане на долю миграционной компоненты приходится около пятой части (18,4 %) убыли численности молодежи. Основную роль миграционные процессы в динамике численности молодежи оказывают в сельской местности Дагестана, на долю которой приходится около 59 % убыли. В Ставропольском крае этот показатель в сельской местности составляет около 45 %.

Таблица 4

Соотношение демографической и миграционной компоненты в формировании численности молодежи в Ставропольском крае и Дагестане в 2017–2022 гг. (чел., %) [11; 12]

Показатели	Единицы измерения	Дагестан			Ставропольский край		
		Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Убыль численности молодежи	чел.	-87 901	-56 588	-31 313	-98 746	-73 350	-16 270
Демографические процессы	чел.	-71 766	-54 268	-12 858	-98 598	-65 927	-8995
	%	81,6	100	41,1	100	100	55,3
Миграционный прирост/убыль молодежи	чел.	-16 135	2320	-18 455	148	7423	-7275
	%	18,4	0	58,9	0	0	44,7

Несмотря на высокие показатели убыли, общая миграционная подвижность молодежи Дагестана по сравнению с молодежью Ставропольского края, менее развита. Коэффициенты выбытия и прибытия в республике примерно в 2 раза ниже (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты выбытия и прибытия молодежи в Ставропольском крае и Дагестане в среднем в год в 2017–2019 гг. (‰) [11]

Направление потоков	Ставропольский край	Дагестан
Выбытие	52,0	29,1
Прибытие	53,0	23,6

География миграционного оттока в обоих регионах схожа. Выделяются два основных направления – столичное и «соседское». Специфической чертой для миграции дагестанской молодежи является выбор Ханты-Мансийского автономного округа.

На внутрирегиональном уровне в обоих регионах в большинстве муниципалитетов отмечается миграционная убыль молодежи. В Ставропольском крае отток молодежи характерен для 2/3 муниципальных образований. Миграционный прирост прослеживался только в ряде муниципалитетов Ставропольской и Кавминводской городских агломераций. В Дагестане, практически по всей территории прослеживается отток молодежи. Но в целом в обоих регионах преобладают муниципалитеты с относительно низкими показателями миграционной убыли. Однако в Дагестане значительно больше муниципальных образований, в которых отток молодежи уже имеет очень высокие показатели (табл. 6).

Таблица 6

Распределение муниципалитетов Ставропольского края и Дагестана по интенсивности коэффициентов миграционной убыли молодежи в среднем в год в 2017–2019 гг. [13]

Коэффициенты миграционной убыли, ‰	Ставропольский край		Дагестан	
	кол-во	%	кол-во	%
0 – -16,70	21	84,0	24	60,0
-16,71 – -33,41	3	12,0	14	35,0
-33,42 – -50,09	1	4,0	2	5,0

Анализ миграционных намерений выпускников по данным Интерактивного атласа «Виртуальное население России» показал, что большая их часть, как в Дагестане, так и Ставропольском крае остаются обучаться в своем регионе. В вузы других территорий отправляются не более 15 % выпускников. Однако доля ставропольских образовательных мигрантов примерно в два раза выше, чем дагестанских. Наибольшей популярностью пользуются вузы Москвы и Санкт-Петербурга, соседних городов-миллионеров (Ростова-на-Дону, Краснодара, Волгограда), а в случае Дагестана и Ставрополя.

Таким образом, выявлено, что в периферийных регионах Юга России преобладают процессы оттока и сокращения общей численности молодежи, причем, если в Ставропольском крае отток компенсируется прибытием образовательных мигрантов, то потери Дагестана невосполнимы. Для молодежи Ставропольского края наибольший интерес представляют Москва, Санкт-Петербург и соседние крупнейшие города. География миграционных предпочтений дагестанской молодежи более разнообразна и включает не только крупные города, но и более мелкие поселения соседних территорий, а также нефтедобывающие регионы страны.

Вузы Дагестана востребованы преимущественно местными выпускниками. Высшие образовательные заведения Ставропольского края более привлекательны для молодежи из других территорий и более активно притягивают абитуриентов из северокавказских республик, соседних равнинных регионов, некоторых стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Четко прослеживается территориальная неоднородность в протекании молодежной миграции на внутрирегиональном уровне. Внутрирегиональная миграция молодежи в обоих регионах имеет выраженный центростремительный характер, потери молодежи периферией нарастают по мере удаления от более развитых региональных центров.

Важную роль в привлечении молодых мигрантов в Ставропольский край играет этнический фактор, обеспечивающий некоторый приток в международном и межрегиональном обмене.

В Дагестане прослеживается связь между интенсивностью миграционного оттока молодежи и этнической структурой населения, географическим положением поселений относительно столицы. Ведущее место в убыли молодежи занимает межрегиональная миграция, за счет которой республика теряет свои демографические преимущества.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-27-00056.

Библиографический список

1. Молодежь. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e>
2. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М., 2019.
3. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. 2019. № 6.

4. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2014. № 3.
5. Антосик Л.В., Ивашина Н.В. Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2021. № 2. URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>.
6. Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4 (52).
7. Байков А.А., Лукьянец А.С., Письменная Е.Е., Ростовская Т.К., Рязанцев С.В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11.
8. Алексеева Е.А. Миграция студенческой молодежи в новых экономических условиях: тенденции и социально-демографические последствия (на материалах Ставропольского края): автореф. дис... канд. эконом. наук. М., 2011.
9. Мезина Е.В. Причинно-следственная взаимосвязь причин и последствий миграции молодежи из сельской местности Ставропольского края в города // Научное обозрение. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 1.
10. Мирзабалаева Ф.И. Миграционное настроение молодежи периферийного региона// «Современные проблемы науки и образования»: сетевой журн. 2013. № 4. URL: <https://science-education.ru/>.
11. Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения, (2017–2021). URL: <https://showdata.gks.ru/olap2/dscr/report/278004/#>.
12. Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам, (2017–2023). URL: <https://fedstat.ru/indicator/43219>.
13. База данных муниципальных образований, (2017–2019). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst07/DBInet.cgi>.

N.A. Shchitova, I.A. Soloviev, Ju.F. Zolnikova

COMPARATIVE STUDY OF YOUTH MIGRATION IN PERIPHERAL REGIONS OF EUROPEAN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF STAVROPOL REGION AND DAGESTAN

Abstract. In the article a comparative analysis of the features of modern youth migration in the Stavropol Territory and Dagestan is carried out based on official statistics and content analysis of the social network «VKontakte». The main trends, features of the direction of migration growth, the number and share of youth in the population, the contribution of migration to the formation of the number of youth are identified. Also, the nature of youth migration at the intraregional level is analyzed.

Key words: Stavropol Region, Dagestan, youth migration, migration increase (decrease), regional and intraregional features.

Сведения об авторах

Щитова Наталия Александровна, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, stavgeo@mail.ru;

Соловьев Иван Алексеевич, кандидат геогр. наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, soloivan@mail.ru;

Зольникова Юлия Федоровна, кандидат геогр. наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, zolnst@mail.ru.

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАНЕЛИ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ «ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

УДК 796.5

А.И. Зырянов

ФОРМУЛА МЕСТА

Аннотация. Формула места – короткое выражение основных свойств места, которые невозможно быстро изменить. Основными свойствами являются базовые физико-географические и стабильные экономико-географические свойства территории, которые действуют и будут действовать долгое время. Формула не способна описать все особенное и интересное о стране, регионе, городе или другом географическом объекте, а выражает что-то главное или глубинное.

Ключевые слова: формула места, свойства территории, Швейцария, Исландия, горнолыжный комплекс Иван-гора.

Географ должен понять и сформулировать главные свойства места. Географические свойства территории влияют на направление ее развития, часто определяют роль места. Поскольку территория имеет множество свойств, найти определяющие не просто. Не просто выделить и главную роль территории. Возможности места связаны с его явными свойствами, а отсюда с понятиями «уникальность» и «типичность». Географическая уникальность места всегда привлекает. Туризм – современный указатель востребованности географических знаний. Для туристского продвижения территории требуется найти ее уникальность или наибольшую типичность (что тоже уникальность) на любом географическом масштабе. Наиболее значимо, когда местное явление уникально в мире, в стране. Может быть значимо, когда оно уникально в регионе или даже в городе. Под термином место понимается любая целостно выраженная территория, скажем, имеющая наименование. Это может быть страна, район, город, или иной географический феномен. Термин место может быть прочувствован через местоположение человека, место жительства, место назначения, пребывания.

Все высказанное важно для сравнения мест, понимания глубины и источников их отличий. Это помогает определить преимущества места, используется в практике территориального планирования и, конечно в преподавании географии. Все это необходимо для выражения формулы места [1]. Понятие формула здесь условное, это именно указание на формулировку фундаментального свойства места.

Формулой места мы называем выявление феномена места. **Формула места – это короткая формулировка главных свойств места, которые невозможно изменить быстро.** Нельзя просто, вложив даже большие деньги, изменить ситуацию, скажем, перестроить, демонтировать, заменить или организовать что-то принципиально другое. Главными свойствами являются базовые физико-географические свойства и стабильные экономико-географические свойства места, которые действуют и будут действовать долгое время. Это те свойства, на которые можно опереться в поиске мест-аналогов и правильно определить их. Это те свойства, которые позволяют понять масштабную и даже глобальную роль конкретного места. Не любое описание территории близко к формуле места. Часто информация о территории не позволяет понять ее географическое значение. Приведем два примера выведения формулы места для Швейцарии и Исландии.

Понять систему горных хребтов Швейцарии, ее горный «рисунок» не просто. Открывает понимание этой горной страны Э. Реклю в томике о Швейцарии, где классик пишет о том, что относительно низкий перевал Сен-Готард является центральной точкой горной и речной системы страны [2]. После этого тезиса сложный рисунок хребтов и рек страны выглядит уже не таким запутанным и хаотичным. Становится понятна роль этого места в системе транспорта и перемещений. Становится понятна роль в истории этого места – кантонов Швиц, Ури и Унтервальден – как начального ядра формирования государства. Малозамечное в географической таксономии понятие – перевал – стало в данном случае важнейшим акцентом на географической карте страны, оно упрощает понимание территориальной организации Швейцарии. Отметим, что понятие «перевал» имеет равновесно-двойной смысл, т.е. и физико-географический и социально-географический. Вряд ли где-либо еще горный перевал столь географически и исторически значим для страны, как в Швейцарии. Он важен для понимания феномена страны и может найти свое место в ее формуле. Если мы скажем о том, что **Швейцария – страна, где центром является перевал Сен-Готард**, то приобретут упорядоченность не только орографический рисунок и гидрографическая сеть, но и будет понятно отсутствие явного центрального горного массива. Многодолинность будет находить выражение многонациональности и конфедеративности, в отсутствии доминантного города и в других швейцарских особенностях. Понятие «перевал» корреспондирует с посредническими функциями страны. Туристское следствие этой формулы обнаружится в том, что Люцерн будет претендовать на роль «туристской столицы» страны, а району Фирвальдштетского озера и окружающих его гор уготована доминантная роль в туристских потоках. Как показывает этот пример, поиск географической формулы страны – область интуитивной географии. Формула не способна выразить все особенное и интересное в стране, а выражает что-то одно главное или даже глубинное.

Попробуем выразить географическую формулу Исландии. Это страна и большой океанический остров на переходе от Атлантического океана к Северному Ледовитому с разнообразной береговой линией протяженностью

5 тыс. км. Исландия – самая вулканическая из значительных по размерам стран мира. Центральные части острова – вулканические плато с безжизненными ландшафтами. Только 25 % территории, а это морские побережья и некоторые долины, заселены. Особенностью острова являются ледники и покровное оледенение. Под ледниками занято 11,5 % территории острова. После Гренландии, относящейся к Дании, это наибольший показатель среди всех стран мира. В последние годы Исландия отличается стремительным ростом въездного туризма. График туристских прибытий в страну за экспоненциальную кривую получил название «исландский гейзер». Страна является фактически местом одного туристского пути (по шоссе № 1 вокруг острова), но это сегодня одно из наиболее популярных кольцевых автомобильных путешествий в мире за счет транспортной и хозяйственной освоенности, сервисности и аттрактивности исландских берегов. Итак, основные характеристики страны – океаничность и северность, тектоническая молодость и геологическая активность, оледенение и вулканизм, особая хозяйственная роль и привлекательность побережий. Наверное, можно сформулировать так: ***Исландия – большой северный остров с аттрактивным и сервисным побережьем.***

Для практических задач может быть очень важно находить формулы регионов, городов и отдельных объектов. Займемся поиском формулы места для отдельного небольшого географического объекта - горнолыжного комплекса. Это не просто объект рекреационного или спортивного сервиса, а еще и объект ландшафтного сервиса, т.е. объект социально-экономический и природный одновременно [3]. Формула места нужна для понимания потребителями уникальности места, ощущения ценности бесплатной ландшафтной услуги, которую фактически предоставляет горнолыжное предприятие.

Горнолыжная рекреация становится все более массовой в России. Все регионы с хорошим снегом увеличивают число курортов, подъемников, трасс. На Урале число горнолыжных комплексов перевалило за сотню [4]. Рассматривая сайты, буклеты, наружную информацию о горнолыжных комплексах, можно заметить нежелание или неумение авторов материала по продвижению подать сведения об уникальности горнолыжного места, хотя все такие места – выдающиеся среди окружающего ландшафта, а иногда уникальные и в пределах большого региона. В результате, горнолыжный комплекс представляется потребителям как негеографический объект, представляющий неландшафтные услуги сродни сервису закрытых помещений. Горнолыжники, поднимаясь на подъемнике, обычно не стараются задержаться наверху, насладиться обзорами, поскольку не знают ни названий вершин, долин, ущелий, не понимают географической уникальности места. Они используют горы очень утилитарно, ограниченно, только как спортивный снаряд.

Каждый руководитель горнолыжного комплекса чувствует, что это место особенное. Он хотел бы иметь реальную и доходчивую характеристику уникальности своей горнолыжной местности, а не только список услуг, цены, числовые параметры трасс и шаблонный чертеж расположения спусков. Однако создать такую характеристику местности сложно. Для этого и следует понять

формулу горнолыжного комплекса как географического места. Это задача для географа, знакомого с горными лыжами, знающего трассы комплекса и способного сравнивать с подобными предприятиями в пределах региона и даже страны. Попробуем таком плане описать горнолыжный комплекс Иван-гора, расположенный около Перми, обслуживающий в основном горожан из ближайших микрорайонов города.

Иван-гора (323 м) – самый северный выступ Тулвинской возвышенности, одной из наиболее высоких в Европейской части страны. Возвышенность лесистыми увалами тянется прямым меридианом от Перми до Башкирии на 200 километров, разделяя бассейны крупнейших рек на юге края. На ней нет городов, а только тайга, переходящая в хвойно-широколиственные леса, да редкие поселки и деревеньки.

Наибольшей высоты возвышенность достигает в ее середине, на Белой горе с Белогорским монастырем. До него от Иван-горы по увалистым лесам и распадкам почти сотня километров, но многие энтузиасты выбирают этот путь по тропам летом или лыжне зимой. Тулвинская возвышенность живописная, с обильным снегом зимой, на ней созданы горнолыжные комплексы. На севере – Иван-гора, в центре – Белогорье, на юге – Ашатли. Когда-нибудь будет проложен туристский маршрут между ними по всему Тулвинскому Лесогорью.

Иван-гора – наивысшая точка вблизи Перми, ее темный гребень с белеющей центральной горнолыжной трассой виден из Индустриального и Кировского районов города. Она круто высится над пермской равниной.

С горы открывается далекий вид на южные предместья миллионного города – местность лесную, сельскую и промышленную. Однако Пермь столь огромна, что постепенно теряется за горизонтом. В 10 км от горы пейзаж совершенно особенный, в зимний вечер здесь сверкает море огней и факелов нефтеперерабатывающих заводов. Это один из самых красивых промышленных ландшафтов мира. Индустрия лишь придает эстетики и фактурности картине, не мешая горнолыжному отдыху, поскольку основной ветровой перенос направлен с юго-запада, со стороны лесов.

Горнолыжный комплекс создан на северном склоне Иван-горы, где снег долго не тает. Ландшафт изумительно красивый, елово-пихтовый лес и выразительный рельеф создают ощущение горной страны. С верхней точки открывается торжественный панорамный вид, собирающий в единую гармонию спокойный природный и активный городской пейзажи.

Гора интересна «по архитектуре» имеет оптимальный угол наклона для катания на горных лыжах и сноуборде. Главный спуск отличается геометрически идеальным профилем с удобным выкатом. Основная трасса широкая, хотя и не слишком, чтобы высокий и плотный лес по ее сторонам задерживал ветер, создавая комфортный микроклимат. Трасса без неровностей и боковых наклонов нравится одновременно и начинающим, и опытным любителям.

Такой резкий стык большой возвышенности и равнинного пространства в районе Иван-горы имеет еще много непознанного от геологии до истории. Древние люди чувствовали особенное этих мест. Недаром священная для

древних жителей Прикамья Гладеновская гора, расположенная не так далеко, является фактически сестрой Иван-горы, как еще один северный выступ Тулвинского кряжа.

Таким образом, уникальность горнолыжного комплекса основывается на таких реальных позициях: наивысшая, господствующая точка около Перми, близость миллионного города, природная область с естественным сохранившимся обширным лесным массивом, оптимальный для катания профиль горы. Формулу места можно выразить так. ***Горнолыжный комплекс «Иван-гора» отличается наибольшей вблизи Перми абсолютной высотой территории и геометрически идеальным профилем склона.***

Библиографический список

1. Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования. 2013. № 2 (40).
2. Реклю Э. Народы и страны Западной Европы. Том VII. Швейцария. М., 1915.
3. Зырянов А.И., Шилова Д.И. Горнолыжные комплексы – предприятия ландшафтного сервиса // Географический вестник. 2019. №2 (49).
4. Зырянов А.И., Шилова Д.И. Структура и размещение сети горнолыжных комплексов Большого Урала // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84, № 2.

A.I. Zyrianov

FORMULA OF THE PLACE

Abstract. Formula of the place is a short expression of the basic properties of a place that cannot be changed quickly. The main features are the basic physical-geographical and stable economic-geographical properties of the territory, which operate and will operate for a long time. A formula is not able to describe everything special and interesting about a country, region, city or other geographical object, but expresses something important or deep.

Key words: formula of the place, properties of the territory, Switzerland, Iceland, ski resort Ivan Gora.

Сведения об авторе

Зырянов Александр Иванович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма географического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, aizyrianov@gmail.com.

АГЛОМЕРАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Изучается работа агломерационной экономики в регионах России, оценивается влияние близости к крупному рынку на выручку и прибыль предприятий. Эконометрический анализ показал, что во всех географических зонах имеются регионы и с существенными, и с незначимыми агломерационными эффектами. Агломерационная экономика не зависит от плотности деловой активности и от развития инфраструктуры транспорта; отсутствие кооперации на локальном рынке препятствует реализации агломерационного потенциала.

Ключевые слова: агломерационные эффекты, микроэкономический анализ, предприятие, эмпирический анализ, регионы России

Работа агломерационной экономики и её роль в сокращении издержек и в росте производительности определяются главным образом локальными факторами, такими как связность пространства и активности, уровень физических и институциональных барьеров взаимодействия агентов, развитость партнёрских отношений в регионе, активность внутрирегионального обмена факторами производства, инновациями, знаниями и информацией. В этой связи представляют интерес оценки проявления агломерационных сил, тестирование их значимости и направления влияния в бизнес-среде отдельных регионов.

Для оценивания агломерационных эффектов необходима информация о размещении и о показателях работы отдельных предприятий её источником выступала база данных СПАРК-Интерфакс. Чтобы выявить влияние агломерационных эффектов, как на масштабы деловой активности, так и на её эффективность, рассматривалось два показателя: выручка и прибыль предприятия, и оценивалось, соответственно, два регрессионных уравнения:

$$\ln(Y_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(K_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \beta_3 \ln(A_{it}) + \beta_4 I_i + \beta_5 S_i + \beta_6 G_i + \beta_7 \ln(D_i) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$\ln(P_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(K_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \beta_3 \ln(A_{it}) + \beta_4 I_i + \beta_5 S_i + \beta_6 G_i + \beta_7 \ln(D_i) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

Где Y_{it} – выручка предприятия i в году t ; P_{it} – прибыль предприятия i в году t ; K_{it} – активы предприятия i в году t ; L_{it} – заработная плата занятых на предприятии i в году t ; A_{it} – возраст предприятия i в году t ; I_i – фиктивная переменная, принимающая значение 1, если вид деятельности предприятия i относится к промышленности и 0 для всех других видов деятельности (переменная не меняется во времени); S_i – фиктивная переменная, принимающая значение 1, если предприятие относится к сфере услуг и 0 для всех других видов

деятельности (переменная не меняется во времени); G_i – фиктивная переменная, принимающая значение 0, если предприятие i является частным и 1 – во всех остальных случаях (переменная не меняется во времени); D_i – расстояние от предприятия i до регионального центра (переменная не меняется во времени); μ_i – неизменный во времени индивидуальный эффект предприятия i ; λ_t – общий для всех предприятий временной эффект года t ; ε_{it} – ошибка регрессии.

Статистическая значимость положительных агломерационных эффектов подтверждена для выручки предприятий в 46 регионах, а для прибыли – в 36 субъектах Российской Федерации, этот результат существенно превышает первоначальное предположение о возможном проявлении агломерационной экономики в регионах России. Роль и влияние агломерационной экономики на работу предприятий сильно различается по территории России. Оценки вклада сокращения расстояния до областного центра в два раза в изменение выручки варьируются по регионам от роста на 69 % в Северной Осетии до сокращения на 32 % в Ставропольском крае, а влияние на прибыль варьируется от роста на 170 % в Чукотском АО до снижения на 134 % в Сахалинской области. На рисунке 1 представлено распределение оценок агломерационных эффектов по территории России. Самым темным цветом выделены регионы с выявленными положительными статистически значимыми агломерационными эффектами, более светлым – субъекты Федерации с незначимыми агломерационными эффектами, а самым светлым – регионы с отрицательными агломерационными эффектами.

Рис. 1. Оценки агломерационных эффектов

Картина пространственного охвата положительными агломерационными эффектами регионов России не поддерживает распространённое мнение, что агломерационная экономика работает исключительно в европейской и в центральной частях страны. Возникает естественный вопрос: от чего зависит

проявление и значимость агломерационных эффектов? Из предсказаний теоретических моделей следует, что агломерационные эффекты генерируются в плотной экономической среде, где поддерживаются активные взаимодействия экономических агентов, которые извлекают выгоду из близости и экономии на транспортных издержках и эксплуатации общей инфраструктуры. Главным образом это относится к предприятиям обрабатывающей промышленности и сферы услуг, добывающие и сельскохозяйственные производства используют значительные земельные ресурсы и не выигрывают от пространственной концентрации.

Формальные оценки и тесты не подтвердили предсказанных в теоретических моделях зависимостей между оценками агломерационных эффектов и региональными характеристиками плотности экономической среды и развитости инфраструктуры взаимодействия экономических агентов. Коэффициенты корреляции агломерационных эффектов со структурными характеристиками, плотностью населения, ВРП на душу населения и плотностью дорог, а также результаты тестов Стьюдента на их значимость показали, что единственной статистически значимой корреляцией, отвечающей теоретическим предсказаниям, является отрицательная связь агломерационных эффектов и веса добывающего и аграрного секторов в оценках для выручки предприятий. Ни один из остальных рассмотренных показателей регионального развития не показал ожидаемой статистически значимой связи с полученными оценками агломерационных эффектов. Ни плотность среды проживания, ни уровень экономической активности, ни развитие транспортной инфраструктуры не объясняют работу агломерационной экономики в нужном направлении в одних регионах и отсутствие её эффектов в других.

Выбор перечисленных факторов для объяснения присутствия агломерационных сил в одних регионах и их отсутствия в других исходил из предсказаний теоретических моделей. Одним из предположений модельных конструкций является то, что экономические агенты стремятся выстраивать кооперативные связи с ближайшими партнёрами, и если существует поставщик или покупатель на локальном рынке, то выбор делается в его пользу. Из этого следует, что внутрирегиональные кооперативные связи должны быть предпочтительными и более сильными, чем с внешними партнёрами. Однако для многих российских предприятий в рассматриваемом периоде партнёрами выступали не местные производители, а зарубежные фирмы или производители других регионов страны. Отчасти это было связано с отсутствием необходимых продуктов и услуг или с несоответствием качества предложений на локальном рынке, но нередко причиной являлось незнание и недоверие к местным производителям и плохая работа институтов поддержки кооперации на региональном уровне.

В ситуации, когда доминируют экономические связи с внешними партнёрами, наличие физической инфраструктуры коммуникации и пространственная близость производителей, которые не связаны интересами кооперации, не создают и не способны поддерживать агломерационную

экономику, так как агломерационные эффекты в значительной мере возникают в результате активных деловых взаимодействий между экономическими агентами локального рынка.

E.A.Kolomak

AGGLOMERATION ECONOMY IN RUSSIA: REGIONAL DIMENSION

Abstract. The paper studies the performance of agglomeration economy in Russian regions, assessing the impact of proximity to a large market on the revenue and profits of enterprises. Econometric analysis showed that in all geographical zones there are regions with both significant and insignificant agglomeration effects. Agglomeration economy does not depend on the density of business activity and on the development of transport infrastructure, the lack of cooperation in the local market prevents the realization of agglomeration potential.

Key words: agglomeration effects, microeconomic analysis, firm, empirical analysis, Russian regions.

Сведения об авторе

Коломак Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом территориальных систем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, ekolomak@academ.org.

УДК 911.9

В.Л. Мартынов, И.Е. Сазонова

«ГЕОГРАФИЯ СООБЩЕНИЙ» КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ)

Аннотация. География транспорта включает в себя два основных направления – «географию путей» и «географию сообщений». «География путей» более консервативна. Пути, однажды сформировавшись, обычно не меняются. Но сообщения, осуществляемые по этим путям, могут изменяться очень значительно, что показано на примере Санкт-Петербург – Варшавской железной дороги. Большой интерес представляет также региональная структура транспортных сообщений. Уровень участия региона в системе грузовых перевозок, а также изменение этого уровня являются одним из важнейших показателей его участия в системе территориального разделения труда.

Ключевые слова: география транспорта, железные дороги, перевозки, регионы, территориальное разделение труда, экономический рост, социальное развитие.

Транспорт – наиболее «географичная» отрасль экономики. Изучением транспорта географы занимают давно и весьма успешно [1]. В транспортно-географических исследованиях выделяются два основных направления, которые можно обозначить как «география путей» и «география сообщений». «География путей» рассматривает транспортные пути, их трассы, конфигурацию и т.д. «География сообщений» изучает грузо- и пассажиропотоки, перемещающиеся по этим путям. Сами пути крайне редко меняют свои направления. Но объём, состав, преобладающие направления перевозок могут существенным образом меняться.

В качестве примера можно привести С.-Петербург – Варшавскую железную дорогу, построенную в 60-х гг. XIX в. [2]. Если при своей постройке она соединяла столицу Империи с рельсовой сетью Западной Европы, и была самой «блестящей» по составу пассажиров железной дорогой России, то в межвоенное время сквозное движение по этой дороге сходит на нет, и она начинает использоваться на двух участках, один из которых находился в пределах СССР (Ленинград – Псков – Остров), а второй – межвоенной Польши (Варшава – Белосток – Гродно – Вильно).

Во время Великой Отечественной войны эта дорога явилась основным направлением наступления германской группы армий «Север» в 1941 г. и её же отступления в 1944 г., в результате чего была очень сильно разрушена. Двухпутная на всём своём протяжении со времени постройки, эта дорога стала преимущественно однопутной, и двухпутность на примыкающих к Ленинграду участках была восстановлена лишь в начале 80-х гг., на остальных участках дорога осталась однопутной; электрификация ограничилась участком Ленинград – Луга. Пика своего развития эта дорога достигает в 90-е гг. XX в., когда по ней уходили пассажирские поезда из С.-Петербурга в Латвию, Литву, Белоруссию, Украину, Германию, Польшу, Чехию. Расписание поездов на крупных вокзалах этой дороги (например, в Пскове) располагалось в буквальном смысле «от пола до потолка».

Но на рубеже XX–XXI вв. движение по Варшавской дороге начинает очень быстро сокращаться. Ликвидируется Варшавский вокзал в С.-Петербурге. Поезда с Варшавского вокзала переносятся на Витебский вокзал. В 10-х гг. XXI в. дальнейшее движение по этой дороге прекращается, дорога начинает использоваться только на отдельных участках в пределах государств, через которые она проходит (Россия, Латвия, Литва, Польша, при этом Литва построила обходную ветку, позволяющую выходить на железные дороги Польши без заезда в Белоруссию). В 20-е гг. на Варшавской железной дороге в пределах России наибольшей интенсивностью характеризуется пригородный электрифицированный участок от С.-Петербурга до Луги, далее движение резко сокращается до четырёх – пяти пар пригородных и пассажирских поездов в сутки (пассажирские поезда – «Ласточки» сообщения С.-Петербург – Псков во все дни недели – Печоры по выходным дням, пригородные – Луга – Псков). От Пскова до границы имеются только пригородные поезда, движение которых то

прекращается, то возобновляется (Псков – Пыталово – Скангали). Через российско-латвийскую границу по этой дороге пассажирского сообщения нет, в 2017 г. отменён последний проходивший здесь поезд С.-Петербург – Рига. В Латвии пассажирского сообщения к востоку от Даугавпилса нет, к западу от Даугавпилса раз в день ходит поезд на Вильнюс. В Литве эта дорога используется для пригородных перевозок, в основном по направлению Вильнюс – Висагинас. Наиболее интенсивно движение в Польше, от Белостока до Варшавы. Таким образом, сообщение по С.-Петербург – Варшавской железной дороге на протяжении полутора столетий её существования несколько раз коренным образом менялось, трасса же этой дороге оставалась, естественно, неизменной. Примеры такого рода можно продолжать. Ещё более занятной, например, представляется трансформация «географии сообщений» бывшей Риги-Царицынской железной дороги, когда-то построенной для вывоза хлебных грузов из Центрального Черноземья и Нижнего Поволжья, или С.-Петербург – Витебской железной дороги.

Но, меняется не только значение дорог, меняется также значение регионов, расположенных на этих дорогах. Подобного рода исследования в советской экономической географии были распространены очень широко, и более того, в транспортных высших учебных заведениях существовал учебный предмет, который назывался «Экономическая география транспорта СССР» [3]. К сожалению, сейчас таких исследований очень мало [4], а учебный предмет попросту исчез. Это отражает общую тенденцию «деэкономизации» социально-экономической географии [5].

Но представляется, что такого рода исследования могут быть очень полезны для понимания того, как меняется пространственная структура общества в современной России.

За 2006–2022 гг. в грузовых железнодорожных перевозках резко снижается значение Центрального федерального округа, включая Москву, что связано с общей деиндустриализацией региона.

Для Северо-Западного федерального округа характерен рост перевозок, но этот рост обеспечивается одним субъектом Федерации – Ленинградской областью, за счёт двух новых портов – Усть-Луги и Приморска.

Рост грузовых железнодорожных перевозок характерен для Южного федерального округа в основном за счёт Краснодарского края, что также связано с портами (Новороссийск, Тамань, Туапсе).

Северо-Кавказский федеральный округ имеет очень низкие показатели перевозок грузов (исключения – Ставропольский край и в меньшей мере Дагестан). Можно утверждать, что большая часть входящих в него субъектов Федерации находится вне системы общероссийского территориального разделения труда, их экономика «замкнута на себя».

Для Приволжского федерального округа характерна стабильность показателей – здесь не происходит ни существенного роста, ни большого падения объёма перевозок. Но при этом меняется территориальная структура

этих перевозок внутри самого этого округа: например, сокращается значение Самарской области, растёт Саратовской.

Для Уральского федерального округа характерно общее снижение его значения в системе грузовых железнодорожных сообщений, что особенно хорошо заметно в Свердловской области. Зато Курганская область, самый бедный субъект Федерации в этом округе, показывает рост объёма грузоперевозок, связанный с развитием здесь добычи урановой руды.

Сибирский федеральный округ был, есть и будет основным районом отправления грузов по железным дорогам России. Наиболее крупный по общему объёму железнодорожных перевозок субъект Федерации, Кемеровская область, примерно вдесятеро превосходит по этому показателю Северо-Кавказский федеральный округ и лишь немногим уступает Приволжскому и Уральскому федеральным округам.

Для Дальневосточного федерального округа характерен значительный рост грузовых железнодорожных перевозок, в основном за счёт прибытия грузов. Это грузы, предназначенные для вывоза за границу через морские порты Приморского и Хабаровского краёв. Оба этих края демонстрируют устойчивую положительную динамику объёма грузоперевозок, что благоприятно сказывается на их экономическом благополучии.

Но экономическое развитие как старых, так и новых «портовых» субъектов Федерации очень слабо сказывается на их социальном развитии. Например, посёлки, примыкающие к Усть-Лужскому порту (Вистино, Усть-Луга) в Ленинградской области, почти никак не меняются, сохраняя в целом тот внешний облик, который они имели до создания порта. Персонал терминалов этого порта работает обычно вахтами и живёт либо в «модульных зданиях» (бытовках, составленных в несколько этажей), либо в съёмном жилье. В Усть-Луге (пос. Ленрыба) планировалось построить город на 40 тыс. чел., в реальности сооружено четыре пятиэтажных дома, из которых два заселено, а два заброшено и разграблено. Бурный рост железнодорожных перевозок в направлении морских портов, особенно новых, имеет чисто «компраторский» характер и может прекратиться так же быстро, как и начался.

К сожалению, дать достоверный прогноз трансформации системы грузовых железнодорожных перевозок на основе выявленных тенденций скорее всего не получится. «Районы отправления» в Сибири вряд ли претерпят какие-либо кардинальные изменения в силу того, что других территорий, где в столь большом количестве сосредоточены самые разнообразные природные ресурсы, в стране нет. А вот с «районами прибытия» могут произойти существенные изменения, связанные, например, с очевидно необходимой реиндустриализацией Центральной России, специализирующейся на жизненно важных отраслях обрабатывающей промышленности, ускоренное развитие которых ныне объявлено одним из главных приоритетов государства.

Библиографический список

1. Тархов С.А. География транспорта // Социально-экономическая география в России. Владивосток, 2016.

2. Мартынов В. Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения Северо-Запада: «время железных дорог» (вторая половина XIX в. - первая половина XX в.) // Псковский регионологический журнал. – 2017. – № 4 (32).
3. Данилов С.К. Экономическая география транспорта СССР. М., 1975.
4. Сидоров В. П. Проблемы отечественной географии транспорта // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2012. № 4.
5. Дружинин А. Г., Кузнецова О.В. Вековой тренд «деэкономизации» российской общественной географии: детерминанты, следствия, пути преодоления // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2023. Т. 33, № 1.

V.L. Martynov, I.Y. Sazonova

**“GEOGRAPHY OF COMMUNICATIONS” AS AN OBJECT OF
ECONOMIC-GEOGRAPHICAL RESEARCHES
(BASED ON THE EXAMPLE OF RAILWAY TRANSPORT IN RUSSIAN)**

Abstract. The geography of transport includes two main areas – "geography of routes" and "geography of communications". The "geography of routes" is more conservative. The routes, once formed, usually do not change. But communications carried out along these routes can change very significantly, as shown by the example of the St. Petersburg – Warsaw Railway. The regional structure of transport links is also of great interest. The level of participation of a region in the freight transportation system, as well as changes in this level, are one of the most important indicators of its participation in the system of territorial division of labor, as shown by the example of large regions of Russia.

Key words: geography of transport, railways, transportation, regions, territorial division of labor, economic growth, social development.

Сведения об авторах

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, lwowich@herzen.spb.ru.

Сазонова Ирина Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, iesazonova@herzen.spb.ru.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ПРОДУКТ В КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА

Аннотация. Статья обращается к вопросу устойчивого развития туризма и особенностям устойчивого территориального туристского продукта. Приводятся разные подходы к определению территориального турпродукта, а также определяются признаки его устойчивости.

Ключевые слова: устойчивый туризм, устойчивый территориальный туристский продукт.

Концепция ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» отмечает, что «туризм вносит существенный вклад в обеспечение устойчивого социально-экономического развития и социальной стабильности». При этом все большее внимание уделяется устойчивому развитию туризма как объективно существующему межотраслевому виду хозяйственной деятельности человека. Современные подходы к определению сути, принципов, методов оценки эффективности, механизмов управления устойчивым развитием туризма, как правило, базируются на представлении туризма как:

- социокультурного процесса, которому свойственны определенные поведенческие модели экономических агентов с одной стороны, и потребителей – с другой;

- экономического вида деятельности, одной из ведущих отраслей мирового хозяйства, функционирование которых определяет необходимость гармонизации взаимоотношений с окружающей средой, в т.ч. с целью достижения устойчивого использования всех видов ресурсов;

- феномена XX в., прямо и косвенно воздействующего на окружающую среду, экономику региона и на его социальную политику, культуру, традиции, образ жизни, здоровье нации и др.

Все подходы к устойчивому развитию туризма предполагают единство трех видов устойчивости – экологической, экономической, социально-культурной.

Устойчивое развитие туризма реализуется в рамках территориальных социально-экономических систем, на которые направлено контролируемое управленческое воздействие. Часто такие системы отождествляются с понятием «туристская дестинация», под которой понимается «управляемая социально-экономическая территориальная система, обладающая туристским ресурсным потенциалом, представляющим конкурентоспособную потребительскую ценность, и устойчиво привлекающая туристские потоки» [3].

Современные подходы в менеджменте туристских дестинаций основываются на определении территории не только как географической

единице, но и как продукта, товара, обладающего потребительской ценностью [1]. На практике большинство положительных и отрицательных эффектов от развития туризма реализуются через содержание и специфичные свойства территориального туристского продукта.

Существует множество подходов к определению территориального (регионального) турпродукта:

- ассортимент, количество и качество ресурсов территории, востребуемых ее потребителями: географическое положение, население (персонал), качество жизни, инфраструктура, способность работать с высокими технологиями, сырьевые ресурсы, уровень деловой активности, доступ к «дешевым» деньгам, уровень развития сферы поддержки бизнеса, рекламного рынка, аудита, паблик рилейшнз и т.д. [1];

- часть валового продукта региона, которая предназначена для туристского потребления и способна мотивировать притоки туристов в регион (стоимостная точка зрения); определённым образом отформатированные в пространстве и времени того или иного региона структурные множества локальных турпродуктов, востребованных входящими и исходящими турпотоками (натуральная точка зрения) [4];

- востребованный целевыми аудиториями туристов региональный комплекс (пакет) товаров и услуг рекреационного-оздоровительного, познавательного и жизнеобеспечивающего характера (в контексте рекреационно-оздоровительного туризма) [2].

При этом можно отметить, что очень близкими по содержанию (с точки зрения разных авторов) являются понятия территориального туристского продукта, территориальной рекреационной системы, туристского пространства, туристской дестинации. В определенных смысловых контекстах такие условные отождествления возможны. При этом точно недопустима с научно-концептуальной точки зрения подмена понятий территориальный турпродукт и турпродукт в значении тура (продукта туроператорской деятельности). Следует отметить, что туристский продукт именно в значении территориального упоминается во всех НПА и национальных, региональных программах развития туризма: Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 года («туристский продукт РФ»), ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ» («туристские продукты соответствующих субъектов РФ»), Концепция ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2019–2025 годы)» («российский, отечественный, межрегиональный турпродукт»), Концепция развития санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края до 2030 года («турпродукт Краснодарского края») и др.

В целях данного исследования под территориальным туристским продуктом предлагается понимать географически детерминированную совокупность всех элементов территориально-рекреационной системы (рекреационные ресурсы, инфраструктура, потребители и исполнители туруслуг, орган управления), обладающую потребительской ценностью, которая

формирует спрос и предложение на услуги индустрии туризма и гостеприимства и существует в условиях конкурентной рыночной среды.

Как и в исследованиях территориально-рекреационных систем, применяя экономико-географический подход, в отношении территориального турпродукта можно выделить несколько его иерархических уровней – микро, мезо- и макроуровни: локальный (муниципальный), региональный, национальный (федеральный), а также межрегиональный и межгосударственный.

В рамках концепции устойчивого развития территориальный турпродукт в целом должен отвечать ее глобальным принципам – способствовать экономическому, социально-культурному развитию территории, стремиться к минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Данные характеристики территориального турпродукта можно отнести к его внешним (по отношению к туристскому пространству) глобальным с точки зрения концепции устойчивого развития признакам. В то же время исследованию внутренних свойств территориального турпродукта, определяющих его устойчивость как социально-экономического явления, уделяется все еще недостаточно внимания (частичным исключением является, пожалуй, научный поиск в сфере маркетинга территорий, маркетинга туристских дестинаций). Как результат встает актуальный вопрос, какими свойствами должен обладать территориальный турпродукт, чтобы быть устойчивым в пространственно-временном континууме.

К отдельным признакам устойчивого территориального турпродукта можно отнести следующие:

- природный и культурно-исторический рекреационный потенциал, наполняющий турпродукт содержательным смыслом; дополнительным фактором устойчивости выступает уникальность рекреационных ресурсов;
- развитая инфраструктура, в т.ч. туристская (средства размещения, питания, индустрия развлечений, транспортная инфраструктура, информационное обеспечение туристской деятельности и др.);
- устойчивый туристский поток со стабильной положительной динамикой (возможно сезонный), формирующийся как результат аттрактивности и туристской (потребительской) ценности территориального турпродукта;
- диверсифицированность (по видам туристско-рекреационной деятельности, по сезонам, по ценовой политике, по целевым аудиториям и т.д.) и комплексность территориального туристского продукта;
- четко идентифицируемые целевые аудитории с известными характеристиками, контроль векторов потребительских предпочтений и потребностей, разработка новых целевых сегментов туристского рынка;
- применение новых технологий деятельности и управления;
- выраженная конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность;
- стратегия постоянного развития, обновления и совершенствования;
- наличие территориального туристского бренда как основы успешного продвижения и реализации в глобальном туристском пространстве;

- институциональная система управления;
- следование/причастность к национальным программам и приоритетам развития туризма;
- управляемая воспроизводственная форма территориального турпродукта;
- ориентация на принципы устойчивого развития на всех иерархических уровнях (во всех подсистемах) туристско-рекреационной системы.

Очевидно, что обеспечение устойчивости территориального турпродукта разных иерархических уровней определяется разной степенью сложности контроля и управления. Требуют дополнительных исследований анализ системы показателей устойчивости территориальных турпродуктов (в целом с научно-методологической точки зрения и в сравнительных территориальных исследованиях), а также установление их связей и зависимостей с индикаторами устойчивого развития туристских дестинаций.

Библиографический список

1. Джанджугазова Е.А. Маркетинг туристских территорий: учебное пособие для вузов. М., 2023.
2. Кетова Н.П., Онищенко Е.В., Шарафутдинов В.Н. Формирование и реализация регионального туристского продукта на рынке рекреационно-оздоровительных услуг: маркетинговый подход. Ростов-н/Д., 2011.
3. Рассохина Т.В. Управление устойчивым развитием туристских дестинаций: теория и методология: монография. М., 2018.
4. Шарафутдинов В.Н. Региональный турпродукт: определение и ключевые параметры // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 3-1 (36).

V.V. Minenkova

TERRITORIAL TOURISM PRODUCT IN THE SUSTAINABLE TOURISM CONCEPT

Abstract. The article deals with the issue of sustainable tourism development and the features of a sustainable territorial tourism product. Different approaches to defining a territorial tourism product are given and signs of its sustainability are also determined.

Key words: sustainable tourism, sustainable territorial tourism product.

Сведения об авторе

Миненкова Вера Владимировна, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет, minenkova@inbox.ru.

ГЕОГРАФИЯ ДОБЫЧИ ЮВЕЛИРНОГО СЫРЬЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье сделан акцент на рассмотрении главного фактора, влияющего на формирование ювелирной отрасли России – наличие собственной ресурсной базы. Выделены ведущие субъекты РФ, на территории которых идет добыча драгоценных металлов (золота, серебра, металлов платиновой группы) с обозначением основных месторождений и компаний-операторов. Выделены ведущие субъекты РФ, на территории которых идет добыча драгоценных камней (алмазов, изумрудов, александритов) с обозначением основных месторождений и компаний-операторов. Выделены ведущие субъекты РФ, на территории которых идет добыча полудрагоценных камней. Подчеркнута проблемность формирования ТПК из-за значительного территориального разрыва между местом добычи ювелирного сырья в России и местом его обработки.

Ключевые слова: ювелирное производство, драгоценные металлы, драгоценные камни, экономическая география, Россия.

Каждая из стран, формирующих современный мировой ювелирный рынок, выделяется не только количественными показателями работы отрасли, определяющими долю рынка (объемы производства и продаж), но и факторами, которые в историческом прошлом привели к ее возникновению в пределах государств. Так, лидерство Индии на мировом ювелирном рынке во многом связано с обеспеченностью собственным ювелирным сырьем, наличием традиции ювелирного производства и как следствие, соответствующих трудовых навыков населения, дешевой рабочей силой и емкостью рынка. Значимость Италии определяется высоким уровнем научно-технического развития, которое позволяет стране удерживать лидерство в создании новых ювелирных технологий. Ювелирная специализация Турции во многом связана с наличием в стране квалифицированной и в тоже время дешевой рабочей силы и др.

Одним из основных факторов, повлиявших на развитие современной ювелирной отрасли России, является наличие собственной ресурсной базы. Производство ювелирных изделий в стране обеспечено как запасами драгоценных металлов (в первую очередь, золотом), так и запасами драгоценных и полудрагоценных камней (среди которых особое место принадлежит алмазам, янтарю и полудрагоценным камням). Исключением является запасы цветных драгоценных камней, таких как сапфиры, рубины, изумруды. Большая часть ювелирных вставок из цветных драгоценных камней в изделиях российского производства иностранного происхождения или искусственно выращены, или являются синтетическими.

Однако исследование разных аспектов (в том числе и географических) добычи драгоценных металлов и драгоценных камней в России ограничивалось закрытостью отраслевой информации, что во многом было связано с

тезаврационными свойствами данного товара. В связи с этим, открытие информации привело первоначально к появлению большого количества работ, ориентированных на оценку ресурсной базы России, способной обеспечить рынок драгоценных металлов и камней товаром. Это работы Г.С. Сергиенко [1], А.С. Черткова [2], Е.К. Глушко [3] и др. Впоследствии наиболее востребованными стали исследования, ориентированные на поиск путей совершенствования механизмов формирования рынка драгоценных металлов и камней в России (публикации Б.И. Беневоляского, В.Б. Голенева [4], П.Д. Лунышина, А.П. Ефимова [5] и др.). Вместе с тем, академический интерес к географической составляющей исследуемого рынка был невелик (работы Т.И. Потоцкой [6, 7, 8]). В данной работе сделана попытка рассмотрения отечественного рынка драгоценных металлов и камней с точки зрения географии.

Добыча золота. Ежегодная добыча золота в России оставляет около 400 т (около 8 % мировой добычи) [9, 10]. Статистика, опубликованная Министерством финансов России, несколько отличается: производство золота в 2019 г. – 343,54 т, в том числе: добычного – 286,05 т, попутного – 19,00 т, вторичного – 38,49 т. Почти 70 % российского золота добывается из руд собственно золоторудных месторождений. Добыча осуществляется на территории 26 субъектов РФ. Большая часть из них локализованы в Сибирском и Дальневосточном регионах. При этом лидерами являются: Красноярский край (26 % добычи золота в стране), здесь разрабатываются месторождения Олимпиадинское, Благодатное и др. (рис. 1); Магаданская область (15 %) – месторождения Наталкинское, Павлик, Биркачан, Ольча, Цоколь и др.; Якутия (10 %) – месторождения Куранахской группы, Нижне-Якокитского рудного поля, Гросс; Хабаровский край (7 %) – Албазино; Забайкальский край (7 %) – Быстринское месторождение и др.; Чукотский АО (6 %) – месторождения Купол, Морошка, Двойное, Сентябрьское, Валунистое, Горное, Жильное и др.; Амурская область (6 %) – Маломырское, Осеннее месторождения; Иркутская область (5 %) – Вернинское месторождение и др.

Второе место по объему добычи принадлежит Уральскому региону. Он лидирует по добыче золота из руд медно-колчеданных месторождений, в которых золото – попутный компонент. Самые большие объемы разработки здесь ведутся в Челябинской области (3% добычи в стране) – Узельгинское месторождение и др.; Башкортостане (2%) – Юбилейное и др.

Крупнейшие золотодобывающие компании России: ПАО «Полюс» (оператор основных месторождений: Олимпиадинское, Благодатное, Наталкинское, Куранах, Вернинское, перспективное – Сухой Луг и др.); «Полиметалл» (оператор месторождений: Кызыл, Албазино, Варваринское, Омолон, Дукат и др.); «Нордголд» (формирование крупного золотодобывающего кластера на базе месторождения Гросс и в перспективе Токко), «КинроссГолд» (оператор месторождения Купол, в перспективе Чульбаткан), Южуралзолото, ГК «Петропавловск» и ПАО «Высочайший».

Добыча серебра. Ежегодный объем добычи серебра в России составляет более 2 000 т. (8 % мировой добычи) [9, 10]. Статистика, опубликованная Министерством финансов РФ, несколько отличается: производство серебра в 2019 г. – 996,17 т, в том числе: добычного – 488,04 т, попутного – 338,54 т, вторичного – 169,59 т. Добыча ведется в 22 субъектах РФ, на территории которых расположено более 100 месторождений. Большая их часть находится в Магаданской области (37 % добычи серебра в стране), здесь разрабатывается крупнейшее месторождение страны – Дукатское; Красноярском крае (13 %) – Горевское, Октябрьское месторождения; Якутии (13 %) – месторождение Прогноз; Чукотском АО (6 %) – золотосеребряные месторождения Купол и Морошка; Челябинской области (6 %) – Узельгинское, Михеевское месторождения; Забайкальском крае (5 %) – Нойон-Тологойское, Ново-Широкинское полиметаллические месторождения; Оренбургская область (4 %) – Гайское месторождение и др.

Крупнейшие компании, добывающие серебро в России – это «Полиметалл» (оператор Дукатского месторождения); «Чукотская горно-геологическая компания» (оператор месторождений Купол и Двойное); Британская компания «ХайгландГолдМайнинг» / HighlandGoldMining, «Русская платина», «Нордголд» и др.

Рис. 1. География добычи ювелирного сырья в субъектах РФ (составлено по [9, 10, 11])

Добыча металлов платиновой группы (название элементов: рутений, родий, палладий, осмий, иридий, платина, которые обладают схожими свойствами, и, как правило, встречаются в одних и тех же месторождениях). Из

них наиболее важными с точки зрения применения в ювелирной практике являются платина и палладий. В добыче и производстве обоих металлов Россия играет одну из ведущих ролей на мировом рынке. Ежегодный объем добычи платиноидов в России составляет около 150 т. (более 11 % мирового объема добычи платины и около 35 – 40 % палладия) и осуществляется на 42 месторождениях (8 коренных и 34 россыпных). Основным регионом платиноидной промышленности является Норильский рудный район Красноярского края, где сосредоточена большая часть запасов (96,7 %) и добычи платиноидов (99,1 %). Здесь разрабатываются три крупнейших платиноидно-медно-никелевых месторождения страны: Октябрьское, Талнахское, Норильск I.

Добыча остальной части платиноидов распределяется между Мурманской (медно-никелевое месторождение Ждановское), Свердловской областями (Волковское месторождение ванадиево-железо-медных руд, Тылай-Косьвинское, Левобережная россыпь, платино-золотоносная россыпь Мартьян), Хабаровским (россыпи рудников Кондер и Уоргалан) и Камчатским краями (медно-никелевое месторождение Шануч). Незначительное количество попутной платины получают на алмазоносных россыпях Республики Саха (Якутия).

В отличие от золотого и серебряного рынков, платиновый рынок монополизирован. Крупнейшими компаниями отечественного рынка металлов платиновой группы являются «Норильский никель» (более 90 % добычи) и «Русская платина». Более того, сегодня они пытаются объединить усилия в реализации проекта «Арктик палладий» (создание крупного промышленного кластера на основе нескольких месторождений в Норильском промышленном районе.).

Таким образом, география добычи драгоценных металлов (золота, серебра, металлов платиновой группы) в России схожа – основные объемы добываются в Сибирском, Дальневосточном, Уральском, Кольском регионах (рис.1).

Добыча драгоценных камней. Драгоценным считают минерал, который характеризуется высокой степенью твёрдости и прозрачности. Во главе этой группы стоят алмазы. Вместе с ними к первой группе драгоценных камней относят сапфиры, изумруды, рубины. Среди них самый дорогой – алмаз.

Добыча алмазов. Россия – абсолютный лидер мирового рынка алмаза. Ежегодно здесь добывают более 40млн. карат алмазов (35 % мировой добычи). В разработку вовлечено 25 месторождений алмазов (14 коренных, 11 россыпных), расположенных в двух субъектах РФ – Якутии и Архангельской области. При этом эксплуатация основных месторождений связана с работой крупнейших горно-обогачительных комбинатов (ГОКов) Якутии (около 80 % добычи алмазов страны): Нюрбинский, Айхальский, Удачный, Мирнинский и др, т.к. в пределах Якутской алмазоносной провинции находится более 150 алмазоносных кимберлитовых трубок. Самые крупные из них: Юбилейная (14 % добычи алмазов в стране), Удачная (9 %), Нюрбинская (6,4 %), Ботуобинская (4,8 %), Интернациональная (4 %), Айхал (3,5 %), Мир, россыпи Анабарского и Приленского алмазоносных районов [9, 10, 11]. На

Архангельскую область приходится около 20 % добычи алмазов в России. Здесь эксплуатируются месторождения им. М.В. Ломоносова: Архангельская трубка (3,5 % добычи в стране), им. Карпинского-1 (2,6 %), им. Карпинского-2, им. М.В. Ломоносова, Пионерская, Поморская и кимберлитовые трубы им. В. Гриба. Вместе с тем в стране существует ряд перспективных месторождений, связанных с Пермским краем (Вишерское, Яйвинское месторождения), Иркутской областью, Красноярским краем.

Таким образом, можно сказать, что география добычи алмазов на территории России ограничивается двумя субъектами РФ: Якутией, где основным оператором является крупнейшая алмазодобывающая компания мира – АЛРОСА (более 90 % добычи алмазов России) и Архангельской областью, кимберлитовые трубы в которой разрабатываются АГД Даймондс (правопреемник АО «Архангельскгеолдобыча») и АЛРОСА («Севералмаз»).

Из других драгоценных камней в России ведется в незначительных объемах *добыча изумрудов и александритов* (Малышевский рудник Свердловской области). *Рубины* встречаются только как редкий попутный материал в месторождениях корунда (Свердловская, Челябинская области, Карелия).

В России добывается более 20 видов *полудрагоценных камней*. По географическим особенностям залегания и добычи их можно разделить на три группы. Во-первых, это камни, имеющие широкую географию распространения. К ним можно отнести: аметист (Свердловская, Магаданская, Иркутская области, Карелия, Якутия, Коми), гранат (Карелия, Свердловская, Камчатская области, Приморский край, Чукотский АО, Якутия, Забайкальский и Красноярский края), жадеит (Красноярский край, Коми, Краснодарский и Камчатский края, Чукотский АО), родонит (Якутия, Свердловская и Иркутская области, Башкирия, Бурятия, Хабаровский край), гелиодор и аквамарин (Забайкальский край, Свердловская и Иркутская области), уваровит (Пермский и Приморский края, Якутия). Во-вторых, камни, обладающие ограниченной площадью распространения: цаворит (Приморский край, Якутия), нефрит (Урал, Бурятия, Тыва), турмалин (Иркутская и Свердловская области), хризоберилл (Свердловская область, Карелия), хризолит (Красноярский край, Мурманская область). В-третьих, камни, редко встречающиеся на территории России: лазурит (Иркутская область), хромдиопсид и чароит (Якутия) и др.

Таким образом, можно отметить, что добыча драгоценных и полудрагоценных камней в России ведется на территории более 20 субъектов РФ. Из них основные месторождения концентрируются в Свердловской области (александрит, изумруд, аметисты, гранат, родонит, гелиодор, аквамарин, нефрит, хризоберилл, турмалин и др.), Иркутской области (аметист, родонит, гелиодор, аквамарин, турмалин, лазурит и др.), Якутии (алмаз, гранат, аметист, родонит, уваровит, цаворит, чароит, хромдиопсид и др.), Приморском крае (гранат, уваровит, цаворит и др.). Также, как и в случае с драгоценными металлами, основные месторождения расположены в азиатской части России на значительном расстоянии от мест ювелирной обработки (европейская часть

страны), что в целом характерно для сырьевых отраслей России. Это одна из причин, препятствующая формированию территориально-производственных комплексов в данном виде экономической деятельности России.

Библиографический список

1. Сергиенко Г.С. Трудности становления рынка драгоценных металлов в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 4 (85).
2. Чертков А.С. Законодательное обеспечение рынка драгоценных металлов и недропользования // Вестник АКСОР. 2009. № 2 (9).
3. Глушко Е.К. Государственное регулирование отрасли драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2016. № 2.
4. Беневольский Б.И., Голенев В.Б. Минерально-сырьевая база драгоценных металлов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2013. № 5.
5. Луняшин П.Д., Ефимов А.П. Золотодобывающая отрасль России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономика Востока России. 2017. № 2 (8).
6. Потоцкая Т.И. Территориальная организация отрасли драгоценных металлов платиновой группы // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3 (19).
7. Потоцкая Т.И. Сегментация мирового рынка бриллиантов: проблемы и реалии // Практический маркетинг. 2006. № 1 (107).
8. Потоцкая Т.И. Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе: специализация и кооперация // Региональные исследования. 2013. № 2.
9. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации» // Федеральное агентство по недропользованию, URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/13175.html>.
10. Справка о состоянии и перспективах использования МСБ на 15.03.2021 г. // Федеральное агентство по недропользованию, URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/page/516.html>.
11. АК «АЛРОСА». URL: <http://www.alrosa.ru/>.

T.I. Pototskaya

GEOGRAPHY OF JEWELRY RAW MATERIALS MINING IN RUSSIA

Abstract. The article focuses on considering the main factor influencing the formation of the Russian jewelry industry – the presence of its own resource base. The leading constituent entities of the Russian Federation are identified, on whose territory the extraction of precious metals (gold, silver, platinum group metals) takes place, with the designation of the main deposits and operating companies. The leading constituent entities of the Russian Federation are identified, on whose territory the extraction of precious stones (diamonds, emeralds, alexandrites) takes place, with the designation of the main deposits and operating companies. The leading constituent entities of the Russian Federation, on whose territory semi-precious stones are mined, are identified. The problematic nature of the formation of TPK is emphasized due to the significant territorial gap between the place of extraction of jewelry raw materials in Russia and the place of its processing.

Key words: jewelry production, precious metals, precious stones, economic geography, Russia.

УДК 911

Ю.В. Преображенский

СЛОЖНАЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Поднимается вопрос об анализе морфологии сложных центр-периферийных систем. В таких системах на территорию (периферию) оказывает влияние два и более центра. Рассматривается пример такого полиядерного воздействия на населенный пункт. Актуализируется проблема описания сложных центр-периферийных систем как совокупности (наложения) нескольких специфических пространств, каждому из которых присущи свои свойства.

Ключевые слова: центр-периферия, частные пространства, географическое поле, сложная центр-периферийная система.

Литература по проблеме показывает существенный методологический задел в данном направлении пространственных (причём не только чисто географических) исследований. Неизбежно упоминание монографии за авторством О.В. Грицай, Г.В. Йоффе, А.И. Трейвиша, включающей базовые подходы к развитию общественных систем в центр-периферийной модели, получившие развитие в трудах многих исследователей [1]. В последние годы тема центра и периферии в методологическом отношении разрабатывалась М.Ю. Казаковым [2], В.А. Кузиным [3]. В отечественной и зарубежной литературе появились статьи, учитывающие частные (тематические) случаи исследования центр-периферийных отношений, например, в отношении инновационного развития [4,5].

Концепция выявления центра и периферии, несмотря на обширность применения, сохраняет, на наш взгляд, некоторые непроработанные вопросы. Одним из них является пространственное наложение центр-периферийных систем разного вида (наполнения), приводящее к полицентрическому воздействию их центров на определённый географический объект. А.Г. Дружинин описывает это явление как «...взаимное пространственное напластование (когда одно «большое пространство» частично перекрывает контур другого и наоборот)» [6].

В современных исследованиях центр и периферия рассматриваются, как правило, в общем смысле, в основном, как зоны социально-экономического пространства, имеющие разную интенсивность какого-то признака. Это априори

означает, что центры в таких системах имеют полный спектр функций (социальных, экономических, культурных и пр.) и способны полностью интегрировать в зону своего влияния определённую близлежащую территорию или населённый пункт. Этот подход представляется несколько упрощённым, не учитывает географические реалии, в которых населённые пункты испытывают воздействие разных по своему содержанию центров. Особенно ярко это проявляется в приграничных территориях.

Очевидным отсюда выглядит типологизация центр-периферийных систем (ЦПС) по числу ядер. Так, например, М.Ю. Казаков разделяет центр-периферийные системы на простые (имеющие одно ядро) и сложные (два и более ядра) [2]. Более глубокая разработка полицентричного концепта требует привлечения теорий географического поля и представления о тематических (частных) пространствах.

Географическое поле (концепция, предложенная в начале 1990-х гг. [7]) насыщено частными полями различных процессов и явлений той или иной степени интенсивности, разной частоты проявления. Исходя из неё, на любой объект в пределах географического поля воздействует ряд ядер (центров), являющихся источниками (генераторами) определённых трансляций. Это влияние имеет разную природу и содержание. Таким образом, более правильным было бы говорить о структуре географического поля как о сумме ядерно-периферийных систем разного происхождения и содержания. Другими словами, географический объект находится (и является его частью) в полисемантическом поле, создаваемом центрами разного уровня и природы.

Представление о том, что выделение пространственных систем должно основываться на анализе характера и интенсивности связей между её потенциальными составляющими (ядрами и ареалами), лежит на поверхности, однако требует существенного объёма информации о потоках внутри системы. Ввиду её недостатка, географам приходится изобретать новые методы по оценке таких потоков (например, объём суточной миграции в пределах агломерации по данным операторов сотовой связи).

Делимитация центра и периферии оказывается возможной по выявлению трансляций внутри ЦПС, а также по центр-периферийному градиенту [8]. Однако в сложных ЦПС трансляции оказываются направлены на территорию из разных центров. Проиллюстрируем сказанное на схеме (рис. 1).

Малый город (1) находится в позиции многоядерного влияния. Он входит в экистическую систему ядра (4), в которой ядро 2 является полупериферией, а сам город 1 периферией. При этом по линии социального обслуживания у малого города сложились наиболее тесные связи (А) с городом 2, который находится в зоне транспортной доступности. Малый город вырос вокруг лесопилки и в прошлом имел производственные связи с мебельной фабрикой в городе 4, однако в последующем переориентировал ресурсные потоки на город 5. Вместе с этим в город 1 стали приезжать рабочие (другого государства) из города 3. Таким образом, малый город включился в производственную ЦПС (Г) с ядром в городе 5 в качестве периферии (поставщик ресурсов), но при этом стал локальным

центром притяжения для города 3 (В). В то же время на малый город оказывает существенное влияние город-миллионер (6), формирующий вокруг себя инновационную полупериферию (Д), куда входят города (1,2,3). Также крупнейший город (6) является для этих городов центром культурной ЦПС. Наконец, города 1,2,4 испытывают воздействие (Е) федерального центра, которое проявляется в унификации и поддержании генерируемых в нём норм и правил финансово-кредитной и таможенной политики. В общем виде это правовое поле, которое, вероятно, нельзя назвать порождением ЦПС, поскольку оно (в теории) однородно по всем радиусам, то есть не имеет центр-периферийного градиента.

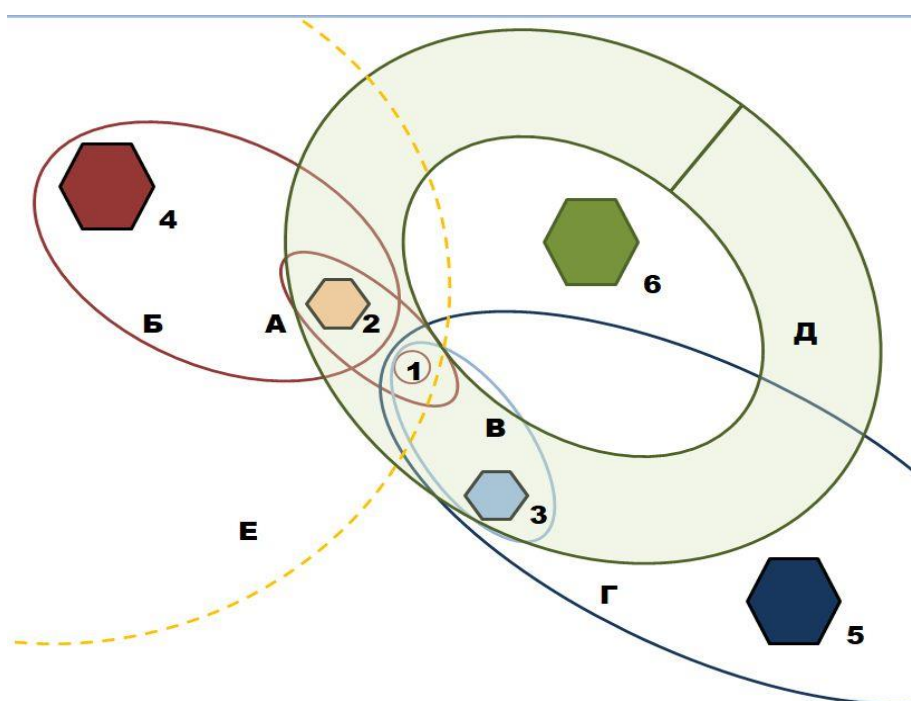

Рис. 1. Вариант нахождения населенного пункта в нескольких ЦПС (цифры обозначают центры того или иного порядка, буквы – зоны их влияния)

Конечно, мы намеренно выбрали наиболее сложный случай полиядерного воздействия на какой-то географический объект. Как правило же, в простых ЦПС единственный центр сосредотачивает все функции, является ядром проявлений всех воздействий для периферийной территории.

Приведённый пример вновь поднимает вопрос о специфических средах, в которых формируется ЦПС. Во многих исследованиях на тему центра и периферии речь идёт или о географическом, или об экономическом пространстве. В первом случае периферия понимается в буквальном геометрическом смысле, как наиболее удалённая от центра территория, во втором – как зона ослабленного (разреженного) взаимодействия между экономическими агентами. Однако можно выделить ряд и других пространств, в которых развиваются специфические (тематические) процессы [9]. Их делимитация обусловлена свойствами их сред, критических для протекания соответствующих процессов. В частности, для предложенного варианта можно предположить наличие следующих пространств (табл. 1).

Таблица 1

Морфология и насыщенность выделяемых пространств

	Географическое (экистическое)	Экономическое	Инновационное	Культурно- информационное
Морфология	точечные, линейные и ареальные элементы и их сочетания	линейно-узловые структуры (материальные)	инновационные полюса (узлы), оси развития и ареалы распространения инноваций	линейно-узловые структуры (нематериальные сети)
Насыщенность	Число антропогенных объектов на единицу площади	созданная стоимость на единицу площади; число транзакций на количество хозяйствующих субъектов	стоимость созданных и используемых инноваций	интенсивность трансляций в сети

М.Ю. Казаков в ходе исследования аграрно-промышленных регионов замечает, что «...периферийные территории имеют свои средовые характеристики и временные отрезки функционирования, которые могут полностью противоречить общей траектории развития региона» [2, С. 310]. На наш взгляд, подобная ситуация может создаваться именно в результате несовпадения частных пространств, когда какая-то периферийная территория хоть и испытывает спад в экономической ЦПС, тем не менее получает импульс развития от ЦПС другого вида (инновационной, культурной).

Характерным различием для территорий центра и периферии будет являться вертикальная насыщенность слоёв (рис. 2)

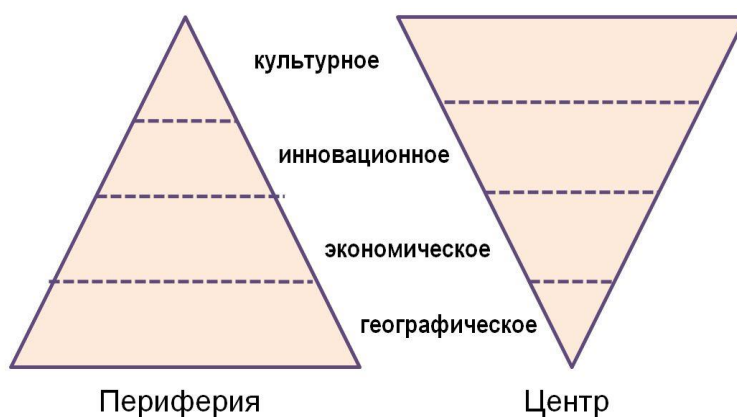

Рис. 2. Организация пространств в пределах центра и периферии (принципиальная схема)

Здесь комплекс пространств центра и периферии оказывается инвертированным: периферия богата географическим пространством, веществом, но бедна гуманитарными смыслами, инновациями и культурой (по крайней мере, массовой культурой), центр – напротив.

В пространственном отношении трансформация каждого слоя описывается процессами поляризации [3] и дрейфа периферийных территорий

[2]. Однако это описание будет неполным без исследования качественных изменений в центре и периферии.

Таким образом, пространственную общественно-природную систему (как наиболее комплексный таксон) можно рассматривать в виде сложного слоистого образования, в котором каждый слой представляет собой специфическое пространство, со своим рисунком центр-периферийной конфигурации. Взаимное влияние слоев и трансформация центр-периферийных отношений в результате этого – задача дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991.
2. Казаков М. Ю. Пространственно-экономические системы «центр-периферия»: теоретические основы, диагностика проблем, стратегические направления развития: монография. Ставрополь, 2020.
3. Кузин В.Ю. Виды поляризации и современные особенности их исследования // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32. № 4. URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9518-2022-32-4-494-503> EDN: USWLUZ.
4. Преображенский Ю.В. Центр и периферия национальной инновационной системы России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 10. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-10-192-14-23> EDN: GZHXBM.
5. Eder J, Trippel M. Innovation in the periphery: Compensation and exploitation strategies // Growth and Change. 2019. Vol.50, Iss. 4. URL: <https://doi.org/10.1111/grow.12328>.
6. Дружинин А.Г. Узловые «структуры континуальности» в пространственной организации общества: подходы к концептуализации // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сборник материалов I Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пермь, 2023. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/aprostranstvennaya-organizaciya-obshchestva-teoriya-metodologiya-praktika.pdf>.
7. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория поля и границ в географии. Концепция географического поля // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 7: геология, география. 1993, № 3.
8. Преображенский Ю.В. Подходы к выявлению центра и периферии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Науки о Земле. 2016. Т. 16, № 4. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221> EDN: XTKAVL
9. Преображенский Ю.В. Составляющие интегративного социально-экономического пространства и их взаимодействие // Теоретическая экономика. 2021. № 3 (75).

Y.V. Preobrazhensky

COMPLEX CENTER-PERIPHERAL SYSTEM OF PUBLIC SPACE: PROBLEM STATEMENT

Abstract: The question about analyzing the morphology of complex center-peripheral systems is raised. In such systems, the territory (periphery) is influenced by two or more centers. An example of such a polynuclear impact on a populated area is considered. The problem of describing complex center-peripheral systems as a

collection (overlay) of several specific spaces, each of which has its own properties, is being updated.

Key words: center-periphery, private spaces, geographical field, complex center-periphery system.

Сведения об авторе

Преображенский Юрий Владимирович, канд. геогр. наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, torofag@yandex.ru.

УДК 911.3 + 379.851

А.И. Чистобаев

СОПРЯЖЕННОСТЬ МЕДИКО-ТУРИСТИЧЕСКОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЙ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Аннотация. В статье определяются место и роль медицинского туризма как элемента системы здоровьесбережения в мировой геополитике и обеспечении международного сотрудничества. Охарактеризованы методы выявления взаимосвязи медико-географических и геополитических аспектов в формировании и функционировании системы здоровьесбережения страны и/или региона. Освещены вопросы прямого и обратного воздействия состояния общественного здоровья и геополитики на развитие медицинского туризма. Раскрыта суть жесткой и мягкой сил геополитики в системе здоровьесбережения. Отражена геополитическая сфокусированность медицинского туризма в условиях трансформации внешней среды.

Ключевые слова: общественная география, медицинская география, общественное здоровье, здравоохранение, геополитика, медицинский туризм, макрорегионы и страны мира.

Введение. Пространственная организация жизнедеятельности людей – важнейшая задача общественной географии, охватывает все сферы жизнедеятельности людей, включая элементы системы здоровьесбережения, в том числе медицинский туризм. В структурный состав этой системы входят организации, учреждения и предприятия, которые реализуют комплекс правовых, экономических, медико-социальных, психолого-педагогических и производственно-технологических мер по сохранению и укреплению общественного здоровья. Обеспечение взаимосвязи и взаимодействия элементов системы здоровьесбережения – залог успеха в работе, а эффективность ее существенно возрастает при международном сотрудничестве, в частности, в области медицинского туризма. Получив на стыке веков бурный всплеск в

развитии, ныне этот вид туризма, натолкнулся на геополитические рога́тки, что отразилось на состоянии систем здоровьесбережения всех уровней – глобального, странового, регионального.

Общественное здоровье как объект управления. В последнем десятилетии прошлого века общественное здоровье в России находилось в кризисной ситуации: резко сократилась рождаемость и возросла смертность населения; ожидаемая продолжительность жизни по сравнению с предыдущим десятилетием сократилась для мужчин на 12 лет, для женщин – на 10 лет, миграционный отток населения достиг невиданных ранее масштабов. В этой ситуации возникла необходимость в принятии срочных мер по улучшению геодемографической ситуации в стране, в связи с чем был разработан и принят национальный проект по обеспечению здоровьесбережения [1]. Термин «здоровьесбережение» не тождественен термину «здравоохранение», ибо, помимо собственно медицинских учреждений, он вбирает в себя и другие элементы общественного здоровья.

Концептуальное осмысление дефиниции «общественное здоровье» ныне широко используются в практике управления, но единого толкования его нет. По нашему мнению, общественное здоровье – это интегрированная социально-демографическая категория, которая отражает способность населения страны и/или региона полноценно выполнять задачи по всестороннему развитию общества. Состояние и динамика общественного здоровья обуславливается качеством жизни населения, состоянием региональной среды, инновациями в здравоохранения, квалификацией медицинского персонала [2].

Медико-туристическая функция здоровьесбережения. Одно из наиболее динамично развивающихся направлений здоровьесбережения – медицинский туризм. Этот специфический вид деятельности относится как к медицине, так и экономики, поскольку приносит доходы в государственные, муниципальные и бизнес-структуры; кроме того, он играет важную роль в глобальных геополитических процессах.

По вопросу взаимодействия международного туризма и геополитики в научной литературе отражаются разные аспекты. Наиболее распространены теоретические исследования общего характера, в том числе посредством выявления контекстов, концептов и значения геополитики для современной индустрии туризма [3-5]. Затем следуют труды, описывающие контекст конкретного региона, преимущественно по Европе [6] и Ближнему Востоку [7]. Особое место отводится анализу межгосударственных взаимодействий в случаях стихийных бедствий и эпидемий [8].

К методологии выявления влияния геополитики на медицинский туризм. Исследование системы здоровьесбережения в ракурсе геополитики базируется на совокупности методов. Так, статистические методы позволяют определить количественные параметры въездного и выездного туризма, долю доходов от туризма в ВВП, в том числе в периоды геополитических обострений. На основе математических методов можно рассчитать индекс геополитического риска [9], набор панельных данных на основе выявления модели LASSO с использованием

зависимых и независимых переменных [10]. Пространственные взаимосвязи геополитики и туризма устанавливаются на основе использования геоинформационных технологий [11]. Методы аналогий и ключей дают возможность установить общее и особенное в организации медико-оздоровительного и туристско-рекреационного пространств.

Геополитические исследования в области медицинского туризма направлены на фиксацию межгосударственных и территориальных конфликтов, выявление баланса сил между государствами, стратегических интересов и ресурсов, разрешение вопросов безопасности и внешней политики. Это многогранное поле научного поиска помогает понять, как географическое положение, материально-технические и природные ресурсы влияют на принятие решений в области здоровьесбережения.

Медицинский туризм как инструмент геополитики. Ныне геополитика выражается не только через военные и экономические инструменты (жесткая сила), но и через культуру, религию, средства массовой информации и другие политические ценности (мягкая сила) [12]. Такое двуединство геополитики характерно для всех сфер деятельности, включая туризм вообще и медицинский туризм в частности. Состояние развития системы здоровьесбережения характеризует имидж страны и выступает важным инструментом в продвижении ценностей государства. В медицинском туризме жесткая сила проявляется в значительной мере через экономические интересы, но военные оказывают первостепенное действие. Мягкая сила туризма в глобальной геополитике направлена на повышение привлекательности туристских дестинаций, рост численности туристов, разрушение стереотипного представления со стороны въезжающих туристов, особенно студентов, о стране пребывания. И если жесткая сила нарушает стабильность международного положения, то мягкая сила способствует укреплению взаимопонимания народов и повышению эффективности сотрудничества, открывает возможности для быстрого продвижения идей и намерений государства.

Современная практика международных отношений в области здоровьесбережения показывает, что реализация мягкой силы – это важный проводник интересов государств, особенно тех, которые являются крупными игроками на рынке. Так, Китай укрепляет не только культурные, экономические и политические, а и медико-оздоровительные связи с другими странами на основе и в рамках программ «Шелковый путь – один пояс» и «Один пояс – один путь». Подход к туризму, с одной стороны, связан с привлечением в свою страну молодого и подрастающего поколения других стран для обучения и обмена студентами, что способствует укреплению престижных позиций КНР, особенно в развивающихся странах, а с другой – формирует позитивную туристскую дипломатию, что способствует укреплению и продвижению положительного имиджа государства [13].

Своеобразен опыт развития международного туризма в Мальдивах: в отличие, скажем, от того же Китая и тем более европейских стран здесь нет существенных достижений в использовании высоких технологий в медицине, но

зато развитию оздоровительного туризма благоприятствует островное положение страны: несмотря на мусульманское вероисповедание здесь развит пляжный туризм. На долю туристской отрасли в этой стране приходится треть ВВП, что во многом способствует повышению уровня и качества жизни населения, наращиванию темпов развития экологического туризма, а вслед за ним – и созданию предпосылок для развития медицинского туризма.

В противоположность рассмотренным выше странам Япония продвигает свои экономические, социальные и политические интересы и, соответственно, стратегические цели, создавая имидж технологически развитой страны, способной добиться высокого уровня развития медицины, а следовательно, – и медицинского туризма. Кроме того, эта страна может похвастаться богатыми культурными традициями посредством умелого управления своей мягкой силой и публичной дипломатией. Так называемая культурная дипломатия в Японии направлена на продвижение не только культурных, а и медико-оздоровительных индустрий (для сравнения: спортивная дипломатия – на успех японских спортсменов в олимпийском движении) [14]. Сочетание и взаимодействие в развитии всех этих видов туризма обеспечивает синергетический эффект.

Резкое снижение интереса к туристической сфере в 2020-е гг. (рис. 1) обусловлено либо чрезвычайными ситуациями глобального характера (например, рост терроризма и экстремизма на Ближнем Востоке, в частности в Сирии), либо повышением конфликтности в глобальном географическом пространстве. Один из ярких примеров в этом отношении – российско-украинский конфликт, который привел к снижению числа иностранных туристов не только в самой Украине, но и в странах Центральной и Восточной Европы. Аналогичные последствия в сфере международного туризма влекут за собой израильско-палестинский конфликт, а также эпидемиологические ограничения, обусловленные COVID-19.

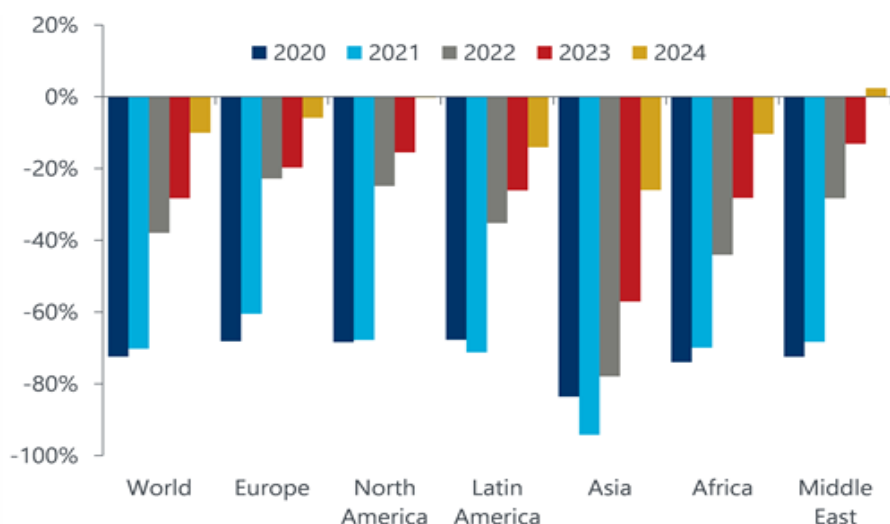

Рис. 1. Динамика туристической отрасли в макрорегионах мира (2020–2023 г.г., 2024 г. – прогноз)

Источник: <https://www.oxfordeconomics.com/resource/global-tourism-outlook-in-2023/>

Самый сильный спад в туристических потоках связан с COVID-19. Вместе с тем сказались и геополитические события: политическая нестабильность в странах Магриба, политические и природные катаклизмы в Турции, специальная военная операция России на Украине, геоэкономические события в Таиланде. В более стабильных в политическом отношении монархиях (ОАЭ и др.), как и в демократических Франции и Испании спад турпотока обусловлен и экономическим кризисом 2008 г.

Геополитическая сфокусированность медицинского туризма. Будучи элементом системы здоровьесбережения, этот вид туризма содействует развитию здравоохранения и экономики, не оказывая при этом негативного воздействия на природу. Более того, он обеспечивает набор инструментов (мер) по экологизации туристской деятельности, формированию туристско-рекреационных систем, оздоровлению территории. В последние в его развитии проявился ряд устойчивых тенденций: 1) население осознало преимущества получения некоторых видов медицинских услуг за пределами своего места постоянного проживания, стало обращаться за специализированной медицинской помощью в другие страны; 2) медицинские клиники в конкурентной борьбе за клиентов больше внимания уделяют развитию сервиса в предоставлении не только собственно медицинских, а и других видов услуг; 3) медицинский туризм способствовал развитию инфраструктуры, но главное – стал участником геополитических процессов.

Медицинский туризм подвержен влиянию современных глобальных вызовов. Так, геополитические события и напряженные отношения между странами отрицательно влияют на его развитие. Политические конфликты, санкции и другие виды воздействий на международные отношения ограничивают доступ стран к качественному получению медицинских услуг, влияют на выбор потенциальными пациентами дестинаций туризма.

Медицинские туристы представляют особую категорию путешественников, которые отличаются от обычных туристов не только своими специфическими целями, но и уровнем вовлеченности в сообщество принимающей страны, способствуя тем самым взаимопроникновению культур и жизненных укладов. Важным аспектом их взаимодействия с сообществом принимающей страны является участие в местной жизни: посещая местные рестораны, магазины, культурные мероприятия, туристы как бы становятся на время частью общества и углубляют связи с местными жителями. Таким образом, медицинский туризм становится важным фактором взаимопонимания и сотрудничества народов на мировой арене.

Заключение. Система здоровьесбережения – динамично развивающееся направление медицины, экономики и межгосударственных взаимодействий, зависит от складывающихся на мировой арене геополитических ситуаций, влияет на государственную политику, укрепление доверия между народами, формирование имиджа страны.

Взаимосвязь медицинского туризма и геополитики выражается как жесткой силой (военные и экономические инструменты препятствуют

межгосударственному сотрудничеству), так и мягкой силой (культура и политические ценности укрепляют взаимопонимание между народами, эффективность взаимодействий).

Медицинский туризм – доходная отрасль национальных экономик, важный инструмент укрепления межгосударственных отношений, эффективности систем здоровьесбережения.

Источник финансирования: грант РНФ № 23-28-00279 «Траектории развития рынка медицинского туризма в условиях перестроения мирового порядка».

Библиографический список

1. Общественное здоровье: эволюция понятия в стратегических документах охраны здоровья и развития здравоохранения в странах мира / Е.И. Аксенова, Н.А. Гречушкина, Т.Н. Каменева, Н.Н. Каманина. М., 2021.
2. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знания. СПб., 2015.
3. Galimova L.I., Galimov Sh.Sh., Zinnurov I.N. Tourism and geopolitics: interaction at the present stage // Progressive Economics. 2022. № 4.
4. Mostafanezhad M., Norum R. Towards geopolitics of tourism // Annals of Tourism Research. 2016.
5. Gillen J., Mostafanezhad M. Geopolitical encounters of tourism: A conceptual approach // Annals of Tourism Research. 2019. № 75.
6. Berryman J. Crimea: geopolitics and tourism. In Tourism and geopolitics: issues and concepts from Central and Eastern Europe. Wallingford UK: CABI, 2017.
7. Rowen I. The geopolitics of tourism: Mobilities, territory, and protest in China, Taiwan, and Hong Kong // Annals of the American Association of Geographers. 2016. № 106 (2).
8. Seyfi S., Hall C.M., Shabani B. COVID-19 and international travel restrictions: the geopolitics of health and tourism. Tourism Geographies. 2023. № 25(1).
9. Akamavi R.K., Ibrahim F., Swaray R. Tourism and Troubles: Effects of Security Threats on the Global Travel and Tourism Industry Performance // Journal of Travel Research. 2022. 62(8). URL:<https://doi.org/10.1177/00472875221138792>.
10. Kang S., Kim J., Nicholls S. National Tourism Policy and Spatial Patterns of Domestic Tourism in South Korea // Journal of Travel Research. 2014. 53(6). URL: <https://doi.org/10.1177/0047287514522875>.
11. Kjellen R. Der Staat als Lebensform. Leipzig, 1917.
12. Jinsheng (Jason) Zhu, Aranya Siriphon, David Airey & Jin Mei-lan. Chinese tourism diplomacy: a Chinese-style modernity review // Anatolia. 2022. № 3.
13. Casado Claro Maria Francisca, Pastrana Huguet José, Saavedra-Serrano María Concepción. Tourism as a Soft Power Tool. The Role of Public Diplomacy in Japan's Country and Destination Branding. // Journal of Tourism, Sustainability and Well-being. 2023. № 11.
14. Semenova Z.A., Chistobaev A.I., Grudtsyn N.A. Features of medical tourism development during a pandemic // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2021 T. 16, № 4.

CONNECTION OF MEDICAL-TOURISM AND GEOPOLITICAL FUNCTIONS OF HEALTH PROTECTION IN INTERNATIONAL COOPERATION

Abstract. The article defines the place and role of medical tourism as an element of the health care system in global geopolitics and ensuring international cooperation. Methods of identifying the relationship between medical-geographical and geopolitical aspects in the formation and functioning of the health care system of a country and/or region are characterized. The issues of direct and reverse impact of the state of public health and geopolitics on the development of medical tourism are covered. The essence of the hard and soft forces of geopolitics in the health care system is revealed. The geopolitical focus of medical tourism in the context of transformation of the external environment is reflected.

Key words: human geography, medical geography, public health, healthcare, geopolitics, medical tourism, macro-regions and countries of the world.

Сведения об авторе

Чистобаев Анатолий Иванович, Заслуженный деятель науки России, Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле СПбГУ, chistobaev40@mail.ru

**МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАНЕЛИ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

УДК [911.3+325.14](480+481)

М.М. Агафшин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

**АРКТИЧЕСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ МАРШРУТ:
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ¹**

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования Арктического миграционного маршрута в период после начала Европейского миграционного кризиса. Определяются причины активизации перемещения вынужденных мигрантов по данному маршруту. Делается вывод, что меры по ужесточению миграционного законодательства и пограничного контроля со стороны Норвегии и Финляндии, с целью ограничить поток искателей убежища не являются эффективным решением миграционной ситуации.

Ключевые слова: миграция, Европейский миграционный кризис, Арктический маршрут, миграционная политика, Россия, Финляндия, Норвегия.

В XXI в. в связи с нарастанием процессов глобальной нестабильности и турбулентности в различных регионах мира происходит интенсификация миграций населения. Наиболее ярким примером обострения политических, экономических и социокультурных проблем, порождаемых ростом масштабов международной миграцией проблем стали события Европейского миграционного кризиса 2015 г [1]. В результате миграционного кризиса всего за один год в европейских странах оказалось около 1,3 млн беженцев и нелегальных мигрантов. А всего с 2015 по 2019 гг. на территорию ЕС – прежде всего, из Сирии и Ирака, а также из других стран Ближнего Востока и Африки – попали более 4,4 млн беженцев, то есть почти столько же, сколько за предыдущие полтора десятилетия [2]. В дальнейшем, в 2020–2021 гг. в связи с пандемией COVID-19, приведшей к беспрецедентному по своему масштабу закрытию большинства международных границ, поток беженцев в ЕС стал сокращаться. Однако численность беженцев и мигрантов, желающих найти приют в Европе, вновь начала расти с 2022 г., когда в странах Евросоюза было подано почти 875 тыс. первичных заявок о предоставлении убежища из 140 стран [3].

Традиционно важными маршрутами для миграции в ЕС являются *Восточно-средиземноморский* и *Центрально-средиземноморский*, аккумулирующие потоки мигрантов как из азиатских, так и из африканских

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

стран. По мере роста мощности потоков по данным маршрутам, последовало усиление пограничного контроля и борьбы с незаконной миграцией со стороны некоторых стран ЕС (Австрия, Чехия, Германия, Италия и др.) [4; 5], а также заключение соглашения между ЕС и Турцией по задержке беженцев на ее территории, мигранты стали искать новые возможности достижения территории стран ЕС. К тому же путь в Европу на лодках через Средиземное море оказался не только дорогим, но и чрезвычайно опасным для мигрантов.

В результате альтернативным путем проникновения в Европу стал маршрут через восточные границы ЕС, используя который мигранты проникали на территорию региона через сухопутную границу РФ, Белоруссии, Украины, Молдавии с восточными и северными государствами-членами ЕС, а также с Норвегией. Часть данного пути на участке пограничья между Российской Федерацией с Финляндией и Норвегией получила название *Арктического маршрута*. Масштабы нелегальной миграции на данном маршруте незначительны по сравнению с основными маршрутами, что объясняется периферийностью его географического положения, суровостью климатических условий и строгостью пограничного контроля на маршруте. Тем не менее, Арктический маршрут для мигрантов часто оказывался безопаснее и значительно дешевле традиционных путей в Евросоюз, пролежавших через Средиземное море и границы балканских стран [6].

Пик миграции по Арктическому маршруту приходится в основном на период октября 2015 г. по февраль 2016 г., при этом до декабря 2015 г. главный поток беженцев проходил через российско-норвежскую границу, а с декабря 2015 г. – он переместился на границу с Финляндией. Большинство переселенцев составляли граждане стран Ближнего Востока и Африки, прежде всего, Сирии, Афганистана и Сомали. Лишь примерно четверть лиц, въехавших в Норвегию и Финляндию и попросивших в этих странах убежища, до этого длительное время пребывали в России [7]. Мигранты, получив предварительно российскую туристическую или студенческую визу, направлялись из своих стран воздушным транспортом в Москву, далее поездом в Мурманск, затем в Кандалакшу и через автомобильный пункт пропуска Сторског – Борисоглебск попадали в Норвегию², где просили об убежище. Согласно Дублинскому регламенту, действующему в ЕС и Норвегии, каждое прошение об убежище как правило рассматриваются в первой стране прибытия, даже если у просителя нет визы, поэтому немедленная депортация им не грозила. Всего из России в Норвегию за 2015 г. на законных основаниях было пропущено более 5,5 тыс. чел. или около 20% от общего числа просителей убежища [8].

После принятия норвежской стороной мер по ужесточению миграционного законодательства, приведших к ограничению пропуска в страну беженцев, произошло смещение Арктического миграционного потока на юг к границе Финляндии и России, на самые ее северные пункты пропуска Райя-Йоосеппи – Лотта и Салла – Салла. С декабря 2015 г. по февраль 2016 г. в

² Мигранты пересекали границу Норвегии и Финляндии на купленных в России велосипедах, т.к. границу нельзя пересекать пешком.

Финляндию из России было пропущено около 1,7 тыс. просителей убежища (4,6 % от их общего потока в стране за тот период) [7], с марта 2016 г. по инициативе финских властей данные пункты пропуск для иностранных граждан были закрыты на 180 дней. В результате дальнейшие перемещения мигрантов по Арктическому маршруту были фактически прекращены. Так по данным финских властей с декабря 2017 по сентябрь 2023 гг., в среднем из России в Финляндию прибывало не более 10 беженцев за месяц [9]. Важнейшим фактором стабилизации ситуации на границе России и Финляндии являлись доверительные отношения и активное сотрудничество между пограничными службами обеих стран.

Однако с 2022 г. Финляндия, двигаясь в фарватере антироссийской политики Евросоюза и США, решила фактически разорвать взаимовыгодные связи с Россией, том числе был расторгнут договор о приграничном сотрудничестве. Ослаблением приграничного сотрудничества воспользовались разнообразные посредники из стран Азии и Африки, организующие миграцию своих граждан в Евросоюз для «реанимации» Арктического маршрута. По данным финских властей, в ноябре 2023 г. около 900 мигрантов из Йемена, Афганистана, Кении, Марокко, Пакистана, Сомали и Сирии пересекли границу со стороны России, чтобы подать в Финляндии заявление о предоставлении убежища [9]. В ответ финские власти и Евросоюз обвинили Россию в инструментализации процесса миграции в ее геополитическом противостоянии с НАТО [10], а с 30 ноября 2023 г. Финляндия приняла решение полностью закрыть границу с Россией до конца февраля 2024 г., в результате передвижение беженцев по Арктическому маршруту было прекращено во второй раз. Правительство Финляндии также приняло решение о строительстве на восточной границе заграждения длиной около 200 км., которое должно, по их мнению, стать непреодолимой преградой для мигрантов.

К сожалению, своими действиями финские власти, доказывают, что они так и не осознали, того, о чем со всей убедительностью свидетельствует вся история функционирования Арктического маршрута – ключ к решению проблем миграции находится не в строительстве стен на путях перемещения беженцев и закрытие границ, а в укреплении приграничного сотрудничества между странами транзита и назначения переселенцев.

Библиографический список

1. Агафшин М.М. От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы. М., 2023.
2. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68, № 1.
3. Asylum. Applications. URL: https://doi.org/10.2908/MIGR_ASYAPPCTZA.
4. Сидорова Г.М., Жерлицына Н.А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 9.

5. Захаров И.А., Агафшин М.М. Реформирование политики убежища и контроля нелегальной миграции: общеевропейский и польский подход // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18, № 3.
6. Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. Управление транзитной миграцией в регионе Западных Балкан // Общественные науки и современность. 2023. № 5.
7. Piipponen M., Virkkunen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing “Arctic Route Episode” of 2015-2016 // RUDN Journal of Economics. 2017. Vol. 25, No. 4.
8. Нелегальная миграция и конфликты в мире меняют ситуацию на границе. URL: <http://ps.fsb.ru/fps/smi/appearance/detail.htm%21id%3D10321180%40fsbAppearance.html>.
9. Finland to close all but one Russia border crossing to stop asylum seekers. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/22/finland-to-close-all-but-one-russia-crossing-point-to-stop-asylum-seekers>.
10. Finland to block border amid Russian ‘instrumentalisation of migrants’. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/11/17/finland-to-place-barriers-on-russian-border-to-block-migrant-flow>.

M.M. Agafoshin, S.A. Gorokhov, R.V. Dmitriev

ARCTIC MIGRATION ROUTE: THE CAUSES OF ITS OCCURRENCE AND FUNCTIONING

Abstract. The article is devoted to the analysis of the functioning of the Arctic migration route in the period after the start of the European migration crisis. The reasons for the increased movement of forced migrants along this route are determined. It is concluded that measures to tighten migration legislation and border controls by Norway and Finland in order to limit the flow of asylum seekers are not an effective solution to the migration situation.

Key words: migration, European migration crisis, Arctic route, migration policy, Russia, Finland, Norway.

Сведения об авторах

Агафшин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, agafoshinmm@gmail.com.

Горохов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, stgorohov@yandex.ru.

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, dmitrievrv@yandex.ru.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КЛИМАТА НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН И РЕГИОНОВ РОССИИ)

*Россия – огромная холодная страна,
в которой «если водку пить не будешь,
то волком завоешь»*

Аннотация. Глобальные изменения климата всегда были взаимосвязанными и взаимозависимыми с другими подсистемами Геосферы. Циклический характер климатических изменений накладываясь на цикличность развития общества приводит к возникновению сложно-периодических циклов, что затрудняет как прогнозирование, так и выбор способов реакции. Целью доклада является сравнительный анализ трех возможных сценариев реакции на эти изменения: уход, защита, адаптация. Для выявления устойчивых закономерностей выбран стандартный двухтысячелетний отрезок времени, в который укладываются основные фазы климатических состояний: Римский климатический оптимум (250 г. до н.э. до примерно 400 г. н.э.); Раннесредневековый пессимум (400–1000 гг. или с падения Западной Римской империи в 476 г. до начала XII в.); Малый климатический оптимум (1000–1300 гг.) и др.

Ключевые слова: система, подсистема, изменение климата, адаптация.

Общие тезисы:

- геосфера многослойна и иерархично структурирована на подсистемы различной природы, масштаба и уровней;
- связи между подсистемами и внутри них на стреле времени делятся на устойчивые (долговременные) и стохастический (кратковременные), но все они носят вероятностный характер;
- неравновесность - условие эволюции подсистем и новой организации;
- будущее в принципе не прогнозируемо (И. Пригожин), т.к. хотя причинно-следственные связи и сохраняются после пп-ой бифуркации их воспроизвести становится невозможным, если у вас нет «нити Ариадн»;
- у подсистем есть три сценария реакции на внешние воздействия: уход, защита и адаптация.

Учитывая, что климатических прогнозов достаточно много, а производные от них изменения в природной среде многовариантны, и многовариантно их воздействие на территориальные социально-экономические системы, которые сами находятся в зоне неравновесности, необходим широкий набор (линейка) подходов и методов на каждый возможный вариант (цепочку событий) трансформации окружающей среды и адаптации к ней.

Главное следствие глобальных изменений на коротком временном отрезке, многократно повышающее риски устойчивого функционирования территориальных систем – это нарастание отклонений от средних значений трендов и тенденций, на которые настроены как природные и общественные, так подавляющая часть технических систем.

Решение подобной задачи, требует сочетания глобального, регионального и локального подходов (что соответствует иерархичности структуры природы), с соответствующим набором методов.

Для принятия управленческих решений требуется стоимостная оценка рисков и вариантов стратегий реагирования на них (уход, защита, адаптация). Учитывая, что наиболее быстрые изменения происходят в высоких широтах, именно этот регион наиболее подходит для апробации комплексов сценариев и моделей адаптации.

Возможная цель – стоимостная оценка комплексов природных и производных от них социально-экономических рисков на разных территориальных уровнях.

Исследования 1000-летней истории влияния климатических циклов на Россию демонстрируют очевидную связь климата и хозяйственной деятельности человека. Как только природная обстановка ужесточается – темпы освоения территории резко снижаются, и наоборот. Можно говорить, что экономика «теплеет» и «холодеет» вслед за градусником термометра. Когда мир входил в мягкие климатические фазы, поморы «заходили в Сибирь, а в 1930–1940-е гг. шло активное освоение Арктики.

Основная проблема выявления взаимосвязи климата с экономикой состоит в том, что климатические циклы существенно длиннее, чем социально-экономические. Если оценивать их динамику за последние 2000 лет, то можно выделить несколько периодов похолодания и потепления:

- Римский климатический оптимум (250 г. до н.э. до примерно 400 г. н.э.),
- Раннесредневековый пессимум (400–1000 гг. или с падения Западной Римской империи в 476 г. до начала XII в.),
- Раннесредневековый оптимум (малый климатический оптимум) (1000–1300 гг.),
- Позднесредневековый климатический оптимум / малый ледниковый период (1300–1850 гг.),
- «Глобальное потепление».

По данным прямых климатических наблюдений (измерение температур в течение последних 200 лет, т. е. со времени конца малого ледникового периода), средние температуры на Земле повысились, однако споры о причинах не затухают. Сторонники «внешних» воздействий, говорят об изменениях орбиты Земли (циклы Миланковича) и солнечной активности, вулканические выбросы и парниковый эффект. причины такого повышения остаются предметом дискуссий. Одной из наиболее широко обсуждаемых причин является антропогенный парниковый эффект.

Считается, что мягкий климат (жаркий, но не засушливый) способствовал процветанию крупных империй. В Северной Африке климат был более влажным, что способствовало формированию Карфагена – конкурента Рима. После разгрома последнего именно к этому периоду относится максимальное расширение Римской империи – отступление ледников и освобождение перевалов обеспечили завоевание Галлии, Нижней и Верхней Германии, как ранее проходу армии Ганнибала с севера. В аграрном секторе юга Германии и Англии распространяется виноградарство и виноделие, чему способствует и рост численности населения. Его следствием является создание предпосылок для великого переселения народов с севера к границам Империи в поисках «жизненного пространства».

Климатический пессимум раннего Средневековья [1] корреспондирует с «великими переселением народов», как следствия общего похолодания климата в Европе, продолжавшегося несколько столетий, с кульминацией в середине VI в. В течение этого периода среднегодовые температуры были на 1–1,5 гр. ниже современных при более высокой влажности. Для него характерно нарастание горного оледенения, вытеснение виноградарства, а затем и зернового хозяйства вновь в Средиземноморье. В Норвегии в VI в. н.э. было заброшено 40 % крестьянских хозяйств [2]. Стали значительно холоднее зимы, участились поздневесенние и раннеосенние заморозки, наводнения и другие неблагоприятные и опасные природные явления, в результате чего участились неурожаи и как следствие рост заболеваемости (проказа), массовый голод, рост смертности и как следствие депопуляция. Большинство историков считает именно пессимум «спусковым механизмом» великого переселения народов [3].

Средневековый климатический оптимум (X–XIII вв.) отличался более теплыми зимами, меньшей повторяемостью неблагоприятных опасных явлений. Именно в этот период скандинавы заселяют Исландию (870 г.) и Гренландию (с 986 г.). С началом похолодания в XV в. поселения были покинуты. Для нашей страны это время стремительного славянского земледельческого освоения и роста населения в Северо-Восточной Руси. Об этом свидетельствует и резкий рост числа городов. В IX и X вв. возникают Новгород, Киев, Полоцк, Ростов Великий, Муром, Белоозеро на севере, Смоленск, Псков, Переяславль-Залесский, Чернигов, Белгород, Торжок, Брянск и многие другие (29 городов), в том числе не дошедшие до наших дней. А уже в XI в. к ним прибавились еще 60 городов, правда в основном за границами нынешней РФ. Хорошо виден и резкий спад возникновения городов в XIV и XV вв.

В качестве возможных причин средневекового тёплого периода обычно указываются повышенная солнечная активность и снижение активности вулканизма. Альтернативой выступает теория периодических колебаний интенсивности Гольфстрима [4]

Вслед за малым климатическим оптимумом (X–XIII вв.), последовал малый ледниковый период (пессимум) (XIV–IX вв.). В этих временных границах выделяют три этапа:

– XIV–XV вв. [54] предположительно связан с замедлением Гольфстрима. В границах России это многократное повторение дождливого летнего сезона. В первой половине XIV в. не основано ни одного города, а чума 1340–1350-х гг., которую связывают с холодным и влажным климатом, уничтожила многие из ранее созданных,

– XVI в., относительно теплый период, в России период возобновления активного городского строительства,

– XVII–XIX вв., наиболее холодный период (Маундеровский минимум). В России это аномально холодные 1601–1604 гг., согласно общему мнению отчасти спровоцировавшие «Смутное время».

Циклический характер динамики климата, серьезный аргумент против антропогенной природы глобального потепления. Компромиссным вариантом может быть точка зрения о сложении двух факторов – цикла потепления климата в результате естественно исторических причин и дополнительное наведенное влияние эмиссии парниковых газов.

Приведенный обзор, с очевидностью подтверждает тезис о том, что общество выросло из природы, и поэтому природная детерминанта оказывала и оказывает на развитие его экономики сильнейшее воздействие.

Из множества географических факторов развития современного российского общества наиболее существенными являются планетарное положение в высоких и средних широтах, глобальные пропорции между морем и сушей, горами и равнинами, крупными природными зонами.

Поскольку конкурентоспособность стран и регионов во многом определяется энерго- и транспортностью ВВП (ВРП), то очевидно, что северное географическое положение и размеры территории повышают удельный вес климатических (энергетических) и транспортных (территориальных) издержек (табл. 1).

Таблица 1

Зависимость душевого потребления электроэнергии от широты (по странам Европы)

Государства	Потребление электроэнергии в 2021 г., тыс. кВт.ч/чел.	Широта, гр.
Исландия	52,7	65
Норвегия	23,0	60
Финляндия	15,2	62
Швеция	12,7	60
Австрия	7,7	48
Бельгия	7,2	51
Швейцария	6,8	47
Дания	6,6	56
Франция	6,4	48
Нидерланды	6,4	52
Германия	6,1	51
Италия	5,1	44
Испания	5,0	40
Португалия	4,7	38
Великобритания	4,2	52

Хорошо видна взаимосвязь широтного положения и энергопотребления, даже при страновом осреднении. Есть и нюансы, хорошо понятные для географа. В Великобритании влажный и относительно теплый климат, что сдвигает широту географического положения к виртуальному югу

Низкие температуры на огромных пространствах России требуют огромных дополнительных энергозатрат просто для того, чтобы перезимовать.

Таблица 2

Зависимость душевого потребления электроэнергии от широты
(по регионам Европейской части России)

Субъект РФ	Потребление электроэнергии тыс. кВт.ч/чел.	Широта, гр.
Мурманская область	17,1	68
Вологодская область	14,1	60
Республика Карелия	13,0	63
Республика Коми	10,8	63
Архангельская область	9,1	65
Новгородская область	8,132	58
Кировская область	6,124	59
Костромская область	5,895	59
Владимирская область	5,699	56
Воронежская область	5,429	51
Ростовская область	4,986	47
Краснодарский край	4,4	45
Республика Адыгея	4,0	45
Карачаево-Черкесская Республика	3,2	44
Республика Северная Осетия- Алания	2,4	43
Кабардино-Балкарская Республика	2,2	43

Примечание. Составлена по расчетам автора на основе данных Росстата.

Сравнение двух таблиц показывает, что электропотребление северных регионов Европейской России практически равно со скандинавскими соседями, что опровергает тезис о более высоких потерях энергии в России в сравнении с индустриальными странами

В расселении и специализациях сельского хозяйства существенное влияние оказывают уже на мезоуровне различия в условиях проживания и ведения хозяйственной деятельности между долинными комплексами речных бассейнов и плакорами. Иными словами, для географических исследований нужна конкретизация общих климатических трендов по отраслям экономики и территориальным подсистемам.

Из таблицы 3 можно увидеть и явно выраженную зависимость урожайности от широты в умеренно-континентальном климате. Регионы севера Центральной России имеют урожайность в среднем ниже в 1,5–2 раза, чем в средней полосе. Последние имеют урожайность в 2–3 раза более низкую, чем у регионов юга России (Центрально-Черноземный и Северокавказский районы).

Таблица 3

Зависимость урожайности зерновых от широты для регионов Европейской части России

Субъект РФ	Урожайность зерновых (2021–2022 гг.)	Широта, гр.
Кабардино-Балкарская Республика	60,1	43
Краснодарский край	57,9	45
Республика Северная Осетия-Алания	56,8	43
Республика Адыгея (Адыгея)	49,5	45
Карачаево-Черкесская Республика	48,8	44
Курская область	46,3	51
Белгородская область	45,2	50
Липецкая область	39,1	53
Ростовская область	37,9	47
Брянская область	37,7	53
Орловская область	36,0	53
Тульская область	36,0	54
Рязанская область	35,3	54
Московская область	35,1	55
Тамбовская область	35,0	53
Воронежская область	34,0	51
Псковская область	29,5	57
Чувашская Республика – Чувашия	25,7	55
Республика Мордовия	23,8	54
Нижегородская область	22,0	56
Новгородская область	19,6	58
Калужская область	19,0	54
Смоленская область	16,9	55
Республика Марий Эл	16,9	57
Ивановская область	16,8	58
Кировская область	15,9	59
Владимирская область	15,8	56
Тверская область	12,7	58
Костромская область	12,4	59
Вологодская область	12,3	60

Примечание: составлена по расчетам автора на основе данных Росстата.

Разумеется, в приведенных примерах взаимосвязи огрублены, индивидуальные особенности регионов не учитываются, но и общий детерминистический тренд просматривается достаточно наглядно.

Библиографический список

1. J. Behringer Kulturgeschichte des Klimas. München, 2007.
2. Ulf Büntgen, Vladimir S. Myglan, Fredrik Charpentier Ljungqvist, Michael McCormick, Nicola Di Cosmo. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geoscience. T. 9.
3. Behringer W. Kulturgeschichte des Klimas. Von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung. München, 2007.

4. Кригель А.М., Пигулевский Ю.В. О подобии между колебаниями типа цикла индекса в атмосфере и в океане // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Сер.7, Геология. География. 1990. Вып. 4(28).

5. Hans-Rudolf Bork, Helga Bork, Claus Dalchow et al.: Landschaftsentwicklung in Mitteleuropa: Wirkung des Menschen auf Landschaften. Gotha 1998.

V.L. Baburin

THE IMPACT OF CLIMATE ON TERRITORIAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS (BASED ON THE EXAMPLE OF COUNTRIES AND REGIONS OF RUSSIA)

Abstract. Global climate change has always been interconnected and interdependent with other subsystems of the Geosphere. The cyclical nature of climate change, superimposed on the cyclical nature of the development of society, leads to the emergence of complex periodic cycles, which makes it difficult both to predict and to choose ways of reaction. The purpose of the report is a comparative analysis of three possible scenarios of reaction to these changes: care, protection, adaptation. To identify stable patterns, a standard two-thousand-year period of time was chosen, in which the main phases of climatic conditions fit: the Roman climatic optimum (250 BC to about 400 AD); Early Medieval pessimum (400–1000 years or from the fall of the Western Roman Empire in 476 to the beginning of the XII century); Small climatic optimum (1000–1300); Late Medieval climatic optimum (1300–1850); Little Ice Age (1850 – present)

Key words: system/subsystem, climate change, adaptation.

Сведения об авторе

Бабури́н Вячеслав Леонидович, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, vbaburin@yandex.ru.

УДК 911.3

Л.А. Безруков

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ³

Аннотация. Прогнозируемые тренды говорят об усилении значимости Сибири в новых геополитических условиях. Сформулированы приоритеты ее развития по основным направлениям: общеэкономические, институциональные, транспортно-логистические и внешнеторговые, пространственные, социально-демографические.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23–77–10048

Ключевые слова: модели развития, углубление переработки сырья, внутренний рынок, уровень жизни, Сибирь.

Радикальное обострение геополитической ситуации в 2022 г. привело к серьезным угрозам национальной безопасности России, коренным образом изменяющим тренды ее пространственного развития. В связи с общей напряженностью военно-стратегической ситуации ожидается снижение экономической активности в приграничных западных регионах. В то же время новые возможности развития открываются перед восточными макрорегионами, что определяется их позиционированием как сравнительно безопасного «глубокого стратегического тыла» и переориентацией внешнеторговых связей страны в восточном направлении. Прогнозируется сдвиг на восток экономической активности – индустриальной в Сибирь, на Урал и в Поволжье, транспортно-логистической в приморские зоны Дальнего Востока. Применительно к Сибири данные прогнозы в целом соответствуют общей тенденции повышения ее значимости в течение XXI в. как главного топливно-сырьевого и экспортного «цеха» страны.

Ожидаемое усиление экономической роли Сибири актуализирует поиск приоритетов ее развития в новых геополитических условиях. При этом целесообразно исходить из анализа двух базовых моделей развития России. Первая из них – создание евразийской континентальной интеграции с дружественными и нейтральными странами, хозяйственные связи с которыми снижают критическую зависимость от рынка коллективного Запада. Вторая модель – формирование мощного и диверсифицированного автономного контура экономики, ориентированного на углубление переработки сырья со вторыми и третьими «этажами» промышленности, импортозамещением и получением конечной продукции, что означает построение относительно самодостаточной экономической системы.

Движение России по первой модели осложняется огромными масштабами требуемой переориентации экспортных потоков в страны «незападного» мира, дефицитом мощностей железнодорожных магистралей и морских портов, динамичностью и переменчивостью международных отношений «дружественности–недружественности». Более прочные основания для будущего дает реализация второй модели. Однако на это уйдут годы напряженной и трудной работы, когда выживание страны надо будет обеспечивать в значительной мере за счет доходов от экспорта. Данные модели, следовательно, не альтернативны, а взаимодополнительны и должны осуществляться параллельно.

Сформулируем для Сибири необходимые условия и приоритеты реализации указанных моделей по основным направлениям.

В *общеэкономическом* отношении следует преодолеть гипертрофированную интегрированность в мировую экономику, учитывая, что сложная национальная экономическая система с большим количеством технологических переделов и значительным внутренним потреблением создает

намного больше добавленной стоимости, чем простая внешнеориентированная система, пусть и основанная на добыче и экспорте ценных природных ресурсов (нефть, газ, металлы и т. д.). Для Сибири особенно актуальна структурно-технологическая перестройка промышленности с опорой на внутренний рынок и углубление переработки сырья с развитием вторых и третьих переделов. В условиях санкционных ограничений это к тому же исключит потери доходов от экспорта сырья по низким дисконтным и демпинговым ценам. Примером обоснования конкурентных преимуществ Восточной Сибири служит проект «Новый Ангарстрой», реализация которого предполагает выпуск массовой металлургической продукции с высокой глубиной переработки сырья, что способно обеспечить сотрудничество России и Китая на взаимовыгодной основе. Для осуществления подобных проектов необходима действенная государственная поддержка: определение инвестиционных приоритетов, разработка программы строительства новых заводов, реализация инвестиционных проектов через механизмы государственно-частного партнерства, создание стимулов для отраслей и компаний, включая льготное кредитование, пониженное налогообложение и др. При этом основные проекты должны отвечать национальным интересам страны и стратегическим приоритетам ее развития, а не финансовым интересам отдельных частных бизнес-групп.

Основной *институциональный* фактор, ухудшающий социально-экономическую ситуацию в Сибири – это фактор экстерриториальности доминирующего крупного капитала. Под ним понимается перераспределение доходов и налогов крупнейших компаний из регионов их производственной деятельности в другие регионы и страны – как правило, в российские столицы и/или зарубежные офшоры. Действие данного фактора на постсоветском этапе коренным образом усугубляет недостатки ресурсно-сырьевой специализации Сибири, конфискуя, по сути, подавляющую часть ее доходов. Следует поэтому установить справедливый финансово-экономический баланс отношений между центром и регионами, крупным бизнесом и территориями-производителями, т. е. достигнуть истинного бюджетного федерализма. Для этого необходимо надлежащее решение острейших проблем принадлежности, распределения и перераспределения собственности, доходов и полномочий как между уровнями государственной власти, так и между властью и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия сибирских регионов. Запрет на экстерриториальность крупного капитала – только первый шаг на пути коренного улучшения институциональной среды, что требует жесткой политической воли государства.

В *транспортно-логистическом и внешнеторговом* отношении для Сибири важен разворот связей на дальневосточные порты и сухопутные переходы с Китаем, Монголией и Казахстаном. В связи с переориентацией экспортных потоков Сибири в восточном направлении большую значимость будут иметь увеличение пропускной способности Транссиба и БАМа, сооружение третьего выхода к Тихому океану (железной дороги к новому порту на побережье

Охотского моря), строительство магистральных нефте- и газопроводов в Китай и новых морских портов на Дальнем Востоке, обеспечение круглогодичного судоходства по всей трассе Севморпути. Следует уделить внимание обустройству погранпереходов и строительству железнодорожных веток через российско-китайскую границу. При освоении новых внешних рынков необходимо стремиться к паритетным условиям взаимодействия и организации эффективного разделения труда между Сибирью и странами-партнерами, что требует опять-таки переработки сырья в полуфабрикаты или готовую продукцию, отличающиеся высокой добавленной стоимостью, вследствие чего снижается нагрузка на транспорт, рентабельные расстояния перевозки многократно увеличиваются, а размеры рынков сбыта расширяются.

С точки зрения *пространственного* развития следует кардинально изменить отношение государства к Сибири, которая в настоящее время не является (в отличие, например, от Дальнего Востока) значимым объектом региональной политики федерального центра, хотя именно она формирует главные потоки экспорта и фактически выступает крупнейшим донором бюджетно-финансовой системы страны. Сибири важно строить хозяйство на районной основе, используя имеющиеся благоприятные предпосылки и факторы расселенческого и ресурсного плана. Ее южный широтный пояс обладает относительно приемлемыми природно-климатическими условиями и огромным потенциалом для дальнейшего расселения населения и размещения обрабатывающих производств («новой индустриализации»). Именно здесь доступны в больших количествах такие все более дефицитные «иммобильные» ключевые ресурсы, как пресная вода и земля. В то же время освоение природных ресурсов северных районов будет в основном вестись вахтовым способом. В связи с этим перед экономической географией встают сложные задачи оценки сбалансированности и эффективности складывающейся новой модели территориальной организации общества Сибири, характерной чертой которой будет, по всей видимости, значительный дистанционный разрыв между территориальными структурами хозяйства и населения, т. е. между местами приложения труда и местами проживания.

В *социально-демографическом* плане следует переломить негативные для Сибири тенденции постсоветского этапа в виде потери населения, малой продолжительности жизни, низких показателей доходов и потребления. Надо, чтобы природные богатства и индустриальная мощь сибирских регионов определяли достаточную степень их финансово-бюджетного и социально-экономического благополучия, достойный уровень и высокое качество жизни населения. Важной задачей государства должно выступать развитие социальной инфраструктуры и улучшение условий проживания сибиряков – следует дорожить каждым работником и каждым жителем этих мест. Создание экономики вторых-третьих переделов потребует притока квалифицированных специалистов – целесообразно поэтому применять любые инструменты привлечения работников и их семей. Позитивную социальную роль сыграет перенос в Сибирь штаб-квартир крупнейших компаний, эксплуатирующих ее ресурсы, что

позволит не только вернуть в макрорегион весомую часть его доходов, но и возратить сибирякам чувство сопричастности к управлению экономикой страны. Следует отчетливо представлять, что поступательный экономический рост России, как и Советского Союза в свое время, может быть обеспечен только при условии опережающих темпов развития Сибири и резкого повышения уровня жизни ее населения.

L.A. Bezrukov

PRIORITIES FOR SIBERIA DEVELOPMENT IN THE NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS

Abstract. The predicted trends indicate the increasing importance of Siberia in the new geopolitical conditions. The priorities of its development in the main directions are formulated: general economic, institutional, transport, logistics and foreign trade, spatial, socio-demographic.

Key words: development models, deepening of processing of raw materials, domestic market, standard of living, Siberia.

Сведения об авторе

Безруков Леонид Алексеевич, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, bezrukov@irigs.irk.ru.

УДК 911.3; 314.7

В.С. Белозеров, В.О. Есикова, Н.В. Соннев

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ⁴

Аннотация. В статье рассматриваются современное состояние и динамика образовательной миграции иностранных студентов в России, страны лидеры по экспорту образования и формирование государственной политики экспорта образования, включающих систему нормативных правовых актов, предусматривающих создание условий для активного развития высшего образования в этом направлении. Проведенное исследование направлено на выявление особенностей и перспективы экспорта образования в России на разных территориальных уровнях.

⁴ Исследование выполнено при поддержке РНФ № 22–27–00186 «Иммиграция студенческой молодежи в Россию в условиях затяжного демографического кризиса: стратегии и модели адаптации и интеграции»

Ключевые слова: образовательная миграция, иностранные студенты, студенческая иммиграция, экспорт образования.

Масштабы образовательной миграции иностранных студентов в мире растут высокими темпами. Экспорт образования выполняет значительную роль в современной экономике, в первую очередь в странах, являющихся лидерами по экспорту образования. В настоящее время лидерами экспорта образования являются США, Соединенное Королевство, Австралия, Германия, Россия. В частности, в США в 2019 г. обучалось 1,1 млн иностранных студентов, что принесло бюджету страны 44,7 млрд долл., в Соединенном Королевстве соответственно 460 тыс. студентов и доход от экспорта образовательных услуг – 26 млрд долл., в Австралии – доход в бюджет равнялся 16,7 млрд долл. [1]. Экспорт образования выполняет важную функцию в демографическом отношении – выпускники вузов, оставаясь в стране обучения, являются важным демографическим ресурсом.

Главными инструментами реализации задач экспорта образования являются национальные стратегии интернационализации высшего образования стран.

В России формируется государственная политика экспорта образования и включает систему нормативных правовых актов, предусматривающих создание условий для активного развития высшего образования в этом направлении:

1. Начало активному развитию экспорта образования положил Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» в соответствие, с которым был реализован Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5–100» [2] в период с 2013 по 2020 гг. с участием 21 вуза России [3]. Главной целью проекта являлась максимизация конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ.

За семь лет реализации проекта университеты-участники продвинулись в международных образовательных рейтингах. В 2020 г. в топ-100 международных предметных рейтингов QS, THE, ARWU вошли 20 университетов [4, 5, 6, 7]; в университетах – участниках проекта доля иностранных студентов к 2019 г. увеличилась до 16,5 %, против 6,4 % в 2013 г. [1, 8]. Общее количество иностранных студентов в российских университетах в 2020/2021 учебном году составило 315 тыс. чел. из 170 стран мира – это около 8 % от общего числа студентов в России. В отличие от 148 тыс. иностранных студентов в 2013/2014 учебном году.

2. На федеральном уровне совершенствуется законодательная база, направленная на повышение привлекательности России для обучения иностранных студентов, аспирантов, а также трудоустройства талантливой иностранной молодежи. В частности, Федеральным законом от 06.02.2020 №16-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» разрешено работать в

свободное от учебы время обучающимся по очной форме в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования по основной профессиональной образовательной программе, имеющей государственную аккредитацию [9]. К примеру, ключевым инструментом увеличения на треть привлечения числа иностранных студентов в рамках реализации Национальной стратегии высшего образования Соединённого Королевства является введение права их на работу на территории страны [8].

Кроме того, с 01.01.2023 года в соответствии с ФЗ от 14.07.2022 № 357-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранным студентам российских вузов разрешена выдача регистрации на срок освоения иностранным гражданином соответствующей программы, они освобождаются от ежегодного уведомления проживания в РФ, разрешается оформление вида на жительство в течение трех лет после завершения обучения без получения разрешения на временное проживание или сразу после получения разрешения. Обучающиеся в России также могут продлить срок регистрации своим несовершеннолетним детям [10]. Таким образом, действующее в настоящее время миграционное законодательство создает условия для повышения привлекательности России не только для обучения, трудоустройства и проживания иностранной молодежи, а также влияния на демографическую ситуацию в стране.

3. Важная роль в развитии экспорта образования отводится Федеральному проекту «Экспорт образования» [11], в котором наряду с увеличением численности иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования, предусмотрено трудоустройство не менее 5 % иностранных обучающихся, завершивших обучение по программам высшего образования в российских компаниях.

4. Еще одним важным инструментом развития экспорта образования является Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» [12], запущенная в 2021 г. В рамках реализации Программы привлечение иностранных граждан для обучения в вузах России рассматривается как один из основных способов обеспечения притока высококвалифицированной рабочей силы в регионах России.

5. Увеличение притока в страну талантливых молодых людей, планирующих связать с Россией свою жизнь и карьеру, является основной задачей Стратегической инициативы Правительства РФ «Россия – привлекательная для учёбы и работы страна» [13]. Для этого к 2024 г. планируется: в четыре раза увеличить численность учителей русского языка за рубежом, которые должны выступить своего рода «послами» российского образования (более 600 преподавателей); организовать грантовую поддержку талантливых иностранных студентов и к 2030 г. в 1,5 раза увеличить число иностранных студентов, обучающихся в России. Из них более 50 тыс. иностранных студентов останутся жить и работать в России.

6. В расширении географии и масштабов экспорта образования важную

роль играет информационная поддержка проекта. С этой целью с 2021 г. Россотрудничеством запущен сервис [14], облегчающий процедуру поступления иностранных абитуриентов в вузы РФ, который позволяет абитуриентам из других стран в режиме онлайн подать заявки на поступление в российские вузы, получить информацию об обучении, проживании и работе в России, правилах получения визы, регистрации, миграционном учете и т.д.

В настоящее время проблемы экспорта образования исследуются по ряду научных направлений: адаптация иностранных студентов, мобильность студентов и экспорт образования в России, международная образовательная миграция как элемент внешней политики, направленной на укрепление экономического и политического влияния в мире, трудоустройство иностранных студентов. Нами исследованы территориальные особенности экспорта образования в России.

Основными источниками информации являются информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [15], сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [16], иные официальные источники статистической информации РФ (в т.ч. материалы ЕМИСС, Росстата, МВД, переписей населения и др.).

Проведенное исследование позволило выявить особенности экспорта образования на разных территориальных уровнях.

1. Глобальный уровень:

- опережающие темпы роста числа иностранных студентов по сравнению с общим ростом численности студентов;
- сохранение лидирующих позиций по числу иностранных студентов за 7-ю странами (США, Великобритания, Россия, Франция, Австралия, Германия, Канада);
- устойчивый рост числа студентов из стран Центральной Азии; активное развитие экспорта образования в странах-«новоприходах»;
- высокая конкуренция в мире за образовательных мигрантов определила образовательно-иммиграционную нишу России. Главными поставщиками иностранных студентов являются некоторые страны Азии и Африки, бывшие советские республики, ныне самостоятельные государства, в первую очередь, Таджикистана и Узбекистана. Возрастает поток из Туркменистана.

2. Страновой уровень:

- устойчивый рост числа мигрантов, прибывающих в Россию и ее регионы с учебной целью;
- активное формирование и трансформация странового иммиграционного образовательного пространства. Меняются векторы движения миграционных потоков и центры концентрации образовательных мигрантов, появляются новые факторы их притяжения. Прослеживается тенденция перехода от

гиперцентрализации к поляризации российского пространства иммиграции иностранных студентов. Снижается роль столичных центров (Москвы и Санкт-Петербурга), появляются другие мощные центры притяжения иностранных студентов (например, Казань), увеличивается доля периферийных университетов [17]. У иностранных абитуриентов появился более широкий спектр предложений от российских университетов по всем регионам России;

- неравномерное распределение потока иностранных студентов по регионам страны. Основная масса студентов сосредоточена в столичных регионах и регионах с крупными университетами. Прослеживается активизация периферийных региональных университетов, прием иностранцев в которые быстро нарастает;

- формально географическое пространство студенческой иммиграции в Россию достаточно обширно и охватывает почти все страны мира, однако количественные показатели их присутствия в стране разновелики и меняются от ничтожных величин до десятков тысяч человек. Довольно четко просматриваются небольшой центр, охватывающий соседей первого и второго порядка, и обширная периферия. Промежуточную полупериферийную зону образуют арабские страны Юго-Западной Азии и Северной Африки. До 2016 г. первые два места по объемам иностранных студентов России делили между собой Казахстан и Китай, третье место занимали вначале Украина, а в 2019 г. – Узбекистан. В 2022 г. Китай «опустился» на 5-е место, а тройку лидеров составили центрально-азиатские республики СНГ – Таджикистан, Казахстан и Узбекистан, существенно выросла доля Туркменистана. Устойчиво сохраняется потенциал прибытия иностранных студентов из арабских стран. Важными поставщиками учебных мигрантов являются Индия, Афганистан, Вьетнам, некоторые африканские страны, расположенные южнее Сахары. Среди стран Латинской Америки выделяется Эквадор. В общей численности иностранных студентов России студенты из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, арабских и африканских стран составляют 50,3%, и, видимо, именно эти страны будут доминировать в ближайшие годы;

- смещение центра тяжести иностранной студенческой иммиграции за 2016–2021 гг. В качестве основного атрибута использовался показатель «численность иностранных студентов». Российский центр тяжести иностранных студентов находится в Республике Татарстан.

3. Региональный уровень.

- высокая территориальная дифференциация российских регионов по доле и численности иностранных студентов;

- конкуренция между российскими университетами и перераспределение иностранных студентов в пользу региональных вузов.

4. Локальный уровень.

- устойчивый рост числа городов с растущими в вузах абсолютными и относительными показателями иностранных студентов;

- сохранение лидирующих позиций столиц (Москвы, Санкт-Петербурга) в сочетании с формированием широкой сети городов в регионах, которые

активно участвуют в экспорте образования за счет академической мобильности ведущих преподавателей, исследователей, студентов, аспирантов.

– экспорт образования является источником формирования бюджетов вузов, городов [18].

В перспективе главной тенденцией экспорта образования в России становится расширение географии образовательных услуг на глобальном уровне и повышение роли ведущих региональных научно-образовательных центров. В современных демографических условиях в России образовательная миграция может выступать важным фактором демографических ресурсов страны.

Библиографический список

1. Минаева Е.А. Мобильность студентов и экспорт образования во время и после пандемии: вызовы и прогнозы // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. 2020. № 4.
2. Проект 5-100. URL: <https://www.5top100.ru>.
3. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>.
4. Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1.
5. Шибанова Е.Ю., Платонова Д.П., Лисюткин М.А. Проект 5-100: динамика и паттерны развития университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 3.
6. Жданов П.А., Полихина Н.А., Сема Е.Ю., Казимирчик Л.В., Тростянская И.Б., Барсуков А.А. Сетевой анализ степени интеграции вузов Проекта 5-100 в международное образовательное пространство // Высшее образование в России. 2019. № 28 (11).
7. Берестов А.В., Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В., Садчиков С.М. Вклад в Проект 5-100 национальных исследовательских и федеральных университетов // Высшее образование в России. 2020. № 29 (10).
8. Овчинникова Н., Зоткина М., Гетманская А. Государственные программы образовательной мобильности в разных странах // Докл. Центра трансформации образования Московской школы управления «Сколково». М., 2019.
9. Федеральный закон от 06.02.2020 г. № 16-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». URL: <https://base.garant.ru/73518662/>.
10. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 357-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/404993977/>.
11. О приоритетном проекте «Экспорт образования» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/27864/#:~:text=%D0%>.
12. Приоритет 2030 // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://priority2030.ru/>.
13. План деятельности Министерства просвещения Российской Федерации на 2022 г. (утв. Минпросвещения России 25.04.2022 г. № СК-5/02вн). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416578/bcc750c19e3faad6a9bee23fef1e89bad245633c/.
14. Суперсервис «Образование в Российской Федерации для иностранцев». URL: <https://education-in-russia.com/>.
15. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>.

16. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>.

17. Белозеров В.С., Щитова Н.А., Есикова В.О. Геоинформационный мониторинг и моделирование процессов иммиграции студентов в Россию // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2022. № 28 (2).

18. Тикунов В.С., Белозеров В.С., Есикова В.О., Ватлина Т.В., Картографическое отображение результатов исследования экспорта образования в России // Геодезия и картография. 2023. № 9.

V.S. Belozеров, V.O. Esikova, N.V. Sopnev

EDUCATIONAL MIGRATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA IN MODERN DEMOGRAPHIC CONDITIONS

Abstract. The article examines the current state and dynamics of educational migration of foreign students in Russia, the leading countries in the export of education and the formation of a state policy for the export of education, including a system of regulatory legal acts providing for the creation of conditions for the active development of higher education in this direction. The conducted research is aimed at identifying the features and prospects for the export of education in Russia at different territorial levels.

Key words: student migration, foreign students, student immigration, export of education.

Сведения об авторах

Белозеров Виталий Семенович, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой социально-экономической географии, Высшая школа географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет, vsbelozеров@yandex.ru.

Есикова Виктория Олеговна, аспирант, Высшая школа географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет, esikova.v@mail.ru.

Сопнев Николай Владимирович, ассистент, Высшая школа географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет, sopnev.stav@gmail.com.

УДК 379.85

В.Н. Бочарников

РОССИЙСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье обсуждается необходимость развития туризма как одного из эффективных способов реализации экологической парадигмы, экологического императива и концепции природопользования, базирующейся на идее экологической цивилизации. На основе цивилизационной методологии рассматривается необходимость интенсификации исследований в области экотуризма, критического отношения к заимствованиям из зарубежной научной практики в российских условиях. Отмечается, что одной из фундаментальных

проблем экотуризма является не только неоднозначность и широта его интерпретаций и определений, но и несоответствующая российская практика во многих регионах страны.

Ключевые слова: экологическая цивилизация, туризм, Евразия, глобализация, национальный проект, Россия, БРИКС.

В 2016 г. Президент РФ В.В. Путин отметил: «Хочу подчеркнуть, что гигантский, именно гигантский природный ресурсный потенциал России, безусловно, имеет планетарное значение, – заявил глава государства. – Наша страна располагает колоссальными запасами пресной воды, лесных ресурсов, огромным биоразнообразием и выступает экологическим донором мира, обеспечивая ему почти 10 % биосферной устойчивости». Он указал, что перед страной стоит задача перейти к новой модели устойчивого экологического развития. Российская Федерация – «государство-цивилизация», последовательно реализующая свои национальные интересы и стратегические цели во внешнеполитической сфере [1].

Становление человечества как единого целого в производственно-экономическом и финансово-информационном аспектах общепланетарной интеграции знаменует функционально текущий процесс глобализации. Государства-цивилизации, империи-цивилизации и цивилизации-регионы, наряду с иными социально-политическими общностями, составляют систему высшего порядка – геочивилизацию, объединяющую все социально-политические общности планеты Земля, соединенные политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями.

Экономика является одновременно целью и средством в геополитических интересах, в то время как политика и военное дело обеспечивают процессы получения экономических выгод, в свою очередь, сформированных социально-культурными потребностями конкретных народов, наций, государств. Закономерно то, что волны множественных региональных процессов деформации природы, трансформируются и порождают вполне очевидные последствия крупных социальных и культурных изменений, глубоко затрагивая и непоправимым образом изменяя саму суть экологического баланса между человеком и природой. Цивилизационный подход позволяет в анализе исторических процессов повернуться к человеку, смягчить традиционный экономический детерминизм по отношению к окружающей человека среде.

Туризм является одним из тех видов деятельности, на который глубокое воздействие оказывают мировые тенденции. Составляющие процесса глобализации предусматривают целостность, взаимосвязанность и взаимообусловленность мира, в то время как противоположный вектор регионализации многообразно «делит» мир, создавая барьеры между странами и народами. Содействие в формировании единого гуманитарного пространства РФ и государств-участников СНГ, поддержание с соседями духа добрососедства и развития, многовековых цивилизационных связей, защита и продвижение

исторического и культурного наследия определенно входит в туристские приоритеты.

В гуманитарной сфере утверждается необходимость укрепления образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма. Как одно из направлений, поддерживающих политическую доктрину России, в стране реализуется национальный проект – «Туризм и индустрия гостеприимства», направленный на то, чтобы отдых внутри страны сделать более доступным и комфортным. В текущих приоритетах нацпроекта предусматривается достижение к 2030 г. суммарного числа поездок внутри страны до 140 млн в год. В международном евразийском процессе, поддерживаемом Россией, рассматривается необходимость формирования широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Менталитет, фиксирующий обращенность экологической цивилизации к ее ценностно-смысловому своеобразию в ряду других, опирается на выработанные, подкрепленные историческим опытом и осознанные лучшие примеры сотворчества человека и кормящего ландшафта. И если вершину «пирамиды цивилизаций» занимает духовная сфера, формирующая и передающая от поколения к поколению систему ценностей – главное, что отличает одну цивилизацию от другой, то самый нижний этаж, определяющий внешние условия функционирования цивилизаций, – это зона взаимодействия природы и цивилизации, зона их коэволюции.

В XX в. экологический туризм стал одним из бурно развивающихся секторов мировой экономики. Почти вековой мировой опыт развития экотуризма показал, что существует большой разрыв в представлениях и научных разработках «западного» экологического туризма и природно-ориентированных его разновидностей в азиатской части России. Экологическая цивилизация – кризисный концепт социальной направленности, рожденный на завершающем этапе существования Советского Союза, но не получивший дальнейшего развития в условиях начавшейся стагнации социально-политической системы и последующего развала СССР.

В 2021 г. Китаем был предложен проект построения глобальной экологической цивилизации на 15-й Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии (КБР). Этой страной рассматривается сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь», ведение конструктивного диалога с мусульманским миром и странами Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна. В пространственном отношении крупные страны, и одновременно локальные цивилизации, такие как Китай и Россия, можно отнести к мезогеосистеме. В то время как геополитическим образом глобального мира, следуя логике устойчивого развития, является единство геочивилизаций – «больших пространств», динамичное развитие которых в многополярном мире является залогом сохранения человечества.

Для эффективной реализации намеченного представляется, что геосистемный подход успешно обеспечивает комплексность при оценке состояния окружающей среды и управлении природопользованием, обеспечивает систему операционно-территориальных единиц, в которых наблюдается однородность физических параметров среды, учитываются системные связи между природными компонентами. В целях сохранения благоприятной окружающей среды Россия декларирует расширение международного сотрудничества, включая меры по ограничению негативного воздействия выбросов парниковых газов и ее адаптации к климатическим изменениям.

В современный период в результате региональных интеграционных процессов, в том числе и на основе развития традиций империй-цивилизаций, формируются качественно новые сообщества – цивилизации-регионы, в ареале которых формируются альтернативные варианты и пространства, и времени, мироустроительные проекты глобальной значимости. Необходимо не дожидаясь глубокой теоретической проработки цивилизационной идеи отметить, что в цивилизационном пространстве в качестве ключевых факторов геокультурной дифференциации, определяющих обособление геокультурных территориальных систем разного ранга, выделяются: природный (физико-географические рубежи – водоразделы, типы ландшафтов, высотные пояса, климатические сектора); этнический (ареалы проживания этнических и субэтнических групп, этноконтактные зоны).

В настоящее время политическая ситуация в мире кардинально изменилась, следовательно, есть необходимость практически всеобщей переориентации внутреннего рынка, наиболее выгодных партнеров следует искать в странах БРИКС. Важно отобразить в их пределах: хозяйственный уровень, включающих в себя распространение систем природопользования различных типов и видов; религиозный (конфессиональные ареалы, религиозные центры и периферии); политико-административный (границы административных образований, центры административного управления) и культурно-исторический (исторические рубежи и места, имеющие мемориальное значение).

Как насущная задача обозначается коррекция прежнего (западного) понимания экотуризма, достаточно спорной является ориентация на достижение устойчивости его ведения как конечного результата. Введение традиционных ценностей в поле экотуризма во многом заставляет пересмотреть глобалистские представления о том, какие виды путешествий следует считать экотуризмом. Другой проблемой, с экономических позиций являющихся весьма актуальной для нашей страны, является то, что должна быть полностью пересмотрена маркетинговая стратегия экотуризма, учитывая, что ранее наибольший объем спроса на экологический туризм обеспечивали те страны-поставщики туристов из Северной Америки и Западной Европы, а также Австралии и Японии, которые ныне принадлежат к лагерю недружественных России стран.

В научном плане для Европейской части России важно выделение «русского ядра» отечественной цивилизации. Однако, цивилизационная идея России не является самоочевидной вещью, скорее напротив, таковая выстраивается чаще всего на философско-духовных основаниях русских мыслителей, аргументируется особенностью «русской идеи» (соборность, всеединство, космизм), иллюстрируется большим разнообразием и плюрализмом существующих социально-культурных позиций. Выражаясь языком теории игр, должно создаваться новое геополитическое пространство с множеством туручастников, каждый из которых имеет право и способ менять прежнюю свою стратегию.

Алгоритм базовых естественно-научных расчетов для позиционирования экологического туризма складывается из таких составляющих, как климатические условия, плотность населения (демографическая нагрузка на природную среду), обеспеченность разнообразными видами природных ресурсов, уровень загрязнения окружающей среды и вмешательства в биосферные процессы. В Азиатской части России можно выделить 3 крупных ареала с активным вниманием экотуристов, обладающих также признаками локальных цивилизаций: а) Тихоокеанская или прибрежно-морская цивилизация; б) Байкало-монгольская или озерная цивилизация; в) Алтайская или горная цивилизация.

В такой элементарной физической аргументации хорошо проявляются известные моменты того, что наблюдается неостановимая экспансия человечества на ранее сохраняющиеся территории и морские акватории планеты, что коренным образом меняет установившееся в течении многих сотен веков планетарное равновесие. Следует подумать, как интегрировать особые ценности и духовные традиции в расчеты. Экологический туризм предстает в таком случае ключевым фактором обеспечения новой цивилизационной стратегии человечества [2].

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» № 229 от 31 марта 2023 г.
2. Бочарников В.Н. Геополитический аспект российской географии дикой природы // Экологический туризм: современные векторы развития. Екатеринбург, 2022.

V.N. Bocharnikov

RUSSIAN TOURISM AS A TOOL FOR BUILDING A EURASIAN ECOLOGICAL CIVILIZATION

Abstract. The article is focused on the tourism from the point of view of the ecological paradigm, the ecological imperative and the concept of nature-use. Based on the civilization methodology, the need to intensify research in the field of ecotourism and critical attitude to borrowings from foreign scientific practice in Russian conditions is considered. It is noted that one of the fundamental problems of

ecotourism is not only ambiguity and breadth of its interpretations and definitions but also the inappropriate Russian practice in many regions of the country.

Key words: ecological civilization, tourism, Eurasia, globalization, national project, Russia, BRICS.

Сведения об авторе

Бочарников Владимир Николаевич, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, vbocharnikov@mail.ru.

УДК 911.3

***Б.О. Гомбоев, В.С. Батомункуев, А.Б. Цыбикова, Д.Ц.-Д. Жамьянов,
Б.Б. Шаралдаев, А.Г. Бадмаев, Н.Р. Зангеева, М.А. Мотошкина,
Т.Ш. Рыгзынов, Б.С. Норбоева, З.Е. Банзаракцаев, А.Б. Лызденева,
А.В. Алексеев, А.С. Бадмаева, А.Д. Ульзетуева***

СОПРЯЖЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Рассчитана экономическая (хозяйственная) сопряженность субъектов Азиатской России, определяемая как степень прямого и обратного экономического взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности, объединяемых в пределах территориальных единиц различного уровня. Определение степени сопряженности осуществлялось путем расчета индекса сопряженности (ИС), включающего степень открытости экономики и индекс экспансивности региона.

Ключевые слова: сопряженность, региональное развитие, субъекты Азиатской России, индекс сопряженности.

Географическое положение, разнообразные природно-климатические условия, экономико-производственные и социальные факторы обусловили наличие существенных различий между субъектами Азиатской России (АР) в их специализации, экономическом и социальном развитии. При этом, важную роль в региональном развитии рассматриваемых территорий имеет экономическая сопряженность, которая принимается авторами как степень прямого и обратного экономического взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности, объединяемых в пределах территориальных единиц различного уровня.

Определение степени сопряженности регионального развития субъектов АР осуществлялось путем расчета индекса сопряженности (ИС), включающего в себя 2 основных параметра, характеризующих торговую активность региона – степень открытости экономики и индекс экспансивности региона:

$$S_i = \sqrt{(O_i \cdot E_i)}, \quad (1)$$

где S_i – индекс сопряженности i -го региона, O_i – степень открытости экономики i -го региона, E_i – индекс экспансивности i -го региона.

Значение ИС региона характеризует уровень внешнеэкономических связей исследуемой территории. Чем выше значение индекса, тем больше уровень сопряженности региона.

Показатель «Степень открытости экономики i -го региона» представляет собой относительный показатель, который формируется из двух показателей: «Доля вывоза товаров из региона в ВРП региона» и «Доля ввоза товаров из региона в ВРП региона». Высокая доля ввоза-вывоза товаров в ВРП свидетельствует о высоком уровне открытости экономики и активной межрегиональной торговле, что положительно влияет на экономику региона. При этом величина и соотношение указанных двух показателей по каждому из субъектов характеризует преобладание или недостаток внешнеэкономических отношений и, в известной степени, уровень хозяйственного развития рассматриваемого субъекта. Причем, чем выше индекс сопряженности по вывозу, тем более развита экономика соответствующего региона и, наоборот, более высокое значение индекса сопряженности по ввозу по отношению к индексу сопряженности по вывозу, указывает на относительно низкий уровень хозяйственного развития территории, по крайней мере в пределах Азиатской России.

Показатель «Индекс экспансивности i -го региона определяется по количеству субъектов АР, с которыми рассматриваемый субъект имеет торговые отношения.

Расчёт сопряжённости хозяйственного развития субъектов АР производился на основе информации по форме статистического учета «Ввоз (покупка) и вывоз (продажа) продукции (товаров)».

Исходная информация по расчёту индексов сопряженности включает ряд базовых (статистических) и расчётных показателей: ввоз и вывоз продукции в стоимостных показателях, в т. ч. экспорт-импорт, ввоз-вывоз в субъекты РФ в целом, а также в г. Москву, субъекты АР в целом, остальные субъекты РФ. Данные по субъектам АР распределены по входящим в неё федеральным округам, которые, в свою очередь, включают информацию по каждому из субъектов, входящих в данные округа. Обобщённые результаты произведённых расчётов приведены в таблице 1.

Наибольшее значение ИС получено в Омской области (1,10 (0,86 + 0,25)) благодаря высокой доле вывоза из региона в ВРП и наибольшему количеству торговых партнеров (26 регионов из 26). Также высокие показатели сопряженности наблюдаются у Челябинской области (1,04 (0,62 + 0,42)), Кемеровской области (1,07 (0,74 + 0,33)) и ряда других субъектов Азиатской России.

Таблица 1

Суммарный индекс сопряженности субъектов АР

Субъекты Азиатской России	Индекс сопряженности (вывоз)	Индекс сопряженности (ввоз)	Суммарный индекс сопряженности
Уральский федеральный округ			
Курганская область	0,30	0,28	0,58
Свердловская область	0,45	0,38	0,83
Тюменская область	0,31	0,18	0,49
Ханты-Мансийский автономный округ	0,16	0,17	0,33
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,27	0,11	0,38
Челябинская область	0,62	0,42	1,04
Сибирский федеральный округ			
Республика Алтай	0,09	0,42	0,51
Республика Тыва	0,02	0,11	0,13
Республика Хакасия	0,27	0,29	0,55
Алтайский край	0,46	0,38	0,85
Красноярский край	0,29	0,23	0,52
Иркутская область	0,47	0,30	0,77
Кемеровская область	0,74	0,33	1,07
Новосибирская область	0,43	0,45	0,88
Омская область	0,86	0,25	1,10
Томская область	0,25	0,31	0,56
Дальневосточный федеральный округ			
Республика Бурятия	0,15	0,34	0,49
Республика Саха (Якутия)	н/д	н/д	н/д
Камчатский край	0,32	0,20	0,52
Приморский край	0,36	0,44	0,80
Хабаровский край	0,50	0,31	0,81
Амурская область	0,11	0,37	0,48
Магаданская область	0,06	0,14	0,21
Сахалинская область	0,32	0,00	0,32
ЕАО	0,15	0,21	0,36
ЧАО	н/д	0,11	–

В территориальном разрезе можно увидеть экспортную ориентированность субъектов Азиатской России. Отмечаем, что приграничное положение имеют 14 её субъектов. При этом из этих приграничных субъектов экспортную ориентированность имеет только 1 субъект – Хабаровский край (53,3 % от ВРП). Преимущество приграничного положения для субъекта в данном случае является вторичным для его хозяйственного развития. Главным образом ориентированы на экспорт субъекты со специализацией в лесозаготовке и её продукции, добыче природных ресурсов, доля которых в ВРП занимает значительную часть: Магаданская область (67 %), Иркутская область (60,1 %),

Камчатский край (56,8 %), Кемеровская область (56,5 %), Хабаровский край (53,3 % от ВРП), Красноярский край (44,4 %).

Также показательны связи контрагентов межрегионального товарного рынка. 11 субъектов АР ориентированы на внутреннюю межрегиональную торговлю в пределах РФ. При этом сильны торговые связи внутри федеральных округов. Субъекты в Уральском федеральном округе ведут торговлю преимущественно с Европейской частью России и между собой. Субъекты СФО и ДВО также в большей степени связаны торговыми отношениями внутри своего федерального округа. Здесь существенную роль играет феномен «соседства».

Полученные данные по хозяйственной сопряженности субъектов Азиатской России позволяют выявить и оценить факторы, способствующие или препятствующие их дальнейшему региональному росту и являются одними из оснований поисков и определения, наряду с такими параметрами, как структурные и пространственные сдвиги в экономике, прогнозные расчёты в соотношении и приоритетах линейного и циклического хозяйства на рассматриваемых территориях и другими, базовых направлений сбалансированного развития субъектов Азиатской России.

***B.O. Gomboev, V.S. Batomunkuev, A.B. Tsybikova, D.Ts.-D. Zhamyanov,
B.B. Sharaldaev, A.G. Badmaev, N.R. Zangeeva, M.A. Motoshkina,
T.Sh. Rygzynov, B.S. Norboeva, Z.E. Banzaraktsaev, A.B. Lygdenova,
A.V. Alekseev, A.S. Badmaeva, A.D. Ulzetueva***

CONNECTIVITY OF REGIONAL DEVELOPMENT OF ASIAN RUSSIA ENTITIES

Abstract. The economic connectivity of Asian Russia entities has been calculated and defined as the degree of direct and reverse economic interaction of economic entities united within territorial units of various levels. The degree of connectivity was determined by calculating the connectivity index (CI), which includes the degree of openness of the economy and the region's expansion index.

Key words: connectivity, regional development, Asian Russia entities, connectivity index.

Сведения об авторах

Гомбоев Баир Октябьевич, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, bgom@binm.ru.

Батомункуев Валентин Сергеевич, кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, bvalentins@binm.ru.

Цыбикова Арюна Баировна, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, ryushaz@yandex.ru.

Жамьянов Даба Цыбан-Доржиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, daba@binm.ru.

Шаралдаев Баянжаргал Бальжинимаевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, bbsh2016@mail.ru.

Бадмаев Алдар Геннадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, badmaev@binm.ru.

Зангеева Наталья Робертовна, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, zangeeva@binm.ru.

Мотошкина Марина Александровна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, maralmot@yandex.ru.

Рыгзынов Тумун Ширапович, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, tumun@binm.ru.

Норбоева Бэлигма Саяновна, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, norbell@binm.ru.

Банзаракцаев Зоригто Евгеньевич, аспирант, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, zbanzar@binm.ru.

Лыгденова Арюна Борисовна, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, lygdenova@binm.ru.

Алексеев Алексей Владиславович, аспирант, инженер, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, alekseev_uu@mail.ru.

Бадмаева Арюна Солбоновна, аспирант, инженер 2 категории, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, inter@binm.ru.

Ульзетуева Айлана Дабаевна, инженер 2 категории, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН, ailana163u@binm.ru.

УДК 314.9

Д.В. Житин

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАССЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация. В работе рассматриваются пространственные особенности локализации этнических групп в Санкт-Петербурге по результатам Всероссийской переписи населения 2020. В качестве индикатора неравномерности расселения национальных меньшинств по территории города используется коэффициент этнической концентрации. Исследуется зависимость этнической и социальной сегрегации в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: этнос, этническая концентрация, сегрегация, численность населения.

Как и в большинстве других стран мира, крупнейшие города России являются сегодня полиэтническими по составу населения, и эта полиэтничность увеличивается за счет активно идущих миграционных процессов. Диверсифицированный рынок труда, высокие стандарты жизни, более «быстрые социальные лифты» делают крупные города привлекательными как для

внутренних, так и для внешних мигрантов. Но эта же привлекательность крупных городских агломераций для мигрантов является одной из причин пространственной сегрегации, в том числе и на этнической основе.

В условиях нарастающей миграции населения в крупнейшие города России в последние десятилетия происходит трансформация их этно-социальной структуры, изменения в характере расселения. Рассмотрим пространственные особенности расселения национальных меньшинств в Санкт-Петербурге, и попытаемся понять, чем обусловлена территориальная неоднородность данного процесса. В качестве территориальной единицы исследования взяты *муниципальные образования (МО)* города. В настоящее время, кроме русских, к крупнейшим этническим группам населения Санкт-Петербурга относятся: *украинцы, татары, азербайджанцы, белорусы, армяне, узбеки, таджики, евреи, грузины.*

Для оценки территориальной неоднородности расселения той или иной национальности будет использован, уже применявшийся ранее в подобных исследованиях [1], *коэффициент этнической концентрации (Кэк)*, рассчитываемый как отношение удельного веса рассматриваемого этноса в численности населения территориальной единицы к удельному весу данного этноса в численности населения города.

Когда значение коэффициента этнической концентрации равняется единице, это свидетельствует о том, что удельный вес представителей рассматриваемой национальности в данном муниципальном образовании не отличается от среднего значения по городу. При значении $K_{эк} = 0$ – представители указанного этноса на данной территории не проживают. Учитывая возможность случайных комбинаций расселения этнических групп, будем считать, что при $K_{эк}$, находящемся в диапазоне от 0,5 до 2,0 территориальных предпочтений в расселении представителей рассматриваемого этноса не наблюдается. Значение *коэффициента этнической концентрации* за пределами рассматриваемого интервала – более чем двух кратное отклонение от среднего значения по городу – позволяет говорить об избирательности при выборе места жительства.

Украинцы. С конца 1930-х гг. украинцы занимают третье место среди этнических групп населения Ленинграда, уступая по численности только русским и евреям. В постсоветский период численность и удельный вес украинцев в населении Санкт-Петербурга стали быстро сокращаться и перепись 2020 г. зафиксировала менее 30 тыс. украинцев. Из 108 рассматриваемых муниципальных образований города только в 7 удельный вес украинцев более чем в два раза отличается от среднего значения по городу (табл. 1).

Белорусы. История формирования белорусской диаспоры Санкт-Петербурга очень похожа на ситуацию с украинской: быстрый численный рост в советский период и ещё более быстрое сокращение в постсоветский. Как и украинцы, белорусы расселены в Санкт-Петербурге очень равномерно: только в 4 МО коэффициент их этнической локализации выходит за пределы центрального диапазона ($2 \geq K_{эк} \geq 0,5$).

Концентрация расселения этнических групп по территории
Санкт-Петербурга, 2010 – 2021 гг. [2], [3]

Национальность	Год	Количество МО Санкт-Петербурга с коэффициентом этнической концентрации (Кэк)				
		менее 0,2	0,2-0,5	0,5-2,0	2,0-5,0	более 5,0
украинцы	2010	0	2	103	3	0
	2021	1	5	101	1	0
белорусы	2010	0	2	105	1	0
	2021	0	4	104	0	0
татары	2010	0	1	104	3	0
	2021	0	2	103	3	0
евреи	2010	10	19	70	9	0
	2021	6	14	75	12	1
узбеки	2010	6	26	61	9	6
	2021	2	14	88	4	0
таджики	2010	12	35	49	7	5
	2021	6	15	81	5	1
армяне	2010	0	4	97	6	1
	2021	1	3	100	1	3
азербайджанцы	2010	3	10	92	3	0
	2021	5	21	75	7	0
грузины	2010	2	15	77	14	0
	2021	8	11	78	11	0

Татары. Почти весь советский период татары являлись одной из наиболее многочисленных этнических групп населения Санкт-Петербурга. С конца 1980-х гг. начинается постепенное сокращение численности татарского населения «северной столицы» – с 44 тыс. чел. в 1989 г. до 20,3 тыс. в 2022 г. Как украинцы и белорусы, татары расселены по территории Санкт-Петербурга равномерно: лишь в 5 из 108 МО *Кэк* более чем в 2 раза отклоняется от среднего значения по городу.

Евреи. После Великой Отечественной войны происходило постепенное сокращение численности и удельного веса евреев в населении «северной столицы», которое ускорилось, с конца 80-х гг. прошлого века. За период с 1989 по 2022 гг. численность еврейского населения города сократилась почти в 12 раз и сегодня в Санкт-Петербурге проживает всего 9,2 тыс. представителей данной национальности. В отличие от украинцев, белорусов и татар, расселение евреев в Санкт-Петербурге отличается высокой пространственной неоднородностью: в 13 муниципалитетах *Кэк* превышает двукратную среднюю концентрацию. Большинство муниципальных образований с повышенной концентрацией еврейского населения, как и ранее, расположено в центральной части города – Адмиралтейском, Петроградском и Центральном районах (рис. 1). Наименьшая концентрация евреев присуща муниципалитетам, расположенным в периферийных районах южной части города.

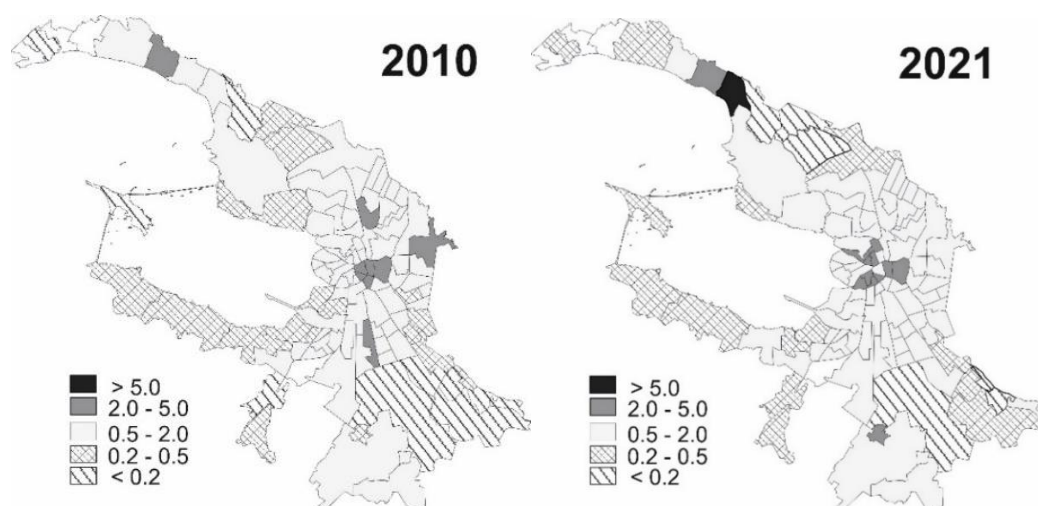

Рис. 1. Коэффициент этнической концентрации евреев в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг. (составлен по [2], [3])

Грузины. Грузинская диаспора Санкт-Петербурга исторически являлась немногочисленной, и ее формирование приходится, в основном, на 1960–1980-е гг. Как и в случае еврейской общины Санкт-Петербурга, расселение грузин по территории города отличается высокой неравномерностью: в 30 муниципалитетах из 108 *Кэк* грузин выходит за рамки центрального диапазона, в 11 из которых данный показатель более чем в 2 раза превышает среднее значение по городу (рис. 2). Все муниципалитеты с высоким уровнем этнической локализации расположены в историческом центре Санкт-Петербурга, в значительной степени повторяя расселение еврейской общины города.

Армяне. Армянская община является наиболее «укоренённой» среди диаспор народов Кавказа в Санкт-Петербурге и в настоящее время насчитывает 14,7 тыс. чел. В отличие от грузин, армяне Санкт-Петербурга расселены по территории города достаточно равномерно: только в 8 периферийных муниципалитетах *Кэк* выходит за пределы центрального диапазона.

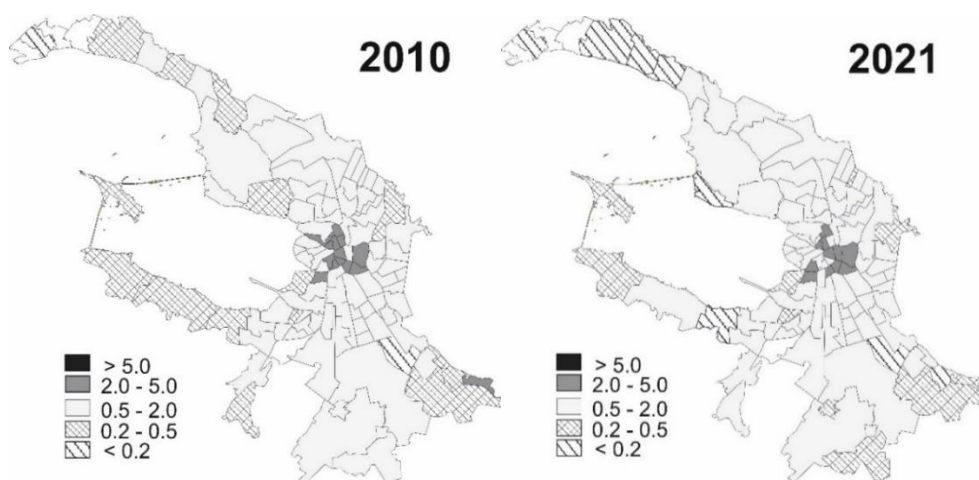

Рис. 2. Коэффициент этнической концентрации грузин в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг. (составлен по [2], [3])

Азербайджанцы. До 1980-х гг. азербайджанская община Санкт-Петербурга была немногочисленной и стала быстро увеличиваться только в самом конце советского периода. Последние 20 лет численность данной этнической группы в «северной столице» остаётся практически неизменной, составляя 16–18 тыс. чел. Сегодня азербайджанцы расселены по территории Санкт-Петербурга очень неравномерно: в 1/3 всех муниципальных районов города их *Кэк* выходит за границы центрального диапазона (рис. 3).

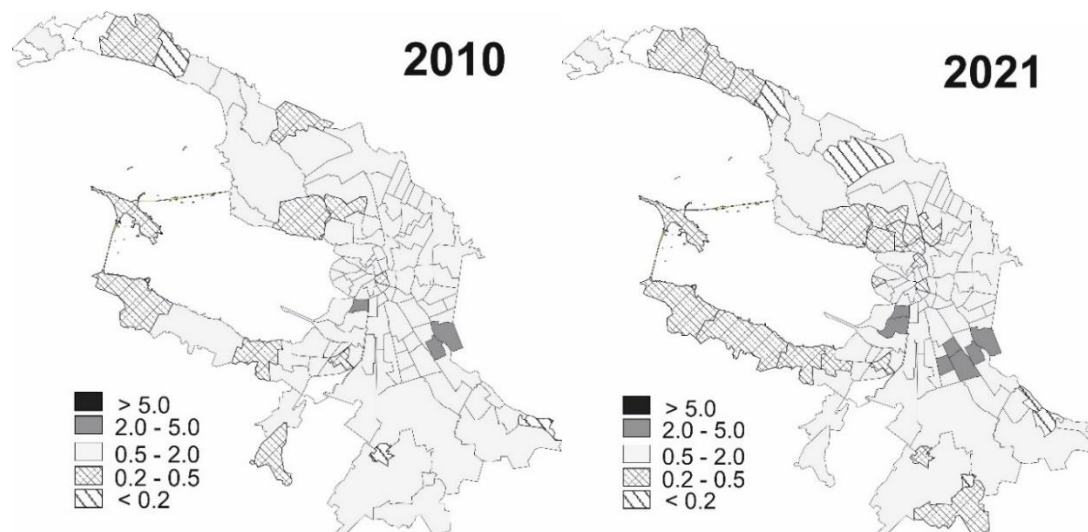

Рис. 3. Коэффициент этнической концентрации азербайджанцев в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг. (составлен по [2], [3])

Узбеки. Наиболее быстрый численный рост узбекской диаспоры Санкт-Петербурга приходится на первое десятилетие 2000-х, когда в условиях быстрого экономического роста в крупные города России началась массовая миграция иностранной рабочей силы. Но сотни тысяч трудовых мигрантов из республик бывшего СССР не учитываются переписью населения как постоянные жители. Это объясняет тот факт, что при наличии десятков тысяч «гастарбайтеров» общая численность представителей узбекской диаспоры в 2022 г. составила в Санкт-Петербурге всего 12,2 тыс. чел. Сегодня наибольшее значение *Кэк* узбеков в Санкт-Петербурге наблюдается в 4 МО, расположенных в разных районах города. Муниципалитеты с низкой концентрацией узбеков расположены практически во всех районах города, без какой-либо выраженной пространственной зависимости (рис. 4).

Таджики. Динамика численности и пространственной структуры расселения таджикской диаспоры Санкт-Петербурга во многом повторяет ситуацию с узбекской общиной города. «Ковидные» ограничения на миграцию из-за пределов Российской Федерации, действовавшие в 2020–2021 гг. привели к сокращению таджикской диаспоры в городе на 20 % – с 12,1 до 9,6 тыс. чел. В результате, количество муниципальных районов с *Кэк* таджиков за пределами центрального диапазона по сравнению с 2010 г. сократилось более чем в 2 раза – с 59 до 27. Территории с повышенной концентрацией таджикского населения не

образуют сегодня единого ареала расселения на территории города и относятся к различным районам города.

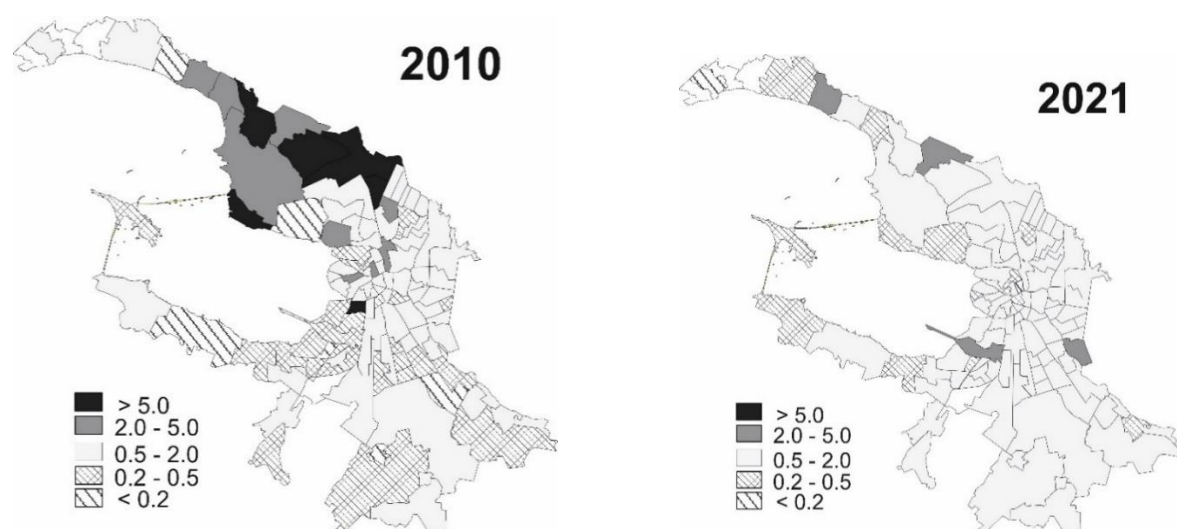

Рис. 4. Коэффициент этнической концентрации узбеков в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга в 2010 и 2021 гг. (составлен по [2], [3])

Сравнивая пространственную концентрацию представителей национальных диаспор в Санкт-Петербурге с рейтингом уровня социального благополучия муниципалитетов города [4], можно отметить, что в настоящее время этническая сегрегация не совпадает с социальной. Только у еврейской и, отчасти, грузинской общины Санкт-Петербурга наблюдается заметная корреляция между концентрацией их представителей в населении муниципалитета и показателями социального благополучия.

Библиографический список

1. Житин Д.В., Краснов А.И. Территориальная концентрация этнических групп населения в Санкт-Петербурге // Известия Русского географического общества. 2015. Т. 147, № 2.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Санкт-Петербурга. СПб., 2013.
3. Всероссийская перепись населения 2020. Т.5. Национальный состав населения и владение языками. Санкт-Петербург. СПб., 2023. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/192787>.
4. Zhitin D. V., Sechi G., Krisjane Z., Berzins M. Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga // Baltic Region. 2020. Vol. 12, No. 1.

D.V. Zhitin

TERRITORIAL CONDITIONALITY OF THE SETTLEMENT OF NATIONAL MINORITIES IN ST. PETERSBURG

Abstract. The paper examines the spatial features of the localization of ethnic groups in St. Petersburg based on the results of the 2020 All-Russian Population Census. The ethnic concentration coefficient is used as an indicator of the uneven

settlement of national minorities throughout the city. The dependence of ethnic and social segregation in the municipalities of St. Petersburg is studied.

Key words: ethnicity, ethnic concentration, segregation, population size.

Сведения об авторе

Житин Дмитрий Викторович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, *zhitin_dv@mail.ru*.

УДК 332.12

С.П. Земцов

ФАКТОРЫ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. Для оценки устойчивости российских регионов к внешним шокам 2022–2023 гг. использовались показатели динамики экономической активности по 8 отраслям. Эконометрические оценки показали, что шокоустойчивость выше у регионов с более диверсифицированной внешней торговлей, со сложной экономикой и с высокой предпринимательской активностью, географически удаленные от недружественных стран. Большую роль в сохранении экономической активности сыграл существенный бюджетный стимул со стороны государства.

Ключевые слова: внешние шоки, региональная резильентность, экономическая безопасность, регионы России, кризис, уход иностранных компаний, антикризисная политика

Процессы реакции региональных экономик на различного рода внешние шоки (пандемии, глобальные кризисы и т.д.), их последующая трансформация являются значимым объектом научного изучения, как в России, так и за рубежом [1–7].

В 2022–2023 гг. Россия подверглась беспрецедентному числу внешних ограничений. Предполагалось существенное падение ВВП России в 2022 г., но по обновленным данным Росстата сокращение составило лишь - 1,2 %, а в трех кварталах 2023 г. наблюдался рост на 5,5 %. На наш взгляд, понимание причин подобной устойчивости российской экономики невозможно без изучения ее пространственных особенностей. Внешний шок (стрессом) оказал весьма разнородное влияние на экономическую динамику в регионах.

Цель работы – оценить устойчивость региональных экономик России перед внешними шоками 2022–2023 гг. и выявить факторы ее определившие.

Под шокоустойчивостью, или резильентностью (от англ. *resilience* – упругость, сопротивляемость) в статье понимается способность системы противостоять внешним шокам и восстанавливаться после них.

Оценка шокоустойчивости рассчитана на основе снижения экономической активности 8 базовых отраслей в 2022 г. и ее восстановление в первой половине 2023 г.

55 из рассматриваемых 85 регионов можно, в целом, назвать устойчивыми к стрессу 2022–2023 гг. (рис. 1). В целом внешние шоки сильнее воздействовали на наиболее производительные, в первую очередь, богатые сырьевые регионы с высоким удельным ВРП, а более слаборазвитые регионы воспользовались «преимуществом отсталости». Регионы вблизи недружественных стран (Мурманская, Псковская, Ленинградская, Севастополь) пострадали и не смогли восстановиться в первой половине 2023 г.

Рис. 1. Типы регионов России по шокоустойчивости в 2022–2023 гг.

Примечание: черным цветом показаны регионы, в которых индекс шокоустойчивости выше 0 в оба периода, то есть экономическая активность в среднем не снижалась; темно-серым цветом показаны регионы, в которых индекс был ниже 0 в 2022 г., но выше – в 1 половине 2023 г., серым цветом показаны регионы, в которых индекс был выше 0 в 2022 г., но ниже – в 1 половине 2023 г.; белым цветом обозначены регионы, в которых индекс был ниже нуля в оба периода.

На втором этапе с помощью эконометрических расчетов выявлялись характеристики регионов, которые повышали или снижали шокоустойчивость (табл. 1).

Таблица 1

Основные региональные характеристики, повлиявшие на шокоустойчивость

Гипотеза	Краткое обозначение переменной, характеризующей регион	Направлен ие влияния в 2022 г.	Направлен ие влияния в I полугодии 2023 г.
Низкая база и размер экономики	ВРП на душу населения	-	-
	ВРП	+	+ / н.з.
Прирост капитала	Прирост инвестиций	+	н.з.
Прирост труда	<i>Прирост рабочей силы</i>	-	н.з.
Влияние торговых ограничений	<i>Доля компаний-экспортеров и импортеров из недружественных стран</i>	-	+ / н.з.
Уход иностранных компаний	<i>Доля компаний, заявивших об уходе, в выручке</i>	+	+ / н.з.
Технологическая сложность экономики	<i>Доля высокотехнологичного сектора в ВРП</i>	-	+
	<i>Уровень отраслевой диверсификации</i>	н.з.	+
Предпринимательская активность	Доля МСП в ВРП региона × Доля компаний, торгующих с дружественными странами	+	+
	Предпринимательская активность × Расстояние до недружественной страны	+	+
Деятельность региональных властей	<i>Индекс инвестиционного климата АСИ</i>	н.з.	+

Примечание: «+» - положительное значимое влияние, «-» - отрицательное значимое влияние, «н.з.» - не обнаружено значимой зависимости. Полужирным шрифтом выделены переменные, использованные в финальных моделях, а курсивом – изменившие свое влияние в следующем периоде.

Рост инвестиций в 2022 г. оказался положительно значимым фактором повышения шокоустойчивости благодаря бюджетному стимулу.

Близость к недружественным странам можно назвать условно негативным фактором экономической динамики, но важнее было не положение, а структура торговли. Так, в регионах с более интенсивными связями со странами, вводившими торговые санкции, снижение активности в 2022 г. было более серьезным из-за разрыва поставок, ограничения доступа к рынкам [5, 6]. Впрочем, в первой половине 2023 г. это негативное влияние проявляется слабее благодаря переориентации потоков. Неожиданным результатом стала положительная динамика в регионах с высокой производственной импортозависимостью [4].

Уход иностранных компаний вел к разрыву производственных цепочек, но одновременно происходило высвобождение рыночных ниш для российских фирм [5]. Поэтому в регионах с высокой ролью ушедших иностранных компаний при одновременно высоком уровне развития предпринимательства экономическая динамика не снижалась в 2022 г.

Более диверсифицированные регионы быстрее восстанавливались в 2023 г., хотя в 2022 г. ситуация неоднозначна.

В регионах с высокой предпринимательской активностью, ориентированной на дружественные страны, экономическая активность выше [5]. Деятельность региональных властей по улучшению делового климата в предыдущие годы способствовать быстрой адаптации в 2023 г.

С эволюционной точки зрения [1, 8] сложные открытые системы, к которым относятся страны и регионы, могут отвечать на внешнее давление различными способами, включая повышение своей закрытости или через внутреннюю трансформацию. России удалось воспользоваться уникальными географическими преимуществами большой протяженной страны с относительно развитой инфраструктурой, имеющей множество соседей и выходов к морю, и перестроить экономику, увеличивая взаимодействие с более дружественными и быстро развивающимися странами. При этом страна изначально была сравнительно невысоко интегрирована в мировую экономику, но не стала двигаться по ошибочному с эволюционной и практической точки зрения пути большей изоляции и снижения разнообразия (огосударствление экономики).

Успешность преодоления кризиса системой зависит от плотности, разнообразия и связанности ее элементов, поэтому регионы с большей плотностью бизнес-агентов, с более развитым МСП, и более сложной структурой экономики (развитым несырьевым сектором) и внешних связей [2] сумели быстрее адаптироваться, компенсировав разрыв производственных связей параллельным импортом и заменив иностранных собственников и инвесторов российскими.

Безусловно, трансформация экономики требует существенных ресурсов, но невысокий госдолг России и регионов, финансовые накопления государства обеспечили стабильность бюджетного сектора и рост госрасходов. Поэтому большую роль в адаптации сыграл бюджетный стимул, способствующий росту объема инвестиций и внутреннего спроса.

С эволюционной точки зрения основной целью подсистемы управления (федеральных и региональных властей) для обеспечения большей резильентности всей системы должно быть повышение уровня сложности экономики: диверсификации хозяйства и внешних связей, экспортноориентированное импортозамещение, рост числа и связанности бизнес-агентов.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от большого взрыва до наших дней: инновационно-синергетический подход. Москва, 2002.
2. Баринаева В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1.
3. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69).

4. Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А. Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция // Известия РАН. Серия географическая, 2023, Т. 87, № 5.
5. Земцов С.П., Барина В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. № 2 (18).
6. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). 226.
7. Кузнецова О.В. (2020). Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. № 2.
8. Martin, R., & Sunley, P. (2015). On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualisation and Explanation. Journal of Economic Geography, 15.

S.P. Zemtsov

FACTORS OF SHOCK RESISTANCE IN RUSSIAN REGIONS UNDER SANCTIONS

Abstract. To assess the resilience of Russian regions to external shocks in 2022–2023, indicators of the dynamics of economic activity in 8 industries were used. Econometric estimates indicate that shock resistance is higher in regions with more diversified foreign trade, with a complex economy and a developed non-resource sector, with high entrepreneurial activity and geographically distant from unfriendly countries. A significant fiscal stimulus from the government played a major role in maintaining economic activity.

Key words: external shocks, regional resilience, economic security, Russian regions, crisis, exit of foreign companies, anti-crisis policy.

Сведения об авторе

Земцов Степан Петрович, кандидат географических наук, директор Центра экономической географии и регионалистики, Институт прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Zemtsov@ranepa.ru.

УДК [911.3]

А.П. Катровский

МАЛЫЕ ГОРОДА В ПРИГРАНИЧНЫХ С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ РЕГИОНАХ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СЖАТИЕ

Аннотация. Рассмотрены современные проблемы малых городов приграничных с Республикой Беларусь областей России. Депопуляция, как основной вызов охватила все города региона. Сжатие городов вызывает потерю

ими отдельных функций и негативно влияет на состояние сельского расселения. Деиндустриализация усилила отток населения. Выживание малых городов связывают с туризмом и рекреацией, но большинство из них не обладают необходимыми предпосылками для туристификации.

Ключевые слова: малый город, депопуляция, урбанистическая структура, туристификация

Современная урбанистическая структура Российской Федерации характеризуется преобладанием малых городов. Согласно данным Росстата на 1 января 2023 г. из 1117 городов России 799 или 71,5 % являлись малыми⁵. Учитывая современные демографические тенденции, возникновение новых городов, можно предположить, что число малых городов в ближайшие три года может несколько увеличиться. За чуть более двадцать лет после Переписи 2002 г. число малых городов в России выросло на сорок. В 2023 г. статус города получил Ачхой-Мартан (Чеченская республика) и Колтуши (Ленинградская область). С 1 января 2024 г. городом стал Ойсхар (Чеченская республика). Из средних городов при сохранении динамики численности населения велика вероятность пополнения группы малых городов за счет Вязьмы, Гусь-Хрустального, Киришей, Краснокаменска, Снежинска и др.

Российско-белорусское приграничье – особый регион Союзного государства России и Республики Беларусь, поскольку на него возложена роль его скрепы. Исследование экономической ситуации приграничных регионов Запада России, показало, что, несмотря на эту роль и минимальные барьеры трансграничного взаимодействия, приграничные с Белоруссией регионы России оказались наиболее проблемными на Западном порубежье страны [1]. Среди современных вызовов успешному развитию региона наиболее остро стоят вопросы демографической безопасности [2; 3]. За последние двадцать лет учеными Смоленской, Псковской и Брянской области опубликовано более тридцати публикаций, включая монографии, по демографическим проблемам. В староосвоенной части Европейской России в постсоветский период нет макрорегионов с большими демографическими потерями, чем приграничный с Республикой Беларусь. По сравнению с 1989 г. к 01.01 2023 г. численность населения Брянской области уменьшилась на 21,9 %. Смоленской – на 24,6 %, Псковской на – 30,5 %. За Псковской областью закрепился «статус» столицы российской депопуляции.

Проблемы экономического развития приграничных с Республикой Беларусь регионов России стали предметом многочисленных исследований [4; 5; 6; 7]. Однако до настоящего времени отсутствуют значимые публикации, в которых основное внимание было бы обращено на города, включая малые города.

По состоянию на 01.01.2024 г. в регионе насчитывалось 45 городов и 47 поселков городского типа (ПГТ), Система городов включала два крупных (Смоленск и Брянск), 1 большой (Псков), 3 средних (Великие Луки, Клинцы и

⁵ <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru>

Вязьма). Большая часть городов по критериям относилась к малым городам. В группу малых городов в последние двадцать лет вошли три бывших средних города Смоленской области (Рославль, Ярцево и Сафоново). Если общее число городов в приграничье с 2002 по 2024 гг. не изменилось, то число малых городов даже выросло. Урбанистическая структура региона существенно отличается от Российской Федерации в целом. Здесь подобно сельской местности получила распространение городская «малолюдность». Из 39 малых городов в приграничье с Республикой Беларусь, самой многочисленной была группа с населением от 5 до 10 тыс. чел. Если в 2002 году таких городов в регионе было 14, то двадцать лет спустя уже 16. Их доля среди городов Приграничья достигла 41 %. В Российской Федерации доля таких городов была много меньше (19,8 %). Выше, чем в среднем по стране, доля городов с населением от 3 до 5 тыс. чел. В Приграничьи их доля составляет 10,3 %, а в России – 4,3 %

В СССР были разработаны критерии для сельских населённых пунктов (СНП) претендующих на городской статус. В настоящее время они потеряли смысл, поскольку многие населенные пункты с численностью населения более 12000 человек и преобладанием сервисных отраслей не имеют статуса города. Многие СНП, население которых более 3000 чел., и большей частью занято не в сельском хозяйстве не стремятся обрести статус поселка городского типа. Только в Смоленской области таких шесть. Скорее наоборот, отдельные ПГТ в связи со льготами для жителей сельской местности в постсоветское время стали сельскими населенными пунктами.

Официально к малым городам в соответствии с Градостроительным Кодексом Российской Федерации от 1998 г. и Сводом правил по градостроительству относятся города с населением менее 50 тыс. чел.⁶ Однако для регионов с развитой сетью малых городов практическое значение при их изучении имеет группировка Росстата, согласно которой принято выделять мельчайшие города с населением менее 3000 чел., особо малые города с численностью населения (3000–4999 чел.), малые типичные с численностью населения 5000–9999⁷ чел., малые классические города с населением 10000–19999 чел.⁸, города с населением 20000–49999 чел. Последние иногда называют полусредними. Впервые эту группу еще в 1955 г. выделил Л.Л. Трубе [8].

Таблица 1

Группировка малых городов по Росстату

	Численность населения
мельчайшие города	менее 3000 чел
особо малые города	3000-4999 чел.
малые типичные города	5000-9999 чел.
малые классические города	10000-19999 чел.
полусредние города	20000-49999 чел.

⁶ Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. N 73-ФЗ Глава I. Общие положения (ст. 1 - 6) Статья 5. Типы поселений Российской Федерации (СП 42.13330.2016)», <https://docs.cntd.ru/document/456054209>.

⁷ Данная группа в Пристоличье самая многочисленная.

⁸ Термин малые классические города привел Г.М. Лаппо.

Существовало мнение, что рубеж в 20 тыс. чел. выступает некоторым гарантом демографической и экономической устойчивости города. Такое же мнение было относительно рубежей в 50 тыс. чел. и 100 тыс. чел. Однако время показало их несостоятельность. Население Великих Лук сократилось со 113,2 тыс. чел. в 1989 г. до 86,0 тыс. чел. в 2023 г. Число больших городов (100–250 тыс. чел.) в России с 2002 по 2023 гг. уменьшилось со 168 до 92. И это сокращение было вызвано не переходом больших городов в категорию крупных.

Полусредние города в приграничье выступают в качестве межрайонных центров. Однако их устойчивость, как и городов с меньшим населением, зависит от функций и географического положения. Людность, которую в недавнем прошлом рассматривали, как основу стабильности, не стала гарантом демографической устойчивости. Рославль, Сафоново, Ярцево, Десногорск, Дятьково за последние двадцать лет потеряли более 20 % численности населения, Остров, Унеча более 15 %. Новозыбков чуть более 10 %. И лишь население Гагарина сократилось менее 10 %.⁹ В последний межпереписной период группу полусредних городов покинул Карачев.

В Псковской области остался всего один полусредний город (Остров). В Смоленской области наиболее развитая сеть таких городских населенных пунктов. Помимо недавних средних городов (Рославль, Ярцево и Сафоново) в группу входят Гагарин, Десногорск. В Брянской области критериям полусреднего города отвечают Новозыбков, Дятьково и Унеча. При существующих тенденциях динамики численности населения группу полусредних городов к следующей переписи населения может покинуть Остров.

При значительном разнообразии по размерам и функциям для многих малых городов характерен симбиоз городского и сельского образа жизни, сельской и городской застройки. Среди малых городов приграничных с Белоруссией областей России значительна доля прошлых уездных центров. В Брянской области таких семь и относились они к Орловской и Черниговской губернии. В Смоленской области в прошлом центрами уездов было девять (включая ПГТ Красный), из которых восемь были центрами уездов в Смоленской губернии. Велиж являлся уездным центром Витебской губернии. В Псковской области семь малых городов в прошлом являлись уездными центрами Псковской, Санкт-Петербургской и Витебской губерний. Еще в 2004 г. Г.М. Лаппо предположил, что наиболее крепкими в социально-экономическом отношении среди нынешних райцентров являются бывшие уездные центры, которые имеют больший «опыт» выполнения роли местных «столиц» [9]. Однако данное «положение» не подтвердилось в Приграничье. Многие из бывших уездных центров показали более высокое демографическое и функциональное сжатие по сравнению с новыми городами. Это связано с тем, что сеть уездных городов формировалась до появления железных дорог. Даже В.П. Семенов

⁹ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более, https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

отмечал, что «деление на губернии и уезды, образование городов в XVIII веке было случайным и не имело под собой в большинстве случаев строгих научных обоснований» [10, С. 45].

Для новых городов, возникших в конце XIX – начале XX вв. наличие железной дороги важнейший фактор развития. Как заметил Н.Н. Баранский «Города в их современном виде есть в значительной степени порождение железных дорог» [11, С. 206]. Именно отсутствием железных дорог можно объяснить более медленный рост в XX в. и большую демографическую деградацию в конце XX – начале XXI вв. Велижа и Духовщины, Севска и Демидова, Мглина и Опочки

Малые города, как правило, отстают от больших по численности населения городов по степени благоустройства. Это объективно не способствует их аттрактивности для молодежи. Однако главный фактор городской динамики – функции. В городах, где имеется более диверсифицированный рынок труда и несколько успешных в экономическом отношении предприятий, на которых могут предоставить интересную более высокооплачиваемую работу, масштабы сокращения меньше. Вместе с тем, наличие одного крупного градообразующего предприятия не гарантирует стабилизации численности населения. В Десногорске, где расположена Смоленская АЭС, население по сравнению с 2002 г. сократилось на 20,1 %, в Дедовичах, где действует Псковская ГРЭС, население сократилось на 29,9 %, в Дорогобуже, где действует одно из крупнейших в Европейской России предприятий по производству азотных удобрений – на 22,2 %. Второй фактор, это географическое положение. В городских населенных пунктах в хорошей доступности с Москвой (Гагарин), а также являющихся частью Смоленской агломерации потери населения менее существенны. Самые большие потери в городских населенных пунктах без железных дорог в приграничных с Республикой Беларусь районах (Шумячи – 32,5 %, Велиж – 24,6 %, Хиславичи – 31,1 %,)¹⁰. Значительное сокращение население в городских населенных пунктах приграничных муниципальных образований, объясняется тем, что они оказались вне главных полимагистралей, связывающих Россию и Беларусь.

Все три области, занимают положение в треугольнике Москва-Санкт-Петербург-Минск и испытывают сильное влияние со стороны крупнейших агломераций Союзного государства. Как заметил П. Минакир «В России городские агломерации пока играют роль «черных звезд», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства» [12, С. 12].

Разница в оплате труда регионов Приграничья с Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью слишком велика, и не может не способствовать массовой миграции квалифицированных кадров. В отдельных

¹⁰ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более, https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

профессиональных группах данное неравенство негативно влияет на региональные рынки труда. Например, средняя заработная плата врачей с высшим образованием в 2022 г. в Брянской области составила 65,3 тыс. руб., Смоленской – 67,7 тыс. руб., Псковской – 68,1 тыс. руб., а в Московской области – 114,2 тыс. руб., Санкт-Петербурге – 141,7 тыс. руб., Москве – 186,9 тыс. руб.

Несмотря на наличие крупного медицинского университета, в Смоленской области имеет место дефицит врачей в городских и районных медицинских учреждениях. Средняя зарплата преподавателей вузов в 2022 г. в Брянской области – 65,6 тыс. руб., Смоленской – 70,0 тыс. руб., в Псковской – 73,1 тыс. руб., в Москве – 186,4 тыс. руб.

Еще большее неравенство в оплате труда учителей. В Брянской средняя зарплата учителя общеобразовательной школы – 35,1 тыс. руб., в Смоленской – 33,2 тыс. руб., в Псковской – 32,5 тыс. руб., а в Москве – 104,8 тыс. руб.

Таким образом, Смоленская область по средней начисленной зарплате преподавателям вузов уступала Москве в 2,66 раза, врачам в 2,76 раза, педагогам учреждений общего образования в 3,15 раза. В областях Приграничья распространена практика работы врачей, преподавателей вузов, работников других профессий в столичных регионах по вахтовому принципу. Одним из её последствий стала нехватка учителей, воспитателей, врачей в учреждениях Приграничья. «Большинство малых и средних городов вокруг столичного региона при отсутствии официальных мест приложения труда, низких зарплатах, неустроенности быта либо теряют жителей, либо их население зарабатывает в Москве и городах Подмоскovie [13, С. 67]. В реальной действительности идет сочетание двух процессов. Но в городах с лучшей транспортной доступностью к столичному региону (Гагарин, Вязьма) преобладает второй вариант. Данный процесс имеет место и в Припетербуржье, к которому относится значительная часть севера Псковской области.

Поскольку рост населения Москвы и Московской области в значительной степени происходит за счет соседних с Московской областью регионов, то до тех пор, пока не будут преодолены значительные неравенства в заработной плате между столичным регионом и соседними областями, население последних, включая малые города, будет сокращаться.

Демографическая ситуация – важнейший, но далеко не единственный вызов малым городам. Неоиндустриализация требует качественно нового человеческого капитала, которым большинство малых городов не располагают. Деиндустриализация оставила многие малые города без машиностроительных предприятий, уменьшила в них число предприятий легкой и пищевой промышленности. Попытки адаптации к новым условиям путем открытия небольших предприятий деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности лишь частично решают проблемы занятости, но не решают проблемы развития городов.

В связи с «близостью» малых городов к природе одним из направлений их адаптации становится сервисная модернизация и туристификация. Малые города, особенно, с хорошей транспортной доступностью к столичным

регионам, с благоприятной экологической обстановкой, лишённые «шума городского» и обладая более развитой по сравнению с сельской местностью социальной инфраструктурой, становятся привлекательными для дачной и других видов рекреации. Однако, далеко не все малые города обладают необходимым туристско-рекреационным потенциалом. Среди малых городов наибольшим туристско-рекреационным потенциалом обладают Гагарин и Печоры. К их достоинствам можно отнести не только насыщенность многочисленными историко-культурными объектами, но близость водоемов, обладающих предпосылками для «морезамещающей рекреации».

Главная проблема – отставание большинства малых городов в развитии инфраструктуры. Малые города играют важнейшую роль в опорном каркасе расселения. Они также совместно с сельской местностью образуют локальные системы расселения. Деградация малых городов сопровождается деградацией сельского расселения. Малые города, по мнению Г.М. Лаппо вообще правомерно считать элементом сельской местности. Их сельский облик, сельские занятия и образ жизни значительной части жителей наиболее очевидны» [14, С. 132].

У малых городов есть свои конкурентные преимущества. Они по-прежнему выполняют особую духовную миссию, являются хранителями исторической памяти. Многие из них обладают исключительным культурным потенциалом.

Малым городам в период неоиндустриализации отводится роль не столько центров промышленности, сколько ядер, связывающих сельскую местность.

Деградация малых городов, играющих роль скрепа, чревата «лакунизацией» экономического и социального пространства. Поскольку малые города есть «симбиоз сельского и городского» в последнее время они чаще стали выполнять аграрную функцию и городское сельское хозяйство уже не рассматривается как некий феномен [15]. В ближайшей перспективе роль малых городов в производстве сельскохозяйственной продукции будет возрастать. Аграрное производство будет стремиться занять территориальные позиции непосредственно в малых городах (на окраине малых городов), где еще осталось население [16, С. 40].

Вместо заключения в качестве вывода могут быть слова Г.М. Лаппо «Малые и средние города являются необходимым дополнением и партнерами крупных центров, с которыми они образуют целостные системы расселения, служат ретрансляторами их влияния и инкубаторами талантов, опять-таки, стекающихся в большие города. Малые и средние города нельзя считать историческим анахронизмом, неудачниками, не сумевшими сделать карьеру. Они – необходимый элемент территориальной структуры расселения и хозяйства, как в настоящем, так и в будущем [9, С. 11].

Благодарность. Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

Библиографический список

1. Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности. Калининград, 2020.
2. Катровский А.П. Демографические угрозы устойчивому развитию Смоленской области // Региональные исследования. 2004. № 2 (4).
3. Катровский А.П. Демографическая ситуация как вызов развитию приграничных с Республикой Беларусь регионов России // Проблемы национальной экономики в цифрах статистики. Тамбов, 2023.
4. Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения. Смоленск, 2022.
5. Катровский А.П. Тенденции и проблемы развития приграничных с Белоруссией регионов России // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2–1 (30).
6. Катровский А.П., Манаков А.Г., Караваев П.Л. Транспорт и развитие туризма в приграничных с Белоруссией регионах России. Смоленск, 2019.
7. Ридевский Г.В., Шадраков А.В., Ковалев Ю.П. Российско-белорусское приграничье: потенциал, вызовы времени и тенденции развития // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития. 2016.
8. Трубе Л.Л. Типы городов Центрально-Промышленного района // География в школе. 1955. №5.
9. Лаппо Г.М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1 (3).
10. Семенов В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб., 1910.
11. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Становление советской экономической географии. М., 1980.
12. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3.
13. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. М., 2021.
14. Лаппо Г.М. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
15. Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю., Куликов Д.А. Городское сельское хозяйство как новый инструмент развития городов и пригородных территорий // Оригинальные исследования. 2019. Т. 9, № 12.
16. Даньшин А.И., Аксенова Е.А. Городское сельское хозяйство: подходы к изучению (на примере Московской агломерации) // Многообразие городских миров: история, теория, практика. М., 2021.

A.P. Katrovskiy

SMALL TOWNS IN RUSSIAN REGIONS BORDERING THE REPUBLIC OF BELARUS: DEMOGRAPHIC AND FUNCTIONAL COMPRESSION

Abstract. The modern problems of small towns in Russian regions bordering the Republic of Belarus are considered. Depopulation affected all cities in the region. The compression of cities causes them to lose certain functions and negatively affects the state of rural settlement. Deindustrialization increased the outflow of population. The

survival of small towns is associated with tourism and recreation but most of them do not have the necessary prerequisites for tourism.

Key words: small town, depopulation, urban structure, touristification.

Сведения об авторе

Катровский Александр Петрович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет, alexkatrovsky@mail.ru.

УДК 314.87

Д.В. Максимов, А.И. Евстафьев, Т.Ю. Сапожникова

ГЕОГРАФИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются демографические процессы, происходящие в России с момента распада Советского Союза. Раскрываются причины депопуляции населения, и предлагаются меры по стабилизации и росту численности населения.

Ключевые слова: население, депопуляция, естественный прирост, миграционный прирост, Российская Федерация.

Все уже давно привыкли к ситуации, что в России с 1992 г. уже более 30 лет идет депопуляция населения. Однако снижение естественного прироста в исконно русских регионах началось задолго до распада СССР. По статданным, снижение естественного прироста началось уже в 1964 г. (Ю.В. Крупнов). Одновременно происходило старение населения, выразившееся в повышении смертности и снижении доли молодого поколения. В постсоветский период эти процессы ускорились, что в итоге привело к вымиранию российского, в первую очередь русского, населения [11].

С 1992 г. совокупная (накопленная) естественная убыль населения составила в России достигла 16,3 млн чел., в то время как миграционный прирост накопленным итогом составил 10,5 млн чел. Росстат приводит цифру потери населения в 25 млн чел., по-видимому, с учетом «неявных» потерь (нерожденных детей у рано умерших или эмигрировавших граждан). Также надо учитывать, что доля русского этноса в миграционном притоке составляет немногим более 50 %, что приводит к нарушению традиционной этнической структуры государства.

В отдельные годы естественная убыль населения превышала 930 тыс. чел. в год (1999–2002 гг.). Другими словами, население России уменьшается в год на один «Краснодар», или «Красноярск». Когда мы говорим об одном миллионе человек в масштабе страны, то это кажется «небольшой» (точнее, слабо представляемой) цифрой. Но, если привести в сравнение конкретный город с такой численностью населения, то это может вызвать шок, даже с учетом того, что цифра известна.

Принятые меры государства по поддержке рождаемости (материнский капитал, программы поддержки молодых семей и др.) сыграли свою роль, и естественная убыль населения сократилась к 2012 г. до 4 тыс. чел. в год, а в 2013–2015 гг. рождаемость превысила смертность, но лишь на 30 тыс. чел. ежегодно (рис. 1).

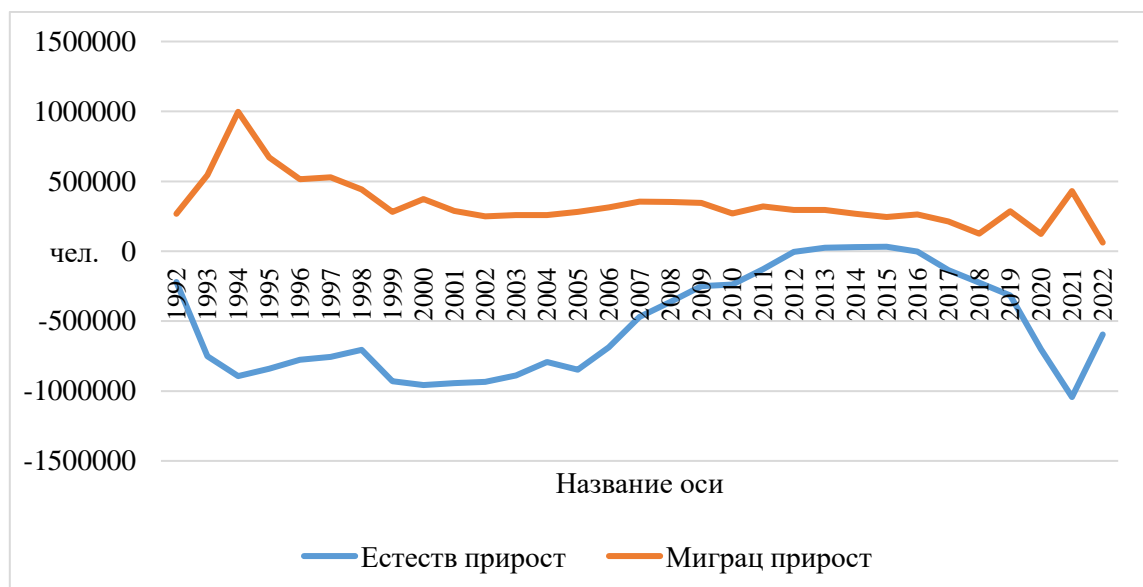

Рис.1. Естественный и миграционный прирост населения России в 1992-2022 гг., чел.
(составлено по [10,13])

Однако с 2016 г. в стране вновь господствует тенденция депопуляции населения (с 2016 г. по 2022 г. естественная убыль выросла с 2,2 тыс. чел. до 1,04 млн чел. в 2021 г. Справедливости ради можно отметить, что в 2022 г. она составила «всего» 595 тыс. чел., что, тем не менее, превышает численность всего населения такого субъекта, как Костромская область (население которой кстати сократилось на с 1992 г. на треть).

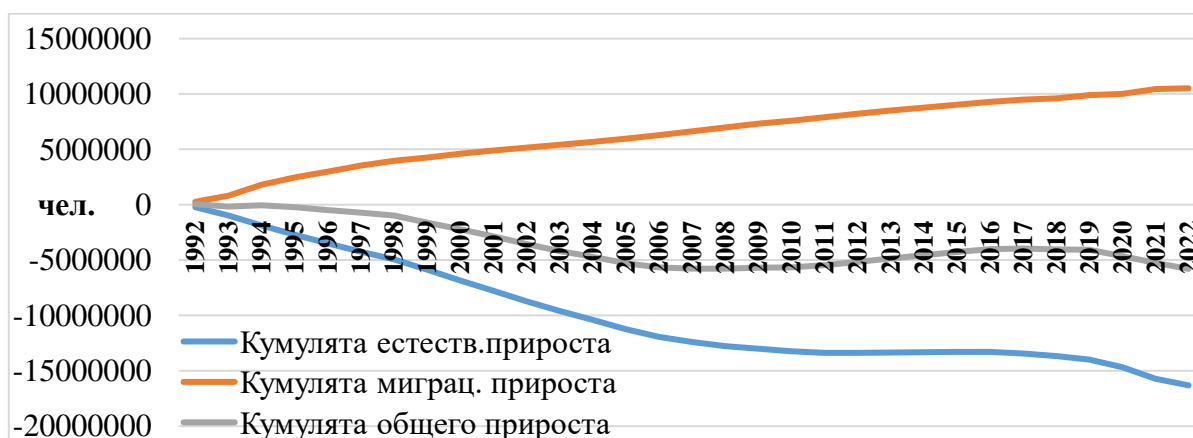

Рис. 2. Накопленные итоги прироста населения России с 1992 по 2022 гг.
(составлено по [10,13])

Таким образом, за прошедший 30-летний период население страны сократилось на 5,8 млн чел. (без учета прибавившегося населения Крыма). В 2023 г. население России достигло, с учетом вхождения Республики Крым в состав России, 146,3 млн чел., что составляет всего 1,8 % от населения Земли (8,08 млрд чел.).

Нужно заметить, что в течение года динамика естественного прироста сильно варьирует: наиболее «благоприятными» можно считать летние месяцы, когда естественная убыль сокращается в среднем в 3,5 раза по сравнению с зимним периодом (рис. 3).

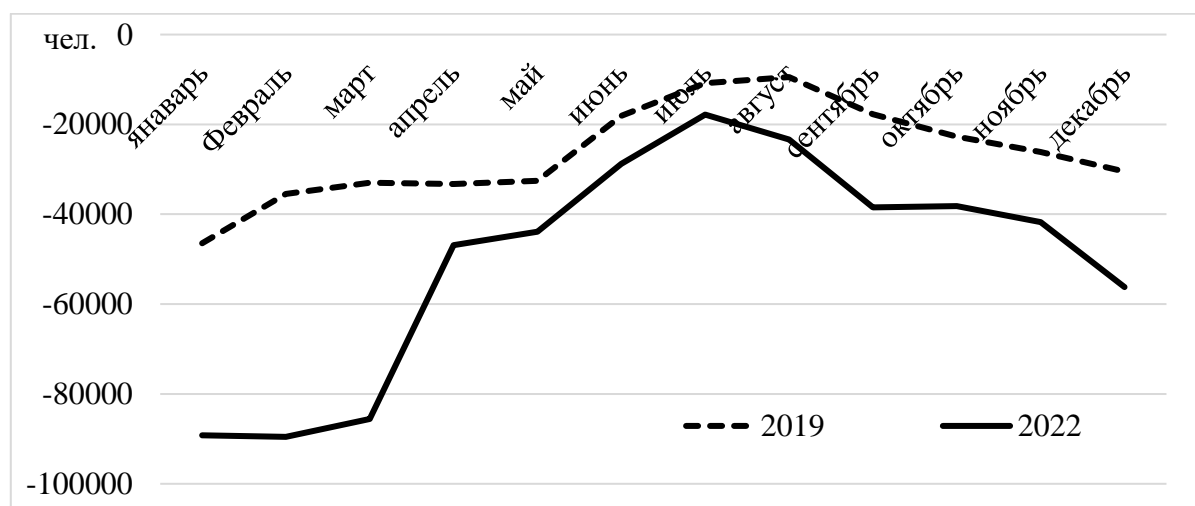

Рис. 3. Динамика естественного прироста населения России по месяцам в 2019 г. и 2022 г., чел. (составлено автором по [10])

Очевидно, что естественная убыль населения возрастает в более неблагоприятные сезоны года, особенно зимой (снижается рождаемость и возрастает смертность).

Отметим, что в 2023 г. из 85 регионов страны (по нашему мнению, пока некорректно выявлять общероссийские тенденции с учетом новых регионов Новороссии) только в 8 субъектах был отмечен положительный естественный прирост, из них на четыре Северо-Кавказские республики (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария) пришлось 78 % общероссийского естественного прироста (58 тыс. чел. из 74 тыс. чел.). Кроме Северного Кавказа, естественный прирост наблюдался в Тюменской обл. (12,4 тыс. чел.), Республиках Тыва и Алтай (3,1 и 0,3 тыс. чел. соответственно). Небольшими абсолютными приростами по этому показателю отметились Ненецкий (50 чел.) и Чукотский (2 чел.) автономные округа.

Наиболее сложная ситуация с естественным приростом (точнее – убылью) населения в 2021–2022 гг. сложилась в следующих регионах (рис. 4):

- практически во всем Центральном федеральном округе (ЦФО), за исключением г. Москва, где количество умерших лишь на 3 % выше числа родившихся. В остальных регионах ЦФО число умерших в среднем в 2–2,5 раза превышает рождаемость;

– аналогичная ситуация сложилась и в Северо-Западном округе, (кроме Ненецкого АО), где также число умерших в 2–2,5 раза выше количества родившихся. Исключением является Санкт-Петербург, в котором это соотношение составляет 129 % в 2022 г.;

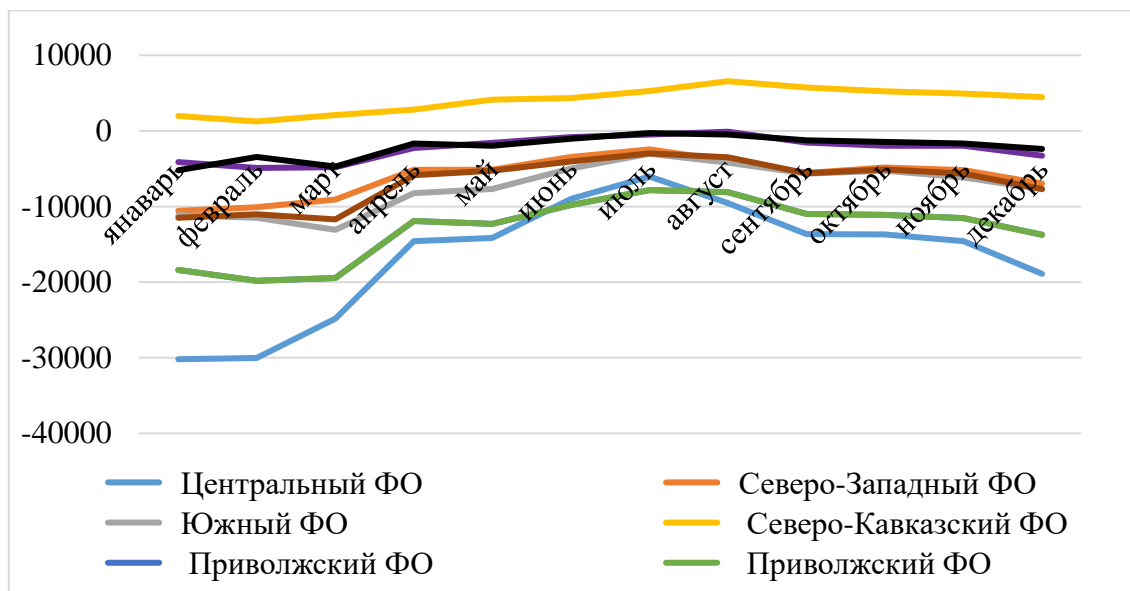

Рис. 4. Абсолютный естественный прирост/убыль по федеральным округам России в 2022 г. по месяцам, тыс. чел.

– в Южном федеральном округе во всех субъектах сохраняется естественная убыль, но наиболее сложная ситуация складывается в Республике Крым, Севастополе, Волгоградской, Ростовской, областях, где число умерших в 1,5–2 раза превышает число рожденных;

– в Приволжском ФО население высокими темпами сокращается в 70 % регионов (1,5–2 раза число родившихся ниже числа умерших). Относительно низок показатель в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии, где он составляет 1,2–1,4.

– в субъектах Уральского ФО количество умерших превышает число родившихся в 1,5–2 раза, за исключением Тюменской области, где отмечается положительный естественный прирост;

– в Сибирском ФО (кроме республик Тыва и Алтай) по отмеченному показателю вариация составляет 1,4–2 раза);

– на Дальнем Востоке (ДВФО) в среднем количество умерших превышает число родившихся в 1,3 раза, однако наиболее высок показатель в Приморском крае (171 %) и Амурской области (163 %) (рис.5).

Отметим, что в целом по всем регионам отмечается снижение смертности и рост рождаемости в 2021–2022 гг.: соотношение умерших и родившихся снизилось в среднем по стране со 174 % до 146 %.

Оглядываясь на весь период 1996–2024 гг. (в 1995 г. зафиксирована наибольшая численность населения России 148 459 тыс. чел.), можно сделать

неутешительные выводы: население подавляющего большинства регионов страны (64 из 85) сократилось (несмотря на миграционный прирост).

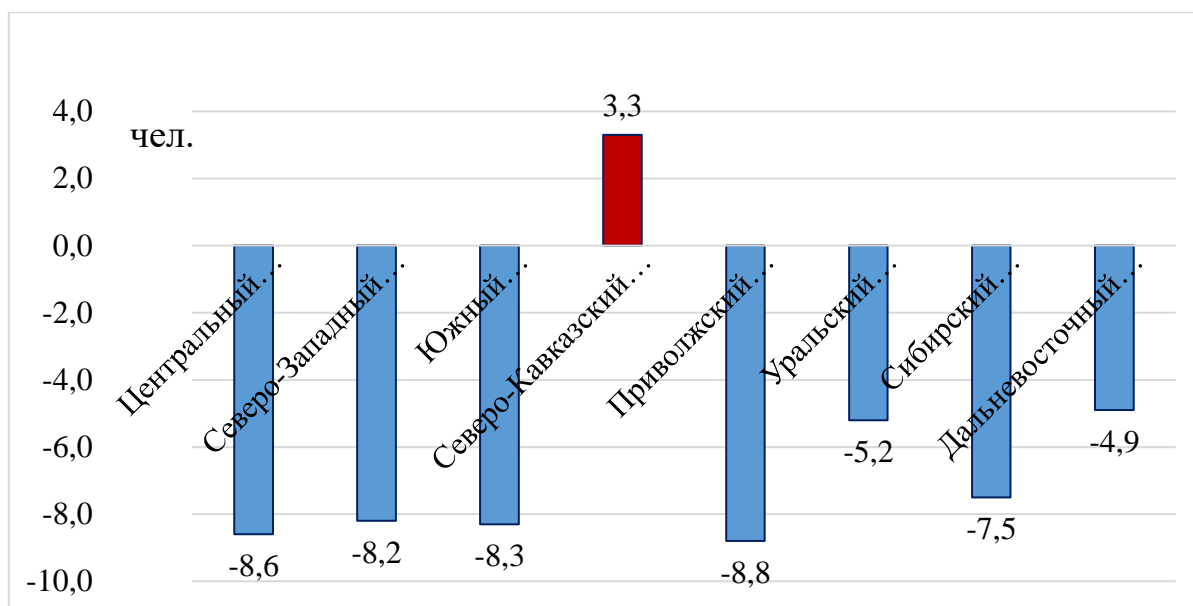

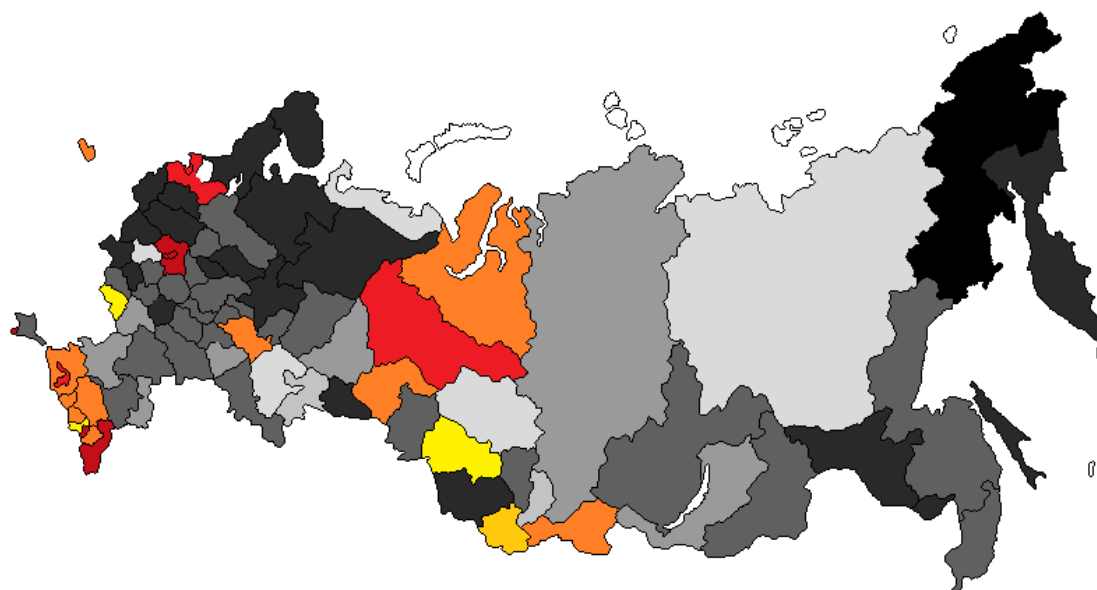
Рис. 5. Естественный прирост по федеральным округам в 2022 г., чел. на 1 тыс. чел. постоянного населения

Рост населения отмечен в: Москве и Московской области (рост 42 % и 29 % соответственно), Санкт-Петербурге и Ленинградской обл. (+16 % и 20,0 %), Севастополе (+53 %), республиках Северного Кавказа (прирост составил от 0,4 % в Северной Осетии до 86 % в Ингушетии), Краснодарском и Ставропольском краях (плюс 15 % и 7 %), республиках Татарстан (+6,4 %), Алтай (+3,8 %), Тыва (+11 %), Белгородской (+2,8 %), Калининградской (+9,9 %), Тюменской (+22 %) и Новосибирской (+2 %) областях (рис. 6).

Наиболее серьезные темпы депопуляции из федеральных округов испытал Дальневосточный ФО, где численность населения с 1996 г. по 2024 гг. сократилась на 18 % и ни в одном субъекте не был зафиксирован его рост.

Причина кроется не только в снижении реальных доходов населения в результате развала экономической системы (о чем стараются не говорить вслух – однако будем реалистами), но и в некоторых социальных аспектах, не имеющих отношения к материальным благам: разрушен традиционный уклад жизни населения, в результате чего прервана преемственность поколений в деле воспитания молодежи (во время «лихих 90-х» гг. родителям было не до рождения и воспитания детей, дошкольные учреждения и школы также уклонились в силу различных причин от воспитания подрастающего поколения), был фактически разрушен культ семьи. Сегодня у молодых людей нет четкого понимания роли семьи в жизни, важности этого союза мужчины и женщины как ячейки и гаранта стабильности и процветания общества. Кризис семьи обусловлен утратой личностью смысла семейной жизни [1]. Соответственно, у многих девочек не привито желание иметь полноценную семью, рожать и воспитывать детей. В лучшем случае – можно «завести ребенка», одного ребенка, а нужно больше

двух. Опросы авторами студентов (сплошное наблюдение) Кубанского государственного университета 1 курса (февраль 2024 г.) показали, что в среднем они желают иметь двух детей.

Условные обозначения (прирост/убыль населения):

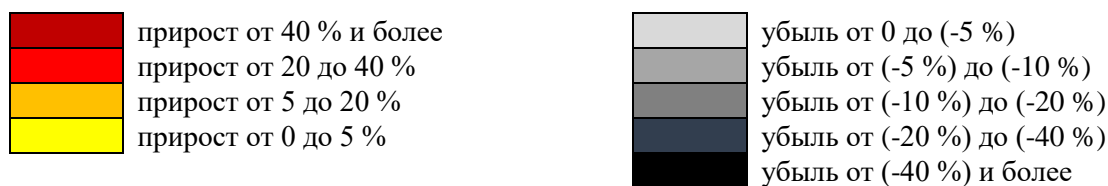

Рис. 6. Динамика численности постоянного населения в регионах России в 1996-2024 гг. (составлено по данным Росстата [11])

После окончания вуза планируемое количество детей снизится. Не планируют в ближайшее время пополнение в семье 48 % (в группе 18–45-летних, допускающих рождение детей). Свое нежелание заводить детей в обозримом будущем они объясняют недостаточной материальной обеспеченностью (39 %, среди 18–24-летних – 60 %) и отсутствием стабильности в жизни (38 %, среди 18–24-летних – 77 %). В числе наиболее популярных ответов также: наличие детей (37 %), неподходящий возраст (36 %) и ограничения по здоровью (17 %) [5].

Прогнозы на ближайшие два десятилетия также далеко неутешительны: к 2046 г. численность населения должна составить по «среднему прогнозу» Росстата 139 млн чел., а по наиболее вероятному – «низкому» варианту – 131 млн чел. В оптимистичный вариант (151 млн чел.) слабо верится при существующей системе воспитания и образования молодежи [2].

Дети не чувствуют себя частью российского общества, не сопричастны к ее истории, культуре, традициям. Они не знают российских граждан и ученых, составляющих славу не только России, но и мира (в этом можно убедиться, проведя опрос студентов практически любого направления подготовки). Так, например, о Д.И. Менделееве они могут сказать только, что он создал «таблицу

химических элементов Менделеева». Грустно – ведь он экономист, статистик, аграрий мирового уровня, член всех наиболее значимых академий мира, отдал всю свою жизнь служению Родине. Всех академий, кроме российской... Почему не был избран, хоть и номинировался друзьями великого ученого – об этом молодежи не рассказывали на уроках химии, истории.

Как можно строить великую державу, ее экономику без знаний о ее славной удивительной истории и географии? И вдруг сегодня, фактически «на обломках» лучшей системы образования, появилась снова потребность в патриотах. Откуда же им взяться, если подавляющая часть молодежи не знает и не хочет знать своей истории, культуры и традиций.

Отчетливо видно, что рождаемость и продолжительность жизни выше в тех субъектах России, где сохранились национальные и общечеловеческие традиции (бережное отношение к истории народа, культуре, и в первую очередь к религии, обрядам, уважение к старшим и проч.).

Пусть звучит это пафосно, но говорить о развитии каких-то сфер экономики, в т. ч. туризма, в условиях, когда население страны сокращается на 0,5–1,0 млн чел. в год может быть можно и нужно, конечно, однако в первую очередь требуется другое: нужно срочно реформировать образование, воспитание и развитие молодежи, чтобы страна могла получить настоящих, а не «отчетных» патриотов нашего Отечества. Для этого требуется в принципе немного: построить преемственную систему образования так, чтобы прививать на всех этапах воспитательно-образовательного процесса (от детского сада до окончания вуза традиционные человеческие ценности (уважение к истории Родины, старшим, основы учений ведущих религиозных конфессий страны и проч.).

При этом можно использовать практически готовые отечественные (советские) методики в данном направлении. Но, чтобы воспитатели, учителя, преподаватели должным образом относились к воспитанию молодежи, требуется:

1) дать им свободу творческого подхода, освободив от ненужных отчетов и лишней работы;

2) сделать оплату их труда достойной высокого звания «педагог» - ведь они также сражаются на своем невидимом фронте за Родину, как и бойцы Российской Армии, отдавая свои знания и силы для процветания страны.

Если они не воспитают Гражданина, то кто же в будущем встанет на защиту Отечества? События 2022 г., когда сотни тысяч молодых людей сбежали из страны (по разным причинам) полностью подтверждают эти слова.

Правительство начинает эксперимент по внедрению в образовательный процесс предмета «Семьеведение» (а почему не Домострой?). Но пока на добровольной основе. Сколько будет длиться эксперимент, кто его будет вести и какие цели будет преследовать (может быть, контроль за рождаемостью, как использовать противозачаточные средства, чтобы не делать аборты?) – не совсем понятно. А время уходит, через год с карты России условно исчезнет еще один Красноярск. Времени на эксперименты не осталось!

Крупнов Ю.В., председатель Наблюдательного совета НКО «Институт демографии, миграции и регионального развития», говорит именно о такой постановке проблемы (дело не в деньгах, а в идеологии и воспитании). Он отмечает: «...у нас при нынешней катастрофической рождаемости к концу столетия останется половина населения. Все это приведет к катастрофе, в результате которой существование русского народа будет несовместимо со всеми этими факторами. По сути, мы в этой идеологии, в этих стратегиях и программах приговорены к вымиранию и исчезновению из истории» [6].

Можно сколь угодно долго говорить о типах воспроизводства населения, о трудностях, но самое основное кроется в том, что среди населения укоренили мнение, что не нужно иметь много детей, что чем их меньше, тем больше можно им дать (воспитать, как бы правильно, дать образование и «всякие излишества»). Об этом говорили в программе «Место встречи» по НТВ 22.02.2024 г. психолог И. Смолярчук и уже упоминавшийся выше Ю. Крупнов. В русле такой логики все больше вырастает количество уклонистов, сбежавших за границу от СВО.

На самом деле вопрос стоит значительно серьезнее и глубже: будет ли Россия существовать в принципе, ведь от этого зависит судьба многочисленных народов страны, которые также могут исчезнуть в результате пагубных процессов, инициируемых зарубежными «благотетелями» России.

Библиографический список

1. Голдин П.Ф. Семья и демография как стратегический приоритет в системе духовной безопасности современной России// Вестник МГЭИ (on line). 2021. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46330521_68939950.pdf.
2. Демографический прогноз. Росстат: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
3. Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>.
4. Джой Е.С., Чашкина А.С. Проблема демографии в России// Аллея науки. 2018. Т. 4, № 4 (20).
5. Женское счастье: российская версия. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/zhenskoe-schaste-rossiiskaja-versija>.
6. Крупнов В.Ю. В действующих стратегиях мы приговорены к исчезновению. 14.06.2018 г. URL: http://zavtra.ru/blogs/v_dejstvuyushih_strategiyah_mi_prigovoreni_k_ischeznoveniuyu_iz_istorii?....yandex.com.
7. Миграция населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1_bd.htm.
8. Миграционный прирост: URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162>.
9. Население субъектов Российской Федерации на 1 января 2011–2019 гг. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_reg_2011.php.
10. Оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации (2022–2019 гг.) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
11. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm.
12. Соболева М.Е. Демография России: будущее // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 7(82).
13. Численность населения по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm.

GEOGRAPHY OF DEPOPULATION AND POPULATION OF RUSSIA

Abstract. The article examines the demographic processes taking place in Russia since the collapse of the Soviet Union. The reasons for population depopulation are revealed and measures for stabilization and population growth are proposed.

Key words: population, depopulation, natural increase, migration increase, Russian Federation.

Сведения об авторах

Максимов Дмитрий Васильевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет, dvmaksimov68@mail.ru.

Евстафьев Артем Иванович, кандидат экономических наук, ФГАУ «Мосгосэкспертиза», evstafev.ai@mge.mos.ru.

Сапожникова Татьяна Юрьевна, преподаватель кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет, yanasapoggok@gmail.com.

УДК 911.3:32

А.Н. Фартышев

ГЕОГРАФИЯ ДРУЖЕСТВЕННОСТИ-ВРАЖДЕБНОСТИ СТРАН МИРА ОТНОСИТЕЛЬНО РОССИИ И СИБИРИ В ЧАСТНОСТИ

Аннотация. Начиная с 2022 г. в политическом дискурсе официально закреплено понятие недружественных стран. В статье рассматривается подход к пониманию дружественности-враждебности как ключевой характеристики геополитического пространства. На базе комплекса количественных и качественных данных проводится оценка государств и на основании этого исследуется географическая удалённость субъектов различной степени дружественности-враждебности микро-, мезо- и макроуровня.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, недружественность,

Геополитические характеристики макрорегионов России изучались в достаточно обширном ряде географических трудов (например: [3]). Наиболее полно методология изучения геополитики представлена в трудах П.Я. Бакланова по территории Дальнего Востока (Тихоокеанской России) [2]. Вероятно, интерес к этой тематике именно на Дальнем Востоке связан со значительной уязвимостью данной территории и постоянными геополитическими сдвигами во внешнем окружении. Сибирь, несмотря на удалённость от мировых держав в новейшее время также является важной частью России, геополитическое положение которой обладает значительной динамикой. Это проявляется в

изменении позиционирования соседней Монголии на мировой арене, внешнеполитическом дрейфе Казахстана и, безусловно, напряжённости в украинском кризисе, из-за чего Россия ускорила свой «поворот на восток».

Автором данной статьи была разработана собственная методология анализа геополитического положения, в центре которой стоит понятие политического отношения между странами. В 2022 г. Правительство РФ опубликовало «Список недружественных стран и территорий» (Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р), в результате чего произошла институционализация одной из главных составляющих геополитического положения – политического отношения между странами, выражаемого по шкале «дружественность-враждебность». Однако в списке присутствуют такие политики, которые не выражают по отношению к России непосредственных недружественных действий, например, территории, зависимые от Великобритании, такие как о-ва Питкерн, были внесены в список с целью соблюдения санкционного режима на все территории, имеющие любые формы зависимости от метрополии, но, в то же время, неинкорпорированные зависимые территории Нидерландов, такие как остров Аруба и Кюрасао, напротив, внесены не были. Это порождает коллизии в объективности восприятия этого списка. Таким образом, для геополитического анализа должны использоваться более объективные критерии, которые только разрабатываются (например, примечательна работа [1]). Так или иначе, субъекты различной степени недружественности имеют разное географическое влияние на Россию и Сибирь, в частности. Целью данной работы является выявление географических характеристик субъектов различной степени недружественности, влияющих на Россию и Сибирь, в частности.

В более ранних работах была предложена типология политического отношения по линейной шкале «дружественность-враждебность», где представлены чёткие критерии стадийности параметра *ПО* (*политическое отношение*), начиная от $ПО=0$, как минимум взаимоотношений, как в сторону дружественности, так и в сторону враждебности, и разделены на 9 степеней. Присвоение той или иной степени градации основано на чётких критериях, отражённых в таблице 1. Подробнее методика описана в работе [5].

Таблица 1

Типология политического отношения между геополитическими субъектами

Тип	Подтип	Признак
Союз ($ПО=+3$)	3.3 Единство	Общие органы управления
	3.2 Доверие	Отсутствие пограничного контроля, общая валюта
	3.1 Сплочённость	Военный союз, договор о совместной обороне
Сотрудничество ($ПО=+2$)	2.3 Дружба	Таможенный союз
	2.2 Взаимовыгода	Особые условия торговых отношений
	2.1 Товарищество	Совместные военные учения
Тёплый нейтралитет ($ПО=+1$)	1.3 Согласие	Поддержка в голосовании ООН
	1.2 Симпатия	Положительный образ в СМИ
	1.1 Связь	Наличие торговых отношений при отсутствии особых условий

Тип	Подтип	Признак
Минимум отношений ($ПО=0$)		Малые объёмы торговли, политических и культурных связей
Холодный нейтралитет ($ПО=-1$)	-1.1 Осторожность	Строгий визовый режим
	-1.2 Неприятие	Негативный образ в СМИ
	-1.3 Несогласие	Протестное голосование в ООН
Конкуренция ($ПО=-2$)	-2.1 Соперничество	Территориальные споры в активной стадии обсуждения
	-2.2. Противодействие	Эмбарго/секторальные санкции
	-2.3 Отвращение	Дипломатические войны (высылка дипломатов)
Вражда ($ПО=-3$)	-3.1 Ремиссия	Война, находящаяся в замороженной стадии
	-3.2 Эскалация	Локальная война
	-3.3 Уничтожение	Тотальная открытая война

Чтобы присвоить ту или иную степень дружественности, были проанализированы актуальные данные о голосованиях в ООН по резолюциям, данные о проведении военных учений, данные о международных договорах о степени экономической интеграции, данные о политической окраске сообщений в ведущих СМИ соответствующих стран (выборка составила 100 публикаций в каждой стране), данные о случаях высылки дипломатов и другие релевантные данные. Итоговое распределение стран представлено на рисунке 1 и сравнивается с данными из [5].

Из представленных карт видны следующие тенденции, произошедшие за рассматриваемый период:

- За прошедший период в окружении России произошло усиление недружественности с запада и востока, т.н. «фланги», которые и в более раннем периоде были настроены недружественно (от степени конкуренции до вражды). Для Сибири эти субъекты имеют более отдалённое положение, но имеют более критическое значение для России в целом.

- Усилилась дружественность стран внутри евразийского пространства на юг от России, которая происходит медленно и постепенно, укрепляя нейтралитет в сторону сотрудничества. Для Сибири это ближайшие субъекты, что повышает геополитическую значимость этого макрорегиона.

- Представленные карты показывают несостоятельность суждения о политической изоляции России и, учитывая ряд допущений [4], наглядно показывается реализация концепции т.н. «Большой Евразии», подразумевающая политическую консолидацию внутриевразийского пространства.

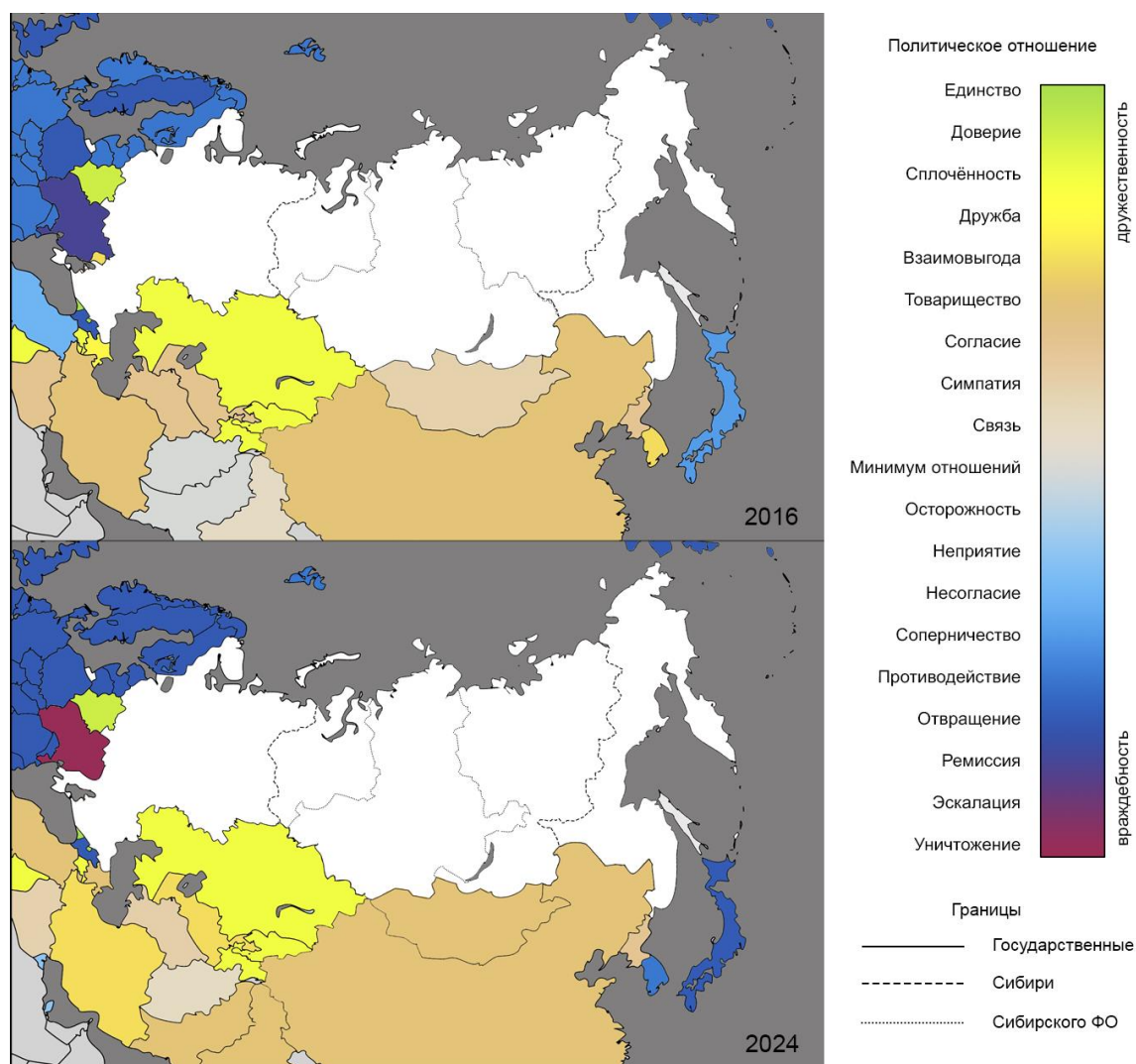

Рис. 1. Политическое отношение стран мира относительно России

Географический анализ представляет собой в первую очередь представление об удалённости тех или иных субъектов друг от друга. В классических геополитических исследованиях используется принцип порядковости соседства [2], однако мы полагаем некорректным такой подход ввиду недоучёта географического расстояния, поэтому влияние субъектов рассмотрено через 3 базовых параметра удалённости, отражающих один из главных параметров географического анализа – разномасштабности:

- а. Экономическое расстояние между ближайшими контактными пунктами, отражающее возможности приграничного сотрудничества и связи микроуровня;
- б. Экономическое расстояние между ближайшими экономическими центрами, отражающее возможности сотрудничества на мезоуровне;
- в. Физическое расстояние между политическими центрами, отражающее возможности связей макроуровня.

Анализ удалённости политических субъектов показал главную тенденцию, произошедшую в рассматриваемый период: недружественные субъекты удалились от территории России практически на всех уровнях масштаба ввиду невозможности пересечения границы между Россией и Украиной лицами третьих стран, и закрытием всех пограничных пропускных пунктов на

белорусско-российской границе. Наибольший рост удаления наблюдается у Молдовы, которая несмотря на то, что географически является соседом второго порядка, теперь имеет сухопутную связь только через 3 страны – Украину, Польшу, Беларусь. Также закрытие большинства пограничных пунктов в Финляндии привело к увеличению экономического расстояния по суше между ближайшими экономическими центрами, а закрытие норвежско-российской границы – к превращению Норвегии в соседа третьего порядка, хотя по в обоих случаях остаётся морская связанность государств. Что касается макромасштаба, то кардинальных изменений не произошло, но в случае рассмотрения расстояний между политическими центрами по авиационным маршрутам с учётом появления бесполётных зон и закрытых воздушных пространств, то наибольшие изменения коснулись практически всех стран Европы, где стала невозможна прямая навигация через границу, а только через третьи страны (например, через воздушное пространство Турции или международную зону Балтийского моря. Эти процессы в меньшей степени влияют на Сибирь и СФО, поскольку они находятся на значительной удалённости и согласно закону убывающей полезности рост большого километража имеет меньшую значимость.

В то же время дружественные субъекты остались на том же расстоянии, что и были ранее, поскольку за рассматриваемый период не произошло роста связанности как пограничных пунктов (единственный новый пограничный пункт был открыт на российско-китайской границе в районе с. Нижнеленинское Еврейской Автономной области), новых прямых транспортных путей, связывающих экономические центры, не происходили переносы политических центров, как и не становились дружественными наиболее ближайшие субъекты, ранее бывшие недружественными (среди таковых можно отметить лишь Турцию, а рост дружественности Пакистана и Индии нивелируется чрезмерной удалённостью этих стран).

Геополитический анализ текущей ситуации показывает значительные изменения, которые происходят на политической карте мира, которая требует постоянного мониторинга ввиду динамичности зафиксированной ситуации. Показанные тенденции географической удалённости, которые лишь кратко отражены в данной статье, свидетельствуют о многих побочных явлениях политических решений об изменении статуса пограничных пунктов или воздушного пространства. В значительной степени показанные негативные явления смягчаются наличием политических границ с территориями, имеющими международный правовой статус. На дальнейших этапах реализации исследовательского проекта оценка будет более комплексной в целях повышения релевантности отражения объективной ситуации.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-10048, <https://rscf.ru/project/23-77-10048>.

Библиографический список

1. Сафранчук И.А., Несмашный А.Д., Чернов Д.Н. Подвижная карта восприятия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 3.

2. Бакланов П.Я., Шведов В.Г., Романов М.Т. Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы. // Известия Русского географического общества. 2021. №153 (3).

3. Дружинин А.Г., Лачининский С.С. Россия в мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия». // Известия Русского географического общества. 2019. №151 (6).

4. Фартышев А.Н. Сибирь в концепции Большой Евразии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37.

5. Фартышев А.Н. Развитие и позиционирование Сибири: геополитическая и геоэкономическая оценка приоритетности концепций: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Иркутск, 2018.

A.N. Fartyshev

GEOGRAPHY OF FRIENDSHIP-HOSTILITY OF THE WORLD COUNTRIES RELATIVE TO RUSSIA AND SIBERIA IN PARTICULAR

Abstract. Since 2022 the concept of unfriendly countries has been officially enshrined in the political discourse. The article discusses an approach to understanding friendship-hostility as a key characteristic of geopolitical space. On the basis of a complex of quantitative and qualitative data, an assessment of states is carried out and on this basis the geographical remoteness of subjects of varying degrees of friendship-hostility at the micro-, meso- and macro-level is examined.

Key words: geopolitics, political geography, hostility, unfriendliness.

Сведения об авторе

Фартышев Арсений Николаевич, кандидат географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутский государственный университет, fartyshev.an@gmail.com

УДК 911.3:339.9: 355.02 (470.23-25/.23/.26)

Г.М. Федоров, Ю.М. Зверев

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ НА БАЛТИКЕ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Рассмотрены проблемы обеспечения безопасности, экономического развития и реструктуризации внешних связей трех российских регионов на Балтике (Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей) в изменившихся с 2022 г. геополитических и геоэкономических условиях.

Ключевые слова: Балтийский регион, Российская Федерация, ЕС, НАТО, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, новые геополитические и геоэкономические условия.

До недавнего времени геополитическое и геоэкономическое положение балтийских регионов РФ (Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей) оценивалось как выгодное благодаря сочетанию приморского положения и близости торговых партнеров из зарубежной Европы. Но свертывание западными странами всех связей с Россией, ставшее заметным с 2014 г. и резко усилившееся с 2022 г., радикально изменило прежнюю оценку. Антироссийские рестрикции недружественных стран, новое расширение НАТО, причем на Балтике, все более явная концентрация вооруженных сил Североатлантического альянса вдоль западных границ Союзного государства, почти полное закрытие странами ЕС и НАТО пограничных переходов с Россией и Республикой Беларусь сделали прежнюю идею развития Балтийского региона как региона сотрудничества не реализуемой. В новых условиях Балтийский регион превратился из одного из самых стабильных и благополучных регионов в Европе в передовую линию конфронтации России и НАТО. Образовался «антироссийский фронт» во главе с США, НАТО и ЕС. Все зарубежные страны расширенного Балтийского региона (кроме Республики Беларусь) внесены Правительством РФ в список «недружественных» и степень их недружественности по отношению к России только усиливается.

Изменившиеся геополитические и геоэкономические условия выдвинули на первый план обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической и экономической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий. Соответствующее исследование было проведено в 2022–2023 гг. под руководством профессора БФУ им. И. Канта Г.М. Федорова в рамках проекта РНФ № 22-27-00289 [1].

В новой ситуации балтийские регионы России вынуждены превращаться в военно-экономические форпосты нашей страны на переднем крае противостояния с коллективным Западом. Такие функции они выполняли и ранее, но сейчас они выходят на передний план. Россия принимает ответные меры по укреплению военной безопасности своих балтийских регионов и страны в целом на балтийском направлении. Большое значение для парирования существующих и будущих угроз имеет укрепление военного и военно-технического сотрудничества России с Республикой Беларусь (включая формирование субрегионального комплекса безопасности «Калининградская область РФ – Республика Беларусь») [2].

Важное значение имеет упрочение энергетической, транспортной, продовольственной, инновационной, экономико-демографической безопасности балтийских регионов России. Наибольшие сложности возникли перед эксклавной Калининградской областью, но они постепенно решаются.

Для обеспечения устойчивости энергетической системы в дополнение к Калининградской ТЭЦ-2 построены еще четыре ТЭС примерно такой же суммарной мощностью. У побережья области установлена плавучая регазификационная установка «Маршал Василевский», которая может

восполнить, при необходимости, потребности области в природном газе (сейчас он поступает по газопроводу через Литву).

Транспортную связность Калининградской области с основной частью России в условиях полублокады со стороны Литвы обеспечивают около 20 морских судов и воздушный транспорт.

Уровень продовольственной безопасности регионов повышается путем роста производства сельхозпродукции и продуктов питания.

Инновационная безопасность обеспечивается за счет интеграции научно-образовательного потенциала регионов (при ведущей роли Санкт-Петербурга) и развития тесных связей с другими российскими и зарубежными (из дружественных стран) центрами науки и образования.

Экономико-демографическая безопасность означает обеспечение сбалансированности динамики трудовых ресурсов с потребностями экономики в кадрах. Речь идет о закреплении молодежи и соответствующей структуре экономики подготовке кадров и, одновременно, о развитии экономики на инновационной базе путем роста производительности труда, с межотраслевым перераспределением высвобождающихся работников в приоритетные отрасли. Для решения проблемы в долгосрочной перспективе необходимо активизировать региональную демографическую политику поощрения рождаемости и обеспечения самосохранительного поведения.

Эксклавную Калининградскую область необходимо включить в единую территориальную социально-экономическую систему (ТСЭС) с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Меры по формированию такой системы следует предусмотреть в Стратегии развития СЗФО, Стратегии пространственного развития России и в стратегиях социально-экономического развития трех балтийских регионов [3]. Для создания единой ТСЭС необходимо интенсифицировать развитие морского и воздушного транспортного сообщения между Калининградской областью и двумя другими российскими регионами на Балтике. Это будет способствовать формированию территориально распределенных отраслевых и межотраслевых кластеров (судостроение, автомобилестроение, лесобработка, добыча и переработка рыбы, туризм и рекреация, наука, образование, культура, спорт) [4].

Для социально-экономического развития и повышения экономической безопасности регионов, особенно эксклавной Калининградской области, в новых условиях важно более полно использовать их внутренние природные, трудовые и инновационные ресурсы [3].

Еще одной важной задачей представляется реструктуризация экономики балтийских регионов – развитие в них нематериалоемких инновационных производств, ориентированных как на общероссийский рынок, так и на рынки дружественных зарубежных государств [4, С. 84].

Необходимо также продолжать реструктуризацию внешнеторговых и в целом внешнеэкономических и других связей трех балтийских регионов РФ. Приморское положение позволяет им заменять прежние связи с недружественными странами на отношения со странами Азии, Африки и

Латинской Америки. Активно развивается торговля с Беларусью. При этом часть международной торговли балтийских регионов может быть переориентирована на межрегиональную.

Выбывшие из-за прекращения сотрудничества с Западом возможности необходимо компенсировать (что уже происходит) за счет развития научно-технического сотрудничества с государствами ЕАЭС, БРИКС, ШОС и другими странами Азии, Африки и Латинской Америки. Не должен пропасть и накопленный опыт прекратившегося трансграничного сотрудничества. Его можно в трансформированном виде использовать для формирования программ межрегионального сотрудничества Союзного государства [3].

Библиографический список

1. Проект РНФ № 22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий» (научный руководитель – Федоров Г.М.). URL: <https://www.rscf.ru/project/22-27-00289>.
2. Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3.
3. Зверев Ю. М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4.
4. Федоров Г.М. Экономический потенциал Балтийских регионов РФ // Вопросы устойчивого развития регионов. СПб., 2023.

G.M. Fedorov, Y.M. Zverev

RUSSIAN REGIONS IN THE BALTIC IN NEW GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC CONDITIONS

Abstract. The problems of ensuring security, economic development and restructuring of external relations of three Russian regions in the Baltic (St. Petersburg, Leningrad and Kaliningrad regions) in the geopolitical and geo-economic conditions that have changed since 2022 are considered.

Key words: Baltic region, Russian Federation, EU, NATO, St. Petersburg, Leningrad region, Kaliningrad region, new geopolitical and geoeconomic conditions.

Сведения об авторах

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, профессор Образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Зверев Юрий Михайлович, кандидат географических наук, доцент, доцент Образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт управления и территориального развития», главный специалист Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, YZverev@kantiana.ru.

МЕТАМОРФОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СВО

Аннотация. В работе определены метаморфозы последних показателей динамики численности населения погранично-пригородного Белгородского района, общей численности населения области; сделаны выводы о «кривом зеркале» статистики населения Белгородстата, исходе образованного, обеспеченного, квалифицированного населения, радикальном изменении демографических трендов, сложном демографическом будущем области.

Ключевые слова: Белгородская область, метаморфозы демографических показателей, население, отток, официальные статистические данные.

Введение. Актуальность исследования вызвана необходимостью выявления изменений в демографическом развитии и размещении населения Белгородской области после событий 2014 г., 2022 г. в Украине, послуживших катализаторами смены направлений внешних миграционных потоков, исходу части населения приграничных районов и города Белгород из области. Анализ базы статданных Белгородстата на 2023 г. выявил метаморфозу ранее опубликованных данных по численности населения.

Проводимая Российской Федерацией СВО в Украине затронула безопасность жизни населения в десяти муниципальных образованиях Белгородской области (шести муниципальных районов и четырех городских округов, включая столицу области) пограничных с Украиной, вызвала миграционный отток.

Белгородская область (на 01.01.2023 г. 1514,5 тыс. чел. [1]), как субъект РФ, образованная 06.01.1954 г., отличалась стабильным ростом численности населения в течение 63 лет на фоне сокращения числа жителей с 1992 г. во многих регионах России в связи с естественной убылью населения. До 1990 г. численность населения области увеличивалась в результате естественного и миграционного прироста из районов РСФСР и республик Советского Союза русскоязычного населения. С 1991 г. в области естественная убыль населения (уровень смертности превышает уровень рождаемости), но число жителей продолжало расти в результате положительного сальдо миграции, достигавшего в середине 1990-х гг. максимальных показателей [2]. В начале XXI в. масштаб потока мигрантов сократился, изменилась структура внешних миграций [3], но по 2017 г. внешние миграции перекрывали естественную убыль населения области. Тонкий слой мигрантов перестал компенсировать естественную убыль с 2018 г. и численность населения впервые сократилась.

Рубиконом в пространственном демографическом развитии Белгородской области стало 24 февраля 2022 г. – положительное сальдо миграции сменилось отрицательным.

Анализ динамики численности населения Белгородской области в сборниках издания 2023 г. выявил пересмотр Белгородстатом численности населения в приграничном Белгородском районе (и по области) на 2022 г. По новым данным она выросла (за год) на 61,4 тыс. чел. – 47 %. Отметим, что этот район самый большой по числу жителей (9 %), влияющий на общую численность области. Неожиданный «демографический взрыв» в Белгородском районе требует объяснения, поиска факторов роста его численности населения, анализа данных Белгородстата, установления вектора развития системы населения Белгородской области.

Основными целями данного исследования является анализ базы статистических данных Белгородстата раздела «Население» 2021–2023 гг.; выявление метаморфозы показателей численности населения Белгородской области с началом СВО 2022 г., определение тренда демографического развития Белгородской области.

Информационной базой в решении поставленных задач служили официальные статистические сборники Белгородстата.

Основные результаты и обсуждение

1. Анализ официальных статистических данных Белгородстата

Для эффективного управления социально-экономическими процессами, статистическая информация должна удовлетворять определенным требованиям: достоверности, полноте, точности, сопоставимости.

Известно, что численность населения любой территории зависит от показателей двух факторов: естественного и механического движений. Анализ официальных статистических данных по муниципальным образованиям с 2010 по 2023 гг. выявил особенности и парадоксы изменений численности населения в Белгородском районе: до 2022 г. миграционный прирост превышал естественную убыль населения и приводил к плавному росту численности населения. В 2022 г. его численность по данным сборника [4] составила 130,3 тыс. чел. Но уже в аналогичном сборнике 2023 года выпуска указана иная численность населения 2022 г. – на 61,4 тыс. чел. больше – 191,7 тыс. чел. [5].

Какие факторы привели к увеличению численность населения в Белгородском районе?

В 2022 г., по данным статсборника, в районе – естественная убыль [5], отрицательное сальдо миграции [5] и парадоксальный рост численности населения с 2021 г. по 2022 г. (на 47 %) [5]. В последнем Кратком статистическом сборнике (и в других изданиях) приводится также увеличенная численность населения области [6]; в разделе «Население» полностью отсутствует (исключена) информация о миграциях, но прописана методология (!) получения данных о миграции населения [8].

Жонглирование цифрами делает статистику «кривым зеркалом», порождает сомнения в достоверности ее показателей, создает неверное представление о демографическом потенциале, численности экономически активного населения, перспективах развития.

Белгородстат ссылается на результаты переписи населения [8], опубликованные в конце 2022 г., начале 2023 г., когда часть жителей пригородно-приграничного района, Белгорода уже переехала из Белгородской области в иные города и регионы России.

2. Динамика численности населения Белгородской области. 2010–2023 гг.

Анализ информационной базы Белгородстата 2010, 2014, 2023 гг. отразил стабильное увеличение численности населения по 2017 г. С 2018 г. впервые за время существования Белгородской области отмечено сокращение численности населения, вызванное низким миграционным приростом: в течение 2014–2015 гг. число внешних мигрантов сократилось на четверть [9] совпавшее с провозглашением ДНР и ЛНР. Об изменениях численности населения Белгородской области и факторах метаморфозы показателей ее определяющих, свидетельствуют данные таблицы (табл. 1).

Детерминанта дальнейшего сокращения численности населения Белгородской области обусловлена проведением СВО России в Украине.

Индекс убыли населения 2014–2023 гг., по расчетам автора, составил 94,0 %, но основное сокращение проходило в течение 2022 г. – за год – 5,1 %.

Белгородцы уезжают: 1) к близким родственникам; 2) образованное, квалифицированное население (жители города Белгород и его пригородной зоны), имеющее «финансовую подушку безопасности» - в крупные города России (миграционный отбор).

Меняются качество человеческого капитала, демографического потенциала. Существенно изменилась возрастная структура населения (см. табл. 1): выросла доля детей и подростков (что вызывает сомнения), лиц старше трудоспособного, сократилась доля трудоспособных, (что вполне закономерно по ряду причин).

Таблица 1

Демографические показатели Белгородской области. 2010, 2014, 2023 гг.

Показатели	2010 г.	2014 г.	2022 г.	2023 г.
Численность населения, тыс. чел.	1532,5	1547,9	1531,9	1455,3* 1514,5**
Численность городского населения, тыс. чел.	1012,9	1031,4	1037,4	971,7* 989,8** ()
Численность сельского населения, тыс. чел.	519,6	512,7	494,5	481,6* 524,7**
Естественный прирост/убыль (-) на 1000 чел.	-3,5	-2,5	-7,1	-
Миграционный прирост/убыль (-) на 1000 чел.	5,9	7,6	-7,3	-
Структура населения по возрасту, %, **:	100	100	100	100
<i>моложе трудоспособного</i>	15,0	15,7	16,8	16,7
<i>Трудоспособное</i>	61,0	58,8	56,9	56,4
<i>старше трудоспособного</i>	24,0	25,5	26,3	26,9

*Расчеты автора.

** данные Белгородстата [5].

Составлено и рассчитано по [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]

Итоги исхода населения 2023 г. будут опубликованы лишь в конце 2024 г.

Изменения в численности вызваны трансформацией структуры внешних миграционных потоков в XXI в.: резко сократилась доля мигрантов из регионов России (с 2014 г. – отрицательное сальдо миграции), выросла численность мигрантов из республик СНГ (преимущественно, гастарбайтеров) (рис. 1).

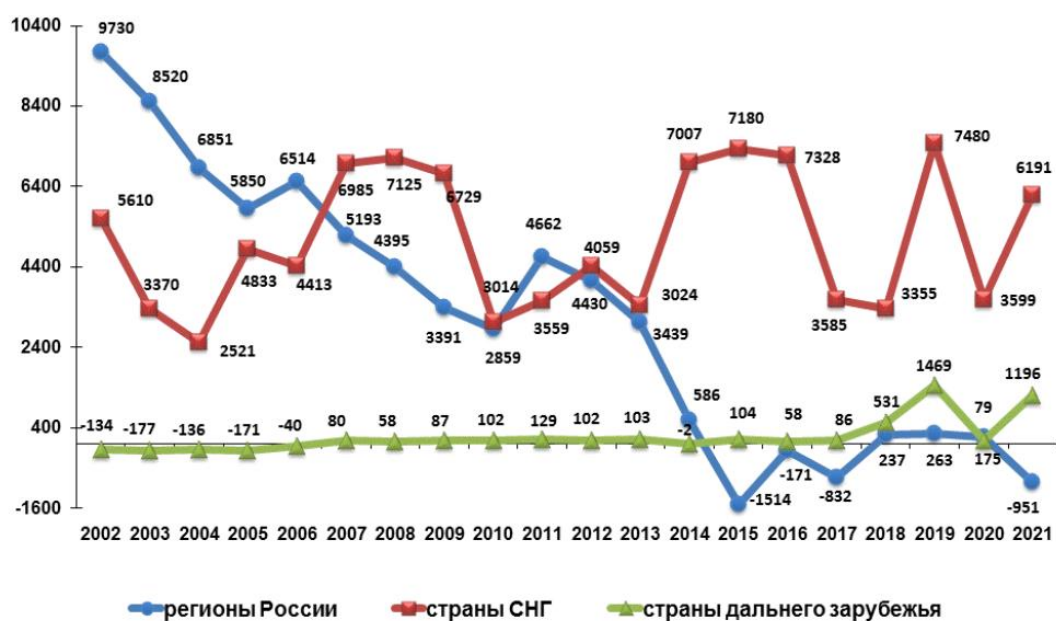

Рис. 1. Динамика миграционного прироста населения Белгородской области по видам внешней миграции, чел. [10]

По данным Белгородстата, 94,1 % миграционного прироста в 2021 г. приходилось на страны СНГ – Украину, Казахстан, Узбекистан, Армению, Киргизию.

Ранее в работе [11] отмечалось, что мигранты из Центральной Азии плохо адаптируются, с трудом встраиваются в российское общество. В регионах РФ не ведутся конкретные расчеты отраслевых потребностей в рабочей силе. По мнению автора, необходимо определять внутреннюю потребность в рабочей силе, ее качественные характеристики, профессиональную и квалификационную подготовку.

СВО завершится, опасности для жизни не будет, но большинство покинувших Белгородскую область, не вернется обратно... Численность населения продолжит сокращаться.

Работодатели будут искать дешевый рабочий труд иммигрантов, не вкладываясь в совершенствование техники и технологий?

Краткие выводы

Оценка официальных статистических данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области в разделах «Население» выявила несостоятельность показателей численности населения погранично-пригородного Белгородского района, области в статистических сборниках 2023 г. выпуска;

– сделаны выводы о «кривом зеркале» статистики населения Белгородстата;

– пограничное положение ряда муниципальных образований с Украиной, СВО в Украине вызвали метаморфозу структуры миграционных потоков; исход населения с 2022 г.;

– демографические тренды Белгородской области поломаны – рост замещен убылью, долговременными потерями, депопуляцией.

Статья написана до 30 декабря 2023 г. Трагические события 30 декабря, массированные обстрелы начала января 2024 г. с жертвами и разрушениями усиливают исход белгородцев и могут стать угрозой демографическому, социально-экономическому развитию Белгородской области.

05.01.2024 г.

Библиографический список

1. Белгородская область в цифрах. 2022: краткий статистический сборник. Белгород, 2023.
2. Чугунова Н.В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М., 2011.
3. Чугунова Н.В. Социальные аспекты жизни населения Белгородской области. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2007. № 2
4. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2017–2021 гг.). Белгород, 2022.
5. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2018–2022 гг.). Белгород, 2023.
6. Белгородская область в цифрах. 2022: краткий статистический сборник. Белгород, 2023.
7. Население. Основные показатели. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/employment>.
8. Белгородская область в цифрах. 2022: краткий статистический сборник. Белгород, 2023.
9. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2011–2015 гг.). Белгород, 2016.
10. Муниципальные образования Белгородской области: демографический аспект. Белгород, 2022.
11. Чугунова Н.В., Яковенко Н.В. Реальность и перспективы улучшения демографической ситуации в «Стратегии-35» Воронежской области // Региональные геосистемы. 2022. Т. 46, № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49610258/>.

N.V. Chugunova

METAMORPHOSES OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE BELGOROD REGION IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. The paper identifies the metamorphoses of the latest indicators of population dynamics in the border-suburban Belgorod region, the total population of the region; conclusions are drawn about the "false mirror" of Belgorodstat population statistics, the outcome of an educated, well-off, qualified population, a radical change in demographic trends and the complex demographic future of the region.

Key words: Belgorod region, metamorphoses of demographic indicators, population, outflow, official statistics.

Сведения об авторе

Чугунова Надежда Васильевна, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Chugunova@bsu.edu.ru.

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЙ

СЕКЦИЯ 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 911

М.В. Андреев, Д.Ю. Диденко

ЛОКАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы концептуализации и теоретизации локальных геополитических трансформаций, а также методические аспекты их изучения применительно к территории Российской Федерации. Авторами обозначены основные направления исследования локальных геополитических трансформаций, а также показан эвристический потенциал понятия «локальность» в рамках современной политической географии и геополитики.

Ключевые слова: локальные геополитические трансформации, локальность, геополитика, геополитическое пространство, социальное взаимодействие, Российская Федерация.

В последнее время на фоне обострения геополитических противоречий и быстрого развития научного знания актуальным направлением в науке остается совершенствование теоретических и методологических основ геополитики и политической географии.

Западная школа научной геополитики, применяя во многом дискурсивные подходы в изучении геополитических процессов, уделяет пристальное внимание взаимодействию практической и ментальной сфер: геополитического действия и геополитической мысли. Отечественная же школа геополитики сохраняет верность изучению трансформации реального геополитического пространства и пространственных факторов, которые на нее влияют.

Усложнение социальной организации, не только в развитых странах так называемого «золотого миллиарда», но и в развивающихся странах, инерционность глобализации, информатизация (транспарентность национальных границ), новые технологии управления создают качественно другие условия для ведения политической (внутригосударственной) и геополитической борьбы.

Сегодня более очевидной является мысль, что границы между внутренней и внешней политикой перестают существовать: государственная территория

становится «ареной» борьбы между различными геополитическими акторами: государствами органами, международными правительственными и неправительственными, некоммерческими организациями, корпорациями, партиями, движениями, кланами и другими коллективными субъектами, а также отдельными политическими фигурами-лидерами.

Развитие теории локальной геополитической трансформации, на наш взгляд, может качественно увеличить эвристический потенциал прикладной политической географии и геополитики в обеспечении баланса в развитии и безопасности государства и общества. Взаимосвязь локальности и глобальности политической сферы убедительно демонстрируется учеными-физиками. В XX в. сформировалось научное представление о взаимовлиянии микромира (географического) объекта с весьма отдаленными и несвязанными с этим объектом явлениями на внепланетарном уровне. Особенно ярко это было подчеркнуто в рамках теории квантовой механики. На наш взгляд, локальная трансформация общественно-географического пространства является залогом изменения и геополитического пространства – всего политико-географического пространства планеты [1].

Для таких изменений геополитическими акторами могут создаваться локальные геополитические инструменты, то есть то, что позволяет действующему субъекту создавать, аккумулировать или уничтожать ресурсы для геополитической трансформации. Это, например, относится к органам государственной власти, которые осуществляя иконографическую, историческую, символическую политику, формируют материальную и ментальную среду для обеспечения воспроизводства выгодных политических отношений, то бишь сохранения власти. Негосударственные акторы, то есть те участники социальных отношений, которые не включены в государственные формы социальной организации, также способны формировать и использовать (гео-) политические ресурсы на уровне языковых игр (по Л. Витгенштейну), передачи информации, символизации городского пространства и т.д. Таким образом, локальные геополитические трансформации могут исследоваться в рамках следующих направлений: *символическое и дискурсивное измерение, а также социально-организационное измерение* [2].

Следует сказать, что *политические идеи* продолжают выступать одной из движущих сил геополитических процессов. На сегодняшний день изучению форм, типов и уровней политической мысли посвящены многочисленные научные работы. Успех или неудача распространения и продвижения той или иной идеи или идеологии зависит от географической среды, которая может «вытолкнуть» из географического пространства. Сами идеи могут быть представлены на уровне дискурсивном, символическом, но и на уровне рациональном, например, в виде депривационных идей. Борьба за дискурс, ежедневную повестку, интерпретацию происходящего является одним из первичных элементов – оснований целенаправленных социальных преобразований, имеющих в том числе геополитический характер.

Таким образом, локальность геополитических трансформаций выступает основой трансформации более сложных пространственных систем-структур на более высоком таксономическом уровне.

Библиографический список

1. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М., 2017.
2. Аксенов К.Э., Андреев М.В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85, № 6.
3. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
5. Agnew, J.A. 1987: Place and politics: the geographical mediation of state and society. Boston and London: Allen and Unwin.
6. Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества: специальность 11.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. М., 1992.

M.V. Andreev, D.Yu. Didenko

LOCAL GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE STUDY

Abstract. The paper examines issues of conceptualization and theorization of local geopolitical transformations, as well as methodological aspects of their study in relation to the territory of the Russian Federation. The authors outline the main directions of research of local geopolitical transformations and also show the heuristic potential of the concept of «locality» within the framework of modern political geography and geopolitics.

Key words: local geopolitical transformations, locality, geopolitics, geopolitical space, social interaction, Russian Federation.

Сведения об авторах

Андреев Максим Владимирович, заместитель начальника отдела аналитики и мониторинга выборов МИМРД МПА СНГ, Секретариат Совета МПА СНГ, maxander1308@gmail.com.

Диденко Дмитрий Юрьевич, аспирант факультета политических наук, Европейский университет (Санкт-Петербург), geowork9818@gmail.com.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Аннотация. Исследование посвящено выявлению закономерностей и особенностей трансформации системы расселения Республики Алтай в постсоветское время. Были определены все исчезнувшие и появившиеся населенные пункты с 1989 г. На основе сравнения статистических данных переписей населения 1989, 2021 гг. и применения геоинформационного анализа сделаны выводы о закономерностях пространственной динамики сети населенных пунктов в регионе.

Ключевые слова: система расселения, сельские населенные пункты, Республика Алтай, постсоветский период.

После распада Советского Союза произошли существенные изменения в развитии региональных систем расселения. Не является исключением и Республика Алтай, территория которой полностью располагается в горной местности, что оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие и особенности жизни населения.

Для выявления особенностей трансформации системы расселения в Республике Алтай использовались данные о численности населения в населённых пунктах Горно-Алтайской автономной области по Всесоюзной переписи населения 1989 г., а также данные о численности населения в населённых пунктах Республики Алтай по Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. [1, 2].

Республика Алтай является одним из немногих регионов страны, в котором стабильно в течение всего постсоветского времени происходило увеличение численности населения. Согласно результатам переписей населения она выросла с 1989 по 2021 гг. со 191 тыс. до 210,9 тыс. чел. или на 10,3 % [1, 2]. В настоящее время система расселения республики включает 1 город и 246 сельских населенных пунктов, расположенных в 10 муниципальных районах.

В постсоветское время список районов увеличился за счет появления в 1992 г. Чемальского, который был образован путём выделения части Шебалинского в качестве отдельного административного субъекта. За исследуемый период численность сельского населения региона практически не изменилась: в 1989 г. – 144,7 тыс., в 2021 г. – 145,6 тыс. чел., но она характеризуется разнонаправленной динамикой. К группе растущих относятся четыре района – Улаганский, Кош-Агачский, Чемальский и Майминский, выросшие на 4,4, 11,6, 18,2 и 34,8 % соответственно. В остальных районах

республики происходило уменьшение численности населения от $-5,5\%$ до $-17,8\%$.

В исследуемый период 10 поселений были выведены из статистического учета административно-территориального деления или объединены с другими населенными пунктами (рис. 1). Все они располагались в северо-восточной части региона на территории Турочакского района. Половина из них были кордонами Алтайского государственного заповедника на берегу Телецкого озера [3]. Без учета сёл Заречье и Промартель, которые вошли в состав с. Кебезень, в исчезнувших поселениях проживало 30 чел. В 1989 г. постоянное население отсутствовало в 2 населенных пунктах. В 2021 г. число поселений без постоянного населения увеличилось до 8, причем половина из них также находятся в Турочакском районе, и по 2 населенных пункта в Усть-Коксинском и Чойском районах. Главные причины такого положения дел – упразднение леспромхозов, которые и являлись функциональной основой существования данных сёл.

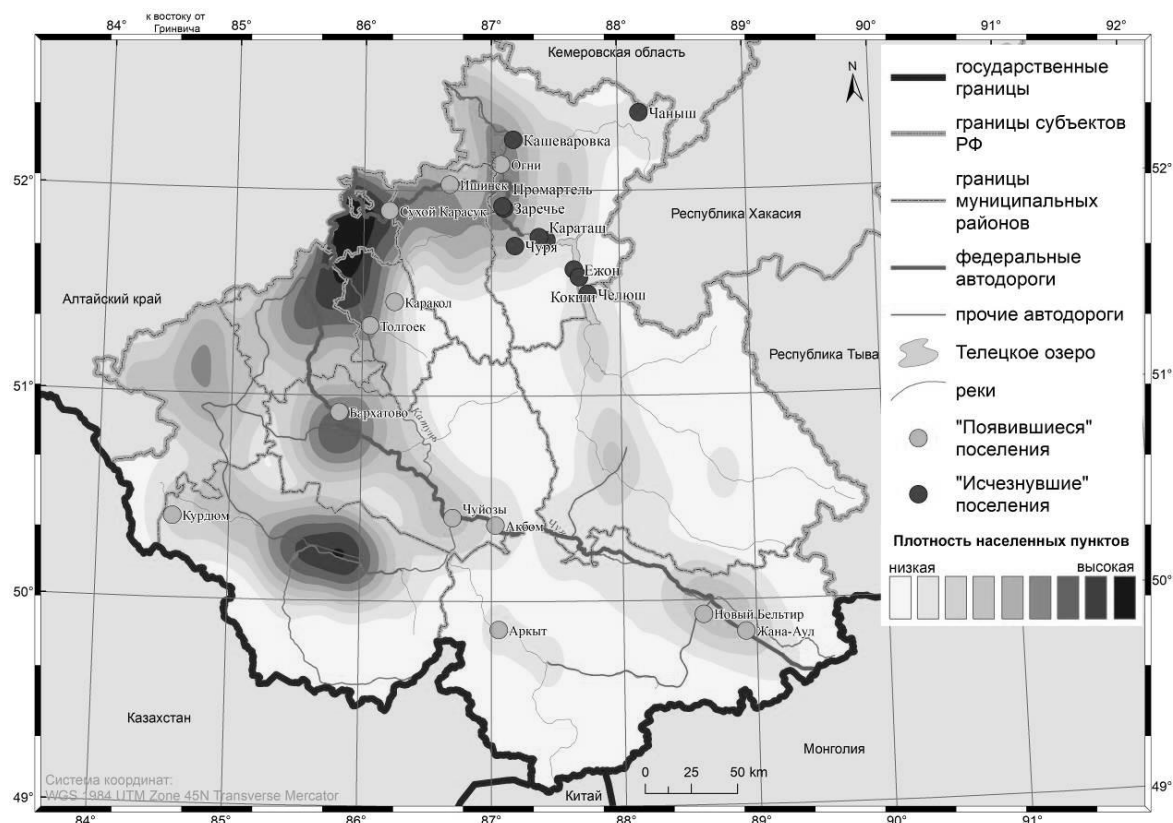

Рис. 1. Плотность населенных пунктов Республики Алтай в 2021 г. и изменение сети поселения в постсоветское время (составлено автором по данным: [2])

Имеются случаи исчезновения сел из-за природных катастроф. Например, в конце 1980-х гг. из-за подтоплений, связанных с таянием многолетней мерзлоты, жители с. Актал Кош-Агачского района были переселены в специально построенный населенный пункт Жана-Аул. Несмотря на то, что Актал оказался заброшенным селом, в нем было зарегистрировано постоянное

население, а в 2021 г. проживало 14 чел. Также следует отметить с. Бельтир Кош-Агачского района, которое практически полностью разрушено землетрясением в 2003 г. После этого события власти построили с. Новый Бельтир, куда переселили жителей из разрушенного поселения. Однако, с. Бельтир не стало полностью заброшенным, часть населения там сохранилась. Но его численность серьезно уменьшилась: с 1211 чел. в 2002 г. до 354 чел. в 2021 г., сокращение составило почти 72 %.

После переписи населения 1989 г. к сети поселений добавилось 12 населенных пунктов, из них по 3 села в Кош-Агачском и Онгудайском районах, по 2 – Чемальском и Чойском, по 1 – Усть-Коксинском и Турочакском (рис. 1). Некоторые из них по разным причинам не были в ней учтены или их не успели внести список населенных мест. К таким относится с. Толгоек Чемальского района, основанный в конце 1980-х гг. как посёлок гидростроителей нереализованного проекта Катунской ГЭС. Другие поселения были образованы после 1990 г. (с. Чуйозы Онгудайского района) или их заново возродили (с. Каракол Чемальского района). Общая численность населения в этих селах, включая жителей из Актала и Бельтира, в 2021 г. составляла 2233 чел.

Населенные пункты Республики Алтай распределены по территории неравномерно (рис. 1). Наибольшая плотность как населённых пунктов, так и населения наблюдается в северных низкогорных районах (Майминский, Чемальский, Шебалинский), прилегающих к более хорошо освоенному и заселённому Алтайскому краю. При этом большая часть населённых пунктов приурочена к главной транспортной артерии региона – трассе Р-256 «Чуйскому тракту». Самым плотно заселённым ареалом в Республике Алтай является 90-километровый отрезок нижней части долины р. Катунь (по которому проходит Чуйский тракт и частично Чемальский тракт) от с. Майма (входит в агломерацию г. Горно-Алтайска) до с. Чемал.

В периферийных районах большое количество сел встречается в Уймонской (Усть-Коксинский) и Чуйской (Кош-Агачский) межгорных котловинах [4]. В свою очередь примерно четверть площади республики занимают особо охраняемые природные территории – Алтайский и Катунский биосферный заповедники, природный парк «Зона покоя Укок», Сайлюгемский национальный парк, Сумультинский заказник и др., где постоянное население отсутствует [5].

С помощью программы Google Earth были определены высоты относительно уровня моря всех населенных пунктов. Ниже всего находится с. Майма Майминского района – 255 м над ур. м., а выше – с. Ташанта Кош-Агачского района, расположенное на высоте 2102 м, причем, оно является единственным поселением республики, расположенным выше 2 км.

Группа сельских населенных пунктов, находящихся на высотах до 500 м, в основном относится к северным районам республики – Майминский, Турочакский, Чемальский и Чойский. В этой группе сосредоточено 82 из 246 сельских поселения, в которых проживает 58,6 тыс. чел. или 27,8 % населения региона.

Следующая группа – от 500 до 999 м – включает в себя 93 населенных пункта с общей численностью населения 38 тыс. чел. В группе от 1000 до 1499 м находится 57 сёл и 31,5 тыс. чел., а в группе от 1500 до 1999 м – 13 поселений и 17 тыс. чел. Наблюдается тенденция: с увеличением абсолютной высоты населения становится меньше, а средний медианный размер населенного пункта больше. Например, в низкогорной группе до 500 метра средний размер составляет 203 чел., а в высокогорной свыше 1500 метров – более 750 чел.

Проведённый статистический и геоинформационно-картографический анализ позволил выявить основные закономерности трансформационных процессов. К ним относятся все большая концентрация населения в наиболее крупных поселениях и поляризация системы расселения. Несмотря на увеличение общей численности населения Республики Алтай, происходит «сползание населения с гор» и «вымывание населения» из глубинных высокогорных районов, что ведёт к запустению культурных ландшафтов и деградации имеющейся инфраструктуры этих территорий.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, грант № 23-27-00429.

M.A. Borisenko

POST-SOVIET CHANGES IN TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF SETTLEMENTS IN ALTAI REPUBLIC

Abstract. This paper is dedicated to the identification of regularities and peculiarities in the transformation of settlement system in Altai Republic in the post-Soviet period. All settlements that have disappeared and reappeared since 1989 have been identified. Based on the comparison of statistical data from the 1989 and 2021 population censuses and the application of geoinformation analysis, conclusions are drawn regarding the regularities of spatial dynamics of the network of settlements in the region.

Key words: settlement system, rural settlements, Altai Republic, post-Soviet period.

Библиографический список

1. Сельские населенные пункты Алтайского края: (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Барнаул, 1990.
2. Численность населения в населённых пунктах Республики Алтай. Материалы Всероссийской переписи населения 2020-2021 гг. (неопубликованные материалы, предоставленные Управлением государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай).
3. Атлас Алтайского края. Т. 2: Население. Хозяйство. Общественное обслуживание населения. М. – Барнаул, 1980.
4. Мердешева Е.В., Банникова О.И. Структура современной системы расселения в межгорных котловинах Республики Алтай // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Естественные науки. 2018. Т. 42, № 4.

5. Постановление Правительства Республики Алтай от 21 марта 2013 года № 78 «Об утверждении схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Республике Алтай на период до 2020 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473316789>.

Сведение об авторе

Борисенко Максим Александрович, старший преподаватель Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), Тюменский государственный университет, maxi.borisenko@mail.ru.

УДК 332

Е. Бэк, Л.А. Дорофеева, А.И. Шадрин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЦЕЛЯХ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы изучения и использования научно-образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея, сложившийся научно-образовательный и инновационный комплекс и специфические особенности конкретного региона Республики Корея. Оценивается развитие инновационных кластеров как системы технопарков, иннополисов и технополисов в Республике Корея. В Республике Корея в целом научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и производственные функции отделены друг от друга.

Ключевые слова: научно-образовательный и инновационный потенциал, технопарки и технополисы, Республика Корея, российская Арктика.

Введение. Актуальность поставленной в данной публикации проблемы определяется потребностью в изучении научно-технического, образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея в изучении освоения арктического пространства. В предшествующий период не было специальных исследований по изучению взаимодействия научного, образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея в целях освоения Арктики и развития Северного морского пути.

В проведенных ранее исследованиях анализируются проблемы формирования и развития образования и науки в контексте их взаимодействия, но не используется соответствующий аппарат создания интегрированных региональных учебно-научно-инновационных комплексов и результатов их деятельности.

Объект исследования: научное обеспечение освоения российской Арктики с позиций корейских ученых и практиков.

Методология исследования. Проведенное исследование основано на междисциплинарном подходе, который выявляет специфичность и универсальность той или иной области знаний. Исследование проведено с применением инструментария экономической географии, региональной экономики, регионалистики и других наук.

Методы исследования: теоретические (анализ литературы, нормативно-правовых документов, диссертационных работ по теме исследования, интернет-ресурсов), системно-аналитические (обобщения, сопоставления, сравнения, систематизации, прогнозирования), экономико-статистические (индексный анализ, ранжирование, кластерный анализ, SWOT анализ), картографический и др.

Научная новизна исследования: изучено современное состояние взаимодействия научно-образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея по изучению освоения Российской Арктики;

Результаты исследования и обсуждение. Корейские ученые занялись арктическими исследованиями с 2008 г., когда Республика Корея вошла в состав Арктического совета и это направление стало особой областью научных интересов и исследований. Причины этого особого внимания заключаются в том, что Республика Корея не имеет территориальной юрисдикции в Арктике, но в недалеком будущем откроется арктический маршрут и Республика Корея, как и другие страны, в нем заинтересована.

Считается, что Республика Корея также признана в качестве будущего драйвера развития Арктики. В Республике Корея разработан «План действий в Арктике». Поэтому сотрудничество Российской Федерации и Республики Корея в данном вопросе является жизненно важным и необходимым. Республика Корея и Российская Федерация, благодаря географической близости и идеальной взаимодополняемости промышленных и инновационных структур, обладают безграничными возможностями для образовательного, научно-технического и экономического обмена и сотрудничества. Отметим, что объединение южнокорейского капитала, инновационной составляющей и опыта использования и природных ресурсов Российской Федерации, а также возможностей привлечения трудового потенциала Корейской народной демократической республики, а также опыт СССР по сооружению объектов в КНДР открывает практически безграничные возможности для экономического сотрудничества в судостроении, логистике, транспорте, рыболовстве, эксплуатации природных ресурсов.

Особенности организации научных центров в Республике Корея отличаются рядом особенностей. В Республике Корея имеющиеся и формируемые инновационные кластеры относятся к определенной группе или сфере деятельности, в которых горизонтальная или вертикальная организация (университет, исследовательский институт, местное самоуправление) в определенной области создает новые знания и навыки посредством взаимодействия всех сторонников процесса.

Система технопарков и технополисов Республики Корея имеет государственную поддержку прямых связей между крупными и мелкими предприятиями и фирмами, стимулирование процесса концентрации мелких фирм, обслуживающих крупное производство; поощряет участие материнских фирм в решении финансовых вопросов дочерних фирм, в налаживании их производственных процессов, в обучении персонала.

Размещение отдельных производств и отраслей народного хозяйства в стране отличается определенной концентрацией и специализацией:

- Сеул (промышленность и производство на основе информационных технологий);
- Тэджон (ИТ, электроэнергетика, электронная промышленность);
- Тэгу (ИТ, мехатроника);
- Пусан (автомобильная промышленность, судостроение), аэрокосмическая промышленность);
- Кванжу (автомобильная промышленность, кораблестроение, машиностроение, горнодобывающая промышленность);
- Кванвонд (промышленность медицинского оборудования);
- Чудждо (туризм и индустрия досуга).

Особенности развития научно-образовательного и инновационного комплекса Республики Корея заключаются в большом количестве промышленных комплексов и исследовательских институтов, в то же время здесь представлены конкретные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и производственные функции. Вместе с тем НИОКР и производственные мощности отделены друг от друга и выполняются индивидуально. Целью будущего единого инновационного кластера страны является объединение этих функций в единое целое.

Опыт изучения российской Арктики в Республике Корея связан с анализом проблем изучения освоения зарубежной и российской Арктики и развития Северного морского пути сможет обеспечить новые перспективы и направления исследований в академических кругах и практические действия как в Российской Федерации, так и за рубежом, в том числе в Республике Корея.

Проведение разнообразных научных арктических исследований может быть основано на сложных политических, географических, исторических, экономических, социальных, научных, технических, инновационных, этнических, демографических и других конкретных факторах, с учетом специфики Российской Федерации и Республики Корея и их регионов, научных и экономических интересов, преследуемых соответствующими научными организациями, университетами и конкретными личностями.

Выводы. Главнейшим условием осуществимости позитивных преобразований в вопросах взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по исследованию освоения Арктики и развитию Северного морского пути корейские ученые считают ликвидацию геополитических рисков, решение проблемы объединения Севера и Юга Кореи и проведение совместных

мероприятий по реализации перспективных инвестиционных проектов разных стран, в том числе в Российской Федерации.

Проводимые в Республике Корея исследования направлены на комплексное освоение и развитие данного региона, анализ и синтез взаимосвязи всех элементов с точки зрения геополитических, геоэкономических, геоэкологических и геокультурных аспектов и представляют новый подход Республики Корея к освоению Арктики в рамках всесторонних знаний.

Проведенный российскими и корейскими учеными расширенный поиск и использование материалов по арктической тематике выявил особенности взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по данному вопросу. Вместе с тем, соответствующих разработок по экономической и социальной (общественной) географии и регионалистике явно недостаточно, что требует проведения дополнительных исследований.

Библиографический список

1. Бэк Е., Шадрин А.И., Ким Ч. Научные исследования Арктики в Республике Корея // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования. Красноярск, 2017.
2. Шадрин А.И., Бэк Е., Хан Ч. Участие Республики Корея в освоении Арктики; перспективы и противоречия // Наука Красноярья. 2019. Т. 8, № 1.
3. Бэк Е., Дорофеева Л.А., Шадрин А.И., Изучение научного обеспечения взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по освоению Арктики // LXXVI Герценовские чтения. география: развитие науки и образования. 2023. Т. I.

Y.J. Back, L.A. Dorofeeva, A.I. Shadrin

USE OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KOREA FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Abstract. The issues of studying and using the scientific, educational and innovative potential of the Russian Federation and the Republic of Korea, the existing scientific, educational and innovation complex and the characteristics of a particular region of the Republic of Korea are considered. The development of innovation clusters as a system of technology parks, innopolises and technopolises in the Republic of Korea is assessed. In the Republic of Korea R&D and production functions are generally separated from each other.

Key words: scientific, educational and innovation potential, technology parks and technopolises, Republic of Korea, Russian Arctic.

Сведения об авторах

Бэк Енчжун, выпускник аспирантуры Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, kiseling@daum.net.

Дорофеева Любовь Андреевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и методики обучения географии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, dorofeeva-la@yandex.ru.

Шадрин Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры географии и методики обучения географии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, shadrin18061@yandex.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Представлен обзор пространственных эффектов в современной России. Основой стал список, предложенный рядом авторов в рамках новой экономической географии и ее критики: агломерационный, внутреннего рынка, приграничный, центробежный, стоимости жизни. Краткое описание дано для территории РФ во внутреннем и внешнем аспекте. По мнению автора, названные эффекты отличаются разной степенью выраженности. Автор приходит к выводу о необходимости пополнения списка эффектов для их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: пространственные эффекты, новая экономическая география, Россия.

В общественной географии и смежных областях знания известно немало эффектов, имеющих территориальное (пространственное) измерение (проявление). Определение конкретного пространственного эффекта можно сформулировать таким образом: закономерное сочетание элементов территориальной организации либо тенденции/процессы на территории, проявляющиеся как результат действия сложной совокупности факторов при определенных условиях. Таким образом, «эффект» оказывается близок к понятию «закономерность».

В научной литературе встречается и другой вариант: как эффект обозначают результат исследования, указывая на его принадлежность к тем или иным аспектам (пространственные, иерархические, временные, циклические и другие эффекты – см., например, статью коллектива уфимских авторов [1]). Эффектами называют и совокупность аспектов, рассматриваемых автором в своей публикации – речь в таком случае идет не о конкретных выявленных феноменах и даже не о результатах исследования, а о тематике работы [2]. Во многих отраслях науки эффектами называют неожиданные яркие результаты экспериментов и наблюдений, сильные отклонения от общей картины («выбросы»).

Четкое обозначение конкретных эффектов встречается, например, в публикациях П. Кругмана, его последователей и критиков [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Речь идет, например, о следующих эффектах, рассматриваемых в том числе в рамках новой экономической географии:

- агломерационный (центростремительный);
- местного (внутреннего) рынка (стремление фирм размещать производство близ больших рынков и экспортировать товар на малые рынки);

– приграничный, или трансграничный (стягивание населения, экономической активности и т.п. к границе для использования выгод по обе ее стороны);

– центробежный, или эффект конкуренции (бегство от высокой конкуренции);

– стоимости жизни (она ниже там, где большое производство – за счет экономии на транспортных издержках и экономии от масштаба).

Рассмотрим перечисленные эффекты в их пространственном измерении применительно к процессам, происходящим в нашей стране. Представим данные для анализа в виде таблицы (табл. 1), разделяя внутренние и внешние процессы. В первом случае будем учитывать то, что происходит и наблюдается в пределах России, а во втором – события и явления в рамках межгосударственного взаимодействия с участием России.

Таблица 1

Внутренние и внешние проявления пространственных эффектов в России		
Эффекты	Внутренние процессы	Внешние процессы
Агломерационный	Продолжение поляризации территории (крупные агломерации растут, остальная территория в основном стагнирует)	Общее ослабление роли РФ как притягательного центра (для мигрантов, инвесторов). Усиление некоторых входящих потоков под влиянием смены вектора ориентации (с Запада на Восток и Юг)
Внутреннего рынка	Усиление концентрации многих производств вблизи потребителя (продукты питания, товары народного потребления, электроэнергетика и др.)	Сохранение присутствия иностранных компаний из «недружественных» стран
Приграничный	Предположительно – отсутствует или слабо выражен (внутренние границы не оказывают притягательного действия). На локальном уровне границы скорее «отталкивают» население, инфраструктуру	Позитивно выражен лишь в некоторых регионах (Калининград, Санкт-Петербург, Мурманск, Белгород, Владивосток, Благовещенск). В западных регионах с конца февраля 2022 г. сменился на негативный эффект. Переориентация на Восток и Юг дает первые заметные результаты на карте (потоки товаров, развитие транспортных путей)
Центробежный	Возврат с конца 1-го десятилетия XXI в. к политике освоения экстремальных территорий (Север, Дальний Восток). На локальном уровне – опережающее развитие пригородов по сравнению с центральными городами агломераций	Усиление связей со странами Африки, Азии, Латинской Америки
Стоимости жизни	Практически отсутствует: рыночные механизмы имеют меньшее влияние по сравнению с государственной политикой цен, тарифов, налогов, акцизов и другими нерыночными мерами	Анализ на международном уровне затруднен ввиду влияния таможенных и других механизмов

Агломерационный эффект не входит в число ведущих для территории России. С одной стороны, Москва занимает выдающееся положение на городской карте страны и продолжает наращивать мощь, показывая рост населения, усложнение структуры агломерации, экономическое развитие. Центры большинства регионов также выглядят предпочтительнее окружающих территорий по большинству параметров развития. Но оценки городского расселения показывают, что на этапе зрелости находятся, по сути, лишь две агломерации в стране – Московская и Санкт-Петербургская, а остальные им заметно уступают [9]. Соответственно полноценный агломерационный эффект, проявляющийся в реализации преимуществ концентрированного городского расселения в социально-экономическом развитии, пока не наблюдается. Такое положение дел усугубляется сложными внешними процессами, происходящими, например, на фоне удешевления рубля, роста конкуренции за рабочую силу и другие ресурсы со стороны развитых и ряда развивающихся государств.

Эффект внутреннего рынка можно считать одним из основных результатов процессов территориальной организации общества в современной России. Несмотря на мощное влияние нерыночных факторов (прежде всего политических), стремление компаний к размещению производства поблизости от районов наиболее многочисленных потребителей (и в самих этих районах) было заметным и в советское время (потребительский фактор), и тем более проявляется в наши дни. Этот эффект находит выражение также в нежелании корпораций из недружественных стран покидать российский потребительский рынок даже под сильным политическим давлением (хотя играет роль и ужесточение условий для продажи бизнеса в такой ситуации).

Приграничный эффект в России можно отнести к второстепенному. Ситуации с расположением вблизи границ регионов крупных городов, зон активной экономической деятельности, где эта активность обусловлена использованием ресурсов и условий по обе стороны границы – в нашей стране можно считать единичными (если они вообще имеются). Примеры Магнитогорска (с аэропортом и зонами отдыха в Башкирии), Краснодара (часть агломерации – в Адыгее), Абакана и другие вряд ли можно считать таковыми, так как в каждом случае обнаруживаются другие факторы, определившие весомую значимость перечисленных центров. Более явным приграничный эффект становится при взгляде на внешние рубежи – немало регионов и крупных центров (например, перечисленные в таблице), расположенных в приграничной зоне, сложились в современном виде именно по причине своего международного значения. С другой стороны, в других приграничных регионах этот фактор проявляется не столь сильно (например, Карелия, Республика Алтай, Хабаровский край, не говоря уже о границе с ближним зарубежьем).

Центрбежный эффект, противоположный агломерационному, имеет немало проявлений на карте. Несмотря на откат в освоении Севера и Востока, произошедший в 1990-х гг., сохраняется, а в последние 15–20 лет и усиливается значимость Сибири и Дальнего Востока в развитии страны. Значимость эта в основном природно-ресурсная, но есть примеры и другого рода – такие, как

космодром Восточный или остров Русский. Во внешних процессах мы считаем проявлением центробежного эффекта также переориентацию отношений от стран «коллективного Запада» (функции Центра) к странам «глобального Юга» (преобладание функций Периферии).

Эффект стоимости жизни, как сказано в таблице, проявляется слабо. Кроме того, что рынки сильно сегментированы и имеют разнонаправленные тренды в разных секторах, картину смешивают нерыночные факторы (особенно для внешних процессов).

Таким образом, исследования России «по следам» новой экономической географии могут дать пищу для размышлений, но и наводят о мысли о том, что НЭГ – давно уже не такая уж и новая, и список ее эффектов нуждается в доработке. Такие важные явления и процессы, как столичный эффект, феномен внутренней периферии, продолжение поисков новых форматов преференциальных зон и другие могут подтолкнуть к дальнейшей работе над теоретической географией.

Библиографический список

1. Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Попов Д.В. Иерархические и пространственные эффекты в развитии муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 5.
2. Минакир П.А. Пространственные эффекты в экономике и управлении // Экономика и управление. 2011. № 5 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennyye-effekty-v-ekonomike-i-upravlenii>.
3. Иванова М.В., Козьменко А.С. Научные основания пространственной экономики и теории новой экономической географии // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 4.
4. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3.
5. Куричев Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. № 4.
6. Манаков А.Г. «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // Вестник Псковского государственного университета. 2012. № 1.
7. Мельникова Т.Б. Новая экономическая география: учебник и практикум для вузов. М., 2023.
8. Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4.
9. Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102).

I.V. Golybchenko

SOME SPATIAL EFFECTS IN MODERN RUSSIA

Abstract. An overview of spatial effects in modern Russia is presented. The basis was the list proposed by a number of authors within the framework of new economic geography and its criticism: agglomeration, internal market, border, centrifugal, cost of living. A brief description for the territory of the Russian Federation in internal and external aspects is given. According to the author, these effects differ in varying

degrees of severity. The author comes to the conclusion that it is necessary to expand the list of effects for their further study.

Key words: spatial effects, new economic geography, Russia.

Сведения об авторе

Голубченко Игорь Вячеславович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, ИГСУ РАНХиГС (Президентская академия), Москва, golubchenko-iv@ranepa.ru.

УДК 339.9

Г.И. Грибанова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АРКТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу перспектив сотрудничества России и Индии в Арктике. Особое внимание уделено его геополитическому и геоэкономическому потенциалу в условиях трансформации мирового порядка. Делается вывод о том, что усиление взаимодействия по таким направлениям, как научные исследования, совместная добыча и использование ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры в регионе, взаимная логистическая поддержка и т.п. соответствует национальным интересам обеих стран.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Индия, сотрудничество, эффективность, перспективы.

Российская Арктика – это огромная территория, которая составляет более 53 % береговой линии Северного Ледовитого океана. На ней проживает примерно 2,5 млн чел. – почти половина всего населения арктической зоны [1]. Таким образом, эффективное и устойчивое развитие Арктики является одним из ключевых национальных приоритетов РФ.

Для привлечения дополнительных ресурсов в регион крайне важным является взаимодействие с другими странами, заинтересованными в Арктике. Однако в условиях западных санкций и практически разорванных отношений с традиционными партнерами по Арктическому совету проблема эффективного сотрудничества РФ с другими государствами резко обострилась. На сегодняшний день на роль ведущего российского партнера претендует Китай, который в последние годы проявляет активный интерес к Арктике, называя себя «околоарктическим государством». Однако при всей взаимовыгодности такого партнерства нельзя недооценивать его определенные риски для России. В этих условиях особую важность приобретает диверсификация международного сотрудничества, в первую очередь, за счет привлечения других партнеров РФ по БРИКС+. И главным из них, на наш взгляд, является Индия, которая именно с

Россией связывает наибольшие надежды на решение целого ряда серьезных проблем.

Какие же основные направления сотрудничества между двумя странами находятся сегодня в центре внимания?

Прежде всего, речь идет о совместных научных исследованиях. Для Индии особую важность представляют атмосферные, биологические, гляциологические и социо-гуманитарные исследования. Связано это с целым рядом факторов. Во-первых, доказана взаимосвязь между изменениями климата в Арктике и индийскими муссонами. Во-вторых, таяние ледников угрожает затоплением прибрежным территориям Южной Азии. В-третьих, Индия обеспокоена нарастающими экологическими проблемами в регионе и постоянно подчеркивает необходимость обеспечения его устойчивого развития. Стремление индийского научного сообщества расширить масштабы исследований в Арктике связаны и с тем, что дебаты о Гималаях как «третьем полюсе» набирают в стране все большую силу, учитывая общие элементы в Арктике, Антарктике и Гималаях, что выдвигается в качестве дополнительного аргумента необходимости активного присутствия Индии на всех трех полюсах.

Вторым направлением является сотрудничество с российскими нефтегазовыми компаниями. Анализ траектории роста спроса Индии на энергоносители (особенно нефть и газ) позволяет сделать вывод о том, что именно Арктика может стать важной альтернативой для удовлетворения энергетических потребностей страны [2].

На сегодняшний день совместные российско-индийские проекты включают нефтегазовое месторождение Сахалин-1 на Дальнем Востоке России, Imperial Energy в Томской области Западной Сибири и индийские инвестиции в Ванкорское месторождение, расположенное в северо-восточной части Западно-Сибирского бассейна. Именно сотрудничество с российскими партнерами способствует развитию у индийских нефтяных компаний навыков и опыта бурения в Арктике и может открыть новые возможности для удовлетворения будущих энергетических потребностей Индии.

Следует подчеркнуть, что Индия заинтересована не только в энергоресурсах, но и в получении доступа в Арктике к важнейшим металлам и редкоземельным элементам, без которых невозможно дальнейшее развитие инновационных технологий в стране.

Третье направление – это совместное развитие транспортной инфраструктуры. Во-первых, речь идет о дальнейшем развитии Международного транспортного коридора Север-Юг (INSTC) и коридора Владивосток – Ченнаи, соединяющего восток России и юг Индии, что могло бы обеспечить Индии физический проход в Арктику. Автомобильный грузовой коридор INSTC, соединяющий Санкт-Петербург в России с Мумбаем в западной Индии через Иран и страны Центральной Азии, в перспективе мог бы быть продолжен через Западную Сибирь в Арктику и стать альтернативой маршруту Суэцкого канала, а также китайскому Полярному шелковому пути за счет снижения стоимости доставки и количества дней транспортировки. В свою

очередь, морской коридор Владивосток – Ченнаи, проходящий через Южно-Китайское море, увеличит двустороннюю торговлю между Индией и Россией [3].

До сих пор участие Индии в маршруте и получении товаров, отправляемых по СМП, было достаточно ограниченным. Однако Индия уже играет значительную роль в грузопотоках, идущих из российского арктического порта Мурманск в западном направлении по традиционным морским маршрутам. Из 8 млн т грузов, перевезенных за первые 7 месяцев 2023 г., на Индию пришлось 35 %, в основном в виде угля и некоторого количества сырой нефти [4].

Арктический коридор может стать ключевым с экономической и геополитической точки зрения для Индии, которая намерена диверсифицировать свои цепочки поставок и развивать альтернативные транспортные коридоры. Во-первых, для Индии экономия на расстоянии, которую обеспечивает СМП, хоть и была бы менее существенной, чем для Китая, но стала бы значимой для получения российской нефти и СПГ. Во-вторых, арктические судоходные маршруты представляют собой альтернативный коридор в периоды, когда традиционные маршруты, такие как Суэцкий или Панамский каналы, замедляются или закрываются.

О перспективности взаимодействия двух стран в рамках СМП свидетельствует и тот факт, что Соглашение о сотрудничестве распространяется на подготовку индийских моряков с запланированными курсами навигации в полярных и арктических водах в российском Морском государственном университете им. адмирала Г.И. Невельского во Владивостоке.

Четвертое направление – это помощь Индии со стороны России в строительстве или приобретении собственного полярного исследовательского судна. Конечно, для Индии было бы выгоднее построить такое судно полярного класса у себя дома в рамках инициативы «Делай в Индии», однако индийские компании не обладают ни такими технологическими возможностями, ни какими-либо навыками для осуществления подобных проектов. И здесь помощь РФ, обладающей самыми передовыми технологическими и ледокольными возможностями в регионе, сыграла бы ключевую роль. Не случайно в сентябре 2023 г. Индия предложила России совместное строительство неатомных ледоколов на индийских верфях. Это предложение в настоящее время находится на рассмотрении в правительстве РФ [5].

Наконец, необходимо отметить интенсивно ведущиеся переговоры между двумя странами, касающиеся заключения Соглашения о взаимной логистической поддержке, благодаря которому индийский ВМФ получил бы доступ в Арктику [6].

В целом, следует подчеркнуть, что современная Индия имеет в Арктике широкий спектр интересов – экономических, экологических, научно-исследовательских и геостратегических.

Соответственно, усиление российско-индийского сотрудничества в Арктике отвечает национальным интересам обеих стран. Индия, географически далеко расположенная от арктического региона, благодаря России получает доступ к его природным (в первую очередь, энергетическим) ресурсам,

возможность диверсифицировать свои транспортные пути, освоить новые полярные технологии. Что касается России, то она получает надежного партнера по научным исследованиям, энергетическим и инфраструктурным проектам, укрепляет свои лидерские позиции по Арктике в БРИКС+ и снижает свою потенциальную зависимость в инвестиционной и технологической сфере от Китая, избегая тем самым превращения последнего в монопольного партнера РФ в Арктике.

Библиографический список

1. Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html.
2. Sharma B. China's emerging Arctic engagements: Should India reconsider its approach towards the polar north? // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2020. Vol. 16. № 1.
3. Bhagwat J. Russia and India in the Arctic: A case for greater synergy // Арктика и Север. 2020. № 38.
4. Humpert M. India looking to cooperate with Russia on development of Arctic Northern Sea Route. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/india-looking-cooperate-russia-development-arctic-northern-sea-route>.
5. Чекунков А. Индия предложила России совместно строить неатомные ледоколы. 13 сентября 2023 г. URL: <https://portnews.ru/news/353381/>.
6. Sharma B. Reciprocal Exchange of Logistics Agreement: Roadmap to India's Strategic Access in the Arctic. URL: <https://www.idsa.in/idsacomments/reciprocal-exchange-of-logistics-agreement-india-russia-bipandeep-170122>.

G.I. Gribanova

GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC PROSPECTS FOR RUSSIAN-INDIAN COOPERATION IN THE ARCTIC

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prospects for cooperation between Russia and India in the Arctic. Special attention is paid to its geopolitical and geoeconomic potential in the context of the world order transformation. It is concluded that strengthening cooperation in such areas as scientific research, joint extraction and use of resources, development of transport infrastructure in the region, mutual logistical support, etc. corresponds to the national interests of both countries.

Keywords: Arctic, Russia, India, cooperation, efficiency, prospects.

Сведения об авторе

Грибанова Галина Исааковна, доктор социологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, GGribanova@yandex.ru.

МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Трудовые миграции играют важную роль в российской экономике. Большое количество мигрантов занято в разных отраслях хозяйства, поэтому динамика объема международной миграции оказывает влияние на социально-экономическое развитие страны. Статья рассматривает миграционные связи России с важными партнерами – странами Закавказья и Центральной Азии.

Ключевые слова: социальная география, миграции населения, трудовые миграции, международные миграции, трудовые мигранты.

Распад Советского Союза в последней декаде XX в. вызвал изменения социально-экономических отношений между бывшими союзными республиками. Создание СНГ и других международных организаций способствовало сохранению тесных связей между бывшими частями СССР. Особая роль в этих организациях отводилась Российской Федерации, как экономически более сильному и влиятельному государству в регионе.

Геополитическое противостояние России и соседних влиятельных стран, военных и экономических союзов, ряд промахов и стратегических просчетов отечественных руководителей в постсоветский период пошатнули позиции России среди стран ближнего зарубежья. Введение визовых ограничений, присоединение некоторых государств к санкциям западных стран снизили проницаемость границ, что сократило торговые и миграционные потоки. Визовые ограничения для россиян действуют со стороны Туркменистана, Украины и стран Прибалтики. Жители «европейских» постсоветских стран отдали предпочтение странам Европейского Союза (ЕС), Закавказья – Турции, Ирану и странам ЕС, Центральной Азии – Китаю, Южной Корее [1, 2].

Несмотря на это, с некоторыми государствами сохраняются очень плотные взаимосвязи России, например, с государствами Закавказья и Центральной Азии. Для большинства из них Россия остается важным стратегическим партнером в социально-экономических, политических и военных сферах.

Трудовая миграция остается одной из форм экономической и политической интеграции стран на постсоветском пространстве, способствуя образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению, Кыргызстан. Для стран-членов ЕАЭС в целом, миграционные процессы носят схожий характер. Значительная часть мигрантов существенно пополняют демографический и трудовой потенциал России. В массовом сознании населения государств Центральной Азии и Армении закрепились стойкие паттерны поведения, ориентированные на

стратегию жизненного успеха преимущественного посредством трудовой миграции в Россию [3].

Рис. 1. Структура занятости гастарбайтеров в отраслях российской экономики, 2019 г. [4]

Миграционное взаимодействие России со странами ближнего зарубежья обладает особенностями и было неоднородным в постсоветский период. По данным выборочного обследования труда мигрантов, проведенного Росстатом в 2019 г., большинство приезжих занято в третичном секторе экономики (торговля, строительство, образование, здравоохранение, транспортно-логистические компании). Несмотря на существенную долю сельских жителей в аграрной отрасли занято только 5,4 % трудовых мигрантов [4].

Инерционные миграционные потоки между бывшими советскими республиками и Россией сохранялись на протяжении 1990-х гг. Причем миграции были направлены в Россию. Это были трудовые миграции населения из стран, сотрясаемых политическими и социально-экономическими катаклизмами, потоки беженцев, бежавших от боевых действий и этнических чисток, бывшие переселенцы советского периода и этнические русские, возвращавшиеся в регионы выхода и пр. С ужесточением миграционного законодательства и паспортной реформой, в начале 2000-х гг., общей социально-экономической стабилизацией на постсоветском пространстве траектории миграционного обмена между Россией и соседями постепенно меняют, причем по-разному. Рассмотрим каждый случай в отдельности.

Событием, резко сократившим миграционный обмен между Грузией и Россией, стало обострение ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии в 2008 г. Двусторонний разрыв дипломатических отношений и введение визового режима для грузинских граждан стали серьезными преградами для развития трудовой миграции между странами, сохраняющимися до настоящего времени. Несмотря на возобновление авиасообщения между Россией и Грузией и отмену визового режима в 2023 г. активизации переориентации грузинского населения на российский рынок труда не наблюдается.

Сокращение миграционных связей между Россией и Азербайджаном происходило постепенно из-за расширения турецкого и иранского влияния на

социально-экономическое развитие Азербайджана. Относительная независимость азербайджанской экономики от России была обусловлена наличием собственных топливных ресурсов, позволивших стране выстраивать взаимоотношения с более крупным соседом на паритетных условиях. Ключевую роль в сокращении пограничного социально-экономического взаимодействия между двумя странами сыграла пандемия COVID-2019 и трехлетнее закрытие сухопутных границ по решению правительства Азербайджана.

Наиболее зависимой и тесно связанной с Россией в Закавказье остается Армения. Напряженные отношения практически со всеми соседями (Карабахский конфликт, закрытие пунктов пропуска на армяно-турецкой границе), отсутствие крупных промышленных предприятий и месторождений полезных ископаемых сделало страну зависимой от российских инвестиций. Армения остается для России существенным донором трудовых и учебных мигрантов, поскольку входит в Таможенный союз и ее граждане имеют возможность упрощенного трудоустройства на территории РФ.

Рис. 2. Сальдо миграции России со странами Закавказья и Центральной Азии в 2010 (слева) и 2020 гг. (справа) [5]

Основным регионом выхода трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, является Центральная Азия. Россия, наряду со странами Западной Европы, Саудовской Аравией и США, выступает глобальным центром притяжения мигрантов. До ковидных ограничений 2020 г. в Российскую Федерацию ежегодно прибывали порядка 15 млн мигрантов-иностранцев, из которых около трети составляли трудовые мигранты [6].

Этнические, политические и социально-экономические особенности развития стран региона послужили формированию различной мотивации мигрантов при переезде в третью страну (в данном случае в Россию). Чаще всего в Россию приезжает трудоспособное население с целью получения дохода для содержания своих семей, проживающих в странах выхода.

Таблица 1

Число граждан отдельных государств,
поставленных на миграционный учет в России по итогам 2020 г. [5]

Государство	Численность (млн чел.)	Доля (%)
Узбекистан	3,46	35,3
Таджикистан	1,93	19,7
Кыргызстан	0,74	7,6
Казахстан	0,42	4,3
Армения	0,36	3,7
Азербайджан	0,35	3,6
Другие	2,54	25,9

Наиболее представлены в миграционном потоке являются жители Узбекистана и Таджикистана, составляющие более половины всех мигрантов. При этом их численность постоянно растет, если не учитывать период действия коронавирусных ограничений 2020 г.

С 2010 по 2022 гг. численность трудовых мигрантов из Узбекистана увеличилась с 0,5 млн до 1,5 млн чел., а Таджикистана – с 0,4 млн до 1 млн чел. Наибольший прирост трудовых миграций был зафиксирован между Россией и Кыргызстаном, в 2010–2022 гг. количество прибывающих из этой страны выросло в 6 раз, с 90,2 тыс. до 562,6 тыс. чел. Рост в 2–3 раза наблюдался со стороны Казахстана и Армении (рис. 3).

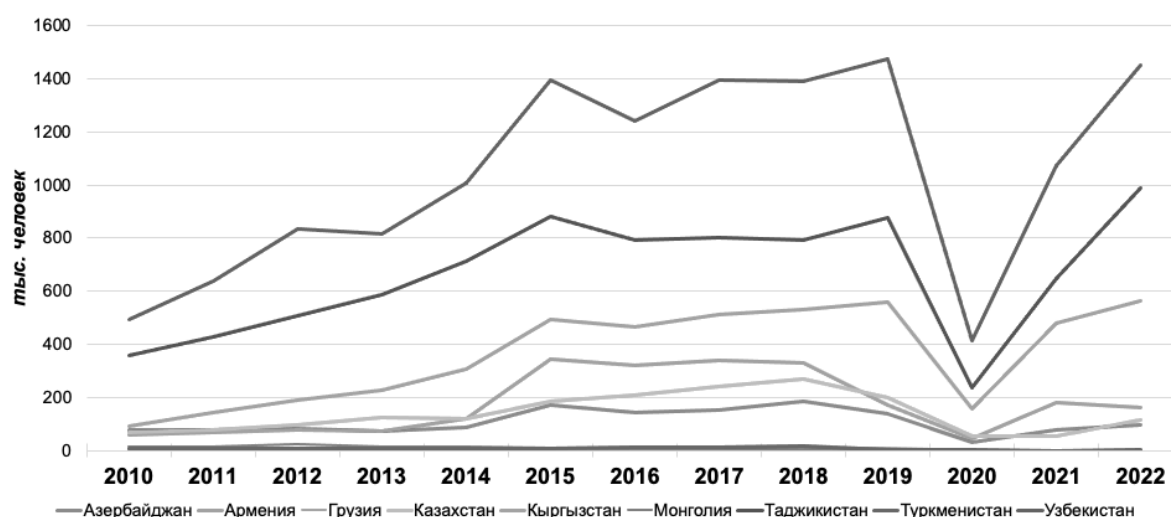

Рис. 3. Распределение мигрантов отдельных стран, прибывших со служебными (с 2019 г. – рабочими) целям [5]

Другой тренд зафиксирован между Россией и странами, не входящими в региональные интеграционные организации. Сальдо трудовых миграций в

Россию со стороны Azerbaijan, Грузии, Туркменистана и Монголии медленно и неустойчиво росли до 2020 г.

Переломный 2020 г. существенно сократил миграционную активность, которая в большинстве случаев не восстановилась до настоящего времени. В 2010–2022 гг. численность трудовых мигрантов из Грузии сократилась в 7 раз, из Монголии – в 120 раз, из Туркменистана – в 3 раза, и только численность мигрантов из Azerbaijan восстановилась, но пока не превысила значений докоронавирусного периода.

Важность миграционного движения между Россией, странами Центральной Азии и Закавказья обусловлена еще и тем, что большинство мигрантов приезжают на заработки и пересылают часть своего дохода родственникам, проживающим в стране выхода. В отдельных случаях общая сумма денежных переводов из России составляет существенную долю ВВП национальных государств.

Так, по информации Всемирного банка в 2022 г. Кыргызстан и Таджикистан вошли в топ-5 государств с наибольшей долей денежных переводов от мигрантов в страну выхода. В 2010–2022 гг. доля денежных переводов в структуре ВВП Кыргызстана и Таджикистана не опускалась ниже 25 %. Например, по данным Всемирного банка в Таджикистане доля денежных переводов в структуре ВВП в 2022 г. составила 33,4 % (рис. 4).

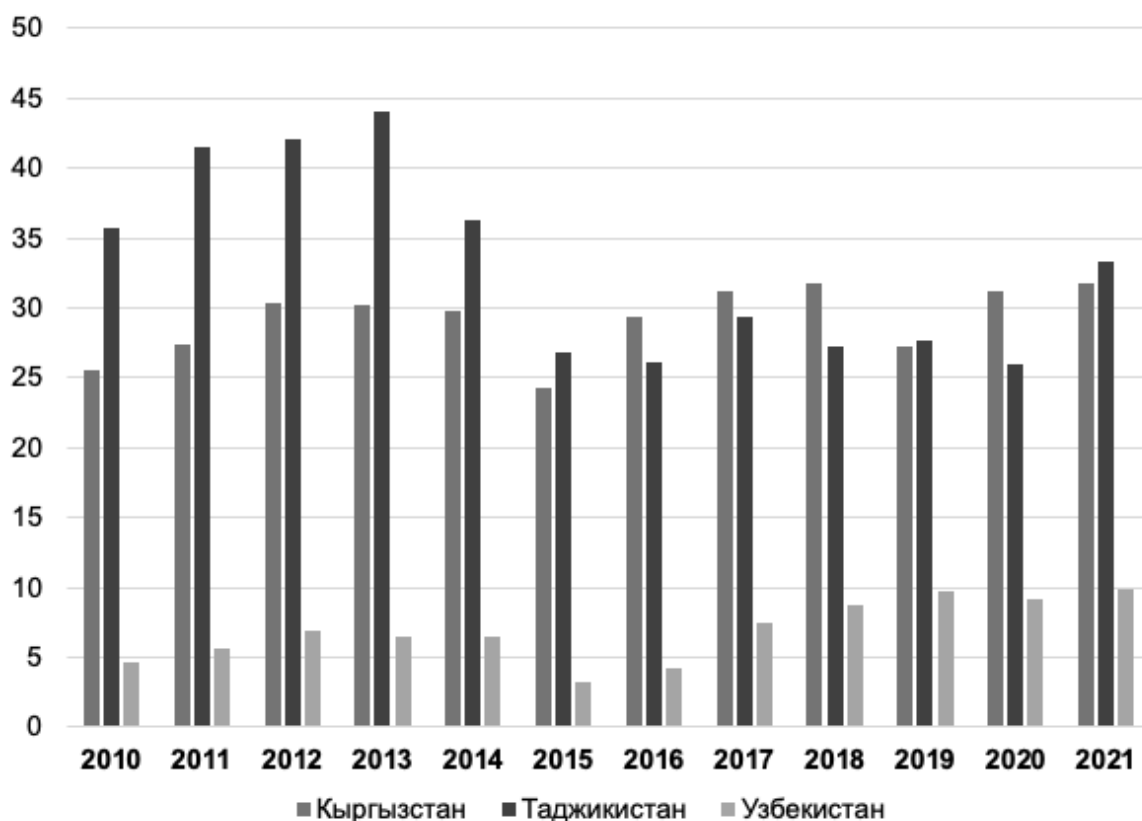

Рис. 4. Доля переводов трудовых мигрантов в ВВП [7]

Максимальная сумма денежных переводов жителями Таджикистана была сделана в 2013 г. и составила 3,7 млрд долл. США, в 2022 г. она составила 2,92 млрд долл. США [8].

Однако, несмотря на высокие значения трудовых мигрантов и суммы денежных переводов, поступающих от них, Узбекистан не входит в число государств, в которых доля денежных переводов составляет существенную долю в структуре ВВП. Это объясняется значительной разницей в объеме национальных ВВП.

Если по итогам 2022 г. в Кыргызстане и Таджикистане валовой внутренний продукт находится на уровне 8,5 и 8,7 млрд долл. США соответственно, то в Узбекистане объем ВВП – 69,2 млрд долл. США ввиду большей численности населения и величины экономики.

В Центральной Азии и Закавказье сформирован один из крупнейших в мире миграционных коридоров, зацикленных на Российскую Федерацию. Создание и деятельность ЕАЭС значительно облегчило возможность трудовых миграций из-за устранения бюрократических преград и позволило осуществить беспрепятственный транзит трудовых мигрантов из стран, входящих в Евразийский союз. Для половины стран Центральной Азии и Закавказья трудовые миграции является существенным источником пополнения государственного бюджета. Кроме того, трудовая миграция заметно влияет на внутреннюю политику этих государств, позволяет сохранять во власти лояльных к России лидеров. В отдельных странах этих регионов уже выросло несколько поколений работников, которые нацелены исключительно на занятость в российской экономике.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Кириченко С.В. Трансграничные миграции граждан Монголии в Южную Корею: ресурс или источник противоречий? // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18.
2. Сченснович В.Н. Проблемы миграции населения: опыт России и стран Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2022. №3 (325).
3. Югай Ю.В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. №2(5).
4. Выборочное наблюдение труда мигрантов. 2019 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html.
5. Численность и миграция населения в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
6. Центральная Азия и соседи. Ч. 1. Миграция в регионе. URL: <https://longreads.cabar.asia/migraciya>.
7. Данные департаментов государственной статистики Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hxjkgX127_c&t=2s.
8. Migration and Development. 2022. Brief 36 // Migration and Remittances Team. Social Protection and Jobs. World Bank. URL: <https://www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-36>.

MIGRATION INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE TRANSCAUCASUS AND CENTRAL ASIA

Abstract. Labor migration plays an important role in the Russian economy. A large number of migrants are employed in various sectors of the economy, so the dynamics of the volume of international migration affects the socio-economic development of country. The article examines Russia's migration ties with important partners, the countries of Transcaucasia and Central Asia.

Key words: social geography, population migration, labor migration, international migration, labor migrants.

Сведения об авторе

Гусаков Тимур Юрьевич, научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), gusakov-ty@ranepa.ru.

УДК 911.3:33

И.В. Закиров, М.Л. Аникина

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье проанализированы региональные различия в уровне социально-экономического развития в России. Проведен сравнительный анализ субъектов РФ по абсолютным показателям валового регионального продукта за 2000 и 2021 гг. Приведена группировка регионов России по ВРП на душу населения в 2021 г. По результатам сделаны выводы.

Ключевые слова: регион, межрегиональная дифференциация, социально-экономическое развитие, валовой региональный продукт, специализация.

Российские регионы сильно отличаются по площади территории и численности населения, географическому положению, природным условиям и наличию природных ресурсов. Также важна дифференциация субъектов Российской Федерации (РФ) по уровню социально-экономического развития.

Проблемам межрегиональной дифференциации и территориальной асимметрии по уровню социально-экономического развития субъектов Российской Федерации посвящено множество научных публикаций [1, 2, 3, 4, 5 и др.]. Несмотря на это, острота проблемы не ослабевает, и появились новые вызовы, связанные с геополитической ситуацией. Анализ межрегиональных различий в социально-экономическом развитии субъектов остается актуальной научной задачей.

У региона – лидера (г. Москва) абсолютный объем ВРП в 2001 г. превышал ВРП региона с наименьшим показателем (Республика Ингушетия) в 443 раза. (табл. 1). К 2022 г. это превышение несколько сократилось (343 раза), но оно остается внушительным.

Таблица 1

Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации

Регион России	2000 г.		Регион России	2022 г.	
	млн руб.	%		млн руб.	%
Российская Федерация – всего	5753671,6	100,0	Российская Федерация – всего	121182987,5	100,0
г. Москва	1159034,0	20,1	г. Москва	24471160,4	20,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	403822,2	7,0	г. Санкт-Петербург	9440411,1	7,8
Красноярский край	214662,7	3,7	Московская область	6832298,4	5,6
г. Санкт-Петербург	188243,0	3,3	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	5651897,2	4,7
Республика Татарстан	186154,4	3,2	Ямало-Ненецкий автономный округ	4161529,6	3,4
Московская область	176693,6	3,1	Республика Татарстан	3454700,0	2,9
Свердловская область	156077,0	2,7	Краснодарский край	3200607,1	2,6
Республика Башкортостан	145125,0	2,5	Красноярский край ...	3064831,6	2,5
Чукотский автономный округ	3931,4	0,1	Республика Калмыкия	100007,8	0,1
Еврейская автономная область	3784,0	0,1	Республика Тыва	88770,7	0,1
Республика Тыва	3594,1	0,1	Еврейская автономная область	78701,6	0,1
Республика Алтай	2737,5	0,0	Республика Ингушетия	77237,1	0,1
Республика Ингушетия	2618,5	0,0	Республика Алтай	71336,2	0,1

Социально-экономический эффект от хозяйственной деятельности регионов можно оценить, рассчитав валовой региональный продукт на душу населения. Данный относительный показатель зависит не только от уровня развития экономики, но и от численности населения территории. Поэтому среди регионов – лидеров по данному показателю имеются и малозаселенные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов России по ВРП на душу населения в 2021 г.,
тыс. руб. на душу населения

№ группы	ВРП на д.н., тыс. руб.	Регион*
1.	более 1660,0 (8 регионов)	Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Магаданская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург

2.	1245,1-1660,0 (2 региона)	Республика Саха (Якутия), Мурманская область
3.	830,1-1245,0 (8 регионов)	Камчатский край, Красноярский край, Республика Коми, Тюменская область, Республика Татарстан, Московская область, Вологодская область, Белгородская область
830,8 – средний показатель России		
4.	415,1-830,0 (42 региона)	Иркутская область, Ленинградская область, Хабаровский край, Липецкая область, Республика Карелия, Оренбургская область, Свердловская область, Приморский край, Кемеровская область, Амурская область, Пермский край, Самарская область, Астраханская область, Томская область, Калининградская область, Калужская область, Курская область, Архангельская область, Тульская область, Нижегородская область, Челябинская область, Новосибирская область, Новгородская область, Республика Хакасия, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Ярославская область, Владимирская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Республика Башкортостан, Рязанская область, Ростовская область, Орловская область, Забайкальский край, Смоленская область, Омская область, Тверская область, Тамбовская область, Волгоградская область, Саратовская область, Пензенская область
5.	до 415,0 (25 регионов)	Ульяновская область, Брянская область, Кировская область, Костромская область, Республика Мордовия, Республика Калмыкия, Алтайский край, Ставропольский край, Республика Адыгея, Псковская область, Республика Бурятия, Курганская область, Республика Марий Эл, г. Севастополь, Чувашская Республика, Республика Алтай, Республика Крым, Ивановская область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Республика Ингушетия

* Субъекты РФ расставлены в порядке уменьшения показателя.

Однако ведущими регионами являются субъекты РФ с наибольшей долей развития добывающих отраслей промышленности и специализирующихся на экспорте сырьевых ресурсов и главный финансовый и экономический центр страны, столица – г. Москва (рис. 1).

По ВРП на душу населения в 2022 г. разница между лидером и аутсайдером субъектами РФ составила 62 раза, хотя в 2000 г. разрыв был только в 27 раз. Только у 18 субъектов РФ этот показатель в 2022 г. был выше среднероссийского значения. А у региона, замыкающего этот список – Республики Ингушетии – он составил всего 12382 руб. в месяц.

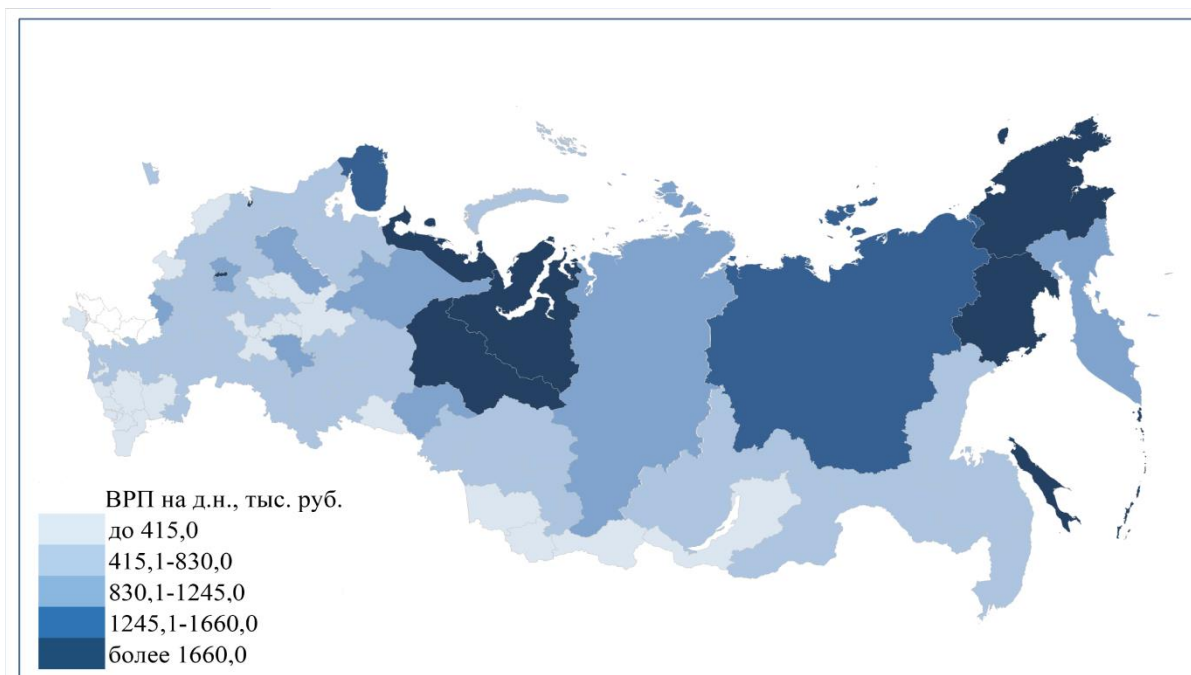

Рис. 1. Группировка регионов России по ВРП на душу населения в 2022 г., тыс. руб.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. При рыночной экономике отдельные территории развиваются неравномерно. Значительную территориальную социально-экономическую дифференциацию можно наблюдать во многих странах. Она объясняется экономико-географическим положением, наличием или отсутствием, разнообразием природных ресурсов, эффективностью управления хозяйством, структурой экономики, историческими особенностями развития, влиянием внешних факторов и т.п. Но уровень дифференциации регионов в различных странах разная, и степень ее влияния на социально-экономическое развитие сильно отличается.

2. С начала 2000-х гг. происходило некоторое снижение неравномерности социально-экономического развития регионов России. Однако после финансового кризиса в России в 2014–2015 гг. дифференциация регионов начала снова расти [6, с. 59]. Изменение эпидемиологической ситуации и обострение геополитического положения в мире усилили этот процесс.

3. Для оценки дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития имеется широкий спектр подходов и методик. В данном анализе в виду ограниченности объема используется только один показатель – валовой региональный продукт. По ВРП на душу населения в числе ведущих субъектов РФ оказались регионы Западно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов с преобладанием добычи сырья в структуре экономики. На «другом полюсе» оказались регионы с отставанием в развитии экономики Северо-Кавказского и южной части Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов. Причем, неравенство между регионами усиливается.

Библиографический список

1. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55).
2. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2.
3. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Кризисное и межкризисное развитие современной России в разных географических масштабах // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 4.
4. Закиров И.В., Боголюбов А.В. Географические аспекты демографических методов прогнозирования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2020. № 4.
5. Faronova Y.V., Zakirov I.V., Ibragimova Z.F., Sattarova G.A., Akhunov A.R. Spatial differences in the life quality change in the Russian Federation: level of the country constituent entity // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (EpSBS). 2021.
6. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4.

I.V. Zakirov, M.L. Anikina

DIFFERENTIATION OF RUSSIAN REGIONS BY LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes regional differences in the level of socio-economic development in Russia. A comparative analysis of the constituent entities of the Russian Federation was carried out based on absolute indicators of gross regional product for 2000 and 2021. The grouping of Russian regions by GRP per head in 2021 is presented. Based on the results, conclusions are drawn.

Key words: region, interregional differentiation, socio-economic development, gross regional product, specialization.

Сведения об авторах

Закиров Ильнур Вагизович, доцент, кандидат географических наук, заведующий кафедрой туризма, геоурбанистики и экономической географии, ziv7702@yandex.ru.

Аникина Мария Леонидовна, ассистент кафедры туризма, геоурбанистики и экономической географии, ya.anikinamariya@yandex.ru.

УДК: 342.731(6)

И.А. Захаров

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

Аннотация. Анализируется влияние трансформации конфессионального пространства стран Африки и характера изменения государственно-

конфессиональных отношений на религиозную политику. В колониальный период в макрорегионе была распространена поддержка религиозных организаций, особенно относящихся к мейнстримным течениям христианства. В постколониальный период наметилась тенденция к ужесточению религиозной политики. Рассмотрены наиболее типичные инструменты ограничения влияния религиозных организаций и географические особенности их реализации.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения, конфессиональное пространство Африки, религиозная конкуренция, религиозная политика.

В XX в. Африка столкнулась с глубокими преобразованиями конфессионального пространства, которая нашла свое отражение в увеличении доли последователей крупнейших мировых религий за счет этнических верований. К началу третьего тысячелетия большая часть населения макрорегиона стала исповедовать христианство и ислам; в 1910–2010 гг. доля их последователей выросла с 9,4 до 47,9 % и с 32,0 до 40,5 % соответственно. В тот же период доля адептов этнорелигий сократилась с 58,0 до 10,4 % [1].

Трансформация конфессионального пространства Африки сопровождалась изменением характера взаимодействия между религиозными организациями и государственными структурами. В колониальный период широкое распространение получил религиозный фаворитизм, проявляющийся в поддержке местной администрацией [2] классических христианских деноминаций, происходящих из метрополий, или иных религий, характеризующихся лояльностью и высоким уровнем организации. Впоследствии религиозные организации и общины сыграли важную роль в становлении национальных государств в рассматриваемом макрорегионе [3; 4].

К концу XX – началу XXI вв. в странах континента широкое распространение получила религиозная монополистическая конкуренция. Такая форма организации рынка религий стимулирует интенсивную конкуренцию многочисленных религиозных течений за последователей, при этом ни одна из них оказывается не способна занять доминирующую позицию [5]. Этот переход сопровождался распространением «обновленческих», прежде всего пятидесятнических и неопятидесятнических движений, оказавших заметное влияние на мейнстримные течения христианства и даже ислам.

В конце XX в. в ряде стран Африки наметилась тенденция к политизации религиозных организаций [6], претендующих на статус ключевых социально-политических акторов. Многие из них на протяжении десятилетий осуществляли ряд государственных функций, обеспечивая населению доступ к образованию, здравоохранению, предоставляя иные услуги [7], выступая с природозащитными и экологическими инициативами [8], стимулируя экономическое развитие [9]. В некоторых африканских странах религиозным организациям принадлежит большая часть наиболее социальнозначимых учреждений. Например, в Габоне в католических школах обучается около 60 % всех учеников страны, в Руанде и Малави – 40 % [10].

Вместе с этим в отдельных регионах Африки обозначилась активизация террористических группировок, идентифицирующих себя с религией. Некоторые из них смогли добиться широкой общественной поддержки и установить контроль над значительными по площади территориями, особенно в Судано-Сахельском коридоре. Кроме этого, в отдельных странах региона получили развитие параллельные конфессиональные общества, представляющие угрозу национальной безопасности [11]. Все это обусловило новую динамику в отношениях между религиозными организациями и государственными структурами.

В ответ на эти вызовы в государственно-конфессиональной политике ряда стран Африки получили распространение рестриктивные инструменты [12]. Наиболее распространенной мерой стало введение ограничений на регистрацию новых религиозных организаций или требований их перерегистрации; запрет на деятельность отдельных религиозных организаций и т.д. В наиболее уязвимом положении оказались религиозные меньшинства, которые во многих странах макрорегиона подвергались дискриминации, гонениям, травле, насилию, в отдельных случаях санкционированные государственными структурами.

В географическом отношении ужесточение религиозной политики, особенно по отношению к христианским религиозным организациям, в первую очередь характерно для стран Северной Африки, в которых привилегированное положение ислама закреплено на уровне конституций. Здесь распространены ограничения на деятельность миссионерских организаций; брачных отношений с немусульманами; жесткая регламентация деятельности неисламских религиозных организаций, ограничение оборота религиозной литературы и т.д. Все это сопровождается усилением социальной враждебности по отношению к определенным религиозным общинам, в том числе по отношению к «традиционным» меньшинствам, например, к последователям Коптской церкви в Египте [13]. Религиозные права и свободы хоть и в гораздо более мягкой форме ограничены конституцией и во многих странах Африки южнее Сахары. Большинство из них ограничивают их требованиями поддержания общественного порядка и сохранения национальной безопасности. Эти положения интерпретируются достаточно широко и при необходимости становятся рычагом давления на религиозные организации [14].

Таким образом, в XX–XXI вв. произошла масштабная трансформация конфессионального пространства Африки, которая нашла свое отражение не только в изменении соотношения численности религиозных общин, но и в изменении характера государственно-конфессиональных отношений. Если в колониальный период религиозные организации, особенно принадлежащие мейнстримным направлениям христианства, как правило, поддерживались местной администрацией, то к концу XX в., когда религиозные организации начали составлять конкуренцию государственным структурам, в государственно-конфессиональной политике ряда стран Африки получили распространения ограничительные практики, которые получили развитие прежде всего на севере континента.

Исследование выполнено при поддержке РНФ №, проект № 24-78-00031.

Библиографический список

1. Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Христианство, ислам и традиционные религии: циклическое взаимодействие на Африканском континенте // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/486/13>.
2. Балезин А.С. Европейские миссионеры и встреча культур в Африке // Новая и новейшая история. 2006. № 3.
3. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М., 2022.
4. Следзевский И.В., Хайруллин Т.Р. Роль христианства и ислама в цивилизационном развитии Африки // Ученые записки Института Африки Российской академии наук. 2021. № 3.
5. Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафшин М.М. Религия и государство: типы отношений на рынке религий // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 3 (106).
6. Прокопенко Л.Я. Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики. Азия и Африка сегодня. 2021. № 8.
7. Балабейкина О.А., Янковская А.А. Социальная ответственность религиозных организаций // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3.
8. Balabeikina O., Yankovskaya A., Abramova E. Environmental responsibility of religious organizations (on the example of the state Christian church of England) // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18, № 2.
9. Kamaara E. The Role of The Christian Church in Socio-Economic and Political Development in Kenya // Journal of Third World Studies. 2000. Vol. 17, № 1.
10. Global Catholic Education, 2020 Report. URL: <http://oiecinternational.com/wp-content/uploads/2020/06/GCE-Report-2020.pdf>.
11. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография. СПб., 2021.
12. Захаров И.А. Государственное регулирование деятельности религиозных организаций в странах Африки в конце XX – начале XXI вв.: макрорегиональные тенденции // Электронный научно- образовательный журнал История. 2022. Т. 13, №. 6 (116). URL: <https://doi.org/10.18254/S207987840021692-0>.
13. International Religious Freedom Reports. URL: <https://www.state.gov/report/custom/7e73d71a3a>.
14. Vyver J.D. Religious Freedom in African Constitutions // Proselytization and Communal Self-Determination / ed. by A.A. An-Na'im. NY., 1999.

I.A. Zakharov

POLITICAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN MODERN AFRICA

Abstract. The article analyzes the influence of the transformation of the African confessional space and the nature of state-confessional relations on religious policy. During the colonial period in Africa support for religious organizations, especially mainstream Christian denominations, was widespread. In the post-colonial period, the trend of tightening of religious policy took place. The article examines the most typical tools for limiting the influence of religious organizations and the geographic peculiarities of their implementation.

Key words: religious competition, religious policy, state-religion policy, state-religion relations, the confessional space of Africa.

Сведения об авторе

Захаров Иван Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук, vanszah@yandex.ru.

УДК 332.1(045)

С.В. Макап

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС РОСТА КАК ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА РОССИИ: О КОМПОНЕНТАХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Аннотация. В контексте представлений о современном пространственном развитии России акцентированы вопросы, связанные с развитием Южного полюса роста (ЮПР) в начале третьего десятилетия XX в. Выделены актуальные компоненты теоретико-методологического обоснования текущего и перспективного развития данного пространственного образования, в т.ч. концепция пространственных структур агломерационного типа, кластерный подход, теория эндогенного роста, концепт ограниченной пространственной поляризации и др.

Ключевые слова: пространственное развитие России, макрорегион, Южный полюс роста, пространственные структуры, геоэкономика, теоретико-методологические компоненты.

Южный полюс роста (ЮПР) как пространственное образование был обозначен в научных исследованиях к середине второго десятилетия XXI в. В текущем – третьем – десятилетии XXI в. развитие входящих в ЮПР регионов-субъектов РФ сопровождается участием новых факторов, связанных с модернизацией задач национального пространственного развития [1]. На формирование экономического пространства ЮПР, основой которого выступает территориальную общность регионов-субъектов РФ, входящих в Южный и Северо-Кавказский экономические макрорегионы России, оказал очевидное влияние ряд факторов, в числе которых уникальность географического положения и природно-климатического потенциала макрорегиона.

Теоретико-методологического обоснование текущего и перспективного развития ЮПР, представляют, с точки зрения автора, нижеследующие компоненты.

Во-первых, теория полюсов развития и центров роста Ф. Перру продолжает в XXI в. демонстрировать свою жизнеспособность, благодаря своей универсальности. Она модифицируется применительно к особенностям отдельных стран. В отечественной интерпретации пространственный полюс экономического роста на национальном уровне, которым выступает ЮПР, представляет собой, с точки зрения автора, территориально-«виододеятельностное» образование. Структурно оно включает виды экономической деятельности, экономические центры, а также их окружение [2].

Во-вторых, отличительной чертой пространственного образования ЮПР является присутствие элементов всех основных типов экономических агломераций, к каковым относят: (1) города и городские агломерации; (2) отраслевые районы; (3) региональные кластеры; (4) креативные регионы [3]. В контексте концепции о пространственных структурах агломерационного типа они выступают актуальными пространственными структурами на длительную перспективу. Также необходимо учитывать (со)временные акценты управления.

В-третьих, с позиций теории эндогенного роста необходимо реализовать факторы, понимаемые как действующие силы, которые генерируются на местном уровне, в данном случае внутри ЮПР. В анализируемой совокупности регионов-субъектов РФ, входящих в пространственное образование ЮПР, представлены регионы различных типов. Их внутренние возможности («силы») необходимо преобразовывать в факторы развития ЮПР как пространственного образования [4].

В-четвертых, в контексте кластерной теории [5] и кластерного компонента пространственного анализа как методологии [6] в отношении организации хозяйства ЮПР, а также соответственно с теорией эндогенного роста целесообразно рассматривать в пределах его экономического пространства формирование ряда отраслевых районов и территориальных кластеров [7; 8], выделение которых опирается на выявленные внутренние «сильные» возможности регионов, входящих в ЮПР, ориентируясь также на другие долгосрочные национальные приоритеты [9].

В-пятых, в контексте теории о поляризации пространства представляется актуальным ее модификация в соответствии с авторским концептом «ограниченной поляризации», что целесообразно с точки зрения поиска возможностей сокращения пространственного неравенства внутри ЮПР.

Библиографический список

1. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН 2009-2011 годы / В.А. Авксентьев, Е.М. Авраимова, Н.Е. Антонова [и др.]. М., 2013.
2. Макар С.В. Анализ пространства в экономической науке: развитие концептуальных подходов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4(108).
3. Макар С.В. Развитие национального пространства: организационно-структурные концепты // Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности: Международный финансово-экономический форум. Т. 2. М., 2015.
4. Хайруллин В.А., Макар С.В., Ямалова Э.Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена // Дискуссия. 2021. № 5(108).

5. Кластеризация цифровой экономики: теория и практика / И.В. Асланова, А.В. Бабкин, О.Г. Блажевич [и др.]. СПб., 2020.
6. Макар С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России. М., 2012.
7. Макар С.В. К методологии пространственного развития: научные подходы формирования системы кооперационных связей и взаимодействий регионов России // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. Тюмень, 2022.
8. Шамина Л.К., Макар С.В., Кашин В.К. Кластерно-ориентированный подход при формировании и реализации потенциала развития региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 1(235).
9. Мелентьев Б.В., Макар С.В. Оценка влияния стратегии восточного вектора развития России на экономику других регионов // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие социально-экономических систем (АМУР-2019): XIII Всероссийская с международным участием школа-симпозиум. Симферополь-Судак, 2019.

S.V. Makar

SOUTH POLE OF GROWTH AS A GEOECONOMIC DETERMINANT OF RUSSIA: ABOUT THE COMPONENTS OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS

Abstract. In the context of ideas about the modern spatial development of Russia, issues related to the development of the South Pole of Growth (SGP) at the beginning of the third decade of the 21st century are emphasized. The relevant components of the theoretical and methodological substantiation of the current and future development of this spatial formation are highlighted, including the concept of agglomeration-type spatial structures, the cluster approach, the theory of endogenous growth, the concept of limited spatial polarization, etc.

Key words: spatial development of Russia, macroregion, South Pole of growth, spatial structures, geoeconomics, theoretical and methodological components.

Сведения об авторе

Макар Светлана Владимировна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, svetwn@mail.ru.

УДК 914/919 + 339.9

Н.М. Михеева, Д.Н. Хальчевский

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНДИИ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В статье анализируется влияние конфликтогенного потенциала территорий Индии на их инвестиционную привлекательность.

Авторы выделяют пять групп индикаторов конфликтогенного потенциала территорий, определяя вес каждого на основе экспертной оценки. Предложена типология штатов Индии по инвестиционной привлекательности с учетом конфликтогенного потенциала территории и географического положения. Авторы приходят к выводу, что конфликтогенность не главный показатель для компаний при оценке инвестиционной привлекательности территорий. География инвестиций РФ также подтверждает это.

Ключевые слова: Индия, конфликтогенный потенциал территорий, прямые иностранные инвестиции, российские инвестиции в Индии.

Индийская экономика является одной из самых быстрорастущих среди крупных государств. Общий приток прямых иностранных инвестиций в страну за последний в период с 2000 по 2021 гг. составил 763,5 млрд долл. США, при этом за последние 5 лет (апрель 2014 г. – сентябрь 2019 г.), составил 319 млрд долл. США, что составляет почти 50 % от общего объема [5]. При этом очевидно, что геопространство Индии неоднородно, сильно дифференцировано по этно-конфессиональным и социально-экономическим признакам.

На практике используются несколько методик оценки инвестиционной привлекательности территории (ИПТ). Методики, разрабатываемые финансовыми организациями и агентствами, традиционно используют экономические показатели, такие как уровень инфляции, состояние национальной валюты, кредитоспособность, различные аспекты кредитования, индекс доверия прямых иностранных инвесторов [1]. Также учитываются законодательные условия, политические риски, социально-демографические характеристики.

В Индии наиболее используемый показатель, демонстрирующий благоприятную ситуацию для ведения бизнеса *Индийский индекс достижения целей устойчивого развития* (ЦУР). На сегодняшний день используется методика, отслеживающая 16 ЦУР по 115 индикаторам [2]. Среди штатов-лидеров по этому показателю выделяются Керала, Химачал Прадеш и Тамилнад, наиболее слабые позиции занимают Бихар, Джаркханд и Ассам.

Целью исследования является выявление влияния конфликтогенного потенциала территории Индии на их инвестиционную привлекательность. Мы понимаем конфликтогенный потенциал территории (КПТ) как совокупность объективных и субъективных противоречий, способных привести к возникновению конфликтов различного характера на определенной территории. Для оценки КПТ используются индикаторы, позволяющие оценить уровень конфликтных противоречий из разных сфер жизнедеятельности человека.

Индикаторами группы этнических признаков выступают: индекс лингвистической мозаичности, индекс культурного расстояния, индекс межэтнического общения с вкладом в КПТ 10 %. В группу конфессиональных индикаторов входит индекс религиозной мозаичности и индекс конфессионального соседства с вкладом – 20 %. Группу социальных индикаторов представляют: доля исторически угнетенных граждан,

многомерный индекс бедности, уровень преступности и уровень образованности с вкладом – 30 %. Группа экономических индикаторов состоит из таких показателей как коэффициент Джини, доля безработных в возрасте 15–29 лет, ВРП на душу населения и доля граждан с доходами ниже национальной границы бедности с вкладом – 25 %. Индикаторами группы политических признаков являются индекс политической мозаичности, индекс сменяемости власти и индекс согласованности выборов с вкладом – 15 %. Вес каждого из индикаторов определялся посредством экспертной оценки.

Наибольший КПТ по первой группе индикаторов наблюдается в Ассаме, Аруначал Прадеше, Нагаленде, Ладакхе и Карнатаке. Наименее конфликтогенны: Дели, Харьяна, Чандигарх, Уттаракханд, Лакшадвип. По второй группе наибольший КПТ наблюдается в Ассаме, Аруначал Прадеше, Манипуре и Пенджабе, наименьший – в Мадхья Прадеше, Чхаттисгархе, Одише, Андхра Прадеше. По третьей группе наибольший КПТ оценен в Ассаме, Бихаре, Джаркханде и Мадхья Прадеше, наименьший – в Ладакхе и Гоа. Четвертая группа индикаторов показывает наибольшее проявление конфликтогенности в Бихаре, Джаркханде, Одише, Манипуре, наименьшее – в Гоа, Сиккиме, Дели. Наконец, в пятой группе индикаторов КПТ достигает высоких значений в Джаркханде и Пондичерри, низких – в Гуджарате, Сиккиме, Ладакхе, на островных союзных территориях и в Дадре и Нагар-Хавели и Дамане и Диу. Интегрированный КПТ показывает, что наибольшие значения наблюдаются в Джамму и Кашмире, Бихаре, Джаркханде, Ассаме, Манипуре и Аруначал Прадеше, наименьшие – в Чандигархе, Дели, Гуджарате, Андхра Прадеше, Сиккиме, на Лакшадвипе, Андаманских и Никобарских островах.

Рассмотрим основополагающие в большинстве методик показатели инвестиционной привлекательности территории (рис. 1). По индексу легкости ведения бизнеса в лидерах Махараштра, Гуджарат, Дели, Гоа, Андхра Прадеш и Тамилнад. Тяжелее всего вести бизнес в штатах Северо-Востока, Уттар-Прадеш, Бихаре и Джаркханде [3]. Можно провести некоторые параллели с социальными и экономическими индикаторами КПТ. В лидерах по объему прямых иностранных инвестиций Махараштра, Дели, Карнатака, Тамилнад, Гуджарат, Андхра Прадеш. Также в этих штатах наблюдается наибольшая стабильность поступлений ПИИ за последние 10 лет [3]. Высокий коэффициент дисперсии наблюдается в Бихаре, Мадхья Прадеш, Раджастане, Джаркханде, Уттар-Прадеше, штатах Северо-Востока и Джамму и Кашмире, что может свидетельствовать об опасениях вкладывать в эти регионы.

Состав высокодисперсных территорий и территорий, сложных для ведения бизнеса, совпадает с наиболее конфликтогенными штатами. Среди лидеров выделяется Керала, который не является единоличным лидером по инвестициям и политике ведения бизнеса, хотя с точки зрения КПТ и ЦУР этот штат является наиболее перспективным. Вероятно, это связано с политикой Левого Демократического Фронта во главе с Коммунистической партией Индии (марксистской), который поочередно с Индийским Национальным Конгрессом управлял и держит власть штатом в 10 из 15 Ассамблей. В некоторых штатах со

средней конфликтогенностью (Махараштра, Андхра Прадеш) наблюдаются высокие показатели привлекательности, что мы связываем с их географическим положением и историческим развитием территорий.

В лидерах можем наблюдать штаты, крупнейшие города которых являются финансовыми, технологическими, торговыми, научными центрами Индии. Большая часть инвестиций поступает в сектор финансовых, банковских услуг (16 %), на развитие информационных технологий (15 %), торговлю (6 %) [4]. Тренд на инвестиции по прогнозам экспертов в нематериальное и технологическое производство будет сохраняться, главными инвесторами останутся компании, зарегистрированные на Маврикии, в Сингапуре, Японии, США и Нидерландах, но есть потенциал для диверсификации ПИИ, к чему может привести сотрудничество Индии и России.

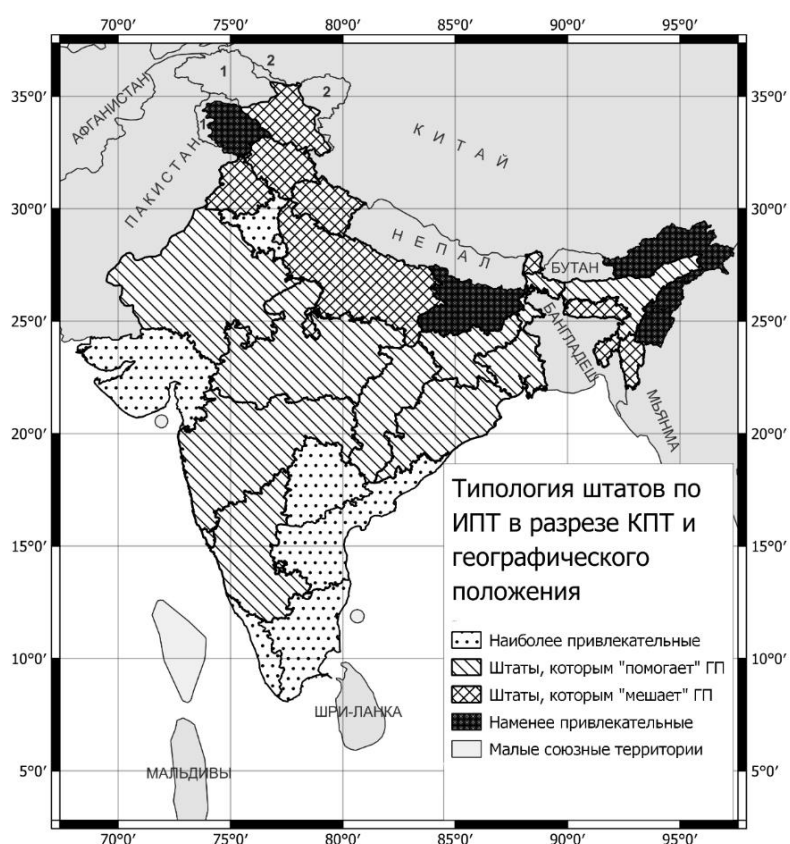

Рис. 1. Типология штатов Индии по инвестиционной привлекательности с учетом конфликтогенного потенциала территории и географического положения

Полагаясь на нашу гипотезу о том, что конфликтогенный потенциал территории оказывает влияние на инвестиционную привлекательность территории, мы должны сделать вывод о том, что наиболее привлекательны штаты: Телингана, Андхра Прадеш, Керала, Тамилнад, Гуджарат, Харьяна, Уттаракханд, Химачал Прадеш. Наименее привлекательны: Бихар, Джаркханд, Аруначал Прадеш, Ассам, Манипур, Нагаленд, Джамму и Кашмир (табл. 1).

Таблица 1

Типология штатов Индии по инвестиционной привлекательности в соответствии с конфликтогенным потенциалом территории и объем инвестиций в млн долл. (октябрь 2019 – декабрь 2023 гг.), малые союзные территории не рассматривались

Наиболее привлекательные	География «помогает»	География «мешает»	Наименее привлекательные
Телингана (7 149)	Раджастан (2 304)	Сикким (0)	Бихар (214)
Андхра Прадеш (880)	Махараштра (66 077)	Уттаракханд (185)	Аруначал Прадеш (5,55)
Гуджарат (37 733)	Джаркханд (2 667)	Химачал Прадеш (246)	Манипур (0)
Керала (943)	Ассам (20)	Ладакх (СТ) (0,22)	Нагаленд (0,01)
Тамилнад (10 262)	Западная Бенгалия (1 543)	Мегхалая (1,1)	Джамму и Кашмир (СТ) (1,08)
Харьяна (9 124)	Мадхья Прадеш (542)	Мизорам (0)	–
–	Карнатака (48 116)	Трипура (0,68)	–
–	Одиша (168)	Уттар Прадеш (1 526)	–
–	Чхаттисгарх (53)	Пенджаб (1 063)	–
–	Гоа (149)	–	–

Однако нельзя оценивать территорию государства или штата как однородную систему, в географическом положении того или иного региона мы можем отследить как повышающие, так и понижающие физико- и экономико-географические факторы. Наличие судоходных рек, выхода к морю, плотной дорожной сети, крупных месторождений полезных ископаемых являются повышающими географическими факторами, изолированность территории, наличие высоких гор, проблем с транспортной инфраструктурой, потенциальной угрозы опасных и катастрофических метеорологических явлений напротив – понижающими.

Как видим, нет четкой корреляции между инвестиционной привлекательностью штата и объёмом ПИИ. Среди штатов с наибольшей привлекательностью с учетом конфликтогенности мы находим штаты с наибольшими показателями инвестиционной привлекательности, но лидеры – Махараштра и Карнатака при среднем КППТ достигает высоких показателей ИПТ благодаря своему выгодному географическому положению. Ассам, являясь одним из самых конфликтогенных штатов, положительно выделяется на фоне соседей на Северо-Востоке благодаря своим богатым недрам, но всё равно далек от лидеров по ПИИ из-за большого числа конфликтов на территории. Регионы Центральной и Восточной Индии хоть и обладают высоким ресурсным потенциалом, но не соответствуют заданной планке привлекательности. Большое число штатов с низкой и средней конфликтогенностью не могут привлечь интерес инвесторов из-за географических факторов.

За период октябрь 2019 – декабрь 2023 гг. по объему привлеченных ПИИ (всего 220, 36 млрд долл. США) лидерские позиции занимают штаты Махараштра (66,07 млрд долл. США, 30 %) и Карнатака (48,12 млрд долл. США, 22 %) отнесенные к типу «Штаты, которым помогает географическое положение». Что свидетельствует о том, что конфликтогенность не главный показатель для компаний при оценке инвестиционной привлекательности территорий. Важна инвестиционная политика, проводимая федеральными

властями по отношению к отдельным территориям, города, являются территориями, куда идёт большая часть современных ПИИ (технологический и информационный сектора). Для нас это весомый вывод, учет городских и сельских территорий по отдельности принесет больше выводов и закономерностей. В случае двух индийских инвестиционных лидеров мы сталкиваемся с двумя городами макрорегионального масштаба – Мумбаи «финансовая столица» и Бангалор «столица IT». Обладая таким потенциалом, города привлекают инвестиции, а территории сёл и малых городов остаются на среднеиндийском уровне развития.

Важный для Индии богатый природными ресурсами восточный регион, обладая выгодным ЭГП, не привлекает инвестиции в связи с более поздней индустриальной освоенностью территории и сложной этно-политической и социальной обстановкой, накалились усилиями индийской армии и полиции локализованы в южной части Чхаттисгарха, но предыдущее десятилетие, когда территория всей Восточной Индии была охвачена террористической деятельностью КПИ (маоистской), показывает эту территорию как рискованную с точки зрения инвестиционной привлекательности.

География российских инвестиций в Индию принципиальным образом не отличается от предпочтений западных и китайских инвесторов, где КПТ не играет определяющего значения. На сегодняшний день Россия занимает 28 место по объёму ПИИ в экономику Индии. В период с января 2000 г. по декабрь 2023 г. общий объём ПИИ из России составил 1 млрд долл. США [5] Инвестиционное сотрудничество активно развивается в таких областях как углеводороды, атомная энергетика, металлургия, производство удобрений, фармацевтика, IT-технологии. «АЭМ-Технология» (Росатом) поставляет критически важные компоненты для АЭС «Кудамкулам» (штат Тамилнад), Nayara Energe при участии Роснефти строит завод по производству пропилена на заводе в Вардинаре (штат Гуджарат), Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК) вывел на проектную мощность завод по производству трансформаторной стали в (штат Махараштра), Объединенная судостроительная корпорация (ОСК) инвестировала в индийские верфи Reliance Naval and Engineering (RNEL) (штат Гуджарат), «Алроса» открыла своё представительство в Мумбаи, «Сибур», инвестировала в производство битулкаучука в Джамнагаре (штат Гуджарат).

Конфликтотенный потенциал в Индии не оказывает определяющего влияния на инвестиционную привлекательность территории. Уровень и темпы социально-экономического развития, благоприятные физико-географические факторы и инвестиционная политика властей оказывают большее влияние на привлечение ПИИ.

Библиографический список

1. Кособуцкая А.Ю., Равуанжинирин А.В. Инвестиционная привлекательность региона: методика оценки // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2019. №1.
2. SDG India Index & Dashboard 2020-21 Partnerships in the Decade of Action // New Delhi, 2021.
3. Saha R., Bhowmick S. Foreign Direct Investments in Indian States: The SDG Cornerstones. New Delhi, 2020.

4. Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI) Inflow from April, 2000 to December, 2023 // New Delhi: Dep. For Promotion of Industry and Internal Trade. 2024.
5. Foreign Direct Investment Policy of India // Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/foreign-direct-investment>.

N.M. Mikheeva, D.N. Khalchevsky

INFLUENCE OF INDIA'S CONFLICTOGENIC POTENTIAL ON THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF TERRITORIES

Abstract. This article analyzes the impact of the conflictogenic potential of the territories of India on their investment attractiveness. The authors identify five groups of indicators of the conflictogenic potential of territories, determining all of them on the basis of expert assessment. A typology of Indian states in terms of investment attractiveness is proposed, taking into account the conflictogenic potential of the territory and geographical location. The authors conclude that conflict potential is not the main indicator for companies when assessing the investment attractiveness of territories. The geography of investments in the Russian Federation also confirms this.

Key words: India, conflictogenic potential, foreign direct investment, Russian investments in India.

Сведения об авторах

Михеева Наталья Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, n.miheeva@spbu.ru.

Хальчевский Дмитрий Николаевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, dmitryx_work@mail.ru.

УДК 323.15

С.К. Нагиев, И.А. Байрамов

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ИХ РАССЕЛЕНИЕ

Аннотация. В статье исследованы показатели численности населения этнических меньшинств, проживающих на территории Азербайджанской Республики. На основе сравнительного анализа и обобщения данных о численности различных этнических групп выявлены причинно-следственные связи, описывающие положительные и отрицательные тренды в динамике населения. В статье подробно описываются особенности размещения этнических меньшинств по территории Республики.

Ключевые слова: Этнические меньшинства, расселение населения, демография, этническое разнообразие.

Азербайджан – один из очагов человеческой цивилизации. Это этническая территория и историческая Родина азербайджанцев, изначально являющихся исконным населением этой страны. Расположение Азербайджана в климатическом поясе, представленном 9 из 11 климатических зон земного шара (от субтропиков до альпийских лугов), наличие плодородных земель, многих видов полезных ископаемых, богатый и разнообразный растительный и животный мир благоприятствовало развитию хозяйства, общественной и культурной жизни. Жители древней азербайджанской земли в упорной борьбе за существование постепенно перешли к родовому строю, образовали племена, а затем государства и, наконец, сформировались в народность и самостоятельную нацию.

В 1999 г. в независимой Азербайджанской Республике была проведена первая перепись, по данным которой в стране проживали 7,953 млн человек, 90,6 % из которого составляли азербайджанцы [1].

За 20 лет число азербайджанцев в стране возросло почти на 5 % и стало еще более преобладающим (94,8 %). При этом в сельских районах, а также в Нахчыванской АР и крупных городах азербайджанцы составляли в среднем 96–99 % населения. Лишь в столице азербайджанцев было зафиксировано относительно мало – 89 % населения города.

Карабахский конфликт и последовавшие вслед за этим кровавые события, а также трудовая миграция привели к серьезным структурным изменениям среди азербайджанцев.

Согласно данным переписи 2019 г. этническими меньшинствами в Азербайджане считаются: лезгины (1,7 %), талыши (0,88 %), русские (0,71 %), аварцы (0,49 %), тюрки (0,31 %), таты (0,28 %), татары (0,18 %), украинцы (0,13 %), цахуры (0,13 %), а также представители этносов с численностью менее 10 тыс. человек (грузины, ингилойцы, курды, гызы, евреи, удины, хыналыгцы, будуги, армяне, хапуты и др.) [1].

В Азербайджане русские традиционно подразделялись на три неравные по численности группы. Первую составляли раскольники (молокане, субботники, духоборы, баптисты и др.), которые появились в Азербайджане после 1832 г. и расселялись в сельских районах. К началу XX в. в Азербайджане было 46 русских сел раскольников. Вторая группа русского населения была связана с превращением г. Баку в конце XIX в. в промышленный центр Закавказья, а третью составляли семьи военнослужащих бывшей советской армии. Данные о динамике русского населения, а также других этнических меньшинств в Азербайджане представлены в таблице 1 [2; 3].

Особый интерес для исследования представляют данные переписи о кавказской группе этносов в Азербайджане. К ней относятся лезгины, аварцы, цахуры, удины, ингилойцы, кызы, будуги и хыналыгцы, издавна проживающие в республике. Ведущую роль в этой группе играют лезгины. В основном они проживают на северо-востоке Азербайджана, в бассейне реки Самур и на восточных отрогах Большого Кавказского хребта. Согласно переписи 2019 г. лезгин насчитывалось 167,6 тыс. чел. (1,7 % населения). Основная масса лезгин

(41,2 %) проживают в Гусарском районе, где они составляют 90,7 % населения района. 14,7 % лезгин ныне проживает в столице, столько же в Хачмазском районе. Наши исследования, проведенные в 2010–2015 гг. в северо-восточных районах страны показывают, что на деле численность лезгин в Азербайджане колеблется в пределах 220–230 тыс. чел. (около 2,5 % населения) [4].

Таблица 1

Численность основных этнических меньшинств в Азербайджане по годам, тыс. чел.

Этнические группы	1959	1979	1999	2019
Численность населения страны	3697,7	6026,5	7953,4	9436,1
Русские	501,3	475,3	141,7	71,0
Лезгины	98,2	158,1	178,0	167,6
Талыши	н/д	н/д	76,8	87,6
Украинцы	25,8	26,4	29,0	13,9
Аварцы	17,3	36,0	50,9	48,6
Тюрки	0,2	7,9	43,4	30,5
Таты	5,9	8,9	10,9	27,7
Цахуры	2,9	8,5	15,9	13,4
Татары	29,6	31,4	30,0	17,7

Примечание: данные Госкомстата Азербайджанской Республики.

По переписи 1999 г. аварцев было 50,9 тыс. человек. За последние 20 лет численность авар осталось практически неизменной и ныне составляет 48,6 тыс. человек (около 0,5 % населения). Проживают они в основном в двух районах – Закатальском (51 %) и Белоканском (48 %). Причем в основе своей аварцы сельчане (92,1 %) [5].

В Шеки-Закатальской зоне живут близкие по языку к лезгинам цахуры. В 1999 г. их было зафиксировано 15,9 тыс. человек. Двадцать лет спустя их численность достигла 13,4 тыс. человек (0,13 % населения). В основном они проживают в Закатальском районе (81 %), а также в Гахском (18 %). Только 17 % цахуров живут в городах [5].

Иранская группа народов Азербайджана включает в основном татов, курдов и талышей. На северо-востоке Азербайджана находится ареал расселения татов. Их язык относится к иранской группе и близок к фарси. Таты разделяются на три группы. Таты-мусульмане, приняв исламскую религию приобрели многие общие культурные и бытовые особенности с азербайджанцами. Таты, принявшие иудаизм, называются горскими евреями. В основном они проживают в Губинском районе. Третью группу татов составляли те, кто принял григорианскую ветвь христианства. Они проживали в селах Мадраса (Шемахинский район) и Килвар (Хачмазский район), за годы советской власти

практически арменизовались и после начала Гарабагского конфликта покинули страну, уехав в основном в Армению и Россию [6].

Карабахский конфликт внес самые серьезные изменения в жизнь курдов. В 1988–1990 гг. около 11 тыс. курдов-мусульман были депортированы из Армении вместе с азербайджанцами, и они расселились в основном среди своих соотечественников в регионе их проживания. Перепись 2019 г. показала, что лишь до половины (48 %) курдов отметили в качестве родного языка курдский. Это худший показатель после украинцев, во многом объясняющий факт ассимиляции курдов.

Талыши расселены на юго-востоке страны, в основном в Ленкораньском, Ярдымлинском и Астаринском районах. В советские времена они не всегда попадали в перепись. Так, в 1926 году было зафиксировано 77,3 тыс. (3,3 % населения) талышей, в 1939 году их число возросло до 87,5 тыс. человек. Однако спустя 20 лет, в 1959 году официально талышей осталось всего 100 чел. В 1969 и 1979 гг. они вообще исчезли из списка народов в СССР. Вновь они появились в переписях в 1989 г. и теперь оказалось их всего 21,2 тыс. человек (0,3 % населения). Сегодня согласно экспертным данным в Азербайджане проживает не менее 100–150 тыс. талышей (около 1,6 % населения). 48 % талышей живет в Масаллинском районе, 33 % – в Ленкораньском [6].

Татарская община начала формироваться в Азербайджане со второй половины XIX в. За последние 20 лет численность татар существенно уменьшилась. Проживают татары главным образом в Баку и Сумгаите. При этом они сохраняют свой язык и в то же время свободно владеют азербайджанским и русским языками. Месхетинские турки или турки-ахыска, родственные по языку и культуре азербайджанцам, были депортированы в 1944 г. указом Сталина со своей исторической родины Грузии в республики Центральной Азии. После смерти Сталина в 1956 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР и турки получили право на переезд во все республики СССР, кроме Грузии. Тогда-то они впервые появились в Азербайджане, но как азербайджанцы. Позже, в 1970-е гг. они стали прибывать и как этнические турки. В 1989 г. после погромов в Узбекистане в Азербайджан хлынула вторая волна турок, но уже в качестве беженцев [2].

Из всего вышесказанного становится ясно, что этническая картина Азербайджана за всю историю его существования неоднократно менялась, но в целом оставалась стабильной. Это одна из особенностей, отличающей Азербайджан от других стран. Народы размещены группами в различных частях страны, составляя в отдельных случаях абсолютное большинство.

Библиографический список

1. Демографический Ежегодник Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. Баку, 2023.
2. Халилов А. Полиэтнические и поликонфессиональные реалии Азербайджана // Современное Евразийство. Центр Л. Гумилева в Азербайджане. Баку, 2015.
3. Нагиев С.К. Азербайджанцы в этническом пространстве России // Вестник БГУ. Серия естественных наук. Баку, 2020.

4. Эфендиев В.А., Нагиев С.К. Этнический состав населения Губа-Хачмазского экономического района // Географические проблемы регионов Азербайджана. Баку, 2016.
5. Алексеев М., Казенин К.И., Сулейманов М. Дагестанские народы Азербайджана - политика, история, культура. М., 2006.
6. Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 г.) // Демоскоп Weekly. № 183–184. 20 декабря 2004 – 9 января 2005. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>.

S.Q. Nagiev, I.A. Bayramov

ETHNIC MINORITIES IN AZERBAIJAN AND THEIR SETTLEMENT

Abstract. The article examines the indicators of the population of ethnic minorities living in the territory of the Republic of Azerbaijan. Based on a comparative analysis and generalization of data on the number of different ethnic groups, causal relationships describing positive and negative trends in population dynamics have been identified. The article describes in detail the features of the placement of ethnic minorities on the territory of the Republic.

Key words: Ethnic minorities, population settlement, demography, ethnic diversity

Сведения об авторах

Нагиев Салех Касум оглы, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии Азербайджана и методики преподавания географии географического факультета, Бакинский государственный университет, naqiyevsaleh@mail.ru.

Байрамов Имран Азер оглы, магистрант I курса географического факультета по специализации «Экономическая и социальная география Азербайджана и соседних с ним стран», Бакинский государственный университет, imranbayramov2003@mail.ru.

УДК 911.5/.9

И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАВОРИТИЗМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Аннотация: Электоральная география является одной из важных в поле географических наук. Дисциплина активно развивается и ищет новые теоретические и методологические подходы. В настоящее время применяя синтез геоинформационных систем, компьютерного моделирования и математической статистики, происходит усовершенствование науки. Используя авторскую методологию, обогащенную новым инструментарием, авторы предлагают идеи для нивелирования географического фаворитизма, возникающего в разнообразном и неоднородном электоральном ландшафте Европы.

Ключевые слова: политическая и электоральная география, географический фаворитизм, электоральная география, избирательные системы, Европа.

Политическая география прочно заняла место среди современного научного дискурса. Характеризуемая своей междисциплинарностью, она вбирает в свое исследовательское поле методы, свойственные как самой географии, так и социальным и общественным наукам. На современном этапе она предполагает интеграцию географических информационных систем (ГИС), компьютерного моделирования и математической статистики. Все вышесказанное в полной мере можно отнести и к электоральной географии, которая изначально возникла как субдисциплина политической географии, однако с недавних пор многие рассматривают ее как самостоятельную науку.

В качестве фундамента для теории электоральной географии выступила монография английских политгеографов Питера Тейлора и Рона Джонстона в 1979 г. «География выборов» [1]. В ней в том числе были предложены универсальные закономерности влияния пространства на избирательный процесс, получившие название «эффектов электоральной географии». Наибольшая популярность электорально-географических исследований в мире и в России пришлось на 1990-е гг. Важные вехи в эволюции дисциплины: коллективные монографии «Достижения в электоральной географии» (1990) [2] и «Обновление электоральной географии» (2011) [3], в которых также подводились промежуточные итоги развития науки.

На современном этапе систематическое картографирование результатов выборов и их электорально-географический анализ осуществляются для большинства стран мира, во многих из них сложились национальные научные традиции электорально-географического анализа. Лидерами в этом направлении остаются США, Великобритания и Франция. В то же время развиваются самобытные школы электоральной географии в Канаде, Мексике, Бразилии, Чили, ЮАР, европейских странах, России, Турции, Иране, Израиле, Индии, Китае, Японии, Австралии и Новой Зеландии.

Началом зарождения российской школы электоральной географии можно считать два события: прошедший в 1986 г. в Баку всесоюзный научный семинар географов-обществоведов и книга «Весна–89: география и анатомия парламентских выборов», вышедшую в 1990 г. под редакцией В.А. Колосова, Н.В. Петрова и Л.В. Смирнягина [4]. Последняя давала комплексный пространственный анализ первым демократическим выборам в Советском Союзе. Последующие за этим три десятилетия наука активно и плодотворно развивалась как в столичных, так и в региональных школах страны.

Вторую декаду XXI в. можно охарактеризовать как скачок к синтетическому этапу в развитии электоральной географии (как и в политической географии). Теоретико-методологическая база дисциплины существенно обогащается за счет синтеза выводов, полученных в результате анализа отдельных избирательных кампаний и национальных (и региональных) электоральных традиций. Переход на качественно новый уровень развития

становится возможным в первую очередь за счет применения в электоральной географии методов пространственного статистического анализа, соединяющего компьютерное моделирование в ГИС с пространственной эконометрикой. Происходит это отчасти и благодаря обращению обществоведов к использованию геоинформационных систем в политических исследованиях. Также в дополнение к традиционным для электоральной географии статистическим методам осуществляется синтез дисциплины с другими смежными отраслями знаний (социальной антропологией, психологией, семиотикой), который в том числе приводит к заимствованию новых для нее качественных методов анализа.

Базовые аксиомы географии о влиянии пространства на свойства объекта, лежащие в основе пространственного анализа, были сформулированы американским ученым швейцарского происхождения Вальдо Тоблером в 1970-х гг. и затем в начале XXI в., известны как два закона географии: первый – «все влияет на все, но то, что ближе, влияет сильнее» (при этом близость может измеряться в разных единицах), второй – «явление, внешнее по отношению к анализируемой географической области, влияет на то, что происходит внутри нее». Это положение оказывается еще более важным для проверки базовой гипотезы электоральной географии, поскольку обобщает пространственные эффекты голосования. Законы Тоблера обобщили два главных принципа пространственного воздействия на явление или процесс: принцип близости и принцип соседства [5].

Математический фундамент под идеи Тоблера был заложен позже основателями школы пространственного статистического анализа американскими учеными Китом Ордом [6] и Люком Анселином [7] в 1970–1980-е гг., которые взяли за отправную точку метода индексы пространственной автокорреляции Патрика Морана [8] и Роя Гири [9], предложенные еще в начале 1950-х гг. Именно обращение к школе пространственной эконометрики и доступность сегодня моделирования больших данных в геоинформационных системах открывают перед электоральной географией возможности эмпирического подтверждения, разработанной ранее теории. Общие подходы к использованию данной методологии в электоральной географии были сформулированы в первую очередь американскими географами Джоном О'Локлином, Эндрю Линке [10] и Майклом Шином [11].

Применение данных методов может позволить исследователю решать новые задачи в области электоральной географии. Одной из таких задач может выступать оценка степени географического фаворитизма различных избирательных систем на примере субнационального уровня европейских стран. Европейское пространство представлено множеством разнообразных избирательных и партийных систем, поэтому задача их сравнения становится труднореализуемой и как правило валидные сравнительные исследования имеют территориальные ограничения.

Интерес к сравнительной политике и географической поляризации электорального поведения в Европе в последнее время привлекает все большее

внимание зарубежных исследователей (Schraff, Vergioglou, Demirci 2022; Stockemer, Blais, Kostelka, Chhim 2018) [12, 13]. Дезагрегированные данные о выборах используются для улучшения нашего понимания разнообразных политических результатов и процессов. Например, результаты субнациональных выборов имеют решающее значение для текущих исследований успеха радикальных правых партий. Несмотря на повсеместное присутствие субнационального контекста в европейских электоральных исследованиях, текущие сравнительные данные очень ограничены в географическом и временном охвате. Фактически, в настоящее время незначительное число работ основывается на данных о результатах выборов на уровне всех европейских субнациональных статических единиц. Это является большим препятствием для качественных сравнительных исследований, поскольку большая часть социально-экономической статистики, раскрывающая предпосылки электорального поведения, предоставляется на именно на этом уровне. В основном фокус исследований если и сосредоточен на субнациональном уровне, то в рамках одной или нескольких стран, что не позволяет создать комплексное впечатление о политических процессах в регионе

Методология сравнительного анализа межстранового и кросстемпорального анализа электоральных результатов, представленная авторами в докладе, может оценить степень географического фаворитизма и нивелировать его эффект в структуре электорального пространства Европы, а также позволит расширить масштабы сравнительных электоральных исследований.

Библиографический список

1. Taylor P.J., Johnston R.J. *Geography of Elections*. London, 1979.
2. Johnson R.J., Shelley F.M., Taylor P.J. (eds.) *Developments in Electoral Geography*. London, 1990.
3. Warf B., Leib J. *Revitalizing Electoral Geography*. Farnham, 2011.
4. Весна–89: география и анатомия парламентских выборов. М., 1990.
5. Sui D.Z. Tobler's First Law of Geography: A Big Idea for a Small World? // *Annals of the Association of American Geographers*. 2004. Vol. 94. Iss. 2.
6. Ord K. Estimation Methods for Models of Spatial Interaction // *Journal of the American Statistical Association*. 1975. Vol. 70. Iss. 349.
7. Anselin L. *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Boston, 1988.
8. Moran P.A.P. Notes on Continuous Stochastic Phenomena // *Biometrika*. 1950. Vol. 37. № 1–2.
9. Geary R. The Contiguity Ratio and Statistical Mapping // *The Incorporated Statistician*. 1954. Vol. 5. No. 3.
10. Linke A.M., O'Loughlin J. *Spatial Analysis in Political Geography* / Agnew J., Mamadouh V.A., Secor A., Sharp J. (eds.) // *Companion to Political Geography*. Oxford, 2016.
11. Shin M. Democratizing Electoral Geography: Visualizing Votes and Political Neogeography // *Political Geography*. 2009. Vol. 28, № 3.
12. Schraff D., Vergioglou I., Demirci B.B. The European NUTS-level Election Dataset: A Tool to Map the European Electoral Geography // *Party Politics*. 2022. Vol. 29. Iss. 1.
13. Stockemer D., Blais A., Kostelka F., Chhim C. Voting in the Eurovision Song Contest // *Politics*. 2018. Vol. 38, № 4.

GEOGRAPHICAL FAVORITISM OF ELECTORAL SYSTEMS IN EUROPEAN COUNTRIES

Abstract: Electoral geography is one of the important geographical sciences in the field. The discipline is actively developing and looking for new theoretical and methodological approaches. Currently, using the synthesis of geographic information systems, computer modeling and mathematical statistics, science is being improved. Using the author's methodology, enriched with new tools, the authors offer ideas for leveling the geographical favoritism that arises in the diverse and heterogeneous electoral landscape of Europe.

Key words: political and electoral geography, geographic favoritism, electoral systems, Europe.

Сведения об авторах

Окунев Игорь Юрьевич, канд. полит. наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России, okunev_igor@yahoo.com.

Шестакова Марианна Николаевна, канд. геогр. наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, m.shestakova@my.mgimo.ru.

УДК 331.5

*А.В. Степанов, А.С. Бурнасов,
М.Ю. Илюшкина, С.С. Джунусова*

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ «ШТАНДОРТНОГО» ФАКТОРА В РАЗМЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. В период 2022–2024 гг. в структуре мирового хозяйства произошли весомые территориальные сдвиги в размещении промышленного производства. Наряду с существующими классическими («штандортными») факторами в общественной географии стоит отметить, что в указанный период стали отчетливо проявляться тенденции влияния политических детерминант на принятие бизнес-решений хозяйствующих субъектов. На примере территориальной структуры хозяйства Казахстана исследуется новое явление в экономической географии – «релокация» как следствие санкционной политики западных стран по отношению к Российской Федерации.

Ключевые слова: фактор размещения, промышленное производство, санкции, релокация, Российская Федерация, Казахстан.

Одним из системообразующих понятий экономической географии традиционно считалось немецкое словосочетание *stand-ort* («фактор размещения»). Среди классических теорий И. фон Тюнена, А. Вебера, В. Лаунхарда, А. Леша, А. Маршалла факторный анализ давал объяснение причин размещения производства и населения. Казалось бы, в XXI в. трудно было предположить новые факторы размещения. Несмотря на усиливающийся аутсорсинг в эпоху глобализации мирового хозяйства возникает ситуация, когда исследователи в сфере географии промышленности изучают новые формы территориальной организации производства и анализируют сдвиги в размещении хозяйства под влиянием не рыночных, не экономических, а политических сил.

Невиданный санкционный нажим на экономику Российской Федерации начиная с февраля 2022 г. привел мировую экономику в стадию турбуленции, которая сопровождалась в т.ч. закрытием предприятий в ведущих отраслях экономики, принадлежащих иностранному капиталу, трансформацией логистических цепочек добавленной стоимости и поиском новых мест приложения бизнес-процессов [1]. В научный оборот ввели понятие «релокация», который в первую очередь применялся к физическим лицам, а постепенно и поэтапно распространился на юридические. Чаще всего под релокацией понималось «...перемещение бизнеса и сотрудников на новое место (в другой город или регион, в другую страну). Таким образом, релокация могла быть внутренней (внутри страны) и внешней (из одной страны в другую). Однако в 2022 г. в РФ основное внимание как исследователей, так и органов государственной власти концентрировалось именно на внешней релокации, поскольку она приводила к сокращению трудовых ресурсов технологически прогрессивных отраслей и тем самым угрожала экономической безопасности страны» [2].

Закономерно возникал вопрос о том, какая территория могла бы стать репрезентативным примером влияния данного релевантного фактора. Мог бы он стать детерминантным или нет. В качестве объекта исследования была выбрана Республика Казахстан, которая из постсоветского пространства стала главным центром притяжения «релокации» хозяйствующих субъектов. Практически каждое второе иностранное предприятие в Республике Казахстан «родом» из России, а доля российских компаний в числе действующих зарубежных предприятий в Казахстане составила 44,9 % (рис. 1).

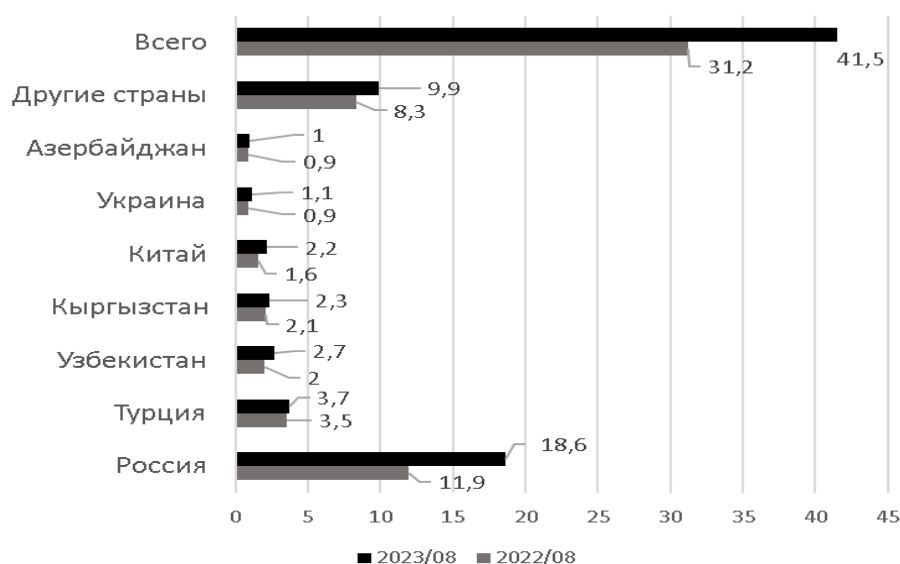

Рис. 1. Динамика создания действующих юридических лиц, филиалов и филиалов иностранных юридических лиц с иностранным участием на территории Казахстана (тыс. ед.). В разрезе стран (08.2022–08.2023 гг.) (составлен по [3])

В свете действующих рестрикций миграция российского капитала по сравнению с началом 2022 г., когда количество хозяйствующих субъектов из РФ в Казахстане составляло лишь 8 тыс., вырос почти 2,3 раза, но с июля 2023 г. наблюдается перманентный спад, который в Казахстане объясняют нововведениями в миграционной политике страны по отношению к гражданам ЕАЭС (рис. 2).

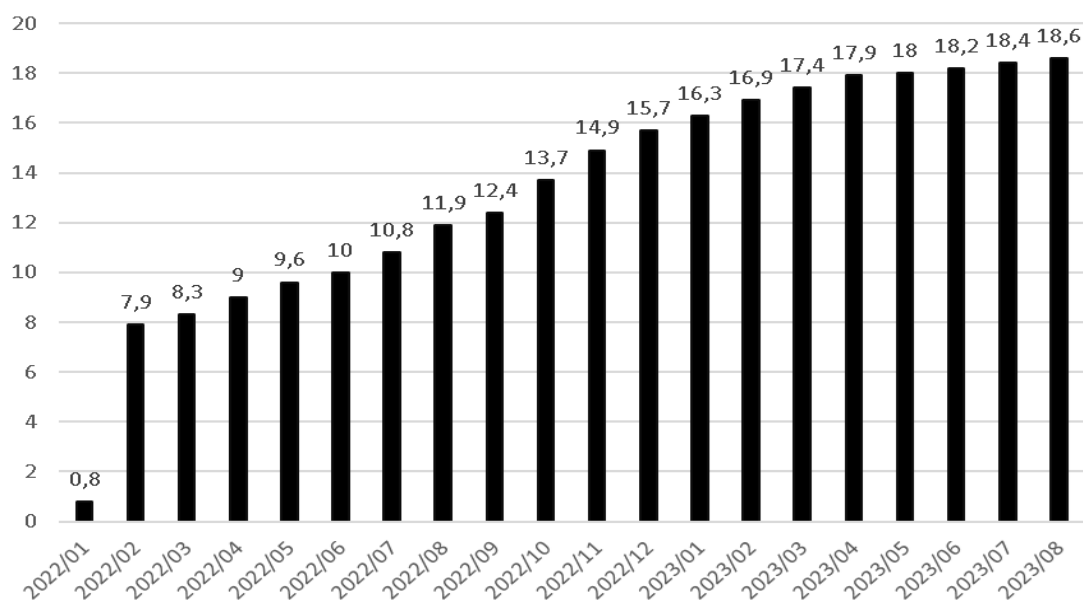

Рис. 2. Действующие юридические лица и филиалы с российским участием на территории Казахстана (составлен по [3])

В географическом аспекте релокации в Казахстане иностранных и российских компаний отчетливо наблюдаются три тенденции:

1. Крупный транснациональный капитал западных ТНК концентрирует свое производство в метрополитенских ареалах страны: Алматы и Астана.

Создание вокруг вышеуказанных территорий технологических парков позволило крупным игрокам за короткий период перенести из Российской Федерации производство электротехники («Honeywell»), фармацевтической продукции («Stada Arzteimittel»), биоудобрений («Koppert»), насосного оборудования («Wier Minerals») и т.д.

2. Российский капитал старается максимально приблизить свое присутствие к российско-казахстанскому приграничью, что позволяет снизить логистические издержки. Конкурентным преимуществом приграничья остается концентрация русскоязычного населения Казахстана на севере страны. Такими локальными центрами релокации российских компаний стали г. Костанай («Уральский пружинный завод», «Башкирская содовая компания»), российский филиал «Rival» (производство автокомпонентов) и ряд других. Из Ирбита (Свердловская обл.) в Петропавловск-Казахский перенесена сборка мотоциклов «Урал», а на открывшейся площадке свободной экономической зоны «Qyzyljar» российская компания «Завод ЛСТК» приступила к реализации проекта производства легких стальных тонкостенных конструкций.

3. Интересным примером возвратных инвестиций следует считать решение АО «Автоваз» возобновить сборку «Lada Granta и Lada Vesta» на мощностях завода «СарыаркаАвтоПром» в Костанае.

Таким образом, причинно-следственная связь «санкции-релокация» глубоко проникает в экономико-географические исследования, тем не менее исследуемый период на сегодняшний день пока не может дать объективную оценку происходящим процессам в обозримой перспективе.

Библиографический список

1. Stepanov A.V., Burnasov A.S., Valiakmetova G.N., Ilyushkina, M.Y. The impact of economic sanctions on the industrial regions of Russia (the case of Sverdlovsk region). R-economy. 2022. № 8(3).
2. Казанцева Н.В., Остапенко В.А. Релокация специалистов из России: масштабы и экономические последствия // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 2 (65).
3. Релокация российских компаний в Казахстан продолжается. URL: https://forbes.kz/economy/relokatsiya_rossiyskih_kompaniy_v_kazahstan_prodoljaetsya.
4. Василькова А., Осипова И. Российские компании продолжают релокацию в Центральную Азию. URL: <https://kz.kursiv.media/2022-09-22/rossijskie-kompanii-prodolzhajut-relokaciju-v-centralnuju-aziju>.

*A.V. Stepanov, A.S. Burnasov,
M.Y. Ilyushkina, S.S. Dzhunusova*

CURRENT APPROACHES TO THE ESSENCE OF THE «STAND-ORT FACTOR» IN THE LOCATING OF PRODUCTION IN THE NEW GEO-ECONOMIC REALITIES

Abstract. During the period of 2022-2024 significant territorial shifts have occurred in the location of industrial production in the structure of the world economy.

Along with the existing classical (“stand-ort”) factors in social geography, it is worth noting that within this period, trends in the influence of political determinants on the business decisions of economic entities can be clearly observed. Using the example of the territorial structure of the economy of Kazakhstan, a new phenomenon of “relocation”, as a consequence of the sanctions policies of Western countries against the Russian Federation, in economic geography is explored.

Key words: location factor, industrial production, sanctions, relocation, Russian Federation, Kazakhstan.

Сведения об авторах

Степанов Анатолий Владиславович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права ИППК Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Россия), anatoly_stepanow@mail.ru.

Бурнасов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Россия), burnasov@mail.ru.

Илюшкина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Россия), ilyushkina_maria@mail.ru.

Джунусова Сабира Сериковна, преподаватель Высшей школы Metallургии и горного дела Рудненского индустриальный университет (Казахстан), Sabira2992@gmail.com.

УДК 911.3:32(571.53)

Ю.С. Размахнина

ДИНАМИКА ИТОГОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ (2003–2021) В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Аннотация. Анализируется динамика результатов парламентских (2003–2021 гг.) и президентских (2004–2018 гг.) выборов в Восточной Сибири (включая республики Саха (Якутия), Бурятия и Забайкальский край). К итогам избирательных кампаний отнесены явка и политические предпочтения.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, динамика итогов выборов, явка, политические предпочтения.

Этничность является важной характеристикой изучения электорального поведения избирателей в политической географии. Как отмечено нами ранее [1], именно коренные народы в большей степени вносят свою лепту в политико-географические процессы Восточной Сибири. Характеризуя электоральное поведение аборигенных народов, исследователи отмечают конформизм и приверженность к «партии власти» [2; 3], высокую явку. Однако, анализируя последние избирательные кампании (Государственной Думы 2021 и 2018-х гг.)

в сравнении с предыдущими, возможно отметить некоторые различия от традиционной модели голосования коренных этносов.

Нами были рассмотрены выборы в Государственную Думу (2003, 2007, 2011, 2016, 2021-х гг.) и Президента (2004, 2008, 2012, 2018-х гг.). В качестве итогов избирательных кампаний проанализированы явка, количество голосов за наиболее популярные партии (ЕР, КПРФ и ЛДПР) и поддержка В.В. Путина и В.В. Жириновского на президентских выборах.

В работе рассматривается динамика вышеуказанных показателей, в частности, средней явки за 2003–2016 (думские выборы) и 2004–2012 гг. (президентская кампания) по сравнению с 2021 и 2018 гг. Что касается динамики количества голосов на президентских выборах, то нами взяты 2012 и 2018-е гг., поскольку осуществлялась привязка, как минимум, к количеству голосов за действующего Президента.

Анализ последних выборов в Государственную Думу показывает высокую тесноту взаимосвязи между этничностью и уровнем явки (0,73) – рис. 1. Однако, например, ранее данная теснота связи между этими явлениями была более выражена, что можно заметить по предыдущим избирательным думским кампаниям, так, например, коэффициент корреляции составлял 0,77 по выборам в Государственную Думу 2016 г.

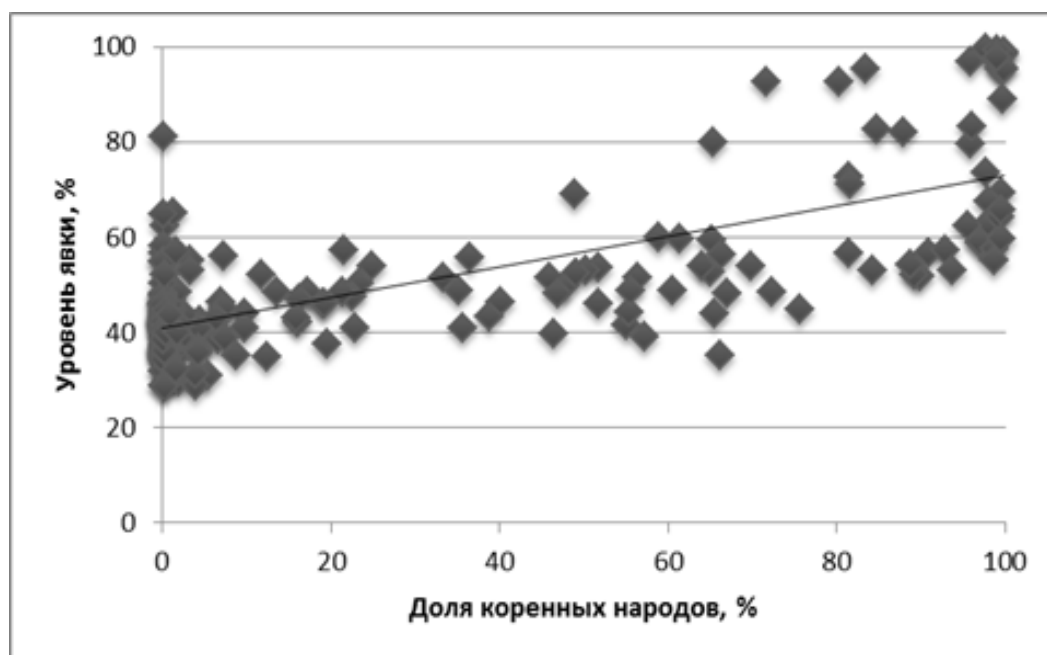

Рис. 1. Взаимосвязь доли коренных народов (%) и явки на выборах в Государственную Думу 2021 г.

На парламентских выборах для большинства восточносибирских МО (197 из 228) характерно падение явки в среднем на 11,8 %. Исключение составляют почти все муниципалитеты Тувы, за исключением г. Ак-Довурака, Закаменского района Бурятии, в которых высока доля коренных народов, а также значительной части «русских» МО, большая часть которых находится в Красноярском крае. В значительной части муниципалитетов последнего субъекта РФ преобладает поддержка «партии власти» как указывал Р.Ф. Туровский.

Следует отметить, что на президентских выборах при преобладающем количестве муниципалитетов, где также можно наблюдать падение явки (137), имеется достаточное количество МО с увеличенной явкой. Большая часть из них сосредоточена в Республике Тыве (где наблюдалась самая высокая явка в РФ), а именно в некоторых ее районах, в которых явка превысила более 99 % – Монгун-Тайгинском (99,5 %), Тес-Хемском (99,7 %), Улуг-Хемском (99,2 %), Сут-Хольском (99,1 %), Эрзинском (99,1 %), а также Хакасии, Бурятии и Красноярском крае. Напротив, снижение данного показателя характерно для МО Иркутской области (самая низкая явка по стране в регионе, Забайкальского края и что примечательно для Республики Саха (Якутия), в которой падение явки колебалось от 0,6 и до 16 % практически во всех МО. Последний регион представляет собой нетипичный пример, поскольку обычно этническая периферия характеризуется высокой явкой и поддержкой действующей власти. В среднем, падение уровня явки составило 6,9 %, что позволяет утверждать, что выборы Президента в большей степени интересны для населения Восточной Сибири, в отличие от избирательной кампании в Государственную Думу.

Динамика поддержки «Единой России» показывает снижение количества голосов (198 МО) за данную партию в среднем на 11 %. Как и прежде, рост голосов за ЕР обеспечили все муниципалитеты Тувы, за исключением г. Ак-Довурак (–14,6 %), Дзун-Хемчикского (–5,6 %) и Чаа-Хольского (–3,8 %) районов. К причинам отрицательной динамики голосования за партию во время, как федеральных, так и региональных, можно отнести непопулярные решения ЕР (повышение пенсионного возраста), в т.ч. и во время пандемии, уменьшение пенсионерского электората по естественным причинам.

Противоположная тенденция наблюдается в отношении КПРФ, в большем количестве МО (те же 198) наблюдается повышение динамики голосов в среднем на 10,5 %. Подобное явление обусловлено как полагает Р.Ф. Туровский [4], снижением популярности партии ЛДПР у избирателей и выбором между двумя главными оппозиционными партиями (КПРФ и ЛДПР), что свидетельствует главным образом об отсутствии выбора у протестно-настроенного электората. В некоторых муниципалитетах, особенно это касается Республики Саха (Якутия), голоса за партию выросли в несколько раз (табл. 1) и, напротив, в Туве наблюдается выраженное снижение голосов за коммунистов, в качестве примера можно привести Тере-Хольский район, в котором доля голосов за КПРФ снизилась на 19 %.

В 2021 г. поддержка ЛДПР по регионам составила: 13,9 % в Забайкальском крае, 13,8 % – Красноярском крае, 9,9 % – Иркутской области, 9,7 % – Хакасии, 6,2 % – Бурятии, 5,7 % – Якутии, 1,1 % – Туве, что свидетельствует о низкой востребованности партии в республиках. Тем не менее, количество голосов за ЛДПР немного улучшилось в 2021 г. по сравнению с предыдущими избирательными кампаниями именно в некоторых МО «этнических» восточносибирских регионах, например, Аллаховском районе Якутии с 7 % до 10,6 % (+3,6 %) или тувинском городе г. Ак-Довурак с 1,5 до 2,1 % (+0,6 %).

Таблица 1

Динамика голосования за КПРФ в МО Республики Саха (Якутия) с многократным увеличением голосов

№	МО (городские округа, районы и др.)	Средняя явка за 2003–2016-е гг., %	Явка за 2018 г., %	Динамика уровня явки, %	Прирост (во сколько раз)
1	Аллаиховский	11,0	40,9	+29,9	+3,7
2	Вилуйский	10,2	37,2	+27,0	+3,6
3	Горный	8,9	37,4	+28,5	+4,2
4	Кобяйский	10,0	35,5	+25,5	+3,5
5	Ленский	11,3	35,1	+23,8	+3,1
6	Мирнинский	10,3	33,3	+23,0	+3,2
7	Намский	11,3	39,1	+27,8	+3,4
8	Нюрбинский	12,9	38,8	+25,9	+3,0
9	Оймяконский	9,8	29,6	+19,8	+3,0
10	Сунтарский	12,1	39,1	+27,0	+3,2
11	Таттинский	9,4	41,1	+31,7	+4,4
12	Томпонский	10,1	30,4	+20,3	+3,0
13	Чурапчинский	9,9	48,1	+38,2	+4,8

Высокая положительная динамика наблюдается по итогам выборов 2012–2018-х гг. относительно кандидатуры действующего президента: прирост доли голосов присутствует в 193-х МО. Стоит отметить, что поддержка В.В. Путина оказалась сильна в основном в «русских» муниципалитетах (рис. 2). Напротив, некоторые МО с высокой долей коренного населения, напротив, показали снижение доли голосов за президента. В первую очередь это явление затронуло большинство районов и столицу Якутии (самый низкий результат голосования за президента), АБО в Забайкальском крае, некоторые муниципалитеты Тувы, в последних из которых падение доли голосов, менее выражено.

Динамика итогов выборов показала падение явки на парламентских и президентских выборах, что в меньшей степени характерно для президентских избирательных кампаний. Голосование за ЕР и ЛДПР в 2021 г. по сравнению с последними выборами свидетельствует о снижении интереса электората к данным партиям. Напротив, динамика голосов за КПРФ показала положительные результаты партии на выборах, в т.ч. в этнических республиках. На последней президентской избирательной кампании наибольшую расположенность к действующему президенту проявили «русские» регионы и МО, а также Тува, в то же время некоторые этнические субъекты РФ и МО (Якутия и др.) показали отрицательную динамику голосования за В.В. Путина.

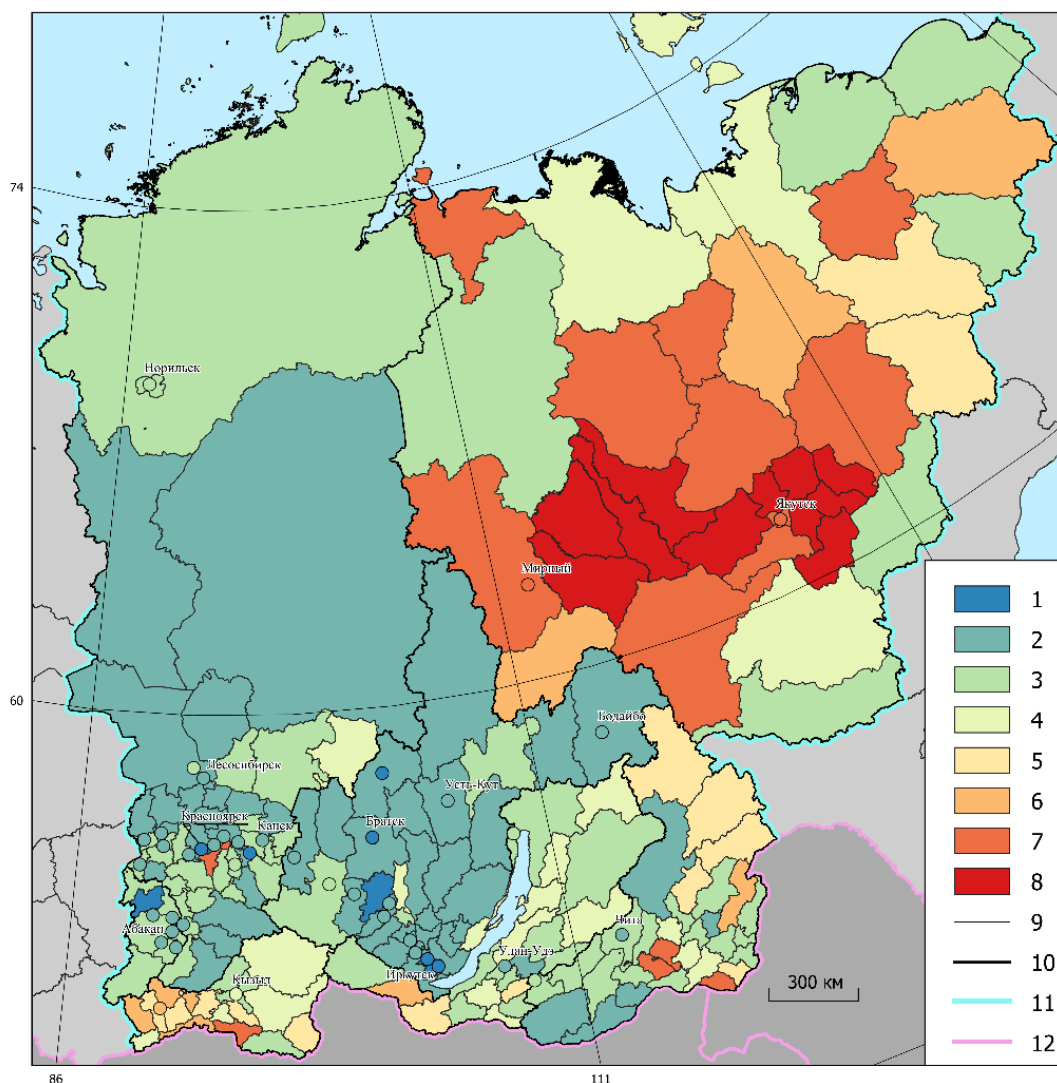

Рис. 2. Динамика уровня голосов за В.В. Путина на выборах 2012-2018 гг.
Динамика уровня голосов за В.В. Путина. Положительная динамика: 1 – незначительное повышение (0–2 %), 2 – ниже среднего (2–5 %), 3 – среднее (5–10 %), 4 – высокое (10–18 %), 5 – очень высокое (более 18 %). Отрицательная динамика: 6 – незначительное снижение (0–2 %), 7 – среднее (2–8 %), 8 – высокое (более 8 %). Границы: 9 – муниципальных районов, 10 – субъектов РФ, 11 – Восточной Сибири с другими макрорегионами, 12 – государственные.

Таким образом, можно сделать вывод о трансформации этнического фактора, что выражается в смене политических предпочтений (титульная нация голосует в большей степени за В.В. Путина, коренные народы переориентируются на КПРФ и кандидатов от нее), снижении явки на федеральных выборах.

Библиографический список

1. Размахнина Ю.С. Влияние этнического фактора на итоги избирательных кампаний Восточной Сибири // Геополитика и геоэкодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3.
2. Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4.
3. Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. М. – Смоленск, 1999.
4. В каких регионах «Единая Россия» и ЛДПР уступили мандаты коммунистам // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6>.

THE DYNAMICS OF FEDERAL ELECTIONS RESULTS (2003–2021) IN EASTERN SIBERIA: INFLUENCE OF THE ETHNIC FACTOR

Abstract. The dynamics of the results of parliamentary (2003–2021) and presidential (2004–2018) elections in Eastern Siberia (including the republics of Sakha (Yakutia), Buryatia and Trans-Baikal Region) are analyzed. The results of election campaigns include turnout and political preferences.

Key words: Eastern Siberia, dynamics of election results, turnout, political preferences

Сведения об авторе

Размахнина Юлия Сергеевна, научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, juliarazm@gmail.com.

УДК 316.347

Д.П. Шатило

ГЕОГРАФИЯ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛИЦАХ

Аннотация. Исследуется внутригородская дифференциация территорий выбранных столиц (Лондона, Парижа, Мадрида и Берлина) по уровню занятости и безработицы. Восприятие территории городов и отдельных районов влияет на формирование образа района, стоимость в нем жилой недвижимости и социально-этническую дифференциацию. По четырем европейским столицам выявлено, что гипотеза зависимости между микрогеографией занятости и мигрантов подтверждается не всегда. Самая сложная картина – в Лондоне и Париже. В Берлине и Мадриде видны сектора локализации мигрантов.

Ключевые слова: занятость, безработица, социальная дифференциация, социальное расслоение, европейские столицы, расселение иммигрантов, Лондон, Париж, Мадрид, Берлин.

Трудоустройство – одна из важных задач новоприбывших иммигрантов. Восприятие территории городов и отдельных районов влияет на формирование образа района, стоимость в нем жилой недвижимости и социально-этническую дифференциацию.

География занятости и безработицы в Лондоне – не просто зеркальные отражения. Максимумы занятости наблюдаются на юго-западе, превышая $\frac{3}{4}$, минимумы – в Сити и других центральных районах. Но в центре есть места с высокой и низкой безработицей. Последние скорее рассредоточены, тяготея все

же к северо-востоку и северо-западу, где низкая занятость. А вот юго-запад сильно не выделяется.

Безработица по данным за 2014 г. в Большом Париже составила 13 % ЭАН, в самом Париже и О-де-Сен – 11 %, а местами 7–10 %. Минимум в Большом Париже отмечен именно в районах О-де-Сен с хорошей инфраструктурой. Доходы там средние и высокие, жилье дорогое, а доля социального – часто ниже нормы.

В Мадриде в 2015 г. уровень безработицы впервые стал выше, чем в автономном сообществе Мадрид (16,28 % и 16,27 % – разница едва ощутима, но испанские авторы ее отметили. ЭАН по сравнению с 2011 г. сократилось на 8 %, что связывают, кстати, с убылью мигрантов. Молодежь 25–29 лет чаще всего увольняли из госсектора. За 2011–2015 гг./ доля тех, кто искал работу более двух лет, выросла вдвое, до 40,4 %. Безработных (по МОТ) больше среди иностранцев. В 2017 г. картина снова меняется: безработица падает на три пункта, до минимума за восемь лет – 13,4 %, а доля ЭАН во всем населении растет до 8,1 тыс. чел., 60,3 %, но не до уровня автономного сообщества (62,7 %). Впрочем, это подчеркивает нестабильность в сфере занятости города.

Спрос на работников и их ряды в Берлине ширились даже в кризисные 2008–2009 гг., а 2011 гг. был восьмым подряд с ростом числа занятых. Среди них продолжала расти доля услуг, строительства. Безработица даже у тех, кто искал место более года, составила 12,3 %, но максимум 2005 г. (19 %) остался позади. С тех пор ее уровень почти постоянно падал. В 2014 г., когда был снят годичный ценз пребывания без работы, показатель по городу составил 11,7 %, в 2015 – 7,5 %. Однако новые рабочие места часто требуют высокой квалификации. Для работников предприятий в ходе реструктуризации и части молодых специалистов – это проблема. Поэтому в округах, где выше доля занятых на производстве, выше и безработица. В западных округах таковы районы, окружающие центр, на востоке – некоторые окраины.

По четырем европейским столицам выявлено, что гипотеза зависимости между микрогеографией занятости и мигрантов подтверждается не всегда. Самая сложная картина – в Лондоне и Париже. В Берлине и Мадриде видны сектора локализации мигрантов, но там труднее выявить их связь с расслоением по доходам. Отсутствие четких связей в разрезе основных районов можно объяснить тремя группами причин:

1. Дифференциация по уровню занятости меньше, чем по доле мигрантов. А город пронизанное пространство, в нем ежедневно перемещаются массы людей, в том числе для трудовой деятельности.

2. Расчет по разному числу ячеек чисто статистически может не дать достоверных результатов. Обычно более дробное деление как бы усиливает контрасты, но редко переход к нему возможен. И не всегда эффект именно такой.

3. Во всех городах велась борьба с сегрегацией. Велась по-своему, на разных этапах, с разным размахом и успехом. Оценить ее вклад в решение проблемы на фоне действия прочих факторов сложно даже в отдельно взятой столице.

Выводы. Лондон отличает разница между востоком и западом, которая видна по уровню безработицы. Кварталы с высокой долей новых занятых мигрантов отчасти совпадают с теми, где велика безработица, отчасти – с районами, где много мигрантов (но не всегда). Кварталы, где много безработных, есть в разных частях Лондона, чаще на востоке (целый массив). Известна доля новых трудящихся мигрантов трудоспособного возраста: она высока там же, где сильна безработица или много мигрантов. На окраинах, где живут белые британцы, работы для мигрантов мало.

В Париже лидер безработицы – север, Сена-Сен-Дени: 18 %, местами до 27 %. Это районы социального и ветхого жилья, иногда по сей день промышленные, бедные, с обилием выходцев из Африки.

В Мадриде безработица тоже коррелирует с расселением мигрантов – большей частью на юге. Но она местами высока и в центре, и в других районах.

Для Берлина характерны различия между восточной и западной частями города, причем в лучшую сторону выделяется восток, где безработица меньше. Вместе с тем контрасты заметнее между кварталами.

D.P. Shatilo

GEOGRAPHY OF EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT IN EUROPEAN CAPITALS

Abstract. The research reveals the selected capitals' (London, Paris, Madrid and Berlin) intra-city territorial differentiation in terms of employment and unemployment. The perception of the territory of cities and individual districts affects the image of the district formation, the residential real estate costs in it, and socio-ethnic differentiation in general. For studied European capitals, it was revealed that the hypothesis of the relationship between the employment and migrants' microgeography is not always confirmed. It was shown that the most difficult picture is in London and Paris. In Berlin and Madrid, sectors of migrants' localization are visible.

Key words: employment, unemployment, social differentiation, social stratification, European capitals, immigrants' settlement pattern, London, Paris, Madrid, Berlin.

Сведения об авторе

Шатило Дарья Павловна, кандидат географических наук, PhD, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), shatilo@inion.ru.

СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ «НЕДРУЖЕСТВЕННОСТИ»

Аннотация. Статья посвящена экономико-географическому анализу влияния стран из списка недружественных государств и территорий на пространственно-экономическое развитие Сибири. Определены доли «недружественных» стран и географические направления поставок сибирских экспорта, импорта, поставок важнейших экспортных товаров Сибири, в том числе отдельно каменных углей и необработанного алюминия. Выявлена зависимость от внешней торговли с «недружественными» странами среди сибирских регионов.

Ключевые слова: «недружественные» страны; внешняя торговля; экспорт; импорт; товарооборот; товарная номенклатура; Сибирь; Россия.

С мая 2021 г. по октябрь 2022 г. правительством России был сформирован список недружественных государств и территорий. Обзор научных публикаций, посвящённых анализу внешнеторгового сотрудничества России в увязке со списком недружественных государств и территорий, выявил отсутствие такового анализа применительно к Сибири. Что и побудило автора к написанию данной работы.

В последние годы на долю Сибири приходится около 1/8 российского внешнеторгового оборота. Товаросообщение между Сибирью и странами мира осуществляется в двух противоположных географических направлениях относительно Сибири: западном и юго-западном (через Европейскую Россию и Казахстан), восточном и юго-восточном (через Тихоокеанскую Россию, Монголию и Китай). Сибирь мы рассматриваем не в политико-административном, а в общегеографическом толковании – с Тюменской областью (с округами), Забайкальским краем, республиками Бурятия и Якутия [1, 2].

Анализ категории «недружественность» в разрезе внешнеторгового сотрудничества Сибири выявил, что на страны из списка недружественных государств и территорий в 2021 г. пришлось 52,53 % сибирского товарооборота – на 4,5 млрд долл. больше, чем на страны не из списка. Товаросообщение Сибири по географическим направлениям распределилось следующим образом: на страны в западном направлении пришлось 55,83 % её товарооборота, в восточном – 44,17 %. Стоимостная разница между направлениями составила 10,4 млрд долл.

Структура экспорта Сибири в контексте «недружественности» и географических направлений в 2021 г. оказалась следующей: на страны из списка недружественных государств и территорий пришлось 52,77 % экспорта из Сибири. На страны в западном направлении пришлось 55,19 % экспорта (из

них 71,61 % в «недружественные» страны), в восточном – 44,81 % (из них 29,57 % в «недружественные» страны). Стоимостная разница между направлениями составила 7,6 млрд долл.

Рассмотрим данную категорию на примере товарной структуры экспорта Сибири. Анализ географического распределения важнейших экспортных товаров Сибири, суммарно слагающих почти 70 % её экспорта, дал следующие результаты. На страны из списка недружественных государств и территорий пришлось: 55,35 % экспорта сырой нефти, 56,20 % каменных углей, 54,56 % необработанного алюминия, 74,66 % природного газа, 91,49 % нефтепродуктов и 39,38 % драгоценных камней и металлов. Суммарный удельный вес стран из данного списка среди оставшихся экспортных товаров Сибири составил 38,09 %. Таким образом, зависимость от экспорта Сибири в «недружественные» страны выше всего у нефтепродуктов и природного газа. Но и поставки остальных основных экспортных товаров (кроме драгоценных камней и металлов), как и экспорта в целом, более чем на половину приходятся на страны из данного списка. Однако необходимо учитывать, что данные стоимостные показатели занижены, вследствие «прописки» значительной части штаб-квартир вертикально-интегрированных компаний, контролирующих предприятия Сибири, за её пределами (например, в Москве или Санкт-Петербурге) [3].

Остановимся подробнее на географических направлениях, масштабах вывоза и странах-контрагентах важнейших экспортных товаров Сибири, на которые в наименьшей степени влияет институциональный фактор экстерриториальности (т. е. с «пропиской» большинства компаний, контролирующих предприятия по добыче и экспорту данных товаров, в пределах Сибири). Таковыми товарами являются каменные угли и необработанный алюминий.

В 2021 г. Сибирь обеспечила 89,7 % общероссийского экспорта каменных углей. Его распределение по «недружественности» стран и географическим направлениям оказалось следующим: 27,4 % отправилось на запад в «недружественные» страны, 13,9 % на запад в прочие страны, 28,8 % на восток в «недружественные» страны и 29,9 % на восток в прочие страны. Таким образом, каменные угли Сибири больше экспортируются в «недружественные» страны и в страны в восточном направлении. Почти 2/3 общесибирского экспорта каменных углей наполняет Кемеровская область, которая (как и республики Хакасия и Бурятия) экспортирует каменные угли преимущественно в «недружественные» страны. В географической структуре экспорта каменных углей из Сибири лидировали Китай (22,1 %), Япония (12,9 %), Республика Корея (10,4 %) и Нидерланды (6,6 %).

В 2021 г. Сибирь обеспечила 74,4 % общероссийского экспорта необработанного алюминия. Его распределение по «недружественности» стран и географическим направлениям оказалось следующим: 37,4 % отправилось на запад в «недружественные» страны, 27,6 % на запад в прочие страны, 17,1 % на восток в «недружественные» страны и 17,9 % на восток в прочие страны. Таким образом, сибирский необработанный алюминий больше экспортируется в

«недружественные» страны и в страны в западном направлении. Более 4/5 экспорта необработанного алюминия Сибири обеспечивают два её региона – Иркутская область и Красноярский край. Все сибирские регионы-лидеры по экспорту данной продукции ориентированы большей частью на западное направление. В географической структуре экспорта необработанного алюминия Сибири лидировали Турция (23,4 %), Китай (13,5 %), Япония (10,8 %) и Нидерланды (9,2 %).

Структура импорта Сибири в контексте «недружественности» и географических направлений в 2021 г. была следующей: на страны из списка недружественных государств и территорий пришлось 51,35 % импорта в Сибирь. На страны в западном направлении пришлось 58,78 % импорта (из них 72,52 % в «недружественные» страны), в восточном – 41,22 % (из них 21,17 % в «недружественные» страны). Стоимостная разница между направлениями составила 2,8 млрд долл.

Зависимость от внешней торговли со странами из списка недружественных государств и территорий различна у сибирских регионов. Так, наиболее зависимыми от экспорта из «недружественных» стран регионами Сибири в 2021 г. являлись ЯНАО (71,9 % экспорта из стран из списка), ХМАО (68,4 %), Кемеровская область (62,7 %) и Республика Хакасия (61,6 %); наименее зависимыми – Забайкальский край (0,17 %) и Республика Тыва (1,09 %). В структуре импорта наибольшую зависимость показывали Тюменская область (79,3 % импорта в страны из списка), республики Якутия (74,4 %) и Хакасия (69,8 %), Иркутская область (69,6 %) и ХМАО (67,4 %); наименьшую зависимость – Республика Тыва (0,12 %). В целом, в структуре товарооборота наибольшая доля «недружественных» стран оказалась у ХМАО (68,4 %), Республики Хакасия (62,7 %), Кемеровской области (62 %), ЯНАО (61,9 %), Тюменской области (60,5 %) и Красноярского края (55,7 %); наименьшая – у Республики Тыва (1,01 %) и Забайкальского края (9 %).

Анализ ориентированности сибирских регионов в географических направлениях товарооборота со странами мира дал следующие результаты. Наиболее «западно-ориентированными» регионами Сибири в 2021 г. являлись Омская область (79,5 % товарооборота со странами в западном направлении), Алтайский край (78,7 %) и Тюменская область (78,2 %); наиболее «восточно-ориентированными» – Забайкальский край (88,5 % товарооборота со странами в восточном направлении) и Республика Бурятия (80,2 %).

Таким образом, Сибирь в 2021 г. более ориентирована на торговлю со странами из списка недружественных государств и территорий (55,8 % экспорта и 51,4 % импорта) и со странами в западном и юго-западном направлении (55,2 % экспорта и 58,8 % импорта). В разрезе регионов Сибири зависимость от внешней торговли со странами из списка недружественных государств и территорий кардинально различается: от 1 % до 68,4 % в структуре товарооборота.

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 23-77-10048 «Категории «недружественность» и «географическое влияние» в контексте

геополитического положения и их экономико-географическое значение для России и Сибири, в частности».

Библиографический список

1. Шерин Е.А. Внешнеторговое сотрудничество Казахстана и сибирских регионов // ЭКО. 2023. № 6.
2. Шерин Е.А. Внешнеторговое сотрудничество Монголии и сибирских регионов // Географический вестник. 2023. № 1 (64).
3. Безруков Л.А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2 (60).

E.A. Sherin

STRUCTURE OF SIBERIAN FOREIGN TRADE IN THE CONTEXT OF «UNFRIENDLINESS»

Abstract. The paper examines an economic and geographical analysis of the influence of countries from the list of unfriendly states and territories on the spatial and economic development of Siberia. The shares of “unfriendly” countries and the geographical supply directions of Siberian exports, imports, and supplies of the most important Siberian export goods, including separately coals and raw aluminum, have been determined. The dependence on foreign trade with countries from the list of unfriendly states and territories among the Siberian regions has been revealed.

Key words: «unfriendly» countries; foreign trade; export; import; trade turnover; commodity classification; Siberia; Russia.

Сведения об авторе

Шерин Егор Александрович, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, egor-sherin@mail.ru.

УДК 911.3:32

К.П. Юрьев

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОГЕОПОЛИТИКИ КАК НОВОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается видение нового научного направления «экогеополитика» в зарубежной научной литературе и его теоретические и практические аспекты. Цель исследования – изучить актуальность данного подхода и адаптировать его для отечественного научного дискурса. Доказывается, что экогеополитика – научный подход, раскрывающий специфику экологического фактора в международных отношениях.

Ключевые слова: экогеополитика, экология, геополитика, экологическая политика, глобальная повестка

В геополитическом дискурсе всё чаще начинают затрагиваться вопросы влияния экологии на международные отношения. Несмотря на то, что мировая экология как сфера существует уже более полувека, до недавнего времени вопросы экологических интересов государств на мировой арене слабо освещались в научной литературе. Одним из актуальных направлений в научном дискурсе, которое затрагивает влияние экологии на международную повестку, сегодня является концепт экогеополитики.

До середины XX в. природа рассматривалась человеком преимущественно как ресурсная база. Однако после Второй мировой войны мировое сообщество осознало, что нагрузка антропогенного воздействия на окружающую среду стала критической. Экология была включена в список общественных проблем Организации Объединенных Наций. С этого момента вопросы экологии прочно обосновались в мировой политике. Начиная с 1960-х гг. в список вошли две новые проблемы: сильный промышленный и экономический рост в государствах и гонка вооружений. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро был впервые использован и официально закреплён термин «устойчивое развитие». К концу XX в. в мире сложилась ещё одна крупная экологическая проблема – глобальное потепление климата. Масштабные выбросы парниковых газов в атмосферу разрушают озоновый слой Земли и вызывают рост средней температуры на планете [1].

Со времени проведения конференции в Рио-де-Жанейро многие теоретические идеи были успешно практически реализованы. Стремительные процессы общественно-политической эволюции в странах мира способствуют эффективному и качественному преобразованию концепции экологической политики, эволюции взглядов на взаимоотношения человека и окружающей среды, способствуют модификации и дифференциации национальных моделей экологической политики. В 1972 г. Б. Комоннер указал, что проблемы экологии не являются приобретёнными в процессе развития человечества, они не стали частью нового стиля жизни и не несут в себе роли отвлечения человечества от других экономических и политических проблем. Экология лежит в основе тех проблем, которые угнетают современного человека и подавляют социальную справедливость в обществе. Отсюда можно сделать вывод, что, по мнению Комоннера, природа, как ресурс, сама по себе не является целью политики [2]. Главным фактором низкой эффективности экологической политики следует отметить нежелание политических акторов следовать природоохранным правилам и использование экологической повестки в решении своих геополитических целей.

Тем не менее, до 2010-х гг. такое поведение государств в сфере мировой экологической политики не находило своего научного отображения. Ранее вопросы взаимодействия внутренней экологической повестки стран и международной изучались в рамках глобализационных и геополитических

исследований, где проблемы экологии обозначались как общемировые. Но уже на рубеже XX и XXI вв. в западном научном сообществе стали появляться научные работы, посвященные новому направлению «Environmental Geopolitics» или «экологическая геополитика». Изначально они также посвящались совместной международной деятельности государств по вопросам экологии.

Американский ученый Ш. О'Лиар в своей монографии «Программа исследований в области экологической геополитики» отмечает, что экологическая политика обращает внимание на то, каким образом экологическая повестка влияет на принятие решений государствами на мировой арене. Согласно О'Лиар, научное направление «экогеополитика» изучает изменения в современной геополитической повестке дня, опираясь на экологические факторы. Экогеополитика наглядно показывает, как экологические проблемы меняют геостратегии государств и как страны используют экологическую повестку в своих национальных интересах [4].

В 2018 г. О'Лиар в своей книге «Экологическая геополитика» обозначила три точки входа в дискурс экогеополитики. По её мнению, чтобы наиболее точно определять влияние экологических факторов на геополитическую ситуацию необходимо: во-первых, подвергнуть сомнению заявления о роли и значимости окружающей среды; во-вторых, исследовать как человеческая активность, её положительные и отрицательные стороны, отображаются в геополитических заявлениях; в-третьих, изучить способы легитимации политических интересов через унификацию экологических процессов и проблем. О'Лиар приводит эти три правила как основополагающие для оценки и распознавания геополитических интересов в сфере мировой экологии [5].

Ряд западных ученых, (Б. Уилльямс и А. Маттени и др.), сходятся во мнении, что главной целью экогеополитики для государств является удовлетворение своих национальных геополитических интересов посредством включения во внешнюю политику экологической составляющей. Они предлагают рассматривать экогеополитику в области взаимодействия экологической политики на межнациональном уровне и на уровне «национальное государство – международное сообщество». Такое междууровневое взаимодействие приводит к формированию нового экополитического пространства [7].

Исходя из этого, можно попытаться сформулировать авторское понятие экогеополитики, как научного направления, которое изучает и объясняет деятельность геополитических акторов в вопросах мировой экологической повестки, их цели и задачи. Экогеополитика позволяет дополнить уже известный геополитический концепт. Если традиционная геополитика отображает ценность определенных областей и регионов или пространственных процессов в мире, то экогеополитика расширяет это понимание ценности, добавляя факторы окружающей среды. Например, изучая количество природных ресурсов в государствах мы можем объяснить их точку зрения на вопрос сокращения использования полезных ископаемых и невозобновляемых источников энергии. С помощью включения экологического компонента в геополитические

исследования также можно изучить влияние экологических факторов на пространственные процессы. Например, засуха в определенных регионах и, как следствие, нехватка продуктовых ресурсов может привести к голоду, массовой миграции и конфликтам на данной территории.

Также, в отличие от понятия «экологическая политика» и связанных с ним концепций, понятие «экогеополитика» выходит за рамки внутренней политики государства по вопросам экологии и охватывает сферу геостратегических и геополитических интересов. Это научное направление позволяет анализировать совпадения и различия геополитических интересов разных акторов с точки зрения экологии.

Таким образом, становление и развитие экогеополитики напрямую зависит от включения экологического компонента в общественно-политическую и экономическую жизнь государства, создания, изменения или разрушения экологических общественных институтов и удовлетворения экологических интересов в геостратегии страны. Экогеополитика стала инструментом продвижения геополитических интересов, которому, в настоящее время, отводят много внимания в зарубежной научной мысли [3; 6]. В отечественном научном дискурсе точное понимание и определение экогеополитики отсутствует.

Экогеополитика, как новое научное направление в геополитических исследованиях, является востребованной для анализа международно-политической активности и может использоваться для объяснения трансформации мировых политических процессов, национальных геостратегий и системы международной безопасности.

Библиографический список

1. Глобальные вопросы повестки дня // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues>.
2. Commoner B. The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. New York, 1971.
3. Klinger J. Environmental Geopolitics and Outer Space // Geopolitics. 2019. Vol. 26:3.
4. O'Lear S. A Research Agenda for Environmental Geopolitics. Northampton, 2020.
5. O'Lear S. Environmental Geopolitics. London, 2018.
6. O'Lear S., Diehi P. Not Drawn to Scale: Research on Resource and Environmental Conflict // Geopolitics. 2007. Vol. 12:1.
7. Williams B., Matheny A. Democracy, Dialogue and Environmental Disputes. New Haven-London, 1995.

K.P. Yurev

FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL GEOPOLITICS AS A NEW SCIENTIFIC FIELD

Abstract. The study examines the vision of a new scientific field of "Environmental geopolitics" in foreign scientific literature and its theoretical and practical aspects. The purpose of the research is to study the relevance of this approach and adapt it for subsequent updating in the domestic scientific discourse. IT is proved

that environmental geopolitics is an up-to-date scientific approach that reveals the specifics of the environmental factor in international relations.

Key words: Environmental geopolitics, ecology, geopolitics, environmental policy, global agenda.

Сведения об авторе

Юрьев Константин Павлович, аспирант, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, iuriev_official@mail.ru

УДК 911.3:33

С.В. Бадина, Д.М. Богатова, С.А. Огородов

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ДЛЯ
ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАРСКОГО И ПЕЧОРСКОГО МОРЕЙ
ВСЛЕДСТВИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ¹¹**

Аннотация. В данном исследовании впервые для российского арктического побережья был оценен вероятный экономический ущерб от потери территорий и инфраструктуры на прибрежных территориях Карского и Печорского морей к середине XXI в. вследствие активации процессов термоабразии под влиянием климатических изменений.

Ключевые слова: Российская Арктика, геокриологические риски, термоабразия, экономический ущерб, основные фонды, прибрежная зона.

Научная задача оценки и прогнозирования экономических последствий стихийных бедствий, в том числе связанных с изменением климата, весьма актуальна на сегодняшний день. Этой теме посвящено множество отраслевых и региональных исследований, находящихся на стыке физической и экономической географии, геологии, а также других научных дисциплин. Особое место занимают работы, связанные с оценкой экономических рисков береговой абразии (например, [1–3]), поскольку большая часть населения Земли сконцентрирована именно на прибрежных территориях. При этом подобные работы применительно к берегам Российской Арктики отсутствуют.

Целью данного исследования является оценка вероятного экономического ущерба от термоабразии для берегов Карского и Печорского морей до 2050 г. Под ущербом понимается будущая прямая потеря стоимости земель, а также объектов инфраструктуры, расположенных в пределах их границ. В данной статье предлагается оценка минимального размера вероятного ущерба, с учетом двух значимых допущений. Во-первых, потеря береговой инфраструктуры может иметь экономические последствия вдали от побережья, например, в случае выхода из строя газопровода. Соответственно, мультипликативный эффект может быть весьма значительным. Во-вторых, из-за отсутствия открытой информации о рыночной стоимости земельных участков на слабо освоенных арктических территориях доступным критерием их стоимости может служить

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22–17–00097 «Опасные экзогенные процессы и техногенез на берегах и шельфе Печорского и Карского морей»

только кадастровая стоимость, которая в России по разным причинам обычно сильно занижена [4].

Для оценки прямого экономического ущерба использовались данные о кадастровой стоимости земельных участков, расположенных в пределах береговой зоны Печорского и Карского морей, Публичной кадастровой карты Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии России (Росреестра). На первом этапе были проанализированы карты динамики побережья с различными типичными темпами отступления. По этим данным был описан каждый сегмент исследуемой территории. Длина каждого сегмента определялась с помощью программного пакета ArcGIS (ArcMap 10.4.1). Площадь утраченной до 2050 г. территории оценивалась для двух типов климатических сценариев (с учетом текущих тенденций изменения климата и максимально возможного потепления, согласно модели данных CMIP6 со сценарием изменения климата SSP5-8,5). Площадь утраченной территории рассчитывалась путем умножения длины отрезка на прогнозную скорость отступления и количество лет. В период максимально возможного потепления тренд увеличения суммы градусодней теплого периода и, как следствие, усиления берегового разрушения, считался линейным.

На следующем этапе с помощью инструментов ESRI ArcGIS слой с границами земельных участков из Публичной кадастровой карты был оцифрован и наложен на основу ГИС. Данные о размерах и кадастровой стоимости, категории земель и виде разрешенного использования каждого из рассматриваемых участков взяты вручную с онлайн-карты и введены в ГИС. Была рассчитана средняя стоимость одного квадратного метра. Важно отметить, что на значительной части участков на рассматриваемой территории изыскания не проводились. Поэтому в данном случае были взяты средние значения по району с учетом дифференциации затрат по различным типам хозяйственных объектов и межселенных территорий. Эти данные были интегрированы с показателями, характеризующими динамику береговой линии, и создана база данных.

Кроме того, разработан подход нормативной оценки вероятного прямого ущерба объектам транспортной инфраструктуры (дорогам и трубопроводам), попадающим в зону влияния опасных прибрежных процессов. Этот подход заключается в оценке восстановительной стоимости, то есть стоимости строительства нового аналогичного объекта взамен деформированного и впоследствии выведенного из эксплуатации из-за воздействия опасных береговых процессов. Расчеты основаны на данных Федеральных единичных расценок на строительные работы (ФЕР). Более подробно методика описана в предыдущей работе авторов [5].

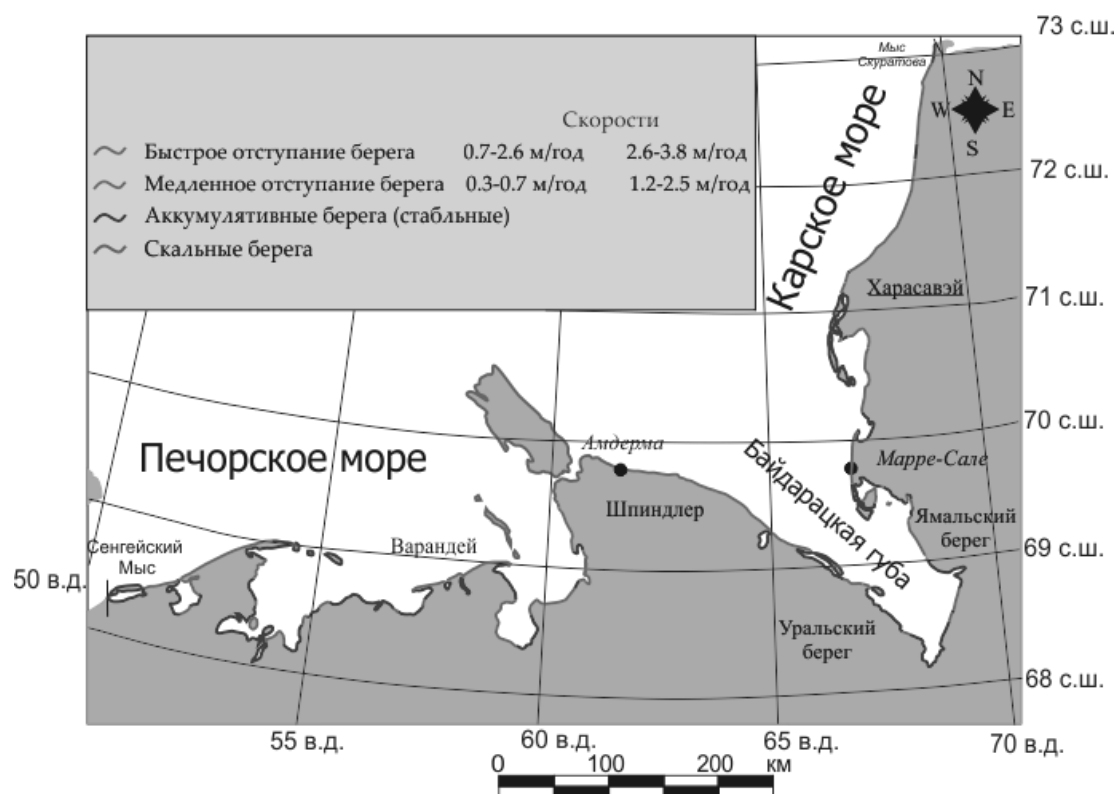

Рис. 1. Прогнозные скорости отступления берега на исследуемой территории

Проведенные расчеты показали, что ущерб от утраты природной (неосвоенной) территории из-за отступления берегов закономерно значительно ниже, чем ущерб от потери территории, где локализована инфраструктура. Разница может варьироваться в несколько раз (табл. 1). Поскольку в мире сохраняется текущая тенденция изменения климата, ожидается, что потенциальный экономический ущерб, нанесенный территориям с инфраструктурой, значительно возрастет из-за динамики берегов в таких зонах. В исследуемом районе прогнозируется увеличение ущерба на этих территориях с 7 744 406 долл. США (согласно текущему сценарию) до 15 609 810 долл. США по сценарию SSP5-8.5, который учитывает траекторию высоких выбросов парниковых газов. Ожидается, что в обоих сценариях наибольшие затраты понесет Заполярный район Ненецкого АО, за ним следуют Приуральский и Ямальский районы Ямало-Ненецкого АО. Эти результаты подчеркивают острую необходимость принятия мер по смягчению последствий и стратегий адаптации для уменьшения воздействия изменения климата на инфраструктуру и смягчения связанного с ним экономического ущерба.

На первый взгляд кажется, что потери слабоосвоенной территории в денежном выражении незначительны в масштабах региона и тем более в масштабах страны в целом. Однако, в качестве примера, можно привести такое сопоставление: в соответствии с российским законодательством земельный налог является местным налогом, то есть взимается на уровне муниципалитетов и зачастую является ключевым источником доходов местного бюджета. Например, собственные доходы бюджета Заполярного района Ненецкого

автономного округа в 2022 г. составили около 15 млн долл., то есть цифра, вполне сопоставимая с затратами на прогнозируемый прямой ущерб.

Таблица 1

Вероятный экономический ущерб

Изменение климата	Территория	Экономически неосвоенная территория, долл.		Территория с инфраструктурой, долл.	
		От	До	От	До
Текущая тенденция	Вся область изучения	598 535	1 453 618	2 650 655	7 744 406
	Заполярный район НАО	572 713	1 387 989	2 893 896	7 517 564
	Приуральский район ЯНАО	9 530	34 851	96 596	191 568
	Ямальский район ЯНАО	13 191	30 778	16 504	35 274
SSP5-8.5	Вся область изучения	2 378 515	4 826 750	9 863 941	15 609 810
	Заполярный район НАО	2 280 162	4 663 939	9 646 498	15 233 096
	Приуральский район ЯНАО	35 512	52 888	148 697	261 845
	Ямальский район ЯНАО	52 763	109 922	57 622	116 880

В качестве крупномасштабного примера было осуществлено детализированное исследование по ключевому участку в Харасавэе. Наиболее уязвимой с точки зрения развития процессов термоабразии и дальнейшего отступления является береговая часть, расположенная между портом и поселком. Из-за отсутствия там какой-либо инфраструктуры потеря полезной площади земли обойдется от 950 до 2450 долл. США при нынешних тенденциях изменения климата, а при максимальном потеплении – от 2750 до 3110 долл. США. Прямой ущерб будет значительно выше, т. е. порядка 1 600 000, в случае разрушения трубопровода, расположенного рядом с обрывом. Стоимость замещения дороги длиной 1 км также обойдется в 1 909 233 долл. США (в ценах на первую половину 2023 г.).

Из-за отсутствия рынка земли слабоосвоенные земельные участки, подверженные термоабразии, в пределах рассматриваемой территории в настоящий момент имеют достаточно низкую стоимость. Исследование наглядно продемонстрировало, насколько существенно увеличивается прямой ущерб в денежном выражении при попадании объектов хозяйственной инфраструктуры в зону риска. Поэтому, принимая во внимание дальнейшие планы экономического освоения этой территории, которые, например, предполагают в ближайшем будущем строительство портовой инфраструктуры в целях развития Северного морского пути, несомненно, необходимо учитывать фактор разрушения берегов и потенциал роста уровня риска. Меры по ранней

адаптации и размещение новых объектов в наиболее безопасных районах позволят существенно снизить объем возможного ущерба.

Библиографический список

1. Penning-Rowsell E.C., Priest S., Parker, D. et al. Flood and Coastal Erosion Risk Management: A Manual for Economic Appraisal; Routledge: London, UK; New York, NY, USA, 2013.
2. Chang J.I. and Yoon S. The economic benefit of coastal erosion control in Korea. J. Coast. Res. 2016.
3. Landry C.E. Coastal erosion as a natural resource management problem: An economic perspective. Coast. Manag. 2011, no. 3.
4. Badina S.V., Pankratov A.A. The value of buildings and structures for permafrost damage prediction: The case of eastern Russian Arctic // Geography, Environment, Sustainability. 2021. Vol. 14, no. 4.
5. Ogorodov S., Badina S., Bogatova D. Sea coast of the western part of the Russian arctic under climate change: Dynamics, technogenic influence and potential economic damage // CLIMATE. 2023. Vol. 11, no. 7.

S.V. Badina, D.M. Bogatova, S.A. Ogorodov

FORECASTING ECONOMIC DAMAGE TO THE COASTAL AREAS OF THE KARA AND PECHORA SEAS DUE TO CLIMATE CHANGE

Abstract. In this study the likely economic damage from the loss of territories and infrastructure due to the activation of thermal abrasion processes under the influence of climate change in the coastal areas of the Kara and Pechora Seas by the middle of the 21st century was estimated for the first time for the Russian Arctic coast.

Key words: Russian Arctic, permafrost-thawing risk, thermal abrasion, economic damage, fixed assets, coastal zone.

Сведения об авторах

Бадина Светлана Вадимовна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник НИЛ геоэкологии Севера географического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; РЭУ имени Г.В. Плеханова, badina@geogr.msu.ru.

Богатова Дарья Максимовна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник НИЛ геоэкологии Севера географического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, aleksyutina@geogr.msu.ru.

Огородов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, профессор РАН, заведующий НИЛ геоэкологии Севера географического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, ogorodov@geogr.msu.ru.

РОЛЬ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХ КУРОРТОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В РАЗВИТИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В Краснодарском крае насчитывается более 200 грязевых озер и минеральных источников самого разнообразного химического состава, имеющих лечебное значение. Целью нашей работы является исследование бальнеологических ресурсов, находящихся на территории черноморского побережья Краснодарского края, а также выяснения степени развития и использования этих ресурсов в современной курортной инфраструктуре Краснодарского края.

Ключевые слова: бальнеологический курорт, минеральные воды, лечебные грязи, курорты черноморского побережья

Краснодарский край обладает богатыми лечебными грязями и запасами минеральных вод различного физико-химического состава, являющихся бальнеологическими ресурсами. На международном рынке туризма преимуществом Краснодарского края является наличие Черноморского побережья с богатым разнообразием ландшафтов. Курорты Черноморского побережья популярны не только в связи с наличием пляжей, но и за счет лечебных природных ресурсов (минеральных вод и грязей). Наиболее значимыми южно-российскими курортами в настоящее время являются Сочи, Геленджик и Анапа [1].

Особо богат бальнеологическими ресурсами город-курорт Сочи – приморский бальнеоклиматический курорт всероссийского значения, с развитой инфраструктурой. Мацестинская сероводородная хлоридно-натриевая минеральная вода успешно используется в лечебницах данного курорта.

Для климата Сочи характерна повышенная обеспеченность солнечной и ультрафиолетовой радиации, большая повторяемость солнечных и жарких погод, повышенная влажность. Это позволяет проводить морские купания и климатолечение в естественных условиях до 6 месяцев в году, что имеет укрепляющее и закаливающее действия в ходе лечения.

В лечении заболеваний детей и подростков используют орошение, ингаляции и ванны. Дополнительное лечение на основе адлерских иловых грязей больше всего предлагают сочинские санатории. Йодобромные воды Кудепсты действуют более мягко, щадяще и поэтому они полезны всем.

Множество минеральных источников на территории Красной Поляны очень похожи по составу на минеральные воды боржоми, ессентуки и нарзан. Месторождения этих источников – «Долина нарзанов».

В Сочи функционирует единственная в стране установка по приготовлению из местных пресноводных илов месторождения «Имеретинское» и мацестинской

крепко-сероводородной воды высоко-сульфидных среднеминерализованных лечебных грязей.

Курортная зона Сочи включает в себя:

- 250 санаториев (сезонная нагрузка до 100 тыс. чел.);
- 30 пансионатов (10 тыс. мест);
- 20 плавательных бассейна (с морской водой);
- 5 курортных поликлиник;
- 138 пляжей;
- 24 спортивных баз;
- 42 теннисных корта

Климатической чертой Анапы является большое количество солнечных дней (200 дней). Биоклиматические условия в Анапе оцениваются как благоприятные для человека и подходящие для широкого спектра климатотерапии.

Особый интерес представляют месторождения минеральных вод лечебно-питьевого профиля – Раевское, Анапское и Семигорское. Последнее представляет особый интерес из-за очень высокого содержания ортоборной кислоты и повышенного содержания йода в хлоридно-гидрокарбонатной и натриевой минеральной водах этого месторождения. Минеральная вода Бимлюкского и Пионерского месторождений также используются в лечебницах Анапы. В окрестностях курорта имеются богатейшие запасы лечебных иловых сероводородных грязей лиманов и соляных озер. Лечебные грязи представлены в основном тремя месторождениями – Кизилташским и Витазевским лиманами и Солёным озером. Грязи имеют различную минерализацию: от 15–25 г/дм³ в Кизилташском лимане до 250 г/дм³ в озере Солёном.

Курорт обладает уникальными в стане курортами детского оздоровления благодаря наличию среднеминерализованных среднесульфидных лечебных грязей и разнообразных минеральных вод из-за их мягкого действия.

В городе находится более 170 санаториев, пансионатов и детских оздоровительных центров. Анапа известна своими климатическими условиями и лечебными грязями, которые помогают при различных заболеваниях. Здесь используются различные типы минеральных вод для лечебного и столового питья, а также проводятся процедуры грязелечения.

Анапа славится прекрасными сортами лечебного винограда, которые используются во всех здравницах курорта с июля по октябрь. Виноградные вина рекомендуются врачами при малокровии, сосудистых заболеваниях и функциональных расстройствах нервной системы.

В здравницах курорта Геленджик популярно использование разнообразных минеральных вод из местных источников. Они используются отдыхающими для питьевого лечения, грязелечения и для принятия ванн. На территории Геленджика в восточной его части и в урочище Широкая Щель найдена минеральная лечебно-столовая вода – «Геленджикская». Она используется при заболеваниях почек, желудка и для нормализации обмена веществ. Её газифицируют

и разливают в бутылки. Также, как и в городе-курорте Анапа в Геленджике действует практика ампелотерапии (лечение виноградом) [2].

Недра Геленджика очень богаты подземными минеральными водами. Гидроминеральная база курорта состоит из таких месторождений, как Ачибско-Женейское, Шебское и Южно-Геленджикское. Наибольший практический интерес представляет Ачибско-Женейское месторождение минеральных лечебных йодобромных вод. Оно находится в 12 км к востоку от Геленджика, в условных границах междуречья долин рек Ачибс и Жене, в Рельсовой щели, на окраине поселка Возрождение.

Краснодарский край обладает огромными запасами бальнеологических ресурсов, которые иногда располагаются не в пригодных или малопригодных по разным причинам (плохим климатическим условиям, неаттрактивности территории, наличии загрязняющей промышленности, транспортной недоступности и т.д.) местах. К примеру, месторождения лечебных грязей на грязевых вулканах Карабетовой горе и Ахтанизовской сопке, находящихся на Таманском полуострове. Эти уникальные объекты природы находятся не в благоприятном для постройки санатория месте (постоянно действующие вулканы).

На Таманском полуострове расположены такие уникальные объекты природы, как грязевые вулканы. Сопочные грязи являются редкими и ценными природными ресурсами, содержащие соединения фосфора, азота, железа, кремния, и серы, а также высокие концентрации сульфидов и минералов. Именно благодаря этим свойствам грязи эффективны при лечении таких заболеваний как: гепато-билиарной системы, жёлчного пузыря, печени и желчевыводящих путей, а также хронических воспалений периферической нервной системы. Большого внимания заслуживают таманские вулканы Ахтанизовская сопка и Карабетова гора [3].

Имеет смысл разрабатывать и вывозить целебную грязь в грязелечебницы Краснодарского края (по примеру вывоза лечебных грязей озера Солёное в грязелечебницы Анапы и Геленджика) или создать «искусственный» курорт на основе лечебных грязей Таманского полуострова в подходящем с точки зрения климатических условий, транспортной доступности и аттрактивности территории месте.

Все эти минеральные источники и грязевые озера широко используются для лечения и отдыха людей на курортах Краснодарского края. Вышеперечисленные курортные зоны обладают хорошо развитой инфраструктурой, ежегодно курортные города становятся все более благоустроенными, они финансируются из федерального бюджета, ролики, рекламирующие курорты Краснодарского края можно увидеть на главных телевизионных каналах России, число отдыхающих увеличивается с каждым годом и популярность курортов растет не только в России, но и за рубежом.

Черноморское побережье Краснодарского края обладает уникальными по своему значению бальнеологическими ресурсами. Наша земля обладает лечебными свойствами, способными излечить практически любую болезнь. Имея

такие богатства, мы должны правильно распорядиться ими, чтобы не погубить бездумно веками накопленное добро земли Краснодарского края [4].

Необходимо рассредоточить потоки отдыхающих по всему краю, путем развития уже существующих курортных зон, разработки новых месторождений лечебных грязей и минеральных источников, развития неразвитых территорий, богатых бальнеологическими ресурсами и путем постройки искусственных курортов на основе привозных бальнеологических ресурсов в более благоприятных для этого местах.

Значение развития курортов Краснодарского края трудно переоценить – оно велико: это и рабочие места, и поступления в бюджет, и благоустройство курортных городов и прилегающих к ним территорий, и бережное отношение, и охрана уникальных природных объектов, и здоровье миллионов людей.

Библиографический список

1. Тенянская М.Л. Роль санаторно-курортного и туристического комплекса в формировании макроэкономических показателей развития Краснодарского края // Управление экономическими системами. 2011. № 36.

2. Концепция развития санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края до 2030 года. Краснодар, 2017.

3. Кавказ. Атлас туриста. Главное управление геодезии и картографии при совете министров СССР. М., 1989.

4. Голубятникова Е.В., Сакаева Е.Р. Нагалецкий Э.Ю., Минеральные воды как фактор развития бальнеологических курортов в предгорных районах Краснодарского края // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития. Краснодар, 2019.

V.V. Zhirma, E.R. Sakaeva, D.G. Kochurova

THE ROLE OF BALNEOLOGICAL RESORTS OF THE BLACK SEA COAST IN THE DEVELOPMENT OF THE KRASNODAR REGION

Abstract. In the Krasnodar Region there are more than 200 mud lakes and mineral springs of the most diverse chemical composition, which have medicinal value. The purpose of our work is to study the balneological resources located on the territory of the Black Sea coast of the Krasnodar Region, as well as to determine the degree of development and use of these resources in the modern resort infrastructure of the Krasnodar Region.

Key words: balneological resort, mineral waters, therapeutic mud, resorts of the Black Sea coast.

Сведения об авторах

Жирма Валерий Валерьевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии, Кубанский государственный университет, vvzhirma@gmail.com.

Сакаева Екатерина Равильевна, преподаватель кафедры физической географии, Кубанский государственный университет, k.sakaeva@gmail.com.

Кочурова Диана Геннадьевна, магистрант направления География, лаборант кафедры физической географии, Кубанский государственный университет, kndiana01@mail.ru.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. Анализ двух показателей экономического развития российских регионов: ВРП на душу населения и доли производства высокотехнологичных отраслей – демонстрирует различную структуру их пространственного распределения: в первом случае можно говорить об условном размежевании на север и юг, а во втором – на запад и восток. Примечательно, что в обоих случаях сибирские ресурсодобывающие регионы вошли в кластер соседства: они одновременно отличаются высоким ВРП и низкой долей технологического производства.

Ключевые слова: пространственный анализ, пространственная автокорреляция, валовый региональный продукт, высокотехнологичное производство, индекс Морана.

Введение. В статье представлена часть исследования Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России «Атлас человеческого развития», посвящённого расширению применения современных методов пространственного статистического анализа при изучении факторов регионального распределения человеческого потенциала. В проекте рассматриваются политические, демографические, культурные, экологические, транспортные и другие факторы, но один из ключевых разделов посвящен экономике как сфере, определяющей не только объем ресурсов, но направления развития человеческого потенциала.

Хотя анализ проводился по десяти экономическим показателям, как на глобальном, так и на внутрироссийском уровне. В рамках данной статьи решено сравнить развитие российских регионов по двум параметрам, характеризующим экономическую сферу с разных сторон: это валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения¹² и валовая добавленная стоимость высокотехнологичных и наукоёмких отраслей¹³. Оба показателя взяты по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за базовый для всего проекта 2018 г. Хотя с указанного времени произошли значительные изменения, анализ параметров 2018 г. также представляет интерес, поскольку отражает картину регионального распределения, сложившуюся накануне глубинных глобальных трансформаций последующих лет.

Анализ показателей проводился по следующей схеме. Первым шагом становился анализ регионов с наибольшим и наименьшим значением параметра, а также сравнение медианного и среднего значения показателя. Затем

¹² ВРП в текущих основных ценах на душу населения в 2018 году. Росстат. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dusha98-18.xlsx> (дата обращения: 23.12.2020).

¹³ Доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в валовом региональном продукте. Росстат. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mac4-okved2.xlsx> (дата обращения: 23.12.2020).

анализировалась картограмма перцентилей по параметру. Однако основным методом стал анализ пространственной автокорреляции параметра, а именно, глобального и локального индекса Морана. Он позволяет выявить эффект соседства – оценить, насколько параметр кластеризуется в пространстве, то есть с какой вероятностью регион с высоким значением показателя окажется окружён регионами с высоким значением показателя, и наоборот [1]. В то время как глобальный индекс Морана демонстрирует уровень пространственной автокорреляции во всей изучаемой совокупности, в нашем случае, во всех регионах России, локальный индекс Морана позволяет выделить те региональные кластеры, для которых эффект соседства является значимым.

Следует отметить, что в последние годы растет число отечественных исследований в сфере социальных наук, включающих анализ пространственной автокорреляции. Зачастую пространственная эконометрика используется именно применительно к экономической статистике как на общероссийском [2], так и на внутрирегиональном уровне [3], поскольку именно экономическая сфера обеспечивает исследователей достаточно подробным эмпирическим материалом. Однако встречаются и исследования, использующие пространственный статистический анализ применительно к другим дисциплинам социальных наук, к примеру, в электоральной географии [4]. Учет пространственной автокорреляции в социальных науках позволяет уточнить выводы, сформулированные на основе других качественных и количественных методов, и наметить новые траектории исследований.

ВРП на душу населения. Валовой региональный продукт субъектов РФ на душу населения – это один из базовых ориентиров при оценке экономического развития регионов. Он рассчитывается как отношение ВРП в текущих ценах к среднегодовой численности постоянного населения. Показатель демонстрирует умеренную пространственную корреляцию (индекс Морана 0,324). Средний ВРП на душу населения в России почти на треть выше медианного, т.е. регионов с низким значением этого показателя значительно больше, чем с высоким.

Картограммы перцентилей и пространственной автокорреляции (рис.1) показывают, что Россию условно можно разделить на более обеспеченный север и менее обеспеченный юг. Кластер регионов с высокими значениями ВРП на душу населения на севере страны – наглядный пример того, что этот показатель может неточно отражать уровень благосостояния, ведь в северных субъектах федерации добыча дорогих полезных ископаемых сочетается с небольшим населением, неразвитой инфраструктурой и суровым климатом. На общем фоне северных регионов выделяется не специализирующаяся на добывающей промышленности Архангельская область.

На юге России можно увидеть кластер регионов с низким валовым региональным продуктом на душу населения. В этих регионах более многочисленное население сочетается с менее развитой промышленностью, что и обуславливает итоговое значение показателя.

Рис. 1. Картограмма перцентилей (слева) и картограмма пространственной автокорреляции (справа) по валовому региональному продукту субъектов РФ на душу населения, 2018 г.

Высокотехнологичное производство. Важный элемент оценки человеческого потенциала региона – выявление уровня его технологического развития. В рамках настоящего исследования предметом анализа стала доля валовой добавленной стоимости высокотехнологичных, среднетехнологичных и наукоёмких отраслей к валовой добавленной стоимости всех отраслей региона в основных ценах. Анализ показателя демонстрирует умеренную пространственную корреляцию (индекс Морана 0,303).

Картограммы перцентилей и пространственной автокорреляции (рис. 2) демонстрируют серьёзный разрыв по показателю между различными регионами, который может быть условно обозначен линией Запад-Восток: регионы с высокими показателями расположены в Центральноевропейской части России, а за Уралом значения низкие.

Значительную территорию страны занимает кластер с низкими показателями, включающий в себя регионы, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых – отрасли, не относящейся к высокотехнологичным; ряд регионов кластера слабо заселен и недостаточно экономически развит, что негативно сказывается в том числе и на развитии наукоемких отраслей.

Из кластера с высокими показателями, находящегося в центральных районах России, выделяются два региона с низкими показателями – Костромская область и Татарстан. Это следствие их экономической специализации. К традиционным отраслям для Костромской области относятся лесное и сельское хозяйство, текстильная промышленность. В экономике же Татарстана значительное место занимает нефтедобыча, что снижает значение доли высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВРП.

Рис. 2. Картограмма перцентилей (слева) и картограмма пространственной автокорреляции (справа) по доле высокотехнологичного производства, 2018 г.

Выводы. Пространственный анализ ВРП на душу населения и доли высокотехнологичных отраслей позволил выявить серьёзную неравномерность в структуре экономического пространства России. Анализ первого показателя скорее демонстрирует размежевание на условные север и юг, а второго – на запад и восток. Примечательно, что в обоих случаях выделился кластер соседства богатых ресурсами сибирских регионов, но в первом случае они вошли в кластер высоких значений, а во втором – низких. То есть данный кластер, с одной стороны, обеспечивает значительную долю валового продукта, но, с другой стороны, значительно отстаёт по развитию высокотехнологичных отраслей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки, грант №075-15-2022-327 «Пространственный анализ факторов регионального распределения человеческого потенциала в России и в мире», НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала».

Библиографический список

1. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. М, 2023.
2. Наумов И.В., Красных С.С. Исследование пространственной гетерогенности и межрегиональных взаимосвязей в процессах привлечения банковского капитала в российскую экономику // Финансы: теория и практика. 2022. 26 (6).
3. Данилова И.В., Савельева И.П., Резепин А.В. Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. 2022. 18 (1).
4. Шматкова Л.П., Доманов А.О. Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств – соседей России // Политическая наука. 2022. (4).

L.S. Zhirnova

SPATIAL ANALYSIS OF ECONOMIC DEVELOPMENT INDICATORS OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. The analysis of two indicators of the Russian regional economic development: the gross regional product and the proportion of the high-tech production shows a difference in their spatial distribution: the first indicator highlights the

cleavage between the north and the south, whereas the second shows the cleavage between the west and the east. It is noteworthy that siberian extracting regions form a neighbourhood cluster in both cases: they are characterized both by high GRP and low proportion of high-tech production.

Key words: spatial analysis, spatial autocorrelation, gross regional product, high-tech production, Moran's index.

Сведения об авторе

Жирнова Лидия Сергеевна, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ, МГИМО МИД России, l.zhirnova@inno.mgimo.ru.

УДК [332.12](045)

А.А. Кашин

АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к анализу отраслевой структуры экономики регионов. Особое внимание уделяется объёму собираемых налогов и их отраслевой привязке. Вводятся понятия «отраслевые налоги» и «налоговая отдача».

Ключевые слова: отраслевая структура, валовой региональный продукт, численность занятых, объём отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг, отраслевые налоги, налоговая отдача.

Структура экономики – один из важнейших факторов регионального развития. Она во многом определяет место в общероссийском разделении труда, уровень жизни населения и образ региона, его узнаваемые черты. Она – одна из основ формирования региональных брендов, устойчивых представлений при взгляде «извне» и места в различных иерархиях и рейтингах – официальных и неофициальных.

Существует несколько подходов к оценке отраслевой структуры. Каждый из них имеет свои особенности, но для получения полной картины необходим комплексный анализ и использование разных показателей. Проведём краткий обзор некоторых подходов.

Валовой региональный продукт и его отраслевая структура – одни из ключевых показателей [1]. На его основе рассчитываются душевые показатели ВРП, позволяющие сравнить регионы с различной численностью населения. Однако отраслевая структура валовой добавленной стоимости не детализируется и публикуется только по разделам ОКВЭД. Это не позволяет проанализировать, например, структуру обрабатывающих производств, хотя для понимания происходящих процессов и прогнозов развития региона это необходимо.

Регионы, где в обработке преобладает определённая отрасль – металлургическая, химическая, деревоперерабатывающая, лёгкая – существенно отличаются друг от друга, даже если роль обрабатывающей промышленности в целом в них одинакова. Это сужает сферу применения показателя и не позволяет раскрыть многие детали.

Структура занятости по отраслям представлена более детально [2]. Ряд разделов ОКВЭД делится на классы. Так, в структуре обрабатывающих производств выделяется 24 класса, что позволяет провести более глубокий анализ. При таком подходе структура экономики региона раскрывается более полно, а географические факторы, лежащие в основе отраслевой дифференциации, «считываются» более корректно. Ряд разделов, в основном непроизводственной сферы, на классы не разбивается. Данный подход также имеет ограничения. Например, при необходимости оценки вклада отрасли в экономику региона большее значение имеет не количество рабочих мест, а сумма налогов, уплаченных предприятиями отрасли. А объём собираемых налогов в расчёте на одно рабочее место по отраслям сильно отличается.

Объём отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг в материалах статистики даётся наиболее детально: классификатор включает 2286 позиций [3]. Очевидно, что такая дробность предоставляет широкие возможности для анализа.

Основные проблемы, связанные с использованием показателя:

1. Данные оперативной базы (ЕМИСС) и в обобщённой (в ежегоднике «Регионы России. Социально-экономические показатели» [4]) отличаются друг от друга. Вероятно, в ежегоднике даются уточнённые данные, а в оперативной базе они после публикации не уточняются;

2. По данному показателю сложно сравнивать отрасли производственной и непроизводственной сферы. Так, образование, здравоохранение, культура, государственное управление и ряд других не нацелены на извлечение прибыли. Они обеспечивают важнейшие потребности общества и имеют в основном бюджетное финансирование. Как следствие, и понятие «отгрузка», имеющее стоимостное выражение, к ним мало применимо.

Ещё один показатель – *доля налогов, собираемых в различных отраслях*, от общего объёма начисленных и уплаченных налогов [5]. На наш взгляд, данный показатель заслуживает внимания и способен раскрыть многие особенности отраслевой структуры. Если говорить об экономическом развитии регионов, то необходимо выделить «отраслевые налоги», являющиеся основой для формирования региональных бюджетов. Таковыми являются налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и налог на прибыль организаций. Весь объём НДФЛ, собранный по ставке 13 %, поступает в консолидированный бюджет региона. Что касается налога на прибыль, в бюджет региона поступает 85% его суммы.

Кроме того, к «отраслевым» можно отнести акцизы, налог на имущество организаций, налог, взимаемый в связи с применением упрощённой системы налогообложения (УСН), налог на профессиональный доход и ряд других, однако их вклад относительно невелик.

Анализ структуры собранных в региональный бюджет налогов в разрезе отраслей позволяет сделать ряд выводов и обобщений. Например, можно оценить роль малого бизнеса и физических лиц в отдельных отраслях через долю налога, взимаемого в связи с применением УСН и налога на профессиональный доход. Можно рассчитать «коэффициент налоговой отдачи» в региональный бюджет для разных отраслей, вычислив отношение доли налогов, собранных в отрасли, к доле отрасли в общей занятости (табл. 1). Если разделить общий объём отраслевых налогов, поступающий в бюджет региона, на численность занятых в отрасли, можно оценить, какой вклад в бюджет региона вносит каждое рабочее место в отрасли (табл. 2).

Таблица 1

Коэффициент налоговой отдачи по ряду отраслей
(составлено автором по данным ист. [2, 5])

Отрасль	Коэффициент налоговой отдачи
добыча полезных ископаемых	5,95
деятельность профессиональная, научная и техническая	1,94
деятельность в области информации и связи	1,77
металлургия	1,75
электронная и электротехническая промышленность	1,58
транспортное и общее машиностроение	1,55
производство готовых металлических изделий	1,44
...	...
образование	0,59
культура, спорт, досуг и развлечения	0,53
сельское и лесное хозяйство	0,50
лёгкая промышленность	0,45
гостиницы и общепит	0,33
строительство	0,29
предоставление прочих видов услуг	0,21

В качестве примера приведём некоторые данные, рассчитанные для Удмуртской Республики. Агрегирование отраслей было произведено автором, в результате анализировалось 30 отраслей производственной и непроизводственной сферы по данным на 2022 г. Ряд отраслей в обрабатывающих производствах был объединён. Так, «производство компьютеров, электронных и оптических изделий» и «производство электрического оборудования» – в «электронную и электротехническую промышленность», «производство пищевых продуктов» и «производство напитков» – в «пищевую промышленность» и т.д.

Налоговая отдача рабочего места по отраслям
(составлено автором по данным ист. [2, 5])

Отрасль	Объём отраслевых налогов, тыс. руб.	Численность занятых, чел.	Налоговая отдача на одно рабочее место, тыс. руб./чел.
добыча полезных ископаемых	5 636 155	12 638	445,97
деят. профессиональная, научная и техническая	2 797 892	19 178	145,89
деятельность в области информации и связи	1 817 695	13 642	133,24
металлургия	1 022 395	7 749	131,94
электронная и электротехническая промышленность	3 489 821	29 234	119,38
транспортное и общее машиностроение	1 594 836	13 646	116,87
производство готовых металлических изделий	4 157 397	38 424	108,20
...			
образование	2 960 853	66 245	44,70
культура, спорт, досуг и развлечения	460 797	11 471	40,17
сельское и лесное хозяйство	1 476 681	39 189	37,68
лёгкая промышленность	190 690	5 606	34,02
гостиницы и общепит	421 694	16 950	24,88
строительство	1 307 634	59 847	21,85
предоставление прочих видов услуг	197 222	12 208	16,16

Приведённые данные открывают широкое поле для анализа. В том числе, это может стать основой для принятия управленческих решений. Разумеется, возможности региональных властей по непосредственному управлению отраслевой структурой очень ограничены. Но на уровне региональных программ, прогнозирования социально-экономической ситуации, определения приоритетов развития регионов описанные подходы могут стать эффективным инструментом.

Библиографический список

1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2021 г. // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М., 2023.
2. Среднегодовая численность занятых в экономике с 2017 г. // ЕМИСС (государственная статистика). URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994>.
3. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (по хозяйственным видам деятельности) с 2017 г. // ЕМИСС (государственная статистика). URL: <https://fedstat.ru/indicator/57711>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М., 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
5. Отчет по форме 1-НОМ по состоянию на 01.01.2023, в разрезе субъектов Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11937656/.

ANALYSIS OF THE SECTORAL STRUCTURE OF THE REGIONAL ECONOMY: METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The article discusses approaches to the analysis of the sectoral structure of regional economy. Special attention is paid to the volume of collected taxes and their sectoral alignment. The concepts of "sectoral taxes" and "tax return" are introduced.

Key words: sectoral structure, gross regional product, number of employees, volume of goods shipped, performed work and rendered services, industry taxes, tax return.

Сведения об авторах

Кашин Алексей Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики, Удмуртский государственный университет, *kashin.alexey@mail.ru*.

УДК [910.3]

Ю.Ю. Ковалев, Е.А. Полуэктова

НИЗКОУГЛЕРОДНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕКТОРА ЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН¹⁴

Аннотация. В статье рассматриваются процессы низкоуглеродной трансформации энергетического сектора в России и Казахстане. Анализируются национальные особенности декарбонизации и их причины в период 1990–2022 гг. Характеризуются динамика и основные направления низкоуглеродного развития энергетики в двух странах. Дается оценка усилий стран в достижении углеродной нейтральности к 2060 г. В заключении делается вывод о политике низкоуглеродного развития России и Р. Казахстан.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, низкоуглеродная трансформация, низкоуглеродная энергетика, ВИЭ, углеродоемкость.

Глобальное изменение климата – ключевая экологическая проблема XXI в. За последние 40 лет в мире наблюдается континуальный рост годовых температур. Россия и Казахстан не являются в этом плане исключением. Наоборот, в них увеличение среднегодовых температур превышает общемировые показатели. Рост температур влечет за собой увеличение повторяемости и интенсивности засух, наводнений, ураганов и др.

¹⁴ Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ИГ РАН «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы», FMWS-2024-0008

экстремальных погодных условий. Для стран характерно нарастание числа и площади лесных пожаров, проблемы водоснабжения населения, сельского хозяйства, процессы деградации почв, территорий вечной мерзлоты, а также прогрессирующее опустынивание.

Россия и Р. Казахстан являются важными «игроками» мировой климатической политики. В 2015 г. они подписали, а позже ратифицировали Парижское соглашение. В 2020 г. Президенты стран заявили о целях достижения углеродной нейтральности к 2060 г. Для этого в России (2021 г.) и в Казахстане (2023 г.) были приняты стратегии низкоуглеродного развития [1, 2]. На конференции по климату в Дубае в ноябре-декабре 2023 г. (COP 28) Россия и Казахстан заявили о переходе к «чистым» источникам энергии и постепенном отказе от использования ископаемого топлива [3].

Центральным инструментом сокращения эмиссий парниковых газов (ПГ) и, тем самым, борьбы с глобальным изменением климата является переход национальных экономик к моделям роста с низким уровнем выбросов двуокиси углерода. Низкоуглеродная трансформация становится мировым трендом и императивом социально-экономического развития.

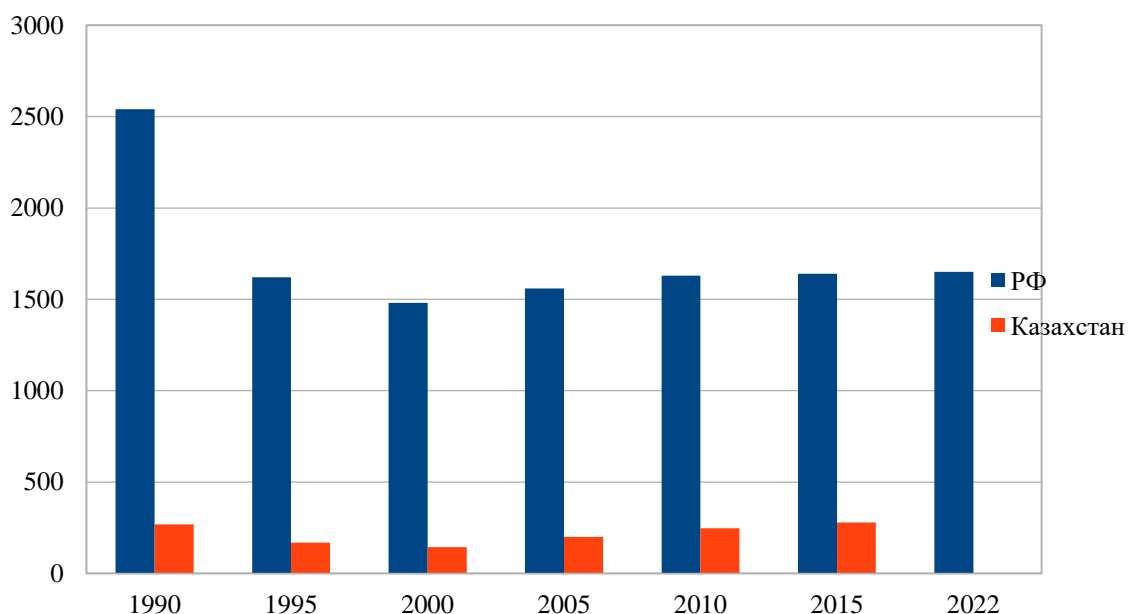

Рис. 1. Динамика эмиссий CO₂ России и Казахстана в период 1990-2022 гг. (млн т) [4]

Россия и Р. Казахстан – крупные производители антропогенных парниковых газов и прежде всего углекислого газа. Суммарно их абсолютные выбросы CO₂ составили в 2022 г. 1,9 млрд т. (или 4,7 % мировых эмиссий). По этому показателю названные государства занимали совокупно 4 место в мире, уступая лишь Китаю (11,5 млрд т) и США (5,1 млрд т) и Индии (2,6 млрд т). При этом на Россию приходилось порядка 89 % суммарных выбросов двух стран. По душевым показателям выбросов Россия и Казахстан входили в 2022 г. в число крупнейших двадцати стран мира (соответственно, 11,4 и 14 т/чел.) [4].

Деиндустриализация экономик России и Казахстана сопровождалась ее реструктуризацией в пользу сырьевых и загрязняющих окружающую среду производств. Напротив, высокотехнологичные производства сворачивались и были невостребованными. В результате этого структура выбросов парниковых газов России и Казахстана имеет существенные отличия от таковых других стран мира. Так, если по миру на энергетический комплекс приходится в среднем 33 % выбросов ПГ, то в России и Казахстане, соответственно, 79 и 82 %.¹⁵ Поэтому реформирование и обновление энергетического сектора обеих стран имеет наибольший приоритет в достижении целей углеродной нейтральности.

Низкоуглеродная трансформация энергетического сектора подразумевает увеличение доли энергоносителей с нулевыми или близкими к этому показателю выбросами CO₂ в структуре производства и потребления энергии. К низкоуглеродным источникам относят атомную, ветровую, солнечную, геотермальную, водородную, био- и пр. энергетику. Россия – один из крупных мировых производителей и потребителей низкоуглеродной энергии. В 2022 г. по уровню ее потребления (1098 тВт·ч) она занимала шестое место в мире. По сравнению с 1990 г. потребление низкоуглеродной первичной энергии выросло в стране на 32 % [5]. Казахстан производил в 2022 г. более 35 тВт·ч низкоуглеродной энергии. Его доля в мире низка и составляла 0,1%.

Таблица 1

Динамика конечного потребления низкоуглеродной энергии (ВИЭ + ядерная энергетика) в 1990-2022 г. в России и Р. Казахстан (ТВт·ч) [5]

	1990	2000	2010	2015	2022	Изменения 1990-2022 гг.	Доля в мире в потреблении НУЭ (% ТВт·ч)
Казахстан	22	22	22	25	35	+61%	0,1%
Россия	829	856	917	960	1098	+32%	3,6%

Рост низкоуглеродной энергетики неразрывно связан с возрастанием использования неуглеродных источников для производства электроэнергии. Не менее 40% глобальной электроэнергии производится сегодня на низкоуглеродной основе [6, р. 10]. Мировое производство низкоуглеродной электроэнергии выросло в мире с 2000 г. более чем в два раза (с 5379 тВт·ч до 11101 тВт·ч). Одновременно в России ее производство увеличилось в 1,5 раз (с 287 до 430 тВт ч), в Казахстане с 8 до 13 тВт·ч. Однако до сих пор доля низкоуглеродной электроэнергетики ниже, чем высокоуглеродной. В России она составляла в 2023 г. 37 %, в Казахстане – 12,4 %. В последнем 87,6 % электрического тока генерируется на ископаемых ресурсах, при этом на «грязную» угольную энергетику приходится 75 % его производства. Углеродная интенсивность казахской электроэнергии (эмиссии CO₂/1кВт·ч) одна из самых высоких в мире

¹⁵ Выбросы парниковых газов по секторам// Росстат//<https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

(653 г/1кВт·ч) и почти в два раза превышает таковую в России (371 г/1кВт·ч)¹⁶. Казахстан по этому показателю занимает 191 место в мире.

Структура производства электроэнергии из низкоуглеродных источников различна, что связано с приоритетами национальной политики развития энергетики. В России атомная энергетика - доминирующая низкоуглеродная отрасль. Она производит 19 % электроэнергии страны и 52,5 % низкоуглеродной электроэнергетики. В Казахстане она отсутствует. Вторым по значению источников низкоуглеродного электричества РИК была гидроэнергетика. В России на нее приходилось 17,3 % производимой электроэнергии (45,2 % низкоуглеродной), в Казахстане – 7,6 %. Совсем иная картина просматривается при сравнении в них новых ВИЭ – солнечной и ветровой энергетики. В России их суммарная доля не превышала в 2023 г. 0,6 %. В то же время в Казахстане их доля составляла 4,8 %, в структуре низкоуглеродной энергетики – 39 %. В стране с 2013 г. проводится решительная политика реструктуризации энергетики с целью увеличения в ней сектора ВИЭ. Как результат, установленные мощности солнечной и ветровой энергетики постоянно возрастают (по солнечной энергетике + 1194 % с 2015 г.) [5]. В России развитие данных отраслей находится в своей начальной фазе. Установленная мощность ветровых парков и солнечных батарей составляла в 2022 г. 4,04 Гвт. На них производилось 8 ТВт·ч электроэнергии [5]. Доля России в мире была на уровне 0,3 %. Однако в течение 2022 г. по данным Global Energy Review в России наблюдался высокий рост генерирования этих видов электроэнергии. Для ветровой энергии повышение составило 44 %, солнечной – 15 % [5, p. 138].

Таким образом, в России и Казахстане наблюдаются процессы низкоуглеродного перехода энергетического сектора. Доля низкоуглеродных ресурсов в производстве и потреблении первичной энергии, а также в генерировании электроэнергии возрастает. Однако темпы трансформации ниже среднемировых. Высокая зависимость России и Казахстана от ископаемого топлива становится главным барьером на пути декарбонизации экономик этих стран и, тем самым, усложняет достижение поставленных ими целей углеродной нейтральности к 2060 г. Масштабное внедрение низкоуглеродных источников в энергетические системы могло бы оказать глубокое воздействие не только на сокращение выбросов ПГ, но и стать новым драйвером экономического обновления национальных хозяйств в направлении «зеленой» экономики и улучшить экологическую ситуацию во многих «углеродных» регионах этих стран.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. М., 2021.
2. Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121>.

¹⁶ Electricity in Russia and Kazakhstan in 2023// URL: <https://lowcarbonpower.org/region>.

3. COP28 Agreement Signals “Beginning of the End” of the Fossil Fuel Era. URL: <https://unfccc.int/news/cop28-agreement-signals-beginning-of-the-end-of-the-fossil-fuel-era>.
4. Annual CO2 emissions // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/explorers/co2>.
5. Low-carbon energy consumption // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/low-carbon-energy-consumption>.
6. Global Electricity Review 2023. URL: <https://ember-climate.org/insights/research/global-electricity-review-2023/#supporting-material>.

Yu. Yu. Kovalev, E. A. Poluektova

LOW-CARBON TRANSFORMATION OF THE ENERGY SECTOR OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the processes of low-carbon transformation of the energy sector in Russia and Kazakhstan. National characteristics of decarbonization and their causes in the period 1990–2022 are analyzed. The dynamics and main directions of low-carbon energy development in the two countries are characterized. An assessment is made of countries' efforts to achieve carbon neutrality by 2060. The conclusion is drawn about the low-carbon development policies of Russia and Kazakhstan.

Key words: Russia, Kazakhstan, low-carbon transformation, low-carbon energy, renewable energy sources, carbon intensity.

Сведения об авторах

Ковалев Юрий Юрьевич, старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития, Института географии РАН, Москва, yukowaljaw@gmail.com.

Полуэктова Елена Анатольевна, учитель географии муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Кардымовская средняя школа имени Героя Советского Союза С.Н. Решетова», Смоленская область, ea-poluektova@yandex.ru.

УДК [332.14](628.4.02)

Н.А. Колдобская

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМЫ 5 ЛЕТ СПУСТЯ

Аннотация. В статье отражены основные результаты проведения реформы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в России на примере Московской области. За последние 5 лет было закрыто и рекультивировано более 20 полигонов для захоронения ТКО, построены новые комплексы по переработке отходов, в 2024 году должны быть введены в эксплуатацию заводы по

термическому обезвреживанию мусора в рамках проекта «Энергия из отходов». Однако открытым остается вопрос эффективности действующей системы управления отходами. Проведенное исследование позволило выявить как общие особенности проведения реформы, так и ключевые проблемы.

Ключевые слова: мусорная реформа, твердые коммунальные отходы, схема обращения с ТКО, размещение отходов, раздельный сбор мусора, сортировка отходов, Московская область.

С 1 января 2019 г. сфера обращения с твёрдыми коммунальными отходами функционирует в новых правовых рамках в подавляющем большинстве регионов России: субъекты Российской Федерации обязаны применять положения Закона об отходах в части порядка организации сбора, накопления, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания, хранения, захоронения твёрдых коммунальных отходов региональными операторами на территории субъекта Российской Федерации [1]. С 2017 г. в России началась мусорная реформа, официальная цель которой в улучшении системы управления твердыми коммунальными отходами (ТКО) и минимизация ущерба для окружающей среды. В каждый регион России пришёл один или несколько региональных операторов, которые являются ответственными акторами за всю цепочку, начиная с вывоза и заканчивая переработкой. Также для каждого субъекта РФ появилась территориальная схема обращения с отходами, где должна приводиться официальная региональная статистика и перечень объектов инфраструктуры, связанной с переработкой и утилизацией мусора [2].

В Москве и Московской области за последние 10 лет также произошли существенные трансформации в сфере переработки ТКО (рис. 1).

2010	2017	2023
<ul style="list-style-type: none"> • 55 полигонов в МО • Наиболее крупными полигонами были: Тимохово (110 га), Саларьево (44 га), Хметьево (26 га), Дмитровский и Левобережный. Общая площадь полигонов и свалок составляла 915 га. • Исчерпанность- 80 % • 4 мусоросжигательных завода в Москве • Более 1500 несанкционированных свалок 	<ul style="list-style-type: none"> • 34 полигона (особенно остро встала проблема после закрытия полигона Кучино в Балашихе) • 4 мусоросжигательных завода (в Москве) • Более 1700 несанкционированных свалок 	<p>Официально: В рамках федерального проекта «Чистая страна» нацпроекта «Экология» в Московской области в декабре 2020 года был закрыт последний из 39 мусорных полигонов, существовавших в регионе. Им на смену пришли 11 современных комплексов по переработке отходов (КПО). Здесь сортируется 100% всех твердых коммунальных отходов (ТКО), порядка 50% которых направляются на вторичную переработку.</p> <p>Тоже официально:</p> <p>власти «прирежут» дополнительные территории к 5 полигонам:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) полигон ТКО «Алексинского карьера» поблизости от Клина; 2) полигон ТКО «Храброво» поблизости от Можайска; 3) полигон ТКО «Воловичи» поблизости от Коломны; 4) полигон ТКО «Непейно» поблизости от Дмитрова; 5) полигон ТКО «Ядрово» поблизости от Волоколамска.

Рис. 1. Ситуация в сфере обращения с ТКО в Московском столичном регионе

В Москве уже в течение 10 лет постепенно пытаются внедрить систему раздельного сбора мусора на уровне улиц и дворовых территорий, но только в

последние 2 года ситуация улучшается: если на уровне дворовых территорий введена двухпоточная контейнерная система, на уровне мусоросортировочных комплексов «Эколайн» есть успехи. Кроме того, активно функционируют пункты сбора утильных фракций, например «Собиратор», которые потом отправляются на переработку в Московскую и соседние области (РЕТ-бутылки – на Тверской завод вторичных полимеров). Однако, несмотря на тенденции к улучшению, в настоящее время в Москве функционирует 3 мусоросжигательных завода (МСЗ СВАО мощностью 180 тыс. т в год, МСЗ ВАО мощностью 600 тыс. т в год, МСЗ № 3 мощностью 360 тысяч тонн в год), более 30 полигонов в Московской области, емкость которых сильно. Кроме того, в Московской области находятся 12 комплексов по переработке отходов (на базе старых полигонов), которые полностью не введены в эксплуатацию. Происходит процесс рекультивации старых полигонов области, а также после присоединения к Москве «новой территории» 4 полигона оказались уже не в области, а непосредственно в самой Москве. Это Саларьево (60 га), Сосенки (40 га), Малинки (8,6 га) и Ракитки (4 га). Сейчас они официально закрыты и находятся в стадии рекультивации. Также в Московской области строятся 4 завода (Свистягино, Могутово, Тимохово, Хметьево) энергоутилизации отходов, компании «РТ-Инвест», которые планируют ввести в эксплуатацию в 2024 г. (рис. 2).

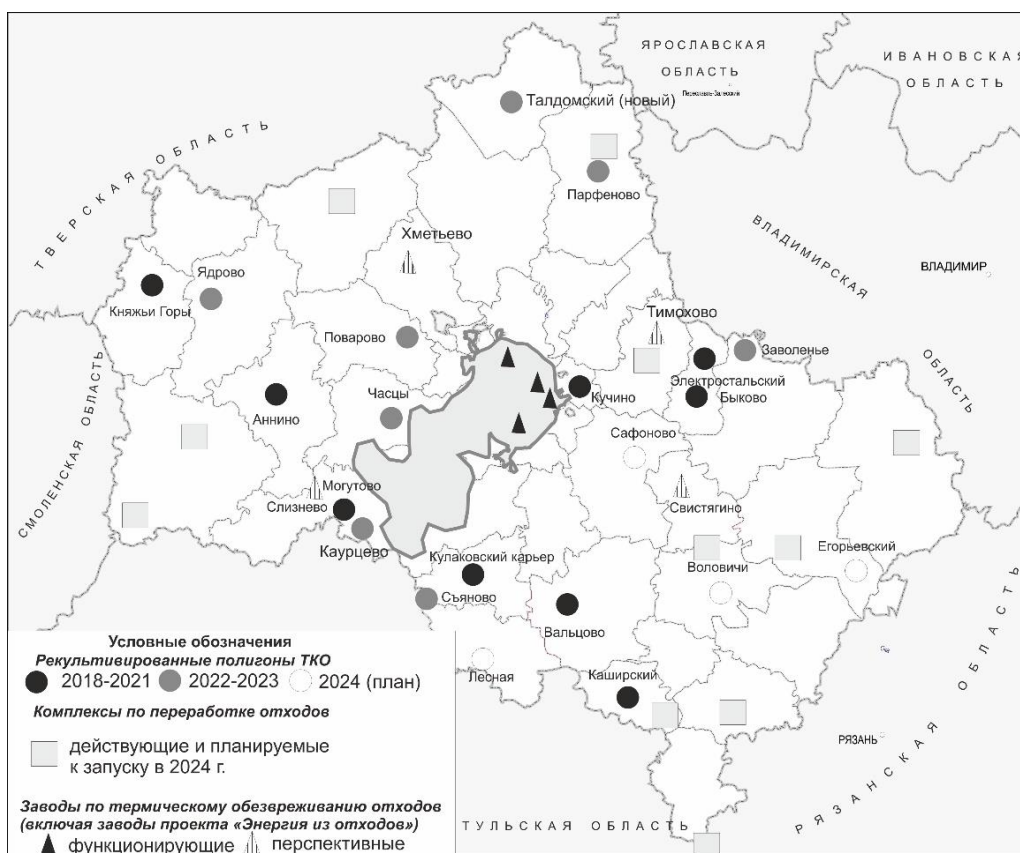

Рис. 2. Инфраструктура в сфере переработки и утилизации ТКО в Московской области

Самыми крупными мусорными полигонами после модернизации до 2030 г. станут: «Тимохово» (1500 тыс. т отходов в год), «Воскресенск», «Ногинск», «Солнечногорск» и «Наро-Фоминск» (каждый по 700 тысяч тонн отходов в год).

По 600 тыс. т в год мусора будут принимать «Ядрово», новый полигон «Сергиев Посад», ТКО «Лесная».

По 500 тыс. т в год «Храброво», «Воловичи», «Кашира».

Однако в территориальной схеме сказано, что параллельно с модернизацией существующих мусорных полигонов власти собираются построить 3 новых:

- 1) в г.о Серебряные Пруды;
- 2) в Сергиево-Посадском районе;
- 3) в г.о. Кашира [3].

Официальным проектом схемы обращения с отходами в Московской области предусмотрено, что с 2022 г. отходы, образующиеся на территории области, проходят обязательную сортировку на мусоросортировочных станциях и комплексах по переработке отходов, что позволит максимально использовать исходное сырье и материалы (доля ТКО, направленных на обработку, в общем объеме образованных ТКО должна составить 100 %). Из обработанных ТКО на последующую утилизацию ежегодно с 2024 г. будет направляться 53 % их объема, а на термическую (энергетическую) утилизацию – 32–30 %. Все это позволит снизить объем складироваемых на полигонах отходов с 97 % в 2018 г. до 44 % к 2030 г., а десять крупных мусороперерабатывающих комплексов Московской области станут частью этой системы.

Несмотря на то, что часть полигонов была закрыта – мусора от этого меньше не стало: просто выросла нагрузка на другие полигоны.

Открытие «вторых» очередей старых полигонов и увеличение их мощности:

- КПО и МСЗ-«тёмная лошадка»;
- отсутствие сегментов локального рынка, обеспечивающих устойчивый спрос на утильные фракции отходов и продукты их переработки.

Неподготовленность людей к раздельному сбору.

Экологические последствия будут зависеть от двух основных факторов: наличия или отсутствия раздельного сбора отходов и температуры термического обезвреживания [4, 5, 6].

Несмотря на то, что присоединение к Москве новых территорий во многом объяснялось решением экологических проблем, а также официальный запрет захоронения отдельных фракций ТКО, вопрос открытия новых полигонов как твердых коммунальных, так и промышленных и строительных отходов остается открытым.

Финансирование: работа выполнена в рамках НИР ГЗ МГУ кафедры экономической и социальной географии России №121051100161-9 «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья».

Библиографический список

1. Порошин О.С., Храмцов А.Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12.

2. Аракелова Г.А. Исследование проблем, влияющих на темпы реализации «мусорной реформы» в Российской Федерации // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2019. №1. URL: <https://resources.today/PDF/07ECOR119.pdf>.

3. Территориальная схема обращения с отходами в Московской области. URL: <https://rsbor-msk.ru/>.

4. Реформа системы обращения с ТКО. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurencia.pdf>.

5. Реформа системы обращения с ТКО: вопросы конкуренции // Бюллетень о развитии конкуренции. 2019. Вып. № 28. Декабрь. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurencia.pdf>.

6. Об утверждении требований к составу и содержанию территориальных схем обращения с отходами: постановление Правительства РФ от 16 марта 2016 г. № 197 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71353036>.

N.A. Koldobskaya

TRANSFORMATION OF THE MUNICIPAL SOLID WASTE MANAGEMENT SYSTEM IN THE MOSCOW REGION: RESULTS OF THE REFORM FIVE YEARS LATER

Abstract. The article reflects the main results of the reform in the field of municipal solid waste management in Russia using the example of the Moscow region. Over the past 5 years, more than 20 landfills for solid waste disposal have been closed and reclaimed, new waste processing complexes have been built, and thermal waste treatment plants should be put into operation in 2024 as part of the Energy from Waste project. However, the question of the effectiveness of the current waste management system remains open. The study made it possible to identify both general features of the reform and key problems.

Key words: garbage reform, municipal solid waste, MSW management scheme, waste disposal, separate garbage collection, waste sorting, Moscow region.

Сведения об авторе

Колдобская Наталья Андреевна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, koldobskaya@gmail.com.

УДК 338.43.02

И.В. Комов

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Развитие сельского хозяйства крайне важно в контексте обеспечения продовольственной безопасности, поддержания экономической стабильности регионов и страны в целом, а также создания рабочих мест и улучшения жизни сельского населения. Сельское хозяйство обеспечивает

продукцией питания и сырьем не только национальный рынок, но и экспорт, способствуя укреплению экономических связей и конкурентоспособности страны. В работе раскрыты основные тенденции развития сельского хозяйства Воронежской области. Обосновывается роль и значение данной отрасли в АПК региона. Приведены основные данные по инвестиционным проектам.

Ключевые слова: сельское хозяйство, тенденции, Воронежская область

В современных условиях социально-экономического и геополитического развития аграрный сектор, в том числе в России, играет значительную роль и представляет собой сложную отрасль. Некоторые региональные рынки, включая агропромышленный комплекс Воронежской области, демонстрируют быстрый рост.

Сельскохозяйственный сектор играет стратегическую роль в процессе экономического развития страны. Теоретико-методологическими вопросами изучения сельского хозяйства и в целом АПК в России и за рубежом занимается целая категория ученых [1–3] и др.

Среди ученых, занимающихся проблемами изучения сельского хозяйства и АПК на региональном уровне, отметим работы В.Г. Закшевского, Ю.В. Наролиной, В.А. Верзилина; И.В. Комова, Н.В. Яковенко, И.Ф. Хицкова и др. [4–8, 10].

Воронежская область – регион, имеющий интенсивное и развитое сельскохозяйственное производство. Основной специализацией агропромышленного комплекса региона является растениеводство, сосредоточенное на выращивании различных зерновых культур, включая озимую и яровую пшеницу, рожь, овес, ячмень, просо, гречиху, кукурузу, а также мясомолочное скотоводство, с упором на производство говядины и молока. Есть также небольшие по площади посадки овощных и плодово-ягодных культур, а также кормовых трав. Дополнительными направлениями скотоводства являются выращивание свиней, лошадей, птицы, кролиководство, пчеловодство и рыбоводство.

Общая площадь сельскохозяйственных земель в области составляет 4,2 млн га, из которых 3,8 млн га относятся к отраслевым угодьям, включая 3 млн га пашни. В структуре валового регионального продукта доля сельского хозяйства составляет 15,3 %. В отрасли занято 151,1 тыс. чел., или 14,4 % занятых в экономике региона, кроме того, более 400 тыс. семей занимается производством сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах.

Различные формы предприятий, включая компании с частной собственностью (примерно 79 %), фермерские хозяйства (более 1,3 %) и подсобные хозяйства (примерно 8 %), являются пользователями земель. Доля сельского хозяйства в общем объеме ВРП составляет 12 %, причем в этой сфере трудятся 191 тыс. чел. (что составляет 18,1 % от общего числа работающих в экономике региона) (рис. 1).

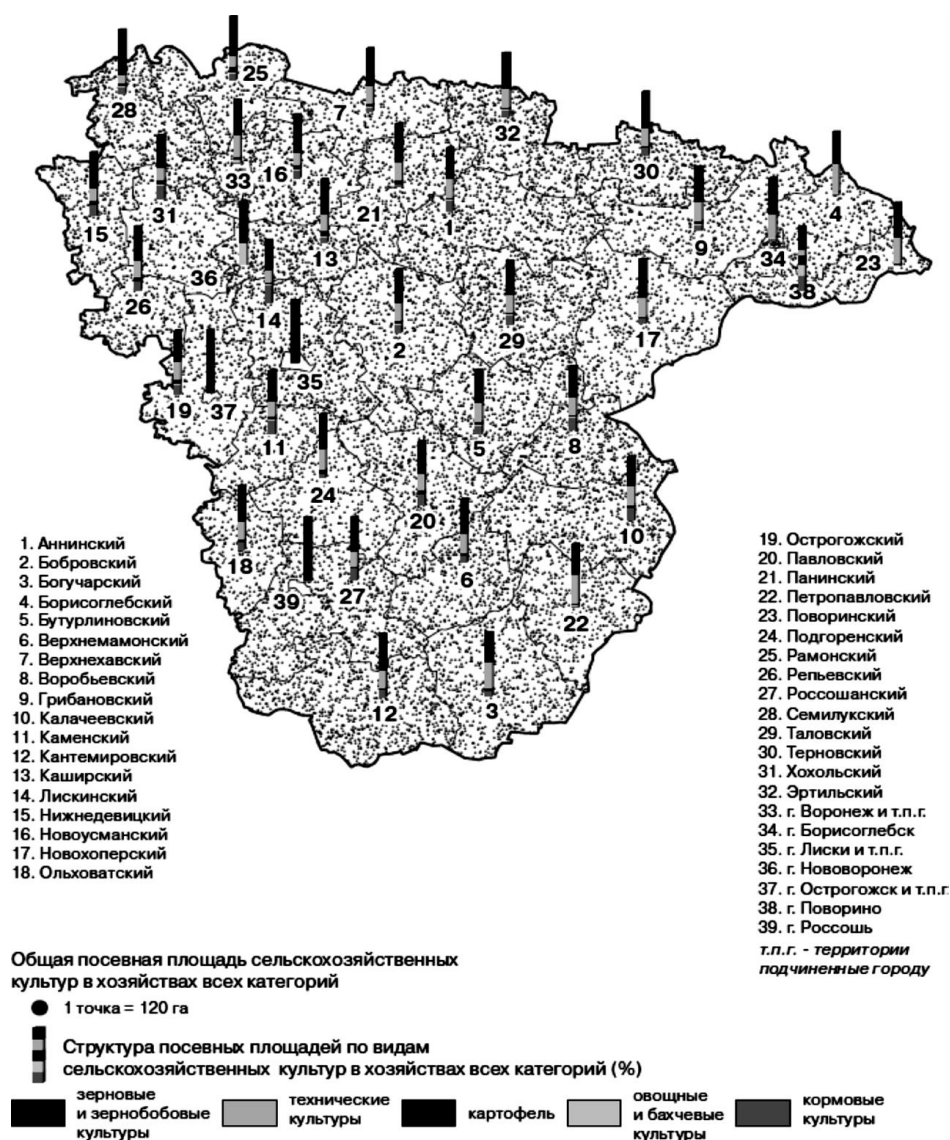

Рис. 1. Структура посевных площадей по муниципальным районам Воронежской области [5]

Воронежская область занимает одно из ведущих мест в Центральном федеральном округе России по объемам производства сельскохозяйственной продукции. В регионе онлайн представлены лидирующие позиции в производстве зерна, сахарной свеклы, подсолнечника (занимая 1-е место), молока (2-е место) и мяса скота и птицы (3-е место). В Воронежской области сосредоточено более половины общего объема производства подсолнечника, четверть производства сахарной свеклы и приблизительно 20 % зерна.

Благодаря системному и долгосрочному подходу, Воронежская область имеет все основания сохранить свое место в топ-3 регионов России и быть лидером в Центральном федеральном округе. В 2023 г. отмечается положительная динамика как в растениеводстве, так и в животноводстве. Хотя макроэкономические трудности принесли некоторые вызовы, устойчивость сельскохозяйственного комплекса региона осталась непоколебимой.

Согласно данным, которые приводит Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области [11], можно отметить следующие тенденции развития сельского хозяйства:

– произошло увеличение на 5,1 % КРС в живом весе на убой (92,2 тыс. т), увеличение на 1,4% (308,5 тыс. т свиней) и 102,2 тыс. т птицы (снижение на 0,4 %);

– получено 833,9 тыс. т молока (увеличение на 3,2 %), 875,5 млн яиц (увеличение на 22,8 %) и 78 ц шерсти в сельскохозяйственных организациях (увеличение на 85,7 %);

– урожай зерновых и зернобобовых культур (кроме кукурузы) составил 4 729,5 тыс. т (снижение на 9,2 %), а кукурузы – 52,8 тыс. т (увеличение на 11,9%);

– урожай подсолнечника достиг 467,3 тыс. т (увеличение в 3,1 раза);

– урожай сахарной свеклы – 1 687,9 тыс. т (увеличение на 19,3 %);

– урожай картофеля – 446,8 тыс. т (снижение на 6,1 %), урожай овощей – 244,7 тыс. т (снижение на 13,7 %).

К 01 октября 2023 г. в сельскохозяйственных хозяйствах всех категорий было зарегистрировано 473,0 тыс. голов крупного рогатого скота (на 2,1 % меньше, чем в аналогичном периоде 2022 г.), 2 084,9 тыс. голов свиней (рост на 7,4 %), 174,1 тыс. голов овец и коз (снижение на 1,7 %) и 12 814,8 тыс. голов птицы (снижение на 0,1%).

ООО «Большевик» и ООО «Заречное» заслуживают признания за выдающиеся результаты в растениеводстве, ООО «Экопродукт» за успешное производство молока, а Чесменский конный завод, основанный еще в 1844 г., играет важную роль в области коневодства в регионе.

В агропромышленном комплексе Воронежской области продвигается реализация пяти крупных инвестиционных проектов. В 2023 г. стартовали еще пять проектов, общий объем инвестиций составил 38 млрд руб., что предполагает создание 1,7 тыс. рабочих мест, включая высокооплачиваемые. Это значительное достижение, которое не только способствует развитию региональной экономики, но также предполагает улучшение занятости и повышение жизненного уровня жителей Воронежской области. Создание новых рабочих мест в сельском хозяйстве поможет поддержать социальную стабильность и способствует укреплению экономической базы региона.

Инвестиционные проекты часто сопровождаются социальными инициативами. Например, свиноводческая группа «Агроэко» не только запустила один из крупнейших мясоперерабатывающих комбинатов в Павловском районе (где трудится 1,4 тыс. чел.), но также строит социальное жилье для своих сотрудников и планирует возведение дополнительных домов и общежитий.

Региональные власти, в свою очередь, активно привлекают инвестиции на строительство социальной и инженерной инфраструктуры в селах посредством областных инвестиционных программ и государственных программ развития сельских территорий.

Заключение. АПК Воронежской области, и, в частности, сельское хозяйство, обладает высоким потенциалом, поскольку регион занимает лидирующие позиции в России по производству сельскохозяйственной и

пищевой продукции. Последние достижения позволили создать солидную основу, которая даже немного замедляет темпы дальнейшего роста, включая аграрный экспорт. Однако, все это временно. Скоро появятся новые цели, которые необходимо будет достичь, особенно в области обеспечения продовольственной безопасности населения страны и региона. Для этого имеются все необходимые средства и возможности.

Библиографический список

1. Agrarian policy of the region in terms of economic development innovation / A.V. Gridchina, L.L. Orekhova, S.V. Lyubimtseva [et al.] // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6, №. S8.
2. Salamon P., Chantreuil F., Donnellan T., Erjavec E., Esposti R. [et al.] How to deal with the challenges of linking a large number of individual national models: the case of the AGMEMOD Partnership // Agrarwirtschaft. 2008. Vol. 57(8).
3. Ушачев И.Г. Совершенствование экономического механизма в агропромышленном комплексе // Экономика сельского хозяйства России. 2013. № 12.
4. Закшевский В.Г. Наролина Ю.В., Верзилин В.А. Инвестиционная привлекательность агропромышленного комплекса региона. Воронеж. 2007.
5. Комов, И.В. Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8, № 1(32).
6. На пути к инновационному развитию АПК: программы, опыт, научное обеспечение. Воронеж. 2010.
7. Топсахалова Ф.М.-Г., Лепшокова Р.Р., Койчуева Д.А. Современное состояние и оценка эффективности использования инвестиционных ресурсов в аграрном секторе. М., 2009.
8. Комов И.В., Яковенко Н.В. «Кластер» как сложная организационно-экономическая система: подходы к дефиниции понятия // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2016. № 1.
9. Хицков И.Ф., Макин Г.И., Федоров Г.Ф. Экономика АПК субъектов Российской Федерации Центрально-Черноземного региона. Воронеж, 2006.
10. Воронежский статистический ежегодник, 2023. Воронеж, 2023.

I.V. Komov

MODERN TRENDS IN AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE VORONEZH REGION

Abstract. The development of agriculture is extremely important in the context of ensuring food security, maintaining economic stability of the regions and the country as a whole, as well as creating jobs and improving the lives of the rural population. Agriculture provides food products and raw materials not only for the national market, but also to export, contributing to the strengthening of economic ties and the country's competitiveness. The main trends in the development of agriculture in the Voronezh region have been revealed. The role and importance of this industry in the agro-industrial complex of the region have been substantiated. The basic data on investment projects have been presented.

Key words: agriculture, trends, Voronezh Region.

Сведения об авторе

Комов Игорь Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, igrkom@bk.ru.

УДК 332.1

Г.Б. Коровин

ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ¹⁷

Аннотация. Статья посвящена выявлению пространственных особенностей процессов цифровой трансформации экономики. В качестве информационной основы использованы данные Росстата по использованию отдельных цифровых технологий организациями в федеральных округах РФ. Исследование показало лидерство наиболее экономически развитых регионов РФ, формирование территорий опережающего развития в области наиболее современных цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, регионы, экономика, цифровое развитие

В экономике мира развиваются процессы, проявляющиеся во внедрении цифровых технологий, средств обмена данными, создающих новую технологическую среду. Цифровые технологии призваны повысить эффективность экономики, ускорить коммуникационные процессы, повысить обоснованность принимаемых решений в области управления производством, персоналом, взаимодействием с потребителями, партнерами и государственными структурами [1], поддерживая процессы управления ресурсами, сотрудниками, информационными связями и т.д. [2] Отставание процессов цифровизации повышает риски снижения эффективности, потери рынков, выпадения экономики территорий из цепочек создания стоимости и из общего экономического пространства, появления социально-экономических проблем, долговременного отставания [3]. Недостаточно изученным в современных условиях мы считаем территориальный аспект – исследование уровня цифровизации отдельных территорий, поиск регионов, в экономике которые наиболее масштабно внедряют и используют цифровые технологии. Цель настоящего исследования – выяснить состояние и пространственные особенности цифровизации по спектру цифровых технологий, в том числе, наиболее современных: цифровых платформ, искусственного интеллекта, цифровых двойников, Интернета вещей. Статья продолжает исследования автора, посвященные цифровизации территорий [4].

¹⁷ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН Институт экономики УрО РАН.

Ряд исследований посвящен и пространственным аспектам цифровизации – цифровизации отдельных индустриальных регионов [5], проведены комплексные исследования цифровизации на основе территориальных статистических данных [6]. Существующие исследования затрат на ИКТ в регионах РФ показывает их неустойчивую динамику, зависящую, в том числе, от специализации региона [7]. Наблюдается и зависимость структуры затрат региона на ИКТ от пространственного потенциала [8].

Наш подход основан на выборе индикаторов, характеризующих долю организаций, использующих отдельные виды цифровых технологий, информацию о которых предоставляют органы статистики РФ¹⁸. При выборе показателей мы выбираем наиболее сложные цифровые технологии, связанные с интеграцией данных, искусственным интеллектом. В качестве территориальных объектов в статье мы используем федеральные округа РФ.

Весь комплекс информационных технологий был разделен на 2 группы: цифровые технологии, которые, скорее можно отнести к производственным технологиям и цифровые технологии, которые, скорее можно отнести к коммуникационным технологиям. Здесь мы не принимаем в рассмотрение технологии, характеризующие первичную информатизацию, например, долю предприятий, использующих компьютеры, серверы, локальные сети. Наши исследования показывают, что эти показатели, и в регионах, и в РФ в целом достигли уровня в 80-85% и далее не растут. Можно сделать вывод о проявившемся эффекте насыщения традиционными информационными технологиями.

К первой группе относятся современные цифровые технологии, по многим из которых статистика начала собираться только с 2020 г. Эти технологии в комплексе позволяют говорить о цифровой трансформации производственной сферы предприятий и организаций, о их переходе на новую технологическую основу. Рост применения технологий искусственного интеллекта, интернета вещей, цифровых двойников, промышленных роботов могут говорить о попытках построения киберфизических систем на предприятиях. Следует заметить, что доля компаний, использующих отдельные из описываемых технологий в целом невелика, однако мы можем наблюдать существенное расхождение значения этого показателя по федеральным округам (рис. 1). По масштабу использования большинства технологий выделяется Сибирский федеральный округ, где почти вдвое чаще чем в среднем по РФ в экономике используется искусственный интеллект и цифровые двойники. Также, среди лидеров Северо-Западный и Уральский федеральный округа. С другой стороны, относительно слабо выглядят Южный и Дальневосточный округа. Значительный разброс по показателям использования наблюдается в отдельных технологиях, которые мы можем определить как наиболее современные и не освоенные широко. Например, по технологиям искусственного интеллекта показатель для

¹⁸ Сайт Росстата РФ. Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг (итоги статнаблюдения по ф. № 3-информ)/ URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>.

разных округов может отличаться в 3 раза, по Интернету вещей – в 2 раза, по цифровым двойникам – более чем в 10 раз, промышленным роботам – в 4 раза. С одной стороны, расхождения можно объяснить структурными различиями в экономике, с другой стороны, можно говорить о заметной концентрации наиболее современных технологий на отдельных высокоразвитых территориях.

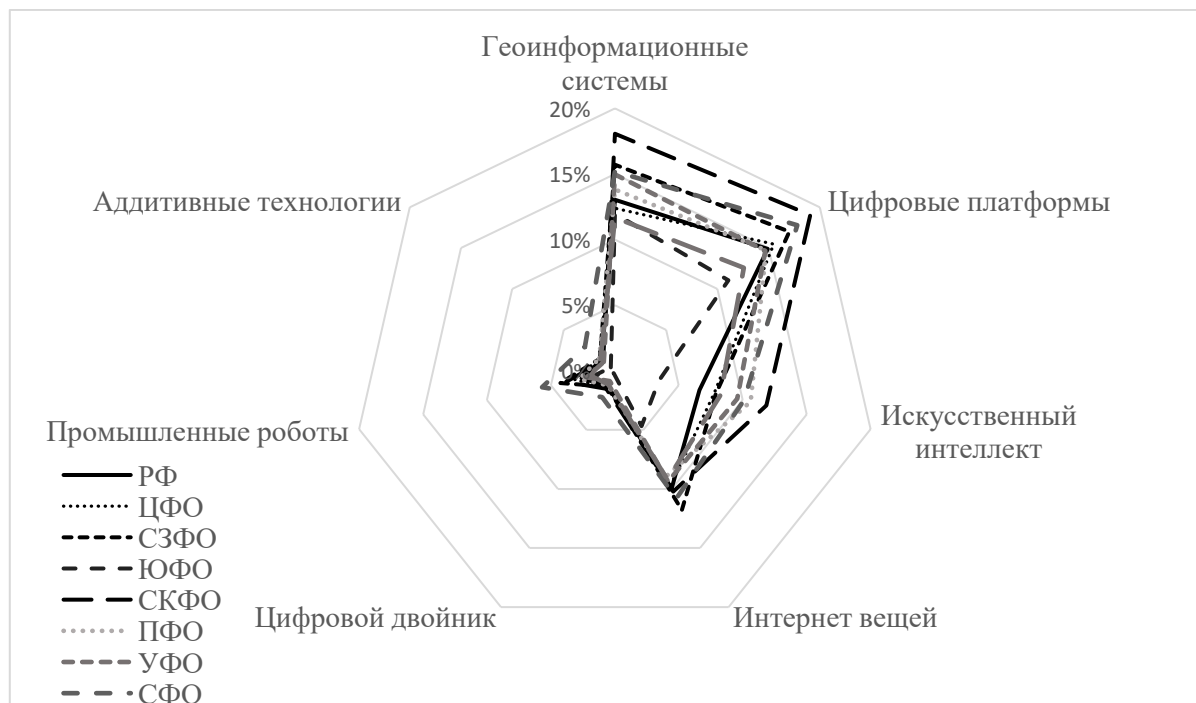

Рис. 1. Доля организаций, использующих цифровые технологии производственного характера, %, 2022 г.

Вторая группа технологий не является новой для предприятий, однако именно эти технологии являются необходимыми для цифровизации экономики – они обеспечивают связность предприятий и систем управления, позволяют собирать и обрабатывать большой объем данных, обеспечивать автоматизированный информационный обмен, развивать цифровые модели в экономике. Если оценивать исследуемые нами территории, то с положительной стороны можно выделить Северо-Западный, Сибирский и Уральский федеральные округа. Южный и Дальневосточный округа выглядят заметно слабее среднероссийского уровня (рис. 2). Особенно это касается использования облачных сервисов и цифровых платформ, где показатели разных территорий могут отличаться на 10 п.п., что в относительном выражении может составлять 30–50 %. Здесь, также, можно говорить о неравномерностях в территориальном уровне использования наиболее современных цифровых технологий. По остальным технологиям этой группы разница между показателями рассматриваемых территорий как правило не превышает 10 п. п.

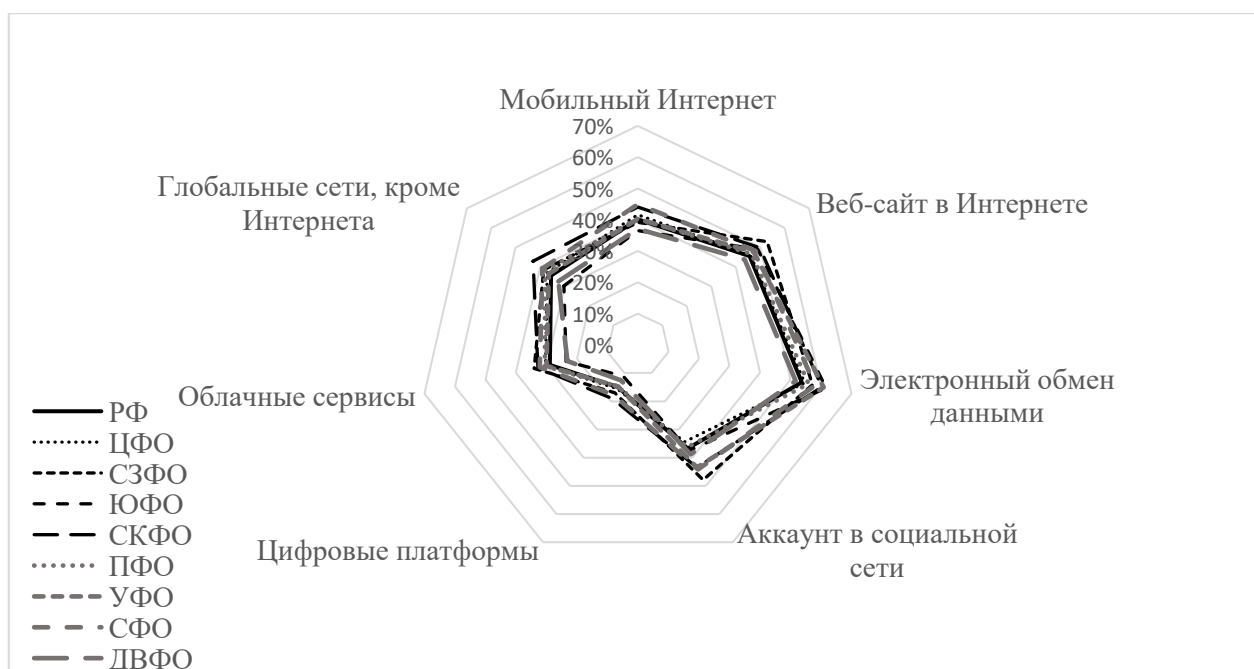

Рис. 2. Доля организаций, использующих цифровые технологии коммуникационного характера, %, 2022 г.

В целом стоит отметить, что общий уровень использования интернета практически во всех регионах составляет около 80%, обеспечивая информационную связанность и включенность регионов в общероссийское и глобальное экономическое пространство.

В качестве вывода можно говорить о выявленной значительной неравномерности протекания процессов цифровизации экономики на уровне регионов РФ. Выявлено, что при оценке федеральных округов по уровню цифровизации лидерами выступают экономически развитые территории России. При этом, значительная разница в показателях использования цифровых технологий наблюдается, и по средствам цифровизации производственного, и коммуникационного характера. Особенное отставание наблюдается в наиболее современных технологических направлениях, что может быть объяснено не только структурными различиями в экономике, но и значительной концентрацией наиболее современных цифровых технологий на отдельных, готовых к цифровой трансформации территориях.

Библиографический список

1. Chanas S., Myers M.D., Hess T. Digital transformation strategy making in pre-digital organizations: The case of a financial services provider // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28, № 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2018.11.003>
2. Matarazzo M., Penco L., Profumo G., Quaglia R. Digital transformation and customer value creation in Made in Italy SMEs: A dynamic capabilities perspective // Journal of Business Research. 2021. 123. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.10.033>.
3. Akberdina V.V. Efficiency of digital transition in industry: Russian experience // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. №1.
4. Коровин Г.Б. Сравнительная оценка цифровизации промышленных регионов РФ // Экономика региона (Economy of Region). 2023. Т. 19. № 1.

5. Угольников О.Д., Воротков П.А., Ризов А.Д. Цифровизация российской промышленности (на примере Уральского региона) // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 3 (57).

6. Наумов И.В., Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В. Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 3.

7. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Семиков Д.С. Информационные и коммуникационные технологии как фактор развития цифровой экономики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 4 (48).

8. Арженовский С.В., Сунтура Л. Экономико-статистический анализ структуры региональных затрат на информационные и коммуникационные технологии // Экономический анализ: теория и практика. 2014. №28.

G. B. Korovin

DIGITAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. The article is devoted to the spatial features identification of the economy digital transformation processes. Federal State Statistics Service data on the use of certain digital technologies by organizations in the Russian Federation federal districts are used as an information basis. The study showed the leadership of the most economically developed regions of the Russian Federation, the formation of territories of advanced development in the field of the most modern digital technologies.

Keywords: digitalization, regions, economy, digital development

Сведения об авторах

Коровин Григорий Борисович, кандидат экономических наук, руководитель сектора экономических проблем отраслевых рынков, Институт экономики Уральского отделения РАН, korovin.gb@uiec.ru.

УДК 334.72

Н.А. Кравченко, А.Т. Юсупова

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ НАУЧНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Обсуждаются особенности формирования инновационных экосистем в контексте проблемы взаимодействия науки и бизнеса. Представлена схема позиционирования регионов в координатах научного и технологического потенциалов, которые отражают способности к созданию знания и инновации и восприимчивость региональной экономики к использованию и коммерциализации научных разработок. Предложенный подход применен для анализа состояния регионов СФО.

Ключевые слова: научный потенциал, технологический потенциал, позиционирование региона, перспективы развития региональной экономики

Взаимодействие науки, образования и бизнеса лежит в основе инновационного и технологического развития страны и региона, сбалансированность которого является важным условием социально экономического развития, как на национальном, так и на региональном уровне. На пути этого взаимодействия существуют многочисленные барьеры, связанные как с фундаментальными различиями между этими сферами человеческой деятельности: целями, мотивацией, оценкой результатов, так и с формами организации, механизмами управления, инструментами стимулирования.

Успешные модели кооперации науки и бизнеса способствуют широкому внедрению высоких технологий, реализации возможностей всех участников взаимодействия, устойчивому росту региональной экономики. Многие исследователи и эксперты анализируют пути трансформации научного потенциала в коммерциализированные продукты, факторы, определяющие формирование технологического лидерства [1, 2]. Балланд и Бошма [3] на примере 285 регионов Европы проводят сопоставление исследовательского и технологического потенциала территории и предлагают на этой основе группировку регионов, выделяя сильных лидеров, технологических лидеров, исследовательских лидеров и последователей. В качестве индикатора научного потенциала используется число публикаций на душу населения, технологического – число патентов на душу населения. Авторы выбрали 18 областей знаний, для каждой из которых сопоставили исследовательскую и технологическую активность. Большинство регионов Европы вошли в группу последователей, при этом было доказано, что научный потенциал в определенной области в значительной степени определяет направление технологического развития территории.

В рамках нашего исследования мы применили данный подход для анализа текущего состояния и потенциала роста российских регионов и предложили их группировку.

Цель исследования – предложить типологию регионов, основанную на сочетании характеристик их научного и технологического потенциала, которая позволяет оценить возможности развития для каждой из выделенных групп.

На рисунке 1 показаны возможные сочетания выбранных характеристик. Наибольший интерес представляет группа устойчивых лидеров, можно предполагать, что в них реализуются успешные модели взаимодействия науки и бизнеса, способствующие продвижению и коммерциализации научных разработок.

Регионы, входящие в нижний левый сегмент матрицы, являются проблемными, их экономический рост требует разработки специальных программ поддержки. Два других блока схемы включают территории, для которых характерно «несбалансированное» развитие, наличие высокого

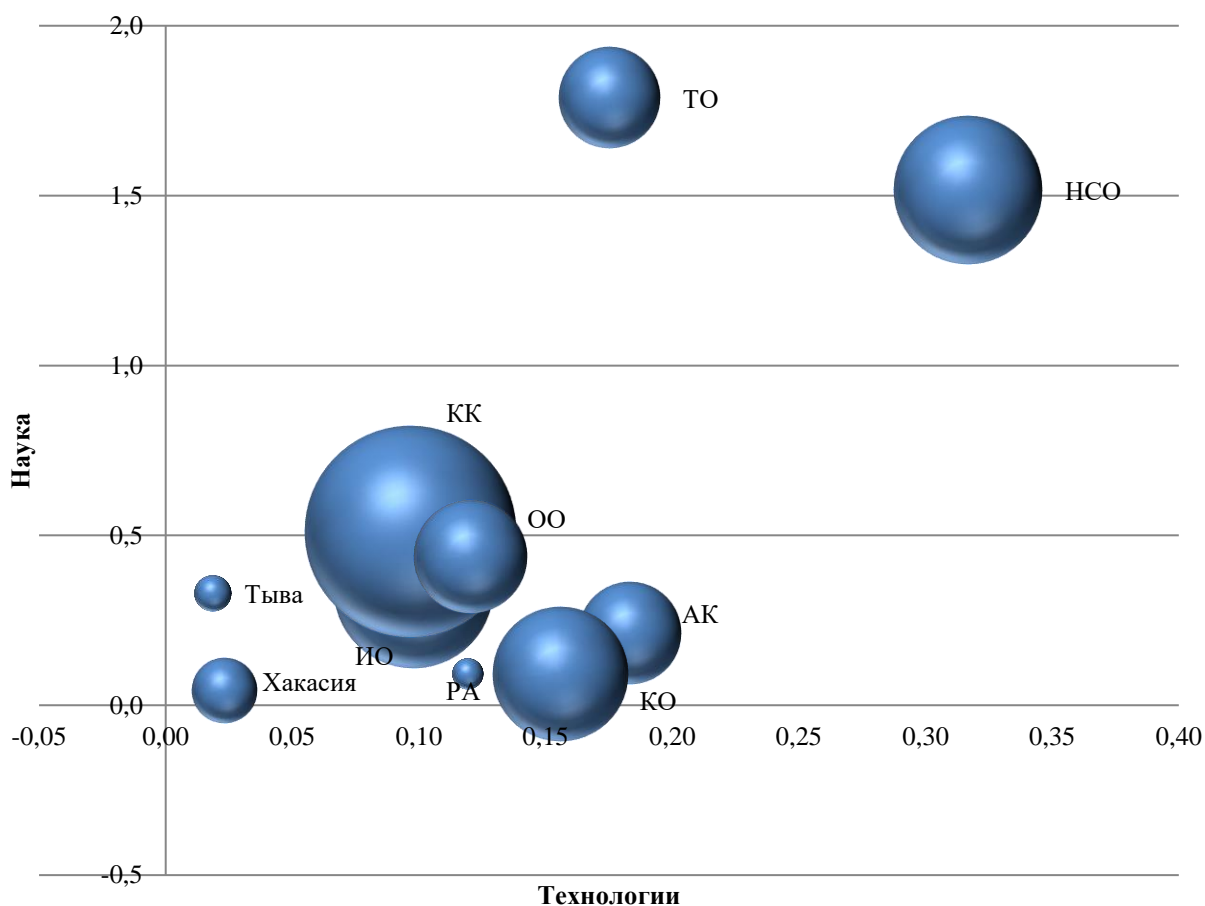
исследовательского потенциала, неподкрепленное высокотехнологичной базой, либо присутствие только продвинутых производственных предприятий.

«Научный потенциал»	Высокий	Регионы, имеющие высокий потенциал, реализуемый в развитии технологий	Регионы, устойчивые лидеры, в которых научный потенциал реализуется в высокие технологии, обеспечивает высокий уровень развития экономики
	Низкий	Регионы, замыкающие рейтинги	Регионы, имеющие развитый высокотехнологичный сектор, не опирающийся на научный потенциал
		Низкий	Высокий
	«Технологический потенциал»		

Рис. 1. Типология регионов в соответствии с индикаторами потенциала научного и технологического развития

На рис. 2 показано позиционирование регионов СФО в предлагаемой системе координат. В качестве индикаторов научного потенциала использовалась доля численности занятых в исследованиях и разработках в общей численности занятых в регионе. Для оценки технологического развития использовалось отношение выручки компаний высокотехнологичного сектора в регионе к валовому региональному продукту. Выручка высокотехнологичных компаний рассчитывалась по базе данных Спарк Интерфакс. Для их идентификации использован перечень отраслей, предложенный в Методике Росстата, из которого были исключены деятельность в области образования и здравоохранения, а также финансовое посредничество и страхование. Расчеты проводились по данным 2019 г. Размер круга на рисунке определяется величиной ВРП.

Наиболее широким спектром сбалансированных возможностей научного и технологического развития располагают регионы- лидеры, это Томская и Новосибирская области, обладающие самым продвинутым сектором науки и образования, диверсифицированной сложной экономикой и эффективной инновационной и технологической инфраструктурой. Можно предполагать, что в них реализуются успешные модели взаимодействия науки и бизнеса, способствующие созданию, продвижению и коммерциализации научных разработок. Масштаб экономики НСО значительно больше, ее ВРП в 2,2 превышает ВРП второго лидера. В Томской области значимую долю экономики (17,8 % ВРП) занимает добывающая промышленность, которая непосредственно не формирует технологический потенциал, однако присутствие на территории лучших университетов (здесь отмечена самая высокая в СФО доля численности занятых в исследованиях и разработках) и активность высокотехнологичных компаний, подкрепленные развитой инновационной инфраструктурой, определяет ее вхождение в группу лидеров.

Обозначения регионов:
НСО – Новосибирская область;
ТО – Томская область;
KK – Красноярский край;
ОО – Омская область;
АК – Алтайский край;
РА – Республика Алтай;
ИО – Иркутская область;
КО – Кемеровская область.

Рис. 2 Позиционирование регионов СФО в системе
Технологический потенциал – Научный потенциал

В Алтайском крае и Кемеровской области наблюдается определенный дисбаланс научного и технологического развития в пользу последнего. Это связано не только с меньшей по сравнению с лидерами величиной научного и образовательного сектора, но и со структурой экономики, в которой преобладают невысокотехнологичные сектора. В Алтайском крае относительно высока доля сельского хозяйства (13 %), в Кемеровской области – добывающих отраслей (19 %).

Иркутская область и Красноярский край отличаются более низким, чем у лидеров, и менее сбалансированным потенциалом научного и технологического развития, но они обладают неоспоримыми преимуществами, которые могут быть реализованы в текущих условиях. Так, в Красноярском крае, регионе с самой крупной в округе экономикой и высоким уровнем развития науки и образования

(3 место в СФО) есть значимый промышленный сектор, представленный нефтедобычей, цветной металлургией и электроэнергетикой, соответственно, доля высокотехнологичного сектора мала. В Иркутской области, имеющей второй по величине ВРП в СФО, доля добывающих отраслей составляет (25,4 %).

Омская область позиционируется близко к Красноярскому краю и Иркутской области, но размер ее экономики значительно меньше, хотя она имеет наиболее сложную в СФО структуру и высокий уровень развития машиностроения.

Республики Хакасия, Тыва, Алтай имеют невысокий инновационный и технологический потенциал, являются проблемными, их экономический рост требует разработки специальных программ поддержки, для них особенно важны возможности кооперации с крупными регионами – соседями. При этом в республике Алтай есть высокотехнологичные производства. Эти регионы характеризуются небольшой величиной экономики, в структуре которой преобладают секторы, финансируемые за счет государственного бюджета. Для таких регионов перспективы развития могут быть связаны не столько с научным и технологическим направлениями, сколько с формированием креативных индустрий, использованием возможностей богатства и красоты природных ландшафтов и культурного наследия.

Высокий уровень дифференциации сибирских регионов, подтвержденный представленным их позиционированием, формирует не только барьеры, но и перспективы развития. Разнообразие ресурсов, возможностей и способностей может способствовать росту экономики региона за счет создания интеграционных связей и появления эффектов синергии.

Библиографический список

1. Budden Ph., Murray F., Turskaya A. A systematic MIT approach for assessing ‘innovation-driven entrepreneurship’ in ecosystems. Massachusetts, 2019.
2. Kravchenko N.A., Yusupova A.T., Kuznetsova S.A. (2019) Research and Business Cooperation: International Practice and Siberian Experience // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences = Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2019. Vol. 12, № 4.
3. Balland P.A., Boschma R. Do scientific capabilities in specific domains matter for technological diversification in European regions? / Research Policy 51, 104594. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104594>. 2022.

N. Kravchenko, A. Yusupova

BALANCE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The features of the formation of innovation ecosystems are discussed in the context of the problem of interaction between science and business. A scheme for positioning regions in the coordinates of scientific and technological potentials, which reflect the ability to create knowledge and innovation and the receptivity of the

regional economy to the use and commercialization of scientific developments, is presented. The proposed approach was applied to analyze the state of the regions of the Siberian Federal District.

Key words: scientific potential, technological potential, positioning of the region, prospects for the development of the regional economy

Сведения об авторах

Кравченко Наталия Александровна, доктор экономических наук., заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета, natakavchenko20@mail.ru.

Юсупова Альмира Талгатовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; профессор, Новосибирского государственного университета, yusupova_a@mail.ru.

УДК 338.47

М.А. Макушин

ЛОГИСТИКА РИТЕЙЛЕРОВ В РОССИИ: НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция спроса ритейлеров на складскую недвижимость в России и сдвиг в его географии в соответствии с изменением логистических систем вследствие трансформации моделей потребления. Отмечаются различия в трендах развития складских сетей онлайн-операторов и многоканальных ритейлеров, в том числе в их географии. Отдельно определены приоритетные регионы для развития логистики ритейлеров и проблемы, связанные с ростом потребностей в складской недвижимости в регионах.

Ключевые слова: логистическая инфраструктура, складская недвижимость, городская агломерация, ритейл, онлайн-операторы.

В современных социально-экономических реалиях логистический сектор остается одним из важнейших секторов российской экономики, обеспечивающих поставки товаров в усложнившихся и постоянно меняющихся условиях [1]. При этом факторы размещения складской недвижимости трансформируются как эволюционно (в связи со сменой моделей потребления и, как следствие, драйверов рынка и корпоративных стратегий развития складских сетей), так и в связи с шоковыми ситуациями в экономике (COVID-19, геополитический кризис). Лидерами спроса на логистическую инфраструктуру в России в течение длительного периода оставались ритейлеры: изначально это были розничные ритейлеры (теперь – многоканальные ритейлеры, использующие как традиционные розничные, так и онлайн-каналы продаж), однако на современном этапе к ним добавляются онлайн-операторы, развивающие e-commerce сегмент [2; 3]. Текущая ситуация на рынке складской недвижимости (минимальная вакансия, рекордные ставки аренды, растущая

стоимость строительства и нехватка трудовых ресурсов) меняет роль факторов размещения. Цель исследования: определить корпоративные стратегии и факторы пространственного развития складских сетей ритейлеров в России.

По мере стремительного проникновения интернета в мире насчитывается уже более 5 млрд пользователей сети, и число людей, совершающих покупки онлайн, постоянно растет [4]. По оценкам Statista, в 2022 году онлайн-продажи по всему миру превысили 5,7 трлн долларов США, а темпы роста развития онлайн-ритейла после пандемии в мире практически не снизились, в ближайшие годы показатель продолжит рост.

На фоне усиления проникновения онлайн-шоппинга (за счет экономии и ускорения процессов в ритейле) в жизнь россиян, а также повышенной склонности к сбережению, на рынке наблюдается рост количества заказов при значительном снижении среднего чека на 16 % по сравнению с 2021 г. Эта тенденция несет в себе ряд значимых трансформаций, оказывающих влияние на сегмент:

1. Обработка большего числа заказов требует дополнительных ресурсов как финансовых, так и логистических, трудовых.

2. Количество возвратов растет, что также требует дополнительных ресурсов для управления этим процессом.

3. Рост количества заказов способствует снижению популярности курьерской доставки как способа получения товара в пользу самовывоза из ПВЗ, постаматов или розничных магазинов.

В 2023 г. открылись для маркетплейсов новые возможности в направлении развития складских сетей на фоне адаптации к социально-экономической ситуации в стране и дальнейшего роста объемов онлайн-продаж. В ближайшие годы ожидаются рекордные объемы спроса на складские мощности со стороны крупнейших игроков рынка и усиление внимания к региональным рынкам и рынкам стран СНГ.

Спрос на складскую недвижимость со стороны онлайн-ритейла в России с 2020 г. непрерывно превышает запросы исторического лидера – многоканального ритейла. Это связано в том числе с высокой степенью насыщения ритейлеров складскими площадями в столице и большим вниманием к другим регионам России. Так, по итогам 2022 г. спрос в регионах со стороны многоканального ритейла впервые превысил спрос в Московском регионе. В 2021 г. онлайн-операторы впервые купили и арендовали больше складских площадей в регионах, чем в Москве. В 2022 г. наращивание складских площадей замедлилось: в связи с геополитической нестабильностью их внимание сконцентрировалось на расширении в столичном регионе. В 2023 г. мы наблюдали усиление внимания к другим регионам России, в которых до этого спрос на складскую недвижимость был минимален.

Тренды в развитии онлайн-операторов и многоканальных ритейлеров отличаются. Так, для онлайн-операторов характерны следующие тренды:

1. Экспансия на новых перспективных региональных рынках России при сохранении внимания к столичным регионам (Московскому и Санкт-Петербургскому).

2. Освоение рынка стран СНГ, наращивание складских мощностей в приграничье (повышенный спрос на границе с Казахстаном, Китаем, странами Закавказья).

3. Усложнение логистики: больше внимания к ускорению доставки и работе с возвратами.

Развитие логистической инфраструктуры многоканальных ритейлеров идет с учетом следующих трендов:

1. Фокус на развитии онлайн-продаж и экспресс-доставки в ключевых регионах присутствия за счет складов небольшого формата (до 5000 м²).

2. Ключевой спрос на складские площади – со стороны дискаунтеров (за счет снижения реальных доходов и покупательной способности населения).

3. Выход федеральных ритейлеров на новые рынки – в Сибирь и на Дальний Восток (в том числе за счет приобретения локальных продуктовых сетей).

Рост спроса на онлайн-покупки, увеличение объемов поставок в регионы и необходимость сокращения сроков доставки поспособствовали развитию полицентричной логистики ритейла. Из столичного региона ритейлеры двинулись в Санкт-Петербург и в ключевые городские агломерации (Екатеринбург, Новосибирск, Краснодар, Казань, Ростов-на-Дону, Самара).

Регионы размещения логистической инфраструктуры операторы выбирают по платежеспособности и объему рынка: сначала развивают логистику в крупнейших городах и городских агломерациях (более 1,5 млн чел.), затем в других городах-миллионниках. Сейчас крупнейшие маркетплейсы двигаются в сторону городов с населением 250–500+ тыс. чел., в которых строятся складские объекты на 20–30 тыс. м².

При этом ритейлеры сталкиваются с определенными проблемами развития в регионах:

1. Фокус развития складской недвижимости сейчас на регионах, которые в текущих условиях обеспечивают логистику импортных товаров, однако не имеют инфраструктуры для обслуживания растущего потока [5].

Это регионы на границе с Казахстаном (Омская, Оренбургская, Саратовская области), Китаем (Хабаровский, Приморский края, Амурская область), и на пересечении потоков с международного коридора «Север – Юг» (Дагестан, Волгоградская область).

2. Тотальный дефицит крупных складских блоков вынуждает компании подписывать Built-to-Suit проекты (под требования конкретного клиента), что отодвигает срок полноценного выхода на новые рынки как минимум на год.

3. Отсутствие крупных девелоперов и застройщиков в большинстве регионов, которые могут справиться с большими объемами строительства, тормозит начало проектов. Однако внимание крупных клиентов к региональным рынкам повышается, поэтому федеральные и региональные девелоперы выходят

в новые для них регионы (кейс: выход крупнейшего складского девелопера PNC Group в Саратовскую и Тюменскую области, поволжского девелопера ПФО в Омскую, Оренбургскую области и Пермский край, краснодарского девелопера Romex Group в Татарстан и Башкортостан).

Библиографический список

1. Дыбская В.В. Логистика складирования: учебник. М.; Вологда, 2021.
2. Аксёнов К.Э. Эволюция типов шопинга и пространственная организация розничной торговли в постсоветском метрополисе // Известия РГО. 2016. Т. 148, № 6.
3. Glasmeier A.K., Kibler J. Power shift: the rising control of distributors and retailers in the supply chain for manufactured goods // Urban Geography. 1996. Vol. 17, № 8.
4. Kirby-Hawkins E., Birkin M., Clarke G. An investigation into the geography of corporate e-commerce sales in the UK grocery market // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2019. Vol. 6, № 46.
5. Прокофьева Т.А. Развитие логистической инфраструктуры как стратегическое направление интеграции России в систему международных транспортных коридоров // В центре экономики. 2021. №1.

Makushin M.A.

RETAILER LOGISTICS IN RUSSIA: NEW GEOGRAPHY

Abstract. The article examines the evolution of retailers' take-up for warehouse real estate in Russia and the shift in its geography due to the transformation of consumption patterns and logistic systems. There are differences in the trends in the warehouse networks development of online operators and multi-channel retailers, including in their geography. Priority regions for the development of retailers' logistics and problems related to the growing take-up for warehouse real estate in the regions have been separately identified.

Key words: logistics infrastructure, warehouse real estate, urban agglomeration, retail, online-operators

Сведения об авторе

Макушин Михаил Алексеевич, аспирант, ведущий инженер географического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, mihmakush@mail.ru.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. КОЛОСОВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИЭОПП СО РАН (1964–2024 гг.)

Аннотация. Одной из фундаментальных теоретических конструкций, предложенных Н.Н. Колосовским мы считаем теорию территориально-производственных комплексов (ТПК). Эта теория оказалась крайне эффективной как для восстановления экономики европейской части СССР, так и особенно для освоения регионов его Азиатской части. Применение экономико-математического моделирования ТПК в ИЭОПП СО АН СССР позволило расширить возможности использования «ТПК-похода» и для условий рыночной экономики. В современных условиях этот подход представляется особенно актуальным.

Ключевые слова: территориально – производственный комплекс, координация интересов, народнохозяйственный приоритет.

Созданию Сибирского отделения АН СССР предшествовал долгий период споров в академической (в основном столичной) среде: есть ли вообще целесообразность «растаскивания» науки по регионам страны? Не повлечет ли это раздробление центров к скатыванию к «мелкотемью» и, в конечном счете, к потере фундаментальности в исследованиях? Идея комплексности фундаментальной науки проявилась в том, что в новосибирском Академгородке были созданы несколько десятков академических учреждений, в том числе и гуманитарного профиля: институты истории, философии, экономики и др.

Основным полигоном прикладных работ стали регионы Сибири. В тот период именно парадигма «сдвига производительных сил на Восток» стала если и не определяющей, то заметной на фоне развития всего хозяйственного комплекса Советского Союза. Нужны были специалисты, знающие «фактуру» – собственно территорию, ее ресурсы, созданный производственный потенциал, размещение населения и т.п. Поэтому не случайно, что экономико-географ Марк Константинович Бандман (1924–2002) был приглашен в институт экономики в качестве одного из ведущих сотрудников [1]. М.К. Бандман – выпускник географического факультета МГУ, ученик Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского. Естественно, что теория ТПК, предложенная Н. Н. Колосовским, стала базой для формирования подходов к разработке программ развития новых территорий и, соответственно, экономико-математических моделей этих процессов.

В ИЭОПП Сибирь рассматривалась и как часть Единого народно-хозяйственного комплекса (ЕНХК): определялось ее место в системе экономических районов страны. Последнее также предполагало использование экономико-математического инструментария – оптимизационной межотраслевой межрегиональной модели – ОМММ [2]. В этой модели в явном виде был представлен пространственный аспект экономики, что сразу выделяло

это направление, как из общей экономической теории, так и из региональной экономики. Эта научно-исследовательская проблематика стала, начиная с 1964 г., ключевой при формировании им школы экономистов – регионалистов на базе экономического факультета Новосибирского государственного университета.

Значимой вехой для распространения «ТПК-подхода» среди эконом-географов разных стран стал Международный географический конгресс 1976 г. Более того, именно с этого периода и не без влияния ряда зарубежных исследователей стали разрабатываться модели ТПК, применимые и для условий рыночной экономики. На примере развития одного из депрессивных районов Индии – штата Керала – была апробирована модель ТПК со встроенным блоком расчета рентабельности частных предприятий по различным вариантам производственной и пространственной структуры района, а также различным мерам государственной поддержки.

Проблема координации интересов субъектов хозяйственных отношений далеко не нова. С самого начального этапа разработки оптимизационных моделей было осознано, что однокритериальная постановка задач как народнохозяйственного, так и регионального уровней не адекватна действительности. Для условий рыночной (точнее – переходной) экономики «ТПК-подход» одновременно с «ТПК-объектом» в наиболее завершенном виде был реализован на примере Нижнего Приангарья (НП) [3; 4]. Для этого проблемного региона были проведены предплановые научные разработки на основе группы оптимизационных, имитационных и поведенческих моделей, но были осуществлены и районные планировки для его отдельных районов. Кроме того, был предложен механизм специальный орган управления данной Федеральной целевой программой с соответствующей строчкой в Федеральном бюджете и схемой информационного и финансового взаимодействия между разными участниками процесса освоения данной территории.

«Мыслить пространством» – один из основополагающих постулатов географического анализа экономических явлений. Включение пространственного аспекта в экономические исследования, разработка подходов и методов учета неоднородности географической среды при прогнозировании развития производительных сил территории, в том числе с использованием экономико-математического моделирования – одно из проявлений наследия школы Н. Н. Колосовского.

У России пока еще сохраняется запас прочности. «Богатство страны или народа может быть разложено на две хотя и связанные, но во многом независимые друг от друга части: 1) силы природы той территории, которая находится в распоряжении страны; 2) силы народа, который эту территорию занимает» [5].

В последние годы нас – последователей идей «ТПК-подхода» – стали все больше беспокоить вопросы экономической безопасности России. Нами были выделены наиболее важные три аспекта безопасности: сохранение единого экономического пространства, обеспечение ресурсной независимости,

обеспечение транспортной независимости. Все они наиболее ярко проявляются в регионах азиатской части России.

Переход к рыночной экономике при практическом самоустранении государства от регулирования хозяйственной жизни резко усилили естественную неоднородность экономического развития регионов, что моментально сказалось на уровне жизни населения, прежде всего районов Севера и Востока: разрыв удвоился и сегодня составляет 15–20 раз. Более того, «дикий» российский рынок привел к резкому сокращению межрегионального внутрироссийского товарообмена. Усиление дезинтеграции регионов – прямая угроза целостности государства.

Неравномерность развития как целых государств, так и их отдельных частей является скорее правилом, чем исключением. Выравнивание уровней экономического развития отдельных частей (регионов) в пору существования единого Советского государства никогда не понималось как обязательное создание во всех регионах страны всего набора отраслей. Взаимодействие регионов по линии кооперации производственной деятельности являлось основой единого экономического пространства страны – СССР. Другое дело – неравномерность развития регионов по уровню жизни, которая имела место еще в СССР. Но тогда, по крайней мере, были специальные компенсаторы, направленные на его выравнивание по регионам.

Исследования историков показывают, что современная ситуация в азиатской части России имеет много сходных черт с аналогичной и очень отдаленной – почти вековой давности. «Отличие, пожалуй, лишь в одном: численность населения Дальнего Востока убывает, и эта убыль распространяется далеко на запад и охватывает практически всю Сибирь. В России новое – почти всегда то, что должно было быть решено давно, в далеком прошлом, но консервируется и оставляется на будущее» [6].

Нами были оценены последствия постепенного «свертывания» ресурсной части производственного комплекса АЧР, усиления его экспортной ориентации и переориентации перерабатывающего комплекса Европейской части России (ЕЧР) на импортные ресурсы. Допускалось, что последние могут оказаться дешевле (на сегодняшний день) сибирских прежде всего из-за высокой доли транспортных расходов в цене последних. Результат имеет смысл рассмотреть в динамике, выделив краткосрочный период (менее 5 лет) и долгосрочный.

В краткосрочном периоде предприятия ЕЧР могут быть более привлекательными для инвестиций, пока еще действуют объекты сырьевого комплекса в АЧР, чьи ресурсы могут быть востребованы мировым рынком.

Но это благоденствие продлится не более 5 лет и, что не менее важно, в очень ограниченном числе регионов и даже их частей. Накопленные доходы от сибирских и дальневосточных ресурсов, естественно, вкладываются в более привлекательные с коммерческой точки зрения производства Африки, Австралии или Латинской Америки.

Рынок, тем более мировой, не признает национальных границ, не «понимает» проблемы местного населения, его озабоченности будущим, о его

желании жить именно в данном конкретном месте, даже если оно – население – оказывается «не эффективным». И только национально-ориентированное государство, и такой же бизнес, могут противодействовать этому неумолимому закону.

Такой пессимистический финал для России, к сожалению, находится в полном соответствии с нерекламируемыми интересами:

- транснациональных компаний (корпораций) – в рамках глобализирующейся мировой экономики;
- ряда сопредельных стран – конкурентов России на мировом рынке;
- той части российских политиков и государственных чиновников, которые поддерживают политику сжатия активного экономического пространства России.

Из этого исследования М. К. Бандманом и его коллегами еще в начале XXI в. был сделан однозначный вывод: хозяйственные комплексы Европейской и Азиатской частей России взаимно дополняют друг друга, только вместе, взаимодействуя друг с другом они имеют все предпосылки для образования сектора экономики, способного конкурировать «на равных» на мировом рынке, а России – быть независимой от колебаний цен или целенаправленной политики отдельных государств, предполагающей устранение конкурентов. Вероятно, не случайно, еще в январе 2022 г. Президент РФ дал поручение Правительству активизировать работу по созданию порта Индига и участка железной дороги Индига – Ухта с возможностью дальнейшего перехода через Урал до Сургута. А уже осенью 2023 г. выходит еще одно поручение Правительству подготовить проект Северо-Сибирской железнодорожной магистрали (Усть-Илимск – Нижневартовск), как «объединителя» будущих производственных комплексов северных и арктических территорий России. Представляется, что в современных условиях усиления мобилизационных факторов развития экономики России, «ТПК-подход» окажется востребованным.

Библиографический список

1. Бандман М.К. Избранные труды и продолжение начатого. Новосибирск, 2014.
2. Гранберг А.Г. Модель территориально-производственного комплекса в системе моделей оптимального развития и размещения отдельных отраслей производства // Оптимальное планирование размещения производства. Новосибирск, 1965. Ч. 1.
3. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002.
4. Нижнее Приангарье: логика разработки и основные положения концепции программы освоения региона / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, В.Д. Ионова и др. Новосибирск, 1996.
5. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки в России. М., 1988.
6. Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. Новосибирск, 2005.

THE THEORETICAL HERITAGE OF N. N. KOLOSOVSKY IN RESEARCH OF IEIE SB RAS (1964-2024)

Abstract. We consider the theory of territorial production complexes (TPC) to be one of the fundamental theoretical structures proposed by N.N. Kolosovsky. This theory turned out to be extremely effective both for restoring the economy of the European part of the USSR and especially for the development of the regions of its Asian part. The use of economic and mathematical modeling of TPC in the IEIE SB RAS made it possible to expand the possibilities of using the “TPC approach” for market economy conditions. In modern conditions, this approach seems especially relevant.

Key words: territorial production complex, coordination of interests, national economic priority.

Сведения об авторе

Малов Владимир Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, malov@ieie.nsc.ru.

УДК 332.122

Е.С. Мезенцева

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В условиях динамичных изменений мировых рынков, формирования Индустрии 4.0, развития сетевых принципов функционирования промышленности актуальным являются вопросы формирования стратегических приоритетов развития промышленности регионов России. В статье выявлены приоритеты развития промышленности на перспективу до 2030 года в пространственном и технологическом аспектах на базе анализа стратегических документов регионов Уральского федерального округа (УрФО).

Ключевые слова: промышленность, региональное развитие, цифровизация, пространственное развитие, региональная стратегия.

Регионы Урала обладают значительным производственным и научно-технологическим потенциалом, его реализация может обеспечить формирование здесь современной высокотехнологичной промышленности. Промышленность Урала развивается в условиях новых технологических трендов, ужесточающихся

глобальных рисков и вызовов, необходимости повышения технологического суверенитета. Актуальным является разработка приоритетов ее развития с учетом имеющегося регионального потенциала развития, уровня реализуемых здесь прорывных технологий, а также соответствующих проектов пространственного развития.

Вопросам согласования пространственного и технологического развития посвящены труды известных российских, в том числе уральских, ученых [1–5]. Промышленность традиционно является ведущей отраслью экономики в регионах УрФО. Нами проанализированы стратегии развития промышленности и стратегии социально-экономического развития регионов УрФО с целью выявления приоритетов ее пространственного и технологического развития.

Стратегия промышленного и инновационного развития Свердловской области до 2035 г. [6] перспективными механизмами реализации промышленной политики области называет развитие Фонда технологического развития промышленности Свердловской области; внедрение системы специальных инвестиционных контрактов; развитие технопарков. В качестве основных приоритетов промышленного развития выделяются:

- увеличение объема и доли выпуска инновационной и высокотехнологичной продукции, формирование новых производственно-технологических направлений и переделов специализации, развитие производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения предприятиями ОПК;

- стимулирование процессов импортозамещения и научно-технологической кооперации промышленных предприятий и организаций науки и высшего образования;

- стимулирование процессов цифровизации производства в промышленности в соответствии с мировыми стратегиями трансформации в цифровую экономику.

Предусматривается содействие развитию действующих элементов инфраструктуры, таких как технопарки, центры поддержки технологий и инноваций, инновационные кластеры, территории опережающего социально-экономического развития, особая экономическая зона, бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования. А также содействие появлению новых элементов инфраструктуры (научно-образовательный центр, научные центры мирового уровня, инновационный научно-технологический центр).

Стратегия может быть реализована с учетом новых технологических трендов, таких как рост рынков, основанных на сетевых решениях, и формирование сетевого подхода в организации научных исследований.

В актуализированном в 2021 г. проекте Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2035 г. [7] сформирован образ будущего области как высокотехнологичного промышленного центра макрорегиона. Отдельного внимания заслуживает акцент на разработку лучших «зеленых» решений, которые могли бы служить образцом для старопромышленных территорий всего мира.

В «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г.» [8] особое внимание уделяется развитию новой высокотехнологичной промышленности, развитию цифровой инфраструктуры экономики для обеспечения внедрения современных цифровых технологий в промышленность, развитию сервисной экономики. Важное место занимают направления, связанные с рациональным природопользованием и обеспечением экологической безопасности; с развитием межрегиональных и внешнеэкономических связей, включая увеличение несырьевого экспорта и рост вывоза продукции в другие субъекты РФ. Обосновываются направления пространственного развития (формирование конкурентоспособных экспортно ориентированных кластеров и включение организаций области в российские и международные цепочки поставок).

Модернизация действующих предприятий планируется в условиях быстрой коммерциализации технологий ОПК и их дальнейшего масштабирования, содействия внедрению разработок субъектов предпринимательской деятельности на крупных промышленных предприятиях и их переходу на технологии «Индустрия 4.0».

Стратегия социально-экономического развития Курганской области до 2030 г. [9] в части развития промышленности направлена на повышение конкурентоспособности производимых товаров и организацию производства импортозамещающей продукции, совершенствование технологий, применяемых на предприятиях. Акцент делается на создание структурно сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию на основе применения передовых промышленных технологий, нацеленной на формирование и освоение новых рынков инновационной продукции.

Среди отраслевых приоритетов следует отметить освоение серийного производства новейшей военной техники и техники двойного назначения предприятиями ОПК, развитие промышленности строительных материалов, эффективное и экологически безопасное освоение минерально-сырьевой базы Зауральского ураново-рудного района, наращивание компетенций, реализация проектов в фармацевтической отрасли.

Тюменская область. Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2030 г. [10] выделяет приоритет, связанный с модернизацией традиционных отраслей промышленности, развитием производств в сфере глубокой переработки углеводородного сырья, высокотехнологичных производств в обрабатывающем секторе, основанных на эффективном использовании собственной сырьевой базы, сервисного сектора экономики; усилением в этих процессах роли инновационных факторов, включающих наличие высокотехнологичных производств, развитие цифровой экономики, активную инвестиционную политику в условиях расширения предпринимательской инициативы, а также развитие региональной инновационной системы. Долгосрочным приоритетом является диверсификация промышленного комплекса, направленная на снижение зависимости от сферы нефтедобычи, обеспечение появления новых отраслей.

Также ставка делается на развитие конкурентоспособного сектора промышленного сервиса. Предусмотрено развитие необходимой инфраструктуры для сервисных компаний (проектирование новых промышленных парков, промышленных площадок и других зон экономического развития). Приоритетным также является развитие базовых (сформированных) кластера нефтедобычи, нефтепереработки и нефтесервиса и нефтегазохимического кластера, развитием формирующегося лесопромышленного кластера и формированием потенциального кластера добычи и переработки прочих полезных ископаемых.

В «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 г. с целевыми ориентирами до 2050 г.» значительное внимание уделяется повышению конкурентоспособности не только базового сектора, но и секторов экономики, не связанных с добычей углеводородов [11]. Предусмотрена широкомасштабная диверсификация промышленного производства за счет реализации комплекса инвестиционных проектов в лесопромышленном и агропромышленном комплексах, в отраслях перерабатывающей промышленности и сфере услуг. Особое внимание уделяется расширению мер поддержки региональных товаропроизводителей, реализующих политику импортозамещения.

Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 г. [12] полностью концентрируется на развитии топливно-энергетического комплекса, не ставя задач по диверсификации промышленности. Вместе с тем, положительным моментом можно считать появление «смежных» приоритетов, связанных с созданием промышленно-логистической инфраструктуры, способствующей ускоренному промышленному освоению территории округа, а также приоритетов, связанных с развитием собственного производства строительных материалов.

Таким образом, можно сделать вывод, что приоритетами развития промышленности во всех регионах УрФО в большей или меньшей степени являются импортозамещение, развитие сервисного сектора, цифровая трансформация, а также развитие соответствующих объектов инновационной инфраструктуры. Их реализация в совокупности с современными инструментами промышленной политики позволит функционировать промышленности регионов УрФО в соответствии с современными мировыми трендами и задачами российской экономики.

Библиографический список

1. Бухвальд, Е.М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития // Федерализм. 2023. №28 (1).
2. Методическое обеспечение согласования приоритетов научно-технологического и пространственного развития экономики промышленных регионов / Ю.Г. Мыслякова, Е.А. Шамова, Н.П. Неклюдова [и др.]. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021.
3. Колмакова Е.М., Колмакова И.Д., Дегтярева Н.А. Пространственное развитие региона в контексте стратегии социально-экономического роста // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. №3.

4. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Суворова А.В. Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития промышленных регионов // Экономика региона. 2019. Т.15. №4.
5. Суворова А.В. Ориентиры пространственного развития региона: кейс Свердловской и Челябинской областей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т.29. №1. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-74-83.
6. Стратегия промышленного и инновационного развития Свердловской области до 2035 г. Постановление Правительства Свердловской области №383-ПП от 28.06.2019 г. URL: <https://mpr.midural.ru/docs/strategy/>
7. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2035 г. от 5.09.2022 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b7659534ef1d7b291119864ffe31c92e/dorabotannyu_proekt_strategii.pdf.
8. Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г. Постановление Законодательного собрания Челябинской области №1748 от 31.01.2019 г. URL: <https://mineconom.gov74.ru/mineconom/activity/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm>.
9. Стратегия социально экономического развития Курганской области на период до 2030 г. Закон Курганской области №44 от 30.06.2022 г. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/_npa/zko_20220630_44.pdf.
10. Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года. Закон Тюменской области №23 от 24.03.2020 г. URL: <https://investintyumen.ru/upload/files/Стратегия СЭО ТО до 2030 года.pdf>.
11. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 г. с целевыми ориентирами до 2050 г. Распоряжением Правительства ХМАО – Югры №679-рп от 3.11.2022 г. URL: <https://ugra2030.myopenugra.ru/strategy/>.
12. Постановление Законодательного Собрания ЯНАО от 24.06.2021 г. N478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 г.». URL: <https://de.yanao.ru/documents/active/114985/>.

E.S. Mezentseva

SPATIAL AND TECHNOLOGICAL PRIORITIES FOR INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. In the context of dynamic changes in world markets the formation of Industry 4.0 and the development of network principles for the functioning of industry, the issues of forming strategic priorities for the development of industry in Russian regions are up to day. The article identifies priorities for industrial development for the period up to 2030 in spatial and technological aspects based on an analysis of strategic documents of the regions of the Ural Federal District.

Key words: industry, regional development, digitalization, spatial development, regional strategy

Сведения об авторе

Мезенцева Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, заведующий сектором, старший научный сотрудник Центра структурной политики региона, Институт экономики УрО РАН, mezentseva.es@uiec.ru.

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ НА ТЕРРИТОРИИ г. КРАСНОДАРА

Аннотация. Территория г. Краснодара очень сильно подвержена антропогенному воздействию. Зачастую оно связано с многоотраслевым строительством: промышленным, транспортным, коммунальным, гражданским и др. В процессе изучения было выявлено, что наиболее подвержены влиянию литосфера и гидросфера.

Ключевые слова: антропогенное воздействие, водохранилище, подземные воды, гидрологический режим.

На территории города, которая насыщена водонепроницаемыми коммуникациями, антропогенное воздействие на уровень грунтовых вод наиболее заметно. Особенно это относится к восточной части, которая находится под влиянием подпитки со стороны Краснодарского водохранилища и магистральной сети оросительной системы.

Если в случае антропогенной нагрузки будут затронуты грунтовые воды, в последствии они будут подвержены к существенному изменению режима. Например, участок, расположенный на пойме р. Кубань в Юбилейном микрорайоне. Здесь в искусственно намывных песках, мощностью до 3,5 м, в подошве которых залегает слой делювиального суглинка, сформировался маломощный водоносный горизонт (не более 1 м мощностью), действующий в течении всего года и почти не реагирует на осадки и колебания уровня реки Кубань. В период наблюдения уровень воды в водоносном горизонте изменялся незначительно, не превышая 0,7 м. Закономерностей в колебаниях не наблюдается, а глубина залегания горизонта составляет 2,8 м. В основном именно высокое положение поверхностных грунтовых вод дает сильное влияние при антропогенной нагрузке.

Большая часть водотоков перегорожена дамбами и дорогами, из-за чего водопропускные сооружения часто забиты и заилены. Это приводит к нарушению и даже ликвидации естественных путей водостока, а также к проблемам с ливневой канализацией, что вызывает подтопление и затопление территорий. Например, водопропускной тоннель через балку р. Карасун в районе аэропорта [1].

Создание искусственного аккумулятивного рельефа вследствие накопления разнообразных материалов при антропогенной деятельности людей привели к обострению проблемы свалок и городского мусора в Краснодаре. Резко увеличился объём мусора и отходов, причём их состав существенно изменился: прежние отходы были природными веществами, подчиняющимися закону цикличности. Происходит накопление новых синтетических и

химических веществ, которые в свою очередь нарушают живой круговорот. Один житель города создает около 1 т мусора в год, и природа не справляется с такой нагрузкой.

В данный момент бытовые отходы города складываются на трех санкционированных свалках, из них две (возле мясокомбината и у станции Елизаветинской) официально закрыты. Основной объем мусора поступает на единственную свалку близ хутора Копанского. Однако существует множество неофициальных свалок и мест скопления мусора. Дождевая вода, попадающая в тело свалок, вымывает большое количество вредных веществ, которые проникают в почву, поверхностные и подземные воды в виде фильтрата. На поверхности свалок регулярно возникают пожары, загрязняющие атмосферу ядовитыми дымами.

Важно отметить, что подтопление и повышение уровня грунтовых вод могут привести к увеличению попадания вредных веществ в подземные и текущие воды. Места хранения отходов должны быть спроектированы так, чтобы предотвратить распространение загрязняющих веществ, а после заполнения – изолировать свалку сверху, предотвращая утечки газов. Также необходим контроль за процессами внутри свалки с использованием специальных оборудованных шахт.

Преобразование земной коры на территории города Краснодар происходит интенсивно. Создаются искусственные положительные и отрицательные формы разных масштабов, которые меняют уклоны, направление и скорость поверхностного и подземного стока. Это приводит к изменению морфологического облика рельефа и литогенной основы, а также к изменению силы и вектора экзогенных рельефоформирующих процессов и самого рельефа городской территории.

Трассы коммуникаций, такие как канализация, теплосеть, водопровод и автодороги, влияют на химическое, тепловое и биологическое состояние окружающей среды. Их границы воздействия составляют от 40 до 150 м.

Линии электропередач и электрифицированные железные дороги способствуют развитию блуждающих токов, что быстро выводит из строя металлические трубопроводы и конструкции в радиусе до 5 км.

Вспашка и возделывание полей, садов и огородов на окраинах города приводят к поверхностной эрозии и смыву почв. Орошение, в свою очередь, вызывает просадку лессовидных пород, которая распространена на 70 % территории III террасы и 60 % II террасы [2].

Антропогенная деятельность нарушает естественное динамическое равновесие природных условий, что приводит к повышению уровня грунтовых вод, оседанию поверхности (просадки), подтоплению и усилению инфильтрации. Хозяйственное освоение территорий городов изменяет сток, рельеф, естественные физико-геологические процессы и снижает плодородие почв. Прогнозирование антропогенных изменений в геологической среде помогает рационально вести хозяйство и учитывать состояние подземных вод и антропогенное воздействие на них [3].

Климат как многолетний режим погоды формируется под влиянием ряда факторов, среди которых немаловажную роль играют и местные условия: рельеф, характер растительного покрова, степень хозяйственного освоения и т.д. Краснодарское водохранилище по исследованиям существенного влияния на климат не оказывает, хотя и вносит свои коррективы. При сравнении данных по метеозлементам Озерной станции и метеостанции Краснодар (Круглик), расположенной в 10 км к северо-западу от водохранилища, установлено, что температура воздуха на берегу водохранилища несколько ниже, чем в городе [4].

Увеличение влажности воздуха над водохранилищем влияет на облачность. Ночью количество ясных дней возрастает, днём облака рассеиваются над водой и формируются у побережья. Это связано с различиями в нагревании воды в течение суток из-за потоков воздуха.

Анализ метеоданных до и после постройки водохранилища позволяет установить, что в городе и прилегающих районах произошли некоторые микроклиматические изменения: среднегодовая относительная влажность воздуха возросла на 1,5–3 %. Наибольшие изменения среднемесячных величин (на 3–5 %) отличаются в холодное время года. Ближе к водохранилищу этот период наиболее продолжителен. Только с июня по август относительная влажность осталась почти без изменений (от 0 до 1 %). Заметно общее увеличение числа дней с туманами в районе Пашковской. Увеличилась и продолжительность туманов в этом районе. Среднегодовое число дней с туманами в городе увеличилось незначительно. В ветровом режиме существенных изменений не наблюдается, как и не наблюдается увеличения опасных явлений погоды.

В районе существующего Краснодарского водохранилища имеются лесные урочища, породный состав которых в основном представлен дубом, берестом, ясенем. Эти породы плохо переносят подтопление, у них уменьшается прирост древесины, наблюдается суховершинность. Только такие породы как тополь и верба переносят подтопление.

После затопления водохранилища на лесных участках возрос объем санитарных порубок, что связано с гибелью деревьев из-за подъема грунтовых вод. В зоне влияния Краснодарского водохранилища максимально высокое положение уровня грунтовых вод отмечается с марта по июль, тогда как вне зоны – в основном с марта по апрель, минимальные в зоне влияния отмечаются с конца сентября по январь, вне зоны – только в сентябре.

Концентрация на Краснодарском водохранилище птиц, особенно во время перелетов, сделало Краснодарский аэропорт птицепасным. За время эксплуатации водохранилища произошло 35 столкновений самолетов с птицами (гуси, утки, чайки и др.), по счастливой случайности, не повлекшие человеческих жертв.

Кроме того, в низовьях Кубани из-за нарушения гидрологического режима приводит к ежегодной гибели первой кладки яиц уток, гусей и других птиц из-за затопления гнёзд. Исчезает молодь ондатр и других млекопитающих. В настоящее время дельта Кубани представляет собой разбалансированную

гидрологическую и гидробиологическую систему, которая не удовлетворяет потребности животного и растительного мира.

Рыбопродуктивность Краснодарского водохранилища низка. После его ввода в эксплуатацию рыбное хозяйство реки Кубань сильно пострадало, и естественный нерест ценных рыб практически прекратился.

Из-за малой продуктивности работы рыбоподъемника, производители рыб, нерестилища которых располагаются выше плотины не могут добраться до мест нереста. Местных аборигенных рыб замещают менее ценные вселенцы.

В результате можно сделать вывод, что антропогенные процессы имеют значительное влияние на геоэкологическую обстановку на территории г. Краснодара. Это проявляется в загрязнении воздуха, почвы и воды, ухудшении состояния природных экосистем, а также в увеличении количества отходов и выбросов вредных веществ. Для улучшения ситуации необходимо принимать меры по сокращению антропогенного воздействия, внедрению экологически чистых технологий и повышению экологической осведомленности населения.

Библиографический список

1. Шуляков Д.Ю. Историко-географический очерк о реке Карасун // Географические исследования краснодарского края, сборник научных трудов. Вып. 7. Краснодар, 2012.
2. Нагалеvский Ю.Я., Бекух З.А., Нагалеvский Э.Ю. Изучение свойств почв Краснодарского края под воздействием подтопления // Вестник Краснодарского регионального отделения РГО. Вып. 5. Краснодар, 2008.
3. Нагалеvский Ю.Я., Нагалеvский Э.Ю. Мелиорация и охрана окружающей среды, и охрана окружающей среды // Географические исследования Краснодарского края. Вып. 5. Краснодар, 2010.
4. Разработка инженерно-геологической и гидрогеологической схемы г. Краснодара. Краснодар, Фонды СевКавТИСИЗ, 1994.

Y.Y. Nagalevsky, Z.A. Bekukh

INFLUENCE OF ANTHROPOGENIC PROCESSES ON THE GEOECOLOGICAL SITUATION IN THE TERRITORY OF KRASNODAR

Abstract. The territory of Krasnodar is very susceptible to anthropogenic impact. It is often associated with diversified construction: industrial, transport, municipal, civil, etc. During the study it was revealed that the lithosphere and hydrosphere are the most committed to the influence.

Key words: anthropogenic impact, reservoir, groundwater, hydrological regime.

Сведения об авторах

Нагалеvский Юрий Яковлевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии, Кубанский государственный университет, physgeo@geo.kubsu.ru.

Бекух Заира Адгемовна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии, КубГУ, ИГГТиС, zairakfg@mail.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ КАК ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. Анализируются основные направления и тенденции формирования и развития самозанятости как формы деятельности в Республике Узбекистан, исследуется позитивный зарубежный опыт самозанятости, выявляются признаки, отличающие индивидуальное предпринимательство от самозанятости.

Ключевые слова: самозанятость, индивидуальное предпринимательство, Узбекистан, зарубежный опыт, семейный бизнес.

Реализация эффективной социальной политики для любого государства всегда актуальна, прежде всего, своим влиянием на качество и уровень жизни населения. Для Республики Узбекистан степень значимости социальной политики сегодня является самой приоритетной задачей, так как она направлена на обеспечение благополучия и всестороннего развития граждан страны и общества в целом. Этому могут способствовать различные методы и формы повышения эффективности общественного воспроизводства, в том числе формирование и развитие самозанятости в республике как особой формы деятельности.

Такая политика обеспечивает защиту прав и интересов всех слоев населения, особенно социально незащищенных. В своем Послании Олий Мажлису Президент Республики Ш. Мирзиёев отметил, что «Повышение благосостояния людей и усиление их социальной защиты останутся в числе наших самых главных задач. Как и во всех странах, в Узбекистане тоже есть малообеспеченные слои населения. По разным подсчетам этот показатель составляет 12 – 15 процентов» [1]. Продолжают разрабатываться конкретные программы, например, была создана «Железная тетрадь» («Темир дафтар») – поддержка нуждающихся семей.

Помимо материальной помощи нуждающимся семьям оказывается содействие в трудоустройстве и занятии предпринимательством в Республике Узбекистан, ведется работа с населением по созданию условий для самозанятости (например, путем возведения теплиц для выращивания сельхозпродукции). Важную роль в этом сыграло Постановление главы государства «О мерах по упрощению государственного регулирования предпринимательской деятельности и самозанятости». Оно значимо тем, что направлено на широкое вовлечение населения в предпринимательскую деятельность и создание дополнительных условий для осуществления легальной трудовой деятельности [2].

На рынке труда страны число самозанятых граждан растет быстрыми темпами. Самозанятость сегодня рассматривается как значительный «сегмент» рынка и как важный «инструмент» выхода из экономического кризиса. Официальная добровольная регистрация самозанятых лиц стартовала в Узбекистане 1 июля 2020 г., с этого момента наблюдается резкий рост количества самозанятых в различных сферах бизнеса и предпринимательства. Самозанятые граждане – это физические лица трудоспособного возраста, которые с целью получения трудового дохода самостоятельно и при личном трудовом участии выполняют работы и оказывают услуги преимущественно физическим лицам» [3]. В Узбекистане, по состоянию на 01.05.2021 г. в статусе самозанятых зарегистрировано уже 800 тыс. жителей страны. Государством определен перечень видов деятельности – в настоящее время насчитывается 67 разрешенных видов предпринимательской деятельности в формате самозанятости [4]. Значительное количество занятых приходится на сферу услуг и бытового обслуживания населения, оказания помощи в сфере сельского хозяйства и социальном секторе экономики.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что самозанятыми гражданами являются те, кто получает доход при оказании определённых видов услуг, например, для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, не имеющие наёмных работников и не зарегистрированные в качестве ИП. В таблице 1 приведено сравнение категорий граждан «самозанятые» и «индивидуальные предприниматели».

Таблица 1

Различие между индивидуальным предпринимателем (ИП)
и самозанятым гражданином [5]

ИП	Самозанятый гражданин
1. Человек, осуществляющий инициативную деятельность на свой страх и риск под свою ответственность	1. Человек, работающий сам на себя без работодателя, получает доход от своей личной трудовой деятельности при оказании определённых видов услуг
2. Прохождение регистрации обязательно согласно законодательным актам РУз	2. Регистрация самозанятых возможна без личного посещения налоговой службы в мобильном приложении
3. Выполняет предпринимательские функции (разработка новых идей, организация нового дела)	3. Характерна формальная ответственность за результаты своей деятельности
4. Свободен в действиях, самостоятелен в целях.	4. Выполняет частично индивидуальные предпринимательские функции
5. Может нанимать работников и заключать трудовые договора	7. Самозанятый не имеет права нанимать сотрудников и заключать трудовой договор
6. Уплачивает налоги в зависимости от размера своего дохода	9. Уплачивает только соц. налог в размере не менее 50 % от БРВ (базовая расчетная величина -111 500 сумов)

Основными мотивационными признаками для развития семейного бизнеса и самозанятости в Узбекистане являются также: обеспечение достойных условий и повышение качества жизни населения, стремление обрести независимость и

работать на себя, отсутствие возможности заработать деньги иным способом, а также способствовать снижению общего уровня безработицы.

На наш взгляд, рост и развитие самозанятости в Республике Узбекистан может улучшить состояние региональных и местных рынков труда, способствуя созданию индивидуальных рабочих мест и содействуя сокращению и предупреждению безработицы. Кроме того, мобилизация внутренних резервов семейного предпринимательства и самозанятости граждан являются индикаторами достижения экономической и социальной безопасности, т.к. уровень жизни значительной части населения поддерживается за счёт собственного производства и домашнего хозяйства, особенно в сельской местности.

Изучение опыта ведущих зарубежных стран показало, что самозанятость граждан играет заметную роль в экономическом росте страны. Масштабы самозанятости значительны как в странах дальнего зарубежья, так и в России. По данным соцопроса, доля самозанятых в общей численности занятого российского населения составляет 22 %. В США доля самозанятого населения постоянно растет, это оказывает положительный эффект на уровень дохода граждан и снижение уровня безработицы.

Для ускорения процесса привлечения и увеличения количества самозанятых граждан в Узбекистане и повышения эффективности этого процесса наиболее целесообразными, кроме вышеперечисленных, на наш взгляд, являются следующие меры:

- разработка и принятие «Закона о самозанятости граждан РУз», что должно способствовать росту юридической грамотности самозанятых;
- повышение эффективности деятельности бизнес-центров, информационных и консалтинговых центров, улучшение их взаимодействия;
- привлечение образовательных учреждений технологического, экономического и сельскохозяйственного профилей к проведению курсов и тренингов по организации семейного бизнеса и самозанятости.

Сила и перспективность семейных вариантов малых предприятий и самозанятости населения заключается также в том, что в этом случае совместно работают люди, доверяющие друг другу, ответственные в отношении принятых обязательств, их связывают одновременно и экономические интересы, и общие семейные цели.

В заключении следует указать на наличие объективных предпосылок для обеспечения ускоренного роста семейного предпринимательства и самозанятости: развитие процессов демократизации сферы занятости, высокая обеспеченность трудовыми ресурсами и национальными кадрами, мощная сельскохозяйственная сырьевая база, а также национальные традиции. Всё это способствует развитию предпринимательской деятельности, основанной на семейном труде и созданию условий для роста самозанятости населения страны.

Библиографический список

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. URL: <https://uza.uz/ru/posts/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev/>.
2. Постановление Президента республики Узбекистан «О мерах по упрощению государственного регулирования предпринимательской деятельности и самозанятости», от 8 июня 2020 г., г. Ташкент. № ПП-4742. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4849605>.
3. Сабиров А. Семейное предпринимательство как источник доходов и индикатор повышения уровня жизни семьи и населения // 2018 год – Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий. Ташкент, 2018.
4. На что могут рассчитывать самозанятые // Контур. URL: <https://kontur.ru/articles/4818>.
5. Юсупова Б.У. Чем отличается ИП от самозанятого в 2022 году. URL: <https://www.bss.uz/article/326-chem-otlichaetsya-ip-ot-samozanyatogo>.

K.V. Pavlov, N.R. Asadullina

MODERN PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT AS A FORM OF ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The main directions and trends of the formation and development of self-employment as a form of activity in the Republic of Uzbekistan are analyzed, the positive foreign experience of self-employment is investigated, the signs distinguishing individual entrepreneurship from self-employment are revealed.

Key words: self-employment, individual entrepreneurship, Uzbekistan, foreign experience, family business.

Сведения об авторах

Павлов Константин Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Республика Беларусь, kvr_guk@mail.ru.

Асадуллина Наиля Рамильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления агробизнесом, Ташкентский государственный аграрный университет, Республика Узбекистан, rasadullina@mail.ru

УДК 332.1

Н.К. Петухова

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИЙ К ШОКАМ 2014-2022 гг. НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Аннотация. В исследовании представлена авторская методика оценки устойчивости регионов РФ к внешним шокам 2014-2022 гг. На примере субъектов Северо-Запада России выявлены наиболее устойчивые регионы,

выявлены переменные, замедляющие социально-экономическое развитие субъектов СЗФО.

Ключевые слова: устойчивость, экономическое развитие, внешние экономические и политические шоки.

За последние годы политическая и экономическая ситуации в мире кардинально изменились. В частности, для России период с 2014 г. по настоящее время характеризуется необходимостью постоянной адаптации ко всё новым внешним шокам. В связи с введением экономических санкций и пандемией коронавируса, оказывающими влияние на социально-экономическое развитие как страны в целом, так и каждого региона в частности, актуальным является исследование степени устойчивости субъектов РФ к происходящим изменениям.

В научной среде не существует единого мнения по вопросу трактовки термина устойчивость, подходам к оценке данной характеристики. Ряд ученых предлагает использовать понятие «шокоустойчивость» вместо имеющего неоднозначную трактовку в русском языке термина «устойчивость», вызывающего ассоциации с концепцией «устойчивого развития» [1]. К 3 основным и наиболее часто встречающимся трактовкам «устойчивости» можно отнести: 1) устойчивость – способность системы вернуться к дошоковому состоянию; 2) способность «поглощать» шоковое воздействие (преодолеть предельную величину шокового воздействия); 3) адаптация структуры и функций системы под воздействием шока [2].

Различные подходы к количественной оценке устойчивости к шокам также рассматриваются в ряде научных публикаций. Можно отметить методики оценки устойчивости через степень диверсифицированности доходов домохозяйств, доступ к товарам первой необходимости, жилищные условия, доступ к услугам (образованию, здравоохранению) и др. [3]. В число показателей для оценки устойчивости включаются ВРП на душу населения, среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя и др. [4]. Также некоторые исследователи указывают на определяющую роль научно-технологического и инновационного развития в обеспечении устойчивости экономического роста [5]. Дополнительно рассматривается уровень бюджетной самостоятельности и наличие устойчивой доходной базы бюджетов субъектов как основы для планомерного экономического развития [6].

В рамках данного исследования разработана авторская методика оценки устойчивости субъектов России к внешним шокам. В качестве «пилотного» макрорегиона для апробации предлагаемой методики выбран Северо-Западный федеральный округ (11 субъектов).

Основываясь на проанализированных научных исследованиях, в число анализируемых индикаторов устойчивости были включены:

- ожидаемая продолжительность жизни;
- коэффициент миграционного прироста;
- коэффициент младенческой смертности;

- коэффициент демографической нагрузки;
- число личных автомобилей;
- число преступлений, зарегистрированных в регионе на 100000 жителей;
- общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя;
- уровень безработицы;
- ВРП на душу населения;
- инвестиции в основной капитал на душу населения;
- доля организаций, осуществляющих технологические инновации;
- численность исследователей на 100 тыс. чел. населения региона (рассчитано автором);
- доля безвозмездных поступлений в общих доходах бюджета региона (рассчитано автором);
- отношение среднедушевого дохода к стоимости фиксированного набора товаров и услуг (рассчитано автором).

Одним из преимуществ предлагаемой методики оценки устойчивости является использование открытых данных Росстата [7]. В работе были проанализированы данные за 2014 и 2022 гг. с целью оценить результаты функционирования экономической, социальной, научно-технологической и бюджетной сфер регионов в условиях кризисов, происходивших в течение указанных 9 лет (фиксация состояния в начале проявления масштабных шоков и в настоящее время). Перед проведением интегральной оценки устойчивости регионов РФ были составлены матрицы парных корреляций 14 выбранных для анализа показателей. В результате было выявлено, что показатель ВРП на душу населения имеет высокий коэффициент корреляции с рядом переменных (более 0,8), в связи с чем он был исключен из итоговой выборки показателей при проведении анализа как за 2014, так и за 2022 г. (исключение фактора мультиколлинеарности анализируемых переменных).

В рамках предлагаемой методики субъекты ранжировались относительно значения каждого из 13 искомых показателей. Каждому региону присваивался ранг от 85 до 1, где 85 – субъект с наиболее благоприятной ситуацией относительно рассматриваемого признака, 1 - субъект, где фиксировалась наименее благоприятная ситуация относительно значения той или иной анализируемой переменной. Устойчивость в данной работе оценивается на основании динамики полученных балльных оценок, а также на сопоставлении изменения данных оценок на уровне регионов Северо-Запада и страны в целом.

После суммирования полученных рангов была получена сводная таблица балльных оценок (суммы рангов каждого региона), проанализирована их динамика. Как следует из таблицы 1, регионы СЗФО неоднородны с точки зрения итоговых оценок, а также с позиции их изменения во времени.

4 из 11 субъектов показали улучшение позиций в рейтинге за рассматриваемый период (выделены курсивом в таблице 1). Рост балльных оценок был зафиксирован для Ленинградской, Мурманской, Калининградской, Вологодской, Архангельской областей, Республики Коми, Карелии. Как в 2014 г.,

так и в 2022 г. значения, превышающие средние и медианные показатели на уровне страны, показали Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская, Калининградская, Новгородская области, Республика Коми. При этом темпы прироста балльных оценок выше, чем в среднем по регионам России в целом, имели место быть в Вологодской, Калининградской областях и в Карелии – несмотря на шоки 2014–2022 гг. именно данные регионы сохранили способность к возврату на траекторию роста социально-экономического потенциала более быстрыми темпами, нежели другие субъекты СЗФО.

Таблица 1

Результаты балльной оценки устойчивости субъектов СЗФО в 2014-2022 гг.

Субъект	Балл/место в рейтинге в году	
	2014	2022
Санкт-Петербург	966/1	931/2
<i>Ленинградская область</i>	<i>812/10</i>	<i>827/8</i>
<i>Мурманская область</i>	<i>767/22</i>	<i>771/16-18</i>
Ненецкий АО	731/27	639/52
<i>Калининградская обл.</i>	<i>691/35</i>	<i>759/21</i>
Республика Коми	688/36	691/38
Новгородская область	671/41	669/45
Республика Карелия	610/52	634/54
Псковская область	596/59	529/78
<i>Вологодская область</i>	<i>594/60</i>	<i>690/39-41</i>
Архангельская область	586/61	595/61
Медианный балл по России	666	683
Средний балл по России	661,8	671,1

Отдельно были выявлены частные показатели, по развитию которых субъекты СЗФО уступают другим регионам. В 2014 г. субъекты Северо-Запада уступали по темпам привлечения инвестиций (Карелия и Псковская область), показателю демографической нагрузки (Псковская и Новгородская области), уровню преступности (Мурманская область и Республика Коми), численности исследователей (Вологодская и Архангельская области). К 2022 г. «слабыми точками» развития искомых регионов также остались уровень преступности (Мурманская, Новгородская области, Республики Коми и Карелия), численность исследователей (Вологодская и Псковская области), обеспеченность населения личным транспортом (Ненецкий АО).

Таким образом, в работе была представлена авторская методика оценки устойчивости регионов РФ к шокам 2014–2022 гг. В качестве субъектов,

способных выйти на траекторию роста, несмотря на внешние шоки, определены Вологодская и Калининградская области и Карелия. Дополнительно выявлены показатели, оказывающие наиболее негативное влияние на социально-экономическое положение регионов СЗФО, а также уменьшающие их возможности по выстраиванию шокоустойчивой траектории развития.

Библиографический список

1. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3.
2. Martin R., Sunley P. On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation // Journal of Economic Geography. 2015. 15 (1).
3. Sturges P. Measuring Resilience: Thematic Summary / Department for International Development, 2016. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08956e5274a27b200002f/EoD_Topic_Guide_Measuring_Resilience_May_2016.pdf.
4. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5.
5. Бендилов М.А., Фролов И.Э., Хрусталёв О.Е. Научно-технологическое развитие как средство обеспечения устойчивости экономики // Приоритеты России. 2014. № 34 (271).
6. Коломак Е.А., Сумская Т.В. Анализ субфедеральной бюджетной обеспеченности и межбюджетных трансфертов: методы и результаты // Вестник НГУЭУ. 2018. №4.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/1324>.

N.K. Petukhova

ASSESSMENT OF TERRITORY RESISTANCE TO SHOCKS OF 2014-2022 ON THE EXAMPLE OF THE ENTITIES OF THE NORTHWEST OF RUSSIA

Abstract. The study presents the author's methodology for assessing the resistance of Russian regions to external shocks in 2014-2022. Using the example of the entities of the North-West of Russia, the most stable regions have been identified and the variables that slow down the socio-economic development of the subjects have been revealed.

Key words: resistance, economic development, external economic and political shocks.

Сведения об авторе

Петухова Надежда Константиновна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, nptxv@mail.ru.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СУВЕРЕНИТЕТА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация. В работе представлены результаты исследования по определению направлений совершенствования государственной политики в сфере землепользования. В свою очередь, сфера землепользования рассматривается в контексте развития и обеспечения суверенитета агропромышленного комплекса на примере г. Санкт-Петербурга. В качестве методологической основы нами был использован неoinституциональный подход и теория неoinституционализма в сочетании с правовым и экономическим анализом. Данный подход позволил не только выделить основные этапы в развитии и становлении современного землепользования России, но также провести классификацию трансакционных издержек в выбранном направлении, что, в свою очередь, позволило определить актуальные тенденции по совершенствованию государственной политики в рассматриваемой сфере, целью которых является достижение суверенитета в области агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: государственная политика, устойчивое развитие, суверенитет, агропромышленный комплекс, трансакционные издержки, управление земельными ресурсами, продовольственная безопасность, землепользование, неoinституционализм.

Эффективное управление в агропромышленном комплексе является важным фактором для обеспечения продовольственной безопасности и технологического суверенитета Российской Федерации. В связи с нестабильными условиями хозяйствования, природно-климатическими особенностями и вызовами со стороны международного сообщества, эффективное государственное управление в отрасли агропромышленного комплекса приобретает все большее значение для социально-экономического развития региона.

Проводимое исследование затрагивает задачи и проблемы, связанные с совершенствованием государственной политики в сфере землепользования как основы для обеспечения суверенитета агропромышленного комплекса и его развития. Без совершенствования системы государственного землепользования, направленного на эффективное использование земельных ресурсов, невозможно обеспечить необходимую автономность всего агропромышленного комплекса региона [2]. В особой степени это относится к рассматриваемому нами в качестве примера города федерального значения – Санкт-Петербурга, не обладающего

достаточными земельными ресурсами для производства собственной сельскохозяйственной продукции, для удовлетворения потребительского спроса.

Основной целью нашего исследования являлась разработка практических предложений, направленных на совершенствование государственной политики в сфере землепользования, для обеспечения устойчивого развития и суверенитета агропромышленного комплекса на примере г. Санкт-Петербурга. В этой связи мы провели анализ не только существующей государственной политики в сфере землепользования, но и рассмотрели правовые и экономические особенности существующих мер государственной поддержки агропромышленного комплекса г. Санкт-Петербурга. Все рассматриваемые вопросы мы разделили на 3 блока задач:

1. Определение основных направлений и мер по совершенствованию государственной политики в сфере землепользования для развития агропромышленного комплекса.

2. Анализ текущего состояния агропромышленного комплекса Санкт-Петербурга с учетом новых внешних вызовов и необходимости обеспечения регионального агропромышленного суверенитета.

3. Определение подходов, направленных на развитие и совершенствование государственной программы Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге» и ее подпрограммы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Санкт-Петербурге».

Для решения первоочередных задач нами были проанализированы изменения в земельном законодательстве, произошедшие в России за последний тридцатилетний период. Данный временной интервал также позволил сосредоточиться на современном процессе трансформации земель сельскохозяйственного назначения, которые, в свою очередь, являются основой, определяющей возможности развития агропромышленного комплекса, а следовательно, обеспечения продовольственной безопасности. В качестве методологической основы первой части нашего исследования мы использовали неинституциональный подход через теорию неинституционализма, основной идеей которой является то, что институты представляют собой инструменты по снижению транзакционных издержек [1]. По итогам проведенного анализа с использованием указанной методики нам удалось:

1. Выделить этапы и цели земельной реформы в РФ.

2. Выделить, описать и провести классификацию транзакционных издержек в землепользовании, а именно:

2.1 издержки, связанные с предоставлением актуальной информации в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН);

2.2 издержки измерения и времени;

2.3 издержки оппортунистического поведения;

2.4 издержки внешних эффектов;

2.5 финансовые издержки.

Выделенные нами этапы земельной реформы РФ в совокупности с определенными классифицированными транзакционными издержками — позволяют определить необходимые подходы и направления по совершенствованию государственной политики в сфере землепользования, в т.ч., для развития агропромышленного комплекса.

Для решения третьей задачи нами был проведен анализ реализации программы г. Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге» и индикаторы эффективности ее подпрограммы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Санкт-Петербурге» за последние 3 года (2020–2023 гг.) [3; 4].

Исходя из полученных результатов анализа индикаторов подпрограммы с экономической и правовой точки зрения и в условиях современной действительности, мы пришли к выводу, что объемы и структура финансирования мероприятий программы и ее подпрограммы, с точки зрения реальных нужд для развития сельского хозяйства и связанного с ним агропромышленного комплекса г. Санкт-Петербурга — недостаточно эффективны; при этом, отмечено фактическое достижение утвержденных плановых показателей, но стоит отметить, что ряд данных показателей к настоящему времени утратил свою актуальность, поэтому эффект от их достижения является крайне низким; вместе с тем, отмечается противоречивость и недостаток информации по ряду критических показателей, указанных программе и ее подпрограмме, оказывающих непосредственное влияние на развитие агропромышленного комплекса г. Санкт-Петербурга.

Подводя итог проведенного исследования, мы считаем, что основные направления по совершенствованию государственной политики в сфере землепользования для обеспечения устойчивого развития и суверенитета агропромышленного комплекса г. Санкт-Петербурга и всей Российской Федерации должны быть направлены на снижение роли определенных нами транзакционных издержек в сфере землепользования. Для этого необходимо принятие специальных мер и законов, направленных на регулирование процесса снижения определенных нами транзакционных издержек.

Говоря о совершенствовании государственной политики для обеспечения устойчивого развития и суверенитета агропромышленного комплекса г. Санкт-Петербурга следует отметить необходимость корректировки всей программы «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге», т.к. данная программа в настоящее время не соответствует новым вызовам, а достигаемые в рамках этой программы показатели и цели не решают поставленных задач по обеспечению региональной продовольственной безопасности и суверенитету регионального агропромышленного комплекса.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках внутреннего гранта СЗИУ РАНХиГС по заказу органов государственной власти.

1. Федоринов А.В., Волков С.Н., Денисов П.В. Установление границ земель сельскохозяйственного назначения для целей вовлечения в оборот: методика и опыт пилотных регионов. М., 2023.

2. Савельев П.С. Глава 6. Земельная реформа: изменение правил и подходов к землепользованию // Реформа как инструмент государственного управления. СПб., 2023.

3. Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга. URL: <https://cipit.gov.spb.ru>.

4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. № 495 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге». URL: <https://docs.cntd.ru/document/822403604?ysclid=luhbp4rdly9619624>.

P.S. Savelev, P.B. Saveleva, E.V. Bondarchuk

IMPROVING STATE POLICY IN THE FIELD OF LAND USE TO ENSURE SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOVEREIGNTY OF THE AGRO- INDUSTRIAL COMPLEX (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

Abstract. The paper presents the results of a study to determine directions for improving state policy in the field of land use. In turn, the sphere of land use is considered in the context of the development and ensuring the sovereignty of the agro-industrial complex using the example of St. Petersburg. As a methodological basis we used the neo-institutional approach and the theory of neo-institutionalism in combination with legal and economic analysis. This approach made it possible not only to identify the main stages in the development and establishment of modern land use in Russia, but also to classify transaction costs in the chosen direction, which, in turn, made it possible to identify current trends in improving state policy in the area under consideration, the goal of which is to achieve sovereignty in areas of the agro-industrial complex.

Key words: public policy, sustainable development, sovereignty, agroindustrial complex, transaction costs, land management, food security, land management, neoinstitutionalism.

Сведения об авторах

Савельев Павел Сергеевич, научный сотрудник лаборатории стратегического развития и евразийской интеграции, СЗИУ РАНХиГС, savelev-ps@ranepa.ru.

Савельева Полина Борисовна, главный специалист отдела землепользования и имущественных отношений, ГКУ Ленинградской области «Дирекция дорожного строительства», polinka8904@gmail.com.

Бондарчук Екатерина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента факультета экономики и финансов, СЗИУ РАНХиГС, bondarchuk-ev@ranepa.ru.

КОНСОЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ГЕОПРИВЯЗАННОГО НАБОРА ДАННЫХ О СУБЪЕКТАХ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА БАЗЕ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация. Представлено консольное приложение на языке Python, которое создает полный геопривязанный набор данных о субъектах малого и среднего предпринимательства в России. Источник сведений – открытые данные Федеральной налоговой службы. Системные требования – 12 Гб оперативной памяти, 300 Гб свободного места на диске. Создаваемый набор данных содержит: наименование, вид, категорию, ИНН, ОГРН, адрес (населенный пункт, его координаты, ОКТМО), код ОКВЭД, доходы, расходы, среднесписочную численность работников за каждый год с 2016 по 2023 гг.

Ключевые слова: открытые данные, малое и среднее предпринимательство, ФНС России, набор данных, big data.

В современных экономико-географических исследованиях нередко возникает потребность в дезагрегированных данных. К ним, в частности, относятся сведения о конкретных организациях: наименование, местонахождение, прибыль, число работников, вид деятельности. Такая информация важна при построении математических моделей [6], для оценки уровня развития территорий [1], при анализе узких сфер деятельности, по которым нет отдельной статистики [4; 5], для исследований на локальном уровне (отдельные города, административные районы, муниципальные образования) [2; 3]. Для получения дезагрегированных данных исследователи обычно обращаются к системам бизнес-аналитики («Спарк», «Контур.Фокус»), онлайн-картам (коммерческим, таким как 2ГИС или Яндекс.Карты, или открытым, например, OpenStreetMap [3]. У такого подхода есть существенные недостатки: если данные покупаются, то надо платить, заключать отдельные договоры, соблюдать ограничения, а если данные собираются с общедоступных карт, то их обработка требует существенных усилий и не всегда законна.

В статье представлен инструмент, позволяющий самостоятельно создать набор геопривязанных данных о субъектах малого и среднего предпринимательства (МСП) в России. Получаемый набор содержит такую информацию, как наименование и местонахождение фирмы, ее регистрационные номера (ИНН, ОГРН), вид и категорию (физическое или юридическое лицо; микропредприятие, малое или среднее предприятие), код основного вида деятельности по ОКВЭД, доходы, расходы и среднесписочная численность работников за каждый год, начиная с 2019 г. Местонахождение дано с точностью до населенного пункта (городского или сельского), при этом указаны его географические координаты и код ОКТМО. Сведения доступны с середины

2016 г., что позволяет отслеживать временную динамику. Источник информации – открытые данные Федеральной налоговой службы (ФНС России). Использование открытых данных налоговой службы в экономико-географических исследованиях уже практиковалось рядом специалистов [1; 3; 6]. Обработать открытые данные ФНС России сложно из-за большого объема и запутанного формата. Предложенный инструмент упрощает эту задачу.

Приложение использует три набора открытых данных ФНС России: один основной и два вспомогательных. Основной – «Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства»¹⁹, вспомогательные – «Сведения о доходах и расходах организаций»²⁰ и «Сведения о среднесписочной численности работников организаций»²¹. Каждый из них – это коллекция zip-архивов xml-файлов, где один архив содержит данные на определенную дату. Наборы обновляются с разной периодичностью, но не реже раза в год. Каждое обновление – это публикация текущей версии данных полностью, а не только изменений, поэтому сведения в архивах частично дублируются.

Для геопривязки приложение использует две справочные таблицы населенных пунктов России: набор «Населенные пункты России»²² от проекта «Инфраструктура научно-исследовательских данных» и набор «Города России»²³, бесплатно опубликованный коммерческой компанией «DaData».

Приложение представляет собой консольную программу на языке программирования Python. Оно основано на нескольких популярных сторонних компонентах: Pandas (средство обработки табличных данных), lxml (библиотека для чтения xml-файлов), Apache Spark (инструмент для обработки больших объемов данных), Turer (фреймворк для создания интерфейсов командной строки). Приложение работает на компьютере средней конфигурации: достаточно 12 Гб оперативной памяти и 300 Гб свободного места на жестком диске.

Алгоритм обработки данных состоит из пяти шагов: загрузка данных, извлечение данных из архивов (с опциональной фильтрацией по виду деятельности), агрегирование данных для удаления повторяющихся записей, геопривязка, создание панельного представления (по годам). Соответственно, приложение включает в себя пять ключевых компонентов: загрузчик (Downloader), распаковщик (Extractor), агрегатор (Aggregator), геопривязчик (Georeferencer), генератор панельного представления (Panelizer). Командный интерфейс, в свою очередь, содержит пять основных команд: download, extract, aggregate, georeference, panelize. У каждой команды есть опции, описание которых имеется в документации. Поскольку предполагается, что основной сценарий использования приложения – это создание набора данных «под ключ»,

19 Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-rsmp>.

20 Сведения о доходах и расходах организаций. URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-revexp>.

21 Сведения о среднесписочной численности работников организаций. URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-sshr2019>.

22 Населенные пункты России. URL: <https://data.rcsi.science/data-catalog/datasets/160>.

23 Города России. URL: <https://github.com/hflabs/city>.

то интерфейс включает комбинированную команду process, которая берёт исходные данные, по очереди запускает все этапы обработки и производит панельный набор данных. Приложение размещено в открытом репозитории по адресу: <https://github.com/PavelSyomin/russian-smb-companies>. Там же доступна документация с примерами использования.

Для проверки и демонстрации работы приложения был подготовлен набор данных о фирмах, ведущих деятельность в сфере сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства (группа «А» ОКВЭД). Объем исходных данных – чуть больше 200 Гб в сжатом виде и около 2,5 Тб в несжатом, размер итогового панельного представления – 630 Мб, т.е. в сотни раз меньше. Время обработки – около 15 ч. Набор данных содержит сведения о 417 467 фирмах. Картограмма (рис. 1) показывает все организации в сфере сельского хозяйства в 2021 г., сведения о которых имеются в наборе данных.

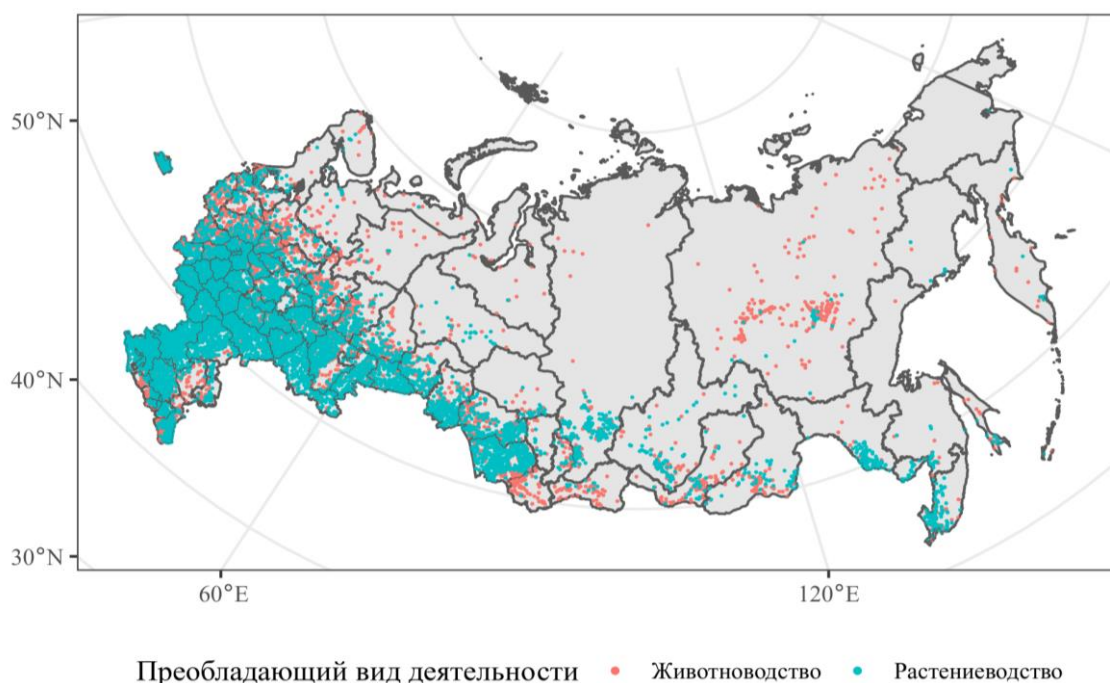

Рис. 1. Населенные пункты регистрации российских малых и средних организаций, ведущих деятельность в сфере сельского хозяйства (растениеводства и животноводства) в 2021 г.

Если в одном и том же населенном пункте находится несколько организаций разной отрасли, то цвет показывает, каких организаций в этом месте больше. В таблице 1 представлен пример одной записи из набора данных, который позволяет понять состав сведений.

Таблица 1

Пример одной записи из набора данных, созданного с помощью приложения

Признак	Значение
id	248357
tin	6658130962
reg_number	1026602328268
kind	1

Признак	Значение
category	1
first_name	–
last_name	–
patronymic	–
org_name	ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ “КЛИФ - А”
org_short_name	ООО “КЛИФ - А”
activity_code_main	02.20
region	Свердловская область
area	–
settlement	Екатеринбург
settlement_type	Г
oktmo	65701000001
lat	56.8385216
lon	60.6054911
address_raw	СВЕРДЛОВСКАЯ / ОБЛАСТЬ /// ЕКАТЕРИНБУРГ / ГОРОД //
year	2021
confidence	1
revenue	758000
expenditure	2031000
employees_count	3

Таким образом, приложение помогает исследователю собрать и подготовить исходные данные для дальнейшего анализа. Оно может использоваться как частичная альтернатива коммерческим сервисам, предоставляющим дезагрегированные данные об организациях. Получаемый набор данных подходит для изучения малого и среднего предпринимательства как такового, а также анализа тех отраслей экономики и видов экономической деятельности, где малые и средние предприятия преобладают.

Библиографический список

1. Гуменюк И.С. К вопросу о динамике экономической активности и ее влиянии на бюджетную устойчивость муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Естественные и медицинские науки. 2022. № 1.
2. Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3/2023 (26).
3. Лачининский С.С. Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2021. № 1 (13).
4. Моисеева Е.Н., Скугаревский Д.А. Рынок юридических услуг в России: что говорит статистика // Аналитические обзоры по проблемам правоприменения. 2016. № 1.
5. Панкратов А.А. Анализ современного состояния российской ИТ-отрасли: ключевые проблемы и тенденции // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. № 1 (29).
6. Ростислав К.В. Влияет ли географическое сосредоточение на прибыльность российских предприятий? // Региональные исследования. 2021. № 1 (71).

A PYTHON CLI APPLICATION TO GENERATE A GEO-REFERENCED DATASET OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA BASED ON FEDERAL TAX SERVICE OPEN DATA

Abstract. A command-line Python tool generates a complete geo-referenced dataset of small and medium-sized businesses in Russia. Open data of Federal Tax Service is used as a source. System requirements are 12 Gb of RAM and 300 Gb of free storage. The created dataset includes the following features for each company for each year from 2016 to 2023: name, kind, category, taxpayer number, registration number, address (settlement, geographic coordinates, municipal code), activity code, revenue, expenditure, count of employees.

Key words: open data, small and medium-sized businesses, FTS of Russia, dataset, big data.

Сведения об авторе

Сёмин Павел Олегович аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет, бэкенд-разработчик, ООО «АгроСофтвер», ntsp@ya.ru.

УДК 911.3

Н.М. Скобеев

ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА ИХ УЧЕТА НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье проведен анализ внутрирегиональной динамики землепользования в начале XXI века. Показано, в каких аспектах существующая система учета земель отображает лучше или хуже реальное состояние земельных ресурсов и их использования. Проведено сравнение и верификация данных из двух источников: сельскохозяйственной переписи Росстата и региональных докладов о состоянии и использовании земель Росреестра.

Ключевые слова: землепользование, сельскохозяйственная перепись, категории земель, угодья, сельскохозяйственные организации, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства, поляризация, концентрация.

Различия в характере освоения, динамике сельскохозяйственного производства и землепользования внутри регионов зачастую не только не уступают межрегиональным, но порой и превосходят их [4]. Наиболее активно трансформационные процессы в землепользовании происходят в земледельчески освоенных регионах Центральной России в пределах южнотаежной лесной и лесостепной природных зон [10; 2; 5].

Тульская область представляет собой пример такой территории с сильной внутренней дифференциацией природных и социально-экономических условий и активными трансформационными процессами в землепользовании [8]. В ней ярко выражены два пространственных градиента показателей. Первый, градиент «север-юг», обусловлен переходным географическим положением области между лесной и лесостепной зонами: ее южные районы имели прежде и сохраняют аграрную специализацию, но главное – северные районы области находятся в зоне влияния Московской агломерации, что обуславливает высокую востребованность их для дачного и индивидуального жилищного строительства. Это усиливается высокой рекреационной ценностью расположенных вдоль Оки районов [1; 8].

Градиент «север-юг» искажается сильными центрально-периферийными различиями под влиянием регионального центра Тулы, окруженного высокоурбанизированными густонаселенными территориями с пригородной застройкой и повышенной плотностью населения. Эти районы территориально тяготеют к северу области, что усиливает пространственные различия. Поскольку в пригородах крупных городов в нечерноземной зоне сельскохозяйственные организации в целом более успешны [9; 4], пригородное сельское хозяйство сильнее страдает от расширения селитебной и торгово-транспортно-логистической функций. Оба эти градиента – «север-юг» и «центр-периферия» – с точки зрения их влияния на расселение и мобильность населения были рассмотрены в книге [1]. В данной статье исследуется их возможное влияние на землепользование. Цель исследования – выявление и объяснение на примере Тульской области внутрирегиональной динамики землепользования на основе сравнения и верификации данных из различных источников.

Изменение землепользования в Тульской области. Тенденция «стягивания» пахотных угодий в определенные районы на фоне их сокращения во всем регионе, является частью общероссийского тренда по перераспределению производства сельскохозяйственной продукции в районы с наиболее благоприятной демографической и природной обстановкой [3; 4]. В Тульской области сокращение угодий в муниципальных районах происходило разными темпами. При наибольших потерях в районах севера и запада области, сохранившаяся пашня стала использоваться более интенсивно: доля посевной площади в пашне увеличилась. В центральных урбанизированных районах сокращение также было значительным, за исключением сильно распаханых Щекинского и Новомосковского районов, тогда как в южные аграрные районы претерпела наименьшие изменения (рис. 1). Рост угодий был зафиксирован только в Чернском районе. В среднем районы потеряли 30 % угодий.

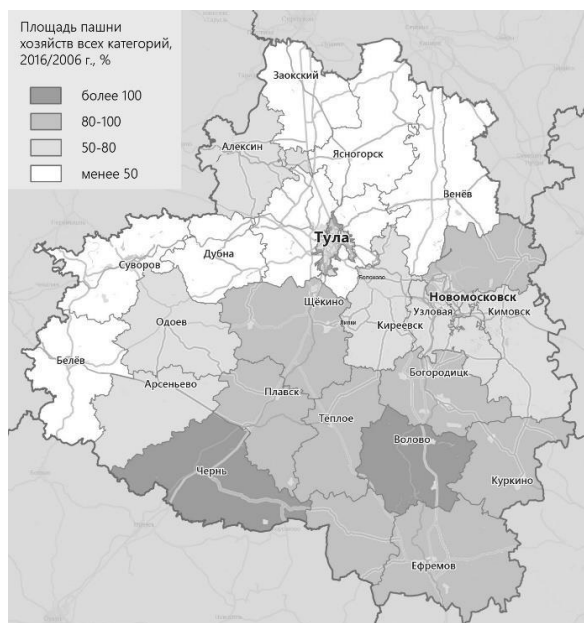

Рис.1. Сокращение площади пашни в муниципальных районах Тульской области с 2006 по 2016 гг. (по данным сельскохозяйственных переписей)

Для кормовых угодий характерно значительно более сильное сокращение, особенно пастбищ. В лучшем случае сохранялась половина площади 2006 г., в худшем – снижалась в десятки раз (рис. 2).

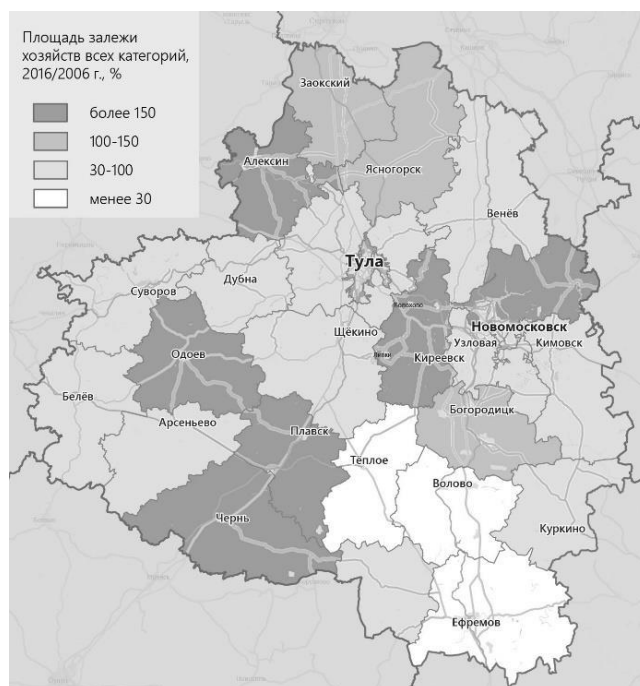

Рис. 2. Увеличение площади залежей в муниципальных районах Тульской области с 2006 по 2016 гг. (по данным сельскохозяйственных переписей)

Основные факторы изменения землепользования. В соответствии с имеющимися представлениями в научной литературе [9; 2–4], внутрирегиональные различия динамики сельскохозяйственных земель зависят в значительной степени, а в нечерноземных регионах в первую очередь, от темпов роста или убыли населения и оставшейся его плотности. Эти параметры

зависят, в свою очередь, от положения района относительно регионального центра, магистралей и т.п.

В Тульской области ситуация сложнее. Можно утверждать, что фактор динамики населения внутри региона был опосредован влиянием Москвы и Московской области. Например, увеличение численности сельского населения в северных районах области, примыкающих к Московской агломерации, не смогло повлиять на отрицательную динамику сокращения сельскохозяйственных земель (Рис. 3). Фактор плотности сельского населения имеет лишь ограниченное влияние на динамику угодий в Тульской области. Максимальная плотность характерна для густонаселенных районов Тульско-Новомосковской агломерации в центре области. При движении от центра региона плотность сельского населения планомерно снижается и становится одинаковой как для рекреационно-селитебных районов севера, потерявших сельскохозяйственное значение, так и для аграрных районов юга. При этом с долей городского населения прослеживается прямая связь. Максимальное расширение угодий наблюдалось в наименее урбанизированных районах Тульской области.

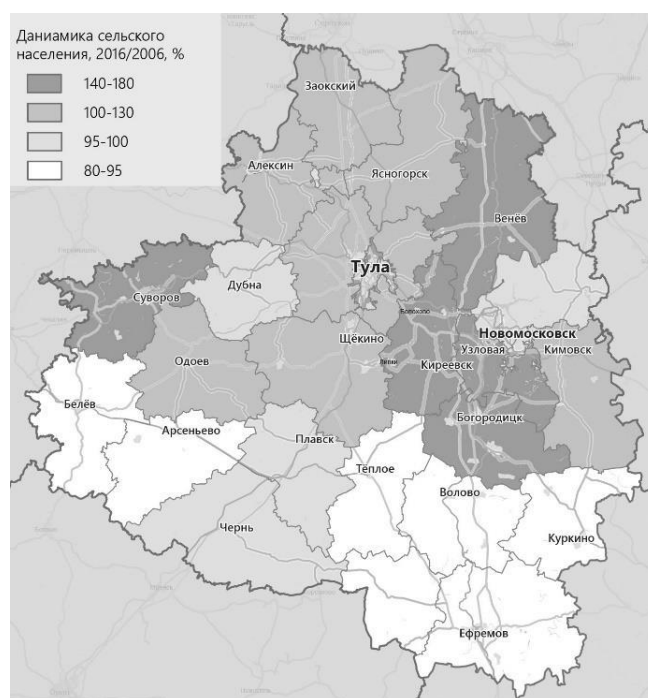

Рис. 3. Динамика сельского населения в период между сельскохозяйственным переписями 2006 и 2016 гг.

Гораздо важнее для характера и динамики землепользования в условиях перехода от лесной к лесостепной зоне оказался фактор природных предпосылок [5]. Можно выделить несколько групп районов по преобладающему типу землепользования. К первой группе относятся районы, до половины территории которых занято пахотными землями на черноземах (районы к югу от Новомосковского и Щекинского) (рис. 4).

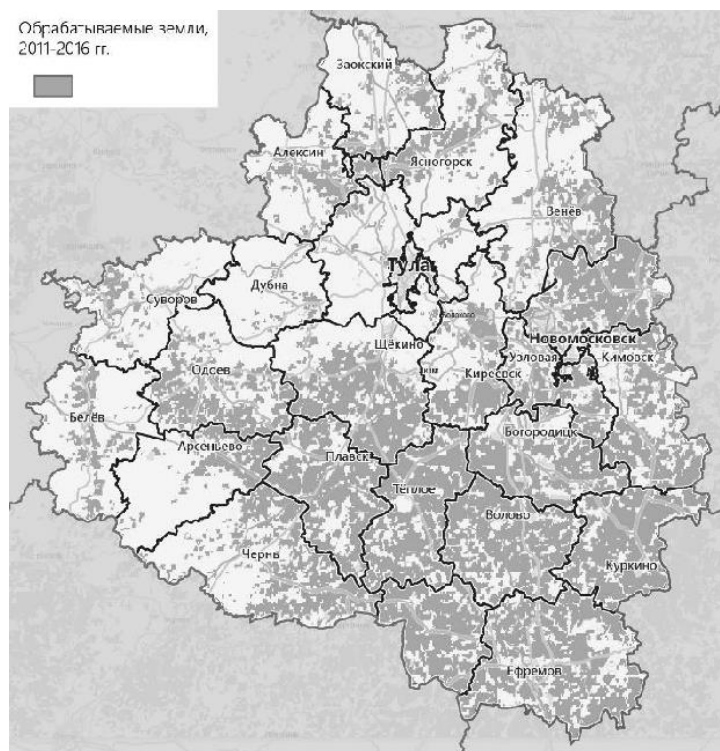

Рис. 4. Обрабатываемые земли в Тульской области
(составлен по данным сервиса ВЕГА-Science (sci-vega.ru))

Ко второй группе – территории с преобладанием лугов и лесов в структуре землепользования на серых лесных почвах. И, наконец, особо можно выделить пригородный Ленинский район (ГО Тула), не отличающийся распаханностью, но концентрирующий значительную долю произведенной продукции, в т.ч. благодаря влиянию центра и повышенной плотности трудовых ресурсов, что выражается в интенсивном типе хозяйств.

Исследование внутрирегиональной динамики землепользования Тульской области показало, что, с одной стороны, изменения землепользования наглядно подтверждают общероссийские процессы в постсоветский период, а с другой – на их характер влияет свой набор причин. Так, фактор динамики населения внутри региона был опосредован «столичным» влиянием Москвы и Московской области. Увеличение сельского населения в северных районах области, примыкающих к Московской агломерации, не смогло переломить отрицательную динамику площади сельскохозяйственных земель и даже способствовало ее усилению из-за перемены функционального использования земель. В отличие от фактора плотности и динамики сельского населения более важную роль в регионах перехода от лесной к лесостепной зоне играет фактор природных условий, способствующих «стягиванию» пахотных угодий в южные районы.

Сопоставление данных Росреестра и сельскохозяйственной переписи населения показало, что, хотя оба источника данных частично пересекаются, у них разные методы исследований, периодичность, цель и значительные расхождения в результатах. Так, площадь сельскохозяйственных земель, выявленная в результате переписи 2016 г., составляет 65 % земель Росреестра. Значительные площади пашни и пастбищ не закреплены за

сельхозпроизводителями (или мелкие хозяйства населения не знают об этом и не используют их). Оценка площади заброшенных сельхозугодий по переписи превышает показатель Росреестра почти в 2,5 раза.

Уменьшение различий данных Росреестра и Росстата происходит с северо-запада на юго-восток области, что обусловлено значительным сокращением площади хозяйств в северных и западных районах в межпереписной период, усилившим поляризацию землепользования внутри области. Выявлена зависимость, что чем более аграрный и распахиваемый район – тем ближе показатели Росреестра и переписи. Таким образом, ведущим является фактор экономической эффективности сельскохозяйственного землепользования.

Значительные расхождения двух источников данных зафиксированы и в разрезе категорий производителей сельскохозяйственной продукции. Так, весомые отклонения в сельскохозяйственной переписи в сторону уменьшения наблюдаются в отношении сельскохозяйственных организаций, как в их числе, так и площади в зависимости от географического положения. Сектор фермерских хозяйств, напротив – оказался в переписи гораздо более значимым, чем фиксирует текущая статистика. Личные подсобные хозяйства за десятилетний период значительно утратили сельскохозяйственные функции, а реальная оставшаяся у населения площадь посевов наполовину меньше, чем указывает текущая отчетность. Таким образом, ссылки на показания докладов Росреестра о состоянии и использовании земли в России нуждаются в коррекции и сравнении с другими источниками.

Сама традиция деления земель на категории и угодья не соответствует современным реалиям дня при утрате территориального планирования и растущей потребности в оперативном мониторинге и регулировании использования земельных ресурсов. Особенно это касается таких регионов, как Тульская область, где сочетается влияние Московской и Тульско-Новомосковской агломераций в виде активного дачного и коттеджного строительства при сохранении сельскохозяйственного производства в южных аграрных и центральных районах.

Библиографический список

1. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов [и др.]. М., 2016.
2. Епихина А.В. Об основных методологических и организационных положениях по подготовке и проведению ВСХП 2016 г. М., 2015.
3. Зинченко А.П. Какие выводы необходимо и можно получить при анализе итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 1.
4. Казьмин М.А. Трансформация сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ // Региональные исследования. 2016. № 2.
5. Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Сер. Геогр. 2017. № 5.
6. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Сер. Геогр. 2012. № 3.
7. Регионы России. М. Росстат. 2016.

8. Скобеев Н.М. Трансформация землепользования Тульской области в 2010–2016 гг. // Человек и природа. 2017.
9. Узун В.Я. «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг. 2017. № 21 (59).
10. Шагайда Н.И.оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М., 2010.

N.M. Skobeev

TRENDS IN LAND USE CHANGES AND SPECIFICS OF THEIR ACCOUNTING BY THE EXAMPLE OF THE TULA REGION

Abstract. The article analyzes the intraregional dynamics of land use at the beginning of the 21st century. It is shown in which aspects the existing land accounting system represents better or worse the real state of land resources and their use. A comparison and verification of data from two sources was carried out: the Rosstat agricultural census and regional reports on the state and use of Rosreestr lands.

Keywords: land use, agricultural census, land category, land grounds, agricultural organizations, private farms, personal farms, polarization, concentration.

Сведения об авторе

Скобеев Никита Михайлович, аспирант, Институт географии РАН, nikitaskobeev@yandex.ru.

УДК 338.9

Д.И. Тебиева

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОКАВКАЗСКОЙ ПЕРЕВАЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы прокладки перевальной железной дороги через Центральный Кавказ, как наиболее оптимальный с точки зрения логистики и экономики: железная дорога позволит решить проблему круглогодичного функционирования грузопотоков между Россией и странами ближнего и дальнего зарубежья, разгрузить пограничный и таможенный пост «Верхний Ларс». В то же время новейшие данные о тектонической активности Большого Кавказа увеличивают возможные риски негативных экологических последствий, осложняют реализацию самого проекта, а главное, не решают насущные геополитические и экономические проблемы региона.

Ключевые слова: перевальная железная дорога, логистика, экономический эффект, экологические риски

История строительства перевальной железной дороги через Большой Кавказ восходит к 1856 г., и главной нерешенной проблемой до настоящего времени остается вопрос выбора направления [1, 2], т.е. где, конкретно, и как железная дорога должна пересечь горный хребет.

Ретроспективный анализ обоснования выбора направления показывает, что все предлагаемые схемы базировались на понятии «кратчайший путь», который может обеспечить наименьшие затраты на строительство, так как государственные финансы всегда были ограничены. Политические, геополитические и экономические основания необходимости строительства перевальной железной дороги через Центральный Кавказ для Российской империи и для Российской Федерации мало изменились за почти 150-летнюю историю вопроса. Так, на заре Советской власти в 1928 г. инженер И.Т. Собиев, изучавший проблему строительства писал: «... весть Кавказ будет опоясан сплошным кольцом железных дорог... К этой сверхмагистрале будут вывозиться из горных ущелий и равнин те неизмеримые богатства, которые таятся в недрах Кавказских гор и на равнинах как Переднего Кавказа, так и Закавказья. ... Дальнейший рост этих подъездных путей должен быть еще более интенсивным, по мере роста культуры и экономической мощи Союза. ...В настоящий момент на Кавказе вся железнодорожная сеть составляет около 6000 км. По сравнению с такой горной страной, как Швейцария, наш величественный Кавказ, до обиды беден путями сообщений...» [2]. Действительно по состоянию на 1928 г. в Швейцарии на каждые 100 км² приходилось 13 км железнодорожных путей, а на каждые 10000 жителей – 18 км дорог, в то время как на Кавказе густота железнодорожной сети составляла 1,2 км/100 км², а на 10 тыс. жителей приходилось 4,2 км.

Долгое время большинство проектировщиков отдавали предпочтение направлению: Беслан-Дарг-Кох-Алагир-Гори, с тоннелем под Магским перевалом (расположен западнее Рокского автодорожного тоннеля, введенного в эксплуатацию в 1986 г.). Впервые проект по долине реки Ардон был разработан и предложен инженером Б.И. Статковским в 1876 г. (одновременно предлагался и вариант по долине Терека). Длина всего участка железной дороги предполагалась в 191 км с тоннелем протяженностью в 8,5 км. Этот вариант долго обсуждался администрациями и техническими специалистами в России и Грузии и в дореволюционное время, и в советский период, но не был реализован из-за финансовых трудностей и сложности строительства.

В последние десять лет для Российской Федерации вопрос создания транспортного коридора через Кавказ вновь актуализировался в связи с изменившимися политическими обстоятельствами.

Однако, за эти годы произошли значительные сдвиги в расстановке акцентов при обосновании выбора направления строительства, причем они касаются и затрагивают интересы, в первую очередь, тех территорий, через которые предполагается прокладка перевальной железной дороги:

– изменилась политическая карта Российской Федерации после распада Советского Союза: Главный Кавказский хребет стал государственной границей России;

– геополитическое положение Северокавказских республик (ранее автономных республик СССР) изменилось, превратив их в приграничные территории, особенно этот факт повлиял на Северную Осетию, через которую проходят две автомобильные магистрали (Военно-Грузинская дорога – в долине р. Терек и ТрансКАМ – в долине р. Ардон). Обе трассы являются кратчайшим путем из Российской Федерации в страны ближнего и дальнего зарубежья;

– природно-ресурсный потенциал Северного Кавказа претерпел значительные изменения: месторождения рудных ископаемых либо полностью отработаны, либо истощились до уровня нерентабельности, запасы углеводородов практически иссякли (Чеченская Республика). На первый план выходят неисчерпаемые нерудные ископаемые, главным образом, строительные материалы, облицовочные камни, в том числе, доломит (РСО-Алания), занимающий особое место благодаря своей востребованности в самых разнообразных производствах. Минеральные воды (за исключением Минераловодского района и единичных бальнеологических центров в национальных республиках), используются крайне неэффективно, большинство источников, даже хорошо известных своими лечебными свойствами, не эксплуатируются;

– последние десятилетия коренным образом изменились представления о Северном Кавказе, теперь он позиционируется не как источник различного промышленного и сельскохозяйственного сырья, а как огромный рекреационный регион с высоким бальнеологическим и туристским потенциалом, способным обеспечить массовый отдых и туризм населения во всех их проявлениях, в том числе удовлетворить потребности в экзотических и экстремальных видах отдыха;

– и, наконец, на протяжении всей истории предполагаемого строительства железной дороги через Большой Кавказ, ни разу не ставился вопрос о возможных экологических последствиях этого строительства. Это можно объяснить, с одной стороны, отсутствием до середины двадцатого века самого понятия «экологические проблемы», а с другой – второстепенным положением и человека, и среды его обитания, по сравнению с экономическими выгодами.

Игнорировать экологические проблемы в настоящее время невозможно, так как наука получила новые знания о тектонике, геофизике, сейсмике, геодинамике и других характеристиках Кавказа, о которых в прошлом веке не было представления, и все проблемы сводились к трудностям самого строительства. В то время единственной помехой для связи России с Закавказьем были систематические катастрофы на Военно-Грузинской дороге, благодаря чему, этот район хорошо изучен в геолого-геоморфологическом отношении [3]. Теперь известна высокая сейсмичность территории Центрального Кавказа, достигающая 10-балльной величины по шкале Рихтера, измерены скорости вертикальных и горизонтальных движений Большого Кавказа, изучена система

продольных и поперечных разломом, структура микроплитного глубинного строения и другие особенности Кавказского хребта [4], способные, в случае своего проявления, свести на нет все технические сооружения, не говоря уже об экологическом ущербе [5].

В данной работе нет возможности в деталях рассматривать предлагаемые многочисленные варианты прокладки перевальной железной дороги через Центральный Кавказ, но, на наш взгляд, этого и не требуется в сложившейся политической ситуации. Дорога нужна, как говорится – «здесь и сейчас», а поскольку процесс строительства, независимо от выбранной схемы, займет, в лучшем случае, десятилетие, то разумнее – еще подождать. Такое мощное техническое сооружение в тектонически активном регионе, с миллиардными затратами и привлечением тысячи специалистов и строительных рабочих требует, наряду, с перечисленными выше, актуальными факторами обоснования строительства, политической и геополитической стабильности, учета интересов территорий, экологических последствий.

Библиографический список

1. Чернов М.И. Транспортный коридор Россия-Иран как опорный проект системы транскавказских транспортно-инфраструктурных проектов и логистических центров // СТЕК: Система транспортных евразийских коридоров. Пушкино, 2015.
2. Собиев И.Т. Перевальная через Главный Кавказский хребет железная дорога. Владикавказ, 1928. URL: <https://dzurdzuki.com/download/sobiev-i-t-perevalnaya-cherez-glavnyj-kavkazskij-hrebet-zheleznaya-doroga-1928/>
3. Ренгартен В.П. Геологический очерк Военно-Грузинской дороги. // Изв. ВГРО, вып.148, М.-Л.
4. Тебиева Д.И. Ландшафты восточной части Центрального Кавказа и их хозяйственная оценка. Владикавказ, 2013.
5. Drobyshev V.N. Glacial catastrophe of 20-september 2002 in North Ossetia // Russian Journal of Earth Sciences. 2006. Т. 8. № 4.

D.I. Tebieva

ECOLOGICAL AND ECONOMIC RISKS OF CONSTRUCTION OF THE CENTRAL CAUCASUS PASS RAILWAY

Abstract. The current problems of laying a transshipment railway through the Central Caucasus are considered, as the most optimal from the point of view of logistics and economics: the railway will solve the problem of year-round functioning of cargo flows between Russia and countries of the near and far abroad, and relieve the congestion at the border and customs post “Upper Lars”. At the same time, the latest data on the tectonic activity of the Greater Caucasus increases the possible risks of negative environmental consequences, complicates the implementation of the project itself, and most importantly, does not solve the pressing geopolitical and economic problems of the region.

Key words: transshipment railway, logistics, economic effect, environmental risks.

Сведения об авторе

Тебиева Деляра Иосифовна, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой физической и социально-экономической географии, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, d_tebieva@mail.ru .

УДК 371.035.7

Т.Г. Туова

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИК ЮГА РОССИИ И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Развитие Европейского юга России значительно зависит от составляющих компонентов социально-экономического блока: природно-ресурсного потенциала, специализации, трудовых ресурсов, уровня развития региона. Поэтому проблема анализа современного состояния социально-экономического развития данного региона и определение его роли в современной экономике России является актуальным.

В статье рассматриваются актуальные вопросы социально-экономического развития субъектов Юга России в рамках общего экономического развития России; возможные варианты стратегического развития южного макрорегиона с опорой на природно-ресурсный потенциал.

Ключевые слова: Юг России, субъекты, вектор социально-экономического развития, специализация региона, природно-ресурсный потенциал.

В состав республик Юга России входят: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Крым, Республика Калмыкия.

Для определения уровня социально-экономического развития этих субъектов Юга России необходимо проанализировать данные Росстата России за 2023 г. (табл. 1) [1].

Анализ таблицы показывает, что по численности населения лидерами среди республик Юга России являются: Республика Дагестан, Республика Крым и Чеченская Республика. По экономически активному населению тройку лидеров составляют: Республика Дагестан, Республика Крым и Чеченская Республика.

Среднедушевые доходы незначительны в республиках по сравнению со среднероссийскими (73,7 тыс. руб. на 2023 г.): тройку лидеров составили – Республика Адыгея, Республика Дагестан и Чеченская Республика. Аутсайдерами стали: Республика Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Республика Калмыкия.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели республик Юга России, 2023 г. [1]

Субъекты	Численность населения на 01.01.2023 г. тыс. чел.	Экономически активное население, тыс. чел.	Среднедушевые доходы (в месяц), руб.	Валовый региональный продукт, млрд руб	Основные фонды в экономике на конец 2023 г., млрд руб.
Республика Адыгея	498	152,5	36 397	171	551
Республика Дагестан	3 209, 8	1 153,0	33 343	814	1 740
Республика Ингушетия	519,1	199,8	20 781	77	263
Кабардино-Балкарская Республика	903,3	377,5	30 173	199	605
Карачаево-Черкесская Республика	468,4	179,0	22 258	109	468
Чеченская Республика	1 533,2	573,9	30 341	288	977
Республика Северная Осетия-Алания	680,7	266,7	29 235	203	441
Республика Калмыкия	264,5	112,0	23 684	100	350
Республика Крым	1 916,8	839,0	28 689	587	4 126

Динамика основных фондов в экономике на конец 2023 г. показывает следующие результаты (рис. 1).

Рис. 1. Динамика основных фондов в экономике республик Юга России на конец 2023 г.

Анализ гистограммы показывает, что по основным фондам в экономике на конец 2023 г. лидируют: Республика Крым, Республика Дагестан и Чеченская Республика. Последние места занимают Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия.

Для выявления вектора социально-экономического развития республик Юга России и их роли в современной российской экономике необходимо

изучение отраслевой структуры, вопросов использования занятости населения на рынке труда, уровня безработицы и качества жизни; оценки природно-ресурсного потенциала республик, межрегиональных и внешнеэкономических связей. Рассматривая природно-ресурсный потенциал республик Юга России, приходишь к выводу, что все их недра обладают достаточным запасом полезных ископаемых, но это не отражается в возможностях их использования в отраслевой структуре экономик (табл. 2) [2].

Таблица 2

Природно-ресурсный потенциал республик Юга России	
Республики	Полезные ископаемые
Республика Адыгея	природный газ, велики запасы строительных материалов (гравий, песок, глина, известняк), в горной части республики расположены небольшие месторождения золота, рудных материалов.
Республика Дагестан	нефть и газ побережье Каспийского моря; кварцевые пески – Карабудахкент.
Республика Ингушетия	нефть и природный газ (Малгобекское, Карабулакское и др. месторождения на севере). Также месторождения природных строительных материалов (известняков, мрамора, доломита, кирпичных глин, гравия, песков), термальных и минеральных вод.
Кабардино-Балкарская Республика	вольфрам, молибден, нефть, источники лечебных термальных вод и экологически чистой воды; промышленные запасы бентонитовых глин, шпатов и туфовых залежей, ценные породы камней (гранит, диорит, диабазовые порфириты).
Карачаево-Черкесская Республика	нефть, медно-колчеданные и полиметаллические руды, вольфрам, каменный уголь, барит, сурик, гранит, мрамор, цементное сырье, известняк, огнеупорные глины.
Чеченская Республика	нефть, газ, кирпичное сырье, глина, мергель, доломит, гипс, строительный песок.
Республика Северная Осетия-Алания	Мрамор, известняк, гранит, песчаник, глинистые сланцы, полиметаллические руды.
Республика Калмыкия	нефть, газ, поваренная соль, разнообразные строительные материалы, а также разнообразными видами минерально-сырьевых ресурсов, среди которых выделяются углеводороды, нерудные полезные ископаемые и природные строительные материал.
Республика Крым	железные руды, месторождения строительных и флюсовых известняков (Балаклава, горный массив Агармыш), соляные богатства Сиваша и озер, а также месторождения газа.

Во всех республиках рекреационная отрасль является их визитной карточкой. Основой развития рекреационной отрасли в республиках являются горный рельеф, мягкий умеренный климат, наличие термальных и минеральных вод, живописные горные реки с водопадами, уникальный растительный и животный мир (Тебердинский и Кавказский заповедники); этногеографические ресурсы (городища, дольмены); научно-производственные ресурсы как объект

туризма (научная астрофизическая обсерватория Российской академии наук в Карачаево-Черкессии) и другое.

За последние годы, с этой точки зрения, Республика Адыгея ведет строительство второй очереди горнолыжного комплекса «Лагонаки», куда будут вложены 6,6 млрд руб.; в Карачаево-Черкессии развитие имеющихся курортов: Теберда, Домбай, Архыз; в Кабардино-Балкарии модернизация горно-рекреационных комплексов «Приэльбрусье», «Долина Нарзанов», «Верхний Чегем»; в Карачаево-Черкессии – горнолыжного комплекса «Домбай» и других курортов.

В Республиках Юга России имеются благоприятные агроклиматические ресурсы для развития сельского хозяйства, большое количество водных объектов, которые имеют лечебно-оздоровительные свойства, развитие которых определяется увеличивающимся спросом со стороны центра, так и на внешнем рынке.

Однако, этот природно-ресурсный потенциал используется в узких целях, даже рекреационных. Для их развития необходимо прокладывать и оборудовать экологические и туристические маршруты к уникальным природным объектам, к археологическим и историческим памятникам. Это создаст дополнительные возможности строительства небольших гостиниц для туристов, домов охотника, модернизацию существующих рекреационных учреждений – это то малое, что может поднять одно из направлений профилизации республик.

Следует отметить, что при использовании рекреационных ресурсов республик Юга России необходимо опираться на опыт аналогов в мировой практике, например создание в Швейцарии альпийских деревень. Тогда вклад в развитие российской экономики будет более значительным.

Сохранение большого уровня безработицы в республиках Юга России отражается на их социально-экономической политике, миграции населения. Решение данной проблемы возможно на основе более полного комплексного использования природно-ресурсного потенциала республик [3].

Анализ гистограммы показывает, что самая высокая безработица в Республике Ингушетия, затем в Республиках Северная Осетия и Дагестан, что намного больше российского уровня (3 %). Меньше всего безработицы в Республике Крым, Республике Адыгея и Республике Калмыкия (рис. 2).

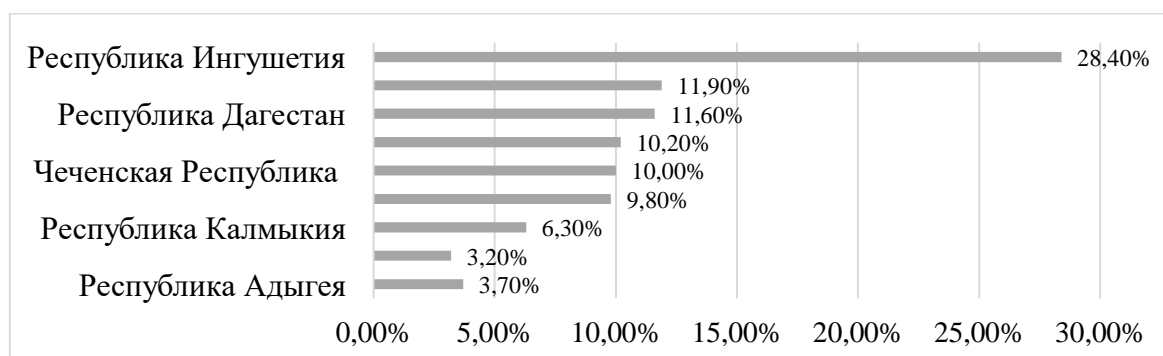

Рис. 2. Уровень безработицы в республиках Юга России от численности экономически активного населения

Таким образом, вектор социально-экономического развития республик Юга России напрямую связан с политикой федерального центра по развитию национальных республик. В послании президента России в 2024 г. отмечено направление снижения регионального долга, которое возможно положительно повлияет на регионализацию социально-экономических процессов в республиках Юга России. Следовательно, позитивные результаты социально-экономического развития субъектов Российской Федерации приведут к общему подъему российской экономики.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2023.
2. Мусаев Р.А., Решиев С.С. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. № 1 (45). 2013.
3. Труд и занятость в России. М., 2023.
4. Туова Т.Г., Мельникова Т.Н. Социально-экономические аспекты уровня жизни населения в Республике Адыгея // Вестник АГУ. Майкоп, 2018. Вып. 3 (226).

T.G. Tuova

VECTORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLICS OF THE SOUTH OF RUSSIA AND THEIR ROLE IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

Abstract. The development of the European South of Russia significantly depends on the constituent components of the socio-economic block: natural resource potential, specialization, labor resources, level of development of the region. Therefore, the problem of analyzing the current state of socio-economic development of a given region and determining its role in the modern Russian economy is relevant.

The article discusses current issues of socio-economic development of the constituent entities of the South of Russia within the framework of the overall economic development of Russia; possible options for the strategic development of the southern macroregion based on natural resource potential.

Key words: South of Russia, subjects, vector of socio-economic development, specialization of the region, natural resource potential.

Сведения об авторах

Туова Тамара Гиссовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Адыгейский государственный университет, tamaratuova@yandex.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ УЗБЕКИСТАНА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЕГО НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В Узбекистане в разные годы было разработано несколько вариантов схемы экономического районирования республики. Ныне наиболее широко применяемой в научно-образовательных целях является схема экономического районирования Узбекистана, предложенная в конце 1990-ых гг. А.С. Салиевым, которая включает шесть экономических районов. В статье на основе анализа ряда статистических показателей в разрезе шести экономических районов Узбекистана рассмотрено их место в межрайонном разделении труда и территориальной структуре национальной экономики республики.

Ключевые слова: экономическое районирование, специализация, коэффициент специализации, территориальная структура экономики.

Одним из основных методов изучения территориальной структуры национальной экономики является, безусловно, экономическое районирование страны. Вопросами экономического районирования Узбекистана в советский и постсоветский период занимался ряд учёных-географов и экономистов, в частности, К.Н. Бедринцев [1], К.И. Лапкин [1], З.М. Акрамов [1], А.К. Бедринцев [2], А. Аль-Халиль [3], А.С. Салиев [4, 5], Н. Тухлиев [6] и др. Примечательно, что во всех опубликованных опытах экономического районирования республики, начиная с 1960-х гг., Ферганская долина (Андижанская, Наманганская и Ферганская области) и Низовья Амударьи (Хорезмская область и Каракалпакстан) неизменно выделялись в качестве экономических районов. К концу 1970-х гг. укрепилось мнение о целесообразности выделения Голодностепского экономического района в составе Сырдарьинской и Джизакской областей, ранее рассматривавшихся в рамках Ташкентского экономического района, и оконтуривании последнего, соответственно, административными границами Ташкентской области с включением в его состав также города Ташкента как самостоятельного административно-территориального образования, приравненного по статусу к региону областного ранга. Однако место регионов так называемого Юго-Западного Узбекистана (Бухарская, Кашкадарьинская, Навоийская, Самаркандская и Сурхандарьинская области) в схемах экономического районирования республики, разработанных разными авторами, значительно различалось. Как следствие, число экономических районов республики варьировалось в работах разных авторов от шести до восьми.

В настоящее время во многих научных трудах экономико-географов и регионалистов, в учебной литературе для высшей и средней школы Узбекистана используется предложенная профессором А.С. Салиевым и впервые

опубликованная им в 1998 г. схема экономического районирования республики, включающая следующие шесть основных (межобластных) экономических районов:

1) Ташкентский экономический район – объединяет Ташкентскую область и город Ташкент;

2) Ферганский экономический район – состоит из Андижанской, Ферганской и Наманганской областей;

3) Мирзачульский (Голодностепский) экономический район – охватывает Джизакскую и Сырдарьинскую области;

4) Зарафшанский экономический район – состоит из Бухарской, Навоийской и Самаркандской областей;

5) Южный экономический район – охватывает Кашкадарьинскую и Сурхандарьинскую области;

6) Нижнеамударьинский экономический район – объединяет Республику Каракалпакстан и Хорезмскую область.

Особенность данной схемы районирования, предложенной профессором А.С. Салиевым, и её отличие от предыдущих опытов аналогичных исследований состоит в том, что все основные экономические районы в ней являются межобластными, т.е. объединяют 2–3 административно-территориальные единицы (административно-экономических района) страны, и ни один регион Узбекистана (область, Республика Каракалпакстан, город Ташкент) не выделяется как отдельный экономический район. Это обеспечивает соблюдение системно-структурного принципа экономического районирования, подразумевающего, среди прочих аспектов, иерархичность территориальной организации районов, выражающуюся, в частности, в разграничении основных экономических и областных (административно-экономических) районов страны. Поэтому для целей анализа территориальной структуры национальной экономики Узбекистана нами принята за основу именно эта схема экономического районирования республики.

Специализация экономических районов Узбекистана. Как известно, одним из методов количественной оценки специализации экономических районов страны является расчёт их коэффициентов специализации по отраслям. Данный коэффициент представляет собой отношение доли экономического района в национальном производстве определенной продукции к его доле в общей численности населения страны. Если коэффициент специализации экономического района по производству данного вида продукции (валовой продукции отрасли) превышает 1,00, соответствующее производство признаётся в качестве специализации экономического района.

Экономические районы Узбекистана различаются по специализации промышленного производства (табл. 1). Особенно своим индустриальным потенциалом выделяется Ташкентский экономический район. За исключением топливной промышленности, все отрасли промышленности относятся к разряду специализированных для этого района. Индустрия Ферганского экономического района специализируется на легкой промышленности, машиностроении и

металлообработке. Специализацией промышленного комплекса Мирзачульского экономического района можно назвать электроэнергетику, производство строительных материалов и легкую промышленность. Промышленность Зарафшанского экономического района специализируется на металлургии и топливной промышленности. В Южном экономическом районе на уровне специализации развита только топливная промышленность. В Нижнеамударьинском экономическом районе химическая и топливная промышленность могут рассматриваться как специализированные отрасли.

Таблица 1

Коэффициенты специализации в производстве продукции различных отраслей промышленности экономических районов Узбекистана (по итогам 2022 г.)

Экономические районы Узбекистана	Отрасли промышленности							
	Электроэнергетика	Топливная	Металлургическая	Химическая и фармацевтическая	Машиностроение и металлообработка	Строительных материалов	Легкая	Пищевая
Ташкентский	1,71	0,68	2,95	2,33	2,45	2,19	1,05	2,70
Ферганский	0,38	0,61	0,02	0,38	1,19	0,80	1,33	0,54
Мирзачульский	3,63	0,08	0,03	0,46	0,39	1,58	1,20	0,70
Зарафшанский	0,82	1,07	2,53	0,72	0,66	1,00	0,89	0,93
Южный	0,70	1,87	0,00	0,59	0,06	0,36	0,65	0,37
Нижнеамударьинский	0,78	1,56	0,01	2,10	0,81	0,40	0,70	0,95

Примечание: составлена по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан.

Отрасли сельского хозяйства также во многом определяют специализацию экономических районов (табл. 2). Ташкентский экономический район практически не специализируется на производстве сельскохозяйственной продукции (кроме яиц).

Картофелеводство, овощеводство, садоводство и шелководство являются отраслями специализации Ферганского экономического района. Мирзачульский экономический район специализируется на выращивании зерна, хлопка и бахчевых культур, а также производстве мяса, молока, яиц и шерсти. Зарафшанский экономический район характеризуется крупным многоотраслевым сельскохозяйственным комплексом. Здесь только бахчеводство не развито на уровне специализации (впрочем, и в этой отрасли коэффициент специализации района очень близок к 1,00). Сельское хозяйство Южного экономического района специализируется на выращивании зерна, хлопка, бахчевых культур, мяса, молока, шерсти, каракуля. В Нижнеамударьинском экономическом районе в качестве отраслей специализации выделяются хлопководство, шелководство и молочное скотоводство.

Таблица 2

Коэффициенты специализации экономических районов Узбекистана на производстве основных видов сельскохозяйственной продукции (по итогам 2022 г.) [7]

Экономические районы Узбекистана	Продукция земледелия					
	Зерновые культуры	Хлопок	Картофель и овощи	Бахчевые культуры	Фрукты и ягоды	Виноград
Ташкентский	0,47	0,42	0,60	0,16	0,23	0,36
Ферганский	0,97	0,79	1,19	0,70	1,63	0,81
Мирзачульский	2,29	2,22	0,94	3,51	0,69	0,39
Зарафшанский	1,08	1,05	1,35	0,96	1,29	2,66
Южный	1,08	1,12	0,86	1,21	0,67	0,68
Нижнеамударь-Инский	0,86	1,40	0,74	1,26	0,69	0,31
Экономические районы Узбекистана	Продукция животноводства					
	Мясо	Молоко	Яйца	Шерсть	Каракульские смушки	Коконь
Ташкентский	0,63	0,51	1,08	0,26	0,00	0,44
Ферганский	0,69	0,87	0,84	0,45	0,00	1,06
Мирзачульский	1,72	1,38	1,08	1,96	0,08	0,91
Зарафшанский	1,43	1,28	1,34	1,70	3,54	1,39
Южный	1,11	1,09	0,77	1,65	1,20	0,97
Нижнеамударь-инский	0,99	1,20	0,98	0,66	0,73	1,06

Место экономических районов Узбекистана в национальной экономике страны и его динамика. Место территорий в национальной экономике можно оценить по их весу в макроэкономических показателях страны (табл. 3). По итогам 2022 г., при 14,7 % валового внутреннего продукта Узбекистана, не распределенного по регионам, наибольшая доля в ВВП страны принадлежала Ташкентскому экономическому району (27,1 %). Относительно высокие показатели на фоне других районов при этом отмечены по Зарафшанскому (19,7 %) и Ферганскому (16,9 %) экономическим районам. Самый же низкий показатель (5,1 %) зафиксирован в Мирзачульском экономическом районе.

Важно заметить, что только доля Ташкентского экономического района в ВВП страны превышает его удельный вес в общей численности населения республики, а вклад всех остальных экономических регионов в ВВП страны ниже их доли в населении республики. Такая ситуация особенно характерна для Ферганского и Южного экономических районов. Хотя, безусловно, следует учитывать, что реальная картина порайонного распределения ВВП искажается наличием нераспределённого по регионам объёма производства, составившего по итогам 2022 г. 14,7 % ВВП страны, а также тем, что ряд крупных предприятий, расположенных в разных регионах Узбекистана, юридически зарегистрирован в Ташкенте или Ташкентской области (например, Зафарабадский (Джизакская область) и Шерабадский (Сурхандарьинская область) цементные заводы, Мубарекский газоперерабатывающий завод (Кашкадарьинская область) и другие).

Доля экономических районов Узбекистана
в основных макроэкономических показателях республики [8]

№	Показатели	Доля экономических районов в показателях республики, %						Нераспределённая по регионам часть, %
		Ташкентский	Ферганский	Мирзачульский	Зарафшанский	Южный	Нижнеамударьинский	
2000 г.								
1	Численность населения	18,2	27,7	6,6	19,9	16,0	11,6	0,0
2	ВВП	23,0	24,2	5,2	19,0	12,3	7,8	8,5
3	Промышленная продукция	31,8	25,0	4,4	23,1	10,8	4,9	0,0
4	Сельскохозяйственная продукция	13,2	30,4	8,5	22,9	15,8	9,2	0,0
5	Платные услуги	36,7	18,3	2,8	14,5	7,6	6,4	13,7
6	Инвестиции	32,6	17,5	4,6	16,1	20,4	8,3	0,5
7	Строительные работы	27,8	19,3	4,3	20,9	13,5	12,2	2,0
8	Внешнеторговый оборот	45,1	12,1	3,7	15,6	7,3	3,3	12,9
2010 г.								
1	Численность населения	17,0	28,4	6,5	20,0	16,8	11,3	0,0
2	ВВП	22,9	16,9	4,9	19,7	13,1	6,5	16,0
3	Промышленная продукция	32,7	23,5	3,8	20,3	15,0	3,4	1,3
4	Сельскохозяйственная продукция	11,6	24,3	9,0	29,5	16,2	9,4	0,0
5	Платные услуги	40,7	13,9	2,9	13,0	7,1	5,7	16,7
6	Инвестиции	29,9	14,1	5,2	30,2	14,9	5,5	0,2
7	Строительные работы	21,1	14,2	4,2	18,4	12,6	6,3	23,2
8	Внешнеторговый оборот	55,3	16,0	2,0	9,3	3,4	1,4	12,6
2022 г.								
1	Численность населения	16,5	28,6	6,6	19,9	17,5	10,9	0,0
2	ВВП	27,1	16,9	5,1	19,7	9,5	7,0	14,7
3	Промышленная продукция	36,7	18,6	4,3	25,5	5,4	6,5	3,0
4	Сельскохозяйственная продукция	9,5	26,8	9,9	26,0	17,2	10,6	0,0
5	Платные услуги	46,5	14,9	3,6	13,1	7,9	5,8	8,2
6	Инвестиции	34,0	16,5	8,7	23,1	10,3	7,0	0,4
7	Строительные работы	28,1	18,7	5,4	17,3	10,9	8,1	11,5
8	Внешнеторговый оборот	50,3	15,3	3,0	9,8	1,8	2,8	17,0

Ташкентский экономический район занимает ведущее место в региональной структуре промышленного производства с долей 36,7 %. Сравнительно высокие показатели в этом плане также принадлежат Зарафшанскому (25,5 %) и Ферганскому (18,6 %) экономическим районам. Доля других экономических регионов в промышленности Узбекистана значительно ниже. В целом, только Ташкентский и Зарафшанский экономические районы имеют более высокую долю в промышленности страны, чем их доля в населении республики. Показательно, что оба района имеют наиболее высокий в разрезе отраслей промышленности уровень специализации на производстве металлургической продукции, при том, что металлургия является в последние

годы крупнейшей составляющей отраслевой структуры промышленности Узбекистана (21,8 % по итогам 2022 г.).

Наибольшие доли в валовой сельскохозяйственной продукции республики принадлежат Ферганскому (26,8 %), Зарафшанскому (26,0 %) и Южному (17,2 %) экономическим районам. При этом наиболее высоким соотношением рассматриваемого индикатора с удельными показателями в численности населения страны характеризуются Зарафшанский и Мирзачульский экономические районы, а самым низким – Ташкентский экономический район.

По объёму платных услуг в республике резко выделяется Ташкентский экономический район. На него приходится 46,5 % от общего объема платных услуг по республике. Показатели других экономических районов при этом значительно ниже. Наибольшая доля инвестиций приходится на Ташкентский (34,0 %) и Зарафшанский (23,1 %) экономические районы, а самые низкие показатели зафиксированы в Мирзачульском (8,7 %) и Нижнеамударьинском (7,0 %) экономических районах. По объёму строительных работ выделяются Ташкентский (28,1 %), Ферганский (18,6 %) и Зарафшанский (17,3 %) районы.

Доля Ташкентского экономического района во внешнеторговом обороте резко превышает показатели прочих районов, так как на его долю приходится половина (50,3 %) внешнеторгового оборота республики. При этом доли Мирзачульского (3,0 %), Нижнеамударьинского (2,8 %) и Южного (1,8 %) экономических районов очень низки.

В целом Ташкентский экономический район занимает первое место в республике по всем макроэкономическим показателям, кроме валовой сельскохозяйственной продукции. Примечательно также и то, что за исключением удельного веса в производстве сельскохозяйственной продукции доля столичного региона по всем макроэкономическим показателям превышает его удельный вес в населении страны (16,5 %).

Зарафшанский экономический район, где проживает около 1/5 населения Узбекистана, по ряду макроэкономических показателей (доля в ВВП, промышленном производстве, продукции сельского хозяйства, инвестициях) занимает 2-е место, а по некоторым другим находится на 3-м месте (платные услуги, строительные работы, внешняя торговля). Доля района в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также в инвестициях превышает его долю в населении страны. Однако вес района в объёме платных услуг и внешней торговли весьма непропорционален по сравнению с его демографическим потенциалом. В целом, правомерно утверждать, что по общему экономическому потенциалу Зарафшанский экономический район занимает второе место после Ташкентского экономического района.

В Ферганском, Южном и Нижнеамударьинском экономических районах их доля во всех рассматриваемых макроэкономических показателях не превышает их веса в населении страны. При этом показатели Южного экономического региона особенно низкие. Однако все три экономических района отличаются высокими долевыми показателями в валовой сельскохозяйственной продукции Узбекистана.

Мирзачульский экономический район по большинству показателей, кроме инвестиций и внешнеторгового оборота, занимает последнее место среди экономических районов республики. Но демографический потенциал этого региона значительно ниже, чем у других экономических районов, в связи с чем доли района в сельскохозяйственном производстве и инвестициях превышает его долю в населении республики.

Место экономических районов в территориальной структуре экономики Узбекистана меняется в определенной степени с течением времени. Так, при сравнении показателей Ташкентского экономического района образца 2022 г. с показателями 2000 г. выявляется снижение его долей в населении и производстве сельскохозяйственной продукции республики при одновременном росте его долевых показателей в ВВП, промышленном производстве, объеме платных услуг. Это свидетельствует о развитии процессов метрополитизации в экономике Узбекистана.

Удельный вес Ферганского экономического района в демографическом потенциале республики за 2000–2022 гг. увеличился с 27,7 % до 28,6 %. При этом, если сравнить доли района в макроэкономических показателях страны в 2022 г. с соответствующими цифрами 2000 года, то можно увидеть, что вес района в национальной экономике снизился по всем основным параметрам, кроме внешнеторгового оборота.

В период с 2000 по 2022 гг. доли Мирзачульского экономического района в численности населения, объеме ВВП и промышленного производства страны практически не изменились, доли же района в сельскохозяйственном производстве, объеме платных услуг, строительных работ и, особенно, в инвестициях выросли. В целом, роль Мирзачульского экономического района в национальной экономике определённо выросла.

Вес Зарафшанского экономического района в численности населения страны в течение 2000–2022 гг. практически не изменился, но улучшилось его место в территориальной структуре ВВП, промышленного и аграрного производства, инвестиций республики. На положительную динамику района ощутимо повлияли рост ВРП и промышленного производства в Навоийской области, а также рост сельскохозяйственного производства в Бухарской области.

Южный экономический район выделяется среди районов республики ростом своего демографического потенциала: в 2000–2022 гг. его доля в населении республики увеличилась с 16,0 % до 17,5 %. Однако ситуация с динамикой макроэкономических показателей района не очень позитивна. В 2000–2010 гг. доля района в ВВП страны, промышленности и сельском хозяйстве значительно выросла, а доля в инвестициях, строительных работах, платных услугах и внешней торговле снизилась. А за период 2010–2022 гг. лишь доля района в сельском хозяйстве республики несколько увеличилась, тогда как во всех остальных макроэкономических показателях республики она, наоборот, снизилась. В частности, резко упала доля Южного экономического района в промышленном производстве Узбекистана. На это, конечно, большое влияние оказало то, что Мубарекский газоперерабатывающий завод был юридически

перерегистрирован в городе Ташкенте, а показатели Хандизинского горно-обогатительного комбината и Шерабадского цементного завода включаются в промышленную продукцию Алмалыкского горно-металлургического комбината и, соответственно, в промышленную статистику Ташкентской области.

Удельный вес Нижнеамударьинского экономического района в населении республики в 2000–2022 гг. неуклонно снижался. Доли района в территориальной структуре ВВП и промышленности республики снизились в 2000–2010 гг. и увеличились в 2010–2022 гг. В частности, за последний период значительно вырос вес района в промышленности республики. Это напрямую связано с вводом в эксплуатацию в этот период Хорезмского автомобильного завода и Устюртского газохимического комплекса. Доля района в сельском хозяйстве страны за 2000–2022 гг. увеличилась с 9,2 % до 10,6 %. Одновременно показатели платных услуг, строительства, инвестиций и внешней торговли снизились в период с 2000 по 2010 гг. и выросли в период с 2010 по 2022 гг., не достигнув, однако, уровня 2000 г.

Библиографический список

1. Экономическое районирование Узбекской ССР. Ташкент, 1966.
2. Бедринцев А.К. Совершенствование территориальной организации хозяйства союзной республики. Ташкент, 1987.
3. Аль Халиль А. Особенности экономического районирования в современных условиях хозяйствования (на примере Узбекской ССР): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1990.
4. Салиев А. Избранные труды. Ташкент, 2018.
5. Солиев А., Султанов У. Мамлакатимизнинг худудий-иқтисодий ривожланиши // Иқтисод ва ҳисобот. 1998. № 8.
6. То'хлиев Н., Холматов Н., Ерматов Ш., Нақбердиев Қ. О'zbekiston iqtisodiyoti: oliy o'quv yurtlari uchun darslik. Toshkent, 2018.
7. Сельское хозяйство Узбекистана (2019–2022). Ташкент, 2023.
8. Официальный веб-сайт Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан. URL: www.stat.uz

V.N. Fedorko, Sh.B. Kurbanov

ECONOMIC REGIONS OF UZBEKISTAN IN THE TERRITORIAL STRUCTURE OF ITS NATIONAL ECONOMY

Abstract. Over the years several versions of the economic zoning scheme for the republic have been developed in Uzbekistan. Nowadays, the most widely used for scientific and educational purposes is the economic zoning scheme of Uzbekistan, proposed in the late 1990s by A.S. Saliev, which includes six economic regions. The article, based on an analysis of a number of statistical indicators in the context of six economic regions of Uzbekistan, examines their place in the interdistrict division of labor and the territorial structure of the national economy of the republic.

Key words: economic zoning, specialization, specialization coefficient, territorial structure of the economy.

Сведения об авторах

Федорко Виктор Николаевич, учитель географии высшей категории, школа общего среднего образования №233 г. Ташкента, доктор философии (PhD) по географическим наукам, viktor-f-89@mail.ru.

Курбанов Шухрат Бекметович, доцент кафедры экономической и социальной географии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан), доктор философии (PhD) по географическим наукам, qurbonov1977@mail.ru.

УДК 910.3

В.Н. Федоров

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье предложен алгоритм оценки пространственно-временной дифференциации инфраструктуры региона с учетом ключевых факторов, оказывающих влияние на потенциал его развития.

Ключевые слова: инфраструктура, регион, закономерности, потенциал развития.

Пространственно-временная структура экономики региона производна от специфики взаимодействия слагающих ее элементов. Их выстраивание в единую систему координат исходит из свойств дискретности и континуальности пространства, его неравномерности и неоднородности в определенных отрезках времени.

В контексте представленного исследования неоднородность следует связывать с неравномерностью развития регионов, что приводит к их социально-экономической дифференциации [1, с. 65]. По этому поводу академик А.Г. Гранберг отмечает, что с течением экономического времени проявление неоднородности может усиливаться, что ведет к образованию депрессивных, неконкурентоспособных, бедствующих территорий, все более отстающих от передовых экономических регионов и выпадающих, по сути дела, из единого экономического и гуманитарного пространства [4, с. 12].

Неодинаковое развитие регионов является вполне закономерным процессом (явлением), что обусловлено многообразием, силой и направленностью воздействия экзогенных и эндогенных факторов, создающих специфику организации хозяйства, отличия в условиях жизни и деятельности населения. В силу этого, регион как определенная «территориальная повсеместность» имеет свое внутреннее пространство, которое весьма специфично, и находится в атрибутивных отношениях и связях с внешней средой, которые носят детерминирующий (определяющий) характер. В процессе взаимодействия с внешним окружением проявляются такие системные признаки региона, как открытость, размерность, устойчивость, адаптивность, инерционность и пр.

Исходя из этого, инфраструктуру следует рассматривать как совокупность (или комплекс) взаимосвязанных обслуживающих структур, обладающих характерными системными признаками. Подобное видение инфраструктуры позволяет, во-первых, наиболее полно раскрыть связи между отдельными ее элементами, выявить их взаимодействие, показать их в динамике и локальных территориальных сочетаниях. Во-вторых, наличие подобных взаимосвязей и взаимозависимостей отражает не только внутреннее многообразие инфраструктуры, но и свойственное ей органическую и функциональную целостность, устойчивое и неразрывное единство с окружающей средой и способность приспосабливаться к изменяющимся ее условиям.

В научной литературе сложилось представление о регионе как об относительно самостоятельной социально-экономической подсистеме, способной в собственных границах осуществлять общественное воспроизводство. Комплексное и эффективное использование имеющегося ресурсного потенциала региона, в т.ч. инфраструктурного оказывает непосредственное влияние на процессы его функционирования. В условиях трансформации общественных отношений весьма актуальным становится ретроспективный анализ концептуальных подходов, позволяющих раскрыть характер влияния инфраструктуры на региональное развитие и оценить потенциальные ее возможности в удовлетворении насущных потребностей производства и населения.

Практическая сторона рассматриваемого вопроса связана с решением задач конструктивного характера – установления оптимальной номенклатуры измеряемых параметров и выполнения целевых измерений с заданной компоновкой. Логика рассуждения такова: если на верхнем уровне иерархической структуры используют наименее детализированное представление, отражающее наиболее общие черты и особенности системы, то на следующих уровнях степень подробности описания возрастает.

С методологической точки зрения, подобная декомпозиция, основанная на разбиении «сложной задачи большей размерности на группу задач малой размерности», решаемые последовательно (или) параллельно, значительно облегчает процедуру выборки данных и, в ряде случаев, ускоряет процесс принятия решений (рис. 1).

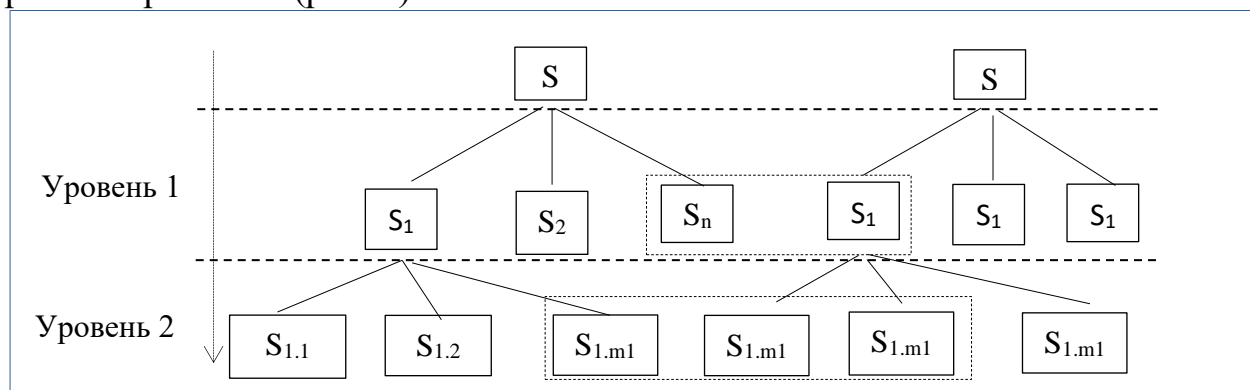

Рис. 1. Иерархические уровни структуризации процесса исследования

По этому поводу В.В. Покшишевский отмечает возможность организации исследования как «снизу» – от реальных местных проблем, когда «специальные

исследования полевого характера помогут накопить для дальнейшей обработки фактический материал» и диктуют наиболее актуальную тематику исследования, так и «сверху» – от общей концепции, которая в последующем в связи с изменившейся ситуацией будет трансформироваться при ее воплощении [5, с. 25].

Важно осознавать, что исследование может эффективно сочетать оба подхода: начинаться с решения конкретных проблем и, в то же время, вписываться в общую концепцию, которая может эволюционировать в процессе работы. Такого рода гибкий (соразмерный) и сбалансированный подход позволяет эффективно соединять теорию и практику, обеспечивая не только концептуальную основу исследования, но и практическую применимость его результатов.

Подобная система организации исследования дает возможность рассматривать инфраструктуру как самостоятельную и самодостаточную единицу целостной системы, содержащую множество модулей, каждый из которых несет определенную функциональную нагрузку и может быть разработан, реализован и оценен независимо друг от друга.

В данной интерпретации инфраструктура рассматривается не в узкоотраслевом значении, а в расширенной трактовке, как фактор экономики, обозначающий разделяемые обществом ценности и установки [2].

Следовательно, приходит осмысление инфраструктуры как неотъемлемой и важнейшей составляющей человеческой культуры, критически значимого фактора устойчивого функционирования социального государства, формирования пространственной структуры экономики и комфортных условий жизнедеятельности человека. Вышесказанное требует системного подхода в организации исследования инфраструктуры, позволяющего определить место, характер взаимосвязей, взаимозависимостей ее элементов в конкретном пространственно-временном измерении.

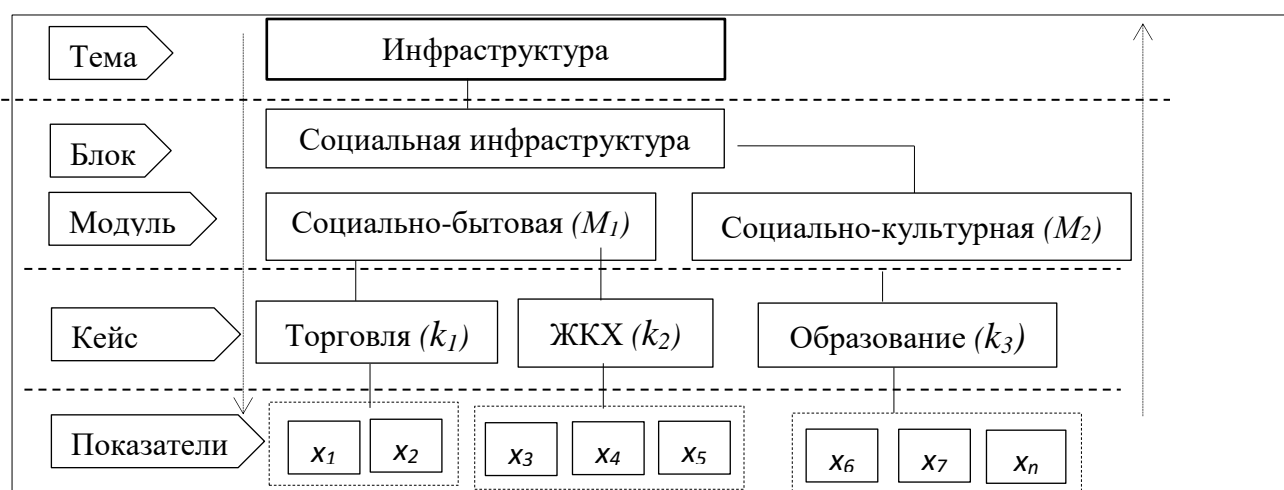

Рис. 2. Схема иерархической блочно-модульной системы организации исследования инфраструктуры

Практика исследований показывает, что инфраструктурный конструкт способен трансформировать сложившуюся систему отношений между

социальными субъектами и создавать новую архитектуру пространственно-временной ее организации. В географическом исследовании инфраструктуры как «организатора» пространства просматривается тенденция не только усложнения, но и усиления ее функций, позволяющих радикально изменить свойство среды, существенно расширить границы ее адаптационно-репродуктивных возможностей [7].

Приведенные данные модуля «Социально-бытовая инфраструктура» (M_1) обобщающе характеризуют состояние социального потенциала региона, выраженного через сумму всех жизненных благ, получаемых населением преимущественно по месту жительства (рис. 2). Модуль характеризуется весьма широким спектром услуг, предоставляемых конкретному адресату (заявителю), и ее показатели прямо коррелируют с динамикой спроса и предложения.

В частности, *жилищно-коммунальное хозяйство* (M_1, k_2) – категория социально-экономическая, отражающая общие бытовые условия проживания населения. В принципе, обеспеченность населения жилой площадью (x_3) и охват жилого фонда инженерным оборудованием (x_4) имеют относительно невысокую межрегиональную дифференциацию: относительный размах вариации (\max / \min) составляет 1,32 раза (в сравнении, например, с вариацией среднедушевых денежных доходов населения, составляющей более 1,68 раз).

По данным других исследований, подобные различия более существенны между сельскими районами, городами разных категорий, городом и селом внутри административно- и национально-территориальных образований [3], и по уровню благоустройства сельская местность находится в крайне ущемлённом положении [6]. Следует отметить, что обеспеченность населения доступным и благоустроенным жильем и, следовательно, доля ветхого, сильно изношенного, аварийного жилья во многом зависят от показателей жилищного строительства – объемов ввода в действие жилых домов (x_5) (при сохранении низкого темпа их выбытия), которые весьма вариабельны (коэффициент вариации (v) – 20 %, \max / \min – 2,1 раза).

Услуги общественного питания, рыночной торговли и бытового обслуживания взаимосвязаны, поскольку органически соединяют в себе функции общественного воспроизводства: производственную, торгово-сбытовую и сервисную. Специфические свойства товаров и услуг, реализуемых на потребительском рынке, обуславливают (при всей их неоднородности) высокую степень локализации, которая просматривается в наличии их тесной взаимосвязи с конкретной территорией и ее населением.

Динамика развития сегмента потребительского рынка носит ярко выраженную социальную направленность, поэтому вопросы доступности товаров и услуг, обеспечения высокого качества, формирования конкурентной среды, поддержки отечественных товаропроизводителей и т.д. требуют координации действий всех экономических субъектов и управленческих структур.

Таким образом, анализ динамики относительных показателей вариации, выделенных по модульным компонентам, имеют как сильные, так и слабые

отклонения с большим или малым «весовым коэффициентом». Выявленные тенденции (и, возможно, циклического поведения) изучаемого показателя демонстрируют нарастание пространственной неоднородности инфраструктуры на всех временных отрезках наблюдения, которая выражается в углублении как отраслевой, так и территориальной ее дифференциации.

Подобное несоразмерное развитие инфраструктуры, наблюдаемое практически по всем статистическим показателям, обусловлено, прежде всего, влиянием совокупности факторов, определяющих специфику ее деятельности и пространственно-временную дислокацию (вариабельность) составляющих ее объектов. В итоге это нацеливает на поиск латентных (скрытых) признаков исследуемого процесса, определить сущностные характеристики и установить общие закономерности его проявления.

Современное инфраструктурное пространство социально-экономического развития отдельных территорий отличается высокой степенью неоднородности, сложностью и противоречивостью протекающих в их пределах процессов. Представляется, что инфраструктура – это не только компонент территориальной системы, но и ключевой фактор пространственного развития, который необходимо учесть в ходе разработки и реализации стратегической программы социально-экономического развития региона.

Библиографический список

1. Артемова О. В., Савченко А.Н. Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2 (82).
2. Аузан А.А., Бахтигираева А.И., Брызгалин В.А., А.В. Золотов, Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. №7.
3. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Особенности жилищной обеспеченности сельского и городского населения // Вестник российской академии наук. 2021. Т. 91, №8.
4. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. 2006. № 2.
5. Покшишевский В.В. География обслуживания, ее предмет, содержание и место среди экономико-географических дисциплин // Вопросы географии: Сб. 91. География сферы обслуживания. М., 1972.
6. Святоха Н.Ю. Пространственно-временная организация жилищного строительства Оренбургской области: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 2013.
7. Федоров В.Н., Федорова А.В. К вопросу оценки эффективности функционирования региональной инфраструктуры // Максаковские чтения. М., 2020.

SPATIAL REGULARITIES OF DIFFERENTIATION OF REGIONAL INFRASTRUCTURE: ISSUES OF THEORY, METHODOLOGY AND PRACTICE

Abstract. The article proposes an algorithm for assessing the spatio-temporal differentiation of the region's infrastructure, taking into account key factors that influence the potential for its development.

Key words: infrastructure, region, patterns, development potential.

Сведения об авторе

Федоров Владимир Николаевич, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, fedorovw_nik@mail.ru.

УДК 314.02

В.В. Юмагузин, М.В. Винник

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ – 2020

Аннотация. В статье рассматриваются основные недостатки переписи населения России-2020 в качестве источника данных об источниках средств к существованию, описаны проблемы категоризации данных о средствах к существованию.

Ключевые слова: перепись населения, источники средств к существованию.

Перепись населения является главным источником демографической информации о половозрастной структуре и численности населения, в т.ч. в понимании распределения населения по источникам средств к существованию. Вместе с тем, перепись не лишена недостатков: неполнота учета, в т.ч. из-за возрастающих отказов респондентов, трудности в учете подвижных групп населения (мигранты и студенты, военные и бездомные) – лишь некоторые из них.

Последняя перепись пришлось на волну ковида, поэтому многие оказались не готовы отвечать на вопросы переписчиков лично. При дальнейшем росте цифровой грамотности упор на проведение переписи в формате онлайн, когда человек самостоятельно заполняет форму переписного листа, возможно будет не только нивелировать вероятные будущие катаклизмы (в т.ч. распространение новых вирусов), но также удастся сократить расходы на проведение переписи. Еще один недостаток заключается в проведении переписи населения 1 раз в

10 лет, что в условиях меняющейся экономики приводит к быстрому устареванию данных.

Согласно опрошенным Левада-Центром участие в последней переписи населения лично приняли 46 %, 11 % были переписаны другим членом домохозяйства, и 42 % ответивших не принимали участия в последней переписи населения [1]. Официальных данных об отказавшихся от участия в переписи нам не удалось найти. Однако по числу не ответивших на вопросы о месте рождения (23,7 млн), об уровне образования (23,1 млн), о статусе участия в рабочей силе (20,2 млн), о брачном статусе (18,9 млн), об источниках средств к существованию (18,6 млн), национальности (16,6 млн), гражданству (12,7 млн), числу женщин с неизвестным числом рожденных детей (17,9 млн) можно дать оценку о численности населения, которая была переписана по административным источникам. В целом критика последней переписи заключается в том, что она была плохо подготовлена, проведена в неудачное время, с ошибками и фальсификациями, поэтому анализ большинства показателей даже после процедуры распределения неизвестных величин не покажет реальной ситуации в стране. Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации может являться агрегация данных из разных источников, где содержится информация о доходах, в т.ч. выборочных обследований, к которым экономисты обращаются чаще, чем к переписи.

Вопрос о средствах к существованию весьма сенситивный, носит личный характер и вызывает подозрения у респондентов: люди неохотно отвечают о своих доходах из-за боязни ограбления, претензий со стороны налоговых и других надзорных органов, другая крайность может быть вызвана желанием индивида «пустить пыль в глаза» переписчику отчего респондент может скрыть факт получения пособия по безработице либо назвать больше источников, чем он располагает чтобы в том числе расположить к себе переписчика. В 2010 г. на вопрос о средствах к существованию не ответили 2,8 % [2], тогда как в 2020 г. – 12,6 %, достигая максимума в 18,5% среди городских женщин в возрасте 20–49 лет. Такая негативная тенденция может свидетельствовать о плохой подготовке и неудовлетворительной работе переписчиков, - по данным опроса Левада-Центра среди не принявших участие в переписи, 49 % сообщили о том, что к ним не пришел переписчик [1]. Негативную роль сыграла продвигаемая и широко обсуждаемая массовая цифровизация из-за чего население не видело смысла предоставлять сведения о себе, когда «всё есть в МФЦ/налоговой/ЗАГСе и пр.» – этот вариант ответа отметил каждый пятый – 21 %, не имели возможность (например, отсутствовали по месту жительства) 18 %. Об опасениях утечки данных заявили 5 % опрошенных, опасении мошенников – 2 %, еще 2 % заявили о страхе заразиться вирусом Covid-19 (особенно такой страх был в среде антипрививочников [3]), который ставил очередные рекорды осенью 2021 г. Если говорить о намеренном отказе в участии переписи, то это может говорить о недоверии населения властным структурам и их инициативам, такой шаг – это своего рода возможность «проголосовать против всех». Указанные причины показывают, насколько важна государственная

информационная кампания в медийном пространстве, которая была размыта из-за неоднократных переносов Переписи, и в конечном счете фокус был явно смещен в сторону проходивших в сентябре 2021 г. выборов в Государственную думу Российской Федерации. Усилия организаторов переписи и самих переписчиков должны были быть направлены на пояснение главных задач и принципов переписи, в т.ч. безотносительность целей переписи каким-либо частным интересам государства, обеспечение конфиденциальности данных, о невозможности собрать полную информацию об уровне образования, национальности и средствах к существованию другими способами. Важным видится донесение информации о том, что в переписи спрашиваются источники средств к существованию, а не размер дохода. Деликатность данного вопроса не может не оказывать влияние на ответы респондентов.

Дойдя до вопроса об источниках средств к существованию, переписчик должен показать карточку со списком всех вариантов ответа или зачитать ее вслух – однако у нас имеются сомнения, что это происходило всегда и для всех возрастных групп стандартизовано. Например, есть риск, что пожилых людей могли спросить только о том, получают ли они пенсию и ее вид. Еще одним из недостатков является полукоткрытость вопроса. В случае, если респонденту все-таки показали список из 13 источников, и он не нашел там подходящего варианта, то в графе «иной источник» он должен был дать определение своему источнику. Трудность может вызвать также и применение общего правила отнесения к источникам пенсий, алиментов и пособий, согласно которому они должны быть записаны тем, кому назначены, а не тем, кто их получает [2]. В основных методологических и организационных положениях Всероссийской переписи населения 2020 г. приведен пример правильного заполнения: «если алименты выплачиваются на несовершеннолетних детей, то метка 13 проставляется детям, а не матери или отцу, которые фактически получают эти алименты» [4]. В целом стоит также отметить, что в указанных положениях пояснения к данному вопросу наиболее объемны и содержат 1146 слова, что с одной стороны ввиду детальности рассмотрения должно облегчить переписчику соотнесение ответов респондентов с обозначенными вариантами в переписном листе, а с другой стороны создает трудности в восприятии этой самой информации. На втором месте по объему пояснений стоит вопрос о видах благоустройства жилого помещения и санитарно-гигиенические условия проживания, который содержит 832 слова. Для сравнения – пояснения о прежнем месте жительства состоят из 27 слов, о состоянии в браке – из 112 слов, о родственных отношениях в домохозяйстве – 231 слова, об уровне образования – из 420 слов.

Кроме того, отнесение некоторых категорий в подсказе «льготы, компенсации, субсидии и выигрыши», например, немонетизированных льгот, к источникам средств к существованию является неочевидным.

В отличие от переписи 2010 г., когда личное подсобное хозяйство выбрали почти 15 млн чел., в переписи 2020 г. его отметили только 2 млн – весьма сомнительно, что за последнее десятилетие произошло такое значимое сокращение садов, огородов и дач или сменилось поколение (для этого нужно не одно десятилетие), скорее всего дело в формулировке источника дохода: с привычного «личного подсобного хозяйства», которое использовалось на всем протяжении с 1970 г., оно изменилось на «производство товаров для собственного использования».

Как отмечалось в докладе «Население России 2010–2011» [2] имеется также проблема соотнесения социальных пенсий по инвалидности: с одной стороны, она могла попадать в ответ ««пенсия (кроме пенсии по инвалидности)» поскольку носит социальный характер, а с другой стороны отнесена к «пенсии по инвалидности».

Таким образом, изучение вопросов средств к существованию по данным переписи сопряжено с трудностями, которые необходимо принимать во внимание и, по возможности, преодолевать. Так, по переписи 2021 г. на вопрос об источниках дохода не ответили 12,6 %. Перед исследователями сейчас стоит задача грамотного перераспределения неуказанных ответов для получения более точной структуры источников дохода и полного учета социально-демографических характеристик индивидов. При этом если отказ от ответа был не случайным, что может быть, когда совокупность индивидов однородна по какому-либо признаку, т.е. наблюдается селекция в данных (например, если предположить, что предприниматели в отличие от других групп населения в большей степени отказывались называть свои источники доходов), то перераспределение неизвестных величин будет представлять собой весьма нетривиальную задачу.

Библиографический список

1. Участие россиян в переписи. АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 21.12.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/>.
2. Население России 2010–2011. Восемнадцатый - девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2013.
3. Россияне стали отказываться от переписи из-за ухудшения ситуации с COVID. РБК. 15.10.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/10/2021/6168dcf59a79474678e6b4f6>.
4. Основные методологические и организационные положения Всероссийской переписи населения 2020 года. Утверждены приказом Росстата от 09.09.2021. № 549. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

**PROBLEMS OF MEASURING SOURCES OF LIVELIHOOD IN THE ALL–
RUSSIAN POPULATION CENSUS – 2020**

Abstract. The article examines the main drawbacks of the All-Russian Population census of 2020 as a source of data on sources of livelihood, describes the problems of categorization of data on livelihoods.

Key words: population census, sources of livelihood.

Сведения об авторах

Юмагузин Валерий Валерьевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория социально-демографической политики, Институт демографии НИУ ВШЭ им. А.Г. Вишневого, vyumaguzin@hse.ru.

Винник Мария Викторовна, научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория социально-демографической политики, Институт демографии НИУ ВШЭ им. А.Г. Вишневого, mvinnik@hse.ru.

УДК 314.7

В.А. Баринова, С.П. Земцов

ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ РОССИИ ДЛЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ

Аннотация. Перспективы регионального развития во многом зависят от качества человеческих ресурсов. Целью исследования было выявление факторов, способствующих привлечению мигрантов с высшим образованием. Эконометрический анализ показал, что густонаселенные мегаполисы с более широкими возможностями рынка труда с высоким научно-образовательным потенциалом стимулируют мобильность высококвалифицированных специалистов. Кроме того, мигранты с высшим образованием выбирали образованные, здоровые сообщества и благоприятную бизнес-среду.

Ключевые слова: региональное развитие, гравитационная модель, межрегиональная миграция, институты, человеческий капитал.

Привлечение высококвалифицированных кадров – один из факторов долгосрочного развития стран и регионов [1, 2]. Научно обоснованная эффективная политика требует понимания основных тенденций и факторов подобной миграции. В России и зарубежом довольно много работ [1–6], посвященных миграции, но вопросы высококвалифицированной миграции в России рассматриваются редко [6, 7].

Целью исследования было выявление факторов, способствующих привлечению мигрантов с высшим образованием. В нашем исследовании дается оценка, какие регионы России более привлекательны для высококвалифицированных профессионалов и почему.

Согласно обзору литературы среди факторов переезда выделяются традиционные: поиск работы, рост доходов и доступность жилья [1–4]. Однако качество жизни, комфортная среда и возможности для личностного роста становятся более важными причинами. Кроме того, высококвалифицированные мигранты стремятся селиться рядом друг с другом.

Для такой большой страны, как Россия, со значительными внутренними ресурсами, необходимо изучать как внутреннюю, так и внешнюю миграцию. Поэтому для эконометрического анализа нами использованы официальные данные Росстата по числу прибывших внутренних и внешних мигрантов с

высшим образованием в российских регионах в 2008–2019 гг. (рис. 1). Конечно, выбранная переменная не лишена недостатков, так как может и не быть напрямую связана с квалификацией работников, методика расчёта менялась, одновременное включение внутренних и внешних потоков затрудняет интерпретацию. Тем не менее, для наших целей эти данные могут использоваться с учетом выше сказанного.

Подтвердилась значимость важных традиционных факторов, на которые региональные власти и федеральное правительство могут повлиять в среднесрочной перспективе: доход, новые вакансии и доступность жилья.

Рис. 1. Мигранты с высшим образованием в регионах России

Результаты показывают, что регионы, расположенные рядом с густонаселенными центрами, то есть имеющие лучшее демо-географическое положение (рис. 2), и с более крупными рынками (в соответствии с предположениями Новой экономической географии [8]) являются одними из самых привлекательных для мигрантов с высшим образованием. Очевидно, что крупнейшие агломерации с большими возможностями на рынке труда стимулируют мобильность высококвалифицированных специалистов. В России это также связано с перемещением временных трудовых мигрантов и различными формами субурбанизации.

Рис.2. Демо-географический потенциал регионов, рассчитанный как наведенное поле потенциалов, усл. ед.

Для мигрантов с высшим образованием, в отличие от большинства мигрантов, важны не только экономические стимулы, но и благоприятная бизнес-среда и образованные, здоровые сообщества (высокий индекс человеческого развития), другими словами, лучшие возможности для карьерного и личностного роста. Регионы с более высокой плотностью малого бизнеса предоставляют более широкий выбор работы или лучшие варианты для открытия бизнеса [9]. Также это связано с тем, что мигрантам зачастую сложнее найти работу в государственном секторе.

В исследовании подтверждается наличие юго-западного вектора миграции в России [10]. Высококвалифицированные специалисты при прочих равных предпочитают более комфортные природно-климатические условия. К тому же на юге в последние годы реализован ряд знаковых проектов (олимпиада, чемпионат мира, ИНТЦ «Сириус» и т. д.), создавших рабочие места и улучшивших инфраструктуру.

Регионы с высоким научным и образовательным потенциалом в среднем привлекли больше высококвалифицированных специалистов. Крупнейшие университеты нанимают преподавателей, исследователей, обучают магистрантов со всей страны.

В конце мы выявили отрицательную связь между доступом к интернету и мобильностью высококвалифицированных кадров. Это может быть связано как с процессами субурбанизации, так и возвратом временных трудовых мигрантов на родину. Онлайн-технологии создают условия для удаленной работы, создания интернет-бизнесов, что не требует переезда.

Таким образом, больше всего мигрантов с высшим образованием привлекали крупнейшие растущие агломерации: Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Воронеж, Новосибирск, Тюмень, Казань, Ростов-на-Дону, и регионы, проводившие проактивную политику по развитию новых производств и сервисов: Томская, Белгородская, Калужская, Ленинградская, Калининградская области. На указанные 14 регионов пришлось более 92% всего положительного притока мигрантов с высшим образованием за 2009–2019 гг. Среди регионов, потерявших максимальное число специалистов: северные (Архангельская, Мурманская области, Коми), сибирские промышленные и сырьевые (Ханты-Мансийский АО, Омская, Иркутская, Кемеровская области) и дальневосточные (Забайкальский край). Вообще говоря, ни один регион восточнее 60 меридиана восточной долготы не имел положительного прироста высокообразованных мигрантов.

В заключение региональным властям могут быть рекомендованы меры по развитию инфраструктуры, арендного жилья, улучшению бизнес-климата, сокращению цифрового неравенства.

Библиографический список

1. Bell M., Charles-Edwards E., Ueffing P., Stillwell J., Kupiszewski M., Kupiszewska D. Internal migration and development: comparing migration intensities around the world // *Population and Development Review*. 2015. 41(1).
2. Faggian A., Rajbhandari I., & Dotzel K.R. The interregional migration of human capital and its regional consequences: a review. *Regional Studies*. 2017. 51(1).
3. Vakulenko E.S. Motives for internal migration in Russia: what has changed in recent years?, *Applied Econometrics*. 2019. Vol. 55.
4. Vakulenko E.S. Econometric analysis of factors of internal migration in Russia. *Regional Research of Russia*. 2016. 6(4).
5. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2018. Т. 1. №. 37.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.) // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2022. Т. 86. №. 3.
7. Barinova V., Rochhia S., Zemtsov S. Attracting highly skilled migrants to the Russian regions // *Regional Science Policy & Practice*. 2022. Т. 14. №. 1.
8. Crozet M. Do migrants follow market potentials? An estimation of a new economic geography model // *Journal of Economic Geography*. 2004. 4(4).
9. Nifo A., Vecchione G. Do Institutions Play a Role in Skilled Migration? The Case of Italy // *Journal of Regional Studies*. 2014. Vol.48, Issue 10.
10. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // *Федерализм*. 2023. Т. 28. №. 2.

V.A. Barinova, S.P. Zemtsov

FACTORS OF ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN REGIONS AND CITIES FOR HIGHLY SKILLED MIGRANTS

Abstract. Prospects for regional development largely depend on the quality of human resources. The purpose of the study was to identify factors contributing to the

attraction of migrants with higher education. Econometric analysis showed that densely populated megacities with wider labor market opportunities and high scientific and educational potential stimulate the mobility of highly qualified specialists. In addition, migrants with higher education chose educated, healthy communities and a favorable business environment.

Key words: regional development, gravity model, interregional migration, institutions, human capital.

Сведения об авторах

Баринова Вера Александровна, кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследований проблем устойчивого развития Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), зав. лабораторией инновационной экономики Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, barinova-va@ranepa.ru.

Земцов Степан Петрович, кандидат географических наук, директор центра экономической географии и регионалистики Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Zemtsov@ranepa.ru.

УДК 314.72

Н.М. Биктимиров, Г.Н. Булатова, М.Р. Мустафин

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. В статье, основываясь на результатах Всероссийской переписи населения 2020 г., проанализированы особенности участия населения Республики Татарстан в миграциях. В работе по данным переписи населения 2020 г. исследовано население частных домохозяйств республики по месту постоянного жительства и проживанию более одного года в других странах.

Ключевые слова: миграция, население Республики Татарстан, Всероссийская перепись населения 2020 г., частные домохозяйства, страны мира, регионы Приволжского федерального округа.

Современная миграция стала более динамичным и сложным явлением, которое связано не только с социально-экономическими причинами. Желания и возможности людей перемещаться формируют целый конгломерат факторов – социально-экономических, политических, этнических, религиозных, экологических, демографических и иных [1]. Даже сама научная трактовка понятия миграция не столь понятна и очевидна и до сих пор нуждается в специальном рассмотрении [2]. Официальные данные о миграции населения не всегда показывают полную картину происходящего. Есть определенная категория людей, которых нельзя официально отнести к мигрантам. Например,

стажёры, студенты, оказавшиеся на территории другой страны с целью обучения, туристы в другой стране обманным путем устраивающиеся на работу. Мигранты, не проходившие регистрацию, также остаются неучтенными, что приводит к расхождению представленных данных с реальными показателями [1].

Согласно широкому подходу, миграцией не считаются только перемещения в пределах одного и того же населенного пункта, все остальные виды движения населения, пространственные, социально-мобильностные, внутриорганизационные и т.д., независимо от характера и целей, относят к миграционным процессам [2].

Данные о числе лиц, указавших тот или иной регион в качестве места рождения в разбивке по регионам их проживания на момент проведения переписей населения, позволяют рассчитать долю лиц, родившихся за пределами региона проживания, от числа лиц, фактически проживающих в регионе, и таким образом косвенно оценить долговременную миграционную привлекательность региона [3].

В период активности пандемии коронавируса существенно вырос миграционный прирост Республики Татарстан в сопоставлении с другими регионами России, а со странами СНГ и другими зарубежными странами, наоборот, в 2020 г. произошло резкое снижение миграционного прироста, а с зарубежными странами за пределами СНГ даже образовалась миграционная убыль [4].

Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. показали, что 1428693 чел. или 35,67 % всего населения Республики Татарстан имели практику проживания в другой стране (2,2 % от уроженцев России, проживающих в других странах). Из этого числа 1188300 чел. (83,1 %) проживали в другой стране менее одного года, 194775 чел. (13,6 %) проживающие более одного года в других странах не указали срок проживания за рубежом, 2283 чел. (0,1 %) не указали страну проживания.

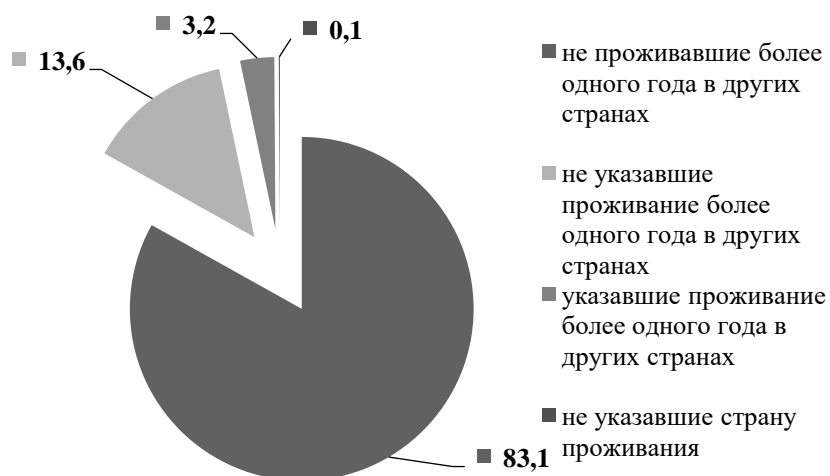

Рис. 1. Население Республики Татарстан, имеющее опыт проживания в других странах (в % по различным категориям, по переписи 2020 г.) [5]

В процентном соотношении от всех жителей России, проживающих в других странах, уроженцы Республики Татарстан больше всего проживали более одного года в следующих странах: Турция 14 % (881 чел.), Узбекистан 5 % (12 666 чел.), Туркменистан 4,3 % (1688 чел.), Таджикистан 3,5 % (5478 чел.).

Наименее привлекательными для уроженцев Республики Татарстан странами, в которых татарстанцы проживали более 1 года являются: Армения 0,9 % (1129 чел.), Болгария 0,9 % (26 чел.), Республика Корея 0,9 % (21 чел.), Латвия 0,9 % (217 чел.), Эстония 0,9 % (129 чел.), Абхазия 0,8 % (73 чел.), Беларусь 0,8 % (667 чел.), Литва 0,8 % (115 чел.), Украина 0,8 % (3577 чел.), Южная Осетия 0,8 % (23 чел.), Молдова 0,4 % (264 чел.). Среди перечисленных территорий большинство являются постсоветскими странами, в список попали все 3 государства Балтии.

Из 45618 татарстанцев, указавших проживание более одного года в другой стране 42544 чел. (93,3 %) проживали в 38 странах, всего 791 чел. (1,7 %) составили группу «другие страны мира», а 2283 чел. (5 %) не указали страну проживания.

Среди указавших проживание более одного года в других странах, больше всего находились в следующих странах: Узбекистане 12 666 чел. (27,8 %), Казахстане 5496 чел. (12,0 %), Таджикистане 5 478 чел. (12,0 %), Украине 3577 чел. (7,8 %), Киргизии 2675 чел. (5,9 %), Германии 2398 чел. (5,3 %), Азербайджане 1919 чел. (4,2 %), Туркменистане 1688 чел. (3,7 %), Армении 1129 чел. (2,5 %), Белоруссии 667 чел. (1,5 %). На долю этих 10 стран приходится 82,7 % всех проживавших в других стран более одного года татарстанцев.

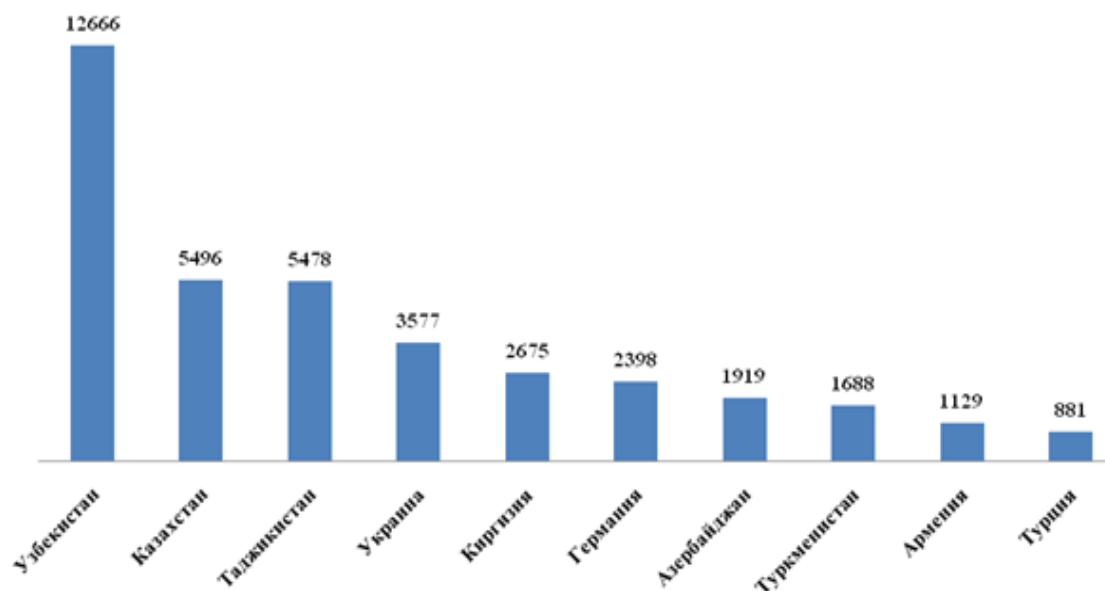

Рис. 2. Страны мира, в которых жители РТ проживали более одного года (кол-во человек по переписи 2020 г.) [5]

Таким образом, по переписи 2020 г. из числа 10 стран, в которых преимущественно проживали жители Республики Татарстан, проживали более

одного года, кроме Германии (6 место) и Турции (10 место) все остальные относятся, к постсоветскому пространству.

Среди проживавших в перечисленных 38 странах более 1 года жителей Татарстана 55,3 % составляют мужчины, а 44,7 % женщины. Больше всего доля мужчин была в следующих странах: Афганистан 95 % (192 чел.); Турция 85,6 % (754 чел.); Египет 82,3 % (116 чел.); Венгрия 79,2 % (255 чел.); Германия 73,1 % (1754 чел.); Монголия 71,7 % (220 чел.); Чехия 70,9 % (158 чел.); Абхазия 67,1 % (49 чел.); Республика Корея 66,7 % (14 чел.); Польша 65 % (199 чел.). Соответственно согласно статистическим данным в число таких стран, где доля мужчин уроженцев РТ в несколько раз превосходит доли женщин можем относить страны Азии, где в первую очередь можно выделить Афганистан, Турцию и Египет.

Анализ данных по проживанию более одного года позволяет выделить страны, где доля женщин из Республики Татарстан превышает долю мужчин. К числу таких стран относятся: Италия 60,0 % (30 чел.), Франция 60,0 % (24 чел.), Греция 54,1 % (20 чел.), Украина 53,3 % (1908 чел.), Казахстан 52,5 % (2886 чел.).

Результаты Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. показывают, что в XXI в. с каждой новой переписью все больше населения, родившегося в Республике Татарстан, остается на её территории. По данным переписи 2020 г. в Татарстане проживало 91,2 % всех родившихся в РТ. Это связано с тенденцией консолидации населения на месте рождения, приводящей к укреплению национально-религиозной идентичности этносов, проживающих в республике.

По результатам трех последних переписей населения зафиксировано, что большое количество уроженцев Республики Татарстан проживают не только в соседних регионах, таких как Ульяновская и Самарская области, Удмуртская республика и Республика Башкортостан, но и в более отдаленных субъектах страны с высоким уровнем жизни населения, а именно, г. Москва, Тюменская, Московская и Свердловская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Наименьшая доля уроженцев Республики Татарстан была зафиксирована только в национальных-территориальных образованиях: в Ненецком автономном округе, Республике Алтай, Калмыкия и Ингушетия, Чукотском автономном округе. Все перечисленные регионы, кроме Республики Алтай и Чукотского автономного округа, находятся в европейской части страны.

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Татарстане проживало 2,7 % населения России (8 место среди регионов страны). На Татарстан приходится 2,2 % от всех выходцев из России, проживавших за рубежом более 1 года. Это относительно низкий показатель для региона, имеющего активные социально-экономические связи с другими странами мира.

Библиографический список

1. Аббосхонова Н.А. Новые тенденции в миграционных процессах в условиях глобализации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 2-1 (65).

2. Хот 3.3. Методологические подходы к изучению миграционных процессов // Вестник АГУ. 2016. Вып. 4 (189).

3. Анализ миграционных процессов в Российской Федерации в 2010–2020 гг. на основе результатов Всероссийской переписи населения. URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1697447447&tld=ru&lang=ru&name=migracii_-_perepis_26.12.pdf](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1697447447&tld=ru&lang=ru&name=migracii_-_perepis_26.12.pdf&text=Население) &text=Население.

4. Демографический доклад – 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.). Казань, 2022.

5. Всероссийская перепись населения 2020. Том 6. Миграции населения. Таблица 3. Население частных домохозяйств по месту постоянного жительства и проживания более одного года в других странах. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya

N.M. Biktimirov, G.N. Bulatova, M.R. Mustafin

ASSESSMENT OF MIGRATION PREFERENCES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. Based on the results of the All-Russian Population Census of 2020, the article analyzes the peculiarities of the participation of the population of the Republic of Tatarstan in migrations. According to the 2020 population census, the population of private households in the republic was studied at the place of permanent residence and residence for more than one year in other countries.

Key words: migration, population of the Republic of Tatarstan, All-Russian Population Census 2020, private households, countries of the world, regions of the Volga Federal District.

Сведения об авторах

Биктимиров Нияз Миннахматович, кандидат географических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Niyaz825@mail.ru.

Булатова Гульнара Нуровна, кандидат географических наук, доцент, АО «Центральный научно-исследовательский институт геологии нерудных полезных ископаемых», gulnara.bulatova@bk.ru.

Мустафин Марат Рафаэлевич, кандидат географических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, sdk-bink.mmr@mail.ru.

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛЬЕФА МЕСТНОСТИ

Аннотация. В статье представлены выводы об особенностях современного этнического расселения в Кабардино-Балкарской Республике. С исторических времен балкарцы проживают в горных ущельях. На равнинной территории разместилось русское население. Кабардинские поселения концентрируются в предгорной зоне и отличаются большой численностью населения.

Ключевые слова: городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения административных районов и природных зон.

По площади территории Кабардино-Балкарская Республика (КБР) является одним из самых маленьких субъектов России (12,5 тыс. км²). На этой небольшой территории представлены самые различные типы рельефа местности и природные зоны. Данный регион отличается высокой плотностью населения. На 2023 г. в республике проживало 903 тыс. человек. Для сравнения, по своему населению КБР сопоставима с таким крупным по площади европейским регионом России, как Тверская область.

В течение постсоветского периода население изучаемого региона увеличилось на 16 %. Правда стоит отметить, что последние 20 лет численность населения остается стабильной. По итогам переписи 2020 г. насчитывалось: 502 тыс. кабардинцев (58 % от всего населения КБР), 175 тыс. русских (19 %) и 121 тыс. балкарцев (13 %).

Основная цель представленного исследования заключалась в выявлении параметров расселения крупнейших народов КБР на начало XXI в. В рамках данной работы географическим объектом исследования выступают – территориальные группы кабардинцев, русских и балкарцев. Основным методом исследования – является статистическая обработка данных (перепись населения 2020 г.).

В ходе исследования были изучены и использованы труды известных специалистов в области географии населения Северного Кавказа и, непосредственно, самой Кабардино-Балкарии: В.С. Белозерова и Р.А. Бураева [1, 2]. Указанные авторы в своих исследованиях неоднократно отмечали важность изучения этнического расселения на Кавказе, включая вопросы воздействия данного фактора на общественные процессы.

В большинстве республик Северного Кавказа рельеф местности исторически оказывал и продолжает оказывать важное воздействие на особенности этнического расселения. Не является исключением и КБР. В отличие от соседней Карачаево-Черкесии, где существует непосредственная возможность контакта между горными районами, без использования равнинных

транспортных коммуникаций, горные ущелья балкарского ареала КБР – изолированы друг от друга. Само создание Кабардино-Балкарии, как единой республики, в начале 1920-х гг. обуславливается неустранимой территориальной «связанностью» кабардинского и балкарского народов [3].

Далее отметим, что равнинная территория, заселенная русским населением (современный Прохладненский район), вошла в состав изучаемого региона в начале советского периода. Подобная практика присоединения равнинных территорий была реализована в советские годы и в других национальных образованиях Северного Кавказа.

Из данных таблицы 1 становится ясно, что представители трех основных народов КБР четко локализованы в конкретной природной зоне. Кабардинцы занимают предгорную зону, которая в целом отличается наибольшей концентрацией крупных поселений и высокой плотностью населения. Русский ареал расселения включает равнинные районы (включая степную зону республики). Почти все балкарские поселения сосредотачиваются в горных ущельях. Для горной зоны характерен линейный тип расселения и, как правило, невысокая людность поселений.

Таблица 1

Расселение народов Кабардино-Балкарии
в пределах административных районов и городов, относящихся
к различным природным зонам (данные переписи 2020 г.) [4]

Природная зона	<i>Кабардинцы</i> (удельная доля этноса, %)	<i>Русские</i> (удельная доля этноса, %)	<i>Балкарцы</i> (удельная доля этноса, %)
Горные районы и города	Чегемский (горный сектор) – 1 Черекский – 31 Эльбрусский – 9 г. Тырныауз – 14	Чегемский (горный сектор) – 1 Черекский – 1 Эльбрусский – 13 г. Тырныауз – 21	Чегемский (горный сектор) – 98 Черекский – 67 Эльбрусский – 74 г. Тырныауз – 58
Предгорные районы и города	Баксанский (вкл. г. Баксан) – 94 Зольский – 91 Лескенский – 88 Урванский – 79 Чегемский (предгорье) – 89 г. Нальчик – 47	Баксанский (вкл. г. Баксан) – 3 Зольский – 1 Лескенский – 1 Урванский – 8 Чегемский (предгорье) – 3 г. Нальчик – 22	Баксанский (вкл. г. Баксан) – 1 Зольский – 6 Лескенский – 2 Урванский – 1 Чегемский (предгорье) – 5 г. Нальчик – 18
Равнинные районы и города	Майский – 9 Прохладненский – 31 Терский – 88 г. Прохладный – 8	Майский – 65 Прохладненский – 51 Терский – 3 г. Прохладный – 73	Майский – 2 Прохладненский – 3 Терский – 2 г. Прохладный – 1

Анализ этнической структуры населения в пределах административно-территориальных единиц позволяет выделить некоторые закономерности в современном расселении народов КБР:

1. Для локализации представителей кабардинского этноса характерна высокая компактность в расселении. Кабардинское население практически

полностью отсутствуют в горной зоне республики. Кроме того, стоит отметить высокую этническую однородность кабардинских поселений в предгорье.

2. Русское население КБР доминирует по численности в равнинных районах, а также проживает в столице республики.

3. Балкарский ареал расселения полностью находится в горах. Важной особенностью расселения балкарцев является то обстоятельство, что их основные территориальные группы географически изолированы друг от друга (находятся в горных ущельях).

Для кабардинского ареала расселения также характерна высокая плотность поселений на местности. Данные поселения отличаются своей людностью: многие из них превышают численность в 5–7 тыс. человек. Такое положение дел определяет проблему малоземелья в пределах территории расселения кабардинцев. Эта проблема усугубляется сильной расчлененностью рельефа местности (наличие горных отрогов в предгорьях).

Горная зона КБР продолжает сохранять свое население за счет традиционного уклада жизни балкарцев. При этом, как и на всем Северном Кавказе, горные территории Кабардино-Балкарии все же столкнулись с депопуляцией. Самым крупным поселением в горах является – город Тырныауз. С 1989 по 2002 г. произошло сокращение численности населения Тырныауза в 1,5 раза, обусловленное закрытием вольфрамо-молибденовых рудников и комбината.

В постсоветский период изменилась и этническая структура населения всего Эльбрусского района (основная территория компактного расселения балкарцев в КБР, с административным центром в г. Тырныауз). Если в 1989 г. доля русских на территории современного Эльбрусского района составляла 39 %, то к 2002 г. она сократилась до 18 %. Доля балкарцев же в районе, напротив, возросла: с 30 % в 1989 г. до 68 % в 2002 г.

Отдельного внимания заслуживают районы традиционного проживания русских. Экономико-географическое положение равнинных – Майского и Прохладненского районов – достаточно выгодное, что определяется рельефом местности. Через их территорию проходят важные транспортные пути федерального значения. Также активно развиваются отрасли растениеводства. Стоит обратить внимание на один важный показатель сельхозпредприятий данных районов: по площади обрабатываемых территорий эти предприятия значительно превосходят предприятия в предгорных районах. Наличие высокотоварного сельского хозяйства в отмеченных административных единицах во многом определило сохранение русского населения в постсоветский период.

По мнению некоторых авторов, современное административно-территориальное деление КБР не соответствует сформировавшимся реалиям. Оно определяется рядом исторических несправедливостей и имеет свои диспропорции. Перераспределение «центральными властями» территории между этническими группами (кабардинцами и балкарцами), с ущемлением одной стороны и поощрением другой, создало «трехэтажную» противоречивую

конструкцию: одни оказались на равнине, другие в предгорье, а третьи в горах [5]. Создание новой административной сетки авторами отмеченной публикации предлагают связать с бассейнами рек, протекающих по территории республики (бассейновый принцип). *При этом этнические границы предлагается не учитывать, а количество районов сократить в два раза.*

Представляется возможным думать, что такие субъективные идеи, обличенные в научные публикации (и, что весьма странно, поддержанные федеральными грантами), во многом объясняются численным и политическим доминированием кабардинского населения в сегодняшней Кабардино-Балкарии. Любые вопросы, связанные с большой нагрузкой населения на территорию, могут решаться путем обычной миграции: в пределах территории региона или за его пределы. Для их решения не требуются административные меры.

Уже долгие годы в исследуемом регионе сохраняется политическая стабильность. Такое положение дел во многом обусловлено усилиями федеральных властей и политикой в области национального вопроса. Территориальные конфликты способны нанести непоправимый ущерб укладу жизни республики. Поэтому любые радикальные идеи, претендующие на изменение сложившихся границ и административных центров, безусловно, вредны для развития региона.

В XXI в. в пределах КБР сохраняется достаточно четкое расселение народов, в зависимости от высотных зон местности. При этом продолжается процесс увеличения этнической однородности горных и предгорных территорий, в населенных пунктах которых преобладает балкарское и кабардинское население соответственно.

Урбанизация оказывает большое влияние на снижение этнической однородности территорий. Такие города как Нальчик, Прохладный и Тырныауз, отличаются смешанным составом жителей.

В значительной мере сохранение этнической однородности территорий республики определяется экономическим фактором, который, в свою очередь, определяется и высотой местности. Большая часть сельского населения КБР, как и в советские годы, занята в агропромышленном комплексе. В селах республики преобладают достаточно крупные личные подсобные хозяйства, позволяющие обеспечить доходом целые семьи. Балкарское население специализируется на горном животноводстве, при этом кабардинцы сосредоточены на овощеводстве и садоводстве (оптимальные условия дает климат предгорной зоны). Русское же население региона, как правило, занято в крупных предприятиях, производящих зерновые культуры на равнине.

Высокая степень контактности на местности у народов КБР наблюдается на стыке предгорной и горной зоны. На одном из участков данного природного рубежа локализуется многонациональная столица республики. Кроме того, данное обстоятельство подтверждается совместным проживанием кабардинцев и балкарцев у «входа» в основные горные ущелья.

Библиографический список

1. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.
2. Бураев Р.А. Социально-экономическая география Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005.
3. Кажаров А.Г. Энотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2018.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения Кабардино-Балкарской Республики, городских округов и муниципальных районов. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=yabrowser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUfoewruCISgBwRspMH0jP1aIW--_qVvQUd.
5. Хатухов А.М., Берова Ф.Ж. Бассейновый принцип административно-территориального деления как альтернатива современному расселению этнических групп населения Кабардино-Балкарии // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11.

D.S. Bogaturov

SETTLEMENT OF KABARDINO-BALKARIA'S PEOPLES CONSIDERING THE FEATURES OF RELIEF

Abstract. The article presents conclusions about the features of modern ethnic settlement in the Republic of Kabardino-Balkaria. Since historical times, Balkars have been living in mountain gorges. The Russian population is located on the flat territory. Kabardian settlements are concentrated in the foothill zone and have a large population.

Key words: urban and rural settlement of peoples, compactness of settlement, ethnic structure of the population of administrative districts and natural areas.

Сведения об авторе

Богатуров Дмитрий Сергеевич, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, bogaturov@mail.ru.

УДК 911.37

О.В. Валеева

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СИБИРИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные компоненты развития человеческого потенциала в регионах Сибири. Выявлена региональная дифференциация показателей социального и экономического характера, что позволяет обозначить проблемы человеческого развития.

Ключевые слова: человеческий потенциал, население, Сибирь, регионы, дифференциация, индекс развития человеческого потенциала.

Человеческий потенциал является основной движущей силой социально-экономического развития современного общества. Для того чтобы развивать экономику региона, необходимо параллельно развивать человеческий потенциал.

Цель – выявить пространственную дифференциацию развития человеческого потенциала сибирских регионов.

В исследовании под Сибирью понимаем территорию, включающую в себя 15 регионов Российской Федерации, а именно: Алтайский, Забайкальский, Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская области, Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, а также Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯМАО) автономные округа.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) представляет собой интегральный показатель, характеризующий возможность населения иметь хорошее здоровье, получать знания и достигать достойного уровня жизни. Расчет индекса человеческого развития происходит с временным отставанием, что обусловлено задержкой в публикации статистических данных по валовому региональному продукту на два года. Рассмотрим динамику ИРЧП за период с 2010 по 2019 гг. [1; 2; 3]. В данный временной отрезок среднероссийский показатель ИРЧП имеет стабильную положительную тенденцию – индекс увеличился с 0,843 до 0,870. Регионы Сибири значительно уступают среднему значению по стране по развитию человеческого потенциала. Из всех сибирских регионов лишь четыре превышают среднероссийское значение – Томская, Тюменская области, ХМАО и ЯНАО. В отдельные годы развитие человеческого потенциала Красноярского края достигало среднероссийского уровня, а с 2018 г. превысил данный порог. Новосибирская область достаточно быстрыми темпами увеличивает свои показатели, так за последнее десятилетие прирост составил 0,032.

За 2019 г. четыре сибирских региона входят в пятерку аутсайдеров по развитию человеческого потенциала – Республика Тыва (0,787), Алтай (0,800), Забайкальский край (0,804) и Республика Бурятия (0,810). Республика Тыва на протяжении рассматриваемого периода с 2010 по 2019 гг. стабильно занимает последнее место в рейтинге, отставая по всем составляющим индекса.

Регионами-лидерами являются ХМАО и ЯНАО, занимающие третье и четвертое места в рейтинге по ИРЧП среди всех российских регионов. Немного уступает им Тюменская область. Данные регионы превосходят по экономическим показателям за счет нефтегазодобывающей промышленности (рис. 1).

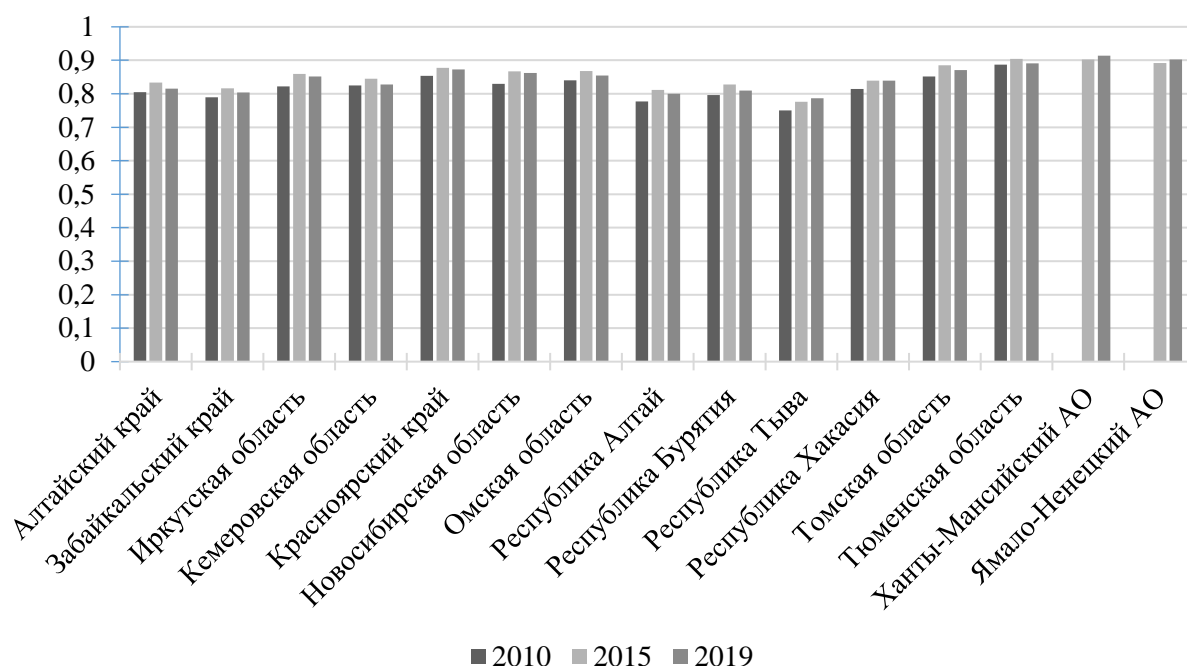

Рис. 1. Индекс развития человеческого потенциала в регионах Сибири, 2010–2019 гг. [1–3]

По индексу здоровья, который рассчитывается на основе показателя ожидаемой продолжительности жизни, превышают среднероссийское значение всего два региона – ХМАО (0,834) и ЯНАО (0,820). Несмотря на менее благоприятные климатические условия, данные регионы удерживаются в зоне демографической устойчивости. Показатели рождаемости превышают показатели смертности. Причиной таких высоких результатов стала социальная программа по повышению качества и доступности социальных услуг, которая вошла в Стратегию развития региона – 2030. Кроме того, высокие показатели достигаются благодаря успехам в области здравоохранения. Отметим, что обеспеченность врачами всех специальностей в данных регионах выше, чем в целом по России в 1,2 раза [4].

Низкие показатели по индексу здоровья отмечены в Республике Тыва (0,710), Забайкальском крае (0,731), Иркутской (0,743) и Кемеровской (0,746) областях. Здоровье населения во многом зависит от социально-экономического развития региона, в том числе от развития системы здравоохранения. В Республике Тыва самая низкая в стране продолжительность жизни населения – на 5,2 года меньше, чем по России в целом. Отметим, что Тыва является аграрным регионом, при этом недостаточно развитым, что отражается на уровне жизни населения, которое не может обеспечить себе достойную и своевременную медицинскую помощь. Одной из важных причин является отсутствие транспортной инфраструктуры, что сдерживает развитие региона. Иркутская и Кемеровская области характеризуются как развитые регионы с опорой на добывающую и обрабатывающую промышленность. Между тем возникает другая проблема – неблагоприятная экологическая обстановка. Данные регионы отличаются высокими выбросами загрязняющих веществ в атмосферу (655 и 1 612 тыс. т соответственно) и загрязнением сточных вод (442 и 262 млн м³) [4]. Несмотря на ежегодное

увеличение расходов на охрану окружающей среды, экологическая ситуация остается напряженной.

Образование населения является одним из основных социальных институтов, обеспечивающих устойчивое развитие общества благодаря выполнению своих функций. Особое внимание уделяется образованию в связи с усилением роли человеческого потенциала как фактора социально-экономического развития региона и страны в целом. От уровня и качества образования зависит обеспеченность высококвалифицированными кадрами, которые являются важным звеном в формировании компонентов человеческого развития. Следовательно, от качества образования зависит качество оказываемых услуг, в том числе и оказание медицинской помощи, которая отражается на здоровье населения.

Образовательный потенциал регионов Сибири дифференцирован незначительно – в диапазоне от 0,895 (ЯМАО) до 0,984 (Омская и Тюменская области). Низкий индекс образования в ЯМАО свидетельствует о том, что молодое население, стремящееся получить образование, перетягивает Тюменская область. Наибольшая численность студентов преобладает в Томской, Омской и Новосибирской областях, которые имеют на своей территории большое количество учебных заведений разнообразной направленности, тем самым привлекают молодежь из других регионов. Кроме того, многие студенты, получив образование, устраиваются на работу, не возвращаясь в родные города.

Материальное благосостояние населения оказывает большое влияние на экономическое развитие страны в целом, в связи с этим государство должно не допускать падения уровня жизни и распространения бедности населения. Между тем, анализ основных показателей материального состояния населения регионов Сибири говорит о том, что повышение уровня жизни протекает достаточно медленными темпами.

Доходы населения регионов Сибири сохраняют тенденцию постепенного увеличения. За последнее десятилетие наибольший рост доходов отмечен в Алтайском крае и ЯНАО – более чем на 50 %. Между тем, в ЯНАО среднедушевые доходы в 3,7 раза выше, чем в Алтайском крае и в 1,7 раз превышает среднесибирское значение [4]. Причина такого разрыва заключается в специфике экономики региона, основанной на добыче углеводородов. Среднемесячная заработная плата населения в сибирских регионах за период с 2010 по 2020 гг. выросла на 56,2 %. Положительная динамика отмечается во всех регионах, особенно быстрыми темпами увеличилась заработная плата в депрессивных регионах – Республиках Алтай и Тыва и Забайкальском крае (более чем на 60 %). В ХМАО и ЯНАО за рассматриваемый период времени заработная плата выросла менее чем на 50 %, однако сохраняется самое высокое значение заработной платы не только среди сибирских регионов, но и страны в целом (в 1,6 и 2,2 раза соответственно за 2020 г.). Таким образом, вектор направлен на сокращение пространственной дифференциации по материальному благосостоянию в регионах Сибири.

Для перехода на новый уровень по качеству человеческого потенциала в рамках устойчивого развития регионов необходима реализация основных

направлений социальной и демографической политики. Для регионов Сибири характерна выраженная территориальная дифференциация по социально-демографическим показателям. Отмечается благоприятная ситуация и сокращение региональных различий, однако остаются периферийные, как правило, приграничные территории, которые не способны усилить свое положение среди других субъектов ввиду более медленного темпа развития. Проблемы социально-демографического развития территорий на современном этапе не способствуют эффективному развитию человеческого потенциала регионов.

Библиографический список

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 г. М., 2013.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 г. М., 2018.
3. Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2022.
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

O.V. Valeeva

SPATIAL HETEROGENEITY OF HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT IN SIBERIAN REGIONS

Abstract. The article examines the main components of human potential development in the regions of Siberia. The regional differentiation of social and economic indicators has been revealed, which makes it possible to identify problems of human development.

Key words: human potential, population, Siberia, regions, differentiation, human development index.

Сведения об авторе

Валеева Ольга Валерьевна, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, valeeva.o.v@yandex.ru.

УДК 314.06

В.А. Горбанёв

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Аннотация. В работе рассматриваются демографические тенденции в России, начиная с 1950 г. Наибольшее внимание уделяется последним годам, когда Россия оказалась в «демографическом вакууме» – естественный прирост стал отрицательным и достиг –8,0 %. Несмотря на некоторое улучшение ситуации в последние два года, предполагается, что ситуация еще длительное

время останется критической. Положительный механический прирост населения никоим образом не может компенсировать падение естественного прироста.

В работе представлен анализ географической структуры естественного прироста по субъектам Федерации. Показано, что только в 15 субъектах наблюдается положительный естественный прирост.

За время СВО Россию покинули порядка 1 млн жителей. В то же время в Россию прибыли около 3 млн беженцев из Украины. Показана географическая структура размещения беженцев на территории России.

Делается вывод, что для улучшения и решения демографических вызовов последнего времени требуется более продуманная демографическая политика как в отношении естественного прироста населения, так и в отношении миграционных процессов.

Ключевые слова: естественный прирост, механический прирост, суммарный коэффициент рождаемости, специальная военная операция (СВО), миграция, Украина.

В последние 35 лет российская демография испытывает глубокий кризис. В 1990-х гг. из-за резкого падения экономики естественный прирост населения упал до катастрофических показателей: от -5 до -6 %. Потом до 2013 г. ситуация начала улучшаться, и естественный прирост поднялся до нуля. Но затем снова начался кризис: пандемия коронавируса и вызванный ею экономический кризис, затем спецоперация на Украине и западные санкции, усугубившие положение. Естественный прирост упал до -8 %. Эксперты предупреждают, что из-за санкционного давления, мобилизации, военных действий и массовой миграции населения экономика в максимальной степени пострадает в ближайшем будущем, а демографическая ситуация в стране может соответственно ухудшиться [1; 2].

Инвестиционный холдинг «Финам» рассказывает, какова ситуация с рождаемостью и смертностью в России, а также какие программы направлены на решение демографических проблем в стране.

Рождаемость в стране снижалась практически весь период, начиная с 1950 г. [3]. Хотя с 1968 по 1986 г. наблюдался незначительный рост. Затем с 1987 по 1993 гг. падение рождаемости было максимальным и достигло $9,8$ %. В дальнейшем наблюдался незначительный рост, однако с 2012 г. снова было резкое падение рождаемости до $8,8$ %. Тогда говорили о так называемой «демографической яме», объясняя уменьшение числа новорожденных малочисленностью поколения людей, родившихся в 1990-х гг. Пандемия, а затем СВО продолжили этот тренд в 2020-х гг., когда только в первом полугодии 2020 г. число рождений снизилось на $5,4$ % (рис. 1). По данным Росстата рождаемость в России с 2023 по 2027 гг. будет снижаться и только с 2028 г. начнет расти.

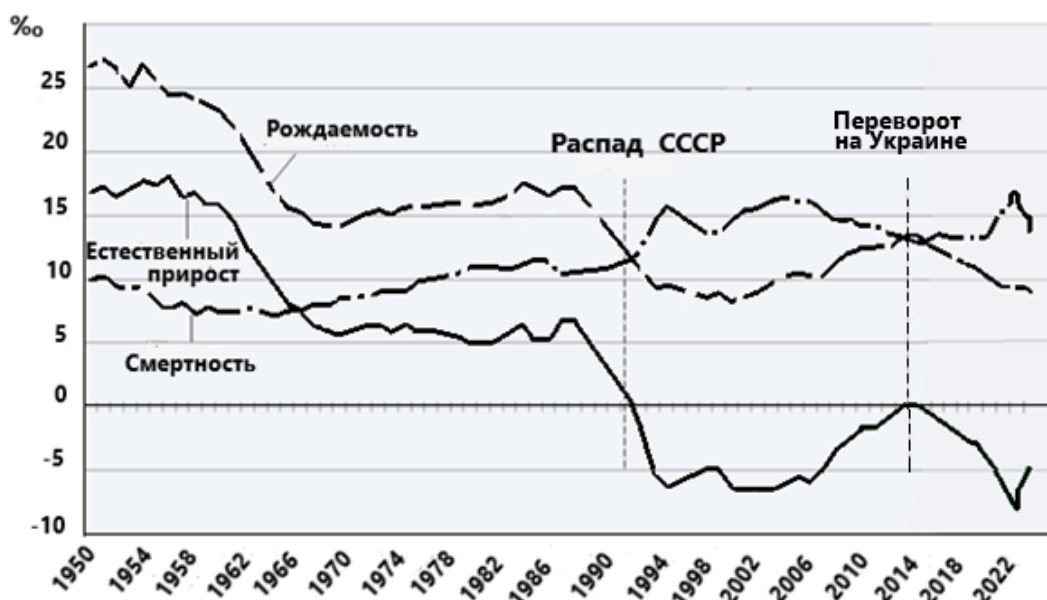

Рис. 1. Естественный прирост населения России – «двойной Русский крест»

В ходе выступления на ПМЭФ-2022 президент РФ Владимир Путин назвал крайне сложной демографическую ситуацию в стране. «Благополучие людей, их достаток – важнейший фактор демографического развития» – подчеркнул он. Как отмечает «Эконс», динамика рождаемости в стране сильно зависит от динамики доходов населения. Так, в 1990-е гг. из-за роста бедности суммарный коэффициент рождаемости упал до минимального 1,16 в 1999 г. После введения программы маткапитала он вырос почти до 1,8 в 2014–2015 гг., но после снизился до 1,4 – в 2022–2023 гг. При этом в мире средний суммарный коэффициент рождаемости составляет 2,3, а в России Росстат прогнозирует достижение уровня 1,66 к 2045 г. [4].

Одновременно с небольшими волнами росла смертность людей. В 1990 г. после распада СССР смертность превысила рождаемость, создав «русский крест». В 2022 г. она несколько сократилась.

Естественный прирост населения постоянно падал параллельно падению рождаемости. В 2014 г. в следствие правительственного переворота на Украине и последовавших за ним событий, отозвавшихся в России, смертность снова превысила рождаемость и произошел «Второй русский крест» (рис. 1). В 2021 г. из-за пандемии в России был зафиксирован рекордный отрицательный естественный прирост населения в современной истории, –8,0 ‰. В последний раз такой уровень наблюдался в стране в 2002 г. В этом же году смертность достигла максимума – 17,5 ‰. В 2022 и 2023 гг. падение естественного прироста стало не столь значительным и составило соответственно –5,0 и –3,9 ‰.

Самый большой естественный прирост наблюдается в республиках Чеченская, Ингушетия и Тыва (более 10 ‰). Чуть меньше естественный прирост в Республике Дагестан. В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и в Республике Саха естественный прирост в пределах 4–8 ‰. В восьми субъектах Федерации естественный прирост держится в пределах от 0 до 4 ‰. Таким образом, население растет всего в 15 субъектах России. Это в основном Северо-Кавказские республики, где господствующая религия – ислам, и

некоторые территории северной Сибири. В остальных 80 субъектах (без новых 4-х районов) естественный прирост отрицательный. Причем естественный прирост (падение) в 11 субъектах более -10% (Новгородская, Пензенская, Ивановская, Смоленская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Орловская, Владимирская, Псковская и Тульская области), а в 14 субъектах колеблется в пределах от -8 до -10% . Нетрудно видеть, что самая тяжелая демографическая ситуация сложилась в районах Центрально-Европейской России. Эти же районы отличаются наибольшим уровнем бедности [4].

Механический прирост населения вплоть до 1970 г. был отрицательным и затем был всегда положительным. При этом минимальный прирост наблюдался с 2001 по 2006 гг., а также в 2022 г. (до $0,3-0,8\%$). Максимальная иммиграция в Россию наблюдалась в 1990–1995 гг. и с 2007 по 2017 гг. (до $2,5 - 3,5\%$). В 2020 и в 2022 гг. из-за пандемии, СВО и закрытия государственных границ прирост иммиграции резко снизился.

Таким образом, общий прирост населения вплоть до 1990 г. падал, но оставался положительным. Затем, начиная с 1995 по 2010 гг., когда резко упал естественный прирост, а механический приближался к нулю, суммарный прирост населения был минимальным и доходил до -7% . Население России резко сокращалось. Однако, период с 2011 по 2015 гг. вселил надежду на улучшение демографической ситуации: прирост населения стал положительным поскольку естественный прирост стал почти нулевым, а механический прирост стал максимальным. Но уже с 2015 г. начался новый демографический кризис в связи с падением естественного прироста и продолжающийся до настоящего времени. Иммиграция никак не может компенсировать это падение. Прирост населения упал до -5% (рис. 2).

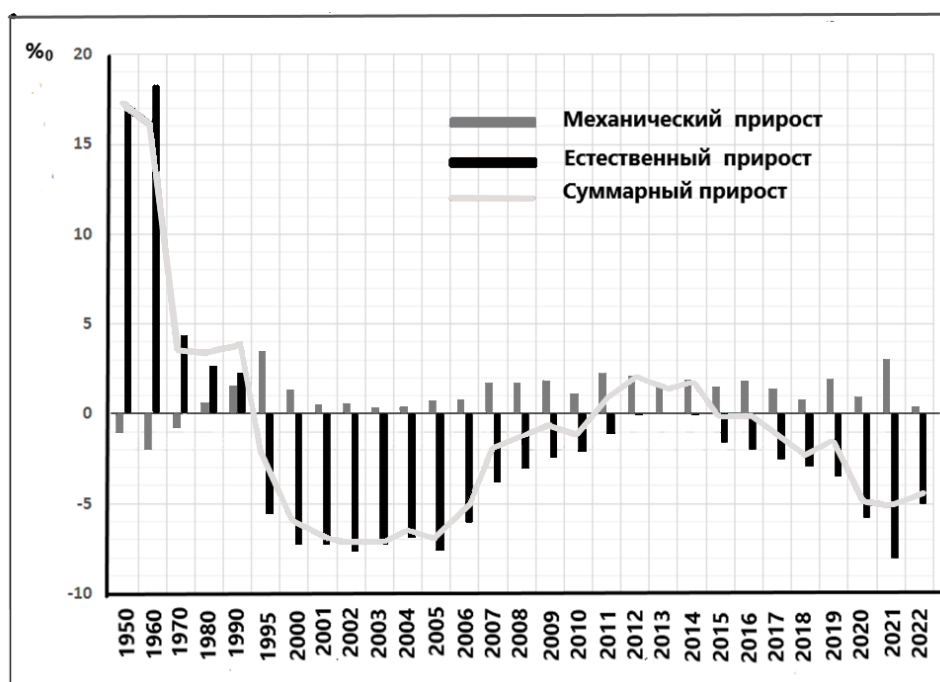

Рис. 2. Естественный, механический и общий прирост населения

В результате сложившейся демографической ситуации постоянное население России сокращается уже 30 лет [5]. К началу 1993 г. численность населения России росла и достигла наивысшего значения, в границах того времени в России проживало около 148,6 млн чел. В 1993 г. впервые за период после Второй мировой войны была зафиксирована убыль населения, которая продолжалась до 2009 г., к началу которого его численность упала до 142,7 млн чел. В 2011–2017 гг. оно умеренно выросло после 13-летнего периода непрерывного снижения. На начало 2018 г. население России составляло 146,9 млн чел. По оценке Росстата, численность постоянного населения России на 1 января 2023 г. понизилась и составила 146,4 млн чел., сократившись с начала года на 555 тыс. (рис. 3).

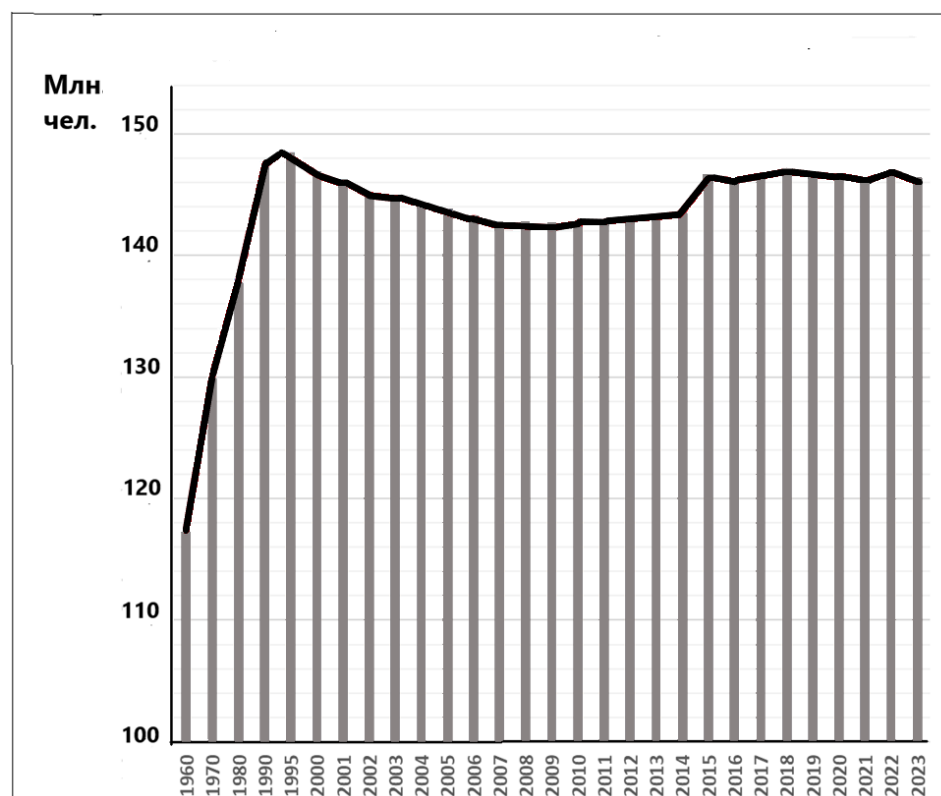

Рис. 3. Динамика численности населения России

В последние годы СВО наложила значительный отпечаток на демографическую ситуацию в России. С 2020 по 2023 гг. рождаемость в России упала до рекордного показателя: с 9,6 до 8,5 ‰. Сказалась не только СВО, но и тот факт, что в последние годы в детородный возраст вступило немногочисленное поколение 1990-х гг., когда закончился рост населения страны и началось его сокращение. В результате сейчас сформировалось еще более немногочисленное поколение сегодняшних родителей. Это хорошо видно при анализе суммарного коэффициента рождаемости (количество детей в среднем, которое рождает одна женщина): он непрерывно падает с 2016 г. и сейчас достиг 1,4. СВО, конечно, усугубила ситуацию. Волна малочисленности населения дойдет до следующего поколения женщин, которые смогут рожать в 2040–2050 гг., но их количество будет еще меньше, чем сейчас, т. е. можно

заклучить, что Россия оказалась в демографическом вакууме, из которого в ближайшие десятилетия не видно выхода [6].

Вице-премьер России Татьяна Голикова недавно заявила, что число женщин, которые находятся в репродуктивном возрасте, с 2010 по 2021 гг. сократилось с 12 до 7,5 млн, т. е. более, чем на 40 %.

Демографическая политика в последние годы в рамках нацпроекта «Демография» была направлена на повышение рождаемости с помощью экономических мер. Материнский капитал, т. е. выплаты матерям определенных дотаций после рождения детей. Сначала материнский капитал выделялся матерям после рождения второго, третьего и т.д. ребенка. И действительно, этот проект дал определенный эффект. Но уже в 2020 г. этот проект «улучшили» и стали выдавать маткапитал после рождения первого ребенка. Такое «улучшение» привело не к повышению, а сокращению или по крайней мере стабилизации рождаемости, так как женщины решили, что второго ребенка теперь можно и не рожать [3]. В «майских указах» президента России В. Путина ставилась задача повысить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7, однако после 2016 г. он начал снижаться [7].

СВО спровоцировала самую многочисленную за последние годы волну эмиграции. По разным неофициальным источникам Россию покинули порядка 1 млн чел. По мнению демографа А. Ракша, это, примерно, 2–3 % мужчин в возрасте 20–40 лет. В СВО участвуют, примерно, столько же, т. е. всего в России около 5–6 % мужчин не участвуют в рождении детей [3].

С момента начала СВО на территории России оказались около 3 млн украинских беженцев, но только около 300 тыс. из них легализовались, т. е. стали гражданами России. Независимо от того, получили они гражданство или нет, рожденные дети попадают во всероссийскую статистику [6].

Беженцы первые три дня проводят в пунктах временного содержания, развернутых в приграничных районах. Обычно это школы, спортзалы, дома отдыха, общежития, детские лагеря и т.д. – всего 647 пунктов. С начала СВО беженцев приняли 59 российских регионов. Правительство России из своего резервного фонда выделило 3,1 млрд руб. на обустройство беженцев в этих регионах. Больше всего досталось Воронежской и Ростовской областям – 431 и 417 млн руб. соответственно. Помимо Ростова-на-Дону и Воронежа большая часть беженцев размещается в Краснодарском крае, Курской, Белгородской, Орловской, Брянской и Московской областях. В Москве и Сан-Петербурге таких пунктов нет. На проживание и питание одного беженца в большинство пунктов временного содержания тратится 1 328 руб., но в некоторых пунктах – до 2 000 руб. за счет местных резервных фондов. Условия содержания беженцев, к сожалению, не самые лучшие. Поэтому, как сказал Секретарь генсовета партии «Единая Россия» Андрей Турчак, есть тенденция на возвращение людей в Украину, а также в страны Евросоюза и Грузию. После «сортировки» беженцев распределяют по всей России.

В заключение можно констатировать, что демографическая политика, проводимая в России, важна, но недостаточна. В частности, одни финансовые

вливания в семейный доход дают слабый эффект. Необходим комплексный подход, касающийся социально-экономической и политической ситуации в стране. Необходим анализ существующих проблем населения, синтезирование экономических, социальных, демографических и экологических процессов. Необходим также глубокий анализ демографической ситуации, возникшей в связи с проведением Россией СВО.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века. М., 2017. Т. 20. № 3.
2. Ермаков С.П., Захарова О.Д. Демографическое развитие России в первой половине XXI века. М., 2000.
3. Ракша А., Жулькина Т.К концу века в России может жить меньше 100 млн человек: демограф – о снижении рождаемости. Дети, 03.04.23. URL: <https://journal.tinkoff.ru/demography-raksha/>.
4. Росстат: демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
5. Антонов А.И. Коэффициенты рождаемости растут, а население убывает // Российская Федерация сегодня. 2015. № 13.
6. Киселёва М. Россия в демографической яме. Сказалась ли война на падении рождаемости? Русская служба Би-би-си, 15 мая 2023 г. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-65564360>.
7. Захарова О.Д., Акопян А.С., Харченко В.И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XXI века: история, современность и перспективы. М., 2002.

V.A. Gorbanyov

DEMOGRAPHIC CHALLENGES IN RUSSIA IN RECENT YEARS

Abstract. The article examines demographic trends in Russia since 1950. The main attention is paid to recent years, when Russia found itself in a «demographic vacuum» – natural growth became negative and reached –8,0 ‰. Despite some improvement in the situation over the past two years, it is expected that the situation will remain critical for a long time. Positive mechanical population growth cannot compensate for the decline in natural growth.

The paper presents an analysis of the geographical structure of natural increase in the constituent entities of the Federation. It is shown that only in 15 regions there is a positive natural increase.

During the special military operation, about 1 million residents left Russia. At the same time about 3 million refugees from Ukraine arrived in Russia. The geographical structure of the refugees location on the territory of Russia is shown.

It is concluded that in order to improve the solution to the demographic challenges of recent times a more thoughtful demographic policy is required both in relation to natural population growth and in relation to migration processes.

Key words: natural increase, mechanical increase, total fertility rate, special military operation (SVO), migration, Ukraine.

Сведения об авторе

Горбанёв Владимир Афанасьевич, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского, Московский педагогический государственный университет, vlgorbanyov@gmail.com.

УДК 910.3; 314.174

А.И. Даньшин

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛАРУСЬЮ РЕГИОНОВ РОССИИ И РОЛЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние малого города на демографическую емкость территории. Показана роль замыкающей компоненты сельскохозяйственной емкости территории. Выявлено, что потенциал малого города, определяемый динамикой численности населения, позволяет использовать недореализованную емкость в будущем.

Ключевые слова: демографическая емкость, сельское хозяйство, малый город, потенциал развития, российско-белорусское пограничье.

Демографическая емкость территории – понятие достаточно часто используемое, но в то же время, мало интерпретируемое в научной литературе. Так в Демографическом понятийном словаре под редакцией Л.Л. Рыбаковского [1] оно не рассматривается. В Демографическом энциклопедическом словаре под редакцией Д.И. Валентя (1985 г.) демографическая ёмкость определяется как ёмкость территории для населения и понимается как максимальная численность населения, способного получать средства к существованию, проживая на данной территории и используя ее природные ресурсы. Сама ёмкость территории определяется максимально возможной плотностью населения и зависит, в первую очередь, от уровня развития производительных сил, типа хозяйства и от природных условий [2].

Собственно, концепция демографической емкости впервые была сформулирована еще П.П. Семеновым-Тян-Шанским при рассмотрении населенности России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи [3], но в дальнейшем на протяжении значительного времени данный показатель мало использовался. Базисной в отечественной литературе по географии населения для следующего периода можно считать статью Е.Б Лопатиной и В.В. Покшишевского «К истории понятия «емкость территории»», где авторы рассматривают разные точки зрения на понятие «емкость территории» [4]. Важными следует считать расчеты Е.Г. Петровой [5]. Имеются исследования, связанные с отраслевыми понятиями емкости, например, экологической емкости туристских территорий [6] или даже целиком территориальной емкости [7].

Как правило, показатель демографической емкости территории – величина, состоящая из элементов, обеспечивающих эту емкость. Если ранее определяющим элементом, формирующим пределы емкости, было соотношение потребления, локальной продуктивности сельского хозяйства и общей площади используемых земель, то к настоящему времени демографическая емкость территории выступает как фактор концепции устойчивого развития, гармоничного использования ресурсов. Но П.В. Василенко, рассматривая Северо-Запад России доказывает, что и в настоящее время лимитирующим фактором для Псковской области остается сельскохозяйственная составляющая демографической емкости [8]. То есть, общая демографическая емкость территории, определяющаяся по замыкающему ресурсу, для исследуемой территории в максимальной степени будет учитывать минимальную емкость – сельскохозяйственную.

Территории российско-белорусского приграничья (Псковская, Смоленская и Брянская области), имевшие длительное постсоветское время депрессивный путь развития, отличаются существенной депопуляцией населения и значительными провалами в экономике сельского хозяйства. В период экономической турбулентности, депрессивность сменилась определенным ростом экономики, но в основном в промышленном сегменте. Сельское хозяйство остается все еще депрессивным за исключением нескольких локальных проектов в Псковской области.

Невысокая плотность населения, существенное значение областного центра, преобладание малых городских поселений требуют рассмотрения трансформации сельскохозяйственной ёмкости в связи с наличием большого количества малых городов, которые для своей локальной территории могут быть «возмутителями спокойствия», приводя к существенному понижению незначительного сельскохозяйственного потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Показатели сельскохозяйственной емкости территорий приграничья с Республикой Беларусь

Области	Численность населения на 1.1.23, чел	Плотность населения, чел/км ²	Доля городского населения, %	Численность населения, проживающего в малых городах, чел.	Доля городского населения, проживающего в малых городах, %	Обеспеченность зерном населения области, кг	Обеспеченность картофелем населения области, кг	Обеспеченность молоком населения области, кг
Псковская	587786	10,61	70,9	141286	33,9	28,9	20,7	35,5
Смоленская	873041	17,54	72,7	270271	42,6	40,5	12,3	17,1
Брянская	1152505	33,06	69,6	348332	43,4	162,8	109,1	26,4

В каждой из областей доля центрального города в численности населения области составляет 32–35 %, что для Псковской области сравнимо со значением

малых городов, для двух остальных областей это, конечно маловато. Также в каждой из областей имеется еще один город, не подпадающий под категорию малого, но в Смоленской области Вязьма, имея численность населения 51,2 тыс. чел., балансирует на грани этой категории. То есть, наличие большого количества малых городов одновременно может увеличивать демографическую емкость территории за счет потенциального использования для себя имеющихся сельскохозяйственных земель, и в то же время уменьшать продовольственный потенциал как важный для локальной территории потребитель сельскохозяйственной продукции. Как мы видим обеспеченность населения основными, районированными продуктами питания остается катастрофически низкой.

Без тщательных расчетов сельскохозяйственной составляющей демографической емкости территории можно предполагать, что максимальные значения емкости были достигнуты в конце советского периода, когда интенсификация сельского хозяйства и использование сельскохозяйственных угодий были максимальны для уровня экономического развития того периода. Но, сельское хозяйство, как пример посевные площади, почти полностью схлопнулось в двух северных областях (осталось меньше 30 % посевов) и уменьшилось на треть в Брянской области. Приход якорного инвестора (Компания «Мираторг») в Брянскую область только в последнее время как-то улучшил показатели землепользования, увеличив по сравнению с советским периодом площади под сенокосами и пастбищами, а также стали засевать больше площадей (минимальные показатели были в 2007 г. – 617 тыс. га). То есть демографический потенциал изменения сельскохозяйственной ёмкости территории имел более значительное влияние на деградацию территории, и в том числе за счет снижения численности населения почти всех городских населенных пунктах приграничных с Беларусью областей. Следовательно, демографическая емкость территории во всех ее составляющих для регионов пограничных с Республикой Беларусь остается по всем показателям недореализованной, способной в значительной степени быть использованной при возрастании численности населения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций»; <https://rscf.ru/project/23-27-00357>.

Библиографический список

1. Демографический понятийный словарь. М., 2003.
2. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
3. Статистический временник Российской Империи. Серия II. СПб., 1871.
4. Лопатина Е.Б., Покшишевский В.В. К истории понятия «емкость территории» в отечественной литературе по географии населения // Вопросы географии населения СССР. М., 1961.
5. Петрова Е.Г. Демографическая ёмкость территории субъектов Российской Федерации при экологически устойчивом типе природопользования // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 1997. № 5.

6. Климанова О.А., Колбовский Е.Ю., Илларионова О.А., Землянский Д.Ю. Концепция экологической емкости: современное содержание и алгоритм оценки для разных типов туристских территорий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Науки о Земле. 2021. 66 (4). URL: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.409>.

7. Гладкевич Г.И. Экономико-географический подход к оценке территории в природопользовании // Региональные исследования. 2014. № 4 (46).

8. Василенко П.В. Возможности размещения и трудоустройства мигрантов в Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19.

A.I. Danshin

DEMOGRAPHIC CAPACITY OF RUSSIAN REGIONS BORDERING WITH BELARUS AND THE ROLE OF SMALL TOWNS IN ITS TRANSFORMATION

Abstract. The article examines the influence of a small town on the demographic capacity of the territory. The role of the closing component of the territory's agricultural capacity is shown. It has been revealed that the potential of a small city, determined by population dynamics, allows the use of under-realized capacity in the future.

Key words: demographic capacity, agriculture, small town, development potential, Russian-Belarusian borderland.

Сведения об авторе

Даньшин Александр Иванович, кандидат географических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, Смоленский государственный университет, естественно-географический факультет, кафедра географии, e-mail: alivda@yandex.ru.

УДК 911.3

Г.Н. Жиренко, Е.И. Овсянников

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Аннотация. Статья отражает основные положения исследований по демографическим проблемам Ставропольского края. Данная работа позволяет выявить закономерности и региональные особенности сложившейся ситуации в процессах воспроизводства, а также отразить причины и факторы, которые будут определять дальнейшее демографическое развитие края.

Ключевые слова: демографическая ситуация, депопуляция, меры демографической политики.

Демографическая ситуация в России, формирующаяся на протяжении 50-летнего отрезка времени, идёт в унисон с общемировыми тенденциями, но в подавляющем большинстве отличается. Сокращение численности населения в краткосрочной перспективе (до 2030 г.) составит по оценкам экспертов 3 млн чел. В связи с дальнейшим развитием депопуляции необходима адекватная оценка тенденций развития демографических процессов, определения их социально – экономических последствий. Каждый регион России, несмотря на негативные тенденции в демографическом развитии, является уникальным в демографическом отношении, а особый интерес вызывают внутрирегиональные процессы.

На общем фоне медико-демографической ситуации в России, Ставропольский край имеет свои специфические особенности. В течение длительного времени Ставрополье выделялось на общероссийском фоне относительно высоким приростом населения. Но, негативные демографические тенденции в крае нарастают более стремительными темпами, нежели в других регионах.

К началу XXI в. Ставропольский край, как и вся Россия, подошел к состоянию устойчивого процесса депопуляции. Главными демографическими чертами этого времени является, во-первых, углубление депопуляционных процессов; во-вторых, резкое сокращение миграционного потока, величина которого не компенсировала естественную убыль населения, что вызвало сокращение численности населения, в крае начиная с 2003 г.

Постоянное снижение естественного прироста выразилось в расширении ареала депопуляции, к 2007 г. этот процесс распространился на 23 района (за исключением Минераловодского, Предгорного, Шпаковского) и все городские поселения кроме Минеральных Вод, Светлограда, Михайловска. Так, незначительный положительный показатель естественного прироста был сохранен только в Курском и Нефтекумском районах. Сегодня среднекраевой уровень депопуляции населения, вырос вдвое по сравнению с 1990-ми гг. и составил – 4,1 ‰.

Активно стала деформироваться демографическая структура населения. В структуре численности преобладает население в трудоспособном возрасте (58 %); дети в возрасте до 15 лет включительно и люди старшего возраста составляют 20 % и 22 % соответственно.

Если в 1980-е гг. миграция, наряду с естественным движением обеспечивала устойчивый прирост численности населения в крае, на протяжении большей части 1990-х гг. она компенсировала естественную убыль населения и обеспечивала общий прирост численности населения в крае, то начиная с 2000 г. незначительные масштабы миграции не оказывают серьёзного влияния на демографическую ситуацию. Современный период характеризуется отрицательными показателями естественного движения и ухудшением демографической ситуации в целом. Сформировавшиеся тенденции в области естественного движения предопределяют дальнейшее сокращение численности населения.

Рассматривая подробно период 2000-х гг., можно выделить характерные черты изменения демографических показателей:

На 2008 г. в крае отмечался небольшой прирост рождаемости населения, связанный с вступлением в фертильный возраст детей, родившихся после 1985 г., т.е. периода наивысших показателей уровня рождаемости. Общий коэффициент рождаемости увеличился до 11,4 ‰ в 2006 г. (с 10,2 ‰ в 2003 г.). Но в свою очередь продолжился и рост уровня смертности, хотя и незначительный 14,2 ‰ (2006 г.), естественная убыль населения снизилась до -4,1 ‰ (в отличие -5,1 ‰ в 2003 г.).

Данный этап для Ставрополья по-новому отразился на демографических показателях Ставрополья. Благоприятная демографическая структура и проводимая в России демографическая политика повлияли на увеличение коэффициента рождаемости в целом по краю с 10,3 ‰ до 11,2 ‰. Заметно снизившиеся показатели естественной убыли (до -0,5 ‰ против -4,1 ‰ в 2006 г.) компенсировалась миграционным приростом.

Начиная с 2012 г. по 2017 гг. в Ставропольском крае наблюдаются положительные показатели естественного прироста. Естественный прирост постепенно увеличивается, при одновременном снижении миграционного прироста. И следует отметить, что если в предыдущие периоды численность увеличивалась в основном за счет миграции, то на рассматриваемый отрезок времени вклад миграционного прироста в общую численность населения составляет 30 %, остальные 70% приходятся на естественный прирост. Наиболее высокие значения характерны для г. Ставрополя и г. Ессентуки.

В 2018 г. (на год позже, чем в целом по России) в крае отмечается второй этап депопуляции, существенно отличающийся по специфике от первого (начала 2000-х гг.). Постепенное распространение убыли населения отмечалось в 21 муниципальном образовании края. Естественный прирост был зафиксирован на двух территориях края – в Нефтекумском городском и Степновском муниципальном округах. Результатом колебания уровня рождаемости и значительных миграционных потерь населения стала тенденция к демографическому старению населения. В последние годы отмечается рост доли лиц пенсионного возраста и снижение удельного веса детей и подростков (0–15 лет) при относительно стабильной и даже несколько возросшей доле лиц трудоспособного возраста. Доля детей в общей численности составила 17,3 %. Самые низкие показатели населения в дотрудоспособном возрасте характерны для Железноводска (14,9 %), Пятигорска (13,7 %), Ставрополя 13,9 %, Лермонтова (14,8 %) при среднекраевом значении в 17,3 %. Наиболее высокие значения характерны для восточных полиэтнических районов края. Обобщенные данные свидетельствуют о том, что динамика демографической структуры населения края в 2023 г. по сравнению с 2000-ми гг. претерпела значительные изменения. Снижение миграционного сальдо и отрицательные показатели естественного прироста привели к тому, что численность населения в крае устойчиво сокращается.

Тенденции демографического развития Ставропольского края определены

на период до 2024 г. на основе анализа сложившейся демографической ситуации и в соответствии со сценарными условиями, основными параметрами прогноза социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 г. В соответствии с федеральным и региональным законодательством за счет бюджетных средств выплачиваются более десяти видов пособий семьям с детьми. Кроме того, акцент делается на поддержку старшего населения в рамках регионального проекта «Старшее поколение».

Библиографический список

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад 2020 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, В.Н. Архангельский [и др.] М, 2021.
2. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года URL: <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty>.

G.N. Zhirenko, E.I. Ovsyannikov

REGIONAL FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE STAVROPOL REGION

Abstract. The article reflects the main provisions of research on demographic problems of the Stavropol Region. This work allows us to identify patterns and regional features of the current situation in the processes of reproduction, as well as reflect the reasons and factors that will determine the further demographic development of the region.

Key words: demographic situation, depopulation, demographic policy measures.

Сведения об авторах

Жиренко Галина Николаевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, gzhirenko@yandex.ru.

Овсянников Евгений Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, geni_ovsyannikov@mail.ru.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье показаны особенности трансформации основных демографических процессов, а также динамика территориальной структуры населения Воронежской области. Раскрыты основные направления развития территориальной структуры и возможности ее оптимизации.

Ключевые слова: трансформация, демография, территориальная структура, население, Воронежская область.

Воронежская область является самой большой по территории и численности населения областей ЦЧР. Она уступает по численности жителей, трудовых ресурсов и ВРП в ЦФО только регионам Московской агломерации [12]. За советское время развития был накоплен большой трудовой, образовательный и производственный потенциал. Во многом это было достигнуто за счет относительно благоприятной демографической ситуации и роста трудовых ресурсов. При этом еще в досоветское время наблюдался демографический переход от традиционного до современного типа воспроизводства. Первый этап проходил с 1911 по 1940 гг., когда рождаемость уменьшилась с 48,8 ‰ до 27,9 ‰, при постепенном падении уровня смертности с 28,7 ‰ до 17,6 ‰ и снижения в 1,88 раза естественного прироста (с 20,9 ‰ до 11,1 ‰). В послевоенные годы сохранялась относительно высокая рождаемость и естественный прирост (на 15 % выше уровня 1940 г.) [1]. В 1960-е гг. стремительно завершилась вторая стадия демографического перехода от традиционного на современный тип воспроизводства населения, см. рис. 1.

Рис. 1. Общие коэффициенты воспроизводства населения, ‰

Как видно из рисунка 1, за 1950-е гг. рождаемость существенно не менялась. С 1960 по 1970 гг. она упала в Воронежской области в 1,77 раза. И это при высоких темпах роста уровня жизни и благосостояния населения за 1960-е гг. Главным фактором падения рождаемости, по нашему мнению, является разрешение аборт в 1955 г., которые с 1965 г стали резко доминировать по сравнению с числом родов (2,5–3 раза). Урбанизация (по мнению многих ученых она является ведущим фактором снижения рождаемости) в Воронежской области наиболее интенсивно проявилась в 1970-е гг. С 1970 по 1979 гг. доля городских жителей выросла с 45,6 % до 60,9 %. Но именно в эти годы рождаемость населения в области даже немного выросла. Позже процессы развития городского населения заметно снизили интенсивность. На начало 2024 г. номинальная доля горожан составила 68,5%, но учитывая, что в состав населения городских округов входят свыше сотни СНП с общей численностью населения минимум 60 тыс. чел., реальная доля городского населения составляет примерно 65%. В последние годы в регионе, как и в РФ в целом, в 2021 г. наблюдался антирекорд по смертности – 46572 чел. или 20,3 ‰ и падение рождаемости до 7,2 ‰ в 2023 г. Это уже близко к катастрофическим 1990-м гг., когда рождаемость упала в 1999 г. до 7,1 ‰ (минимум в российское время) [2; 4]. Рост рождаемости в 1980-е гг. и резкое падение ее в 1990-е гг. из-за общего социально-экономического кризиса, обусловил появление нового цикла воспроизводства населения (раньше он действовал из-за войны). При чем, тренд рождаемости имеет тенденцию к затуханию, то есть с каждым новым циклом численность рождений будет еще меньше, так же, как и колебания рождаемости по годам. Особенно значительным сокращение рождаемости было в период проведения основных рыночных реформ (с 1991 по 1993 гг.), послуживших катализатором падения рождаемости и переходом страны к завершающей стадии первого демографического перехода, появлению первых элементов второго [2; 3]. Главное значение для смены типа воспроизводства населения (кроме репродуктивного поведения) имеет падение доли женщин возраста активного деторождения 20–29 лет среди всех фертильных женщин. Она упала с 0,336 в 1959 г. до 0,217 в 2022 г. В 2022 г. численность женщин 15–49 лет составила 521,5 тыс. чел., что намного меньше, чем в 1959 г. (745,7 тыс. чел.), но не так много уступает показателю 1989 г. (558,3 тыс. чел.). Численность населения Воронежской области на начало 2024 г. снизилась до 2273,9 тыс. чел. За 2023 г. родилось 16424 детей, умерло 32584 чел., то есть естественная убыль составила 16160 чел., а общее сокращение население – 10,8 тыс. чел. За 1990–2023 гг. численность жителей региона уменьшилась на 220,8 тыс. чел. За 1990–2017 гг. родилось в регионе 619,7 тыс. чел., умерло 1250,6 тыс. чел. Если бы не наблюдалось положительное сальдо миграции (496,9 тыс. чел.), то регион уже давно бы был в демографической «яме». В 2018–2023 гг. процессы развития населения еще более ухудшились за счет ослабления миграционного притока. За шесть лет родилось в Воронежской области 112,3 тыс. детей, смертность составила 219,9 тыс. чел., естественная убыль достигла 107,6 тыс. жителей при небольшом миграционном приросте в

32,4 тыс. чел. Всего за 1990–2023 г. рождаемость была в более, чем в 2 раза ниже смертности, см. рис. 2.

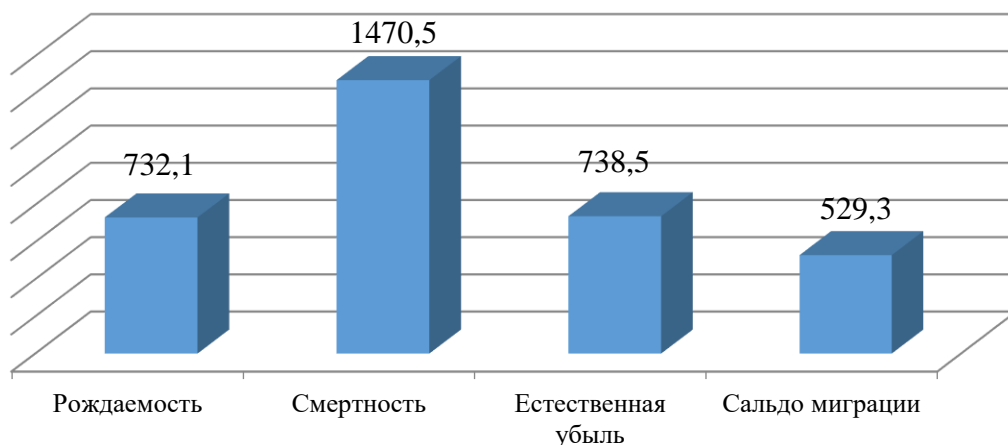

Рис. 2. Показатели воспроизводства населения Воронежской области за 1990–2023 гг., тыс. чел.

С учетом миграционного прироста население региона за последние треть века значительно обновилось. Отсюда и очень мощная трансформация образа жизни, социального поведения людей. Без миграционного притока численность населения региона сократилась бы к 2024 г. минимум до 1750 тыс. чел. вместо нынешних 2274 тыс. чел. Если же учитывать, что приезжие люди за это время родили минимум 150–200 тыс. детей, то за рыночное время мы потеряли бы свыше 1/3 коренного населения региона.

При этом демографические процессы на территориальном уровне далеко неоднородны. Наиболее низкая рождаемость наблюдалась за 2022 г. в Острогожском муниципальном районе (МР) – 4,3‰, самая высокая в Воронеже – 8,5‰, соответственно смертность – 22‰ в Аннинском МР и 13,1‰ в Воронеже, естественная убыль – 15,4‰ в Воробьевском МР и – 4,6‰ в Воронеже. Учитывая также и большую дифференцированность миграционного движения, территориальная структура населения в регионе (доли МО в населении региона) соответственно заметно меняется.

К первой группе муниципальных образований, где за 1979–2024 гг. доля населения в области выросла, относится только Новоусманский район, («субурбанизации» - оттока жителей из Воронежа), а также Богучарский район, где население практически сохранилось. Здесь также наблюдались разовые крупные притоки населения. Но особенно заметно выросла доля ГО Воронеж. При этом не только за счет миграционного притока, но и за счет административных преобразований. В 2000-е гг. ГО Воронеж поглотил 64 населенных пункта, в том числе и 4 городских поселка. Поэтому рост доли его в населении региона с 33,25 % в 1979 г. до 46,03 % в 2024 г. не совсем адекватен (удельный вес города без НП его округа составляет 41–42 %). По сути, Воронеж далеко не город-миллионер. Практически остались на одном уровне показатели

МР пригородной зоны Воронежа – Рамонский, Хохольский Семилукский. Зато периферийные районы Воронежской агломерации заметно сократили население, особенно Нижнедевицкий район с наиболее регрессионными показателями воспроизводства населения в Воронежской области за все послевоенные годы. Воронеж вытянул молодое население этого района. Также сильно снизилась доля населения других периферийных районов: Эртильского, Аннинского, Бутурлиновского, Грибановского. Удельный вес этих районов и Нижнедевицкого МР упал почти в 2 раза. В южной половине области значительный приток мигрантов способствовал стабилизации численности и динамики населения, поэтому и доля населения в регионе была относительно стабильна. В последние 14 лет, даже на фоне роста населения пригородной зоны Воронежа, достаточно стабилен удельный вес жителей в общей численности населения региона в Бобровском, Богучарском, Репьевском, Россошанском МР и в ГО Нововоронеж. Кроме Богучарского МР (с относительно высокой многолетней рождаемостью) и Репьевского района, все МО характеризуются относительно высоким уровнем социально-экономического развития. Репьевский МР просто потерял потенциал большого оттока населения. Парадоксальная, на первый взгляд, ситуация наблюдается в развитом Борисоглебском ГО, где доля населения упала за последние годы с 3,37 % с 2010 г. до 2,96 % в 2024 г. Раньше она все время росла. Это лишний раз подчеркивает значение промышленности для городов. Стагнация промышленного производства неизбежно вызывает перетекание населения в другие сферы производства, которые намного лучше развиты в Воронеже, Москве и других крупных центрах. На уровне областных социально-экономических микрорайонов (СЭМР) структура также меняется за счет ускоренного роста центра и деградации периферии, см. таблицу 1.

Таблица 1

Доля населения СЭМР в области, в %

	1979	1989	2002	2010	2024
Воронежский	48,4	52,2	52,2	54,9	60,2
Аннинский	11,1	9,7	9,2	8,2	7,1
Восточный	11,1	10	9,6	9	7,8
Лискинский	9,4	8,7	8,8	8,7	8
Россошанский	7,7	7,7	8,1	7,9	7,1
Павловский	4,8	4,7	5,2	5	4,6
Калачеевский	7,6	7	6,9	6,4	5,2
Всего по области	100	100	100	100	100

Более 3/5 всего населения проживает в Воронежском СЭМР, в основном в Воронежской агломерации. Доля населения периферийных Аннинского, Восточного и Калачеевского СЭМР сократилось с 29,8 % до 20,1 % или почти в 1,5 раза.

Интегральную оценку динамики территориальной структуры населения хорошо раскрывает индекс территориальной концентрации населения Воронежской области, который с 35,0 ед. в 1979 г. вырос до 39,8 ед. в 1989 г.,

41,1 в 2002 г., 44,0 в 2010 г., и 48,3 ед. в 2024 г. Величина индекса территориальной концентрации колеблется от 0 (равномерное размещение) до 100 (абсолютная концентрация). Для нашего региона уже почти совершился переход к сверхконцентрированному распределению населения (свыше 50). Учитывая тенденции последнего времени, это уже произойдет в ближайшие 3–5 лет.

Для каждого региона Центра России, который является с давних времен ядром страны, основой русской культуры, развитие населения является важнейшей задачей. Уже сейчас практически во всех регионах в промышленности, в сельском хозяйстве, в строительстве и на транспорте широко используется труд мигрантов. В будущем же, учитывая современные и перспективные демографическую и образовательную ситуации, нехватка численности простых трудовых ресурсов должна еще больше обостриться [5]. Наблюдается растущее демографическое социально-экономическое «опустынивание» территории области, что снижает потенциал развития региона. При этом возможности для повышения рождаемости, в случае реальной активизации демографической политики (поддержка не только бедного - ниже прожиточного минимума, но и всего многодетного населения) и изменения в лучшую сторону репродуктивного поведения молодого населения, у многих муниципальных образований пока еще существует. В Воронежской области рождает за год в лучшем случае одна из 30 женщин фертильного возраста (15–49 лет). Учитывая современную цикличность и тенденции рождаемости, которая обусловит за 20 лет потерю одной трети фертильного потенциала именно сейчас необходимо всемерное повышение рождаемости. В ином случае полная демографическая катастрофа для большинства территорий региона будет неизбежной. Для территорий с крайне негативной воспроизводственной структурой населения необходимо обеспечить миграционный приток. Поэтому необходимо повышать экономический потенциал муниципалитетов, создавать новые предприятия.

Библиографический список

1. Белова В.А. Исторические особенности формирования естественного воспроизводства населения Воронежской области (губернии) в 1850-1990 годы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология. 2005. № 1.
2. Белова В.А., Крупко А.Э. Демографические аспекты устойчивого развития ЦЧР / В.А. Белова, А.Э.Крупко // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. Т. 18, № 2.
3. Крупко А.Э. Системно-структурный подход в исследовании населения и расселения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология. 2002. № 1.
4. Крупко А.Э., Чугунова Н.В. Проблемы и особенности устойчивого развития системы населения Центрально-Черноземного района // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2015. №19 (216). Вып. 36/1.
5. Шульгин А.В., Крупко А.Э., Шульгина Л.В. Экономические аспекты высшего образования в ЦЧР и возможности применения позиций духовно-нравственной культуры // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. №2. С. 49-55.

TRANSFORMATION OF THE MAIN DEMOGRAPHIC PROCESSES AND DYNAMICS OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE VORONEZH REGION

Abstract. The article shows the features of transformation of the main demographic processes, as well as the dynamics of the territorial structure of the population of the Voronezh region. The main directions of development of the territorial structure and the possibilities of its optimisation are revealed.

Key words: transformation, demography, territorial structure, population, Voronezh Region.

Сведения об авторе

Крупко Анатолий Эмануилович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, glomer-a@mail.ru.

УДК 911.37

А.Л. Лекомцев

ПРОГНОЗ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции динамики численности и возрастной структуры населения региона, прогнозируемые до 2035 г., а также сделана попытка найти варианты решения проблемы убыли населения.

Ключевые слова: динамика численности населения, убыль населения, решение проблемы убыли населения, система расселения как ресурс.

В 2024 г. в Удмуртской Республике ведётся работа по подготовке стратегии социально-экономического развития региона. Одной из угроз или сдерживающим фактором развития называется убыль численности населения Республики. В рамках работы над стратегией были рассмотрены основные тенденции динамики численности и возрастной структуры населения региона, прогнозируемые до 2035 г., а также сделана попытка найти варианты решения проблемы убыли населения.

По официальному прогнозу регионального органа статистики численность населения в Удмуртии к 2035 г. сократится на 6,1 %. Убыль городского населения, при этом, ожидается в пределах 4,1 %, а сельского – 11,1 %. Надо сказать, что в общем доступе выложен так называемый средний вариант.

Прогноз сделан в 2018–2019 гг., и он уже не соответствует реалиям. Так на 2023 г. в регионе проживает на 43 тыс. чел. меньше прогнозных чисел, поэтому логично предположить, что население к 2035 г. сократится сильнее и составит не более 1354 тыс. чел.

Также имеется официальный прогноз изменения основных демографических показателей, он тоже достаточно оптимистичный. К концу периода ожидается повышение показателей рождаемости, смертности и естественной убыли. Последний показатель, по официальным данным, вырастет с $-2,0\%$ до $-3,8\%$.

Однако данные на 2023 г. уже показывают естественную убыль населения на уровне $-3,8\%$.

Важный демографический показатель – суммарный коэффициент рождаемости, при норме 2,1–2,6, данный показатель составляет 1,72 и, предположительно, будет увеличиваться до 1,81 к 2035 г. Стоит отметить разницу показателей среди городского и сельского населения: 1,5 – городское, 2,6 – сельское на 2023 г. Также оптимистично статистика прогнозирует миграционную убыль населения, предполагается, что она будет находиться в пределах от $-2,3$ до $-2,2\%$.

Надо сразу оговориться, что, когда речь идет о регионе в целом, нельзя опираться только на общереспубликанские данные. Так, например, сокращение сельского населения касается не всех районов. Центральные пригородные районы Республики (Завьяловский и Воткинский) растут в численности населения, а в окружающих их районах убыль населения незначительна. Также надо отметить, что в пригородных районах сельское население увеличивается «скрытно», то есть не отражается в официальной статистике. Учитывая суббурбанизационные и контрурбанизационные процессы и небольшую численность населения периферийных районов (в 10 районах с наибольшими показателями убыли проживает 25 % сельского населения региона), стоит ожидать не высокие темпы сокращения сельского населения.

Причины демографических проблем можно выявить при анализе половозрастной пирамиды населения Республики. Очевидно, что сильное сокращение числа детей связано с тем, что в детородный возраст вступают дети 90-х гг., численность которых очень мала и при суммарном коэффициенте рождаемости 1,7, количество детей, рожденных в ближайшие 12 лет, будет еще меньшим.

Одновременно мы видим достаточно большое число людей в возрасте старше 80 лет (это «довоенные дети» 30-х гг.), потому стоит прогнозировать высокие показатели смертности. Ситуация более-менее исправится только когда в детородный возраст вступят дети 2012–2014 гг., это произойдет через 10–12 лет.

Для анализа изменения возрастной структуры населения мы выделили возрастные группы: дошкольников (0–6 лет), школьников (7–17), отдельно категорию молодых людей 18–22 лет, трудоспособных и пенсионеров. В том числе выделили возрастную группу женского населения 24–37 лет, в этом

возрасте женщины чаще всего рожают детей (до 75 % всех рожденных детей в 2023 г. матери рожали в возрасте от 24 до 37 лет).

При анализе половозрастной пирамиды видно, что число дошкольников и школьников сократится значительно, на 12 % и 18 % соответственно. Причем, как уже отмечалось, официальный прогноз достаточно оптимистичен. По нашим расчетам при сокращении численности матерей в возрасте 24–37 лет до 106 тыс. чел., и стабильном суммарном коэффициенте рождаемости число дошкольников составит в 2035 г. 58689 чел., что на 53 % меньше чем в 2023 г.

В противовес, в ближайшее десятилетие увеличится число людей в возрасте 18–22 года на 40 %. Сильно снизится количество трудоспособного населения (–9 %) причем треть из них это будут люди в возрасте 44–55 лет. А также, вырастет численность и доля пожилого населения на 13 %.

Одна из главных причин демографических проблем и одновременно вариант их решения – это миграция. Согласно статистике, на период 2017–2022 гг., наиболее мигрирующее население – это молодежь возрасте 16–22 года (30 % от числа всех мигрирующих). Отток молодого населения (выпускников школ) – можно назвать главной проблемой Удмуртии. В результате миграционного оттока молодёжи регион лишается не просто какого-то числа людей, уезжают обычно самые перспективные и креативные, которые могли бы стать не только хорошими специалистами, а могли бы созидать, создавать инновационный продукт, новые предприятия и прочее.

Значительная часть уезжающих – это молодежь, закончившая школу (около 1/3). Несмотря на то, что прибывает взамен примерно столько же, наблюдается отрицательное сальдо миграции. По нашим расчетам, если получится удержать в регионе хотя бы половину вчерашних школьников (около 2000 чел.), это увеличит число матерей в наиболее детородном возрасте на 10 тыс чел. к 2035 г. В свою очередь, это позволит увеличить рождаемость и число рожденных детей на 800 чел. в год. Также расчеты показали, что увеличение числа матерей на 7000 в год (за счет сохранения своей молодежи и привлечения извне) позволит достичь показателей рождаемости 2012–2014 гг.

Таким образом, региону необходимо привлекать мигрантов молодого возраста, что возможно, прежде всего за счет развития системы среднего и высшего профессионального образования, повышения престижа учебных заведений и региона в целом.

Возможность для привлечения молодых мигрантов открывает система расселения Удмуртии [1]. На данный момент она представляет собой структуру, где города и крупные поселки формируют вокруг себя локальные территориальные социально-экономические системы (ЛТСЭС).

Это, например, Увинская система, объединяющая Селтинский, Сюмсинский, Вавожский и Увинский районы, а также Игринская, Можгинская, Глазовская, Воткинская, Сарапульская и Ижевская. Важно отметить, что в эту систему, формируемую Ижевском, входят не только «Удмуртские» территории, но также Чайковская (Пермский край), Агрызская (Татарстан) и Нефтекамская (Башкортостан) ЛТСЭС.

Формирующаяся Ижевская агломерация, вписана в эту систему таким образом, что, вопреки общему мнению, в неё входят центры перечисленных ЛТСЭС, она полицентрическая и трансграничная, то есть выходит за границы региона [2]. При таком подходе в Ижевской агломерации проживает около 1300 тыс. чел. Развитие на этой территории взаимосвязей между городами, когда люди смогут перемещаться быстро и беспрепятственно из Воткинска – в Ижевск, или из Ижевска в Чайковский, например, позволит решить множество проблем:

- социальных (структурная безработица, недостаток квалифицированных кадров, доступность социальных и культурных учреждений и прочее);
- позволит заработать малому и среднему бизнесу, поскольку при формировании единого рынка население Ижевска условно увеличится в 2 раза;
- привлечь на территорию Удмуртии дополнительное число молодых людей с периферии соседних регионов.

В этом отношении, ресурс соседних регионов достаточен. Это около 1 млн чел. в окраинных районах соседних регионов, приближенных к Удмуртии, откуда и сейчас идет поток миграции в Ижевск. Также, это Нижнекамская агломерация с населением более 1млн чел. Расстояние по автодороге между Набережными Челнами и Ижевском 187 км, из-за чего две агломерации «проникают» друг в друга и имеют возможность развиваться в большую урбанизированную зону.

Таким образом, демографические проблемы Удмуртии намного серьезнее, нежели представляет официальная статистика, однако есть варианты их решения. Прежде всего, улучшить ситуацию можно за счет привлечения молодого населения в регион, чего можно было бы добиться при развитии внутренних взаимосвязей в пределах теоретических границ трансграничной Ижевской агломерации.

Библиографический список

1. Лекомцев А.Л. Влияние развития транспорта и транспортной сети на системы расселения населения (на примере территории Удмуртии) // Вестник Удмуртского университета Сер. Биология. Науки о Земле. 2010. Вып. 4.
2. Лекомцев А.Л., Литвинов А.А., Украинце В.С. Ижевская агломерация: границы, структура, сложность // География и регион. Пермь, 2015.

A.L. Lekomtsev

THE FORECAST OF POPULATION DECLINE IN THE UDMURT REPUBLIC AND OPTIONS FOR SOLVING THE PROBLEM

Abstract. The article examines the main trends in the dynamics of the number and age structure of the population of the region, predicted until 2035, and also makes an attempt to find solutions to the problem of population decline.

Key words: population dynamics, population decline, solving the problem of population decline, the settlement system as a resource.

Сведения об авторах

Лекомцев Александр Леонидович, старший преподаватель кафедры географии, картографии и геоинформатики, Удмуртского государственного университета, alekomcev@mail.ru.

УДК 911.3, 314.7, 338.57

А.В. Лялина, А.Г. Аникович

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ЦЕНЫ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ²⁴

Аннотация. Калининградская область РФ в 2018–2021 гг. пользовалась высокой популярностью среди мигрантов из других регионов России. Межрегиональная миграция во многом являлась драйвером ее социально-экономического развития. Новые жители Калининградской области стимулировали рост спроса на жилье, в регионе произошел «бум» на первичном рынке недвижимости. Отразилось ли это на стоимости квадратного метра жилья и какие пространственные особенности характерны для этого процесса – эти вопросы определили цель настоящей статьи.

Ключевые слова: миграция, цены на недвижимость, эксклав, муниципалитет, Калининградская область.

Демографическое развитие Калининградской области в последние годы характеризуется постепенным нарастанием миграционного прироста, главным образом, за счет взаимодействия с другими регионами России [1]. Так, абсолютный исторический максимум коэффициента сальдо миграции в постсоветской истории был зафиксирован в Калининградской области в 2021 г. – 16 % [17]. При этом вклад межрегиональной миграции в положительное сальдо миграции возрос с 21 % в 2011 г. до 70 % в 2022 г. [2].

Роль миграции для Калининградской области невозможно переоценить, поскольку она полностью замещает естественную убыль не только совокупной численности населения, но и ее трудоспособной части. Таким образом, главным и наиболее заметным следствием устойчивого миграционного прироста является обеспечение кадрового спроса в региональной экономике, хоть и с учетом его неполного замещения, что неоднократно подчеркивалось экспертами [3]. Достаточно широко исследовано также влияние миграции на демографические характеристики населения региона [4–5], психологические, с точки зрения самоидентичности жителей эксклава [6]. Однако взаимосвязь миграции и

²⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–18–00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

динамики ценообразования в Калининградской области до сих пор не исследовалась.

В то же время этот вопрос представляется достаточно актуальным для региона, поскольку в последние годы он демонстрирует опережающие темпы инфляции на товары и услуги (относительно среднего уровня по стране) [7]. И если для продовольственных и непродовольственных товаров более значимым, очевидно, является фактор импортозависимости региона, и как следствие, высокой подверженности любым изменениям в режиме пересечения государственной границы, санкционным ограничениям, то для недвижимости, фактор миграции может иметь более важное значение. Так, по данным Росстат, Калининградская область в 2021 г. вошла в число 10 регионов-лидеров РФ по росту цен на первичное жилье, и в тройку регионов-лидеров РФ по росту цен на вторичное жилье [16]. Эксперты рынка недвижимости в Калининградской области обращают внимание на частоту сделок именно с переселенцами из других регионов РФ, а в 2022–2023 гг. – европейских стран.

В соответствии с географией миграционных процессов в Калининградской области, мы предполагаем, что для региона в целом характерна следующая специфика взаимосвязи миграции и динамики цен на жилье. С одной стороны, мигранты формируют дополнительный спрос на рынке жилья, с другой стороны, сокращают издержки стоимости рабочей силы в строительстве. При этом первое характерно в большей степени для межрегиональной миграции и миграции из стран дальнего зарубежья, а второе – для миграции из стран СНГ.

Более ранние исследования доказывают, что миграционно привлекательные регионы России характеризуются более высокими ценами на жилье. Например, в регионах Уральского федерального округа РФ (УФО РФ) наблюдались самые высокие цены и более плавная тенденция к снижению цен на жильё в кризисный период (2013–2017 гг.) в субъектах с более высокими темпами миграционного прироста в столицах этих регионов (Салехард, Ханты-Мансийск, Тюмень, Екатеринбург), в то время как в Курганской области, в которой наблюдался отток жителей из столицы на протяжении всего рассматриваемого периода, были одни из самых низких цен на жильё, которые в кризисный период рухнули сильнее, чем в других регионах УФО РФ. А в Челябинской области в кризисный период просела цена на первичное жильё, но динамика цен на вторичном рынке была более устойчивой, в том числе и благодаря мигрантам – коэффициент миграционного прироста в городе остается достаточно высоким, а цены на жильё – одни из наиболее доступных (сопоставимы с Курганской областью) [8].

Хотя это характерно далеко не для всех регионов РФ. Так, например, в столичном регионе (Москва и Московская область) влияние мигрантов на динамику цен на жильё невелико по сравнению с государственным влиянием на строительство жилья (через госпрограммы, субсидии, развитие транспортной системы, низкие налоги на землю и недвижимость, особые законы, выводящие «Новую Москву» из-под обычных правил регулирования застройки, и т. д.). Именно влияние столичных и федеральных властей является доминирующим в формировании цен на недвижимость в пределах столичного региона [9]. Хотя авторы исследования [9] отмечают, что спрос на жильё возрастает в большинстве

своём за счёт мигрантов из других регионов России, доля которых составляет 10–26 % в пределах МКАД и 25–35 % в зоне 10 км за МКАД от общего населения Московского региона.

Для ряда же других регионов России превалирующее значение имеет внутрирегиональное перераспределение населения, которое и обуславливает изменение спроса на рынках [10].

Однако миграция в пределах территории Калининградской области не имеет такого сильного влияния, особенно в сравнении с влиянием миграции извне: из других регионов России и иностранных государств.

Проведенные ранее исследования для других стран и регионов мира [11–14] доказывают, что миграционное влияние через спрос на рынке недвижимости может включать: а) частичный спрос, т. е. спрос на жильё со стороны прибывших мигрантов; б) индуцированный спрос, т.е. спрос местного населения, сменившего место жительства после прибытия мигрантов. При этом на него может влиять: историческое распределение народов по территории региона; близость к региональным центрам и/или транспортным узлам (асфальтовая и железная дорога, речные и морские пути); наличие работы (промышленные предприятия, порты для морского и речного промысла, сельскохозяйственные организации, туристические компании и т.д.); профиль и характеристики прибывающих мигрантов (квалификация, образование, уровень дохода, возраст, семейное положение, сфера занятости и т.д.).

Из факторов, посредством которых миграция влияет на предложение в сфере недвижимости, исследователи отмечают следующие [11–13, 15]: а) сокращение издержек на строительство посредством привлечения более дешевой рабочей силы из числа мигрантов; б) корректировка условий и особенностей предложений жилья в регионе (соотношение вторичного и нового жилья, доля пустующих жилых домов, доля недвижимости низкого, эконом- и бизнес-класса и др.), которая формируется, исходя из прогнозирования спроса на жильё со стороны мигрантов; в) адаптация функционирования рынка недвижимости и аренды жилья посредством мер государственного регулирования на местном уровне в соответствии с особенностями спроса со стороны мигрантов (например, в связи с тем, что мигранты чаще снимают жильё, чем покупают собственное, власти вводят ограничения на владение более чем одним домохозяйством во избежание монополии в сфере арендного жилья и неконтролируемого завышения цен со стороны арендодателей); г) увеличение предложения вторичного жилья вследствие оттока населения из районов, куда переселяются мигранты.

С учетом этого, очевидно, что миграция может оказывать как положительное, влияние на динамику цен на недвижимость, способствуя их росту, так и отрицательное, сокращая издержки.

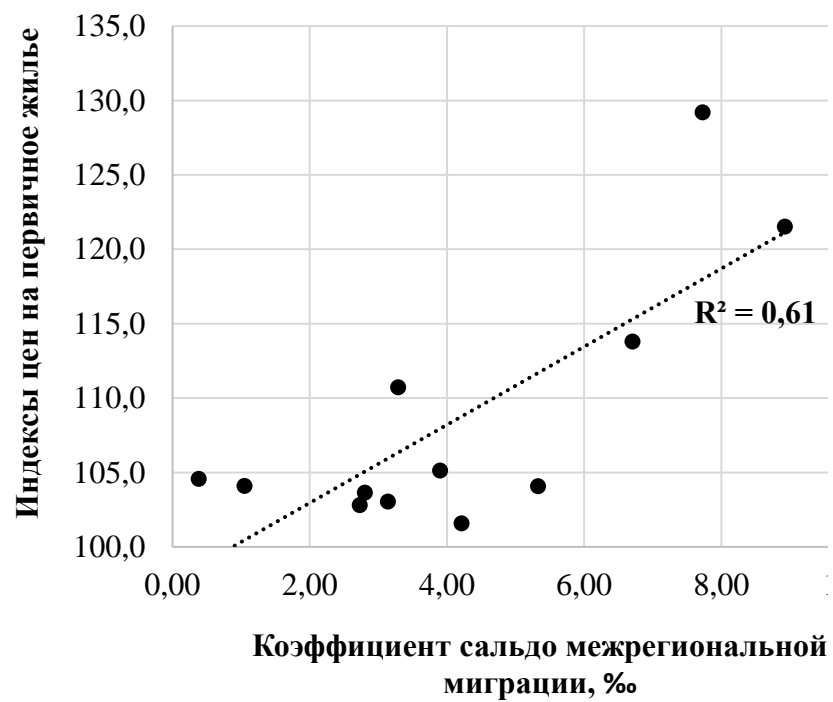
Межрегиональная миграция и цены на недвижимость в Калининградской области. Анализ взаимозависимости динамики цен на первичное и вторичное жильё и сальдо миграции в Калининградской области выявил наличие единственной значимой взаимосвязи между показателями, а именно, прямой корреляции динамики цен на первичное жильё и сальдо межрегиональной миграции с двухгодичным лагом. Наиболее ярко эта тенденция прослеживалась

в период после 2014 г. Корреляционная связь характеризуется средней теснотой связи – 0,61. Двухгодичный лаг для индексов цен на первичное жилье выбран заведомо с учетом срока строительства многоквартирных домов в России²⁵, для вторичного жилья учитывался лаг в один год с учетом влияния на динамику цен спроса на жилье в предыдущем периоде. Таким образом, увеличение сальдо межрегиональной миграции в Калининградской области способствовало росту индексов цен на первичное жильё в регионе спустя два года.

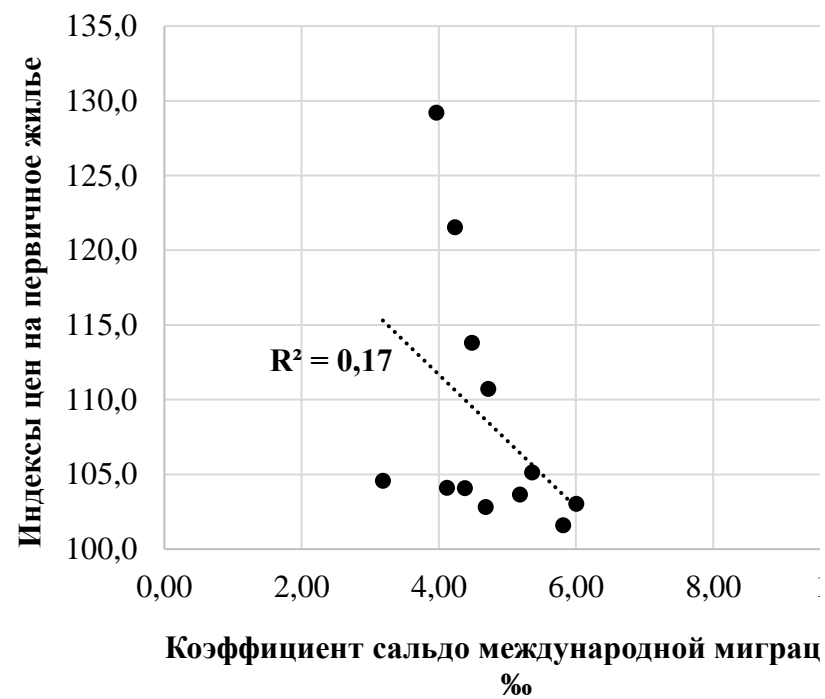
Несмотря на незначимость корреляционной связи по остальным панелям данных, стоит обратить внимание также на отрицательную взаимосвязь динамики цен на вторичное и первичное жилье и сальдо международной (главным образом, со странами СНГ) миграции. Таким образом при увеличении миграционного прироста из зарубежных стран индексы цен на жилье сокращаются. Возможно, имеет место эффект снижения или замедленного роста стоимости жилья в местах проживания мигрантов. Однако такое предположение требует дополнительного более тщательного изучения на микроуровне – отдельных муниципалитетов и районов областного центра.

Несмотря на отсутствие официальных данных о ценообразовании на рынке жилья в динамике на муниципальном уровне в регионах России, косвенный анализ позволяет выявить округа Калининградской области, наиболее подверженные росту стоимости жилья. Так, между показателями межрегиональной миграции и вводом жилья в разрезе муниципальных образований Калининградской области существует прямая связь (коэффициент корреляции – 0,78). Выделяются шесть округов – г. Калининград, Гурьевский, Светлогорский, Зеленоградский, Пионерский и Янтарный округа, где в рассматриваемый период отмечалась повышенная интенсивность миграционного прироста и ввода нового жилья (в расчете на душу населения) (рис. 2). Согласно внутренним обследованиям агентств недвижимости и агрегаторов предложений на калининградском рынке жилья средняя стоимость 1 м² жилья в новостройках возросла в 2024 г. относительно 2019 г. в среднем в 2,2 р. (рис. 3). Максимальный рост цен на недвижимость наблюдался в приморских муниципальных образованиях региона – Зеленоградском муниципальном округе (МО) (2,8 р.), Светлогорском и Пионерском городских округах (ГО) (2,3 р.), а также в прилегающем к областному центру Гурьевском МО (2,4 р.). По причине низкого ввода нового жилья и низкого спроса на него на севере, юго-западе и востоке области, удаленных от региональной столицы и побережья муниципалитетах, динамика цен на первичном рынке жилья здесь характеризуется, очевидно, заметно более низкими темпами.

²⁵ Эксперты Домклик выяснили, сколько времени занимает строительство многоквартирного дома. Коммерсант. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748307>.

а) первичное жилье

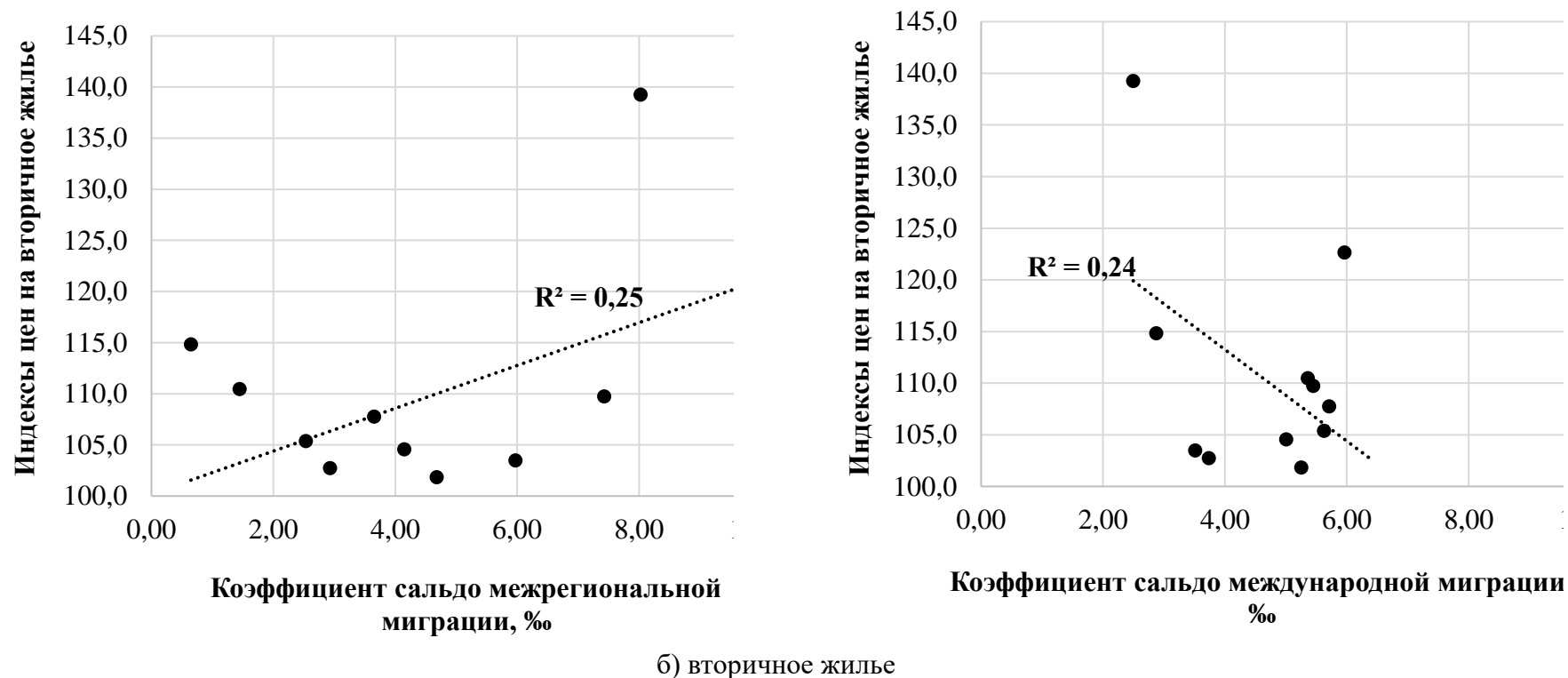

Рис. 1 Соотношение сальдо миграции населения и цен на недвижимость в Калининградской области (2011–2022 гг.) [16, 18, 19]

Примечание. Для анализа взаимосвязи динамики цен на первичное жилье и миграции населения использованы средние значения коэффициента сальдо миграции за два года, предшествующие отчетному; для анализа взаимосвязи динамики цен на вторичное жилье и миграции населения использованы значения коэффициента сальдо миграции за год, предшествующий отчетному.

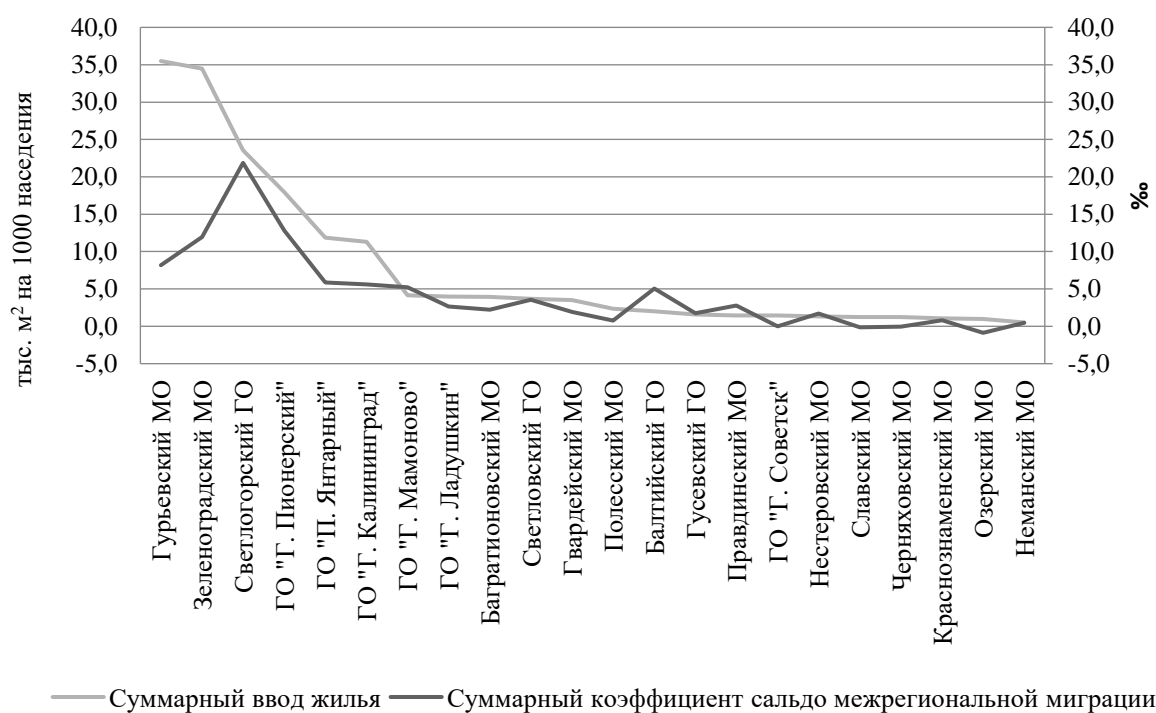

Рис. 2. Динамика сальдо межрегиональной миграции и подушевого ввода жилья в Калининградской области в 2011–2022 гг.

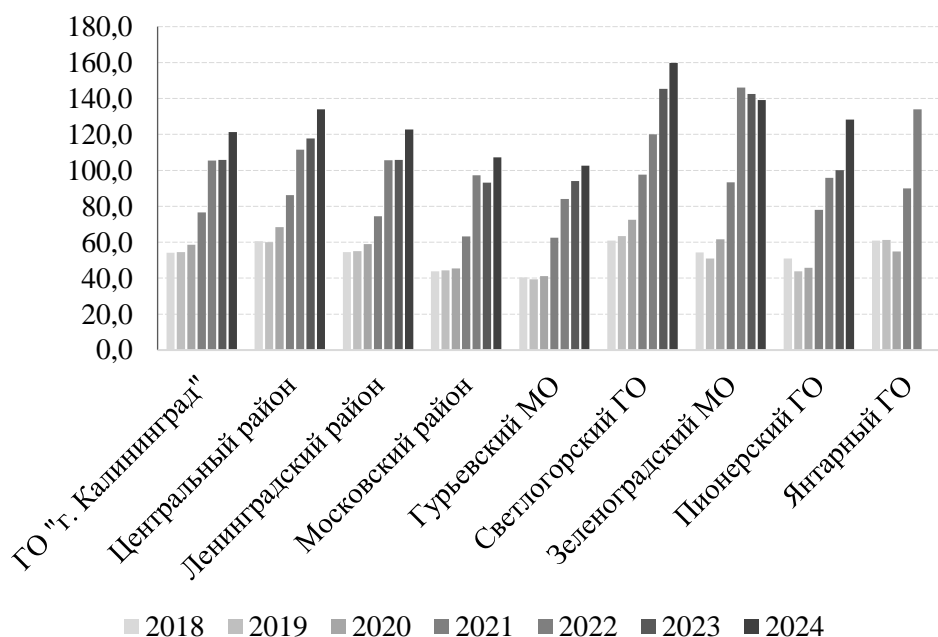

Рис. 3. Средняя цена 1 м² жилья на первичном рынке отдельных муниципальных образований и районов областного центра Калининградской области на 1 января 2018–2024 гг. [22]

Примечание. Центральный, Ленинградский, Московский районы г. Калининграда.

Таким образом, было определено, что межрегиональная миграция в значительной степени влияла на динамику цен на недвижимость в Калининградской области 2011–2023 гг., причём это влияние оказалось крайне

неравномерно по всей территории региона. Присутствуют пространственные эффекты: миграционная ёмкость приморских территорий и областного центра, которые выступают основными реципиентами вновь прибывающего населения, явно не соответствует интенсивности сальдо миграции, что проявляется в недостаточном объеме ввода жилья, и приводит к росту цен на недвижимость в этих районах. Дополнительным фактором, вероятно, выступает более высокая покупательная способность мигрантов, которая также подталкивает цены на региональном рынке недвижимости вверх. Анализ данных закономерностей на примере других привлекательных для мигрантов регионов России и административных единиц представляется перспективным с точки зрения моделирования влияния миграции на динамику цен на недвижимость и последующей выработки территориально адаптированных рекомендаций по нивелированию негативных миграционных последствий на региональных рынках недвижимости.

Библиографический список

1. Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V. Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions // *Balt. Reg.* 2022. Vol. 14, no 3.
2. Лялина А.В., Волошенко К.Ю., Новикова А.А., Фарафонова Ю.Ю. Миграционная связанность Калининградской области с другими регионами России в эпоху геополитической турбулентности // *Глобальные вызовы демографическому развитию*. Екатеринбург, 2022.
3. Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu.Yu., Novikova A. A. Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Regionology*. 2023. 31(1).
4. Лялина А.В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // *Региональные исследования*. 2019. № 4.
5. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю. Население и расселение Калининградской области на начало 2023 года // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2023. № 2.
6. Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 2.
7. Lialina A.V., Morachevskaya K.A. Economic Access to Food and COVID-19: New Challenges for the Russian Exclave // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12(3).
8. Гильман М.А., Сумик Е.А. Города, привлекательные для мигрантов: рост зарплат или цен на жильё? // *Экономика Труда*. 2019. Том 6. № 3.
9. Куричев Н.К., Куричева Е.К. Взаимосвязь жилищного строительства в Московской агломерации и миграции в столичный регион // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2018. №(1):5-20.
10. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990-2010 гг.: ключевые факторы различий // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. М., 2013. Т. 11.
11. Sanchis-Guarner R. Decomposing the impact of immigration on house prices // *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 100.
12. Helfer F., Grossmann V., Osikominu A. How does immigration affect housing costs in Switzerland? // *Swiss J Economics Statistics*. 2023. Vol. 159, I. 5.
13. Saiz, A. Immigration and housing rents in American cities // *Journal of Urban Economics*. 2007. Vol. 61, I. 2.

14. Accetturo A., Manaresi F., Mocetti S., Olivieri E. Don't stand so close to me: The urban impact of immigration // *Regional Science and Urban Economics*. 2014. Vol. 45.
15. Akbari A.H., Aydede Y. Effects of immigration on house prices in Canada // *Applied Economics*. 2011. Vol. 44, I. 13.
16. Индексы цен на рынке жилья. ЕМИСС. Государственная статистика. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30925>.
17. Миграционное движение населения Калининградской области в 2011–2022 годах. URL: [https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение\(1\).pdf](https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение(1).pdf).
18. Миграционный прирост. ЕМИСС. 2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162>.
19. Численность постоянного населения в среднем за год. ЕМИСС. 2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556>.
20. Ввод в действие жилых домов. Калининградстат. 2023. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/.....pdf>;
21. Численность и миграция населения Калининградской области. Вып. 2012–2018 гг.
22. Цены новостройки. Застройщики39. 2023. URL: https://zastroyschiki39.ru/prices/district_zelenogradskiy.

A.V. Lialina, A.G. Anikovich

INTERREGIONAL MIGRATION AND REAL ESTATE PRICES IN THE KALININGRAD REGION

Abstract. In 2018-2021 Kaliningrad region of the Russia Federation enjoyed high popularity among migrants from other Russian regions. Interregional migration was in many ways the driver of its socio-economic development. New residents of the Kaliningrad region stimulated an increase in demand for housing; the region experienced a “boom” in the primary real estate market. Did it affect the cost per square meter of housing and what spatial features are connected to this process – these questions determined the purpose of this article.

Key words: migration, real estate prices, exclave, municipality, Kaliningrad region.

Сведения об авторах

Лялина Анна Валентиновна, кандидат географических наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, anuta-mazova@mail.ru.

Аникович Алексей Георгиевич, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, dog-200@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные демографические показатели Краснодарского края. Регион является одним из лидеров миграционного притока, что приводит к ряду проблем. Дан анализ современных демографических проблем на территории края.

Ключевые слова: демография, население, рождаемость, смертность, миграции

Среди регионов, отличающихся заметным ростом численности населения, можно выделить территорию Краснодарского края, который по данному показателю находится на третьем месте после Москвы и Московской области. Согласно Управлению Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея численность населения края на 1 января 2024 г. составила 5833002 чел. По сравнению с показателем общей численности населения Краснодарского края в 2023 году, она увеличилась на 13657 чел. Доля городского населения традиционно превышает долю сельского. В 2024 г. городское население составило 3341225 чел. (в 2023 г. – 3324820 чел., в 2022 г. – 3322319 чел.). В сельской местности на 1 января 2024 г. проживало 2491777 чел. (в 2023 г. – 2494525 чел., в 2022 г. – 2509723 чел.). Таким образом, основной приток населения наблюдается среди городского населения.

В первую очередь растет численность населения административного центра – г. Краснодар, а также прибрежных городов Сочи, Анапа, Геленджик, Новороссийск. Кроме этого, растет данный показатель в Абинском, Ейском, Крымском, Северском и Темрюкском районах.

Однако стоит отметить, что увеличение численности населения происходит далеко не за счет увеличения доли рождений на территории края (табл. 1). С 2017 г. в крае наблюдаются отрицательные показатели естественного прироста населения. Однако, ежегодно численность населения Краснодарского края увеличивается. Становится очевидным, что прирост населения осуществляется исключительно за счет миграционного потока [1].

Таблица 1

Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста/убыли населения в Краснодарском крае за период 2012–2022 гг.

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост/убыль
2012	13,0	13,1	- 0,1
2013	13,1	12,8	0,3

Окончание табл. 1

2014	13,5	12,9	0,6
2015	13,5	13,0	0,5
2016	13,2	12,9	0,3
2017	12,0	12,5	- 0,5
2018	11,5	12,0	- 0,5
2019	10,8	12,3	- 1,5
2020	10,5	14,5	- 4,0
2021	10,4	16,9	- 6,5
2022	9,5	13,9	- 4,4

После длительного периода сокращения численности населения в результате естественной убыли, в период с 2013 по 2016 гг. в регионе был зафиксирован естественный прирост населения. Однако начиная с 2017 г., несмотря на снижение общей смертности, снова наблюдается убыль. Так, в 2018 г. показатель естественной убыли в регионе составил 0,5 ‰, а в 2022 г. – 4,4 ‰, что объясняется значительным снижением числа новорожденных (рис. 1).

Рис. 1. Естественный прирост/убыль населения Краснодарского края по годам

Основой этого процесса является объективное снижение доли женщин репродуктивного возраста. Это связано как с уменьшением численности женщин, родившихся в 90-е гг., достигших сейчас активного возраста для рождения детей (как известно, этот временной период характеризовался наименьшими показателями рождаемости в истории современной России), так и с процессом старения населения, в результате которого часть женщин фертильного возраста переходит в старшие возрастные группы. Таким образом, можно сделать вывод, что дальнейшее увеличение этого тренда может привести к значительному снижению уровня рождаемости.

За 2023 г. на территорию края переехало более 120 тыс. чел. Подавляющее число из них – 92,2 тыс. чел. – мигранты из других регионов Российской

Федерации. Более 25 тыс. чел. – граждане других стран (прежде всего Украины и Армении). Внутрорегиональная миграция составила 45,5 тыс. чел.

Коэффициенты миграционного прироста населения на территории Краснодарского края в динамике отображены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициенты миграционного прироста населения (на 10 тыс. чел.) на территории Краснодарского края с 2010 по 2022 гг. [4]

Годы	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
2010	43,8	69,7	14,8
2015	105,3	136,1	68,9
2019	63,5	81,7	41,0
2020	55,1	80,4	23,5
2021	71,5	118,8	12,0
2022	20,4	39,2	- 4,6

Примечание: Относительные показатели исчислены на среднегодовую численность населения. 2022 г. – с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.

Согласно статистике за январь–сентябрь 2023 г. на территорию края прибыло 122525 чел., выбыло – 95942 чел., таким образом, миграционный прирост составил 26583 чел.

Современные показатели рождаемости и миграций порождают ряд проблем, с которыми сталкиваются жители края. Наиболее остро стоит вопрос с нехваткой мест в дошкольных образовательных учреждениях. Количество существующих детских садов сегодня не удовлетворяет потребности населения Кубани. Ежегодно увеличивается очередь в детские сады. Эта проблема особенно характерна для городов края, а также районных центров.

Согласно переписи населения 2020 г. на территории Краснодарского края проживает более 150 национальностей. Три основные этнические группы составляют русские – 88,3 %, армяне – 5,5 % и украинцы – 1,6 %. Другие национальности, каждая из которых составляет менее 0,5 % – 4,6 %.

В Краснодарском крае официально зарегистрировано более 700 религиозных организаций. Среди представителей различных религий в крае наиболее многочисленны православные христиане. На втором месте – протестантские организации. В Краснодарском крае насчитывается более 200 протестантских организаций. Среди них Свидетели Иеговы, евангельские христиане (баптисты), евангельские христиане (пятидесятники), адвентисты седьмого дня и евангельские христиане. Кроме этого, на Кубани 13 приходов Армянской апостольской церкви, 11 приходов Римско-католической церкви и 12 мусульманских религиозных организаций, а также другие немногочисленные организации.

Говоря о брачной структуре населения края, важно отметить ежегодно увеличивающееся число зарегистрированных браков. Однако, число зарегистрированных разводов также растет (рис. 2). В 2022 г. брак заключили 47359 пар, что на 11 % больше, чем в 2021 г. Средний показатель количества

свадебных церемоний на 1000 жителей в 2022 г. составил 8,3. Число расторгнутых браков в 2022 г. увеличилось на 1935 по сравнению с предыдущим годом (29592 и 27657 соответственно). Таким образом на 1000 жителей в 2022 г. приходилось 5,2 разводов.

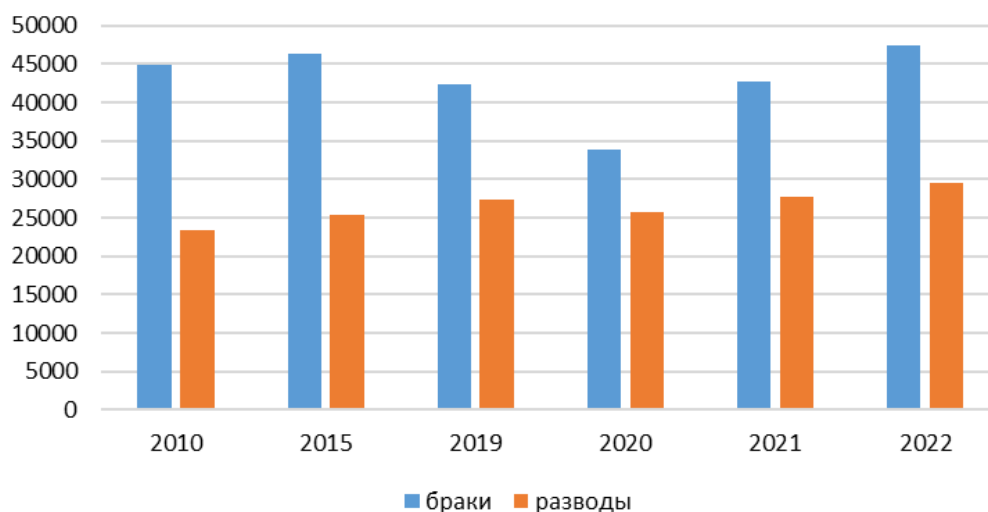

Рис.2. Число браков и разводов, зарегистрированных на территории края в динамике с 2010 по 2022 гг.

Согласно данным Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, за первое полугодие 2023 г. на территории Краснодарского края было зарегистрировано 22881 браков и 17513 разводов. Рассматривая причины расторжения браков по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, на первом месте – бедность (33 %), на втором – отсутствие взаимопонимания (15 %). По количеству зарегистрированных браков Краснодарский край находится на четвертом месте среди субъектов Российской Федерации (после г. Москва, Московской области и г. Санкт-Петербург), а по количеству разводов – на третьем (после Москвы и Подмосковья).

Доля населения в трудоспособном возрасте на 1 января 2023 г. составила 3280176 чел., что на 27711 чел. меньше, чем в 2022 г. Также снизилась доля населения в возрасте моложе трудоспособного – с 1112335 чел. в 2022 г. до 1107220 чел. в 2023 г., что на 5115 чел. меньше. Однако, доля населения в возрасте старше трудоспособного в 2023 г. увеличилась на 20129 чел. с 1411820 чел. в 2022 г. до 1431949 чел. в 2023 г. Данная тенденция говорит о старении населения края.

Согласно опубликованному демографическому прогнозу Росстата, к 2046 г. численность населения Краснодарского края относительно 2024 г. увеличится на 209 тыс. чел. (+4 %). На протяжении данного периода, по прогнозу, естественная убыль населения составит 463 тыс. чел., а сальдо миграции – 672 тыс. чел. Таким образом, общая численность населения края продолжит увеличиваться за счет миграционного прироста.

По прогнозу Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея численность населения края превысит отметку в 6 млн жителей уже в 2043 г. (рис. 3).

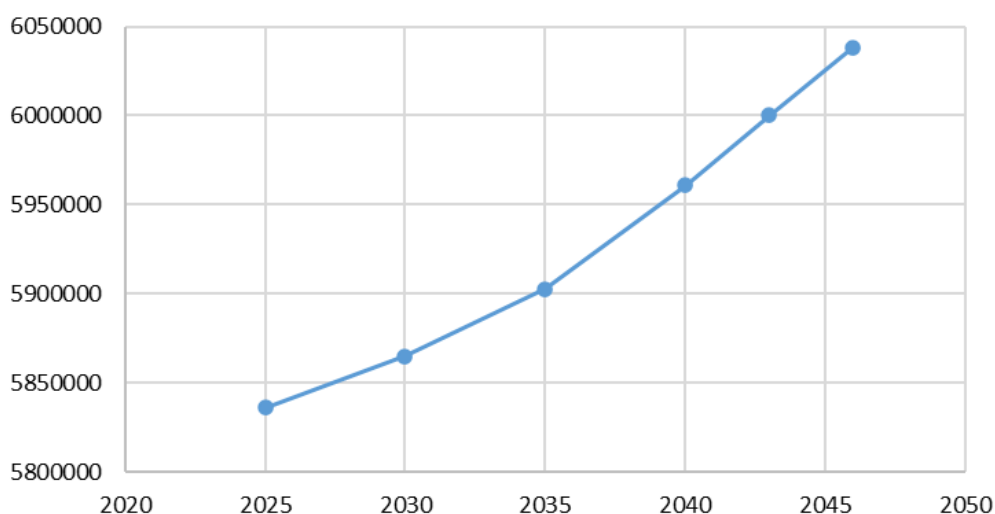

Рис. 3. Прогноз численности населения Краснодарского края

Главным выводом является значительное влияние въездного миграционного потока (в количественном и качественном аспектах) на изменение численности населения Краснодарского края. Таким образом очевидны и по-прежнему остро стоят проблемы естественного прироста населения Краснодарского края [3].

Библиографический список

1. Миненкова В.В., Мамонова А.В. Миграционные процессы на территории Краснодарского края // Гужинские чтения: наследие и современность. Краснодар, 2022.
2. Краснодарский край в цифрах 2022 год. URL: <https://23/rosstat.gov.ru>
3. Миненкова В.В., Мамонова А.В. Миграции как причина роста численности населения Краснодарского края // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Ставрополь, 2018.

A.V. Mamonova

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE KRASNODAR REGION: ANALYSIS OF PROBLEMS AND CURRENT STATE

Abstract. The article discusses the main demographic indicators of the Krasnodar Region. The region is one of the leaders in migration influx, which leads to a number of problems. An analysis of current demographic problems in the region is given.

Key words: demography, population, fertility, mortality, migration.

Сведения об авторе

Мамонова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет, anna_m_05@mail.ru.

УДК 911.37

Д.Н. Морковская

СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Представлены результаты анализа социально-экономического положения Белгородской области и демографической трансформации расселения, изучения миграционной подвижности региона и приграничных в нем территорий. Геополитические процессы меняют современную конфигурацию расселения области и создают новые проблемы на пути их решения.

Ключевые слова: население, расселение, геополитика, миграции, Белгородская область.

Введение. Изменения в геополитической обстановке между Российской Федерацией и Украиной, начавшиеся с 2014 г. и обострившиеся в 2022 г., привели к изменениям в демографическом и социально-экономическом пространстве приграничных регионов [1], где особое место занимает Белгородская область, с протяженностью современной межгосударственной границы – 350 км. Приграничные муниципальные образования Белгородской области столкнулись с рядом негативных последствий: общее снижение численности населения, высокая миграционная активность, падение объемов строительства жилья, снижение социально-инфраструктурного обеспечения и др.

Объектом исследования выбрана Белгородская область. Предмет исследования – ее системы населения и расселения.

Основная цель работы – анализ социально-экономического положения области, а также оценка изменений миграционных процессов и пространственного развития приграничных с Украиной муниципальных образований.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составляют официальные данные статистических сборников Белгородстата и материалы собственных исследований. Основные задачи исследования решены путем применения методов пространственно-временного, сравнительно-географического, статистического анализов, ГИС-картографирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Предыдущие исследования [2] показали, что среди приграничных областей Центрально-Черноземного района, Белгородская область до недавнего времени занимала довольно оптимистичные

социально-экономические и демографические позиции. Динамика численности населения районов имела как положительные (рост), так и незначительно отрицательные (убыль) среднегодовые темпы. События 2022 г. внесли определенные изменения в систему расселения области. Положительные демографические процессы (преимущественно до 2018 года) происходили в основном за счет притока мигрантов из разных районов России и стран ближнего зарубежья. В период с 2020–2022 гг. население области сократилось примерно на 2 % (табл. 1). Миграционные процессы обрели новые особенности, которые стали характеризоваться сравнительно низкими и отрицательными значениями числа прибывших и выбывших. Население стремится покинуть территории муниципальных образований, подверженных угрозам со стороны соседнего государства.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Белгородской области [4]

Показатели	2020 г.	2022 г.
Численность населения, человек	1541259	1514527
Миграционный прирост, убыль (-) населения	3853	-11116
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. м ²	1148,6	840,6
Оборот розничной торговли, млн рублей	366330,5	436241,4
Инвестиции в основной капитал, млн рублей	169508,1	193557,6

Вследствие агрессии и обстрелов приграничных территорий снижается ввод в действие общей площади жилых домов. В городах и развитых населенных пунктах появляются проблемы, связанные с источниками финансирования строительства. В малых селах и деревнях, находящихся вблизи границы, сокращается население, следовательно, есть вероятность появления «мертвых» [3] населенных пунктов. Но, несмотря на сложную геополитическую обстановку, Белгородская область постоянно развивается и сохраняет высокие экономические показатели, что отразилось в увеличении показателей оборота розничной торговли на 19 % и инвестиций в основной капитал на 14 %.

Особенно уязвимым является демографический показатель, обусловленный неустойчивыми миграционными процессами. Расчеты сальдо миграции за 2020-2022 гг. позволяют сделать вывод, что наибольшая убыль характерна для Белгородского района и города Белгорода, Корочанского, Борисовского, Вейделевского, Ивнянского районов и Старооскольского, Валуйского, Шебекинского городских округов, часть из которых являются приграничными муниципальными образованиями (рис. 1).

Для определения степени «приживаемости» новоселов в местах вселения был рассчитан показатель эффективности миграций (\mathcal{E}_m) [6]:

$$\mathcal{E}_m = \frac{C}{K_{\Pi}},$$

где C – сальдо миграции, K_{Π} – количество прибывших.

Рис. 1. Миграционные процессы Белгородской области. 2020–2022 гг.
Составлено на основе источника [Основные, 2023]

Результаты показали (см. рис. 1), что положительная эффективность миграций характерна для граничащих районов второго порядка, а также для районов, в которых расположены воинские части и военкоматы. Низкая «приживаемость» свойственна приграничным районам, а также юго-востоку области, в связи с более низким социально-экономическим развитием, удаленностью от областного центра. Значительная часть населения стремится переехать в более развитые районы или другие регионы страны. Зачастую покидают места проживания представители среднего класса, семьи с детьми дошкольного и школьного возраста, одной из причин чего стало снижение качества образования, вызванного введением обучения в дистанционном режиме [7]. Отток населения приводит к снижению демографического потенциала, дисбалансу расселения населения, а также «интеллектуальному истощению».

Выводы. На протяжении длительного времени Белгород и близлежащие к нему районы считались привлекательными для мигрантов из-за того, что имели высокий уровень социально-экономического развития. Это приводило к увеличению территориальной подвижности населения, а, следовательно, и эффективности миграций. Но события 2022 г. трансформировали конфигурацию расселения на территории Белгородской области. Для привлечения жителей в приграничные населенные пункты потребуется существенно улучшить социально-культурную инфраструктуру и экономические показатели. Возрастает необходимость создания целевой программы развития приграничных муниципальных образований.

Библиографический список

1. Колосов В.А. Горизонты исследований российского пограничья // Региональные исследования. 2018, №3(61).
2. Чугунова Н.В. Социо-экистико-экономическая ситуация в приграничных муниципальных образованиях Белгородской, Воронежской, Курской областей // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8. № 3.
3. Чугунова Н.В., Морковская Д.Н. «Мертвые» деревни в структуре сельского расселения Центрально-Черноземного района // Географические исследования Сибири и сопредельных территорий. Иркутск, 2019.
4. Белгородская область в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник / Белгород. 2023.
5. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2018–2022 гг.). Белгород. 2023.
6. Ковалев С.А. География населения СССР: Учеб. М., 1980.
7. Поляризация пространства староосвоенного региона как фактор "сжатия". На материалах Белгородской области / Н.В. Чугунова, Т.А. Полякова, Д.Н. Морковская, Е.В. Ткачев // Региональные геосистемы. 2023. Т. 47. № 2.

D.N. Morkovskaya

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF SUSTAINABILITY OF THE POPULATION SYSTEM IN THE BELGOROD REGION

Abstract. The results of the analysis of the socio-economic situation of the Belgorod region and the demographic transformation of settlement, a study of the migration mobility of the region and its border territories are presented. Geopolitical processes are changing the current configuration of the region's settlement and creating new problems on the way to their solution.

Key words: population, settlement, geopolitics, migration, Belgorod region.

Сведения об авторе

Морковская Дарья Николаевна, аспирант кафедры географии, геоэкологии и безопасности жизнедеятельности Института наук о Земле, ассистент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, darya.morkovskaja@yandex.ru.

УДК 911.373

Л.А. Ожегова, К.Ю. Сикач, Г.В. Сазонова

К ВОПРОСУ О ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Аннотация. В статье анализируются половозрастные характеристики выбывших сельских мигрантов Республики Крым как в целом, так и в зависимости от людности сельских населённых пунктов.

Ключевые слова: выбывшие сельские мигранты, половозрастная структура населения, сельские населённые пункты.

Миграционные процессы, происходящие в Республике Крым, всегда были определяющими в формировании численности и облика местного населения. 2022 г. преломил стабильную положительную (с 2014 г.) динамику миграционного процесса на полуострове на отрицательную – миграционная убыль составила 2,4 тыс. человек. Данный процесс был характерен как для городских поселений, так и для сельских.

Основными факторами формирования неблагоприятной миграционной обстановки были последствия коронавирусной пандемии, а также изменения в геополитической обстановке вокруг страны и региона в целом. Однако, в 2023 г. механический прирост на полуострове вновь вернулся к положительным значениям и в первом полугодии 2023 г. составил 2151 человек. Следует отметить, что в структуре миграций преобладают внутрироссийские миграции. Так, например, в 2022 г. этот показатель составлял 63 % для прибывших и 65 % для выбывших мигрантов Республики Крым. Также в первом полугодии 2023 г., в сравнении с аналогичным периодом 2022 г., в три раза сократилась активность международных миграций, что было вызвано в первую очередь, на наш взгляд, проводимой США и странами Западной Европы санкционной политики в отношении граждан Российской Федерации в целом и Республики Крым в частности. Стоит также отметить, что ежегодно возрастает валовый миграционный оборот населения, как городских, так и сельских жителей. Подобные процессы вновь обращают внимание исследователей к миграционному процессу. Особо актуальным становится анализ различий среди городского и сельского населения.

Процесс перемещения сельского населения в города, характерный практически для всей территории России, присущ и большинству муниципальных образований Республики Крым. Особенности социально-экономического развития, история освоения и заселения полуострова, а также другие факторы, обусловили ряд особенностей миграционных процессов в сельской местности.

В настоящее время продолжается этап деградации сельского расселения в эволюции расселения Крымского полуострова. Для современного этапа, по мнению Гусакова Т.Ю., характерны депопуляция периферийных мелких населённых пунктов преимущественно в степной зоне, прирост населения пригородов, развитие агломераций [1].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., на территории Республики Крым насчитывалось 1003 сельских населённых пунктов (СНП), в которых проживало 958171 человек или 49,7 % от общей численности населения региона. При этом в среднем по России данный показатель составил 25,2 %, а в Южном федеральном округе – 36,8 % [2]. Следовательно, сельское население Крыма до сих пор сохраняет значительный человеческий ресурс для развития полуострова.

В Крыму СНП, проходя отметку в 50 человек, гораздо менее подвержены процессам сокращения населения [3]. По мнению Т.Г. Нефёдовой, в России СНП с населением свыше 1000 человек обладают относительной демографической устойчивостью [4]. Но количество демографически неустойчивых СНП в регионе неуклонно растет: количество сёл с численностью до 50 человек выросло с 72 в 2014 г. до 76 в 2020 г. (рис. 1).

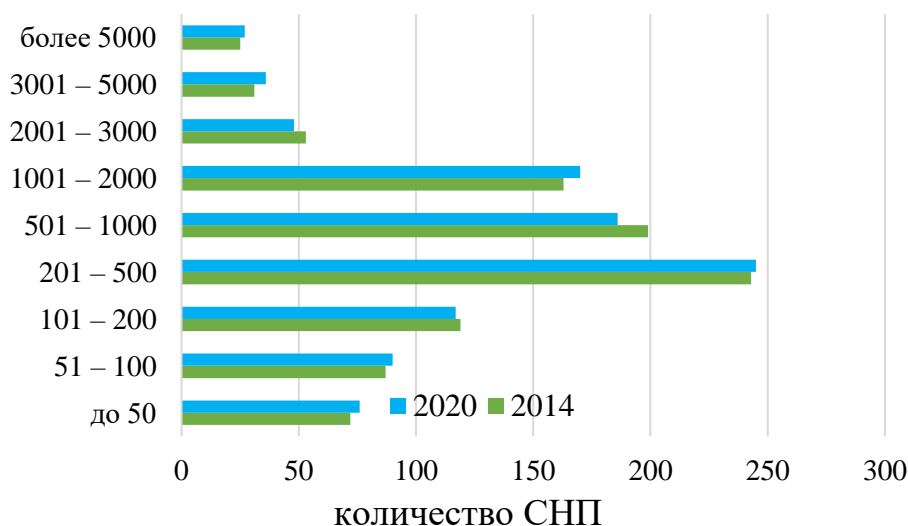

Рис. 1. Динамика СНП Республики Крым по людности поселений (по данным переписей населения 2014 и 2020 гг.), ед. (составлено по [2, 5])

Большая часть сельского населения проживает в условно устойчивых сельских населенных пунктах с численностью от 1000 человек и более (рис. 2.)

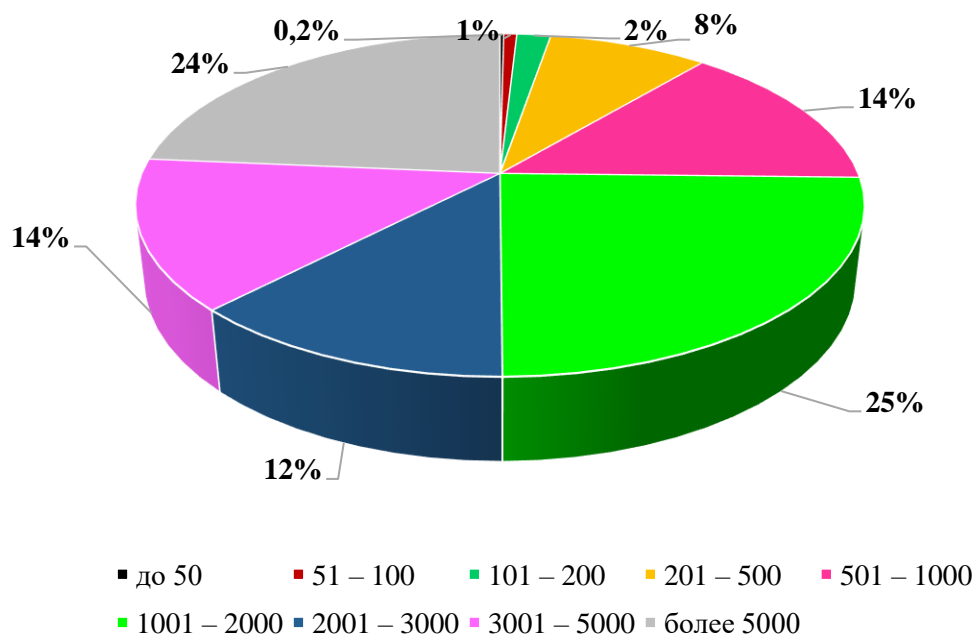

Рис. 2. Структура распределения сельского населения Республики Крым по людности СНП, 2020 г. (составлено по [2])

В Республике Крым в половой структуре населения преобладают женщины – 53,65 %, при этом в структуре сельского населения данный

показатель снижается до 52,8 %, в городах напротив возрастает до 54,5 %. Особенностью половой структуры сельского населения является то, что в малых СНП (численностью до 50 человек) преобладает мужское население, а в сельских населенных пунктах с большей численностью – преобладают женщины (рис. 3).

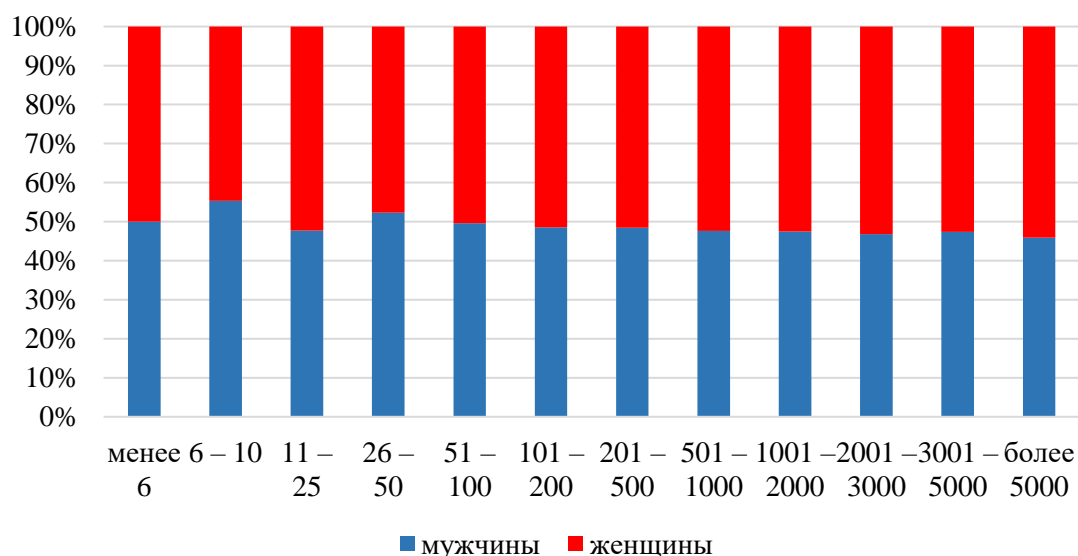

Рис. 3. Половая структура сельского населения Республики Крым в зависимости от людности СНП (по данным переписи населения, 2020 г.) (составлено по [2])

С 2017 по 2020 гг. отмечалось хоть и незначительное, но увеличение общего числа сельских мигрантов – с 16,2 тыс. чел. до 21,5 тыс. чел. соответственно [6]. В 2021 г. их количество сократилось до 19,7 тыс. чел., что составляло 38,5 % от общего количества выбывших мигрантов Республики Крым.

Соотношение выбывших мигрантов по полу с 2014 г. и по настоящее время остается неизменным и характеризуется преобладанием женщин, независимо от общего количества выбывших мигрантов. В 2021 г. их доля составляла 53 % от общего числа выбывших сельских мигрантов. При этом, в структуре выбывших женщин основная часть приходилась на трудоспособный возраст, особенно в категории от 25 до 39 лет (рис. 4).

Подобная миграционная активность женского населения СНП Республики Крым противоречит общероссийским тенденциям: в структуре выбывающих преобладают мигранты мужского пола, и в возрасте от 15 до 25 лет [7]. Среди мужского населения преобладание в миграционном потоке выбывающих лиц трудоспособного возраста незначительно больше выезжающих лиц приходилось на возрастные категории от 15 до 25 лет и от 30 до 40 лет. Это, отчасти, противоречит устоявшемуся мнению о молодых мужчинах, как самой активной группе выезжающих мигрантов.

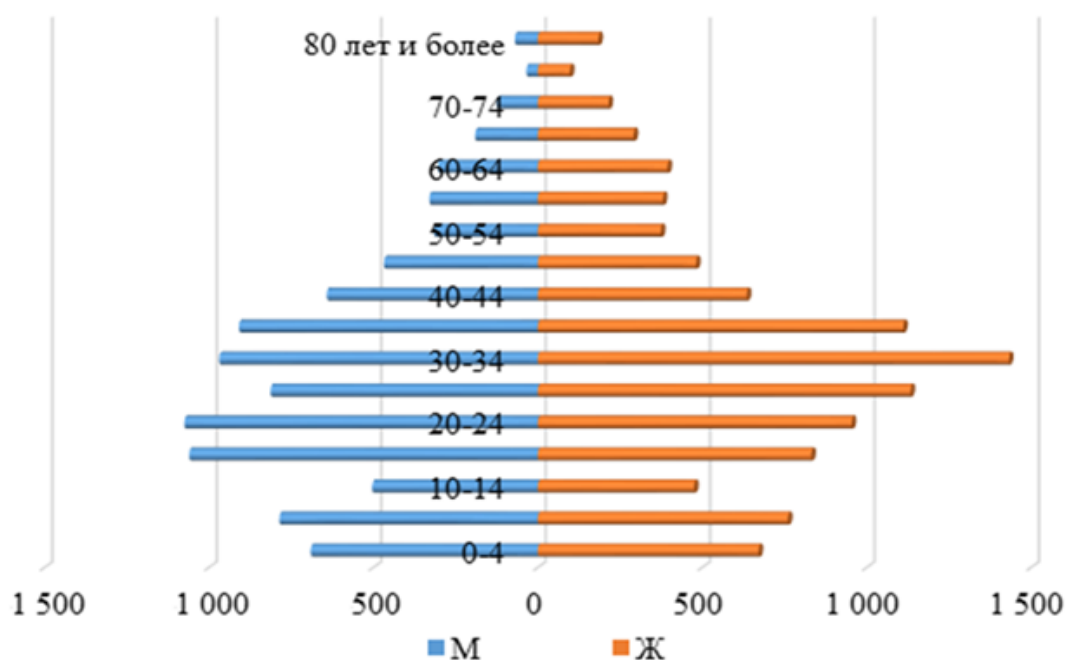

Рис. 4. Половозрастная структура выбывших сельских мигрантов, 2021 г.
(составлено по [6])

Таким образом, для сельской местности Крыма характерно преобладание женщин в структуре выбывших сельских мигрантов, а также существенный отток наиболее трудоспособной категории сельских жителей, что, в свою очередь, свидетельствует о сложившейся негативной тенденции в миграционной ситуации сельского населения Республики Крым.

Основными причинами подобного явления на полуострове становится группа социально-экономических факторов. Наличие трудоёмких сельскохозяйственных производств с невысокой оплатой труда, недостаточное присутствие в структуре занятости профессий сферы услуг, где может быть задействован труд женщин обозначенных возрастных групп и другие факторы во многом обуславливают их высокую миграционную подвижность.

Обозначенные авторами половозрастные особенности населения и выбывших мигрантов СНП Республики Крым становятся основой для дальнейшего углубленного изучения данных процессов, так как сельское население составляет почти половину от общей численности населения и 39 % от общего числа выбывших мигрантов региона, а выявление сложившихся тенденций позволит скорректировать существующие программы развития села.

Библиографический список

1. Гусаков Т.Ю. Сельское расселение и миграции населения на Крымском полуострове // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7 (17). Вып. 3. 2021.
2. Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации / Всероссийская перепись населения 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya.
3. Швец А.Б., Вольхин, Д.А. Исчезающие сёла Крымского полуострова как фрагмент в изучении «Иного Крыма» // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 6 (16). Вып. 3, 2020.

4. Нефёдова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7.
5. Группировка сельских населенных пунктов по численности населения / Перепись населения в Крымском федеральном округе со 100 % охватом населения 2014г. URL: https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pub-01-10_638156.pdf.
6. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения (человек, значение показателя за год, Республика Крым, сельская местность), 2017–2021 гг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614>.
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnaya-migratsiya-v-rossii-vozrastnye-osobennosti>.

L.A. Ozhegova, K.Yu. Sikach, G.V. Sazonova

ON THE ISSUE OF THE GENDER AND AGE STRUCTURE OF RURAL MIGRANTS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Abstract. The article analyzes the gender and age characteristics of retired rural migrants of the Republic of Crimea both in general and depending on the population of rural settlements.

Key words: rural migrants who have left, gender and age structure of the population, rural settlements.

Сведения об авторах

Ожегова Людмила Александровна, канд. геогр. наук, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н.В. Багрова, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Институт Таврическая академия.

Сикач Ксения Юрьевна, канд. геогр. наук, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н.В. Багрова, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Институт Таврическая академия.

Сазонова Галина Васильевна, старший преподаватель кафедры туризма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Институт Таврическая академия.

БАССЕЙНОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РИСУНКА РАССЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Бассейновый подход – метод исследования территории с помощью речных бассейнов. В данной статье рассмотрена дифференциация расселенческих показателей в пределах бассейнов Удмуртии. Сделаны выводы о роли речных бассейнов, их особенностей в формировании современного расселения сельского населения республики.

Ключевые слова: бассейновый подход, расселение населения, сельское население, Удмуртская Республика.

Бассейновый подход представляет собой метод изучения территориальных систем через призму речных бассейнов. Его уникальность заключается в том, что речную систему можно рассматривать как физико-географическую, так и общественно-географическую единицу площади. Соответственно, он позволяет изучать территорию во взаимосвязи природы и общества, а значит может раскрыть причинно-следственные связи явлений и процессов.

Бассейновый подход начал применяться в исследованиях с конца XIX в. Еще в 1889 г. Л.И. Мечников изучал и объяснял, почему зарождение великих цивилизаций древности происходило в долинах крупнейших рек. Именно река, заставляя коллективно создавать ирригационные системы и поддерживать их в рабочем состоянии, объединила этнос, образовала некоторую этнодемографическую общность, которая в основном консолидировалась в определенном речном бассейне [1].

Речные бассейны для некоторых территорий – это основа административно-территориального деления (АТД). Ярким примером использования бассейнового подхода в АТД является Карачаево-Черкесская Республика, где административные границы муниципальных районов и самой республики совпадают с водоразделами рек высоких порядков [2].

Исторические тенденции развития хозяйства и населения в речных бассейнах проектируются на современное социально-экономическое положение регионов. Социально-экономические системы – поселения, промышленные и сельскохозяйственные зоны – тяготеют к речным системам прежде всего как к важнейшим источникам водных ресурсов. Значение социально-экономического обоснования бассейновой концепции усиливается вследствие возрастания роли водного фактора в жизни общества.

Таким образом, бассейновый подход используется в многочисленных и разносторонних региональных исследованиях. В данной работе будет рассмотрен вопрос о применении бассейнового подхода к объяснению современного рисунка расселения сельского населения на территории Удмуртской Республики.

Вся речная система Удмуртии представлена реками I–VI порядка (порядок потоков Стралера) с главной рекой Камой – крупнейшего притока Волги. К VI порядку относятся реки Чепца, Лоза, Кильмезь, Сива, Иж и Вала (после слияния с р. Нылгой). Остальные реки и ручьи имеют I–V порядки.

В качестве картографической основы использовались карта Удмуртской Республики масштаба 1:200000 [3], оцифрованные карты речной сети, составленные в рамках диссертации А.А. Перевощикова [4].

Главный вопрос, возникающий при разделении территории на речные бассейны, заключается в выборе порядков рек, бассейны которых будут рассматриваться в данном пространственном исследовании. Во многих работах, использующих бассейновый подход, отмечается, что при его использовании целесообразно брать в расчёт реки IV и более порядков, ибо именно в таком случае будет видна дифференциация территории по различным признакам. В соответствии с данным замечанием, исходя из соразмерности исследуемых единиц, территория Удмуртской Республики в программе MapInfo была поделена на 45 речных бассейнов (рис. 1).

В таблицу Excel заносились данные о численности сельского и сельскохозяйственного (без учёта районных центров и промышленных поселений) населения населённых пунктов на 2020 г. [5], расположенных в пределах конкретного речного бассейна. На основе этих данных был произведён анализ расселенческих показателей по речным бассейнам.

Итак, плотность сельского населения высока в тех речных бассейнах, на территории которых размещаются районные центры. В бассейнах рек высоких порядков (Чепца, Кама, Иж) на территории Удмуртии плотность населения выше, ибо их воды позволяют обеспечить густонаселенные территории водными ресурсами. К тому же, на берегах этих рек возникали первые поселения, в особенности в тех местах, где происходит слияние разнопорядковых рек. Позже они стали либо городами, либо крупными районными центрами [6]. Позже на крупных реках появляются и другие поселения, специализацией которых уже становится промышленность, либо лесное хозяйство. С учётом особенностей производства того времени данные населённые пункты размещались так же на крупных реках, что усиливало дифференциацию в плотности населения между водораздельными пространствами и долинами рек.

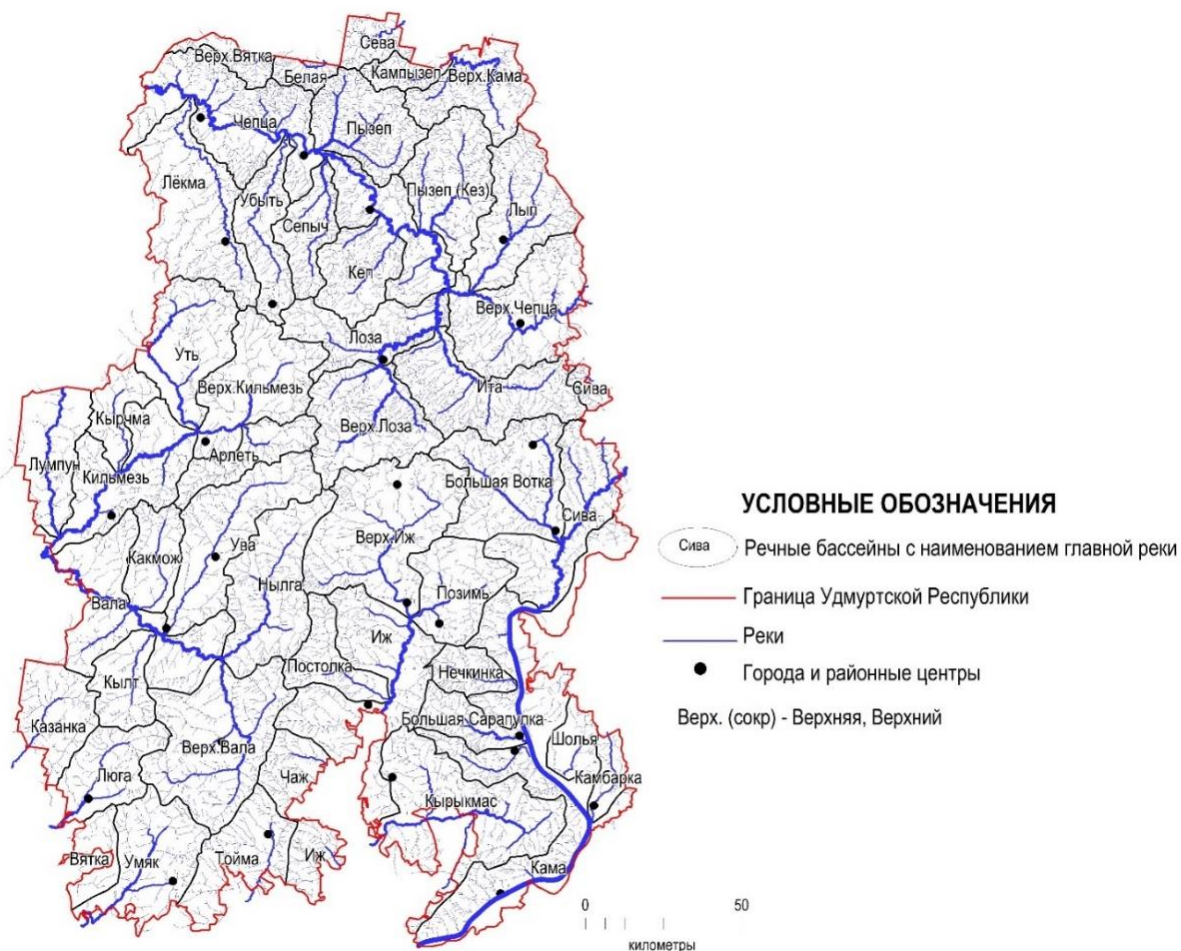

Рис. 1. Бассейны рек IV и выше порядков в пределах территории Удмуртской Республики

При рассмотрении плотности сельскохозяйственного населения особенно выделяются бассейны рек Иж и Кама (рис. 2). Это староосвоенные бассейны, где впоследствии сложились крупные населённые пункты, создавшие вокруг себя сеть других поселений. Сейчас это преимущественно пригородные населённые пункты, чьё развитие идёт уже по социально-экономическим причинам.

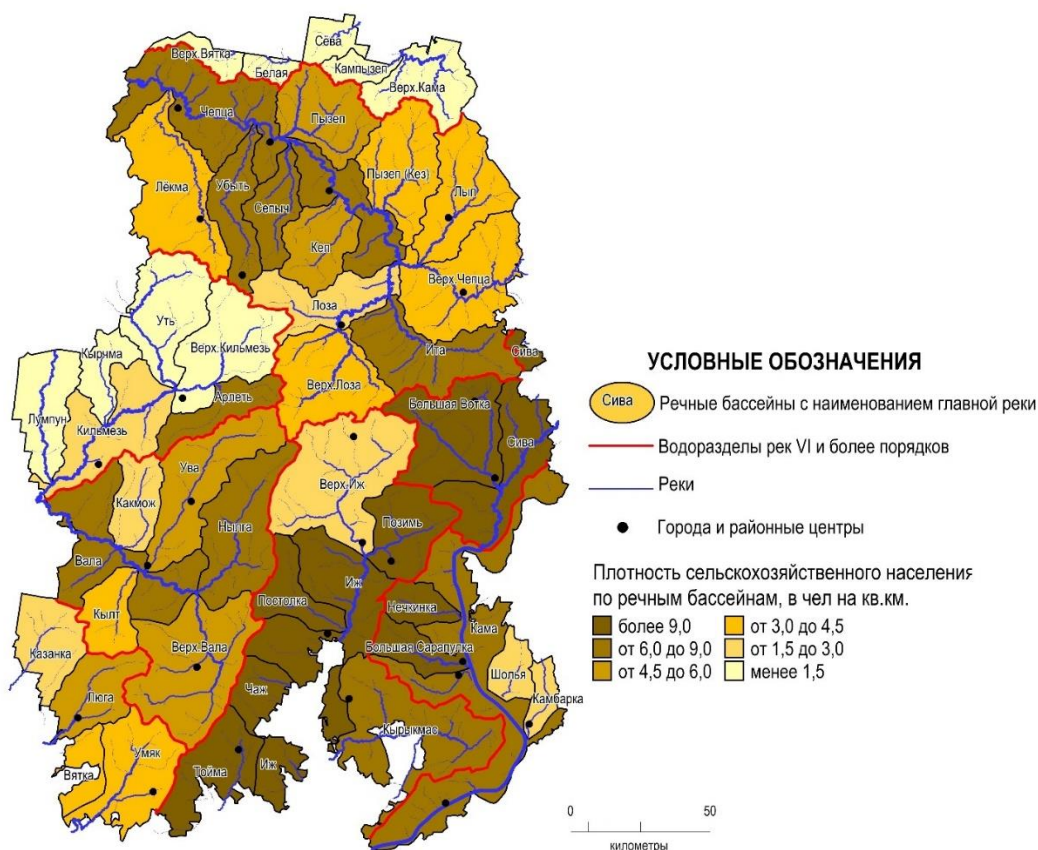

Рис. 2. Карта-схема плотности сельскохозяйственного населения по речным бассейнам Удмуртии

В бассейнах рек Чепца и Кильмезь плотность сельскохозяйственного населения увеличивается при движении от верховьев к низовьям речных бассейнов. Это связано с тем, что верховья рек расположены на возвышенностях, порой на заболоченных территориях. Исключение – бассейны Арлети и Иты в верховьях Кильмези и Чепца соответственно, которые располагаются на Тыловайско-Мултанской возвышенности. В больших бассейнах Кильмези и Чепцы это самые удобные для ведения сельского хозяйства участки, свободные от болот, с высоким уровнем грунтовых вод (что для Удмуртии является благоприятным фактором для жизни человека [6]).

Значение людности понижено в речных бассейнах, примыкающих к водоразделам более крупных рек (рис. 3). Дело в том, что ниже по течению реки становятся крупными водотоками, которые способны обеспечить водой густонаселенные территории. Соответственно, размер поселений растёт. Другой фактор – зональный – людность уменьшается с юга на север. Причина различия кроется в способности почвенных ресурсов «прокармливать» население: на одной и той же площади более плодородные почвы дают больше урожая, чем менее плодородные.

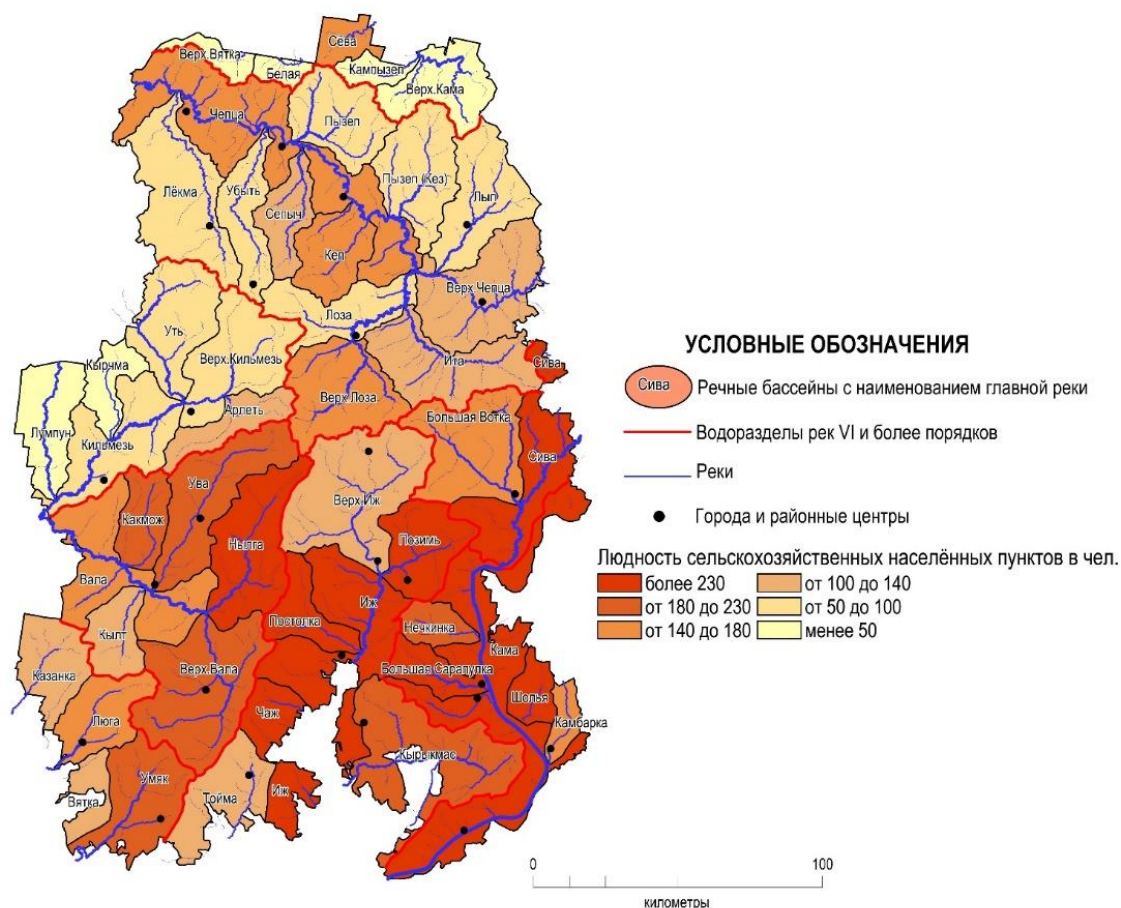

Рис. 3. Карта-схема людности сельскохозяйственных населённых пунктов по речным бассейнам

Также по указанной выше причине количество населённых пунктов растёт с юга на север, соответственно увеличивается их плотность на единицу площади. При рассмотрении распространения сети сельскохозяйственных поселений по речным бассейнам можно выделить две группы крупных бассейнов. В первой группе плотность увеличивается от бассейнов притоков к бассейну более крупной реки (бассейны Кильмези, Валы, Вятки (в пределах Удмуртии), Ижа, правобережье Камы). Ко второй группе относятся бассейны Чепцы и Сивы, где в пределах примыкающих к крупным водоразделам бассейнах плотность поселений выше (рис. 4). Это объясняется тем, что в первом случае на территории бассейнов доминирует долинный тип заселения (характерный для южной части), а во втором – водораздельный, где именно эти пространства считаются благоприятными в условиях повышенного увлажнения.

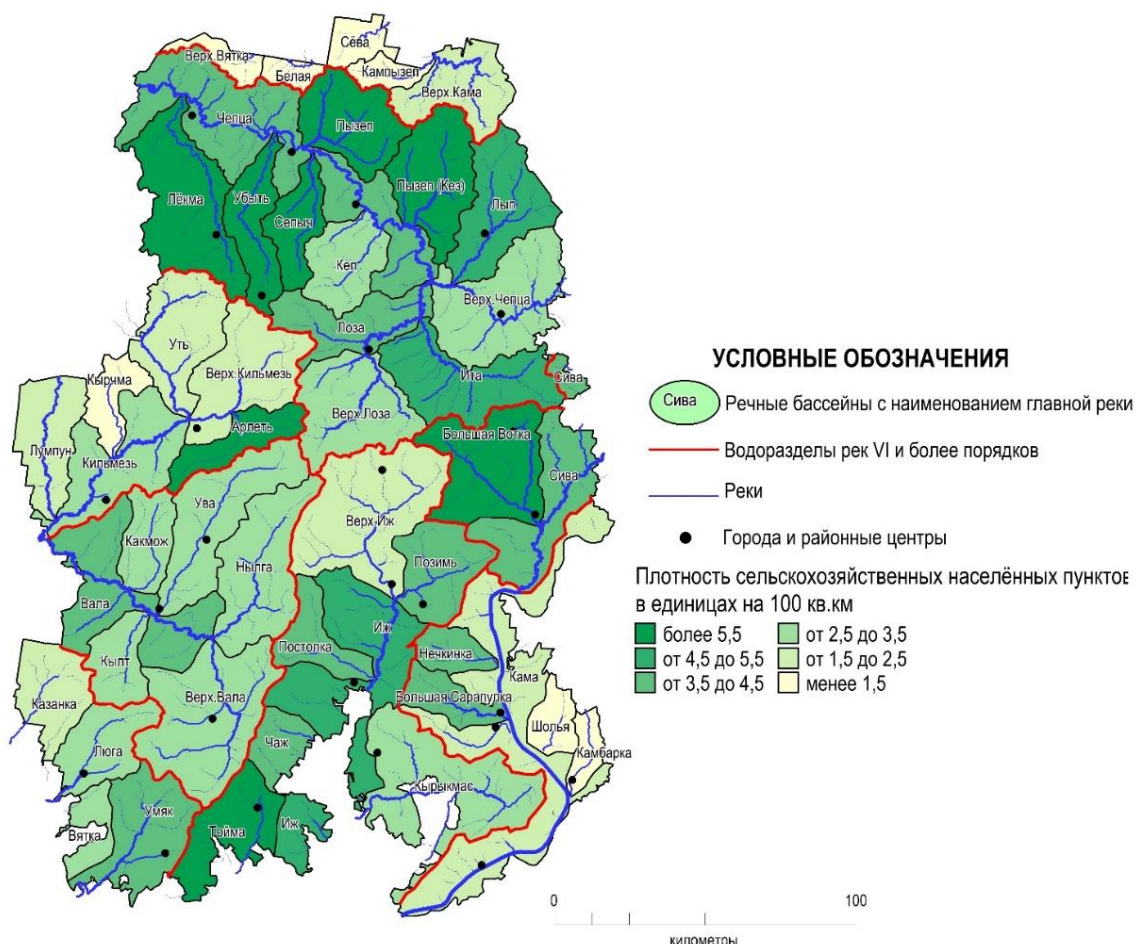

Рис. 4. Карта-схема плотности сельскохозяйственных населённых пунктов по речным бассейнам

Таким образом, речные бассейны Удмуртии имеют различные расселенческие особенности, на которые особенное влияние оказывают порядок рек, наличие возвышенностей и низменностей, а на современном этапе – агломерационные процессы. Наиболее освоенными являются бассейны притоков Ижа, Чепцы, Сивы, Валы, правых притоков Камы, которые являются осями расселения населения Удмуртской Республики. Менее населён бассейн Кильмези, а также бассейны верхнего течения Лозы и Ижа (между ними находится водораздел крупных бассейнов Камы и Вятки).

Библиографический список

1. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. СПб., 1995.
2. Потапенко Ю.Я, Кипкеева П.А. Влияние структуры речных бассейнов на развитие общественно-территориальных систем (на примере Приэльбрусья) // Известия ДГПУ. Естественные и точные науки. 2016. №1.
3. Удмуртская Республика: атлас масштаба 1:200000. Екатеринбург, 2013.
4. Перевощиков А.А. Закономерности формирования антропогенно-обусловленного аллювия в долинах малых рек Удмуртии. Автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата географических наук. Казань, 1997.
5. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/.

M.A. Permyakov

BASIN APPROACH IN THE STUDY OF MODERN PATTERN OF RURAL POPULATION SETTLEMENT IN THE UDMURT REPUBLIC

Abstract. The basin approach is a method of exploring the territory using river basins. This article examines the differentiation of settlement indicators within the basins of Udmurtia. Conclusions about the role of river basins and their features in the formation of the modern settlement of the rural population in the republic are drawn.

Key words: basin approach, population settlement, rural population, Udmurt Republic.

Сведения об авторе

Пермяков Максим Александрович Ассистент, специалист по учебно-методической работе г. Ижевск, Удмуртский государственный университет, maximpermiakov@yandex.ru.

УДК 342.9

Н.В. Сазонова, В.А. Рябов, О.А. Сазонова

МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье идет речь о состоянии миграционных отношений в цифровую эпоху на современном этапе развития общества и государства. В ходе рассуждений рассматривается необходимость применения новых видов цифровых услуг и платформ. Отмечается, что прогресс цифровизации миграционной сферы требует усиления мер безопасности информационной среды. В заключение сделан вывод о том, что использование цифровых технологий является инструментом по повышению эффективности государственного управления миграционными процессами в стране.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровой профиль, государственное управление, миграционные отношения в цифровую эпоху.

В современных условиях цифровые технологии оказывают значительное влияние на различные сферы жизни общества, в т.ч. на государственное управление миграционными процессами, а использование технических возможностей способствует формированию новой технологической среды регулирования.

Установлены следующие целевые показатели в границах национальной цели «Цифровая трансформация», характеризующие достижение национальных целей к 2030 г.: достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %.

В Указе Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» поставлена цель по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в социальной сфере и экономике [1]. На реализацию положений вышеназванного указа направлены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.», определяющие цели, основные задачи и приоритеты деятельности Правительства РФ по осуществлению научно-технологического и социально-экономического развития [2].

Приоритетными направлениями модернизации системы государственного управления, в т.ч. в сфере миграции, станут повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, функций и сервисов населению, широкое использование цифровых технологий, последовательное внедрение принципов и механизмов стратегического и проектного управления, расширение участия граждан в государственном и муниципальном управлении.

В соответствии с Прогнозом научно-технологического развития РФ на период до 2030 г. развитие приоритетного направления в средне- и долгосрочной перспективах определяется следующими окнами научно-технологических возможностей: современные принципы биометрической идентификации, обработки, интеграции и анализа мульти-модальных биометрических данных; новые интерфейсы «человек – цифровая среда»; умные инфраструктуры; облачные инфраструктуры, сети персональных компьютеров и мобильных устройств; рост доли мобильных устройств; высокопроизводительные центры обработки данных; разработка технологий распознавания и анализа голоса, фото, видео и других типов изображений и сложных медийных носителей информации [3].

Согласно Стратегии научно-технологического развития России своевременной реакцией на подобные вызовы должно стать создание технологий, не только отвечающих национальным интересам страны и необходимых для существенного повышения качества жизни населения, но и востребованных в мире [4].

В среднесрочной перспективе приоритетами научно-технологического развития следует считать те направления, которые позволят получить научно-технические результаты, создать технологии, являющиеся основой инновационного развития, которые в свою очередь обеспечат переход к передовым цифровым технологиям, роботизированным системам, созданию систем обработки больших объемов данных, искусственному интеллекту.

Проведенный анализ позволяет выявить некоторые тенденции развития приоритетов политики государства в сфере миграции в среднесрочной и долгосрочной перспективах, одним из которых является миграционный прирост населения России. Следует отметить, что развитие цифровизации миграционной

сферы требует усиления мер безопасности информационной среды, а также дополнительных мер для обеспечения защиты прав и интересов российских и иностранных граждан и государства в киберпространстве.

Достигнутые ранее результаты в части повышения доступности, технологичности и снижении административных барьеров при предоставлении государственных услуг должны быть обеспечены преемственными мерами, которые позволят выйти на новый уровень взаимодействия государства и населения посредством его перевода в цифровой и дистанционный формат.

Кроме того, представляется необходимым с помощью внедрения цифровых технологий и цифровых платформ обеспечить сокращение временных и административных затрат при предоставлении государственных и муниципальных услуг, осуществлении контрольно-надзорных функций, функционировании государственных и муниципальных органов.

Примером влияния цифровых технологий на миграционную сферу может служить стартовавший 1 июля 2021 г. первый совместный цифровой проект стран ЕАЭС «Работа без границ» для помощи гражданам государств – членов Евразийского экономического союза в трудоустройстве. В начале 2022 г. также планировался запуск специального мобильного приложения «Работа в ЕАЭС», который бы способствовал созданию единого рынка труда, сформировал весь пакет документов, необходимый для работы в РФ без дополнительных затрат (медицинская страховка, заключение трудового договора, выбор жилья, а в перспективе и оформление регистрации), упростил поиск вакансий не покидая своей страны, а также исключит посредников из процесса поиска работы [5].

По информации отечественных СМИ совместная цифровая платформа союза будет нацелена на улучшение качества жизни человека, строиться с учетом государственных интересов и использованием информационных национальных систем миграционных цифровых сервисов стран – участниц [6]. Например, введение единого удостоверяющего личность документа для иностранных граждан, который будет содержать электронный носитель (чип) с его персональными данными и биометрическими показателями, а также информацию о действующем статусе, выданной визе, сроке ее действия и другие сведения. Документ будет действителен в течение десяти лет на всей территории страны, а впоследствии, если у владельца карты не будет нарушений, она станет бессрочной [7].

Идентификационная карта – это официальный документ, удостоверяющий личность, в т.ч. в электронных системах разных уровней и назначений, обычно выполненный в формате пластиковой карты. ID-карта как правило содержит информацию о держателе карты в текстовом и электронном виде, включая его фотографию, имя, личный номер, образец подписи и биометрическую информацию, записанные в электронном чипе или на магнитной полосе.

Полагаем также, что стала очевидной необходимость создания единой базы цифровых профилей иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в стране. Цифровой профиль будет содержать информацию о правовом статусе лица, его биометрические данные, сведения о месте жительства и трудоустройстве. Кроме того, новый сервис позволит мигрантам

получать государственные услуги в электронном виде без необходимости посещения многофункциональных центров. Также планом мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики предусматривались работы по созданию информационной структуры, включающей единую информационную платформу, содержащую данные об иностранном гражданине с возможностью хранения цифрового профиля.

Иностранцы граждане с помощью таких цифровых профилей смогут заключать трудовые договоры с работодателем, подтверждать свое обучение, вносить обязательные налоговые и иные платежи, пользоваться удобными информационными сервисами, в т.ч. получать рассылку о предстоящем окончании сроков действия разрешительных документов, пребывания и необходимости выезда за пределы России.

Подчеркнем, что в последние годы цифровая трансформация не просто ускорила, но и усилила связанные с этим стратегические вызовы и угрозы, в т.ч.: ускоренное формирование единого глобального информационного пространства; обострение «цифрового неравенства»; неготовность к широкомасштабному предоставлению гражданам медицинских и иных социальных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий; необходимость обеспечения эффективного и защищенного документооборота и т.д.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что важное значение приобретает влияние цифровых технологий на современную государственную политику, т.к. страны, у которых нет собственных цифровых платформ, рискуют попасть в информационную, политическую и экономическую зависимость от чужих цифровых решений. Использование данных технологий имеет место прежде всего, как инструмент, метод решения задач по повышению эффективности государственного управления, в т.ч. управления миграционными процессами в России.

Библиографический список

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020 г.). URL: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=lui5tefm39754692103>.
2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.: утв. Правительством РФ 29.09.2018 г. № 8028п-П13. URL: <http://static.government.ru>.
3. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.: утв. Правительством РФ // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://government.ru> по состоянию на 22.01.2014 г. Документ опубликован не был.
4. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 (ред. от 15.03.2021 г.). URL: <https://base.garant.ru/71551998/?ysclid=lui5xqa21i345118812>.
5. Березина Е. Мигранты смогут оформить ИНН и СНИЛС в приложении «Работа без границ» // Российская газета. 2021. 3 июня.
6. Кузьмин В. На общей платформе // Российская газета. 2021. 7 февраля.
7. Емельяненко В. В 2022 г. Россия вводит бессрочную ID-карту мигранта // Российская газета. 2021. 10 декабря.

MIGRATION RELATIONS IN THE DIGITAL AGE: CURRENT STATE

Abstract. The article deals with the state of migration relations in the digital age at the current stage of development of society and the state. The discussion considers the need for new types of digital services and platforms. It is noted, that the progress of digitalization of the migration sphere requires strengthening the security measures of the information environment. Finally, it is concluded that the use of digital technologies is a tool to increase the efficiency of government management of migration processes in the country.

Key words: digital technologies, the digital profile, public administration, migration in the digital age.

Сведения об авторах

Сазонова Нина Васильевна кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, NSazonova@bsu.edu.ru.

Рябов Валерий Анатольевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и географии, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк), ffker@khpi.ru.

Сазонова Оксана Александровна кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I, Sazonova_oxana@list.ru.

УДК 314.1

В.Т. Сакаев

МЕГАПОЛИСЫ В ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Аннотация. Мегалополисы, как оценивает ряд исследователей, станут местом проживания значительной части (если не большинства) населения мира к концу XXI в. Причем, мегалополисы станут центрами политической и экономической жизни не только ведущих стран, но и развивающихся государств, богатых и бедных стран мира. Возникает вопрос о последствиях этого процесса для развития человечества. Для определения возможных характеристик можно попытаться применить политико-демографический анализ.

Ключевые слова: мегалополисы, политическая демография, Д. Голдстоун, Россия.

Политическая демография – это относительно новое направление научных исследований, сложившееся на стыке демографии и политической науки и

исследующее политические последствия демографических процессов. Больше информации о предмете и направлениях исследования политической демографии можно найти в опубликованных автором трудах [1; 2].

Как известно, понятие «мегаполис» не имеет общепринятого определения, но, в целом, под ним в науке принято понимать некое крупное городское образование, как по занимаемой площади, так и по численности населения, образовавшееся в результате присоединения соседних населенных пунктов. Причем зачастую нижней границей численности его населения называют 1 млн жителей [3]. Так А.Г. Махрова определяет мегаполис как синоним понятия «город-миллионер», причем подчеркивает, что это термин может использоваться и как синоним понятия городская агломерация, так и просто как большой город [4].

Возникает вопрос о том, правомерно ли ставить знак равенства между понятиями «мегаполис» и «городская агломерация», или мегаполис оказывается во многом близким, но не идентичным понятием. По мнению Г.М. Лаппо: «Городская агломерация – компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала... союз крупного центра, ядра агломерации, с малыми и средними (иногда и большими) городами-спутниками» [5]. По мнению Г.М. Лаппо потребность в городах-спутниках возникает у крупных городских центров, как правило, с населением в 250 тыс. чел. и более, хотя есть прецеденты и городских центров с меньшей численностью горожан, формирующих агломерацию, и, наоборот, – примеры городов значительно больших по численности, которые агломерации не сформировали [5]. Таким образом, далеко не каждая агломерация может быть названа мегаполисом, хотя большинство мегаполисов представляют из себя агломерацию.

Существует точка зрения, что мегаполисом может считаться только слияние нескольких городских агломераций, тогда как другие исследователи предлагают различать «мегаполисы» и «мегалополисы», последние из которых и представляют собой фактически единое городское пространство, возникшее через слияние границ нескольких городских агломераций. В таком контексте, следует отметить, также используются такие термины как «метрополис» и «мегасити», под последним, в частности, понимают крупнейшие городские агломерации мира с населением свыше 10 млн чел. [4]. Таким образом, эти термины включают в себя, по-видимому, наиболее крупные из мегаполисов, хотя опять же четких общепринятых критериев использования этих терминов фактически нет.

Другой подход, предполагает, что мегаполис – это особая новая форма городского пространства, соответствующая эпохе информационного общества, в которой сочетается наличие глобальных центров управления экономикой и политикой и присутствие самых обездоленных групп населения, которые стремятся к социальному признанию. Так, Мануэль Кастельс указывал, что

«именно эта отличительная черта глобальной «включенности» и локальной «исключенности», физической и социальной, делает мегаполисы новой городской формой» [6].

Таким образом, можно констатировать, что фактически термин «мегаполис» не имеет четких критериев выделения (по численности населения, составу и размерам территории, организации городского пространства и т.д.). Как указывает А.Г. Махрова, он «скорее, отвечает восприятию современного большого города как гигантского скопления людей, построек, средств транспорта и др.» [4]. В этом контексте уместно использовать термин «мегаполис» не только к многомиллионным городским агломерациям, но и к отдельным относительно крупным городам, в т.ч. не имеющим численности населения в миллион и более человек.

Касаясь проблемы мегаполисов в нашей стране, можно обозначить два подхода. Первый подход таковыми признает только две столицы с пригородами (Москва и Санкт-Петербург). Другой же подход относит к числу мегаполисов все города-миллионники в нашей стране [3].

Политическая демография рассматривает эту проблему прежде всего через призму процессов урбанизации и роста значения мегаполисов для политической сферы. Джек Голдстоун в своей работе «Новая бомба народонаселения» обозначил перспективу, что к концу XXI в. порядка 2/3 мирового населения будут составлять городские жители и большая часть их будет сконцентрирована в мегаполисах беднейших стран, что способно порождать политическую нестабильность, рост криминальной преступности и возникновения очагов международного терроризма [7].

К числу дополнительных рисков с которыми часто сталкиваются мегаполисы, автор отнес бы тот факт, что мегаполисы (как в развитых, так и в развивающихся странах) становятся центрами притяжения бедноты и люмпенов (о чем писал, в т.ч. М. Кастельс), что создает риски социального взрыва (причем именно мегаполисы обладают условиями для перерастания его, например, в городскую герилью). Мегаполисы являются центрами притяжения разного рода мигрантов, а, соответственно, они становятся местом концентрированного выражения ксенофобии и мигрантофобии, движущей силой которой зачастую становятся обездоленные социальные низы. Опыт показывает, что именно мегаполисы зачастую становятся аренами для столкновения, в т.ч. в рамках уличного насилия, сторонников разных политических идеологий (правых и левых, «фашиствующих» и антифа, футбольных ультрас и т.д.), а также представителей различных религиозных конфессий, этнических групп и т.д. Наконец, мегаполис – это чрезвычайно уязвимое пространственное образование, успешное функционирование которого зависит от множества внутренних и внешних факторов, а любые сложности с обеспечением населения водой, продовольствием, топливом, электроснабжением, теплоснабжением и т.д., способны породить социальный взрыв, который может снести существующую политическую конструкцию. Конечно, мегаполисы могут выступать и драйверами социально-экономического развития страны, центрами

инновационной деятельности, однако подобный сценарий, по-видимому, возможен преимущественно в развитых странах.

Насколько эти риски уместны для российского контекста? Можно признать, что они отчасти являются релевантными для ситуации обеих российских столиц, хотя и не достигли еще критического уровня. Ситуацию смягчают относительно высокий уровень социально-экономического развития столиц и взвешенная и гибкая политика властей, как на федеральном, так на региональном уровнях.

В этой связи возникает резонный вопрос: стоит ли педалировать развитие мегаполисов в нашей стране, как предлагают некоторые политики, или стоит обратиться к советскому опыту градостроительной стратегии, которая, наоборот, стремилась ограничить рост населения в крупных городах, выходящий за разумные пределы. Эта дискуссия становится как никогда актуальной в условиях подготовки правительством новой стратегии пространственного развития. Возможным выходом может быть формирование городских агломераций через усиление транспортной связанности крупных городов, которая при этом не приводила бы к их слиянию в гигантский мегаполис. Конечно, с развитием агломераций также связаны определенные опасения, которые были раскрыты автором в предыдущих публикациях [8], однако этот подход представляется более разумным с точки зрения географических и демографических характеристик нашей страны.

Библиографический список

1. Сакаев В.Т. Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости. Казань, 2016.
2. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности // Власть. 2011. № 7.
3. Туленкова Л.И. Мегаполис: понятие и факторы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 11.
4. Махрова А.Г. Мегаполис / Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/megapolis-52fd14>.
5. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М., 2012.
6. Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford, 2009.
7. Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1.
8. Сакаев В.Т. Проекты создания новых агломераций в России: политико-демографические аспекты // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. 2022. № 1.

V.T. Sakaev

MEGAPOLISES IN POLITICAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS

Abstract. As a number of researchers estimate megapolises will become home for a significant part (if not the majority) of world's population by the end of the 21st century. As a result, megapolises will become centers of political and economic life not only in leading countries, but also in developing countries, the richest and poorest countries. The question arises about the consequences of this process for the

development of humanity. To determine possible characteristics one can try to apply political and demographic analysis.

Key words: megapolis, political demography, J. Goldstone, Russia.

Сведения об авторе

Сакаев Василь Тимурьянович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева», sakaev2003@mail.ru.

УДК 910.1

И.П. Супрунчук

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТИВНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ФУТБОЛЕ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье исследуются пространственные аспекты миграций профессиональных российских футболистов. Рассмотрены особенности международной и внутренней спортивной миграции в футболе. Проведена периодизация миграционных процессов в российском футболе с начала XXI в. Выделены регионы России – миграционные реципиенты и доноры футбольных кадров высокого уровня.

Ключевые слова: география спорта, новые направления социально-экономической географии, спорт и физическая культура, география футбола, спортивная миграция.

В профессиональном спорте с начала XXI в. идут процессы коммерциализации и глобализации [9]. Одним из следствий стало развитие явления спортивной миграции, в ходе которой профессиональные спортсмены меняют постоянное место жительства внутри страны или между странами, заключая контракты с иностранными клубами [6]. Спортивная миграция имеет особенности в своей мотивации. Главным мотивом является разница в оплате труда между странами и регионами. Многие спортсменов не менее важными считаются: стремление к росту в конкурентной среде; невозможность реализации потенциала в родном регионе; спортивные амбиции и желание жить в условиях другой культуры [8]. В каждом виде спорта существуют характерные особенности миграции, зависящие от истории, распространенности вида, статуса и экономических условий существования. Наиболее массовой и экономически значимой следует признать спортивную миграцию в игровых командных видах спорта. Среди них ведущую роль играет футбол, генерирующий финансовые объемы, заметные для мировой экономики и отдельных стран.

В 2023 г. в мире насчитывается около 14,5 тыс. футболистов, играющих за пределами своей родной страны [4]. По данным ФИФА осуществлено 10 125 международных переходов футболистов [3]. Главный «футбольный

экспортер» – Бразилия подготовила почти 1,3 тыс. футболистов, играющих за ее пределами [4]. По оценкам Федерации футбола Бразилии прибыль от них составила 10 млрд евро или 0,7 % ВВП страны [12]. Сформировались устойчивые миграционные связи Латинской Америки и Африки – с одной стороны, и Европой – с другой [1]. Внутри стран и их регионов также происходят активные миграции, имеющие центростремительный характер, направленный в крупнейшие города и в столицу [5].

Профессиональный футбол имеет обширную историографическую базу, объемный корпус статистических справочников и общественно-научных работ, а также осуществляющие непрерывный мониторинг организации и институты. По данным FIFA в мире 100 тыс. действующих профессиональных футболистов [2]. На уровне высшего футбольного дивизиона России в одном сезоне выступают в среднем выступают 460 футболистов [11]. В итоге, на таком массиве информации представляется возможным провести качественное исследование миграционных процессов в спорте и выявить их пространственные особенности. Данная работа потребовала определить исследовательские рамки. Спортивная миграция в российском футболе изучается в двух аспектах. Первый – использование иностранной «рабочей силы» российскими клубами, раскрывается через общий ретроспективный анализ с 2001 по 2023 гг. количества иностранных футболистов и регионов их происхождения. Второй – внутренняя спортивная миграция российских футболистов. Изучены карьеры всех игроков, появившихся в составе команд высшего дивизиона в сезонах 2001, 2010 и 2020–2021 гг.

Представление о международной миграции в футболе дают данные, приведенные в таблице 1. В 2023 г. в профессиональных футбольных лигах выступает 14 449 футболистов, которые имеют отличное от страны прибытия спортивное гражданство. В региональной структуре сформировалось стабильное в последние десятилетия положение. Около половины мигрантов представляют европейские страны, выступая в основном также в Европе. Среди европейских стран ведущие поставщики футбольных мигрантов – Франция, Англия, Испания, Германия и Хорватия. Причем футбольные миграционные связи укладываются в рамки общих географических тенденций миграций в Европе: Франция наиболее тесно связана с Люксембургом, Англией, Италией и Бельгией; Англия – с Шотландией и Уэльсом; Германия – с Австрией, Турцией и Нидерландами. Испания и Хорватия представляют собой футбольных «экспортеров», имея широкое представительство почти в каждой европейской стране. Второй крупный регион исхода футбольных мигрантов – Южная Америка, где находится крупнейшая по «экспорту» футболистов страна – Бразилия. На ее долю приходится 10 % мировых мигрантов. Также в регионе выделяются Аргентина, Колумбия и Уругвай. Третьим важным регионом, генерирующим потоки мигрантов, выступает Африка. Ведущими странами являются Нигерия, Гана, Кот-Д’Ивуар, Сенегал, Камерун и Мали.

Сравнивая ситуацию с футбольными мигрантами в России с общемировыми тенденциями (Табл. 1), можно выделить много общего.

Сохраняются те же пропорции с лидерством европейских стран, вторым и третьим местом Южной Америки и Африки соответственно.

Таблица 1

Региональная структура международных футбольных мигрантов в России и мире в 2023 г.
(составлена автором по [4])

999	Мир		Россия	
	Количество (чел.)	Доля (%)	Количество (чел.)	Доля (%)
Северная Америка	609	4,2	2	1,2
Южная Америка	3 527	24,4	46	28,6
Океания	42	0,2	0	0,0
Африка	2 050	14,2	23	14,2
Азия	538	3,7	3	1,8
Европа	7 683	53,3	87	54,2
<i>Всего</i>	<i>14 449</i>	<i>100,0</i>	<i>161</i>	<i>100,0</i>

Российскую специфику в данном вопросе необходимо рассмотреть в динамике с начала XXI в. Важнейшей чертой является футбольная связь России с бывшими республиками СССР. В 1990-е и начало 2000-х гг. российский футбол по инерции существовал в рамках общего советского футбольного хозяйства. Представители стран бывшего СССР составляли до 1/3 всех футболистов. В дальнейшем эти миграционные связи начинают ослабевать по нескольким причинам. С ростом общего уровня российского футбола и финансовых возможностей, выходцы из этих стран стали проигрывать конкуренцию футболистам из Европы и Южной Америки. С 2005 г. введен лимит на иностранных футболистов, который не делал различий в происхождении мигрантов. Футбольное хозяйство стран бывшего СССР развивалось меньшими темпами, чем в России, и не могло поставлять качественных футболистов в прежнем количестве. Даже современные изменения (отмена в 2020 г. ограничений для футболистов из стран ЕАЭС) заметно не увеличили их долю, составляющую в 2023 г. 18,3 %.

Несмотря на острые дискуссии о количестве иностранных футболистов и многочисленные трансформации ограничивающих правил, динамика числа мигрантов в российском футболе (рис. 1) скорее отражает ход экономического прогресса. Два максимума приходятся на 2005 и 2011 гг. между которыми оказался глобальный экономический кризис 2008 г. Не вдаваясь в анализ экономических показателей, отметим, что эти года характеризуются высоким темпом экономического роста. Снижение числа мигрантов в 2006–2010 гг. имеет под собой внутренний фактор – введение лимита на использование иностранных футболистов. Далее, виден кризис 2014 г., который снизил число иностранцев в российском футболе. С этого времени число мигрантов постоянно снижалось, достигнув в 2023 г. исторического минимума в 161 чел.

География международных миграционных потоков в российском футболе схожа с общемировой, но отличается на страновом уровне. Из европейских стран главными импортерами футболистов являются Сербия, Босния и Герцеговина и

Хорватия, имеющие на протяжении 20 лет постоянное представительство и среднюю суммарную долю около 15 % мигрантов.

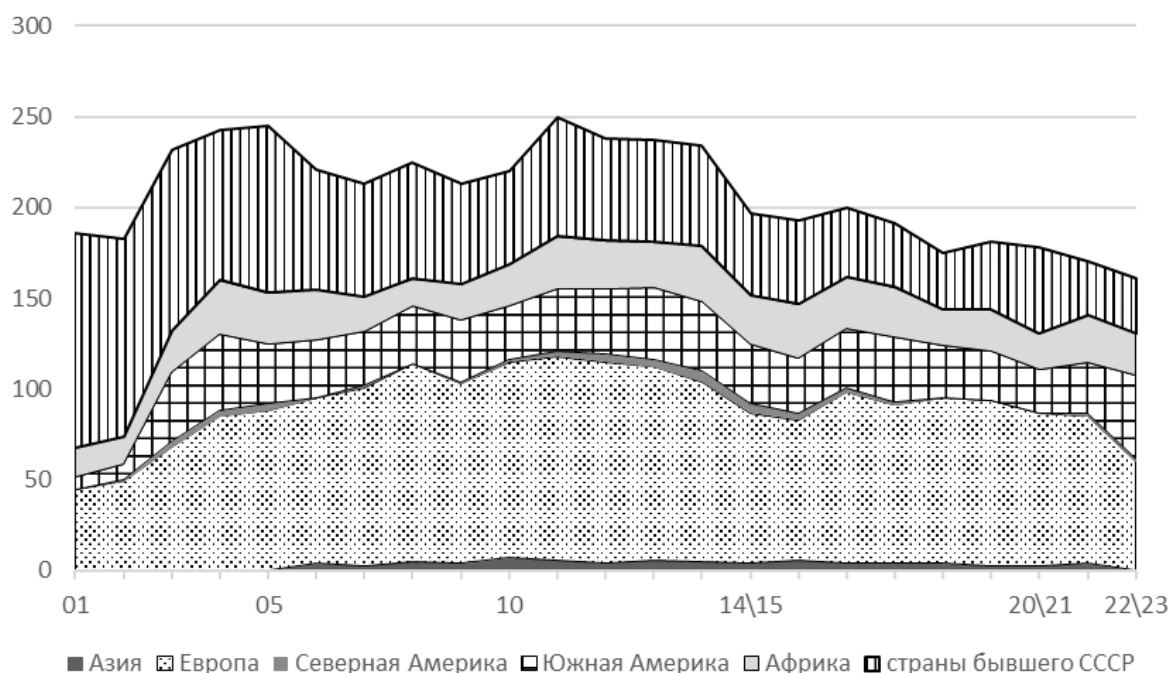

Рис. 1. Количество и региональное представительство иностранных футболистов в российском футболе в 2001–2023 гг. (составлен по [7])

Им несколько уступают Польша, Румыния, Болгария, Чехия и Словакия. Футбольную миграцию из остальных европейских стран можно назвать эпизодической. Из стран бывшего СССР лидерами по числу мигрантов выступают Украина и Беларусь, Грузия, Армения и Молдова. В Южной Америки находится главных футбольный импортер – Бразилия, являющаяся лидером по числу футболистов со средней долей в 10 %. Из африканских стран лидером выступает Нигерия, эпизодические миграционные связи устанавливались со странами Западной Африки.

Качество футбольного хозяйства любой страны определяет система подготовки доморощенных футболистов. Для изучения данного вопроса проанализированы карьеры российских футболистов, выступавших в сезонах 2001, 2010 и 2020–2021 гг. Исследовались место рождения и начального футбольного образования и выпускающая спортивная школа. Выделены регионы России, подготовившие не менее 10 российских футболистов хотя бы в одном из рассмотренных годов (рис. 2).

За 20 лет произошла территориальная трансформация системы подготовки – от полицентричной к моноцентричной. В 2001 г. главный футбольный центр – Москва. Остальные крупные центры уступают по количеству подготовленных футболистов в 4–5 раз.

Рис. 2. Главные центры подготовки футболистов высшего дивизиона в 2001, 2010 и 2020–2021 гг. (составлен по [10])

Как и в случае Москвы, они работают в основном за счет местных ресурсов. Российские футболисты получают футбольное образование по месту рождения, там же начинают профессиональную карьеру. В 2010 г. появляется тенденция, еще сильнее развившаяся к 2020–2021 гг. – централизация футбольной подготовки в Москве. Складывается география регионов-доноров футбольных талантов. Основные регионы сохраняют свои позиции. К 2020–2021 гг. тенденция достигает максимума – 60 % российских игроков высшего дивизиона являются воспитанниками московских клубов. Молодых футболистов в Москву поставляют все регионы России, даже имеющие свои сильные школы. За пределами Москвы крупными центрами остаются только Санкт-Петербург, Самарская область и Краснодарский край.

Таким образом, футбольные миграции имеют ярко выраженные территориальные черты. На международном уровне они отражают экономические связи страны и ее место в мировом футбольном хозяйстве. Их вектор быстро может меняться в результате различных внешних воздействий. Перемещения российских футболистов внутри страны укладываются в центростремительные тенденции миграции в России. Главные центры притяжения – Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Самарская и Московская области за счет наличия профессиональных клубов и академий высокого уровня.

Библиографический список

1. Elliott R., Harris J. Football and migration: perspectives, places, players. Routledge, 2014.
2. FIFA global transfer market report 2018. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/2f488488c4367b36/original/wtrsayyoponlu1tknvc-pdf.pdf>.

3. FIFA report. international transfer snapshot. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/2d3b5b32c3b965b9/original/International-Transfer-Snapshot-September-2023.pdf>.
4. International centre for sports studies CIES. URL: <https://football-observatory.com/Tool-Migration>.
5. Lanfranchi P., Taylor M. Moving with the ball: The migration of professional footballers. Oxford, 2001.
6. Maguire K. The price of football: understanding football club finance. Newcastle, 2020.
7. Transfermarkt. URL: <https://www.transfermarkt.com>.
8. Вермишова П.И., Климов С.Н., Сетин А.Н. Миграционные процессы в российском спорте // Теория и практика физической культуры. 2022. № 2.
9. Поли Р. Глобализация спорта (на материале футбола) // Наука в олимпийском спорте. 2013. № 4.
10. Статистический портал «Football facts». URL: <https://footballfacts.ru>.
11. Супрунчук И.П. Региональные особенности развития профессионального футбола в России // Современная Евразия: общественно-географический анализ. 2023.
12. Трансферная экономика бразильского футбола: куда и за сколько уезжают главные таланты, какие страны предпочитают сами игроки. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sirena/3199943.html?ysclid=lr0na1avhp89584477>.

I.P. Suprunchuk

SPATIAL ORGANIZATION OF SPORTS MIGRATION IN RUSSIAN FOOTBALL IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The article examines the spatial aspects of migrations of professional Russian football players. The features of international and domestic sports migration in football are considered. The periodization of migration processes in Russian football has been carried out since the beginning of the XXI century. The regions of Russia are identified as migration recipients and donors of high-level football personnel.

Key words: geography of sports, new directions of socio-economic geography, sports and physical culture, geography of football, sports migration.

Сведения об авторе

Супрунчук Илья Павлович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Высшая школа географии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета, ilia_suprunchuk@mail.ru.

УДК 911.3:312

А.Н. Тюрин

НАСЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. представлен пространственный анализ динамики численности населения в Оренбургской области. Информационной базой исследования стали

материалы Статистического управления по Оренбургской области, а также единая географическая база данных переписей населения на территории Оренбургской области. В ходе сравнительного анализа определены причины, влияющие на изменение демографической ситуации в регионе. Проанализированы и выявлены главные особенности и географические черты современной временной и пространственной динамики формирования населения Оренбуржья. Кроме того, определены факторы, вызывающие депопуляцию в Оренбургской области, и представлены основные демографические показатели.

Ключевые слова: Оренбургская область, депопуляция, демография, население, воспроизводство населения, этнический состав, трудовые ресурсы.

Население Оренбургской области проживает на территории между Европой и Азией, имеет численность 1 828,6 тыс. жителей (на 1 января 2024 г.) и соответствующую общероссийской половозрастную структуру [1].

Известный географ Н.Н. Баранский говорил, что мы не должны «забывать человека», и считал изучение населения главным разделом и основой географического образования.

В настоящее время в Оренбургской области наблюдается естественная убыль населения. Если сравнивать численность населения региона с начала XXI в., то она сократилась на 11 %. Эти изменения происходят в результате влияния воспроизводства населения, а также миграционных и этнокультурных процессов.

Лидером по численности населения является город Оренбург – 539 236 чел., на втором месте находится город Орск – 189 195 чел. и на третьем месте – Новотроицк, 75 910 чел.

Так, за 20 лет население Оренбургской области сократилось на 300 тыс. чел., что сопоставимо с населением такого города, как Орск. Именно поэтому изучение демографической ситуации имеет первостепенное значение для дальнейшего существования региона.

С 1998 г., когда население региона составляло 2,218 млн чел. (исторический максимум!), наблюдается тенденция к ежегодному сокращению численности населения. С этого момента количество жителей региона сократилось на 11 % – это 26-е место среди субъектов Российской Федерации, а плотность населения составляет 14,89 чел./км² [2].

Показатели рождаемости и смертности в Оренбургской области не были стабильными с начала 2000 г., но можно отметить, что естественный прирост населения пошел на убыль с 2013 г. и на сегодняшний день наблюдается естественная убыль населения, –0,7 ‰.

С уменьшением численности населения, а также увеличением продолжительности жизни меняется и численность трудоспособного населения, на долю которого приходится демографическая нагрузка. Так, если в 2010 г. численность населения трудоспособного возраста составляла 61,3 %, то на начало 2024 г. этот показатель снизился на 5,9 % и составил 55,4 %. В свою очередь, доля людей моложе трудоспособного возраста увеличилась с 17,4 % до

20 %, а старше трудоспособного возраста – с 21,3 % в 2010 г. до 24,6 % в 2023 г. [3].

Таким образом, наблюдается увеличение трудовой нагрузки на экономически активное население. В Оренбургской области на 1000 жителей трудоспособного возраста приходится 828 человек трудоспособного возраста, из них 368 – дети и подростки, а 460 – старше трудоспособного возраста. Это отличается от демографической нагрузки в среднем по России, где на 1000 жителей приходится всего 757 человек нерабочего возраста [4].

Положительный коэффициент естественного прироста в 2012–2015 гг. изменился с 2016 года на отрицательный. Кроме того, численность населения региона продолжает сокращаться из-за миграционных потерь: «минус» 3,5–4,5 чел. на 1000 жителей, в первую очередь из-за отрицательной разницы в межрегиональной миграции.

За период 2005–2019 гг. динамика роста рождаемости относительно высока (38,1 %), что превышает аналогичные показатели в среднем по России (30,3 %) и Приволжскому федеральному округу (35,7 %), однако темпы снижения смертности за этот период незначительны (7,8 %). Это значительно меньше, чем в среднем по Российской Федерации (18,6 %) и по Приволжскому федеральному округу (15,2 %).

Основными причинами смертности в Оренбургской области являются сердечно-сосудистые заболевания (сердечная недостаточность, инфаркт, инсульт) и онкологические заболевания. Очень высока доля смертей (12–13 %), как в России, так и в регионе, от неестественных причин, особенно среди мужского населения: самоубийства (80 %), убийства (76 %), отравления алкоголем, передозировки наркотиками, смерти на производстве и в результате несчастных случаев. Поэтому сегодня наблюдается такая заметная разница в продолжительности жизни: у мужчин она в среднем составляет 65,5 лет, у женщин – 76,2 года [5].

У определенной части мужского населения нашей страны и региона еще не до конца сформировались традиции здорового образа жизни. Небрежное отношение к собственному здоровью определяет высокий уровень алкоголизма, смертности от несчастных случаев. Сверхсмертность мужчин негативно сказывается на благополучии женщин, повышает вероятность вдовства, резко сужает диапазон выбора достойного супруга [6].

Исторически сложилось так, что основными и доминирующими народами Оренбургской области являются славянские, тюркские и финно-угорские народы. Заселение и экономическое освоение обширного региона выходцами из Центральной России и Поволжья, с одной стороны, соседство с районами традиционного проживания татар, башкир, казахов, чувашей, с другой стороны, наложили своеобразный отпечаток на национальный состав населения региона [7].

Полиэтничность населения Оренбургской области связана как с миграциями, которые основательно изменили этнический состав населения отдельных территорий Оренбургской области. Например, в период освоения целинных земель в восточной части Оренбургской области, исторически сложившихся районах расселения казахов, резко возросла доля славянского

населения, в первую очередь русского. Так же наблюдается рост тюркоязычного населения, прежде всего в ряде сельских районов (Асекеевский, Ясненский, Домбаровский) [8].

По состоянию на 1 января 2024 г. этнический состав населения Оренбургской области был следующим:

1. Русские – 75,9 %,
2. Татары – 7,6 %,
3. Казахи – 6,0 %,
4. Украинцы – 2,5 %,
5. Башкиры – 2,3 %,
6. Мордва – 1,9 %,
7. Немцы – 0,6 %,
8. Чуваши – 0,6 %,
9. Армяне – 0,5 %,
10. Азербайджанцы – 0,4 %,
11. Белорусы – 0,3 %,
12. Другие народы – 1,4 %.

В результате длительного процесса исторического развития и заселения Оренбургской области сформировалась современная демографическая картина. Исследование показало, что средняя продолжительность жизни в Оренбургской области значительно увеличилась с 2005 г., но, как и в других регионах России, этот уровень остается низким по сравнению с экономически развитыми странами мира. Как в России в целом, так и в нашем регионе заметны различия в количестве представителей мужского и женского пола в возрастном составе населения. Так, если в младших возрастных группах наблюдается значительный перевес в мужскую сторону, то после 30–35 лет, из-за более высокой смертности среди мужчин, количество женщин увеличивается.

Библиографический список

1. Герасименко Т.И., Филимонова И.Ю. Этнокультурная география Оренбургской области. Оренбург, 2009.
2. Семенов Е.А., Герасименко Т.И., Ахметов Р.Ш. Современная геодемографическая ситуация в Оренбургской области // Инновационные процессы в области химико-педагогического и естественнонаучного образования. Оренбург, 2012.
3. Тюрин А.Н. Население Оренбургской области: естественное движение, половозрастной состав // Московский экономический журнал. 2019. №10. URL: [https://qje.su/экономическая теория/московский экономический журнал-10-2019-72](https://qje.su/экономическая%20теория/московский%20экономический%20журнал-10-2019-72).
4. Тюрин А.Н. Современная демографическая ситуация в Оренбургской области // Географические исследования Сибири и сопредельных территорий. Иркутск, 2019.
5. География Оренбургской области. Население и экономика / Н.А. Иванищева, Е.А. Семенов, О.Б. Попова, А.Н. Тюрин, Т.В. Чибилева. Оренбург, 2019.
6. Ахметов Р.Ш., Филимонова И.Ю., Ахметова Н.И. Динамика расселения населения в зоне российско-казахстанской границы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2020. № 2.
7. Соколов А.А. Территориальный анализ распределения и сдвигов численности населения в степной зоне России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2016. №.1.

8. Чибилёв А.А. (младший), Семенов Е.А., Григорьевский Д.В. Проблемы и специфика сельского расселения в Оренбургской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2016. № 1.

A.N. Tyurin

POPULATION OF THE ORENBURG REGION

Abstract. A spatial analysis of population dynamics in the Orenburg region is presented. The information base of the research was the materials of the Statistical Office for the Orenburg region, as well as a unified geographical database of population censuses in the Orenburg region. In the course of the comparative analysis, the reasons influencing the change in the demographic situation in the region are determined. The main features and geographical characteristic of the modern temporal and spatial dynamics of the formation of the population of Orenburg region are analyzed and identified. In addition, the factors causing depopulation in the Orenburg region are identified and the main demographic indicators are presented.

Key words: Orenburg region, depopulation, demography, population, population reproduction, ethnic composition, labor resources.

Сведения об авторах

Тюрин Александр Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, Оренбургский государственный педагогический университет, turin55@rambler.ru.

УДК 314(571.54)

Ч.Б. Урбанова, Ц.Д. Гончиков, Б.Б. Цыденов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются демографические процессы в Республике Бурятия. Анализ проблемы ведется на основе данных переписей населения с 1923 по 2022 гг. Рассмотрены изменения численности, половозрастной, урбанизации населения и факторы, обуславливающие эти процессы. Сделан вывод о снижении демографического развития и нарастания проблемной ситуации в республике в настоящее время, выражающейся в усилении диспропорции половозрастной структуры, миграционном оттоке.

Ключевые слова: демография, Республики Бурятия, естественный прирост, урбанизация, половозрастная, миграция.

Республика Бурятия принадлежит к малозаселенным и неравномерно заселенным территориям. Численность населения Республики Бурятия по данным статистики на 2023 г. составляет 974628 чел., в том числе городского –

576,0 тыс. чел. (59,1 %) и сельского – 398,6 тыс. чел. (40,9 %). Бурятия занимает 53 место среди субъектов Российской Федерации.

Со времени образования республики за прошедшее столетие численность населения увеличилась почти в 3 раза: с 349,8 тыс. чел. в 1923 г. до 974,6 тыс. чел. в 2023 г. (рис. 1).

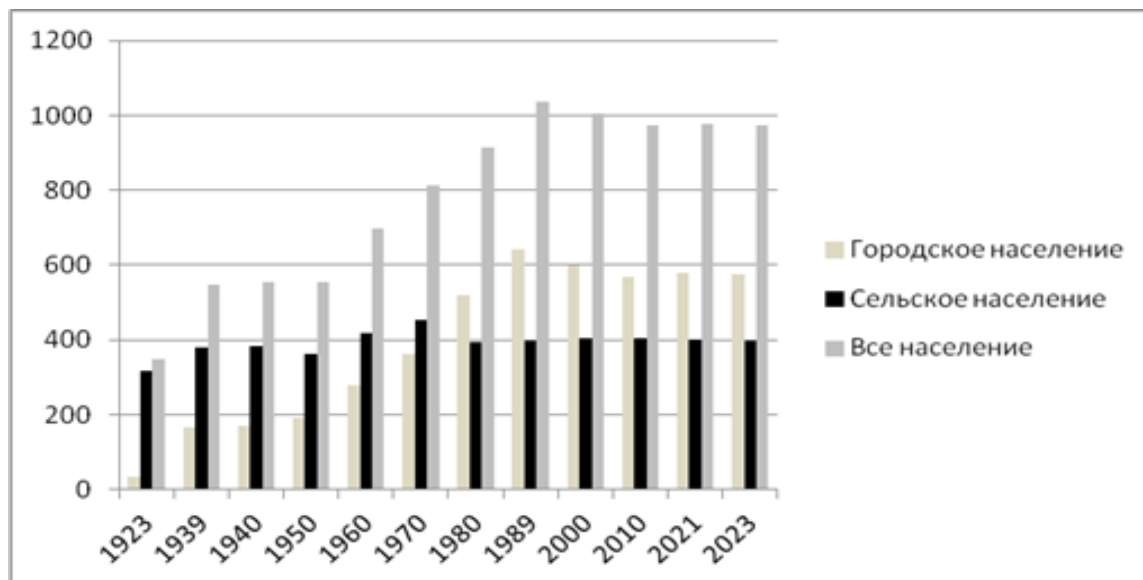

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Бурятия [1–4]

Рост численности населения Бурятии наблюдался в довоенный период и особенно в послевоенные периоды. В начале 1990-х гг. численность населения Бурятии достигла своего максимального значения, затем наблюдалась тенденция к снижению. В связи с изменением демографических условий, принятая в 2006 г. Правительством РФ демографическая политика способствовала некоторой стабилизации ситуации.

В XX в. естественный прирост населения обеспечивался за счет превышения рождаемости над смертностью (рис 2). Наибольший естественный прирост населения наблюдался в годы предвоенных пятилеток 1936–1940 гг. Наименьший естественный прирост статистически характерен для 1943 г. (–3188) во время Великой Отечественной войны. Далее выделяется, так называемый послевоенный «бэбби-бум» (1945–1950 гг.) затем его демографические последствия (1960, 1970, 1980 гг.) вплоть до развала СССР с тенденцией к снижению естественного прироста населения. В 1990–2022 гг. в результате резкого снижения рождаемости и постепенного повышения доли пожилых возрастов возникла неблагоприятная демографическая ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке развивалась под воздействием глубокого экономического кризиса и деградации социальной сферы.

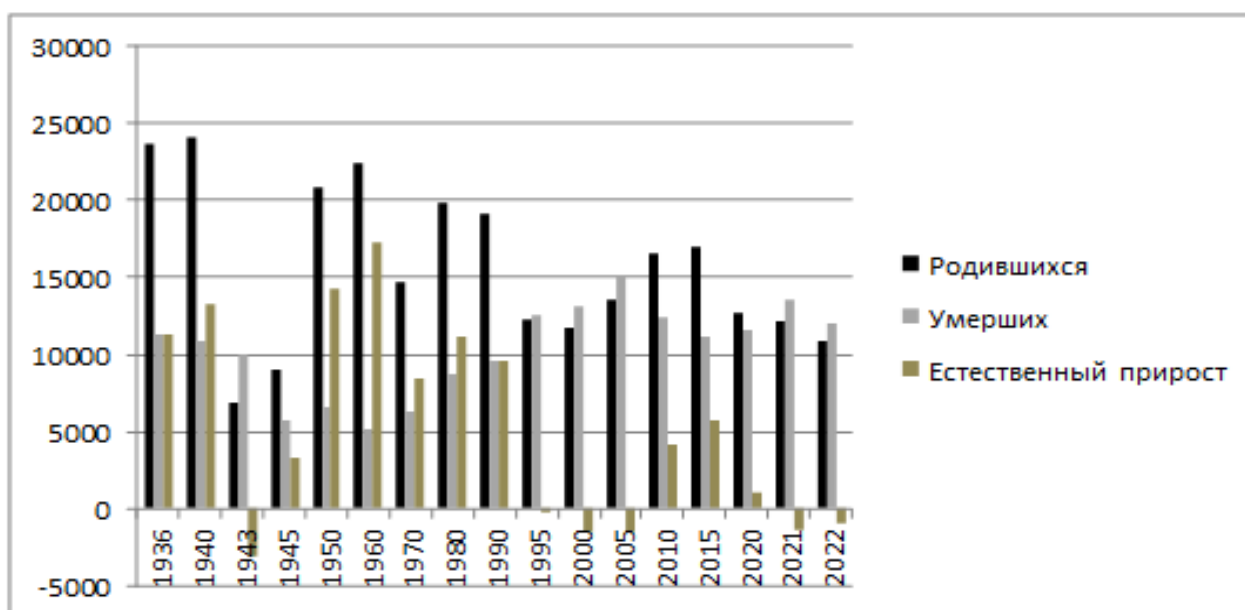

Рис. 2. Естественное движение населения [1–4]

В результате индустриализации республике происходил интенсивный процесс роста численности городского населения. За период с 1923 по 2022 гг. Доля горожан выросла с 9 % до 59 %, то есть более чем в 6,5 раз [1]. Максимальная численность населения в республике была отмечена в 1992 г. – 1052 тыс. чел. За постсоветский период в результате сокращения промышленности производства и оттока мигрантов (1990–2022 гг.) численность населения республики сократилась на 73,5 тыс. человек или на 7,0 %, при этом в городской местности – на 75,5 и увеличилась в сельской – на 2,0 тыс. чел.

Миграционный прирост населения в республике, наблюдавшийся в 1980-х гг. прошлого столетия, с начала 1990-х гг. сменился его оттоком. За период с 1990 по 2022 гг. миграционный отток населения из республики составил 91,8 тыс. чел., который частично (на 59,3 тыс. чел.) был компенсирован естественным приростом населения (табл. 1). Миграционный отток населения, который продолжается и в настоящее время, происходит, в основном, в регионы Сибирского, Центрального, Северо-Западного федеральных округов.

Таблица 1

Миграция населения [1–3]

	2010	2011	2013	2015	2018	2019	2022
Прибывшие, чел.	6324	9363	12327	14163	13277	16117	13489
Из других регионов		8873	11755	13118	12863	13104	11356
из зарубежных стран		490	572	1045	414	3013	2133
Выбывшие, чел.	9768	13718	15906	16169	17854	15080	15776
в другие регионы		13636	15777	15793	17025	14276	13353
в зарубежные страны		82	129	376	829	804	2423
Миграционный прирост (+), убыль (-), всего	-2917	-4355	-3579	-2006	-4577	-1037	-2287
между регионами		-4763	-4022	-2675	-4162	-1172	-1997
обмен населения с зарубежными странами		408	443	669	-415	2209	-290

Миграционные оттоки населения в последнее десятилетие составляют ежегодно от 2287 до 4600 чел., что достаточно ощутимо для Республики Бурятия. В структуре и характере территориальных перемещений населения в последнее время наблюдаются принципиально новые тенденции. Ухудшение социально-экономических условий в республике способствует массовому выезду населения в другие более экономически развитые регионы Российской Федерации, а также за границу. В этой связи закономерным явлением становится резкое сокращение миграционного притока в Бурятию.

Общая миграционная активность населения, связанная с республикой, где принимают участие жители и других регионов, достаточно высока. Однако при этом отток населения за пределы республики стабильно увеличивается, особенно с 2000 г., за счет мобильной части населения – молодежи и высокопрофессиональных специалистов, выезжающих в основном в западные регионы России. Преобладают в основном трудоспособные возрастные группы в пределах 75–86 % от их общего количества. При этом среди выбывших рабочие возрастные группы больше на 5–8 %, чем среди прибывших, что означает серьёзные потери трудовых ресурсов. Среди выбывших мигрантов доля людей репродуктивного возраста (16–29 лет) в 2010–2022 гг. составляет 55–75 %, в то время как среди прибывших – всего 50–55 %, т.е. прибывшие не компенсируют выбывших в этой возрастной группе.

Для республики характерно отрицательное сальдо миграции. Миграционная связь республики с зарубежными странами незначительная и имеет положительное сальдо, исключение составило 2018 г., 2022 г.

Внутриреспубликанский сегмент миграция имеет четко выраженный центростремительный характер. В Улан-Удэ и прилегающих к столице 3 районах (Иволгинский, Тарбагатайский, Заиграевский) наблюдается миграционная активность и положительное сальдо.

Половозрастная структура. По данным переписи 2020 г., по состоянию на 1 октября 2021 г., численность женщин в республике превышает численность мужчин на 60,9 тыс. чел. В 2010 г. это превышение составляло 47,4 тыс. чел. Ухудшение соотношения полов происходит из-за высокой смертности мужчин трудоспособного возраста. В среднем по республике на 1000 мужчин приходится 1 133 женщины, в 2010 году – 1102 женщины. По данным переписи преобладание женщин над численностью мужчин отмечается с 25-летнего возраста.

Заметные изменения произошли и в возрастном составе населения. По итогам переписи 2020 г. средний возраст жителей республики увеличился на 1,8 года и составил 36,8 лет (в 2010 г. – 35,0). Самыми «молодыми» по среднему возрасту являются жители Иволгинского (32,4 лет), Окинского (33,0) и Еравнинского (35,4) районов. С самым высоким средним возрастом являются жители Кабанского (40,7 лет), Северо-Байкальского (40,5) и Бичурского (38,9) районов.

Таким образом, продолжающийся процесс демографического старения населения в Бурятии привёл по сравнению с данными переписи 2010 г., к увеличению численности населения старше трудоспособного возраста на 21,2 %,

в то время как численность населения трудоспособного возраста, напротив, сократилась на 9,4 %. Негативной тенденцией является интенсивный отток населения в другие регионы снижение уровня рождаемости в республике, что в будущем может сказаться на социально-экономическое развитие региона.

Библиографический список

1. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <http://burstat.gks.ru>.
2. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/history_2.pdf.
3. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5619751>.
4. Территориальный орган государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/vpn2020>, 2022.

Ch.B. Urbanova, Ts.D. Gonchikov, B.B. Tsydenov

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. The article examines demographic processes in the Republic of Buryatia. The problem is analysed based on data from the population censuses from 1923 to 2022. The changes in the number, age, and urbanization of the population and the factors contributing to these processes are considered. The conclusion is made about the decrease in demographic development and the increase in the problematic situation in the republic at the present time, expressed in an increase in the imbalance of the gender and age structure, migration outflow.

Key words: demography, the Republic of Buryatia, natural growth, urbanization, age and gender, migration.

Сведения об авторах

Урбанова Чимит Болотовна, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, chimita76@gmail.com.

Гончиков Цыбен Дашицыренович, кандидат географических наук, профессор кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ek-geo@bsu.ru.

Цыденов Баир Баясхаланович, аспирант 3 года обучения, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ek-geo@bsu.ru.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции изменения показателей демографической нагрузки на население трудоспособного возраста на территории Якутии за период 2010–2023 гг. Проанализированы факторы, способствующие росту демографической нагрузки и диспропорции возрастной структуры населения республики. Составлены карты, характеризующие половозрастную структуру и другие демографические характеристики (средний возраст населения, демографическая нагрузка, ожидаемая продолжительность жизни и др.). Определены территориальные особенности демографической нагрузки на муниципальном уровне на 2023 г.

Ключевые слова: население, демографическая нагрузка, трудоспособное население, нетрудоспособное население, возрастная структура, Республика Саха (Якутия).

Изменение численности населения является важнейшим показателем социально-экономического развития, являясь основным источником трудовых ресурсов региона. Демографическую нагрузку можно рассматривать как характеристику демографического старения населения. Определение его коэффициентов позволяет оценить демографическую ситуацию и определить соотношение численности населения нетрудоспособного возраста к численности населения трудоспособного возраста [1]. Считается, что население демографически молодо, когда нагрузка детей на трудоспособное население превышает нагрузку пожилых людей, и наоборот, в случае преобладания нагрузки пожилых людей оно демографически старое.

По мнению И.М. Яковенко, «картографический метод исследования сохраняет важнейшие позиции в арсенале методов общественной географии как метод, наиболее полно передающий пространственную структуру социально-экономических систем разного типа и ранга» [2]. Использование картографического метода позволяет четко понять и выявить взаимное влияние пространственных и временных изменений в социально-демографических процессах. Картографирование половозрастной структуры и других демографических характеристик (средний возраст населения, демографическая нагрузка, ожидаемая продолжительность жизни и др.) относится к группе карт демографической структуры населения [3]. Способы изображения карт, характеризующих население, обычно не отличаются разнообразием и отображаются в основном с помощью картограмм и картодиаграмм [4].

Необходимость изучения демографической нагрузки в территориальном аспекте приобретает наибольшую актуальность для территории Республики Саха (Якутия), что в первую очередь обусловлено особенностями современного социально-экономического развития региона. Территория самой республики

характеризуется малонаселенностью и неравномерностью расселения, где значительная часть населения республики проживает в центральных районах Якутии. Благодаря сохранению относительно высоких показателей рождаемости, Якутия в 2023 г. находится на седьмом месте среди всех субъектов Российской Федерации и на первом месте среди регионов Дальневосточного федерального округа по темпам естественного прироста. В то же время следует отметить, что с 2015 г. наблюдается тенденция к снижению темпов роста рождаемости и увеличению показателей смертности. Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 чел.) снизился с 8,2 в 2015 г. до 2,5 в 2023 г.

Наметилась устойчивая тенденция к увеличению среднего возраста населения республики. Так, по данным Сахастана [5], средний возраст населения республики в рассматриваемый период составил на начало года: в 2010 г. – 32,1; в 2015 г. – 33,7; в 2023 – 35,2 года. Средний возраст жителя Якутии за 13 лет увеличился на 3,3 года (с 31,9 до 35,2 лет), в то время как для мужчин – на 2,8 года (с 30,7 до 33,5 лет). Однако по сравнению с аналогичными показателями по Российской Федерации в целом, где средний возраст жителей на 6 лет превышает средний возраст жителей республики, население Якутии можно охарактеризовать как относительно молодое.

Изменения в возрастной структуре сильно влияют на демографическую нагрузку населения трудоспособного возраста. Коэффициент общей демографической нагрузки в Республике Саха (Якутия) увеличился с 2010 по 2023 гг. на 123 чел. на 1000 жителей. В отличие от Российской Федерации в целом и Дальневосточного федерального округа, где преобладает нагрузка людьми пенсионного возраста, по республике преобладает нагрузка детьми и подростками, что говорит о разных уровнях демографического старения населения. В 2023 году он составил 664 на 1000 трудоспособного населения (что ниже аналогичного показателя по Российской Федерации – 741 на 1000 чел.), в том числе нагрузка людьми моложе трудоспособного возраста – 401 и людьми старше трудоспособного возраста – 263 чел.

В разрезе муниципальных образований самые низкие показатели демографической нагрузки наблюдаются в районах с промышленной специализацией, где люди обычно временно селятся, на период работы. Это районы: Мирнинский (самый низкий показатель демографической нагрузки – 507), Алданский (615), Нерюнгринский (615), Булунский (596). К числу территорий, имеющих наиболее высокие значения показателя демографической нагрузки, относятся районы сельскохозяйственной специализации, расположенные в центральной и восточной части республики: Сунтарский (884), Таттинский (880), Момский (877), Среднеколымский и Амгинский (871), Чурапчинский (869), Нюрбинский (865), Горный (864) и др.

Большая часть общей демографической нагрузки приходится на детей и подростков. Так, в районах республики с чисто промышленной специализацией (Алданский (308), Мирнинский (316), Нерюнгринский (325)) показатель ниже, чем в среднем по региону. В аграрно-промышленных (Нюрбинский, Вилюйский, Анабарский и т.д.) демографическая нагрузка выше, чем в промышленных

районах республики. Самые высокие показатели наблюдаются в сельскохозяйственных районах: Таттинский (524), Амгинский (527), Анабарский (546), Горный (557), Жиганский (552), где рождаемость традиционно выше.

В республике с 2010 г. по 2023 г. число пожилых людей на 1000 чел. трудоспособного населения увеличилось с 201 до 274. Нагрузка пожилых людей на население трудоспособного возраста в районах с различной специализацией имеет одинаковую тенденцию: в промышленных районах она несколько ниже, в аграрно-промышленных и сельскохозяйственных – выше. Для районов с аграрно-промышленной специализацией (Усть-Майский (367), Нюрбинский (346), Вилуйский (308) коэффициент нагрузки на трудоспособное население детьми выше, чем в районах с промышленной специализацией. В районах с чисто сельскохозяйственной специализацией Среднеколымский (391), Момский (330), Амгинский (343), Абыйский (324) данный показатель больше в 1,3 раза, чем в промышленных районах.

Коэффициент нагрузки на трудоспособное население имеет существенные различия городским и сельским населением. Показатели коэффициента нагрузки на трудоспособное население детьми в сельской местности превышает аналогичные показатели в городах примерно в 1,8 раз. Коэффициент нагрузки трудоспособного населения пожилыми имеет такую же тенденцию, в городах этот коэффициент несколько ниже, чем в сельской местности.

На увеличение демографической нагрузки на население трудоспособного возраста влияет множество различных факторов. Особенности заселения и хозяйственного освоения обусловили гендерное и возрастное соотношение населения республики. Тенденция к снижению численности людей моложе трудоспособного возраста, в будущем будет определять уровень рождаемости и прибыли/убыли естественного прироста в регионе. Одной из причин снижения темпов рождаемости в последние годы является изменение демографического поведения населения в отношении количества детей в семье, малодетность. Увеличение числа людей пенсионного возраста приводит к увеличению нагрузки на бюджет и должен учитываться при формировании государственной региональной политики.

Библиографический список

1. Кадочникова Е.И., Варламова Ю.А. Статистический анализ пространственных данных. Казань, 2023.
2. Яковенко И.М. Тенденции использования картографического метода в отечественных общественно-географических исследованиях // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. №3.
3. Бажукова Н.В., Балина Т.А., Чекменева Л.Ю. Картографирование демографических процессов: традиции и современность // Геодезия и картография. 2020. Т. 81, № 11. С. 9-19. DOI 10.22389/0016-7126-2020-965-11-9-19.
4. Баширов В.Р. Совершенствование методики картографирования системы расселения населения России: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 25.00.33. М., 2017.
5. Сахастат. URL: <http://sakha.gks.ru>

DEMOGRAPHIC BURDEN IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): SPATIAL ANALYSIS

Abstract. The article examines the trends in the indicators of demographic burden on the working-age population in the territory of Yakutia for the period 2010-2023. The factors contributing to the growth of the demographic burden and the disproportion of the age structure of the population of the republic are analyzed. Maps have been compiled that characterize the gender and age structure and other demographic characteristics (average age of the population, demographic burden, life expectancy, etc.). The territorial features of the demographic burden at the municipal level for 2023 have been identified.

Key words: population; demographic burden; able-bodied population, disabled population, age structure, Republic of Sakha (Yakutia).

Сведения об авторе

Федорова Алла Семеновна, старший преподаватель, Эколого-географическое отделение ИЕН ФГАОУ ВО Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Fedas78@mail.ru.

УДК 314.18

Н.В. Яковенко

РОЖДАЕМОСТЬ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Демографическая ситуация является отражением основных тенденций в общественной и экономической жизни и может служить индикатором развития страны и ее регионов. В Воронежской области наблюдается снижение уровня рождаемости, причем коэффициент рождаемости остается ниже среднероссийских значений. Существующая демографическая ситуация указывает на то, что уровень смертности превышает уровень рождаемости, а также на преобладание женщин в населении с определенным превышением числа родившихся мужчин. Отмечается рост доли пожилого населения, увеличение городского населения и активности миграции.

Ключевые слова: рождаемость, Воронежская область, меры демографической политики.

Демография фокусируется на процессах фертильности, смертности и миграции, и среди них фертильность, пожалуй, является наиболее обширной и всеобъемлющей теоретической основой. Демография определяется численностью населения и ее изменениями. Классическая теория

демографического перехода предполагала, что рождаемость снизится с высоких уровней и стабилизируется на уровне воспроизводства примерно 2,1 ребенка на женщину.

Тем не менее, почти половина населения земного шара в настоящее время проживает в странах с общим коэффициентом рождаемости ниже 2,1 ребенка на женщину [1]. Между тем, во многих странах Восточной Азии, Южной Европы и некоторых частях Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы фертильность еще ниже: СКР периода составляет 1,0–1,4, а полный размер семьи – 1,4–1,6 рождений на женщину, родившуюся в середине 1970-х гг. Традиционное развитие и географические границы были размыты, и во всех основных регионах мира, за исключением Африки к югу от Сахары, в настоящее время наблюдается устойчивый спад в сторону низкой рождаемости.

По прогнозам, к 2050 г. более двух третей населения земного шара будет проживать в стране с коэффициентом рождаемости ниже 2,1 ребенка на женщину [1].

В России демографический кризис является серьезной и опасной проблемой для страны. Показатели рождаемости остаются высокими в некоторых республиках Северного Кавказа, а также в Алтайской, Бурятской, Тувинской и Якутской республиках, где сохраняются элементы традиционного общества и наблюдается отличная от среднероссийской ситуация. Тем не менее, большинство регионов страны характеризуется низким уровнем естественного прироста населения, а также сокращением численности населения во многих субъектах [2].

В регионах с преобладанием русского населения рост населения происходит в основном за счет миграции. Население в столицах и нефтедобывающих регионах Западной Сибири продолжает расти, но прирост осуществляется в основном за счет трудовых мигрантов - как внутренних, так и внешних, а также за счет их семей и детей, рожденных на новом месте жительства.

С 1991 года Воронежская область, подобно большинству других субъектов Российской Федерации, начала переживать депопуляцию — процесс, при котором количество умерших превышает количество новорожденных [3]. Население области начало уменьшаться задолго до начала этого процесса в других регионах России. Воронежская область расположена в Центральном Федеральном округе, где, в отличие от других округов, отсутствуют регионы с естественным ростом населения.

Численность населения Воронежской области продолжает сокращаться уже в течение пяти лет подряд. На начало 2022 г. общая численность населения составила 2284,7 тыс. человек (не включая данные, Всероссийской переписи населения 2020 года) [4, 5] (рис. 1).

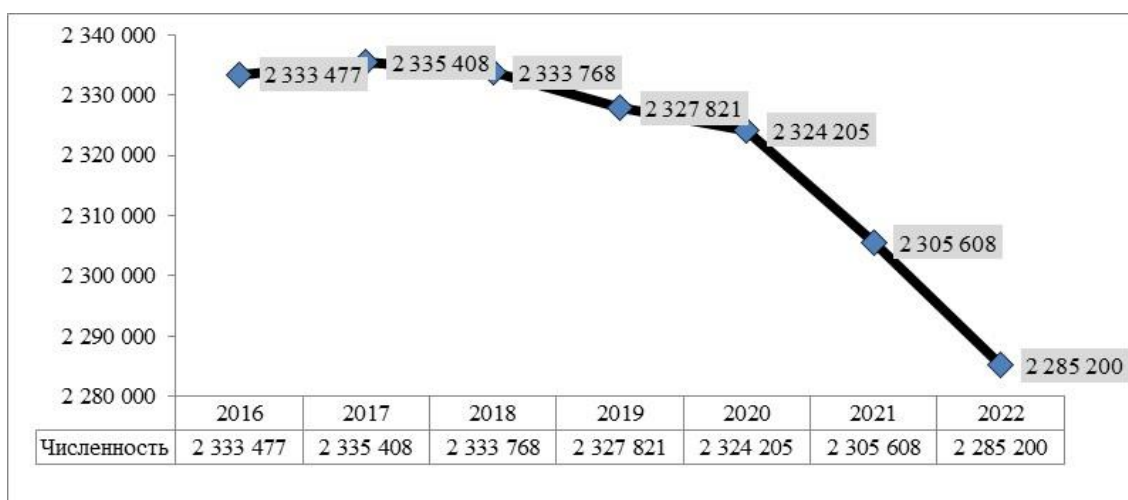

Рис. 1. Динамика численности населения Воронежской области, чел. (сост. по [5])

Численность постоянного населения Воронежской области уменьшалась не в первый раз. Наиболее высокого уровня, 2424,9 тыс. чел., население области достигло к началу 1995 г. С 1991 г. было зарегистрировано убыль населения – первый раз после войны, когда начались регулярные статистические наблюдения (рис. 2).

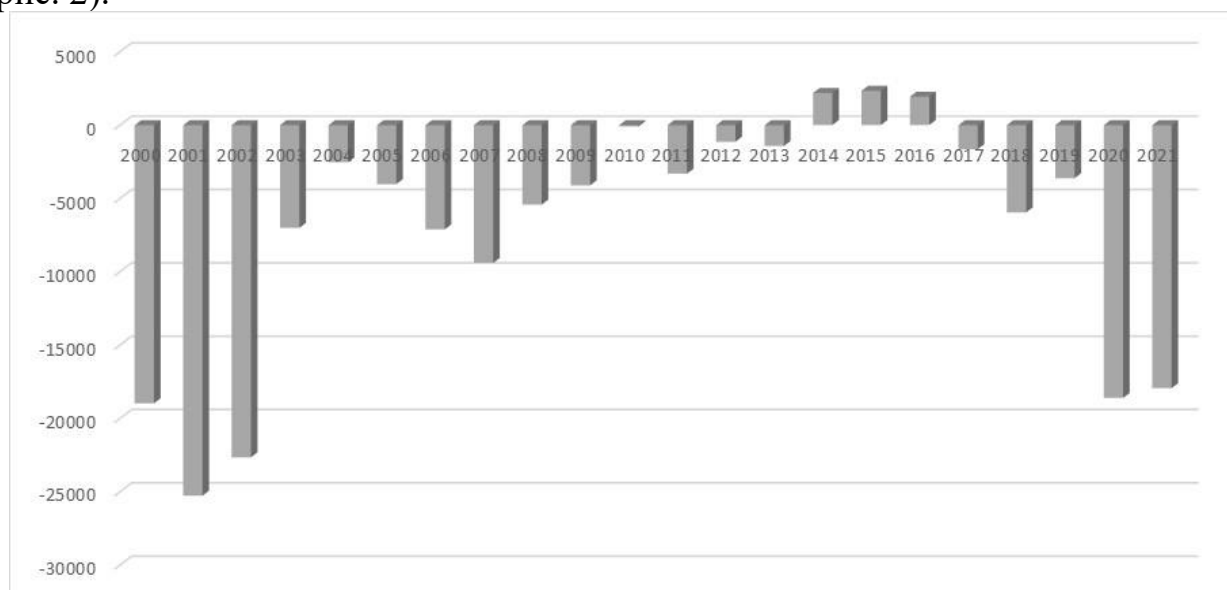

Рис. 2. Динамика убыли населения Воронежской области, чел. (сост. по [5])

После небольшого роста в 1993–1995 гг. убыль стала постоянной – население Воронежской области уменьшалось до 2015 г. В этот период численность населения составила 2328,9 тыс. чел. (на 166 тыс. чел. (3,9 %) меньше по сравнению с началом 1993 г.

В период с 2015 по 2017 гг. население немного увеличилось после 19 лет непрерывной убыли. Однако с 2018 г. началась дальнейшая убыль населения из-за сложившейся половозрастной структуры. В 2020–2021 гг. распространение нового коронавируса существенно ускорило рост избыточной смертности и дополнительно увеличило темп снижения численности населения Воронежской области (рис. 3).

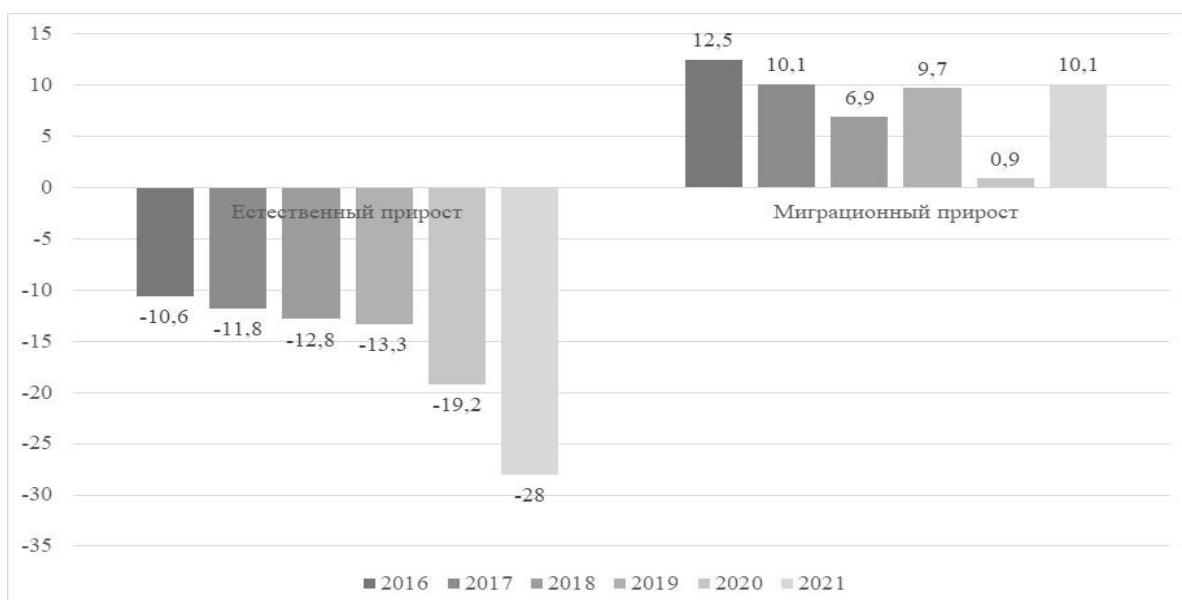

Рис. 3. Компоненты изменения общей численности населения (сост. по [5])

На изменение численности населения Воронежской области в период с 2016 по 2021 гг. оказали влияние два фактора: отток населения из естественных причин и положительный эффект миграции, который частично компенсировал убыль. На рисунке 4 показано изменение численности населения по сравнению с 2016 г. по областям Центрального федерального округа. Рассматривая Воронежскую область на фоне других субъектов, отметим, что по численности населения она занимает 22-е место в Российской Федерации и 3-е место среди субъектов Центрального федерального округа (после города Москвы и Московской области).

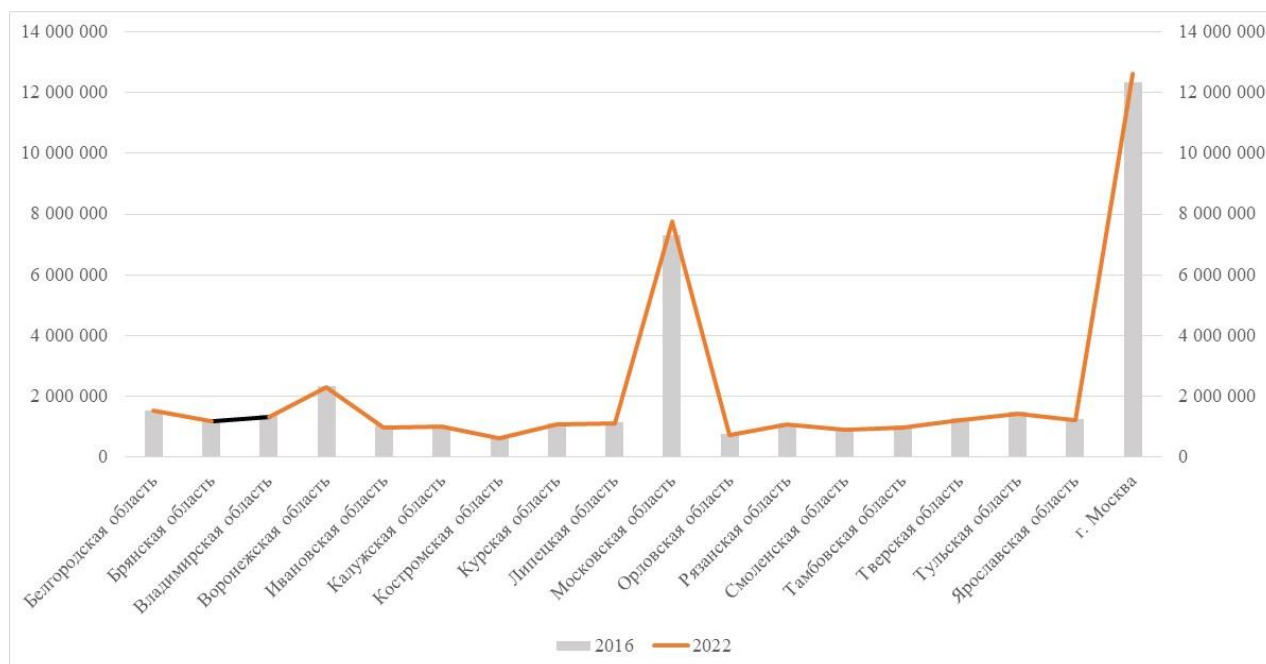

Рис. 4. Динамика численности населения по субъектам Центрального федерального округа (сост. по [5])

За период 2016–2022 гг. численность постоянного населения в Воронежской области сократилась на 45,8 тыс. чел. (2 % от общей численности). В городских поселениях численность уменьшилась на 8,8 тыс. чел. (0,6 %), а в сельской местности уменьшилась на 38 тыс. чел. (4,8 %). (рис. 5).

К началу 2022 г. городское население Воронежской области составляло 1558,1 тыс. чел., 68,1 % от общей численности, в то время как сельское население составляло 729,6 тыс. чел. или 31,9 % (рис. 5). Уровень депопуляции сельского населения Воронежской области был выше из-за более высокого процента людей в возрасте 65 лет и старше, который составил 20,6 % на начало 2022 г.

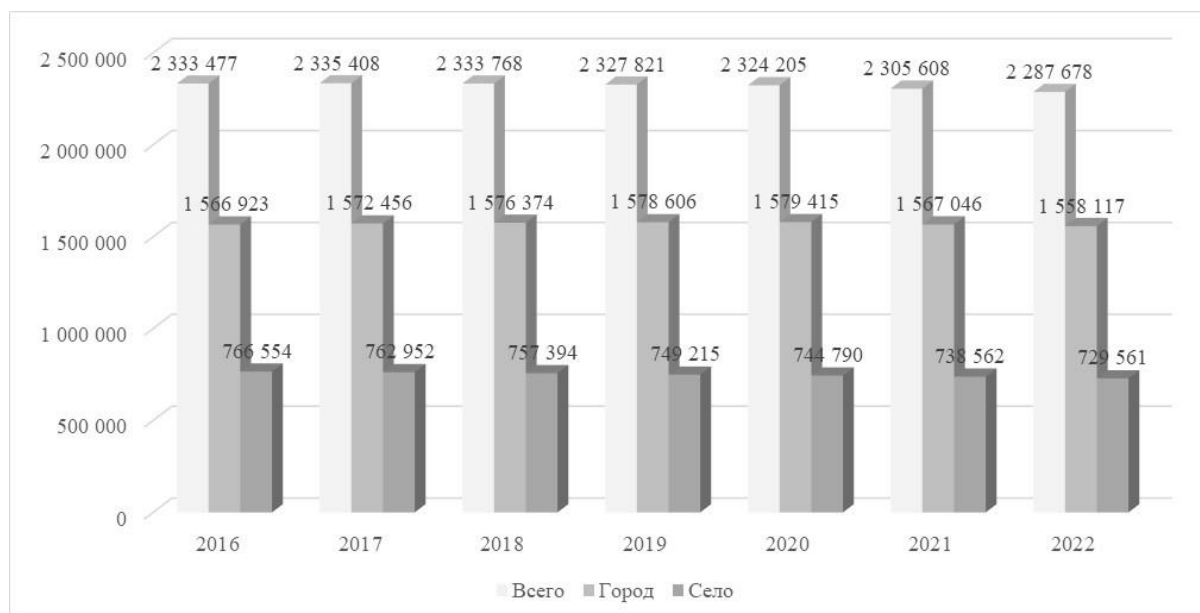

Рис. 5. Динамика численности населения в городских и сельских поселениях Воронежской области, тыс. чел. (сост. по [5])

Таким образом, основные демографические проблемы в Воронежской области включают в себя убыль численности населения, особенно в сельской местности, постоянное превышение смертности над рождаемостью, увеличение естественной убыли населения, снижение доли женщин репродуктивного возраста, отсрочка вторых рождений и снижение показателя ожидаемой продолжительности жизни.

Для смягчения существующих тенденций по снижению абсолютного числа рождений необходимо:

1. При предоставлении мер социальной поддержки при рождении ребенка необходимо снизить критерии нуждаемости (вне зависимости от его очередности).

2. Принять новые стимулирующие меры, направленные на поддержку многодетных семей. В том числе, ускорить процесс принятия федерального закона о правовом статусе многодетных семей.

3. Разработать стандарт уровня жизни многодетной семьи. При этом региональные демографические меры, соответствующие Стандарту, учитывать при определении расчётного объёма «модельных бюджетов» регионов.

Указанные меры должны носить целевой характер с позиции стимулирования рождений, что позволит частично компенсировать снижение численности женщин детородного возраста и создать предпосылки для безусловного исполнения главной национальной цели - обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации.

Библиографический список

1. UNDESA. World population policies 2021: policies related to fertility. UNDESA. 2021. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/world-population-policies-2021-highlights>.
2. Яковенко Н.В. «Качество жизни населения» как научная категория демографии // Экология урбанизированных территорий. 2007. № 1.
3. Устойчивость социально-экономического развития муниципальных образований Воронежской области / Н.В. Яковенко, Р.В. Тен, И.В. Комов, О.В. Диденко // Юг России: экология, развитие. 2021. Т. 16, № 1(58). DOI 10.18470/1992-1098-2021-1-110-116.
4. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. URL: <https://voronezhstat.gks.ru/>.

N.V. Yakovenko

FERTILITY IN THE VORONEZH REGION AS A REFLECTION OF THE MAIN ISSUES OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION

Abstract. The demographic situation is a reflection of the main trends in social and economic life and can serve as an indicator of the development of the country and its regions. In the Voronezh region there is a decrease in the birth rate and the birth rate remains below the Russian average. The current demographic situation indicates that the mortality rate exceeds the birth rate, as well as the predominance of women in the population with a certain excess in the number of male births. There is an increase in the proportion of the elderly population, an increase in the urban population and migration activity.

Key words: birth rate, Voronezh region, demographic policy measures.

Сведения об авторе

Яковенко Наталия Владимировна, доктор географических наук, профессор, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, дирекция НИИ ИТЛК, n.v.yakovenko71@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
 МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ «ЮГ РОССИИ В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»	
Вольхин Д.А., Швец А.Б., Яковлев А.Н. «ФАКТОР МОРЯ» В НИЗОВОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЙОНИРОВАНИИ КРЫМСКОГО РЕГИОНА.....	5
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. ЮЖНЫЙ ВЕКТОР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ТРЕНД И ЕГО МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ.....	9
Краснокутская Н.С. ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	13
Щитова Н.А., Соловьев И.А., Зольникова Ю.Ф. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И ДАГЕСТАНА.....	19
 МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАНЕЛИ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ «ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»	
Зырянов А.И. ФОРМУЛА МЕСТА.....	25
Коломак Е.А. АГЛОМЕРАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	30
Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. «ГЕОГРАФИЯ СООБЩЕНИЙ» КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ).....	33
Миненкова В.В. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ПРОДУКТ В КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА.....	38
Потоцкая Т.И. ПЕРСПЕКТИВЫ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ КЕЙСОВ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ТУРИСТСКОМ ЛАНДШАФТЕ РЕГИОНА.....	42
Преображенский Ю.В. СЛОЖНАЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	48
Чистобаев А.И. СОПРЯЖЕННОСТЬ МЕДИКО-ТУРИСТИЧЕСКОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЙ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ	53

**МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАНЕЛИ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. АРКТИЧЕСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ МАРШРУТ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	60
Бабурин В.Л. ВОЗДЕЙСТВИЕ КЛИМАТА НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН И РЕГИОНОВ РОССИИ).....	64
Безруков Л.А. ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	70
Белозеров В.С., Есикова В.О., Сопнев Н.В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	74
Бочарников В.Н. РОССИЙСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	80
Гомбоев Б.О., Батомункуев В.С., Цыбикова А.Б., Жамьянов Д.Ц.-Д., Шаралдаев Б.Б., Бадмаев А.Г., Зангеева Н.Р., Мотошкина М.А., Рыгзынов Т.Ш., Норбоева Б.С., Банзаракцаев З.Е., Лыгденова А.Б., Алексеев А.В., Бадмаева А.С., Ульзетуева А.Д. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАССЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	85
Житин Д.В. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВИД ТУРИЗМА В РФ.....	89
Земцов С.П. ФАКТОРЫ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ.....	95
Катровский А.П. МАЛЫЕ ГОРОДА В ПРИГРАНИЧНЫХ С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ РЕГИОНАХ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СЖАТИЕ.....	99
Максимов Д.В., Евстафьев А.И., Сапожникова Т.Ю. ГЕОГРАФИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	107
Фартышев А.Н. ГЕОГРАФИЯ ДРУЖЕСТВЕННОСТИ-ВРАЖДЕБНОСТИ СТРАН МИРА ОТНОСИТЕЛЬНО РОССИИ И СИБИРИ В ЧАСТНОСТИ.....	115
Федоров Г.М., Зверев Ю.М. РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ НА БАЛТИКЕ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	120
Чугунова Н.В. МЕТАМОРФОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СВО.....	124

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЙ

СЕКЦИЯ 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андреев М.В., Диденко Д.Ю.

ЛОКАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ..... 130

Борисенко М.А.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ..... 133

Бэк Е., Дорофеева Л.А., Шадрин А.И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЦЕЛЯХ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ..... 137

Голубченко И.В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 141

Грибанова Г.И.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АРКТИКЕ 145

Гусаков Т.Ю.

МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 149

Закиров И.В., Аникина М.Л.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ..... 155

Захаров И.А.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ..... 159

Макар С.В.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС РОСТА КАК ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА РОССИИ: О КОМПОНЕНТАХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ..... 163

Михеева Н.М., Хальчевский Д.Н.

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНДИИ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ..... 165

Нагиев С.К., Байрамов И.А.

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ИХ РАССЕЛЕНИЕ..... 171

Окунев И.Ю., Шестакова М.Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАВОРИТИЗМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ..... 175

Степанов А.В., Бурнасов А.С., Илюшкина М.Ю., Джунусова С.С.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ «ШТАНДОРТНОГО» ФАКТОРА В РАЗМЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ..... 179

Размахнина Ю.С. ДИНАМИКА ИТОГОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ (2003–2021) В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА.....	183
Шатило Д.П. ГЕОГРАФИЯ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛИЦАХ.....	188
Шерин Е.А. СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ «НЕДРУЖЕСТВЕННОСТИ».....	191
Юрьев К.П. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОГЕОПОЛИТИКИ КАК НОВОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ.....	194

СЕКЦИЯ 2 ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Бадина С.В., Богатова Д.М., Огородов С.А. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ДЛЯ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАРСКОГО И ПЕЧОРСКОГО МОРЕЙ ВСЛЕДСТВИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ....	199
Жирма В.В., Сакаева Е.Р., Кочурова Д.Г. РОЛЬ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХ КУРОРТОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В РАЗВИТИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.....	204
Жирнова Л.С. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ.....	208
Кашин А.А. АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....	212
Ковалев Ю.Ю., Полуэктова Е.А. НИЗКОУГЛЕРОДНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕКТОРА ЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	216
Колдобская Н.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМЫ 5 ЛЕТ СПУСТЯ.....	220
Комов И.В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	224
Коровин Г.Б. ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ	229
Кравченко Н.А., Юсупова А.Т. СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ НАУЧНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	233
Макушин М.А. ЛОГИСТИКА РИТЕЙЛЕРОВ В РОССИИ: НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ.....	238
Малов В.Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. КОЛОСОВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИЗОПП СО РАН (1964-2024 гг.).....	242

Мезенцева Е.С. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	246
Нагалецкий Ю.Я., Бекух З.А. ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ НА ТЕРРИТОРИИ Г. КРАСНОДАРА.....	251
Павлов К.В., Асадуллина Н.Р. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ КАК ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	255
Петухова Н.К. ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИЙ К ШОКАМ 2014-2022 ГГ. НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ.....	258
Савельев П.С., Савельева П.Б., Бондарчук Е.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СУВЕРЕНИТЕТА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ- ПЕТЕРБУРГА).....	263
Сёмин П.О. КОНСОЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ГЕОПРИВЯЗАННОГО НАБОРА ДАННЫХ О СУБЪЕКТАХ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА БАЗЕ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ.....	267
Скобеев Н.М. ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА ИХ УЧЕТА НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.....	271
Тебиева Д.И. ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОКАВКАЗСКОЙ ПЕРЕВАЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	277
Туова Т.Г. ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИК ЮГА РОССИИ И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	281
Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ УЗБЕКИСТАНА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЕГО НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	286
Федоров В.Н. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ.....	294
Юмагузин В.В., Винник М.В. ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ – 2020.....	299

СЕКЦИЯ 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЁ ОБЩЕСТВЕННО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баринаева В.А., Земцов С.П. ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ РОССИИ ДЛЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ.....	304
Биктимиров Н.М., Булатова Г.Н., Мустафин М.Р. ОЦЕНКА МИГРАЦИОННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	308

Богатуров Д.С. РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛЬЕФА МЕСТНОСТИ.....	313
Валеева О.В. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СИБИРИ.....	317
Горбанёв В.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ.....	321
Даньшин А.И. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЕМКОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛАРУСЬЮ РЕГИОНОВ РОССИИ И РОЛЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	328
Жиренко Г.Н., Овсянников Е.И. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ.....	331
Крупко А.Э. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	335
Лекомцев А.Л. ПРОГНОЗ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	340
Лялина А.В., Аникович А.Г. МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ЦЕНЫ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	344
Мамонова А.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ.....	353
Морковская Д.Н. СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	358
Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., Сазонова Г.В. К ВОПРОСУ О ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	361
Пермяков М.А. БАСЕЙНОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РИСУНКА РАССЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	367
Сазонова Н.В., Рябов В.А., Сазонова О.А. МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	373
Сакаев В.Т. МЕГАПОЛИСЫ В ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ.....	377
Супрунчук И.П. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТИВНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ФУТБОЛЕ В XXI ВЕКЕ.....	381
Тюрин А.Н. МЕГАПОЛИСЫ В ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ.....	386
Урбанова Ч.Б., Гончиков Ц.Д., Цыденов Б.Б. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	390

Федорова А.С. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ.....	395
Яковенко Н.В. РОЖДАЕМОСТЬ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.....	398

Научное издание

МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ПРИОРИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(XV научная Ассамблея АРГО)

Материалы Международной научной конференции
Том I

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 05.07.2024 г. Выход в свет 22.07.2024 г.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 5736.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.